БИБЛІОТЕКА ЖЕНСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
4276
Пров. 50

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1896 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LX.

ОНЕЖСКІЯ БЫЛИНЫ,

ЗАПИСАННЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ѲЕДОРОВИЧЕМЪ

ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ

ЛѢТОМЪ 1871 ГОДА.

Пров. 50

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ ОНЕЖСКИХЪ РАПСОДОВЪ И НАПѢВАМИ БЫЛИНЪ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, мартъ 1896 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

III.

КИЖИ.

XVI. **Рябининъ**, Трофимъ Григорьевичъ.

73. — Вольга и Микула. 5
74. — Илья и Соловей разбойникъ 11
75. — Илья Муромецъ и Калинъ царь. 19
76. — Илья Муромецъ въ ссорѣ со Владиміромъ 38
77. — Илья Муромецъ и дочь его 41
78. — Добрыня и Маринка . . . 52
79. — Добрыня и Змѣй. 55
80. — Добрыня и Василій Казиміровъ 70
81. — Дунай. 100
82. — Михайло Потыкъ 114
83. — Иванъ Годиновичъ. . . . 116
84. — Хотенъ Блудовичъ. . . . 122
85. — Дюкъ. 128
86. — Сорокъ калѣкъ 145
87. — Королевичи изъ Крякова . 147
88. — Скопинъ 156
89. — Молодецъ и худая жена . 158
90. — Горе 162

XVII. **Романовъ**, Кузьма Ивановичъ.

91. — Вольга 172
92. — Илья Муромецъ и Калинъ царь. 178
93. — Добрыня и Змѣй. 183
94. — Дунай 185
95. — Императоръ Петръ . . . 195
96. — Сорокъ каликъ 197
97. — Молодецъ и худая жена . 203

XVIII. **Іевлевъ**, Терентій.

98. — Микула Селяниновичъ . . 208
99. — Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣй. 209
100. — Добрыня и Алеша 211
101. — Калика богатырь. 217
102. — Дунай 220
103. — Василій Буслаевичъ . . . 230

XIX. **Сарафановъ**, Андрей Васильевичъ.

104. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 235
105. — Илья Муромецъ и Калинъ царь 238
106. — Илья Муромецъ и Идолище 244
107. — Добрыня и Алеша 245
108. — Дунай. 252
109. — Ставеръ. 258
110. — Смерть Чурилы 264
111. — Гришка Отрепьевъ. . . . 266

XX. **Дьяковъ**, Александръ.

112. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 267

XXI. **Корниловъ**, Семенъ.

113. — Настасья Никулична. . . 271
114. — Илья Муромецъ и Сокольникъ 273
115. — Дюкъ. 276
116. — Василій Игнатьевичъ и Батыга 284
117. — Молодецъ и худая жена . 285

XXII. **Щеголёнокъ**, Василій Петровичъ.

118. — Святогоръ и Добрыня . . 288
119. — Святогоръ и Садко. . . . 297
120. — Первые подвиги Ильи Муромца. 303
121. — Илья Муромецъ и Калинъ царь 315
122. — Добрыня и Маринка . . . 322
123. — Добрыня и Змѣй. 326
124. — Добрыня въ опалѣ. . . . 332
125. — Дунай. 338
126. — Хотенъ Блудовичъ. . . . 345
127. — Чурило 347
128. — Дюкъ. 352
129. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ. 356
130. — Птицы 363

XXIII. **Аксеновъ**, Василій.

131. — Вольга и Микула 368
132. — Добрыня 370
133. — Иванъ Гостиный сынъ. . 371
134. — Два любовника 375

XXIV. **Неклюдина**, Степанида Кононовна.

135. — Иванъ Гостиный сынъ. . 376
136. — Королевичи изъ Крякова. 380
137. — Птицы и звѣри 383

XXV. **Сурикова**, Домна Васильевна.

138. — Илья Муромецъ и Калинъ царь 386
139. — Дунай 397
140. — Ставеръ. 405
141. — Василій Буслаевичъ . . . 412
142. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 420
143. — Гришка Отрепьевъ . . . 424

XXVI. **Дутиковъ**, Николай Филипповъ.

144. — Илья Муромецъ и Идолище 427
145. — Добрыня и Алеша 430
146. — Садко. 435
147. — Королевичи изъ Крякова. 438

XXVII. **Чуковъ**, Абрамъ Евтихіевъ.

148. — Добрыня и Змѣй. 443
149. — Добрыня и Алеша Поповичъ 453
150. — Михайло Потыкъ 466
151. — Ставеръ 476
152. — Дюкъ Степановичъ . . . 488
153. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ. 502
154. — Земскій соборъ 509
155. — Молодецъ и королевна . . 512

XXVIII. **Касьяновъ**, Иванъ Аникіевичъ.

156. — Вольга 517
157. — Добрыня и Змѣй. 523
158. — Михайло Потыкъ 540
159. — Дюкъ. 549
160. — Взятіе Казани. 563
161. — Земскій соборъ 564
162. — Молодецъ и королевна . . 566

XXIX. **Еремѣевъ**, Іевъ.

163. — Добрыня и Маринка . . . 570
164. — Хотенъ Блудовичъ 575
165. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ. 579
166. — Кострюкъ. 584
167. — Братья разбойники и сестра 588

XXX. **Макарова и Пастухова.**

168. — Добрыня и Алеша 590
169. — Ставеръ 598

IV.

ВЫГОЗЕРО.

XXXI. **Никитинъ**, Ѳедоръ.

170. — Илья Муромецъ и Калинъ царь 607
171. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 612
172. — Иванъ Гостиный сынъ. . 621
173. — Сорокъ каликъ 624
174. — Садко. 628
175. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ. 631
176. — Братья разбойники и сестра 637
177. — Горе 639

XXXII. **Захаровъ**, Ѳедоръ.

178. — Илья Муромецъ и Идолище 641
179. — Иванъ Годиновичъ . . . 643
180. — Дюкъ. 647
181. — Василій Игнатьевичъ и Батыга 650
182. — Королевичи изъ Крякова. 654
183. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ. 657
184. — Молодецъ и королевична Литовская. 662

XXXIII. **Батóвъ**, Алексѣй Виссаріоновъ.

185. — Колыванъ богатырь . . . 665
186. — Илья Муромецъ и Идолище 666
187. — Добрыня и Олеша 672
188. — Иванъ Годиновичъ . . . 678
189. — Смерть Чурилы 686

XXXIV. **Лисица**, Елена Алексѣевна.

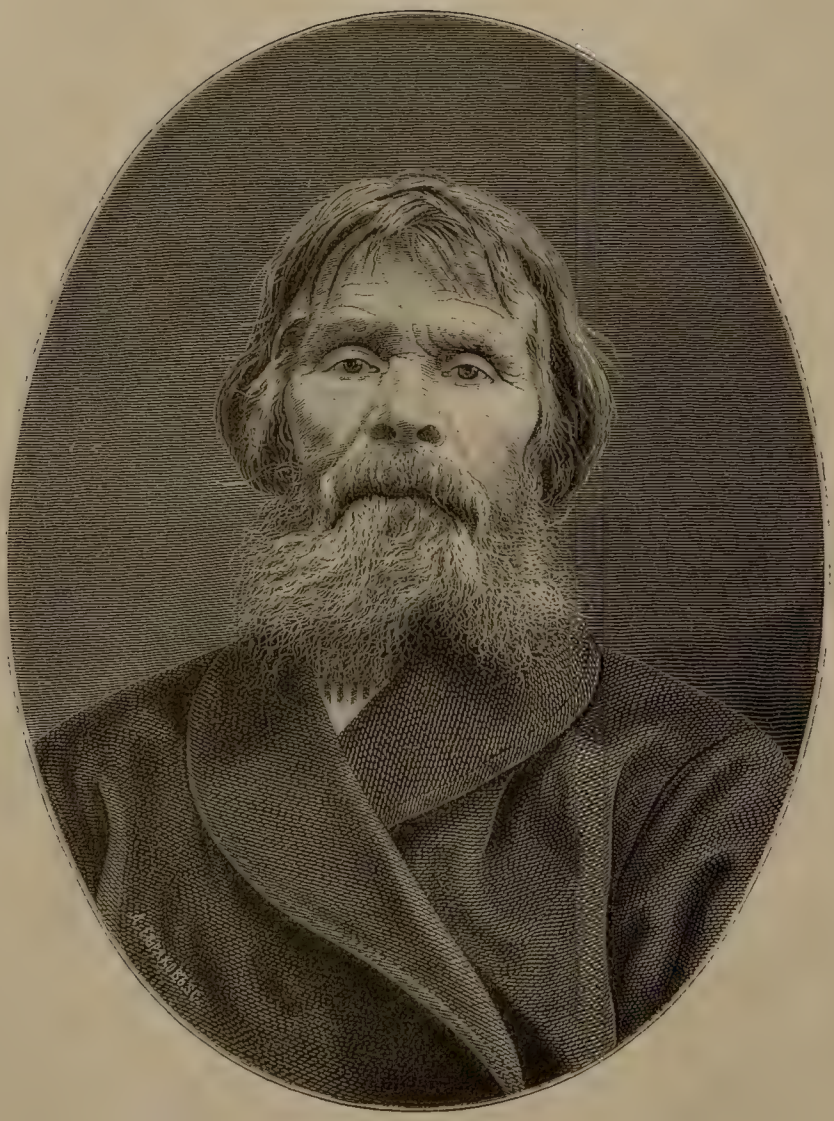
190. — Поѣздки Ильи Муромца . 691
191. — Дунай 695
192. — Данило Игнатьевичъ. . . 698
193. — Кострюкъ. 703

XXXV. **Елисѣевъ**, Иванъ.

194. — Женитьба Добрыни . . . 706

III.

К И Ж И.



Трофимъ Григорьевичъ

РЯБИНИНЪ.

КИЖИ.

XVI.

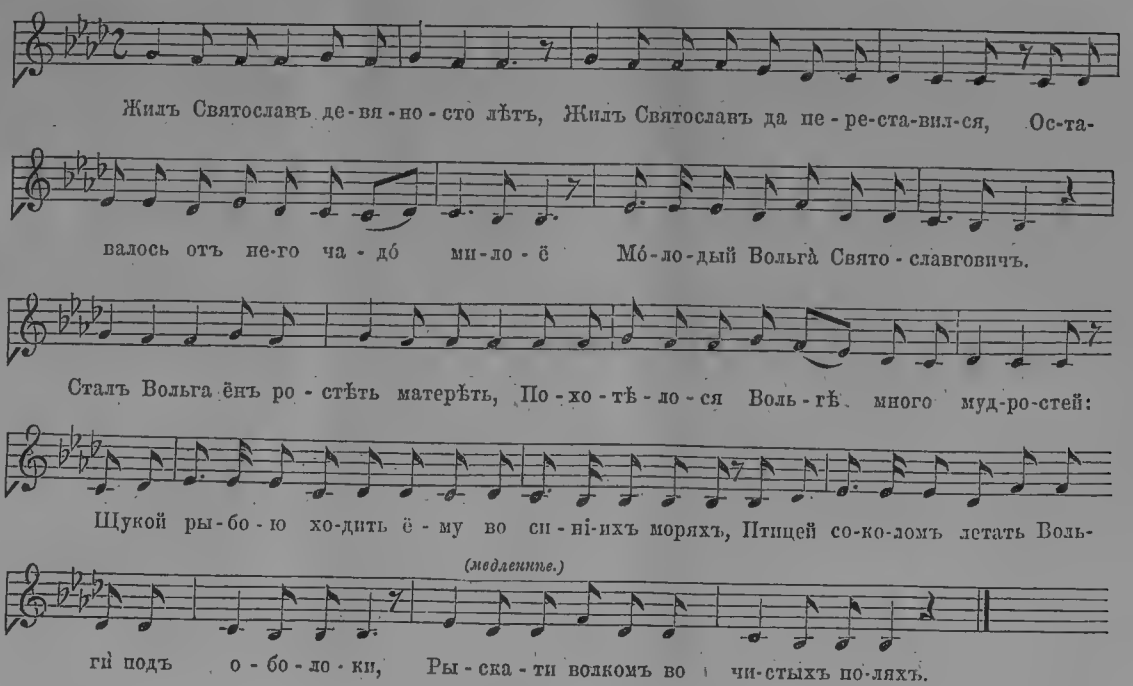
РЯБИНИНЪ.

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, крестьянинъ дер. Серёдки, Кижской волости, 78 лѣтъ отъ роду, еще бодрый старикъ средняго роста, почти безъ сѣдины. Родился въ дер. Га́рницахъ сосѣдняго съ Кижскимъ Сѣнногубскаго погоста. Его отецъ былъ взятъ въ милицію во время Шведской войны (должно быть при Екатеринѣ), когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ. Черезъ годъ послѣ ухода отца на службу, мать умерла, отецъ былъ убитъ на войнѣ. Молодаго Трофима Григорьева воспиталъ «православный мѣръ». Когда подросъ, онъ, чтобы не просить милостыни и не быть въ тягость чужимъ людямъ, сталъ ходить по окрестнымъ деревнямъ чинить сѣтки, ловушки и другія рыболовныя снасти. При этомъ ему случалось работать подолгу вмѣстѣ съ Ильею Елустафьевымъ, бѣднымъ старикомъ съ Волкострова, дер. Шляминской, который, «откачнувшись» отъ своего сына, ходилъ тоже по волостямъ и пропитывался тѣмъ, что «ладилъ» (т. е. мастерилъ) и чинилъ всякаго рода сѣти для рыбной ловли. Этотъ Илья Елустафьевъ (умершій тому назадъ лѣтъ 40, девяноста лѣтъ отъ роду) зналъ очень много былинъ и пѣвалъ ихъ за работой, и Рябининъ многое отъ него «понялъ». Между про-

чимъ, отъ него онъ научился былинамъ про Илью и Калина царя и про Молодца и худую жену. Въ 1812 году онъ поступилъ въ работники въ домъ своего дяди Игнатія Иванова Андреевыхъ (въ дер. Гарницахъ), который по словамъ его былъ самымъ лучшимъ пѣвцомъ былинъ во всемъ ихъ краѣ и превосходилъ даже Елустафьева. Тутъ же жилъ и зять Игнатія Иванова, Василій Софроновъ Сарафановъ (отецъ нынѣшняго сказателя Сарафанова, см. ниже), и былъ тоже мастеръ пѣть былины. Отъ Игнатія Иванова Рябининъ «понялъ» наибольшую часть своихъ былинъ, именно про Вольгу, Илью и Соловья разбойника, Илью узнающаго свою дочь, Дуная, Потыка, королевичей изъ Крякова и Скопина. Былины про Добрыню въ борьбѣ со змѣемъ и про Добрыню въ отъѣздѣ съ Василіемъ Казиміровымъ онъ узналъ еще ранѣе того отъ крестьянина Ивана Агапитова Завьялова, въ Гарницахъ, котораго слышалъ въ дѣтствѣ (Завьяловъ, по словамъ Рябинина, умеръ почти 70 лѣтъ тому назадъ); про Дюка онъ научился отъ старика Ивана Кокойкина, жившаго до 100 годовъ; про Ивана Годиновича отъ крестьянина Ѳедора Трепалина изъ дер. Мигуровъ: у обоихъ послѣднихъ (Кокойкина и Трепалина) ему случалось по временамъ бывать въ работникахъ. 24 лѣтъ отъ роду Рябининъ женился и перешелъ въ домъ тестя въ дер. Серёдку, гдѣ съ тѣхъ поръ живетъ на крестьянствѣ. Но кромѣ хлѣбопашества, главное его занятіе составляла рыбная ловля. Не ограничиваясь промысломъ около дома, онъ разъ 40 на своемъ вѣку ходилъ съ другими крестьянами изъ Заонежья на ловлю въ Ладожское озеро; бывалъ раза два въ Петербургѣ, но на самое короткое время, только для сбыта рыбы. Онъ считается весьма исправнымъ домохозяиномъ, хотя не изъ самыхъ зажиточныхъ. Изъ четырехъ его сыновей двое были взяты въ солдаты и умерли на службѣ; двое живутъ при отцѣ и отчасти переняли отъ него умѣнье пѣть былины. Рябининъ извѣстенъ былъ г. Рыбникову, который записалъ съ его словъ 23 былины (считая въ томъ числѣ отрывки). Въ настоящее время онъ всѣхъ не могъ уже вспомнить. Всѣ

1) Про Вольгу и Микулу (см. № 73, стр. 5).

Довольно скоро.



здѣсь помѣщаемыя былины записаны у него «съ голоса». Пребываніе Рябинина въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ по приглашенію Отдѣленія Этнографіи Русскаго Географическаго Общества, дало случай вновь повѣрить прежнюю запись. Рябининъ разсказывалъ, что онъ слыхалъ отъ стариковъ и разныя другія былины, которыхъ не упомнилъ. Такъ онъ слышалъ, но очень давно, отъ одного старика былину про рагнозерскаго старика Ѳёдора Рахкоя, который ходилъ бороться въ Москву (сравн. былину про Рахту Рагнозерскаго, которая помѣщена выше подъ № 11); отъ вышеупомянутаго Завьялова слышалъ онъ большую былину про Михайлу Потыка, которая, судя по тому, какъ онъ передавалъ ея содержаніе, была сходна съ тою, которую пѣлъ Калининъ о томъ же богатырѣ (см. выше № 6).

73.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(У Рыбникова, т. I, 3).

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ да переставился.
Оставалось отъ него чадо милое
Молодой Вольга̀ Святославговичъ.
Сталъ Вольга ростѣ́ть матерѣ́ть,
Похотѣ́лося Вольги́ да много мудростей:
Щукой рыбою ходить Вольги́ во си́ніихъ моря́хъ,
Птицей соколомъ летать Вольги́ подъ о́болоки́,
Волкомъ и рыскать во чи́стыхъ поля́хъ.
Уходили-то вси рыбушки во глубо́ки моря́,
Улетали вси птички за о́болоки́,
Убѣгали вси звѣри за те́мны лѣса̀.
Сталъ Вольга̀ онъ ростѣ́ть матерѣ́ть
И сбѣ́ралъ соби дружинушку хоробрую,

Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ еще Вольга̀ во тридцятыихъ.
Былъ у него родной дядюшка,
Славныи князь Владыміръ стольно-кіевской;
Жаловалъ его трёма городама всё крестьянамы:
Первыимъ городомъ Гу́рчовцемъ,
Дру́гимъ городомъ Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Онъ поѣхалъ къ городамъ и за получкою
Со своёй дружинушкой хороброю.
Выѣхалъ Вольга̀ во чисто́ поле,
Енъ услышалъ во чисто́мъ поли ратоя;
А оретъ въ поли ратой, пону́киваѐтъ,
А у ратоя-то сошка поскри́пываѐтъ,
Да по камешкамъ омешики прочи́ркиваю̀тъ.
Ѣхалъ Вольга̀ онъ до ратоя,
День съ утра ѣха̀лъ до вечера,
Да не могъ ратоя въ полѣ паѣхати.
А орётъ-то въ поли ратой, пону́киваѐтъ,
А у ратоя сошка поскри́пываѐтъ,
Да по камешкамъ омешики прочи́ркиваю̀тъ.
Ѣхалъ Вольга̀ еще дру́гой день,
Дру́гой день съ утра до па́бѣдья,
Со своей со дружинушкой хороброю.
Енъ паѣхалъ въ чисто́мъ поли ратоя,
А оретъ въ полѣ ратой, пону́киваѐтъ,
Съ края въ край бороздки поме́тываѐтъ,
Въ край онъ уѣдетъ — другаго не́видàть.
То коренья каме́нья выве́ртываѐтъ,
Да великія опъ ка́менья вси въ бо́розду валѝтъ.
У ратоя кобылка соло́венька,
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики у ратоя шелко́выя.

Говорилъ Вольга̀ таковы слова:
«Богъ теби помочь ора́таюшкò,
«А орать да пахать да крестья́новатѝ,
«Съ края въ край бороздки помётыватѝ!»
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Да поди-ко ты, Вольга̀ Святославговичъ!
— Мни-ка надобно Божья́ помочь крестьяновать,
— Съ края въ край бороздки помётывать.
— А и далече ль Вольга̀ ѣдешь, куда пу́ть держѝшь
— Со своею со дружинушкой хороброю? —
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«А ѣду къ городамъ я за получкою,
«Къ первому ко городу ко Гу́рчёвцу,
«Къ дру́гому-то городу къ Орѣховцу,
«Къ третьему городу къ Крестьяновцу».
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
— Да недавно былъ я въ городи, третьяго дни,
— На своей кобылкѣ соловою,
— А привезъ оттуль соли я два́ мѣха̀,
— Два мѣха-то соли привезъ по со́року пу́дъ,
— А живутъ мужики тамъ розбойники,
— Ены просятъ грошёвъ подорожныихъ.
— А я былъ съ шалыгой подорожною,
— А платилъ имъ гроши я подорожныи:
— А кой сто́я стоитъ, тотъ и си́дя сидѝтъ,
— А кой сидя сидитъ, тотъ и ле́жа лежѝтъ [1]). —
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же оратай ора́таюшкò!
«Да поѣдемъ-ко со мною во товарищахъ,
«Да ко тѣмъ къ городамъ за получкою».

---

1) Въ другой разъ Рябининъ вмѣсто «тотъ и лежа лежитъ», пѣлъ: «тотъ и вѣкъ не стоитъ».

Этотъ оратай оратаюшко
Гужики съ сошки онъ повыстенулъ
Да кобылку изъ сошки повы́вернулъ,
А со тою онъ сошки со кленовенькой,
А й оставилъ онъ тутъ сошку кленовую,
Онъ садился на кобылку соловеньку;
Они сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
По славному роздольицу чисту́ полю.
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
— А оставилъ я сошку въ бороздочки....
— Да не гля-ради прохожаго проѣзжаго,
— Ради мужика деревенщины:
— Они сошку съ земельки повыдернутъ,
— Изъ омешиковъ земельку повытряхнутъ,
— Изъ сошки омешики повыколнутъ,
— Мнѣ нечѣмъ будетъ мо́лодцу крестья́новатѝ.
— А пошли ты дружинушку хоробрую,
— Чтобы сошку съ земельки повы́дернулѝ
— Изъ омешиковъ земелька повы́тряхнулѝ,
— Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ. —
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Посылаетъ тутъ два да три добрыхъ мо́лодца
Со́ своей съ дружинушки съ хороброей
Да ко этой ко сошкѣ кленовенькой,
Чтобы сошку съ земельки повы́дернулѝ,
Изъ омешиковъ земельку повы́тряхнулѝ,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Ѣдутъ туды два да три добрыхъ мо́лодца
Ко этой ко сошики кленовоей;
Они сошку за обжи круго́мъ вертятъ,
А имъ сошки отъ зе́мли поднять нельзя,
Да не могутъ они сошку съ земельки повы́дернутѝ,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,

Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ
Онъ своей дружинушки хоробpоей
А ко этóй ко сошкѣ кленовоей.
Пріѣхали оны цѣлымъ десяточкомъ
Ко этой славной ко сошкѣ кленовенькой;
Оны сошку за обжи кружкомъ вертятъ,
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ они сошки съ земельки повы́дернутѝ,
Изъ омешиковъ земельки повы́тряхнутѝ,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольгà Святославговичъ
Посылаетъ всю дружинушку хоробрую,
То онъ тридцать молодцовъ безъ единаго.
Этая дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцовъ да безъ единаго.
А подъѣхали ко сошкѣ кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кружкомъ вертятъ,
Сошки отъ земельки поднять нельзя,
Не могутъ они сошки съ земельки повы́дернутѝ,
Изъ омешиковъ земельки повы́тряхнутѝ,
Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
Гóворитъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольгà Святославговичъ!
— То не мудрая дружинушка хоробрая твоя,
— А не могутъ оны сошки съ земельки повыдернуть,
— Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
— Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
— Не дружинушка тутъ есте хоробрая,
— Столько одна есте хлѣбоясть. —
Этотъ оратай орáтаюшкò
Онъ подъѣхалъ на кобылкѣ соловенькой
А ко этоей ко сошкѣ кленовенькой,

Бралъ эту сошку одно́й ручкой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Да по славному роздолью чисту́ полю.
А у ратоя кобылка она ры́сью идётъ,
А Вольги́нъ-тотъ конь да поска́киваётъ;
А у ратоя кобылка гру́дью пошла̀,
Такъ Вольги́нъ-тотъ конь оставается.
Сталъ Вольга̀ покры́киватѝ,
Сталъ колпакомъ Вольга̀ пома́хиватѝ,
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Стой-ко постой да ора́таюшко̀!»
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же оратай ора́таюшко̀,
«Эта кобылка конёмъ бы была̀,
«За эту кобы́лку пятьсо́тъ бы далѝ».
Го́воритъ оратай таковы слова:
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ,
— Жеребчикомъ взялъ ю сподъ матушки,
— Заплатилъ я за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конёмъ бы была̀,
— Этой бы кобылки и смѣты пѣтъ. —
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же ты оратай ора́таюшко!
«Какъ-то тобя да именёмъ зовутъ,
«Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ ты Святославговичъ!
— Ржи напа́шу, въ ски́рды складу́,
— Въ скирды складу да домой вы́волочу́,
— Домой выволочу, дома вы́молочу́.
— Драни надеру да то я пи́ва наварю̀,

— Пива наварю, мужичко́въ напою́,
— Станутъ мужички меня покли́кивати́:
— Ай ты мо́лодой Микулушка Селя́ниновичъ! —

Записано въ Кижахъ, дер. Дуткинъ-Наволокъ, 7 іюля; провѣрено въ Петербургѣ, 4 декабря.

74.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 10).

Изъ того ли-то изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачирова,
Выѣзжалъ удаленькой дородній добрый мо́лодецъ,
Онъ стоялъ заутрену во Муромли
А й къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольнёй Кіевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано́-то силушки черны́мъ черно,
А й черны́мъ черно какъ черна во́рона;
Такъ пѣхотою никто тутъ не про́хаживатъ,
На добро́мъ кони никто тутъ не проѣзживатъ,
Птица черной воронъ не пролетыватъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватъ.
А подъѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей,
Онъ какъ сталъ-то эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да сталъ копьёмъ колоть,
А й побилъ онъ эту силу всю великую.
Ёнъ подъѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ
Выходили мужички да тутъ черниговски
Й отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
А й зовутъ его въ Черниговъ воеводою.

Говоритъ-то имъ Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы Черниговски!
«Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
«Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ».
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькой дородній добрый молодецъ,
— Ай ты славныя богáтырь святоруськія!
— Прямоѣзжая дорожка заколóдѣла,
— Заколодѣла дорожка, замуравѣла,
— А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
— Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— На добрóмъ кони никто да не проѣзживалъ:
— Какъ у той ли-то у грязи-то у Черпоей,
— Да у той ли у березы у покляпыя,
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Сúди Солóвей розбойникъ во сырóмъ дубу,
— Сúди Сóловей розбойникъ Одúхмантьевъ сынъ,
— А то свищетъ Сóловей да по солóвьему
— Ёнъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному
— Й отъ него ли-то отъ пóсвисту сóловьяго,
— Й отъ него ли-то отъ пóкрыку звѣринаго,
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвы́ лежатъ.
— Прямоѣзжею дороженькой пятьсотъ есть верстъ,
— А й окольноёй дорожкой цѣла тысяща. —
Онъ спустилъ добрá коня да й богатырскаго,
Онъ поѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею.
Ёго добрый конь да богатырскія
Съ горы на гору сталъ перескакивать,
Съ холмы нá холму сталъ перемахивать,

Мелки рѣченки, озерка промежъ ногъ спущалъ.
Подъѣзжаетъ онъ ко рѣчкѣ ко Смородинки,
Да ко тоей онъ ко Грязи онъ ко Черноей,
Да ко тою ко березы ко покляпыя,
Къ тóму славному кресту ко Леванидову.
Засвисталъ-то Сóловей да й по солóвьему
Закрычалъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
Такъ всѣ травушки муравы уплеталися,
Да й лазуревы цвѣточки отсыпалися,
Темны лѣсушки къ землѣ вси приклонилися.
Его добрый конь да богатырскіи
А онъ на корзни́ *(такъ)* да потыкается;
А й какъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Беретъ плеточку шелкóвую въ бѣлу́ руку,
А онъ бплъ коня а по крутымъ ребрамъ;
Говорилъ-то онъ Илья да таковы слова:
«Ахъ ты волчья сы́ть да й травяной мѣшокъ!
«Али ты итти не хошь али нести не мошь?
«Что ты на корзни́ собака потыкаешься?
«Не слыхалъ ли посвисту солóвьяго,
«Не слыхалъ ли покрыку звѣринаго,
«Не видалъ ли ты удáровъ богатырскіихъ?»
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Да беретъ-то онъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
Во свои беретъ во бѣлы онъ во ручушки,
Ёнъ тетивочку шелковеньку натягивалъ
А онъ стрѣлочку каленую накладывалъ,
То онъ стрѣлилъ въ тóго Сóловья розбойника,
Ёму выбилъ право око со косичею.
Ёнъ спустилъ-то Сóловья да на сыру землю,
Пристегнулъ его ко правому ко стремечки булатнему,
Енъ повезъ его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнѣздышкó повезъ да Соловьиное.
Во томъ гнѣздышкѣ да Соловьиноемъ

А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыихъ;
Бо́льша дочка эта смотритъ во окошечко косевчато,
Говоритъ ёна да таковы слова:
— Ѣдетъ-то нашъ батюшко чисты́мъ полемъ,
— А сидитъ-то на добро́мъ кони,
— Да везетъ ёнъ мужичища деревенщину,
— Да у праваго у стремени прикована. —
Поглядѣла его дру́га дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Ѣдетъ батюшко роздольицемъ чисты́мъ полемъ
«Да й везетъ онъ мужичища деревенщину,
«Да й ко правому ко стремени прикована».
Поглядѣла его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Ѣдетъ мужичищо деревенщина,
— Да й сидитъ мужикъ онъ на добро́мъ кони,
— Да й везетъ-то наша батюшка у стремени,
— У булатняго у стремени прикована.
— Ему выбито то право око со косичею. —
Говорила то й она да таковы слова:
— Ай же мужевья наши любимыи!
— Вы берите-тко рогатины звѣриныи,
— Да бѣжите-тко въ роздольице чисто́ поле
— Да вы бейте мужичища деревенщину. —
Эти мужевья да ихъ любимыи,
Зятевья то-есть да Соловьиныи,
Похватали какъ рогатины звѣриныи
Да и бѣжали-то оны да й во чисто́ поле
Ко тому ли къ мужичищу деревенщинѣ,
Да хотятъ убить-то мужичища деревенщину.
Говоритъ имъ Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
«Ай же зятевья мои любимыи!
«Побросайте-тко рогатины звѣриныи,

«Вы зовите мужика да деревенщину,
«Въ свóё гнѣздышко зовите Соловьиное,
«Да кормите ѐго ѣствушкой сахарною,
«Да вы пойте ѐго питьицемъ медвяныимъ,
«Да й дарите ѐму дáры драгоцѣнные».
Эты зятевья да Соловьиныи
Побросали-то рогатины звѣриныи
А й зовутъ-то мужика да й деревенщину
Во то гнѣздышко да Соловьиное;
Да й мужик-отъ деревенщина не слушатся,
А онъ ѣдетъ-то по славному чисту́ полю,
Прямоѣзжею дорожкой въ стольнёй Кіевъ градъ.
Енъ пріѣхалъ-то во славный стольнёй Кіевъ градъ
А ко славному ко князю на широкой дворъ.
А й Владыміръ князь онъ вышелъ со Божьёй церквы,
Онъ пришолъ въ полату бѣлокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Оны сѣли ѣсть да пить да хлѣба кушати,
Хлѣба кушати да пообѣдати.
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Становилъ коня да посерёдъ двора,
Самъ идетъ онъ во полаты бѣлокаменны,
Проходилъ онъ во столовую во горенку,
На́ пяту онъ дверь-ту порозмахивалъ,
Крест-отъ клалъ ёнъ по писа́ному,
Велъ поклоны по учёному,
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю́ Владыміру въ особину,
Еще всимъ его князьямъ онъ подколѣннымъ.
Тутъ Владыміръ князь сталъ мо́лодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дородній добрый мо́лодецъ,
— То́бе какъ-то молодца да именéмъ зовутъ,
— Звеличаютъ удала́го по отечеству? —
Говорилъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:

«Есть я съ славнаго изъ города изъ Муромля,
«Изъ того села да съ Карачирова,
«Есть я старыя казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ».
Говоритъ ему Владыміръ таковы слова:
— Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Да й давно ли ты повыѣхалъ изъ Муромля
— И которою дороженкой ты ѣхалъ въ стольнёй Кіевъ градъ? —
Говорилъ Илья онъ таковы слова:
«Ай ты славныя Владыміръ стольнё-кіевской!
«Я стоялъ заутрену христовскую во Муромли,
«А й къ обѣденки поспѣть хотѣлъ я въ стольнёй Кіевъ градъ,
«То моя дорожка призамѣшкалась;
«А я ѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею,
«Прямоѣзжею дороженкой я ѣхалъ мимо-то Черниговъ градъ,
«Ѣхалъ мимо эту Грязь да мимо Черную,
«Мимо славну рѣченку Смородину,
«Мимо славную березу-ту покляпую,
«Мимо славный ѣхалъ Леванидовъ крестъ».
Говорилъ ему Владыміръ таковы слова:
— Ай же мужичищо деревенщина,
— Во глазахъ мужикъ да подлыгаешься,
— Во глазахъ мужикъ да насмѣхаешься!
— Какъ у славнаго у города Чернигова
— Нагнано̀ тутъ силы много множество,
— То пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— И на добро̀мъ конѣ никто да не проѣзживалъ,
— Туды сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ,
— Птица черный воронъ не пролетывалъ;
— А у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
— Да у славноёй у рѣчки у Смородины,
— А й у той ли у березы у покляпою,

— У того креста у Левапидова,
— Соловéй сидитъ розбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— То какъ свищетъ Сóловей да по солóвьему,
— Какъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— А лазуревы цвѣтки прочь отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвó лежатъ. —
Говорилъ ему Илья да таковы слова:
«Ты Владымiръ князь да стольнё-кіевской!
«Соловей розбойникъ на твоемъ двори,
«Ему выбито вѣдь право око со косичею,
«Й онъ ко стремени булатнему прикованой».
То Владымiръ князь-отъ стольнё-кіевской
Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвы́ ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
То онъ шапочку соболью на одно ушко,
Онъ выходитъ-то на свой-то на широкой дворъ
Посмотрѣть на Сóловья розбойника.
Говорилъ-то вѣдь Владымiръ князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Сóловей, ты по солóвьему
— Закрычи-тко ты, собака, по звѣриному. —
Говорилъ-то Сóловей ему розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
«Не у васъ-то я сегодня, князь, обѣдаю,
«А не васъ-то я хочу да и послушати,
«Я обѣдалъ-то у стараго казáка Ильи Муромца,
«Да его хочу-то я послушати».
Говорилъ-то какъ Владымiръ князь да стольнё-кіевской:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать ты Сóловью да й по солóвьему,
— Прикажи-тко закрычать да по звѣриному. —
Говорилъ Илья да таковы слова:
«Ай же Сóловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ!
«Засвищи-тко ты во пóлъ-свисту солóвьяго,

«Закрычи-тко ты во по́лъ-крыку звѣ́ринаго».
Говорилъ-то ёму Со́ловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
— Мои рапочки кровавы запечатались,
— Да не ходятъ-то мои уста саха́рніи,
— Не могу я засвистать да й по соло́вьеву
— Закрычать-то не могу я по звѣ́риному.
— А й вели-тко князю ты Владыміру
— Налить чару мни да зелена́ вина,
— Я повыпью-то какъ чару зелена́ вина,
— Мои раночки кровавы порозбо́йдутся
— Да й уста мои сахарни поросходятся,
— Да тогда я засвищу да по соло́вьему,
— Да тогда я закрычу да по звѣ́риному. —
Говорилъ Илья-тотъ князю онъ Владыміру:
«Ты Владыміръ князь да стольпё-кіевской!
«Ты поди въ свою столовую во горенку,
«Наливай-ко чару зелена́ вина,
«Ты не малую стопу да полтора ведра,
«Подноси-тко къ Со́ловью къ розбойнику».
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ скоренько шолъ въ столову свою горенку,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
Да не малу онъ стопу да полтора́ ведра,
Розводилъ медами онъ стоялыма,
Приносилъ-то ёнъ ко Со́ловью розбойнику.
Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
Выпилъ чарочку-ту Соловей одны́мъ духомъ,
Засвисталъ какъ Соловей тутъ по соло́вьему,
Закрычалъ розбойникъ по звѣ́риному,
Маковки на теремахъ покри́вились
А око́ленки во теремахъ розсыпались
Отъ него отъ посвисту соловьяго,

А что есть-то людюшокъ, такъ вси мертвы́ лежатъ;
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Куньей шубонькой онъ укрывается.
А й тутъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Онъ скорешенько садился на добра́ копя,
А й онъ везъ-то Со́ловья да во чисто́ поле,
Й онъ срубилъ ему да буйну голову.
Говорилъ Илья да таковы слова:
«Тоби полно-тко свистать да по соло́вьему,
«Тоби полно-тко крычать да по звѣриному,
«Тоби полно-тко слезить да отцей-ма́терей,
«Тоби полно-тко вдовить да женъ моло́дыихъ,
«Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малыхъ дѣтушокъ».
А тутъ Со́ловью ему й славу́ поютъ,
А й славу́ поютъ ему вѣкъ по́ вѣку.

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

75.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Порозгнѣвался на стараго каза́ка Илью Муромца,
Засадилъ его во погребъ во холодныи
Да на три-то году по́ры времени.
А у славнаго у князя у Владыміра
Была дочь да одинакая,
Она видитъ: это дѣло есть немалое,
А что посадилъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Стараго каза́ка Илью Муромца
Въ тотъ во погребъ во холодныи;
А онъ могъ бы постоять одинъ за вѣру за отечество,
Могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви за соборныи,

Могъ бы поберечь онъ князя да Владыміра,
Могъ бы поберечь Опраксу королевичну.
Приказала сдѣлать да ключи поддѣльные,
Положила-то людей да потаенныихъ,
Приказала-то на погребъ на холодныи
Да снести перины да подушечки пуховыи,
Одѣяла приказала снéсти теплыи,
Ена ѣствушку поставить да хорошую,
И одежу смѣнятъ съ нова нá ново
Тому старому казáку Ильѣ Муромцу.
А Владыміръ князь про то не вѣдаётъ.
И воспылалъ-то тутъ собака Кáлинъ царь на Кіевъ градъ
И хотúтъ ёнъ рóзорить да стольній Кіевъ градъ,
Чернедь-мужичковъ онъ всѣхъ повырубить,
Божьи церквы всѣ на дымъ спустить,
Князю-то Владыміру да голова срубить
Да со той Опраксой королевичной.
Посылаетъ-то собака Калинъ царь посланника,
А посланника во стольній Кіевъ градъ,
И даетъ ему ёнъ грамоту посыльную
И посланнику-то онъ наказывалъ:
«Какъ поѣдешь ты во стольній Кіевъ градъ,
«Будешь ты посланникъ въ стольнеёмъ во Кіевѣ
«Да у славнаго у князя у Владыміра,
«Будешь на него на широкóмъ дворѣ
«И сойдешь какъ тутъ ты со добрá коня,
«Да й спущай коня ты на посыльной дворъ,
«Самъ поди-тко во полату бѣлокаменну,
«Да пройдешь полатой бѣлокаменной,
«Да й войдешь въ его столовую во горенку,
«На пятýю ты дверь да порозмахивай,
«Не снимай-ко кивéра съ головушки,
«Подходи-ко ты ко столику къ дубовому,
«Становись-ко супротúвъ князя Владыміра,

«Полагай-ко грамоту на зóлотъ столъ,
«Говори-тко князю ты Владыміру:
««Ты Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
««Ты бери-тко грамоту посыльную
««Да смотри, что въ грамотѣ написано,
««Да гляди, что въ грамотѣ да напечатано;
««Очищай-ко ты всѣ улички стрѣлецкіи,
««Всѣ великіе дворы да княженецкіи,
««По всему-то городу по Кіеву,
««А по всѣмъ по улицамъ широкіимъ
««Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ
««Настáвь сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ,
««Чтобъ стояли бочка о бочку близко-пó-близку,
««Чтобы было у́ чего стоять собакѣ царю Калину
««Со своими-то войскамы со великима
««Во твоемъ во городѣ во Кіевѣ»».
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Бралъ-то книгу онъ посыльную,
Да и грамоту ту роспечатывалъ,
И смотрѣлъ, что въ грамотѣ написано,
И смотрѣлъ, что въ грамотѣ да напечатано,
А что велѣно очистить улицы стрѣлецкіи
И большіе двóры княженецкіе,
Да наставить сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ
А по всѣмъ по улицамъ широкіимъ
Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Видитъ: есть этò дѣлò немалое,
А немало дѣло-то, великое,
А садился-то Владыміръ князь да на черленый стулъ.
Да писалъ-то вѣдь онъ грамоту повинную:
— Ай же ты собака да и Калинъ царь!
— Дай-ко мнѣ ты пòры времечки на три́ году,
— На три гóду дай и на три мѣсяца,

— На три мѣсяца да е́ще на три дня,
— Мнѣ очистить улицы стрѣлецкіи,
— Всѣ великіе дворы да княженецкіи,
— Накурить мнѣ сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ
— Да й наставить по всему-то городу по Кіеву
— Да й по всѣмъ по улицамъ широкіимъ,
— По всимъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ.—
Отсылаетъ эту грамоту повинную,
Отсылаетъ ко собакѣ царю Калину;
А й собака тотъ да Калинъ царь
Далъ ему онъ по̀ры времечки на три́ году,
На три го́ду далъ и на три мѣсяца,
На три мѣсяца да е́ще на три дня.
Еще день за день вѣдь какъ и дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло по̀ры времечки да три́ году,
А три го́ду да три мѣсяца,
А три мѣсяца и е́ще три-то дня;
Тутъ подъѣхалъ вѣдь собака Калинъ царь,
Онъ подъѣхалъ вѣдь подъ Кіевъ градъ
Со своими со войскамы со великима.
Тутъ Владиміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ по горенки да ста́лъ похаживать,
Съ ясныхъ очушокъ онъ ронитъ слёзы вѣдь горючіи,
Шелковы́мъ платкомъ князь утирается,
Говоритъ Владиміръ князь да таковы слова:
«Нѣтъ жива́-то стараго каза́ка Ильи Муромца,
«Не́кому стоять теперь за вѣру за отечество,
«Не́кому стоять за церквы вѣдь за Божіи,
«Некому стоять-то вѣдь за Кіевъ градъ,
«Да вѣдь некому сберечь князя̀ Владиміра
«Да и той Опраксы королевичной!»
Говоритъ ему любима дочь да таковы слова:
— Ай ты батюшко Владиміръ князь нашъ стольнё-кіевской!

— Вѣдь есть живъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ,
— Вѣдь онъ живъ на погребѣ холодноемъ. —
Тутъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Онъ скорешенько беретъ да золоты ключи
Да идетъ на погребъ на холодныи,
Отмыкаетъ онъ скорепько погребъ да холодныи
Да подходитъ ко рѣшоткамъ ко желѣзныимъ,
Растворилъ-то онъ рѣшотки да желѣзныи.
Да тамъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ во погребѣ сидитъ-то, самъ не ста́рится;
Тамъ перинушки подушечки пуховыи,
Одѣяла сне́сены тамъ теплыи,
Ѣствушка поставлена хорошая,
А одежица на немъ да жи́ветъ смѣнная.
Ёнъ беретъ его за ручу́шки за бѣлыи,
За его за перстни за злаченыи,
Выводилъ его со погреба холоднаго,
Приводилъ его въ полату бѣлокаменну,
Становилъ-то онъ Илью да супроти́въ себя,
Цѣловалъ въ уста его саха́рніи,
Заводилъ его за столики дубовыи,
Да садилъ Илью-то ёнъ подли́ себя,
И кормилъ его да ѣствушкой саха́рнею,
Да поилъ-то пи́тьицемъ медвяныимъ,
И говорилъ-то онъ Ильѣ да таковы слова:
«Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Нашъ-то Кіевъ градъ нынь въ полону стоитъ,
«Обошолъ собака Калинъ царь нашъ Кіевъ градъ
«Со своима со войскамы со великима.
«А постой-ко ты за вѣру за отечество,
«И постой-ко ты за славный Кіевъ градъ,
«Да постой за матушки Божьи́ церквы,
«Да постой-ко ты за князя за Владыміра
«Да постой-ко за Опраксу королевичну!»

Такъ тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Выходилъ онъ со полаты бѣлокаменной,
Шолъ по городу онъ да по Кіеву,
Заходилъ въ свою полату бѣлокаменну,
Да спросилъ-то какъ онъ па́робка любимаго,
Шолъ со паробкомъ да со любимымъ
А на свой на славный на широкій дворъ,
Заходилъ онъ во конюшенку въ стоялую,
Посмотрѣлъ добра коня онъ богатырскаго.
Говорилъ Илья да таковы слова:
— Ай же ты мой паробокъ любимыи,
— Вѣрный ты слуга мой безызмѣнныи,
— Хорошо держалъ моёго коня ты богатырскаго! —
Цѣловалъ его онъ во уста саха́рніи,
Выводилъ добра́ коня съ конюшенки стоялыи
А й на тотъ па славныи на широкій дворъ.
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Сталъ добра́ коня тутъ онъ засѣдлывать;
На коня накладываетъ потничекъ,
А на потничекъ накладываетъ войлочекъ,
Потничекъ онъ клалъ да вѣдь шелковенькой,
А на потничекъ подкладывалъ подпотничекъ,
На подпотничекъ сѣделко клалъ черкасское,
А черкасское сѣдёлышко недержано,
И подтягивалъ двѣнадцать подпруговъ шелко́выихъ,
И шпилёчики онъ втягивалъ булатніи,
А стремяночки покладывалъ булатніи,
Пряжечки покладывалъ онъ краспа золота,
Да не для красы угожества,
Ради крѣпости все богатырскоей:
Еще подпруги шелковы тянутся, да ѳны не́ рвутся,
Да булатъ желѣзо гнется, не ломается,
Пряжечки-ты краспа золота
Онѣ мокнутъ, да не ржавѣютъ.

И садился тутъ Илья да на добра́ коня,
Бралъ съ собой доспѣхи крѣпки богатырскіи,
Во-первы́хъ бралъ палицу булатнюю,
Во-вторыхъ бралъ ко́пье боржамецкое,
А еще бралъ свою саблю вострую,
А йще бралъ шалыгу подорожную,
И поѣхалъ онъ изъ города изъ Кіева.
Выѣхалъ Илья да во чисто́ поле
И подъѣхалъ онъ ко во́йскамъ ко татарскіимъ
Посмотрѣть на во́йска на татарскіи:
Нагнано́-то силы много множество,
Какъ онъ покрыку отъ человѣчьяго,
Какъ отъ ржанья лошадинаго
Унываетъ сердце человѣческо.
Тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Не могъ ко́нца краю силушкѣ наѣхати.
Онъ повыскочилъ на гору на высокую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
Посмотрѣлъ на силушку татарскую,
Ко́нца краю силы насмотрѣть не могъ.
И повыскочилъ онъ на́ гору на дру́гую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
Ко́нца краю силы насмотрѣть не могъ.
Онъ спустился съ той со го́ры со высокіи,
Да онъ ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю
И повыскочилъ на третью гору на высокую,
Посмотрѣлъ-то подъ восточную вѣдь сторону,
Насмотрѣлъ онъ подъ восточной сто́роной,
Насмотрѣлъ онъ тамъ шатры́ бѣлы
И у бѣлыихъ шатровъ-то кони богатырскіи.
Онъ спустился съ той съ горы высокіи
И поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Пріѣзжалъ Илья къ шатрамъ ко бѣлыимъ,

Какъ сходилъ Илья да со добра́ коня
Да у тыхъ шатровъ у бѣлыихъ
А тамъ сто́ятъ кони богатырскіи,
У того ли по́лотна стоя́тъ у бѣлаго,
Они зоблютъ-то пшену да бѣлоярову.
Говоритъ Илья да таковы слова:
«Поотвѣдать мнѣ-ка счастія великаго».
Онъ накинулъ поводы шелко́выи
На добра́ коня да й богатырскаго
Да спустилъ коня ко по́лотну ко бѣлому:
«А й допустятъ ли-то кони богатырскіи
«Моего коня да богатырскаго
«Ко тому ли по́лотну ко бѣлому
«Позобать пшену да бѣлоярову?»
Его добрый конь идетъ-то грудью къ по́лотну,
А идетъ зобать пшену да бѣлоярову;
Старыя казакъ да Илья Муромецъ
А идетъ ёнъ да во бѣлъ шатёръ.
Приходитъ Илья Муромецъ во бѣлъ шатёръ;
Въ томъ бѣло́мъ шатри двѣнадцать-то бога́тырей
И бога́тыри всё святорусьскіи,
Они сѣли хлѣба соли кушати
А и сѣли-то они да пообѣдати.
Говоритъ Илья да таковы слова:
«Хлѣбъ да соль, бога́тыри да святорусьскіи
«А и крестный ты мой батюшка
«А й Самсонъ да ты Самойловичъ!»
Говоритъ ему да крестный батюшка:
— А й поди ты крестничекъ любимыи,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
— А садись-ко съ нами пообѣдати. —
И онъ высталъ ли да на рѣзвы́ ноги,
Съ Ильей Муромцемъ да поздоровкались
Поздоровкались они да цѣловалися,

Посадили Илью Муромца да за единый столъ
Хлѣба соли да покушати.
Ихъ двѣнадцать-то богáтырей,
Илья Муромецъ да онъ тринадцатый.
Óны пóѣли, попúли, пообѣдали,
Выходили зъ-за стола изъ-за дубоваго,
Они Господу Богу помолилися;
Говорилъ имъ старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Крестный ты мой батюшка Самсонъ Самойловичъ
«И вы русьскiи могучiи богáтыри!
«Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней
«А й садитесь вы да на добрыхъ коней,
«Поѣзжайте-тко да во роздольицо чистó поле,
«А й подъ тотъ подъ славный стольнiй Кiевъ градъ.
«Какъ подъ нашимъ-то подъ городомъ подъ Кiевомъ
«А стоитъ собака Калинъ царь,
«А стоитъ со вóйскамы великима,
«Розорить хотúтъ ёнъ стольнiй Кiевъ градъ,
«Чернедь мужиковъ онъ всѣхъ повырубить,
«Божьи церквы всѣ на дымъ спустить,
«Князю-то Владыміру да со Опраксой королевичной
«Онъ срубить-то хочетъ буйны головы.
«Вы постойте-тко за вѣру за отечество,
«Вы постойте-тко за славный стольнiй Кiевъ градъ
«Вы постойте-тко за церквы-ты за Божiи,
«Вы поберегите-тко князя̀ Владыміра
«И со той Опраксой королевичной!»
Говорúтъ ему Самсонъ Самойловичъ:
— Ай же крестничекъ ты мой любимыiй,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чистó поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,

— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьй церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя Владыміра
— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и пóитъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владыміра. —
Говоритъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
«А й Самсонъ да ты Самойловичъ!
«Это дѣло у насъ будетъ нехорошее,
«Какъ собака Калинъ царь онъ розоритъ да Кіевъ градъ,
«Да онъ чернедь мужиковъ-то всѣхъ повырубитъ,
«Да онъ Божьи церквы всѣ на дымъ спуститъ,
«Да князю Владыміру съ Опраксой королевичной
«А онъ срубитъ имъ да буйныя головушки.
«Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней
«И садитесь-ко вы на добрыхъ коней,
«Поѣзжайте-тко въ чисто́ поле подъ Кіевъ градъ,
«И постойте вы за вѣру за отечество,
«И постойте вы за славный стольній Кіевъ градъ,
«И постойте вы за церквы-ты за Божіи,
«Вы поберегите-тко князя Владыміра
«И со той съ Опраксой королевичной».
Говоритъ Самсонъ Самойловичъ да таковы слова:
— Ай же крестничекъ ты мой любимыій,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чисто́ поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя Владыміра

— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и по́итъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владыміра. —
Говоритъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
«Ай Самсонъ да ты Самойловичъ,
«Это дѣло у насъ будетъ нехорошее!
«Вы сѣдлайте-тко добры́хъ коней
«И садитесь-ко вы на добры́хъ коней,
«Поѣзжайте-тко въ чисто́ поле подъ Кіевъ градъ,
«И постойте вы за вѣру за отечество,
«И постойте вы за славный стольній Кіевъ градъ,
«И постойте вы за церквы-ты за Божіи,
«Вы поберегите-тко князя́ Владыміра
«И со той съ Опраксой королевичной».
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
— Ай же крестничекъ ты мой любимыій,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добры́хъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чисто́ поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи́ церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя́ Владыміра
— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и по́итъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владыміра. —
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ какъ видитъ, что дѣло́ ему не по́любо,
А й выходитъ-то Илья да со бѣла́ шатра,
Приходилъ къ добру́ коню да богатырскому,

Бралъ его за поводы шелкóвыи,
Отводилъ отъ пóлотна отъ бѣлаго
А отъ той пшены отъ бѣлояровой,
Да садился Ѝлья на добрáконя,
То онъ ѣхалъ по роздольицу чисту полю
И подъѣхалъ онъ ко вóйскамъ ко татарскiимъ.
Не ясёнъ соколъ да напущаетъ на гусей на лебедей
Да на малыхъ перелётныихъ на сѣрыхъ утушекъ,
Напущаетъ-то богáтырь святорусьскiя
А на тую ли на сплу на татарскую.
Онъ спустилъ коня да богатырскаго,
Да поѣхалъ ли по той по силушкѣ татарскоей,
Сталъ онъ силушку конёмъ топтать,
Сталъ конёмъ топтать, копьёмъ колоть,
Сталъ онъ бить ту силушку великую,
А онъ сплу бьетъ будтò траву коситъ.
Его добрый конь да богатырскiи
Испровѣщился язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же славныи богáтырь святорусьскiи!
— Хоть ты наступилъ на сплу на великую,
— Не побить тоби той силушки великiи:
— Нагнанó у собаки царя Калина,
— Нагнанó той силы много множество,
— И у нéго есте сильныи богáтырп,
— Поляницы есте да удалыи;
— У него собаки цáря Калина
— Сдѣланы-то трои вѣдь подкопы да глубокiи
— Да во славноемъ роздольицѣ чистóмъ поли.
— Когда будешь ѣздить по тому роздольицу чисту́ полю,
— Будешь бить-то силу ту великую,
— Какъ просядемъ мы въ подкопы во глубокiи,
— Такъ изъ первыихъ подкоповъ я повыскочу
— Да тобя оттуль-то я повыздыну;
— Какъ просядемъ мы въ подкопы-ты во дру́гiи,

— И оттуль-то я повыскочу
— И тобя́ оттуль-то я повыздыну;
— Еще въ третьи́и подкопы во глубокіи,
— А вѣдь тутъ-то я повыскочу,
— Да оттуль тебя-то не повыздыну,
— Ты останешься въ подкопахъ во глубокіихъ. —
А йще старыя казакъ да Илья Муромецъ
Ему дѣло-то вѣдь не слюбилоси,
И беретъ онъ плётку шелкову въ бѣлы́ руки,
А онъ бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
Говорилъ ёнъ ко́ню таковы слова:
«Ай же ты собачище измѣнное!
«Я тобя кормлю пою да и ула́живаю,
«А ты хочешь меня оставить во чисто́мъ поли,
«Да во тыхъ подкопахъ во глубокіихъ!»
И поѣхалъ Илья по роздольицу чисту́ полю
Во тую́ во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть
И онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила не уме́ньшится.
Й онъ просѣлъ въ подкопы во глубокіи;
Ёго добрый конь оттуль повыскочилъ,
Онъ повыскочилъ, Илью оттуль повыздынулъ.
Й онъ спустилъ копя да богатырскаго
По тому роздольицу чисту́ полю
Во тую́ во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть,
И онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
На добро́мъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
Й онъ просѣлъ съ конемъ да богатырскіимъ,
Й онъ попалъ въ подкопы-ты во дру́гіи;
Ёго добрый конь оттуль повыскочилъ
Да Илью оттуль повыздынулъ.

Й онъ спустилъ коня да богатырскаго
По тому роздольицу чисту́ полю
Во тую́ во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть,
Й онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
На добромъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
Й онъ попалъ въ подкопы-ты во третьи,
Онъ просѣлъ съ конёмъ въ подкопы-ты глубокіи;
Его добрый конь да богатырскіи
Еще съ третьихъ подкоповъ онъ повыскочилъ,
Да оттуль Ильи онъ не повыздынулъ,
Сголзанулъ [1]) Илья да со добра́ копя
Й оставался онъ въ подкопѣ во глубокоемъ.
Да пришли татара-то поганыи
Да хотѣли захватить они добра́ коня;
Его конь-то богатырскіи
Не сдался имъ во бѣлы́ руки,
Убѣжалъ-то добрый конь да во чисто́ поле.
Тутъ пришли татара-ты поганыи
А напа́дали на стараго каза́ка Илью Муромца,
А й сковали ему ножки рѣзвыи,
И связали ему ручки бѣлыи.
Говорили-то татары таковы слова:
«Отрубить ему да буйную головушку».
Говорятъ ины татара таковы слова:
«А й не надо ру́бить ему буйной го́ловы,
«Мы сведёмъ Илью къ собакѣ ца́рю Калину,
«Что онъ хочетъ, то надъ нимъ да сдѣлаетъ».
Повели Илью да по чисту́ полю
А ко тымъ полаткамъ полотняныимъ,
Приводили ко полаткѣ полотняноей,

---

1) Соскользнулъ.

Привели его къ собакѣ ца́рю Калину,
Становили супроти́въ собаки ца́ря Калина.
Говорили татара таковы слова:
«Ай же ты собака да нашъ Калинъ царь!
«Захватили мы да стараго каза́ка Илью Муромца
«Да во тыхъ-то во подкопахъ во глубокіихъ,
«И привели къ тобѣ къ собакѣ ца́рю Калину;
«Что ты знаешь, то надъ нимъ и дѣлаешь».
Тутъ собака Калинъ царь говорилъ Ильѣ да таковы слова:
— Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Молодой щенокъ да напустилъ на силу на великую,
— То́бѣ гдѣ-то одному побить моя сила́ великая!
— Вы роскуйте-тко Ильѣ да ножки рѣзвыи,
— Розвяжите-тко Ильѣ да ручки бѣлыи. —
И росковали ему ножки рѣзвыи,
Розвязали ему ручки бѣлыи.
Говорилъ собака Калинъ царь да таковы слова:
— Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Да садись-ко ты со мной а за единый столъ,
— Ѣшь-ко ѣствушку мою саха́рнюю,
— Да и пей-ко мои питьица медвяныи,
— И одежь-ко ты мою одежу дрогоцѣнную,
— И держи-тко[1]) мою золоту казну,
— Золоту казну держи по падобью,
— Не служи-тко ты князю́ Владыміру,
— Да служи-тко ты собакѣ ца́рю Калину. —
Говорилъ Илья да таковы слова:
«А й не сяду я съ тобой да за единый столъ,
«Не буду́ ѣсть твоихъ ѣствушекъ саха́рніихъ,
«Не буду́ пить твоихъ питьицевъ медвяныихъ,
«Не буду́ носить твоей одежи дрогоцѣнныи,
«Не буду́ держать твоей безсчетной золотой казны,

1) Т. е. издерживай.

«Не буду́ служить тобѣ собакѣ ца́рю Калину,
«Еще бу́ду слу̀жить я за вѣру за отечество,
«А й буду́ стоять за стольній Кіевъ градъ,
«А буду́ стоять за церквы за Господніи,
«А буду́ стоять за князя за Владыміра
«И со той Опраксой королевичной».
Тутъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ
Онъ выходитъ со полатки полотняноей
Да ушолъ въ роздольицо въ чисто́ поле.
Да тѣснить стали его татара-ты поганыи,
Хо́тятъ обневолить они стараго каза́ка Илью Муромца.
А у стараго казака Ильи Муромца
При соби да не случилось-то доспѣховъ крѣпкіихъ,
Нечѣмъ-то ему съ татарамы да попротивиться.
Старыя казакъ да Илья Муромецъ
Видитъ ёнъ — дѣло́ немалое,
Да схватилъ татарина ёнъ за ноги,
Тако сталъ татариномъ помахивать,
Сталъ ёнъ бить татаръ татариномъ,
Й отъ него татара стали бѣгати,
И прошолъ ёнъ скрозь всю силушку татарскую,
Вышелъ онъ въ роздольицо чисто́ поле,
Да онъ бросилъ-то татарина да въ сторону,
То идетъ онъ по роздольицу чисту̀ полю.
При соби-то нѣтъ коня да богатырскаго,
При соби-то нѣтъ доспѣховъ крѣпкіихъ.
Засвисталъ въ свистокъ Илья онъ богатырскіи,
Услыхалъ ёго́ добрый конь да во чисто́мъ полѣ,
Прибѣжалъ онъ къ старому каза́ку Ильѣ Муромцу.
Еще старыя казакъ да Илья Муромецъ
Какъ садился онъ да на добра́ коня
И поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Выскочилъ онъ да на го́ру на высокую,
Посмотрѣлъ-то подъ восточную онъ сторону,

А й подъ той ли подъ восточной подъ сторонушкой
А й у тыхъ ли у шатровъ у бѣлыихъ
Стóятъ добры кони богатырскіи.
А тутъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Опустился ёнъ да со добрá коня,
Бралъ свой тýгой лукъ розрывчатой въ бѣлы́ ручки,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Й онъ спущалъ ту стрѣлочку во бѣлъ шатёръ,
Говорилъ Илья да таковы слова:
«А лети-тко, стрѣлочка каленая,
«А лети-тко, стрѣлочка, во бѣлъ шатёръ,
«Да сыми-тко крышу со бѣлá шатра,
«Да пади-тко стрѣлка на бѣлы́ груди
«Къ моему ко батюшкѣ ко крестному,
«И проголзни-тко [1]) по груди ты по бѣлыи,
«Сдѣлай-ко ты сцапину [2]) да маленьку,
«Маленькую сцапинку да невеликую.
«Онъ и спитъ тамъ, прохлажается,
«А мнѣ здѣсь-то одному да мало можется».
Й онъ спустилъ какъ эту тетивочку шелкóвую
Да спустилъ онъ эту стрѣлочку каленую,
Да просвиснула какъ эта стрѣлочка каленая
Да во тотъ во славныи во бѣлъ шатёръ,
Она сняла крышу со бѣлá шатра,
Пала она стрѣлка на бѣлы́ груди
Ко тому ли-то Самсону ко Самойлóвйчу,
По бѣлóй груди вѣдь стрѣлочка проголзнула,
Сдѣлала она да сцапинку-то маленьку.
А й тутъ славныя богáтырь свято-русьскіи,
А й Самсонъ-то вѣдь Самойловичъ,

---

1) Т. е. проскользни.
2) Т. е. царапину.

Пробудился-то Самсонъ отъ крѣпка сна,
Пороскинулъ свои очи ясныи,
Да какъ снята крыша со бѣла́ шатра
Пролетѣла стрѣлка по бѣло́й груди,
Она сцапиночку сдѣлала да на бѣло́й груди.
Й онъ скорешенько сталъ на рѣзвы́ ноги,
Говорилъ Самсонъ да таковы слова:
— Ай же славныи мои бога́тыри вы святорусьскіи,
— Вы скорешенько сѣдлайте-тко добры́хъ коней,
— Да садитесь-тко вы на добры́хъ коней!
— Мнѣ отъ крестничка да отъ любимаго
— Прилетѣли-то подарочки да не любимыи,
— Долетѣла стрѣлочка каленая
— Черезъ мой-то славный бѣлъ шатёръ,
— Она крышу сня́ла вѣдь да со бѣла́ шатра,
— Да проголзнула-то стрѣлка по бѣло́й груди,
— Она сцапинку-то дала по бѣло́й груди,
— Только малу сцапинку-то дала невеликую:
— Погодился мнѣ Самсону крестъ на воротн,
— Крестъ на вороти шести пудовъ;
— Есть бы не былъ крестъ да на моёй груди,
— Оторвала бы мнѣ буйну голову. —
Тутъ бога́тыри всѣ святорусьскіи
Скоро вѣдь сѣдлали да добры́хъ коней
И садились мо́лодцы да на добры́хъ коней,
И поѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Ко́ тымъ они силамъ ко татарскіимъ.
А со той горы да со высокіи
Усмотрѣлъ ли старыя казакъ да Илья Муромецъ,
А то ѣдутъ вѣдь бога́тыри чисты́мъ полемъ,
А то ѣдутъ вѣдь да на добры́хъ коняхъ.
И спустился ёнъ съ горы высокіи
И подъѣхалъ ёнъ къ бога́тырямъ ко святорусьскіимъ:

Ихъ двѣнадцать-то бога́тырей, Илья тринадцатый.
И пріѣхали они ко силушкѣ татарскоей,
Припустили ко́ней богатырскіихъ,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тутъ всю силушку великую,
И пріѣхали къ полаткѣ полотняноей;
А сидитъ собака Калинъ царь въ полаткѣ полотняноей.
Говорятъ-то какъ бога́тыри да святорусьскіи:
— А срубить-то буйную головушку
— А тому собакѣ ца́рю Калину. —
Говорилъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ:
«А почто рубить ему да буйная головушка?
«Мы свезёмте-тко его во стольній Кіевъ градъ
«Да й ко славному ко князю ко Владыміру».
Привезли его собаку ца́ря Калина
А во тотъ во славный Кіевъ градъ
Да ко славному ко князю ко Владыміру,
Привели его въ полату бѣлокаменну
Да ко славному ко князю ко Владыміру.
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ беретъ собаку за бѣлы́ руки
И садилъ его за столики дубовыи,
Ко́рмилъ его ѣствушкой саха́рнею
Да поилъ-то питьицемъ медвяныимъ.
Говорилъ ему собака Калинъ царь да таковы слова:
— Ай же ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
— Не сруби-тко мнѣ да буйной го́ловы!
— Мы напишемъ про́межъ собой записи великіи,
— Буду тебѣ пла́тить дани вѣкъ и по́ вѣку,
— А тобѣ-то князю я Владыміру! —
А тутъ той старинкѣ и славу́ поютъ,
А по тыихъ мѣстъ старинка и покончилась.

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

76.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРѢ СО ВЛАДИМІРОМЪ.

Славныя Владыміръ стольнё-кіевской
Собиралъ-то онъ славный почестенъ пиръ
На многи́хъ князей онъ и бояровъ,
Славныхъ сильныихъ могучіихъ бога́тырей;
А на пиръ ли-то онъ не́ позвалъ
Стараго каза́ка Ильи Муромца.
Старому каза́ку Ильѣ Муромцу
За досаду показалось-то великую,
Й онъ не знаетъ что вѣдь сдѣлати
Супроти́въ тому князю́ Владыміру.
Й онъ беретъ-то какъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
А онъ стрѣлочки беретъ каленыи,
Выходилъ Илья онъ да на Кіевъ градъ
И по граду Кіеву сталъ онъ похаживать
И на матушки Божьи́ церквы погуливать.
На церквахъ-то онъ кресты вси да повыломалъ,
Маковки онъ золочены вси повыстрѣлялъ.
Да кричалъ Илья онъ во всю голову,
Во всю голову кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ай же пьяници вы го́люшки кабацкіи!
«Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныихъ
«Й обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
«То несите въ кабаки въ домы́ питейные,
«Да вы пейте-тко да ви́на до́сыта».
Тамъ доносятъ-то вѣдь князю да Владыміру:
— Ай Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— А ты ѣшь да пьешь да на честно́мъ пиру,
— А какъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
— Ёнъ по городу по Кіеву похаживатъ,
— Ёнъ на матушки Божьи́ церквы погуливатъ,
— На Божьи́хъ церквахъ кресты повыломилъ

— А всѣ маковки онъ золоченыи повыстрѣлялъ;
— А й кричитъ-то вѣдь Илья онъ во всю голову,
— Во всю голову кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
— Ай же пьяници вы го́люшки кабацкіи!
— Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныихъ
— Й обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
— То несите въ кабаки въ домы́ питейные
— Да вы пейте-тко да ви́на до́сыта. —
Тутъ Владиміръ князь да стольнё-кіевской
И онъ сталъ Владыміръ дума думати,
Ёму какъ-то надобно съ Ильей да помириться.
И завелъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
Онъ завелъ почестенъ пиръ да и на дру́гой день.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Да 'ще онъ сталъ да и дума думати:
«Мнѣ кого послать будѣтъ на пиръ позвать
«Того стараго каза́ка Илью Муромца?
«Самому пойти мнѣ-то Владыміру не хочется,
«А Опраксія послать, то не къ лицу идетъ».
Й онъ какъ шолъ-то по столовой своей горенкѣ,
Шолъ-то онъ о столики дубовыи,
Становился супротивъ моло́даго Добрынюшки,
Говорилъ Добрыни таковы слова:
«Ты молоде́нькой Добрынюшка, сходи-тко ты
«Къ старому каза́кѣ къ Ильи Муромцу,
«Да зайди въ полаты бѣлокаменны,
«Да пройди-тко во столовую во горенку,
«На пяту́-то дверь ты порозмахивай
«Еще крестъ клади да й по писа́ному,
«Да й поклонъ веди-тко по учёному,
«А й ты бей челомъ да низко кланяйся
«А й до тыхъ половъ и до кирпичныихъ
«А й до самой матушки сырой земли
«Старому каза́кѣ Ильи Муромцу,

«Говори-тко И́льи ты да таковы слова:
««Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
««Я пришолъ къ тобѣ отъ князя отъ Владыміра
««Й отъ Опраксіи отъ королевичной,
««Да пришолъ тобе позвать я на почестенъ пиръ»».
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ скорешенько-то сталъ да на рѣзвы́ ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Да онъ шапочку соболью на одно ушко,
Выходилъ онъ со столовою со горенки,
Да й прошолъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ Добрыня онъ на Кіевъ градъ,
Ёнъ пошолъ-то какъ по городу по Кіеву,
Прі́шолъ къ старому каза́кѣ къ Ильѣ Муромцу
Да въ его полаты бѣлокаменны,
Ёнъ пришолъ какъ во столовую во горенку,
На пяту́-то онъ дверь да порозмахивалъ,
Да онъ крест-отъ клалъ да по писа́ному,
Да й поклоны велъ да по учёному,
А 'ще билъ-то онъ челомъ да низко кланялся
А й до тыхъ половъ и до кирпичныихъ
Да й до самой матушки сырой земли,
Говорилъ-то онъ Ильи да таковы слова:
«Ай же братецъ ты мой да крестовыи,
«Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Я къ тоби посла́нъ отъ князя отъ Владыміра,
«Отъ Опраксы королевичной,
«А й позвать тобя да й на почестенъ пиръ».
Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы́ ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Да онъ шапоньку соболью на одно ушко,
Выходили со столовыи со горенки,
Да прошли они полатой бѣлокаменной,

Выходили-то они на стольній Кіевъ градъ,
По́шли оны ко̀ князю къ Владыміру
Да й на славный-отъ почестенъ пиръ.
Тамъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ во горенки да вѣдь похаживалъ,
Да въ окошечко онъ князь посматривалъ,
Говоритъ-то со Опраксой королевичной:
«Подойдутъ ли ко̀ мнѣ какъ два русскіихъ бога́тыря
«Да на мой-отъ славный на почестенъ пиръ?»
И прошли они въ полату въ бѣлокаменну,
И взошли они въ столовую во горенку.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Со Опраксіей да королевичной
Подошли-то они къ старому каза́кѣ къ Ильѣ Муромцу,
Они брали-то за ручушки за бѣлыи,
Говорили-то они да таковы слова:
«Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
«Твоё мѣстечко было́ да вѣдь попиже всихъ,
«То́перь мѣстечко за столикомъ повыше всихъ!
«Ты садись-ко да за столикъ за дубовыи».
Тутъ кормили его ѣствушкой саха́рнею,
А й поили питьицемъ медвяныимъ.
Они тутъ съ Ильей и помирилися.

Записано тамъ же, 8 іюля.

77.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ДОЧЬ ЕГО.

(См. Рыбникова, т. I, 12).

А й на славноей московскоей на за́ставы
Стояло́ двѣнадцать бога́тырей ихъ святорусьскіихъ,
А по нёй по славной по московскоей по за́ставы

А й пѣхотою никто да не прохаживалъ,
На добро́мъ кони никто тутъ не проѣзживалъ,
Птица черный воронъ не пролетывалъ,
А й ’ще сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ.
А й то черезъ эту славную московскую-то за́ставу
Ѣдетъ поляничища уда́лая,
А й удала поляничища великая,
Конь подъ нёю какъ сильня́ гора,
Поляница на кони будто́ сѣнна́ копна,
У ней шапочка надѣта на головушку
А й пушистая сама завѣсиста,
Спереду-то не видать личка́ румянаго
И сзаду́ не видѣть шеи бѣлоей.
Ёна ѣхала собака насмѣялася,
Не сказала Божьёй помочи бога́тырямъ,
Ена ѣдетъ прямоѣзжею дорожкой къ стольне-Кіеву.
Говоритъ тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же братьица мои крестовыи,
«Ай бога́тыря вы святорусьскіи,
«Ай вы славная дружинушка хоробрая!
«Кому ѣхать намъ въ роздольице чисто́ поле?
«Поотвѣдать надо силушки великою
«Да й у той у поляници у удалою».
Говорилъ-то тутъ Олешенка Григорьевичъ:
— Я поѣду во роздольицо чисто́ поле,
— Посмотрю на поляницу на удалую. —
Какъ садился-то Олеша на добра́ коня,
А онъ выѣхалъ въ роздольицо чисто́ поле,
Посмотрѣлъ на поляницу зъ-за сыра́ дуба,
Да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подъѣхати,
Да й не могъ у ней онъ силушки отвѣдати.
Поскорешенько Олеша поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на за́ставу московскую,
Говорилъ-то и Олеша таковы слова:

— Ай вы славныи бога́тыри да святорусьскіи!
— Хоть-то былъ я во роздольицѣ чисто́мъ поли,
— Да й не смѣлъ я къ полянчищу подъѣхати,
— А й не могъ я у́ ней силушки отвѣдати. —
Говоритъ-то тутъ молоденькой Добрынюшка:
«Я поѣду во роздольицо чисто́ поле,
«Посмотрю на поляницу на удалую».
Тутъ Добрынюшка садился на добра́ коня
Да й поѣхалъ во роздольицо чисто́ поле,
Онъ наѣхалъ поляницу во чисто́мъ поли,
Такъ не смѣлъ онъ къ полянищищу подъѣхати,
Да не могъ у ней онъ силушки отвѣдати.
Ѣздитъ поляница по чисту́ полю
На добро́мъ кони на богатырскоёмъ,
Ёна ѣздитъ въ поли, сама тѣшится,
На правой руки у нёй-то соловей сидитъ,
На лѣво́й руки да жаврολёночекъ.
А й тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подъѣхати,
Да не могъ у ней онъ силы поотвѣдати;
Поскорешенько назадъ онъ поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на за́ставу московскую.
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«Ай же братьица мои да вы крестовыи,
«Да бога́тыря вы славны святорусьскіи!
«То хоть былъ я во роздольицѣ чисто́мъ поли,
«Посмотрѣлъ на поляницу на удалую,
«Она ѣзди въ поли, сама тѣшится,
«На правой руки у нёй-то соловей сидитъ,
«На лѣво́й руки да жаврολёночекъ.
«Да не смѣлъ я къ поляницѣ той подъѣхати
«И не могъ-то у ней силушки отвѣдати.
«Ёна ѣдетъ-то ко городу ко Кіеву,
«Ёна кличетъ выкликаетъ поединщика,

«Супротивъ собя да супротивника,
«Изъ чистá поля да и наѣзднпка,
«Поляница говоритъ да таковы слова:
««Какъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
««Какъ не дáетъ мнѣ-ка онъ да супротивника,
««Изъ чистá поля да и наѣзднпка,
««А й пріѣду я тогда во славной стольній Кіевъ градъ,
««Розорю-то славный стольній Кіевъ градъ,
««А я чернедь мужичковъ-тыхъ всіхъ повырублю
««А Божьи́ церквы я всѣ на дымъ спущу,
««Самому князю́ Владыміру я голову́ срублю
««Со Опраксіёй да съ королевичной!»»
Говоритъ имъ старыій казакъ да Илья Муромецъ:
— А й богáтыря вы святорусьскіи,
— Славная дружинушка хоробрая!
— Я поѣду во роздольицо чисто́ поле,
— На бою-то мнѣ-ка смерть да не написана;
— Поотвѣдаю я силушки великою
— Да у той у поляницы у удалою. —
Говорилъ ему Добрынюшка Микитинецъ:
«Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Ты поѣдешь во роздольицо чисто́ поле
«Да на тыя на удары на тяжелыи,
«Да й на тыя на побоища на смёртныи,
«Намъ куда́ велишь итти да й ку́ды ѣхати?»
Говорилъ-то имъ Илья да таковы слова:
— Ай же братьица мои да вы крестовыи!
— Поѣзжайте-тко роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
— Заѣзжайте вы на гору на высокую,
— Посмотрите вы на драку богатырскую:
— Надо мною будетъ братци безвременьице,
— Такъ поспѣйте ко мни братьица на выруку.—
Да й садился тутъ Илья да на добра́ коня,
Ёпъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,

Ёнъ повыскочилъ на гору на высокую,
А й сходилъ Илья онъ со добра́ коня,
Посмотрѣлъ на поляницу на удалую,
Какъ-то ѣздитъ полянчищо въ чисто́мъ поли;
Й она ѣздитъ поляница по чисту́ полю
На добро́мъ кони на богатырскоёмъ,
Она шуточки-ты шутитъ не великіи,
А й кидаетъ она палицу булатнюю
А й подъ облаку да подъ ходячую,
На добро́мъ кони она да вѣдь подъѣзживатъ,
А й одною ру́кой палицу подхватыватъ,
Какъ перомъ-то лебединыимъ поигрыватъ,
А й такъ эту палицу булатнюю покидыватъ.
И подходилъ-то какъ Илья онъ ко добру́ копю,
Да онъ палъ на бе́дра лошадиныи,
Говорилъ-то какъ Илья онъ таковы слова:
— Ай же бурушко мой маленькой косматенькой!
— Послужи-тко мнѣ да вѣрой правдою,
— Вѣрой правдой послужи-тко неизмѣнною,
— А й по старому служи еще по прежному,
— Не отдай меня татарину въ чисто́мъ поли,
— Чтобъ срубилъ мнѣ-ка́ татаринъ буйну голову! —
А й садился тутъ Илья онъ на добра́ коня,
То онъ ѣхалъ по роздолью по чисту́ полю
Й онъ наѣхалъ полянпцу во чисто́мъ поли,
Полянпци онъ подъѣхалъ со бѣла́ лица,
Полянпцу становилъ онъ супротивъ собя,
Говорилъ ёнъ полянпци таковы слова:
— Ай же полянпца ты уда́лая!
— Надобно другъ у́ друга́ намъ силушки отвѣдати.
— Порозъѣдемся съ роздольпца съ чиста́ поля
— На своихъ на до́брыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
— Да пріударимъ-ко во палпци булатніи,
— А й тутъ силушки другъ у́ друга́ й отвѣдаёмъ. —

Порозъѣхались онѣ да на добры́хъ коняхъ
Да й по славну по роздольицу чисту́ полю,
Й оны съѣхались съ чиста́ поля да со роздольица
На своихъ-то ко́няхъ богатырскіихъ,
То пріударили во палици булатніи,
Ёны другъ друга́-то били по бѣлы́мъ грудямъ,
Ёны били другъ друга́ да не жалухою
Да со всёю сво́ей силы съ богатырскою, —
У нихъ палицы въ рукахъ да й погибалися
А й по маковкамъ да й отломилися.
А подъ ни́ма-то доспѣхи были крѣпкіи,
Ёны другъ друга́ не сшибли со добры́хъ коней,
А не били о́ны другъ друга́, не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
Говорили-то оны да промежду́ собой:
«Какъ намъ силушка́ другъ у друга́ отвѣдати?
«Порозъѣхаться съ роздольица съ чиста́ поля
«На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
«Пріударить надо въ копья въ муржамецкіи,
«Тутъ мы силушка́ другъ у друга́ й отвѣдаёмъ».
Порозъѣхались оны да на добры́хъ коняхъ
А й во славноё въ роздольицо чисто́ поле,
Припустили о́ны другъ къ другу́ добры́хъ коней,
Порозъѣхались съ роздольица съ чиста́ поля,
Пріударили во копья въ муржамецкіи,
Ёны другъ друга́-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по бѣлы́мъ грудямъ,
Такъ у нихъ въ рукахъ-то копья погибалися
А й по маковкамъ да й отломилися.
Такъ доспѣхи-ты подъ ни́ма были крѣпкіи,
Ёны другъ друга́ не сшибли со добры́хъ коней,
Да й не били, другъ друга́ не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.

Становили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
Говорили-то оны да промежду́ собой:
«А ’ще какъ-то намъ у другъ друга́-то силушка отвѣдати?
«Надо биться-то намъ боемъ рукопашкою,
«Тутъ у другъ друга мы силушка отвѣдаемъ».
Тутъ сходили молодци съ добры́хъ коней,
Опустилися на матушку сыру землю,
Пошли-то о́ны биться боемъ рукопашкою.
Еще эта поляничища удалая
А й весьма была она да зла-догадлива
Й учена́ была бороться объ одной ручкѣ;
Подходила-то ко старому каза́кѣ къ Ильѣ Муромцу,
Подхватила-то Илью да на косу́ бодру *(такъ)*,
Да спустила-то на матушку сыру́ землю,
Да ступила Ильѣ Муромцу на бѣлу грудь,
Она брала-то рогатину звѣриную,
Заноспла-то свою да руку правую,
Заноспла руку выше го́ловы,
Опустить хотѣла ниже пояса....
На бою-то Ильѣ смерть и не написана,
У ней правая рука въ плечи да застоялася,
Во ясны́хъ очахъ да й помутился свѣтъ,
Она стала у бога́тыря выспрашивать:
«Ай скажи-тко ты богатырь святорусьскій,
«Тобе́ какъ-то молодца да именёмъ зовутъ,
«Звеличаютъ удало́го по отечеству?»
А йще старыя казак-отъ Илья Муромецъ,
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Й онъ смахнулъ своёй да правой ручушкой,
Да онъ сшибъ-то вѣдь бога́тыря съ бѣло́й груди,
Ёнъ скорешенко скочилъ-то на рѣзвы́ ножки,
Онъ хватилъ какъ поляницу на косу́ бодру,
Да спустилъ онъ ю на матушку сыру́ землю,
Да ступилъ онъ поляници на бѣлы́ груди,

А й беретъ-то въ руки свой булатній ножъ,
Заносилъ свою онъ ручку правую,
Заносилъ онъ выше го́ловы,
Опустить онъ хочетъ ручку ниже пояса;
А й по Божьему ли по велѣнію
Права ручушка въ плечи-то остояласи,
Въ ясныхъ очушкахъ-то помутился свѣтъ.
То онъ сталъ у полянчища выспрашивать:
— Да й скажи-тко, поляница, попровѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— Еще какъ-то полянчку именéмъ зовутъ,
— Удалу́ю звеличаютъ по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базы́ка поводревная *(такъ)*!
«То́би просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь-то на моёй да на бѣло́й груди,
«Во руки ты держишь свой булатній ножъ,
«Роспластать хотя́шь мои да груди бѣлыи!
«Я стояла на твоёй какъ на бѣло́й груди,
«Я пластала бы твои да груди бѣлыи,
«Доставала бы твоё сердцé со печенéй
«Не спросила бы отца твоёго й матери,
«Твоего́ ни роду я ни племени».
И розгорѣлось сердцо у бога́тыря
Да й у стараго каза́ка Ильи Муромца,
Запосилъ-то онъ свою да ручку правую,
Заздыну́лъ онъ ручку выше головы,
Опустить хоти́тъ ю ниже пояса;
Тутъ по Божьему да по велѣнію
Права ручушка въ плечи да остоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ да й помутился свѣтъ,
Такъ онъ сталъ у поляницы-то выспрашивать:
— Ты скажи-тко поляница мни провѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,

— Тобя какъ-то полянчку именёмъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалу́ю по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базы́ка поводревная!
«Тобп просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь ты па моёй да на бѣло́й груди,
«Во руки ты держишь свой булатній ножъ,
«Роспластать ты мпп хотя́шь да груди бѣлыи!
«Какъ стояла бъ я да на твоёй бѣло́й груди,
«Я пластала бы твои да груди бѣлыи,
«Доставала бы твое сердце́ со печенью,
«Не спросила бы ни батюшка ни матушки,
«Твоего-то я ни роду да ни племени».
Тутъ у стараго каза́ка Ильи Муромца
Розгорѣлось ёго сердце богатырское
Енъ еще запесъ да руку правую,
А й здыну́лъ-то ручку выше головы,
А спустить хотѣлъ ёнъ ниже пояса.
По Господнему тутъ по велѣнію
Права́ ручушка въ плечи-то остоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ-то помутился свѣтъ.
Енъ еще-то сталъ у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-то поляница попровѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— Тобп какъ мнѣ поляницу именёмъ назвать
— Й удалу́ю звеличати по отечеству? —
Говорила поляница таковы слова:
«Ты удаленькой дородній добрый мо́лодецъ,
«Ай ты славныя бога́тырь святорусьскіи!
«Когда сталъ ты у меня да и выспрашивать,
«Я про то стану́ тебп высказывать.
«Есть я родомъ изъ земли да изъ Тальянскою[1])

1) Пѣвецъ сперва говорилъ: «во Глянскою» (или «въ Оглянскою»), а потомъ поправлялся: «во Тальянскою».

«У меня есть ро́дна матушка честна́ вдова,
«Да честна вдова она колачница,
«Ко́лачи пекла да тымъ меня воспи́тала
«А й до полнаго да вѣдь до возрасту;
«Тогда стала я имѣть въ плечахъ да силушку великую,
«Избирала мнѣ-ка матушка добра́ коня,
«А й добра коня да богатырскаго,
«Й отпустила ме́ня ѣхать на святую Русь
«Поискать собѝ да ро́дна батюшка,
«Поотвѣдать мнѣ да роду племени».
А й тутъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Енъ скоренько соскочилъ да со бѣло́й груди,
Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ за перстни за злаченыи,
Онъ здыну́лъ-то ю со матушки сыро́й земли,
Становилъ-то онъ ю на рѣзвы́ ножки,
На рѣзвы́ онъ ножки ставилъ супротивъ себя,
Цѣловалъ ю во уста ёнъ во сахарнии,
Называлъ ю со́бѝ дочерью любимою:
— А когда я былъ во той земли во Тальянскою,
— Три году́ служилъ у короля тальянскаго,
— Да я жилъ тогда да й у честно́й вдовы,
— У честно́й вдовы да й у колачницы,
— У ней спалъ я на кроваткѣ на тесовоей
— Да на той перинкѣ на пуховоей,
— У самой ли у́ нёй на бѣло́й груди. —
Й о́ны сѣли на добры́хъ коней да порозъѣхались
Да по славну по роздольицу чисту́ полю.
Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Пороздёрнулъ онъ свой ша́тёръ бѣлыи,
Да онъ легъ-то спать да й проклаждатися
А послѣ́ бою онъ да послѣ́ драки;
А й какъ эта поляничища удалая
Она ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,

На кони она сидѣла, породумалась:
«Хоть-то съѣздила на славну на святую Русь,
«Такъ я на́жила себѣ посмѣхъ великіи:
«Этотъ славныи бога́тырь святорусьскіи
«А й онъ назвалъ тую мою матку блядкою,
«Ме́не назвалъ выблядкомъ.
«Я поѣду во роздольицѐ въ чисто́ поле
«Да убью-то я въ поли́ бога́тыря,
«Не спущу это́й посмѣшки на святую Русь,
«На святую Русь да и на бѣлыи свѣтъ».
Ёна ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Насмотрѣла-то она да бѣлъ шатеръ
Подъѣзжала-то она да ко бѣлу́ шатру,
Она била-то рогатиной звѣрпною
А во этотъ-то во славныи бѣлъ шате́ръ,
Улетѣлъ-то ша́теръ бѣлый съ Ильи Муромца.
Его доброи конь да богатырскіи
А онъ ржётъ-то конь да й во всю голову,
Бьетъ ногамы въ матушку въ сыру́ землю;
Илья Муромецъ онъ спитъ тамъ, не пробудится
Отъ того отъ крѣпка сна отъ богатырскаго.
Эта поляничища уда́лая
Ёна бьетъ его рогатиной звѣрпною,
Ёна бьетъ его да по бѣло́й груди,
Еще спитъ Илья да й не пробудится
А отъ крѣпка сна отъ богатырскаго.
Погодился у Ильи да крестъ на вороти,
Крестъ на вороти да полтора пуда:
Пробудился онъ звону отъ крестоваго,
А й онъ скинулъ-то свои да ясны очушки,
Какъ надъ верхомъ-тымъ стоитъ вѣдь поляничища удалая,
На добро́мъ кони на богатырскоемъ,
Бьетъ рогатиной звѣрпной по бѣло́й груди.
Тутъ скочилъ-то какъ Илья онъ на рѣзвы́ ноги,

А схватилъ какъ полянпцу за желты́ кудри,
Да спустилъ енъ полянпцу на сыру́ земля,
Да ступилъ енъ полянпцы на праву́ ногу,
Да онъ дернулъ полянпцу за лѣву́ ногу
А онъ на́двоё да ю поро́зорвалъ,
А й рубилъ онъ полянпцу по мелки́мъ ку́скамъ.
Да садился-то Илья да на добра́ коня,
Да онъ рылъ-то[1]) ты кусочки по чисту́ полю
Да онъ перву половинку-то кормилъ сѣры́мъ волкамъ,
А другую половину чернымъ во́ронамъ.
А й тутъ полянпци ёй славу́ поютъ,
Славу́ поютъ вѣкъ по́ вѣку.

Записано тамъ же, 6 іюля.

78.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Три годика Добрынюшка-то чашничалъ,
Три годика Добрынюшка-то стольничалъ,
Да три году́ Добрыня у воротъ стоялъ.
Похотѣлось-то моло́дому Добрынюшкѣ
Походить по городу по Кіеву,
Погулять по улицамъ широкіимъ,
По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ.
Говоритъ Добрынѣ ро́дна матушка:
«Ай же ты свѣтъ мое чадо милое,
«Молодой Добрынюшка Микптиничъ!
«Ты ходи гуляй по городу по Кіеву
«Да й по всѣмъ-то уличкамъ широкіимъ,
«По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ,
«Не ходи только̀ въ татарскую въ слободушку,

---

1) Т. е. бросалъ.

«Не зайди только̀ въ Маринкину во улицу,
«А й убила-то Маринка трехъ бога́тырей,
«Да й убьётъ тобя она четвертаго».
Молодой Добрынюшка Микитинычъ
Какъ беретъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
Бе́ретъ стрѣлочки Добрынюшка каленыи,
Й онъ пошолъ ходить по городу по Кіеву,
Й онъ гулялъ-то какъ по улицамъ широкіимъ,
По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ,
Прогулялъ онъ цѣлый день съ утра до вечера;
И на поздней онъ да то на вечерѣ
Похотѣлось молодому-то Добрынюшкѣ
Да й сходить ёму̀ въ татарскую слободушку
А й зайти-то во Маринкину во улицу,
По́смотрѣть на ней[1]) полаты бѣлокаменны.
Й онъ зашолъ-то какъ въ татарскую слободушку
Да й прошолъ-то во Маринкину во улицу,
Посмо́трѣлъ на нёй полаты бѣлокаменны;
Какъ у ней-то у полаты бѣлокаменной
Порозвернута полатка полотняная,
Да й сидитъ-то какъ Маринка во полатки полотняноей,
Да й сидитъ она съ татариномъ поганыимъ,
А й со тымъ сидитъ Горынищемъ проклятыимъ,
Да й сидитъ она въ полаткѣ, сама гладится[2]).
То моло́дому Добрынюшкѣ-то дѣло не слюбилоси,
Й онъ беретъ свой ту́гой лукъ розрывчатой,
Во свои беретъ во бѣлыя въ ручушки,
Налагаетъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелко́веньку,
Онъ спустилъ тую тетивочку шелко́веньку
Да во эту въ стрѣлку во каленую.

---

1) Т. е. на ея.
2) Т. е. нѣжится.

Пролетѣла эта стрѣлочка каленая
А й во эту во полатку въ полотняную,
То онъ на-двоё Горынища й поро́зорвалъ.
Тутъ хоти́тъ какъ по̀йти мо́лодой Добрынюшка
Да со этой со татарской со слободушки
Да со этой ли съ Маринкиной со улицы,
Никуды Добрынюшки пойти-то нѣтъ пути;
А йще видитъ-то молоденькой Добрынюшка,
Что дѣло̀-то есте да немалое,
Подошолъ онъ ко полаткѣ полотняноей,
Говорилъ-то ёнъ Маринкѣ таковы слова:
«А идешь ли ты Маринка за меня́ замужъ?»
Говорила-то Маринка таковы слова:
— А й молоденькой Добрынюшка,
— А 'ще славныя бога́тырь святорусьскіи!
— Если ты возьмешь, такъ я заму́жъ иду
— За моло́даго Добрынюшку Никитича. —
Й онъ бралъ ю за ручушки за бѣлыи
И за нёй ю бралъ за перстни за злаченыи,
И выводитъ ю съ полатки полотняноей,
Становилъ-то онъ Маринку супротивъ собя,
Говорилъ-то онъ Маринкѣ таковы слова:
«А пойдемъ-ко мы Маринка во чисто́ поле,
«Во́кругъ ку́стышка ракитова съ тобою повѣнчаемся,
«Да тогда ты будешь вѣдь моя жена».
То какъ взялъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Да за перстни ю бралъ за злаченыи,
Да й повелъ Маринку во чисто́ поле
Приводилъ онъ ю ко ку́стышку ракитову,
Во́кругъ ку́стышка ракитова они да повѣнчалися.
Становилъ-то ю Добрыня супротивъ собя,
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
«А й теперь-ко ты Маринка есть моя жена,
«А должна ты мни повиноватися».

То онъ бралъ свою да саблю вострую,
Во свои ю бралъ во бѣлы ру́чушки,
Й онъ смахнулъ-то сво́ёй саблей востроей,
И срубилъ-то онъ ёй ножки по колѣночкамъ;
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
«А й почто-то эти ноженки да рѣзвыи?
«Й оплетали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго».
Й онъ другой-то разъ смахнулъ да саблей востроей,
А срубилъ ёй ручки по локо́точкамъ;
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«А й почто-то эти бѣлыи да ручушки?
«Й обнимали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго».
И онъ е́ще третій разъ смахнулъ да саблей востроей,
А срубилъ-то ёй уста саха́рніи;
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«А й почто этѣ уста сахарніи?
«Цѣловали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго».
А й тутъ ей Марѳинки да славу́ поютъ
Славу́ поютъ вѣкъ по́ вѣку.

Записано тамъ же, 8 іюля.

79.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Да й споро́дила Добрыню ро́дна матушка
Да возро́стила до полнаго до возраста;
Сталъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
На добро́мъ конѣ въ чисто́ полё поѣзживать,
Сталъ онъ малыехъ змѣёнышевъ потаптывать.

Пріѣзжалъ Добрыня изъ чиста́ поля,
А й сходилъ-то какъ Добрынюшка съ добра́ коня
И онъ шолъ въ свою полату въ бѣлокаменну,
Проходилъ онъ во столову сво́ю горенку,
Ко своей ко ро́дною ко матушки.
Говорила тутъ Добрыни ро́дна матушка:
«Ай же свѣтъ моё цадо́ любимоё,
«Ты моло́денькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Ты на добро́мъ конѣ въ чисто́ поле поѣзживашь,
«Да ты малыехъ змѣёнышевъ потаптываешь.
«Не съѣзжай-ко ты моло́денькой Добрынюшка
«Да ты да́лече дале́че во чисто́ поле,
«Ко́ тымъ славныемъ горамъ да къ сорочинскіимъ,
«Да ко тымъ нора́мъ да ко змѣиныемъ,
«Не топци-ко ты тамъ малыехъ змѣёнышевъ,
«Не входи-ко ты во но́ры въ змѣиныя,
«Не выпущай-ко по́лоновъ оттуль расейскіихъ;
«Не съѣзжай-ко ты молоденькой Добрынюшка
«Ко той славною ко матушки къ Пучай-рѣки,
«Не ходи-ко ты купаться во Пучай-рѣки,
«То Пучай-рѣка очю́нь свирипая,
«Во Пучай-рѣки двѣ струйки о́чюнь быстрыихъ:
«Перва струечка въ Пучай-рѣки быстры́мъ быстра,
«Дру́га струечка быстра, быдто̀ огонь сѣкетъ».
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Ро́дной матушки-то онъ не слушатся,
Выходилъ онъ со столовой сво́ей горенки
Да й во славныя полаты бѣлокаменны,
Й одѣвалъ собя одежицу спарядную
Да й рубашечки-манѣшечки шелко́веньки,
Всю одёжицу одѣлъ онъ да хорошеньку,
А хорошеньку одежицу спарядную;
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной
Да й на свой на славный на широ́къ на дворъ,

Заходилъ онъ во конюшеньку стоялую,
Бралъ добра́ коня онъ богатырскаго,
Бралъ добра́ коня Добрынюшка, засѣдлывалъ,
А й садился-то Добрыня на добра́ коня,
Да съ собою бралъ онъ палычку булатнюю,
Да й не для-ради́ да драки кроволитьица великаго,
А онъ бралъ-то для потѣхи молодецкою.
То повыѣхалъ Добрынюшка въ чисто́ поле
На добро́мъ кони на богатырскоёмъ,
То онъ ѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера
Да по славну по роздольицу чисту́ полю.
Похотѣлось-то моло́дому Добрынюшки
Ёму съѣздити́ во да́лече чисто́ поле,
Да й ко тымъ горамъ ко сорочинскіемъ,
Да й ко тымъ норамъ да ко змѣиныемъ.
Й онъ спустилъ коня да богатырскаго,
Да й поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю.
Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ:
То онъ день ѣдетъ по красному по солнышку,
Да онъ въ ночь ѣха́лъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Пріѣзжалъ онъ ко горамъ да къ сорочинскіемъ,
Сталъ онъ ѣздить по роздольицу чисту́ полю,
Онъ-то ѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера,
Потопталъ онъ много множество змѣёнышовъ.
Й услыхалъ-то тутъ моло́денькой Добрынюшка:
Ёго доброй конь да богатырскій
А й сталъ на́ ноги да конь припадывать.
А й поѣхалъ-то моло́денькой Добрынюшка
Отъ тыхъ славныихъ отъ горъ отъ сорочинскіихъ
Да й отъ тыхъ отъ норъ онъ отъ змѣиныихъ,
Да й поѣхалъ-то Добрыня въ стольнёй Кіевъ градъ.
Е́ще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ;

То онъ въ день ѣдéтъ по красному по солнышку,
А онъ въ ночь ѣдéтъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Онъ повыѣхалъ въ роздольицо въ чистó полё.
Похотѣлось тутъ мло́дому Добрынюшки
Съѣздить-то ко славной ко Пучай-рѣки,
Посмотрѣть ему на славную Пучай-рѣку.
То онъ ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Да́ пріѣхалъ онъ ко славной ко Пучай-рѣки,
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Да й сходилъ Добрыня со добра́ коня,
Посмотрѣлъ-то онъ на славную Пучай-рѣку.
Похотѣлось тутъ мло́дому Добрынюшки
Покупатися во славной во Пучай-рѣки;
Онъ одёжицю съ собя спималъ всю до́-нага,
Да й пошолъ-то онъ купаться во Пучай-рѣку.
Тамъ на тую пору на то времецко
А й на славноёй да на Пучай-рѣки
Да й случились быть тутъ красны дѣвушки;
О́ны клеплютъ тонко бѣленькое платьицо,
Говорятъ оны мло́дому Добрынюшки:
— Ты удаленькой дороднёй доброй молодецъ!
— То во нашою во славной во Пучай-рѣки
— Наги добры молодци не куплются,
— О́ны куплются въ тонки́хъ бѣлы́хъ пло́тняныхъ рубашечкахъ. —
Говорилъ-то имъ молоденькой Добрынюшки:
«Ай жо дѣвушки да вы голубушки,
«Бѣломойницы вы портомойницы!
«Ничего-то вы вѣдь дѣвушки не знаете,
«Только знайте-тко вы дѣвушки самы́ собя».
Онъ пошолъ-то какъ купаться во Пучай-рѣку,
Перешелъ Добрыня перву струечку,
Перешолъ Добрыня дру́гу струечку,
Перешолъ-то́ онъ Пучай-рѣку отъ бережка до дру́гого;

Похотѣлось тутъ моло́дому Добрынюшки
Покупаться во Пучай-рѣки, поны́ркати.
Тамъ на тую пору на то времецко
Да изъ да́леча дале́ча изъ чиста́ поля,
Изъ-подъ западнёй да сподъ сторонушки,
Да й не дождь дожжитъ да й то не громъ громитъ,
А й не громъ громитъ, да шумъ великъ идетъ:
Налетѣла надъ моло́даго Добрынюшку
А й змѣи́нище да то Горынище,
А й о трехъ змѣинище о го́ловахъ,
О двѣнадцати она о хоботахъ;
Надлетѣла надъ моло́даго Добрынюшку,
Говорила-то змѣище таковы слова:
— А теперь Добрынюшка въ моихъ рукахъ,
— А въ моихъ рукахъ да онъ въ моёй волп!
— А 'ще что я похочу, то на́дъ нимъ сдѣлаю:
— Похочу-то я моло́даго Добрынюшку,
— Похочу, Добрынюшку въ полонъ возьму,
— Похочу-то я Добрынюшку-то и огнемъ пожгу,
— Похочу-то я Добрынюшку-то и въ собя пожру. —
Й у того ли у моло́даго Добрынюшки
Ёго сердце богатырско не ужа́хнулось;
Онъ гораздъ былъ плавать по быстры́мъ рѣкамъ,
Да й нырнулъ-то онъ отъ бережка ко дру́гому,
Да й отъ дру́гаго отъ бережка ко етому.
Й онъ вспомнилъ тутъ свою да ро́дну матушку:
«Не велѣла мнѣ да ро́дна матушка
«Уѣзжать-то да́лече въ чисто полё,
«Да й ко тымъ она горамъ ко сорочинскимъ,
«Да й ко тымъ порамъ да ко змѣинымъ,
«Не велѣла мнѣ-ка ѣздить ко Пучай-рѣки,
«Не велѣла мнѣ купаться во Пучай-рѣки.
«Да и не за то ли здѣ-ка поньчу странствую?»
Й онъ ащо̀ нырнулъ отъ бережка до бережка,

Выходилъ Добрыня на крутой берёгъ.
Тутъ змѣинище Горынище проклятоё
Она стала на Добрыню искры сыпати,
Она стала жгать да тѣла бѣлаго.
Й у того ли у моло́даго Добрынюшки
Не случилось ничто быть въ бѣлыхъ ручушкахъ,
Да и ёму нечимъ со змѣищомъ попротивиться.
Поглянулъ-то какъ моло́денькой Добрынюшка
По тому по кру́тому по бережку,
Не случилося ничто лежать на кру́тоёмъ на бе́регу,
Е́му ничего́ взять въ бѣлыи во ручушки,
Ёму нечимъ со змѣищомъ попротивиться.
Ёна сыплетъ ёго искрой неутышною *(такъ)*,
Ёна жгётъ ёго́ да тѣло бѣлое.
Столько у́видалъ моло́денькой Добрынюшка,
Да й на крутоёмъ да онъ на бе́реги
То лежитъ колпакъ да земли греческой;
Енъ берётъ-то тотъ колпакъ да во бѣлы́ ручки,
Онъ со тою ли досадушки великою
Да ударилъ онъ змѣинища Горынища.
Еще пала-то змѣя да на сыру́ землю,
На сыру-то зе́млю пала во ковыль траву.
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
Очюнь смѣлой былъ да оворо́тистой,
Да й скочилъ-то онъ змѣищу на бѣлы́ груди,
Роспластать-то ёй хоти́тъ да груди бѣлыи,
Онъ хотитъ-то ёй срубить да буйны го́ловы.
Тутъ змѣинище Горынище молиласи:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— Не убей меня да змѣи лютою,
— Да спусти-тко по́летать да по бѣлу́ свѣту.
— Мы напишемъ съ то́бой записи проме́жъ собой,
— То велики записи немалыи:
— Не съѣзжаться бы вѣкъ по́ вѣку въ чисто́мъ поли,

— Намъ не дѣлать бою драки кроволитія промéжъ собой,
— Бою драки кроволитія великаго. —
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ скорёшенько сходилъ-то со бѣлóй груди;
Написали оны записи промéжъ собой,
То велики оны записи немалыи:
Не съѣзжаться бы вѣкъ пó вѣку въ чистóмъ поли,
Намъ не дѣлать бою драки кроволитьица промéжъ собой.
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скорёшенько бѣжалъ да ко добру́ коню,
Надѣвалъ свою одёжицу снарядную,
А й рубашечки-манѣшечки шелкóвеньки,
Всю одёжицу надѣлъ снарядную,
Онъ скорёшенько садился на добрá коня,
Выѣзжалъ Добрыня во чистó полё,
Посмотрѣть-то на змѣища на Горынища,
Да которымъ она мѣстечкомъ полéтитъ по чисту́ полю.
Да й летѣла-то змѣища черезъ Кіевъ градъ,
Ко сырóй земли змѣинища припáдала,
Унесла она у князя у Владыміра,
Унесла-то плéмянчку любимую,
Да прекрасную Забавушку Путятишну.
То пріѣхалъ-то Добрыня въ стольнiй Кіевъ градъ,
Да на свой Добрынин на широкой дворъ,
Да сходилъ Добрынюшка съ добрá коня.
Подбѣгаетъ къ нему пáробокъ любимыи,
Онъ берётъ коня да й богатырскаго,
Да й повелъ въ конюшенку въ стоялую,
Сталъ добрá коня да ёнъ розсёдлывать,
Да сталъ паробокъ добрá коня кормить поить,
Онъ кормить поить да сталъ улажывать.
То молóденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ прошолъ своёй полатой бѣлокаменной,
Заходилъ онъ во столову свою горенку

Ко своёй ко родною ко матушки,
То ничимъ Добрынюшка не хвастаётъ.

Тутъ молóденькой Добрынюшка Микитинецъ
На почестенъ пиръ ко князю сталъ похаживать;
То ходилъ Добрынюшка по дéнь поры,
Да ходилъ Добрыня по другóй поры,
Да ходилъ Добрынюшка по третей день.
То Владимíръ князь-отъ стольне-кіевской
Онъ по горенкѣ да и похаживатъ,
Пословечно государь онъ выговаривалъ:
«Áй жо вы мои да князи бóяра,
«Сильни русьскіе могучіе богáтыря,
«Éще вси волхи бы всѣ волшебники!
«Есть ли въ нашеёмъ во городи во Кіеви
«Таковы люди чтобъ съѣздить имъ да во чистó поле,
«Кó тымъ славнымъ горамъ да сорочинскімъ,
«Кó тымъ славнымъ горамъ да ко змѣинымъ,
«Кто бы могъ сходить во нóры во змѣиныи,
«Кто бы могъ достать да племинчку любимую,
«А прекрасную Забавушку Путятичну?»
Таковыхъ людей во градѣ не находится;
Не могýтъ-то съѣздити во дáлече чистó поле,
Кó тымъ славнымъ ко горамъ ко сорочинскімъ,
Да ко тымъ горамъ да ко змѣинымъ.
Тутъ Владимíръ князь-отъ стольнё-кіевской
А й по горенки да князь похаживалъ,
Пословечно государь ёнъ выговаривалъ:
«Ай жо вы мои да князи бóяра,
«Сильни русьскіи могучіе богáтыря!
«Задолжалъ-то я во земли во невѣрныи,
«У меня-то дани есть неплочены
«За двѣнадцать годъ да съ половиною».

Приходилъ-то о́нъ къ Михайлушкѣ ко По́тыку,
Говорилъ Михайлы таковы слова:
«Ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«А й ты съѣзди-тко во землю въ Политовскую,
«Къ королю-то къ Чубадѣю къ Политовскому,
«Отвези-тко дани за двѣнадцать годъ,
«За двѣнадцать годъ да й съ половиною».
При́шолъ къ старому къ каза́кѣ къ Ильи Муромцу,
Говорилъ Владыми́ръ таковы слова:
«Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«А ты съѣзди-тко во землю-ту во Шведскую,
«А ко то́му королю ты съѣзди къ Шведскому,
«Вывези-тко дани за двѣнадцать годъ,
«За двѣнадцать годъ да съ половиною».
Тутъ Олешенька Григорьевичъ по горенкѣ похаживатъ,
Пословечно князю выговариватъ:
— Ты Владыми́ръ князь да столенъ-кіёвской!
— А й пакинь-то ту вѣдь слу́жобку великую,
— Да велику слу́жобку немалую,
— На того да на моло́даго Добрынюшку,
— Чтобы съѣздилъ онъ во да́лече чисто́ полё,
— Ко́ тымъ славнымъ ко горамъ да сорочинскімъ,
— Да сходилъ бы онъ во норы во змѣиныи,
— Отыскалъ бы твою племничку любимую,
— Да прекрасную Забавушку Путятичну,
— А привёзъ бы ёнъ Забаву въ стольнё-Кіевъ градъ,
— Да къ тоби ко князю на широкой дворъ,
— Да привелъ бы во полаты въ бѣлокаменны,
— Да онъ подалъ бы тобѣ ю во бѣлы́ руки. —
Тутъ Владыми́ръ князь да стольнё-кіевской
Приходилъ-то онъ къ моло́дому Добрынюшки,
Говорилъ Добрыни таковы слова:
«Ты моло́денькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Налогаю то́би слу́жобку великую,

«Да й велику слу́жобку немаленьку:
«А й ты съѣзди-тко во да́лече дале́че во чисто́ поле,
«Ко́ тымъ славнымъ ко горамъ ко сорочинскімъ,
«Да сходи-тко ты во норы во змѣиныя,
«Отыщи-тко племянчку любимую
«А прекрасную Забавушку Путятичну,
«Привези-тко ты ю въ стольнё-Кіевъ градъ,
«Приведи-тко мни въ полаты въ бѣлокаменны,
«Да подай-ко ты Забаву во бѣлы́ руки».
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ за столикомъ сидитъ, самъ запечалился,
Запечалился онъ закручинился.
Выходилъ-то онъ за столиковъ дубовыехъ,
Выходилъ онъ за скамеечокъ окольнихъ,
Проходилъ-то ёнъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной,
Онъ съ честна́ пиру идетъ да и не весело.
Приходилъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Приходилъ онъ во столову сво́ю горенку,
Ко своёй ко ро́дною ко матушки.
Говоритъ Добрыня ро́дна матушка:
— Ай ты свѣтъ моё чадо́ любимое,
— Да й моло́денькой Добрынюшка Микитинецъ!
— Что съ честна́ пиру пришолъ да ты не весело?
— То мѣстечико было́ въ пиру не по́ чину?
— Али чарою въ пиру тобя пріо́бнесли?
— Аль кто пьяница дуракъ да пріобгалился[1])? —
Говорилъ Добрыня ро́дной матушки:
«Ай жо свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
«Да въ пиру-то мѣсто было по́ чину,
«А ’ще чарой во пиру меня не о́бнесли,
«Да то пьяница дуракъ да не обгалился, —

1) Т. е. насмѣялся.

«А й Владымiръ князь-отъ стольнё-кiевской
«Наложилъ-то мни-ка слу́жобку великую,
«А й великую мни служобку не малую:
«Ве́лѣлъ съѣздить мни во да́лече въ чисто́ поле,
«Ко́ тымъ славнымъ ко горамъ да къ сорочинскiимъ,
«Онъ велѣлъ сходить во норы во змѣиныи,
«Отыскать мнѣ ве́лѣлъ племянчку любимую,
«А прекрасную Забавушку Путятичну,
«Да и привезти велѣлъ ю въ стольнё-Кiевъ градъ,
«Привезти ко князю на широкой дворъ,
«Привезти ю во полаты въ бѣлокаменны,
«По́дать князю-то да во бѣлы́ руки».
«Говорила́ тутъ Добрыни ро́дна матушка:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— А ты ѣшь-ка пей да на спокой ложись,
— Утро мудренѣе жи́ветъ[1]) вечера. —
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ поѣлъ-то ѣствушокъ сахáрнiихъ,
Да попилъ-то питьицовъ медвяныихъ,
Молодой Добрыня на спокой улёгъ.
Да й по утрушку да то ранёхонько,
До исходъ зори да раннё-утренной,
До выста́ванья да красна солнышка,
Да й будила-то Добрыню ро́дна матушка:
— А ставай-ко ты молоденькой Добрынюшка!
— Да ты дѣлай дѣло повелѣное,
— Сослужи-тко эту слу́жебку великую. —
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скоренько сталъ да то й отъ крѣпка сна,
Умывался-то Добрынюшка бѣлёшенько,
Надѣвался онъ да й хорошохонько,
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной

1) Т. е. бываетъ.

Да й на свой на славный на широкой дворъ,
Приходилъ ёнъ во конюшеньку въ стоялую,
Бралъ коня Добрыня богатырскаго,
Да й сѣдлалъ Добрынюшка добра́ коня,
Да й садился-то Добрыня на добра́ коня,
Выѣзжалъ Добрыня съ широка́ двора.
Тутъ заплакала Добрынюшкина матушка,
Она стала-то ронить да слёзъ горючіихъ,
Она стала-то скорбить да ли́чка бѣлаго,
Говорила-то она да й таковы слова:
— Я Добрынюшку безсчастнаго споро́дила!
— Какъ войдетъ-то енъ во норы въ змѣиныи,
— Да войдетъ ко тымъ змѣямъ ко лютымъ,
— Поросто́чатъ-то его да тѣло бѣлое,
— Еще выпьютъ со Добрыни суровую́ кровь. —
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю.
Еще день-то за́ день быдто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ;
Да онъ въ день ѣха́лъ по красному по солнышку,
То онъ въ ночь ѣха́лъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Онъ подъѣхалъ ко горамъ да къ сорочинскіимъ,
Да сталъ ѣздить по роздольицу чисту́ полю,
Сталъ онъ малыехъ змѣёнышевъ потаптывать.
Й онъ проѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера,
Притопталъ-то много множество зміёнышовъ.
Й услыхалъ моло́денькой Добрынюшка,
Его доброй конь да богатырскіи
А сталъ па́ ноги да конь припадывать.
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Бе́ретъ плеточку шелко́ву во бѣлы́ руки,
То онъ билъ коня да й богатырскаго,
Первый разъ его ударилъ промежу́ уши,
Дру́гой разъ ударилъ промежу́ ноги,

Промежъ ноги онъ ударилъ промежъ задніи,
Да й онъ билъ коня да не жалухою,
Да со всей онъ силы съ богатырскою,
Ёнъ давалъ ему удары-ты тяжелыи.
Его доброй конь да богатырскіи
По чисту́ полю онъ сталъ поскакивать,
По цѣло́й версты онъ сталъ помахивать,
По колѣну сталъ въ земелюшку погрязывать,
Изъ земелюшки сталъ по́жёкъ ёнъ выхватывать,
По сѣдной куппы земельки ёнъ вывёртывалъ,
За три выстрѣлу *(такъ)* онъ камешки откидывалъ.
Й онъ скакалъ-то по чисту́ полю, помахивалъ,
Й онъ отъ ногъ своихъ змѣёнышевъ отряхивалъ,
Потопталъ всихъ малыихъ зміёнышовъ.
Подъѣзжалъ онъ ко норамъ да ко змѣиныимъ,
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Да й сходилъ Добрыня со добра́ коня
Онъ на матушку да на сыру землю,
Облащался-то *(такъ)* молоденькой Добрынюшка
Во доспѣхи онъ да въ сво́и крѣпкіи:
Во-первы́хъ бралъ саблю сво́ю вострую,
На бѣлы́ груди копьё клалъ муржамецкоё,
Онъ подъ лѣвую да и подъ пазушку
Пологалъ ёнъ палицку булатнюю,
Подъ кушакъ ёнъ клалъ шалыгу подорожную,
Й онъ пошолъ во ты во норы во змѣиныи.
Приходилъ ёнъ ко норамъ да ко змѣиныимъ,
Тамъ затворамы затворено-то мѣдныма,
Да подпорамы-то по́дперто жалѣзныма,
Такъ нельзя войти во норы во змѣиныи.
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
А подпоры онъ жалѣзныи откидывалъ,
Да й затворы-ты онъ мѣдныи отдвигивалъ,
Онъ прошолъ во норы во змѣиныи.

Посмотрѣлъ-то онъ на норы на змѣиныи,
А й во тыхъ порахъ да во змѣиныихъ
Много множество да полонóвъ сидитъ,
Полонá сидятъ да всё расейскіи,
А й сидятъ-то тамъ да князи бóяра,
Сúдятъ русьскіи могучіи богáтыря.
Похотѣлось-то молóдому Добрынюшки,
Похотѣлось-то Добрыни полонá считать,
Й онъ пошолъ какъ по норáмъ да по змѣиныимъ,
Начиталъ-то полонóвъ ёнъ много множество,
Да й дошолъ ёпъ до змѣинища Горынища;
А й у той-то у змѣища у проклятою
Да й сидитъ Забавушку Путятична.
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«Ай жо ты Забавушка Путятична!
«Да ставай скоренько на рѣзвы́ ноги,
«Выходи-тко ты со норъ да со змѣиныихъ,
«Мы поѣдемъ-ко съ тобой да въ стольнё-Кіевъ градъ.
«За тобя-то ѣзжу да я страньствую
«Да й по дáлечу далéчу по чисты́мъ полямъ,
«Да хожу я по норамъ да по змѣиныимъ».
Говоритъ ёмý змѣинищо Горынищо:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— Не отдамъ тобѣ Забавушки Путятичной
— Безъ бою безъ драки кроволитія.
— А у насъ-то съ тóбой записи написаны
— Да у тою ли у славною Пучай-рѣки,
— Не съѣзжаться бъ намъ въ роздольицѣ чистóмъ поли,
— Намъ не дѣлать бóю драки кроволитія
— Да промéжъ собой бы намъ великаго.
— Ты пріѣхалъ ко горамъ да сорочинскіемъ,
— Потопталъ ты малыихъ змѣёнышовъ,
— Выпущаешь полонá отсюль расейскіи,
— Увезти хотúшь Забавушку Путятичну. —

Говорилъ-то ёй молоденькой Добрынюшка:
«Ай же ты змѣинище проклятая!
«А й когда ты полетѣла отъ Пучай-рѣки,
«Да зачимъ жо ты летѣла черезъ Кіевъ градъ?
«Да почто же ты къ сырой земли припáдала?
«Да почто же унесла у насъ Забавушку Путятичну?»
Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Да за нёй бралъ ю перстни за злаченыи,
Да повелъ-то ю изъ норъ онъ изъ змѣиныихъ.
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«Ай же полонá да вы расейскіи!
«Выходите-тко со норъ вы со змѣиныихъ,
«А й ступайте-тко да по своимъ мѣстамъ,
«По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ».
Какъ пошли-то полонá эты расейскіи
А й со тыхъ со норъ да й со змѣиныихъ,
У ихъ сдѣлался да то и шумъ великъ.
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
Приходилъ Добрыня ко добрý коню,
А й садилъ-то ёпъ Забаву на добрá коня,
На добрá коня садилъ ю къ головы хребтомъ,
Самъ Добрынюшка садился къ головы лицёмъ,
Да й поѣхалъ-то Добрыня въ стольнё-Кіевъ градъ.
Онъ пріѣхалъ къ князю на широкой дворъ,
Да й сходилъ Добрыня со добрá коня,
Опущаетъ онъ Забавушку Путятичну,
Да повелъ въ полаты въ бѣлокаменны,
Да онъ подалъ князю ю Владыміру
Во его во бѣлыи во ручушки.
А тутъ этоёй старинушки славý поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 24 ноября.

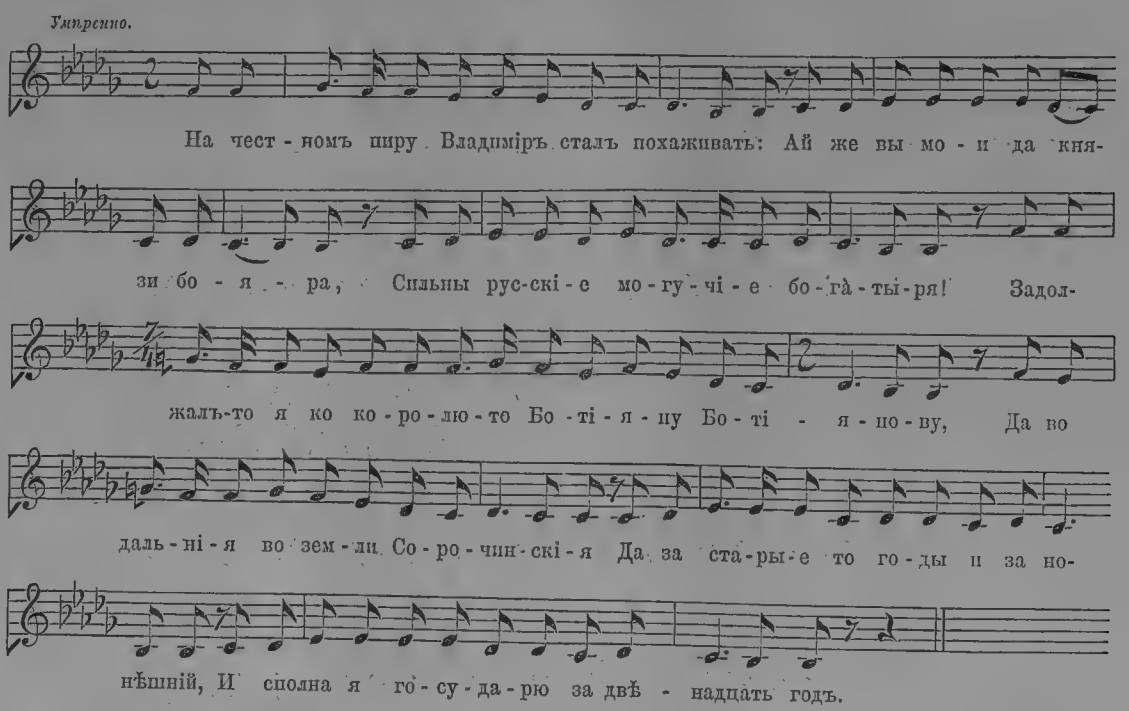
80.

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛІЙ КАЗИМІРОВЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 27).

А Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Заводилъ почестенъ пиръ да й пированьице
На многи́хъ князей да на всихъ бо́яровъ,
На всихъ сильнихъ русьскіихъ могучихъ на бога́тырей
А й на славныхъ поляницъ да на уда́лыихъ.
На честномъ пиру Владыміръ сталъ похаживать:
«Ай же вы мои да князи бо́яра,
«Сильни русьскіе могучіе бога́тыря!
«Задолжалъ-то я ко ко́ролю-то Ботіяну Ботіянову
«Да во тые дальніе во земли Сорочинскіе
«Да за старые-то годы и за попѣшній,
«Исполна я государю за двѣнадцать годъ,
«За двѣнадцать годъ да й съ половиною.
«Кого же мнѣ послать туды отве́зти дани выходы
«За двѣнадцать годъ да й съ половиною
«Къ королю-то къ Ботіяну Ботіянову,
«А двѣнадцать ле́бедей, двѣнадцать кречепей,
«А 'ще грамоту да и повинную?»
Всѣ бога́тыря за столикомъ умолкнули,
Всѣ умолкнули и пріутихнули,
Какъ бога́тыри за столикомъ-то притулялися,
А большая-то тули́тся за середнюю,
А середня ту́лится за меньшую,
А отъ меньшоёй отъ ту́лицы отвѣту нѣтъ.
Изъ-за тыхъ ли-то за столичковъ дубовыихъ,
Изъ-за тыхъ ли-то скамеечекъ окольніихъ
Вышелъ старыя Перми́нъ да сынъ Ивановичъ,
Сталъ по горенкѣ ёнъ Пе́рминъ да похаживать
А Владыміру князю́ да сталъ ёнъ поговаривать:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!

2) Про Добрыню и Василія Казимірова (см. № 80, стр. 70).



— Бласлови-тко государь мнѣ сло́вце вымолвить.
— А 'ще знаю я кого послать поѣхати
— А й во дальнія-ты земли въ Сорочинскіи:
— Послать мо́лода Васильюшка Кази́мірова.
— Молодо́й Васильюшко Кази́міровъ
— Й отвезётъ ёнъ дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да й съ половиною. —
И тутъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Ёнъ скоренько шолъ да по столовой своей горенки,
Бралъ ёнъ чарочку да во бѣлы́ ручки,
Наливалъ-то чару зелена́ вина
Й онъ не малую стопу да й полтора ведра,
Розводилъ-то ёнъ медамы все стоялыма,
Подносилъ-то ёнъ къ Васильюшку къ Кази́мірову.
Мо́лодои-то Васильюшко Кази́міровъ
Енъ скорешенько ставаетъ па рѣзвы́ ножки
И бе́ретъ чарочку отъ князя во бѣлы́ руки,
Принялъ чарочку одной ручкой
И выпилъ чарочку однимъ духомъ,
И на ногахъ Васильюшко стои́тъ онъ, не пошáтнется,
И говоритъ-то онъ со княземъ, не мѣшается,
И спромолвилъ-то онъ князю-то Владыміру,
Говорилъ ёнъ князю таковы слова:
— Ай же ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Е́ще ѣду-то я въ земли-ты во дальни Сорочинскіи,
— А й везу я дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ и съ половиною;
— Столько дай ты мнѣ-ка во товарищахъ
— Моёго́-то братца да крестоваго,
— А й моло́даго Добрынюшку Микитинца. —
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Ёнъ идетъ-то по столовой сво́ей горенки,
Бе́ретъ чарочку Владыміръ во бѣлы́ ручки,
Налилъ чарочку Владыміръ зелена́ вина,

Енъ не малую стопу да полтора ведра,
Розводилъ-то онъ медамы всё стоялыма,
Подносилъ-то ёнъ къ молодому къ Добрынюшкѣ.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвы́ ножки,
Эту чарочку онъ бралъ да во бѣлы́ ручки
Й отъ того отъ князя отъ Владыміра,
Е́ще бралъ ёнъ чарочку одной ручкой
И выпивалъ ёнъ чарочку одны́мъ душкомъ.
На погахъ стоитъ Добрыня, не пошáтнется,
Говоритъ онъ съ княземъ, не мѣшается:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Бласлови мнѣ государь словцё повымолвить.
— Ѣду я въ товарищахъ съ Васпльюшкомъ
— И везу я дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ и съ половиною;
— Столько дай-ка намъ еще да во товарищахъ
— Моёго-то братца да крестоваго,
— Молодáго Иванушка Дубровича;
— А й ему-то вѣдь Иванушку коней сѣдлать,
— Да ёму Иванушку й розсѣдлывать;
— Е́му плети подавать да плети прúнимать. —
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Йдетъ по своёй онъ по столовоей по горенки,
Бéретъ чарочку Владыміръ во бѣлы́ ручки
Наливалъ ёнъ чару зелена́ вина,
А й не малую стопу да полтора ведра,
Подносилъ онъ ко Иванушку Дубровичу.
А й ставалъ Иванушко Дубровичъ на рѣзвы́ ножки,
Да онъ чарочку ту бралъ да во бѣлы́ ручки,
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
Выпилъ чарочку Иванушко однимъ душкомъ,
На погахъ стоитъ Иванушко, да не пошáтнется,
Говоритъ Иванъ да не мѣшается:

— Ты Владиміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
— Бласлови-тко государь словцё повымолвить.
— Е́ще ѣду я въ товарищахъ съ Васильюшкомъ,
— Съ молодымъ Добрынюшкой Микитинцемъ,
— Да везу я эти дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною. —
Молодой Васильюшко Кази́міровъ,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
Молодой Иванушко Дубровичъ-отъ
Выходили изъ-за столиковъ дубовыихъ,
Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольніихъ.
Молодо́й Васильюшко Кази́міровъ
Сталъ по горенки Васильюшко похаживать,
Пословечно сталъ онъ князю выговаривать:
— Ты Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
— Приноси-тко ты намъ дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною,
— А двѣнадцать креченей, двѣнадцать лебедей,
— Насыпай-ко мисы чиста се́ребра,
— А й другіе мисы красна золота,
— Третьи мисы насыпай-ко скатна жемчугу. —
Тутъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
А й беретъ-то онъ скоренько золоты ключи,
Й онъ на погребы́ идетъ да на глубокіи,
То беретъ-то онъ двѣнадцать лебедей,
А двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
Насыпалъ-то первы мисы чиста се́ребра,
Да й другія мисы красна золота,
Третьи мисы насыпалъ онъ скатна жемчугу,
Приносилъ онъ во полату бѣлокаменну,
Подавалъ бога́тырямъ да святорусьскіимъ
Со своихъ-то онъ со бѣлыихъ со ручушекъ.
Тутъ бога́тыри да святорусьскіи
Й оны Господу тутъ Богу помолилися,

На всѣ на три на четыре на сторонушки клонилися,
Да со всима молодцамы попростилися,
Да съ самы́мъ они со княземъ со Владыміромъ,
Со Опраксіей да королевичной.
Выходили молодцы они съ полатъ да бѣлокаменныхъ,
Шли оны по граду-то по Кіеву,
О́ны думушку-то думали заобщую:
«Гдѣ намъ съѣхаться въ роздольицѣ въ чисто́мъ поли,
«На своихъ на добрыихъ коняхъ да богатырскіихъ?»
Говорилъ-то имъ Васильюшко Кази́міровъ:
— Ай же братьица мои крестовыи,
— Ай ты славная дружинушка хоробрая!
— То мы съѣдемся въ роздольици чисто́мъ поли
— Да у славнаго сыра дуба́ у Не́вида,
— Да й у славнаго у каменя у Латыря
— Да й на тыхъ мы на дороженкахъ крестовыихъ. —
Тутъ пошли-то добры мо́лодцы въ свои полаты бѣлокаменны,
Оны стали добрыхъ конюшокъ засѣдлывать,
Да засѣдлывать добры́хъ коней улаживать.
Мо́лодой Добрынюшка Микитинецъ
Й онъ пришолъ въ свою полату бѣлокаменну,
Со честна́ пиру пришолъ-то да не весело.
Говорила тутъ Добрыни ро́дна матушка:
«Ай же свѣтъ моё чадо́ любимое!
«Ты съ честна пиру́ пришолъ да что не весело?
«То ли мѣстечко въ пиру было не по́ чину?
«Али чарою въ пиру тобя пріобнесли?
«Али пьяница дуракъ кто пріобгалился?»
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
— Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
— А 'ще мѣсто-то въ пиру мнѣ было по́ чину,
— Меня чарою въ пиру да тамъ не о́бнесли
— А 'ще пьяница дуракъ мнѣ не обгалился.

— То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
— Наложилъ ёнъ слу́жобку великую
— И велику слу́жобку немалую:
— Отвести-то надо дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною,
— Да й во дальніи во земли въ Сорочинскіи,
— Да во ту во саму во темну́ орду. —
Говорилъ-то ёнъ да сво́ёй ро́дной матушкѣ:
— Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
— Да й безчастнаго спороди́ла Добрынюшку:
— Е́ще лучше бы Добрынюшку спороди́ла
— А й горючіимъ да бѣлымъ камешкомъ,
— Завертѣла бы во тонкой бѣленькой рукавчичекъ,
— Подошла бы ты ко славному къ Кіянъ-морю,
— Бросила бы ты да этотъ камешокъ въ Кіянъ-море,
— Въ Окіянъ-море глубокое! —
Говорила тутъ Добрынѣ родна ма́тушка,
Говорила о́на да горько̀ заплакала:
«Ай же свѣтъ моё чадо́ любимое,
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Если бъ знала надъ тобою я незгодушку,
«Еще этое бы знала безвреме́ньице великое,
«То не такъ бы я тобя Добрынюшку спороди́ла:
«Я спороди́ла бъ тобя да и Добрынюшку
«Возрастомъ-то въ стараго каза́ка Илью Муромца,
«То́бе сплушкой Добрынюшку спороди́ла
«Да й во славна Святогора во бога́тыря,
«Я бы смѣлостью Добрынюшку спороди́ла
«Да й во славнаго бога́тыря въ Олешеньку Поповича,
«Красотою бы спороди́ла Добрынюшку
«Да во славнаго-то князя во Владыміра!»
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Говорилъ своёй онъ ро́дной матушкѣ:
— Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка

— Да й честна вдова Намельфа Тимофеевна,
— Дай прощеньицо мнѣ-ка благословленьицо,
— Дай на тыя вѣки нерушимыи! —
И тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Надѣвалъ онъ на себя одежицу дорогоцѣнную
И рубашечки манишечки шелкóвеньки,
Всю хорошеньку одежицу снарядную;
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной
А й на свой-то вышелъ на широкой дворъ,
Заходилъ онъ во конюшенку въ стоялую,
Бралъ коня Добрыня богатырскаго,
Выводилъ онъ со конюшенки стоялоей
А на свой-тотъ вывелъ на широкой дворъ,
Сталъ добрá коня Добрынюшка засѣдлывать,
Сталъ засѣдлывать добрá коня улаживать;
На добрá коня покладывастъ потничекъ,
А онъ потничкомъ да то клалъ войлочекъ
Да подъ потникомъ подпотничекъ шелкóвенькой,
На подпотничекъ сѣделышко черкасское,
И черкаское сѣделышко хорóшенько,
Да которое сѣделышко былò да изукрашено,
Дорогима-то шелками пообшúвано,
Да й червонымъ золотомъ обвúвано;
То онъ подпруги подтягивалъ шелкóвеньки,
Да й шпилечки онъ встягивалъ булатніи,
Пряжечки онъ пóлагалъ да красна золота,
А двѣнадцать подпруговъ подтя́галъ настоящіихъ,
Да й тринадцатой-тотъ подпругъ онъ покла́дастъ запасныи.

Говоритъ Добрынѣ рóдна матушка:
«Ой же свѣтъ моё чадó любимое.
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Ты покла́далъ на добрá коня да богатырскаго
«А двѣнадцать подпруговъ да настоящіихъ:

«Еще что же полагаешь ты тринадцатый-то подпругъ да запасный?»

Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:

— Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
— Какъ я буду-то во да́лече дале́че во чисто́мъ полѣ
— Да во тою во земли во Сорочинскою,
— Въ тую порушку да въ тое времечко
— Наѣзжать будутъ ко мнѣ люди могучіи,
— И будутъ-то силушки моей отвѣдывать
— А й тѣснить-то будутъ во чисто́мъ поли:
— Въ тую порушку да въ тое времечко
— Похочу я съ нима попротивиться,
— Чтобы было мнѣ на что да понадѣяться,
— Чтобы доброй конь мой да и богатырскіи
— Съ-подъ сѣделышка да онъ не выскочилъ,
— И на кони сидѣлъ бы доброй мо́лодецъ, не старился. —

А й садится-то Добрыня на добра́ коня;
Говорила тутъ Добрынина-та матушка:
«Ай же свѣтъ моя любимая семеюшка,
«Молода Настасьюшка Микулична!
«Ты чего сидишь во терёмѣ въ златомъ верху?
«Надъ собою ли незгодушки не вѣдаёшь?
«Закатается-то наше красно солнышко
«Да за этыи за горы за высокіи
«Да й за этыи за лѣсушки за темныи,
«А й съѣзжаетъ-то Добрыня съ широка́ двора.
«А й подп-тко ты скоренько на шпрокъ на дворъ,
«Да й зайди-тко ты Добрынюшкѣ съ бѣла́ лица,
«По́дойди къ него ко правому ко стремячкѣ,
«Говори-тко ты Добрынѣ не съ упадкою,
«Поспроси-тко у моло́даго Добрынюшки:
«Опъ дале́че ль ѣдетъ, куды путь держитъ?
«Скоро ждать велитъ намъ, когды до́жидать?
«Намъ когда́ й велитъ въ окошечко посматривать?»

Мóлода Настасьюшка Микулична
Какъ скорешенько бѣжала на широкій дворъ,
И въ одной тонкóй рубашечкѣ безъ пояса
И въ одныхъ тонкúхъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
То зашла она Добрынѣ со бѣлá личка,
Подошла къ него ко стремечки ко правому,
Да й ко правому ко стремечки къ булатному,
И говорила-то Добрынѣ не съ упадкою:
«Ай же свѣтъ моя любимая здержавушка,
«Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
«Ты далéче ль ѣдешь, куды путь держишь?
«Скоро ль ждать велишь намъ, когда дóжидать?
«Намъ когда велишь въ окошечко посматривать?»
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
— Ай же ты моя любимая семеюшка,
— Молода Настасьюшка Микулична!
— Когда стала у меня про то выспрашивать,
— Я стануý про то тебѣ высказывать:
— Перво шесть годовъ-то за собя пожди,
— Дрýго шесть годовъ такъ за меня пожди,
— Того времечки исполнится двѣнадцать годъ,
— Да й ходи-тко ты тогда во мой зеленой садъ,
— Ты посматривай-тко на сахáрне мое деревце:
— Если буде прилетать-то голубъ со голубушкой,
— Станетъ голубъ со голубушкой на деревцѣ прогуркивать,
— А что нѣтъ живà Добрынюшки Микитинца,
— А й побитъ Добрынюшка въ чистóмъ поли,
— Поросплastаны его да груди бѣлыи,
— Да й повынято его сердцé со пéченей,
— Поотрублена́ ему буйна́ головушка,
— А й брошѐнъ Добрыня за ракитовъ кустъ.
— Въ тую порушку да въ тое времечко
— Да смотри ты на свой на широкій дворъ:
— Прибѣжитъ-то какъ мой добрый конь да богатырскіи

— А й на вашъ-то на вдовиной дворъ,
— А й тогда вы въ тую пору въ тое времечко
— Про меня тогда вы и узнаете,
— А что нѣтъ жива̀ Добрынюшки Микитинца;
— А й тогда ты хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди,
— Хоть за князя ты поди, хоть за боярина,
— Хоть за сильняго за русьскаго могучаго бога́тыря,
— Столько не ходи-тко замужъ за бога́тыря,
— За того Олешенку Поповича,
— А й за бабьяго да за насмѣшника, —
— А й Олеша-тотъ Поповичъ мнѣ названый братъ. —
На кони-то молодца да вид'ли сядучись,
Со двора его не видѣли поѣдучись.
Со двора онъ ѣхалъ не воротами,
Й онъ изъ города-то ѣхалъ не дорожкою,
Ѣхалъ прямо черезъ стѣну городовую.
Какъ онъ ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Похотѣлось тутъ моло́дому Добрынюшкѣ
Попытать коня да й богатырскаго,
Поотвѣдать ёго силушку великую.
Да й беретъ онъ плёточку шелко́ву во бѣлы́ руки,
Да онъ билъ коня да по крути́мъ ребрамъ,
По крутымъ ребрамъ ёнъ билъ да не жалухою,
А й со всёю сво́ей силы съ богатырскою.
Его доброй конь да богатырскій
То пошолъ скакать да по чисту́ полю,
По цѣло́й версты онъ да поскакивалъ,
По колѣнушку въ земельку ёнъ угрязывалъ,
Изъ земельки свои ноженьки выхватывалъ,
По сѣнной куппы земелюшки вывертывалъ,
За три выстрѣлу онъ камешки откидывалъ.
Такъ не молвія въ чисто́мъ поли промолвила,
Да й проѣхалъ-то Добрыня на добро́мъ кони,
То вси травушки муравы оплеталися,

Вси лазуревы цвѣточки осыпалися,
И мелкíи лѣсушки къ земли вси приклонялися.
Онъ-то ѣхалъ по роздольицу чистý полю,
А й ко сы́рому ко дубу ёпъ ко Нéвину,
Къ тому славному ко каменю Олатырю;
Ёпъ наѣхалъ своихъ братьицевъ крестовыихъ.
И сходили молодци тутъ со добры́хъ коней,
Да й ходили-то пѣхотой по чистý полю,
Й оны думушку все думали-то крѣпкую,
Думушку-ту крѣпкую велпкую,
Что намъ дальняя дорожка не короткая;
Й они сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
На своихъ на до́брыхъ ко́няхъ богатырскíихъ.
Они въ день ѣду́тъ по красному по солнышку,
Въ ночь ѣду́тъ по свѣтлому по мѣсяцу.
А 'ще день за день какъ быдто дождь дождитъ,
Да й недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ,
Добры молодци дороженку коро́таютъ.
Оны ѣдутъ-то по славному роздольицу чисту́ полю,
Да й пріѣхали во земли Сорочинскíи,
Къ ко́ролю-то Ботеяну на широкой дворъ.
Съ до́брыхъ ко́ней молодци да й опустилися,
То не спустили до́брыхъ ко́ней на посыльной дворъ;
Молодой Василюшко Кази́міровъ
Онъ беретъ свое копье да муржамецкое,
Онъ спустилъ копье во матушку-то во сыру землю,
Во сыру́ землю спустилъ копье востры́мъ концемъ,
Добрыхъ ко́ней бы къ копью да онъ привязывалъ,
Никого-то къ добрымъ ко́нямъ не приказывалъ.
Пороздернули оны поло́тно бѣлое,
Насыпа́ли-то пшену да бѣлоярову
Своимъ добрымъ конямъ богатырскíимъ.
Да беретъ-то дани онъ подъ пазушку,
А двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,

Да еще онъ бе́ретъ грамоту повинную;
Брали о́ни мисы чиста се́ребра,
А й другія мисы брали съ краснымъ золотомъ,
Третьи мисы о́ни брали скатна жемчугу,
И пошли оны въ полаты бѣлокаменны,
Заходили во полату въ бѣлокаменну,
Да й пошли-то во столовую во горенку.
Молодой Васильюшко Кази́міровъ
На пяту́ онъ идетъ, двери порозмахиватъ,
То они какъ Господу-то Богу помолилися,
Оны крест-отъ клали по писа́ному,
Да й вели поклоны по учёному,
На всп на три на четыре на сторонушки да низко кланялись,
Самому-то ко́ролю въ особину,
Еще всимъ его князьямъ да подколѣнныимъ.
Сталъ король у добрыихъ у мо́лодцевъ выспрашивать:
«Вы откулешни породни добры молодци?
«Еще какъ-то мо́лодцевъ васъ именёмъ зовутъ,
«Звеличаютъ молодцевъ васъ по отечеству?»
Говорили мо́лодци да таковы слова:
— Есте мы со матушки святой Руси
— Да й отъ славнаго отъ князя отъ Владыміра,
— Привезли какъ къ то́би дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною.—
Полагать ли стали данеи-тыхъ на зо́лотъ столъ,
Положили-то двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
Положили первы мисы чиста се́ребра,
А й другія мисы красна золота,
Третьи мисы полагали скатна жемчуга,
Положили грамоту повинную.
А й король-отъ Ботіянъ да Ботіяновичъ
Ёнъ садилъ-то ихъ за столикъ за дубовыи
Да й за тыя ли скамеечки окольніи,
То онъ не ѣствушкой кормилъ ихъ да саха́рнею

Да й не питьицемъ поплъ ихъ да медвянымъ,
Да онъ сталъ у добрыхъ мо́лодцевъ выспрашивать:
«Ай же вы удаленьки дородни добры мо̀лодци!
«Еще есть ли-то на вашей на святой Руси
«Да у славнаго у князя у Владыміра,
«У нихъ есть ли та игра да и картежная,
«А играютъ ли оны да въ шашки шахматы
«Да й во славны во велѐи во нѣмецкіи?
«А ’еще кто изъ васъ гораздъ съиграть во шашки-ты во шахматы,
«Да во славны во велѐи въ нѣмецкіи?»
Говорилъ ему молоденькой Васильюшко Казѝміровъ:
— Ай же славныи коро́ль земли Литовскія!
— У меня всѣ игроки дома́ оставлены,
— Только есте у меня надѣюшка
— То на Спаса на Пречисту Богородицу,
— Да на сво́его на братца на крестоваго,
— На моло́даго Добрынюшку Микитинца. —
Приносили къ нимъ-то доску эту шашецну;
Какъ сыграли въ первый разъ да въ и́гру шашечну,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ со тою со великой со горячности
Просмотрѣлъ одинъ да сту́пень шашечной,
Обыгралъ его король да вѣдь литовскіи
Ботіянъ да Ботіяновецъ,
Й онъ повыигралъ у мо̀лода Добрынюшки добра́ коня,
А й добра́ коня онъ богатырскаго.
А й подъ дру́гую игру они зало́ги-ты покла́дали,
А й король-отъ полагаетъ онъ великую безсчетну золоту казну,
А и молодой Добрынюшка Микитинецъ
Поло́жилъ залогомъ свою буйную головушку.
Какъ сыграли-то они да е́ще дру́гой разъ,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ

Тутъ онъ короля да и поо́быгралъ.
Еще третей разъ сыграли и́гру шашечну.
Говорилъ-то вѣдь король-тотъ Ботіянъ да Ботіяновецъ:
«Ай же славныи бога́тыри вы святорусьскіи!
«Изъ васъ кто-то есть гораздъ стрѣлять изъ луку изъ розрывчата
«И пропу́щать тая стрѣлочка кале́ная
«По тому ли по остре́ю по ножовому
«Да во то́е во колечико серебряно,
«Чтобы стрѣлочка катилася кале́ная
«По тому катилася остре́ю по ножовому,
«На двѣ стороны она шла бы вѣсо́мъ ровно
«И угодила бы въ колечико серебряно?»
Говорилъ Васильюшко Кази́міровъ:
— Ай же ко́роль Ботіянъ да Ботіяновецъ!
— Я не зналъ твоёй утѣхи королевскою,
— Да своёй не зналъ ухватки богатырскою.
— У меня всѣ стрѣльцы-ты дома́ оставлены,
— У меня столько надѣюшка
— Что на Спаса на пречисту Богородицу,
— Да на своего на братца на крестоваго
— Да на мо́лода Добрынюшку Микитинца. —
Говорилъ король своимъ онъ слу́гамъ вѣрныимъ:
«Ай же вы мои да слуги вѣрныя!
«Вы поднте-ко на погребъ на глубокія,
«А й несите-тко мой королевской лукъ,
«Да й подайте-тко бога́тырю да святорусьскому
«А й моло́дому Добрынюшкѣ Микитинцу».
И пошли его да слуги вѣрныя,
На него-то шли на погребъ на глубокіи,
А й несутъ они да королевской лукъ,
А и три ихъ четыре́ татарина,
Подносили-то къ моло́дому къ Добрынюшкѣ.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ

А й беретъ онъ ту́гой лукъ розрывчатый,
Сталъ онъ стрѣлочекъ Добрынюшка накладывать,
Сталъ тетивочекъ Добрынюшка натягивать,
И сталъ ту́гой лукъ розрывчатый полапывать,
А й поро́зорвалъ онъ ту́гой лукъ, повыломалъ.
Говорилъ-то тутъ Добрыня таковы слова:
— Ай же ты коро́ль Ботьянъ да Ботіяновецъ!
— А й твое-то есте дря́нное лучепочко пометное,
— Да не и́зъ чего бога́тырю повыстрѣлить,
— Пропустить-то мнѣ-ка стрѣлочку каленую
— По тому острію по ножовому
— Да й во тое во колечико серебряно. —
Говорилъ король онъ таковы слова:
«Ай же вы да слуги мои вѣрныи!
«Вы ступайте-тко на мо́и на глубокъ погребъ,
«Да двѣнадцать вы бога́тырей могучіихъ,
«И несп-тко мой вы самолучшій лукъ,
«Самолучшій лукъ вы королевскіи».
Какъ идетъ туда дружина королевская,
Да двѣнадцать молодцёвъ да все бога́тырей,
И несутъ они да королевской лукъ,
Да й подносятъ ко моло́ду ко Добрынюшкѣ.
Молодои-то Добрынюшка Микитиницъ
Берѣтъ-то онъ ихъ ту́гой лукъ розрывчатый,
Какъ-то сталъ Добрыня стрѣлочекъ накладывать,
Сталъ тетивочекъ Добрынюшка натягивать,
Да и шелковы тетивочки-ты стали всѣ полапывать,
А й порозорвалъ онъ ту́гой лукъ, повыломалъ.
И говорилъ-то какъ Добрыня таковы слова:
— Ай же ты коро́ль Ботьянъ да Ботіяновецъ!
— Твое дря́нное лученочко пометное,
— Да не изъ чего́ бога́тырю повыстрѣлить,
— Пропустить-то этой стрѣлочки каленыи
— По тому остре́ю по ножовому,

— Да й во то въ колечико серебряно.—
Говоритъ-то тутъ Добрынюшка Микитинецъ:
— Ай же братецъ мой крестовыи,
— Молодой Иванушко Дубровичу *(такъ)!*
— А й поди-ко ты на славной на широкой дворъ
— Къ моему коню да къ богатырскому,
— Моего коня ты уговаривай,
— По́ди-тко ты къ правому ко стремени булатнему,
— Отстени мой ту́гой лукъ розрывчатой,
— Да й неси-тко во полату бѣлокаменну
— Мое дря́нное лученышко завозное. —
Какъ идетъ Иванъ Дубровицъ на широкъ на дворъ,
Ко добру́ коню онъ шолъ да ко Добрынину,
Сталъ добря́ коня онъ уговаривать,
Шолъ ко правому онъ стремени къ булатнему,
Отстянулъ-то онъ и ту́гой лукъ розрывчатой,
Енъ понесъ-то во полату бѣлокаменну.
У того моло́даго Добрынюшки Микитинца
Во тоемъ луку да во розрывчатомъ,
Во томъ ли-то да въ тупомъ концу,
Были сдѣланы гуселышка яровчаты,
Да не для-ради́ красы онъ сдѣлалъ для угожества,
А то для-ради́ потѣхи молодецкою;
Такъ понесъ Иванъ Дубровичъ этотъ ту́гой лукъ,
Этотъ ту́гой лукъ понесъ да и розрывчатой,
Да й во славны во полаты бѣлокаменны,
И заигралъ ёнъ во гуселышка въ яровчаты.
Тутъ всѣ татара той игры розслухались,
И не слыхали-то игры такой на се́мъ свѣти.
Подносилъ-то ёнъ вѣдь ту́гой лукъ розрывчатой
Да ко своему ко братцу ко крестовому
Да й ко мо́лоду къ Добрынюшкѣ Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ беретъ свой ту́гой лукъ розрывчатой

И во свои беретъ во бѣлыя во ручушки,
Становился-то й Добрыня на рѣзвы́ ножки
Супротивъ колечика серебряна,
Й онъ три разъ стрѣлялъ Добрынюшка Микитинищъ
По тому онъ по острію по ножовому,
Угодилъ три разъ въ колечико серебряно.
А й король-отъ Ботіянъ да Ботіяновецъ
Становился-то онъ супротивъ колечика серебряна,
А онъ бралъ-то свой-отъ ту́гой лукъ розрывчатой,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелко́вую,
Да спустилъ эту́ тетивочку шелко́вую
Да во эту ёнъ во стрѣлочку каленую.
Первой разъ-то стрѣлилъ, енъ пере́стрѣлилъ,
А й другой разъ стрѣлилъ, такъ не до́стрѣлилъ,
Третій разъ-то какъ онъ стрѣлилъ, такъ попасть не могъ.
Королю-то это дѣло не слюбилося,
Не слюбилось это дѣло, не въ люби́ пришло,
Говоритъ король-отъ таковы слова:
«Ай же славныя бога́тырь святоруськія!
«Кто изъ васъ естѣ гораздъ бороться объ одной ручкѣ?
«Выходите-тко на мой вы на широкой дворъ,
«Вы съ татарама моими поборитеся,
«У́ нихъ сплушки великой пріотвѣдайте.»
А й Васпльюшко Кази́міровъ
Говорилъ ёнъ таковы слова:
— Ай же ко́роль ты Ботьянъ да Ботіяновичъ!
— У меня что есть борцёвъ дома́ оставлены,
— У меня столько́ надѣюшка
— Что на Спаса на Пречисту Богородицу
— Да й на сво́его на братца на крестоваго,
— Да й на мо́лода Добрынюшку Микитинца. —
Молодои-то Добрынюшка Микитинищъ
А й пошолъ бороться на широкой дворъ,

Пóшелъ силушки великой у татаръ да поотвѣдати.
А й король-тотъ Ботіянъ да й Ботіяновичъ,
Молодой Василюшка Казúміровъ
Съ молодымъ Иванушкомъ Дубровицемъ
Выходили на балконъ на королевскіи
А смотрѣть-то на борьбу на богатúрскую.
Еще вышелъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Да сталъ по двору Добрынюшка похаживать,
На татаръ Добрыня сталъ посматривать.
А й стоятъ татара на него на широкóмъ дворѣ,
Во плечахъ-то у татаръ есть велика сажень,
А й между глазами у татаръ есть велика пядень,
А й головушки на плéчахъ какъ пивной котелъ.
Й они стали-то татара по двору похаживать,
Стали мóлода Добрынюшку поталкивать.
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
А онъ сталъ татаръ да оттолыкивать,
Й оттолыкивать онъ сталъ татаръ, попинывать,
Сталъ ёнъ пó двору татаръ да и покидывать;
А й пошло-то ко Добрынюшкѣ татаръ къ нему десятками.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Еще видитъ дѣло ёнъ великое,
Воскрычалъ-то вѣдь Добрыня жалкимъ голосомъ,
Жалкимъ голосомъ крычалъ онъ во всю голову:
«Ай же братьица мои да вы крестовыи,
«Славныи вы русьскіе могучіе богáтыря!
«Да й побьютъ-те насъ татары во темнóй орды,
«Положить намъ будетъ здѣсь буйны́ головушки,
«Не бывать намъ больше на святой Руси,
«Не видать намъ будетъ больше града Кіева,
«Не видать намъ князя-то Владыміра,
«Не видать Опраксіи намъ королевичной».
Отворились тутъ ворота на широкой дворъ,
И пошло оттуль да силушки чернúмъ чернò.

Й у того ли у моло́даго Добрынюшки
Не случилося ничто-то быть во бѣлыхъ ручушкахъ,
Ему нечѣмъ-то съ татарами да й попротивиться.
Енъ хватилъ татарина-то за ноги,
Такъ онъ сталъ татариномъ помахивать,
А ёнъ сталъ татаръ да поколачивать,
А татаринъ-то вѣдь гнется да не ломится.
Молодой Иванушко Дубович-отъ
Выскочилъ съ балхону королевскаго,
А й бѣжалъ скоренько на широкой дворъ,
Да й схватилъ Иванушко телѣжну ось,
Да й онъ сталъ телѣжной осью-то помахивать,
Да й онъ сталъ татаръ-то поколачивать.
Они вышли со двора да изъ широкаго
Да й на тотъ на городъ королевскій,
Й они стали бить-то силушку великую.
И куды идутъ они, такъ па́детъ у́личкой,
А й пове́рнутся, такъ па́детъ переулкамы.
Они бились тутъ цѣлыя-то суточки
Не ѣдаючись да й не пиваючись,
Да й побили о̀ны силушку великую.
Говорилъ король-отъ таковы слова:
— Ай же славный ты бога́тырь святорусьскія,
— Мо́лодой Васильюшко Кази́міровъ!
— Ты на мой поди-тко да на славной градъ,
— Да й уйми-тко ты бога́тырёй своихъ да святорусьскіихъ,
— Чтобъ оставили мнѣ силы на посе́мена!
— Получайте-тко вы дани себѣ выходы
— И за старыя за годы и за нынѣшній,
— Да и за́ вси вы за времена да й за досюлешни,
— Исполна-то государю за двѣнадцать годъ, —
Молодой Васильюшко Кази́міровъ
Ёнъ скорешенько идетъ да на широкъ на дворъ,
Ёнъ садился-то Василій на добра́ копя,

Выѣзжалъ-то какъ Василій на великой градъ,
Енъ поѣхалъ-то по славному по городу
На своемъ добро́мъ конѣ на богатырскоемъ,
И наѣхалъ-то онъ братьицевъ крестовыихъ;
Опъ подъѣхалъ-то къ моло́дому къ Добрынюшки,
Налагалъ-то онъ свои да храпы крѣпкіи
А и на него па плечка на могучіи,
И говорилъ ему Василій таковы слова:
— Ай же ты молоденькой Добрынюшка!
— А сегодня ты да вѣдь позавтракалъ,
— А й оставь-ко мнѣ хоть пообѣдати,
— Да уйми-тко е́ще братца-то крестоваго,
— Мо́лода Иванушка Дубровпча,
— И пойдемте-тко въ полаты бѣлокаменны
— Къ королю-то ко Ботеяну къ Ботеянову,
— Получать-то будемъ дани за двѣнадцать годъ. —
Шли-то какъ они да на широкъ на дворъ,
Да й прошли они въ полаты бѣлокаменны,
Приносилъ король имъ дани за двѣнадцать годъ,
А двѣнадцать ле́бедей, двѣнадцать креченей,
И принесъ къ нимъ грамоту повинную,
Да й принесъ имъ первы мисы чиста се́ребра,
Имъ принесъ другія мисы красна золота,
Третьи мисы приносилъ енъ скатна жемчуга;
Далъ имъ грамоту да ёнъ повинную,
А й платить-то надо дани выходы,
Платить-то славному-то князю и Владыміру,
Да й платить-то надобно вѣкъ по́ вѣку.
Выходили мо́лодци да на шпро́къ на дворъ,
Садились мо́лодци-то й на добры́хъ коней,
Й оны ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ.
И еще день за́ день быдто дождь дожжитъ,
Да недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ;
Е́ны́ ѣдутъ въ день по красному по солнышку,

Ены въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Ены вскорѣ добры молодни дороженьку коротали,
Они скоро ѣхали чистымъ полемъ,
Пріѣзжали-то ко дубу-то ко Невину,
Да й ко славноёму каменю къ Олатырю.
А со тою со пути а со дороженьки
Похотѣлось отдохнуть имъ добрымъ молодцамъ;
Пороздернули оны да шатры бѣлыи,
Они хлѣба солп-то покушали,
И они легли-то спать да й проклаждатися.
Тамъ на тую пору на то времячко
Прилетаетъ голубъ со голубкою,
Да й садится голубъ ёнъ на сырой дубъ,
На сыромъ дубѣ сталъ голубъ со голубушкой прогуркивать:
«Ай же ты молоденькой Добрынюшка!
«Во шатрѣ ты спишь да проклажаешься,
«Надъ собою ты незгодушки не вѣдаешь.
«А й твоя-то молода жена Настасья-то Микулична
«А й замужъ идетъ да й за богатыря,
«Да й за славнаго Олешу за Поповича».
Молодоп-то Добрынюшка Микитинпчъ
Онъ скорешенько скочилъ-то на рѣзвы ножки,
И скорешенько сѣдлалъ добра коня,
И скоренько-то садился на добра коня,
Скоро ѣхалъ онъ роздольицемъ чистымъ полемъ
Да во тотъ-то славный стольній Кіевъ градъ.
Да й пріѣхалъ-то Добрынюшка Микитинецъ
На свой славный на широкъ на дворъ,
Становилъ коня онъ богатырскаго
Ко тому къ крылечику къ переному,
Пристянулъ-то ёго поводомъ шелковымъ
Да къ тому колечику къ серебряну,
А онъ самъ идетъ въ полату бѣлокаменну,
Да й прошолъ въ свою въ столовую во горенку,

Й усмотрѣлъ-то ёнъ свою-то рòдну матушку;
А й сидитъ-то ёго матушка не весело,
Она ронитъ-то свои да горючи́ слёзы.
Ёнъ-то матушкѣ Добрынюшка поклонъ принесъ:
— Ай же свѣтъ честна́ вдова Намельфа Тимофеевна!
— А я отъ Добрынюшки съ чиста́ поля поклонъ привезъ.
— Мы съ Добрынюшкой вчерась да порозъѣхались,
— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А меня послалъ онъ къ стольнё-Кіеву,
— А й къ тоби вѣдь онъ зайти велѣлъ да на широкой дворъ
— Да й сходить къ тоби въ полаты бѣлокаменны,
— Да й велѣлъ тоби сходить на по́гребы глубокіи,
— Принести велѣлъ со погреба́ лапотики шелковеньки,
— Да велѣлъ-то принести еще-то платьице да скоморовчато,
— Да и принести велѣлъ гуселышки яровчаты,
— Да въ кои́ гуселышки-то съ мо́лоду Добрынюшка поигрывалъ;
— Да й велѣлъ сходить Добрыня на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владыміру,
— Да сходить велѣлъ ко князю ко Олешеньку къ Поповичу
— Да ко тоёй ко княгинѣ ко моло́доей,
— Ко Настасьюшкѣ да й ко Микуличной. —
Говорила-то ему вдова да горько плакала:
«Ай же мужичищо деревенщина!
«Надо мною тёбѣ просто падсмѣхатися
«И надъ моимъ-то вѣдь дворомъ да надъ вдовинымъ.
«Если былъ бы живъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
«Не дошло бъ тебѣ смѣяться на́до мной
«Да надъ моимъ дворомъ да надъ вдовинымъ».
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Передъ нёй стоитъ, самъ низко кланяётся:
— Ты честна́ вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Мы вчерась съ Добрынюшкой розъѣхались
— Да й во славноемъ роздольицѣ въ чисто́мъ полѣ,

— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А й послалъ меня ёнъ къ стольнё-Кіеву,
— Да велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкой дворъ
— Да сходить велѣлъ въ полаты бѣлокаменны,
— Да й тебѣ велѣлъ молоденькой Добрынюшка,
— Сходить велѣлъ на погребъ на глубокія,
— Принести оттуль лапо́тики шелко́вы,
— Принести-то ве́лѣлъ платьицо да скоморовчато,
— Да й подать велѣлъ Добрынюшка гуселышки яровчаты,
— Да й велѣлъ мнѣ-ка́ сходить ёнъ на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владыміру,
— Да къ тому князю́ Олешеньку Поповичу,
— Къ той княгины ко моло́доей,
— Къ той Настасьѣ да Микуличной. —
Говорила-то вдова да горько плакала:
«Ай же мужичищо деревенщина!
«Во глазахъ собака насмѣхаешься,
«Во глазахъ собака подлыгаешься!
«Есля́ бъ была бы эта славушка да й на святой Руси,
«А что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,
«Не дошло бы-то смѣяться надъ моимъ-то на́дъ дворомъ,
«Надъ моимъ дворомъ да надъ вдовинымъ».
Молодой-то Добрынюшка Микитинецъ
Поскорешеньку онъ ей поклонъ отнесъ:
— Ты честна́ вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Мы вчерась съ Добрынюшкой розъѣхались,
— Да й во славноемъ роздольицѣ въ чисто́мъ полѣ,
— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А й послалъ меня ёнъ къ стольнё-Кіеву,
— Да велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкъ на дворъ
— Да сходить велѣлъ въ полаты бѣлокаменны,
— Да й тебѣ велѣлъ молоденькой Добрынюшка,
— Сходить велѣлъ на погребъ на глубокія,
— Принести оттуль лапо́тики шелко́вы,

— Принести-то вéлѣлъ платьицо да скоморовчато,
— Да й подать велѣлъ Добрынюшка гуселышки яровчаты,
— Да й велѣлъ мнѣ-кà сходить ёнъ на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владыміру,
— Да къ тому князю́ Олешеньку Поповичу,
— Къ молодой княгинѣ ко Настасьѣ ко Микуличной. —
Да честна вдова Намельфа Тимофеевна
Да и горько она да и заплакала,
И говорила-то вдова да таковы слова:
«Не узналъ-то свя́тымъ Духомъ вѣдь мужище деревенщина,
«Не узналъ ёнъ про лапо́тики Добрынины,
«Не узналъ-то ёнъ про платье скоморовчато,
«Не узналъ-то про гуселышки яровчаты».
Е́на брала-то скоренько золоты ключи,
Шла скорешенько на погребъ на глубокіи,
Да и приносила-то лапотики шелко́выи,
Приносила платьё скоморовчато,
Приносила-то гуселышка яровчаты,
Подавала мужичищу деревенщинѣ.
Говорилъ-то мужичищо деревенщина:
— Ты честнà вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Вмѣстяхъ мы росли съ молоденькимъ Добрынюшкомъ,
— Вмѣстяхъ грамотѣ учились,
— Ѣли мы съ Добрыней по однакому
— И намъ одежища съ Добрынюшкой-то ладилась. —
Какъ-то сталъ мужичищо деревенщина,
Енъ обулъ лапотики шелковыи
Да й надѣлъ-то вѣдь онъ платье скоморовчато,
Во бѣлы́ ручкѝ гуселка бралъ яровчаты, —
Да й лапотики на ноженки Добрынюшкѣ поладились,
Ему платьице-то скоморовчато
На собя Добрынюшкѣ поладилось.
Такъ вошолъ-то какъ Добрыня на почестенъ пиръ,
Тамъ придверники стоятъ да приворотники,

Тамъ не стали допущать-то какъ Добрынюшку,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
А й онъ сталъ придверниковъ отпихивать,
Приворотниковъ онъ сталъ да оттолыкивать,
Онъ вошолъ-то во полату бѣлокаменну,
Проходилъ ёнъ во столовую во горенку;
Тамъ приходятъ-то ко князю ко Владыміру,
Да приносятъ къ нёму жалобу великую:
«Ты Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
«Какъ пришолъ-то скоморохъ къ намъ на почестенъ пиръ,
«Енъ придверниковъ розбилъ всихъ приворотниковъ,
«Безъ докладу ёнъ зашолъ сюда въ полаты бѣлокаменны».
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
По столовой онъ по горенкѣ похаживать,
То онъ князю-то Владыміру да поговаривать:
— Ай Владыміръ князь ты стольнё-кіевской!
— А 'ще гди у васъ сидятъ-то скоморохи на честно́мъ пиру?
— Прикажи-тко взобрать мнѣ-ка мѣстечко на честно́мъ пиру,
— Прикажи-тко ты Владыміръ мнѣ игру играть,
— И́гру и́грать во гуселышка яровчаты,
— Воспотѣшить мнѣ-ка самого князя́ Владыміра,
— Воспотѣшить мнѣ-ка кня́зя да Олешеньку Поповича,
— Воспотѣшить мнѣ княгина-та моло́дая,
— А й княгина-та Настасья да Микулична. —
Говорилъ-то какъ моло́дому Добрынюшкѣ,
Говорилъ-то ёму Владыміръ князь:
«Ай же молодой ты скоморошина!
«Ты поди садись-ко по́близко той печеньки кирпичною,
«А играй игру въ гуселка во яровчаты,
«Воспотѣшь-ка самого князе Владыміра,
«Воспотѣшь-ко князя-то Олешеньку Поповича,
«Воспотѣшь-ко ты княгину-то моло́дую,
«Мо́лоду Настасьюшку Микуличну».
Какъ садился-то молоденькой Добрынюшка

Близко печки сѣлъ близко̀ кирпичною,
Бралъ гуселышка Добрынюшка въ бѣлы́ ручки,
Заигралъ Добрынюшка въ гуселышка,
Онъ игру играетъ все хорошеньку,
И выигрывалъ наигрыши хорошеньки,
Что изъ Кіева да й до Царя-града,
Изъ Царя-града до Еросо́лиму,
Съ Еросо́лиму ко тою ко землѣ да къ Сорочинскоей.
Еще вси-то скоморохи пріумолкнули,
Еще вси-то игроки-то порозслу́хались,
А и не слыхали и́гры эдакой на семъ свѣти;
Самому князю̀ Владыміру ему игра слюбилася.
Какъ ставалъ-то князь Владыміръ на рѣзвы́ ножки,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
Енъ не малую стопу да полтора ведра,
Разводилъ-то онъ медами все стоялыма;
Самъ Владыміръ князь-отъ стольне-кіевской
Подносилъ-то эту чару зелена́ вина
Ко тому онъ къ молодому скоморошинѣ.
Молодой да скоморошина
Енъ скорёшенько ставаетъ на рѣзвы́ ножки,
Бе́ретъ чарочку-ту онъ да во бѣлы́ ручки,
Принимаетъ чарочку одной ручкой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ;
Подаетъ-то на́задъ князю онъ Владыміру,
Понизешенько Владыміру онъ кланялся:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Отъ васъ выпилъ-то я чару зелена́ вина,
— Мнѣ позволь еще сыграть-то во гуселышка яровчаты,
— Воспотѣшить князя мнѣ Олешеньку Поповича. —
А й позволилъ-то ему Владыміръ князь
А играть игру въ гуселышка яровчаты,
Воспотѣшить князя-то Олешеньку Поповича.
Й онъ садился близко печеньки кирпичныя,

И заигралъ онъ во гуселышка яровчаты,
Игралъ-то вѣдь игру онъ все хорошеньку
И выигрывалъ наигрыши хорошеньки,
Что изъ Кіева да й до Царя-градя,
Изъ Царя-града до Еросо́лиму,
Съ Еросолиму ко тою ко землѣ да къ Сорочинскоей.
Еще всѣ-то игроки-то порозслухались,
Молодые скоморохи пріумолкнули,
А и не слыхали и́гры эдакой на семъ свѣтѣ.
Такъ игра эта̀ Владыміру слюбилася,
Говорилъ Владыміръ таковы слова
А й тому князю̀ Олешенькѣ Поповичу:
«Ай ставай-ко ты Олеша на рѣзвы́ ноги,
«А бери-тко чару во бѣлы́ руки,
«Наливай-ко чару зелена́ вина,
«Да й не малую стопу да полтора ведра,
«И розводи медами все стоялыма,
«Поднеси-тко къ молодому скоморошинѣ».
А й ставалъ Олешенька Поповичъ на рѣзвы́ ноги
А бралъ чарочку въ бѣлы́ руки,
Подносилъ-то къ молодому скоморошинѣ
А й ставалъ-то скоморохъ да на рѣзны́ ножки
А онъ чарочку-то бралъ въ бѣлы́ руки
Отъ того-то отъ Олешеньки Поповича,
Принималъ онъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ онъ чарочку однѣмъ духомъ.
Енъ садился-то на мѣсто скоморовское,
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владиміръ князь да стольнё-кіевской!
— А позволь играть въ гуселышка яровчаты,
— Воспотѣшить мнѣ княгина-то моло́дая,
— Мо́лода Настасьюшка Микулична. —
Тутъ онъ бралъ гуселышка яровчаты въ бѣлы́ руки,
А игру игралъ да онъ хорошую,

Онъ наигрыши выигрывалъ хорошенько,
А изъ Кіева да й до Царяграда,
Изъ Царя-града до Ерос҃олима,
Съ Еросолима ко той къ землѣ да къ Сорочинскоей.
То весьма эти наигрыши Владыміру слюбилися.
Говорилъ ему Владыміръ князь да стольне-кіевской:
«Ай же ты моло́дой скоморошина!
«Подходи-тко ко столу да княженецкому,
«А й садись-ко съ намы за единой столъ:
«Перво мѣ́стечко тоби да есть подли́ меня,
«Дру́го мѣ́стечко подли князя́ Олешеньки Поповича,
«Третье мѣ́стечко избирай-ко со́би по́люби».
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владыміръ князь да стольне-кіевской!
— А й то не́ любо мнѣ мѣ́стечко подли́ тобя,
— А то не любо мнѣ мѣ́стечко подли́ князя
— А подли князя́ Олешеньки Поповича,
— Любо мѣ́стечко мнѣ супротивъ княгины-той моло́доей,
— Супротивъ Настасьюшки Микуличной. —
Какъ садился скоморохъ съ нимъ за единый столъ,
Супротивъ княгини сѣлъ моло́доёй,
Супротивъ Настасьюшки Микуличной.
Говорилъ-то скоморох-отъ таковы слова:
— Ай ты славныя Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Выпилъ рюмочку отъ князя я Владыміра,
— А й позволь-ко на́лить рюмочку мнѣ зелена́ вина,
— Подпести мнѣ да ко князю ко Владыміру. —
Какъ ставалъ-то скоморохъ да на рѣзвы́ ножки,
Наливалъ-то рюмочку онъ зелена́ вина,
То не малу онъ стопу да полтора ведра,
И розводилъ-то онъ медамы все стоялыма,
Приносилъ ко князю ко Владыміру.
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской,
Онъ ставалъ скоренько на рѣзвы́ ножки,

А онъ бралъ ту рюмочку одной рукой,
Выпилъ рюмочку Владыміръ единымъ духомъ.
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— На́лилъ-то я рюмочку какъ князю-то Владыміру,
— Позволь по́днести мнѣ еще рюмочку
— А тому князю́ Олешеньки Поповичу. —
Наливалъ-то какъ онъ чару зелена́ вина,
Розводилъ медамы все стоялыма,
Подносилъ князю́ Олешеньки Поповичу.
А й ставалъ Олеша на рѣзвы́ ножки,
Припялъ чарочку Олеша во бѣлы́ ручки,
Бралъ-то чарочку Олешенька одной ручкой,
Выпилъ чарочку Олешенька однимъ духомъ.
Скоморохъ имъ говорилъ да таковы слова:
— А Владыміръ князь ты стольнё-кіевской!
— По́звольчарочку налить мнѣ зелена́ вина,
— Поднести княгинюшкѣ моло́доей,
— А той ли Настасьюшкѣ Микуличной. —
То онъ бралъ какъ чарочку въ бѣлы́ руки,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
А не ма́лую стопу да полтора ведра,
Розводилъ медамы все стоялыма,
Онъ спустилъ туда онъ свой злаченъ перстень,
Въ этую спустилъ во чарочку,
Подносилъ онъ ко Настасьюшкѣ Микуличной,
Говорилъ-то ёй онъ таковы слова:
— Ай же ты княгина да моло́дая,
— Мо́лода Настасьюшка Микулична!
— Испей чарочку отъ насъ ты зелена́ вина. —
Молода Настасьюшка Микулична
То скорешенько ставала на рѣзвы́ ноги,
Эту брала чарочку въ бѣлы́ ручки,
Подносила ко устамъ своимъ саха́рнiимъ.

Говорилъ ей скоморохъ да таковы слова:
— Молода Настасьюшка Микулична!
— Если хошь добра, такъ ты пей до дна. —
Молода Настасьюшка Микулична
Она женщина была не глупая,
Она пила-то вѣдь чарочку до донышка,
А ко нёю ко устамъ да ко сахарніимъ
Прикатился къ ней да тутъ злаченъ перстень;
Она стря́хнетъ этотъ перстень на дубовый столъ,
И смотрѣла-то на этотъ на злаченъ перстень,
Да которымъ о́на перстнемъ обручалася
Да во матушкѣ да во Божьёй церквы;
Положила она чарочку на зо́лотъ столъ
Й оперлась о нёго плечка о могучіи,
Да й скочила-то Настасья черезъ золотъ столъ,
Говорила-то она да й таковы слова:
«Ай же свѣтъ моя любимая здержавушка,
«Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
«А й у бабы волосъ дологъ, умъ коро́ткою *(такъ)*:
«Не послушала твоёго наказу богатырскаго,
«Я пошла замужъ за славнаго бога́тыря,
«За того Олешеньку Поповича».
Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скорешенько встаетъ да й на рѣзвы́ ножки,
Да й беретъ-то онъ Олешу за желты́ кудри,
Бросилъ онъ Олешу о кирпичной мостъ,
Да онъ выдернулъ шалыгу подорожную,
Сталъ шалыгою Олешеньку охаживать,
Говорилъ-то вѣдь Добрыня таковы слова:
— Ай же хошь ты у живы́ мужа жену отнять? —
Заступать-то сталъ да и Владыміръ князь
За того онъ за Олешеньку Поповича:
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Да й прости-тко насъ во этой глупости».

Говорилъ молоденькой Добрынюшка:
— Ай ты славный Владыміръ князь да стольне-кіевской!
— Да ты самъ ходилъ Настасью сватати,
— А й Опраксія ходила она свахою.
— Ты свою-то жóну гложешь, еще самъ скребешь,
— А й чужую жóну ты замýжъ даешь. —
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
А й беретъ-то ёнъ Настасьюшку Микуличну
А за ней ли-то за рученьки за бѣлыи,
То за нёй беретъ за перстни за злаченыи,
А повёлъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Во свою привелъ столову ю во горенку;
Стали жить-то быть да вѣкъ любовь творить.

Записано тамъ же, 7 іюля; повѣрено въ Петербургѣ, 26 ноября.

81.

ДУНАЙ [1]).

(См. Рыбникова, т. I, 31).

А Владыміръ князь стольнё-кіевской
Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо
А й на всѣхъ-то на князей на бóяровъ,

---

1) Эта былина, какъ она записана при первой встрѣчѣ собирателя съ Рябининымъ въ Кижахъ и здѣсь напечатана, представляетъ размѣръ, который можно назвать дактилическимъ. Въ Петербургѣ Рябининъ пѣлъ ее нѣсколько иначе, растягивая стихи и придавая имъ, посредствомъ вставочныхъ частицъ и удлиненія нѣкоторыхъ словъ, обыкновенный размѣръ другихъ былинъ — размѣръ хореическій. На вопросъ о причинѣ этого Рябининъ отвѣчалъ, что отъ утомленія онъ не можетъ попасть на настоящій «голосъ» этой былины, который для него теперь сталъ слишкомъ труденъ, и потому перемѣнилъ ея складъ на болѣе легкій. На предложеніе собирателя записать былину во второй разъ, какъ онъ ее сталъ пѣть въ Петербургѣ, Рябининъ отвѣчалъ просьбою этого не дѣлать, потому что въ такомъ случаѣ былина о Дунаѣ явилась бы не въ настоящемъ своемъ видѣ.

Да й на русьскихъ могучихъ бога́тырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.
А сидятъ-то мо́лодци на честно́мъ пиру,
Всѣ-то сидятъ пьяны веселы;
Владыміръ князь по горенки похаживалъ,
Пословечно государь выговаривалъ:
«Всѣ есть добры мо́лодци поженены,
«Красныи дѣвушки заму́жъ даны,
«Столько я одинъ хожу холо́стъ не жененой:
«То вы знаете ль мнѣ, братци, супротивничку,
«Чтобы личушкомъ она да й супротивъ меня,
«Очушки у нёй бы ясныхъ соколовъ,
«Бровушки у ней бы черныхъ со́болей,
«А походочкой она бы лани бѣлою,
«Бѣлою лани напольскою,
«Напольской лани златорогія,
«А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть, вѣкъ коро́тати,
«А ’ще вамъ молодцамъ было бъ то кому поклонятися?»
Всѣ бога́тыри за столикомъ умолкнули,
Всѣ молодци́ да пріутихнули,
За столомъ-то сидятъ затулялися;
Бо́льшая тулится къ середнюю,
Середняя тулится за меньшую,
А отъ меньшой тулицы отвѣту нѣтъ.
Зъ-за того̀ за столичка дубоваго,
Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольніихъ
Вышелъ старыя Перми́нъ сынъ Ивановичъ,
Понизешеньку князю поклоняется:
— Ты Владыміръ князь и стольнё-кіевской!
— Бласлови-ко государь мни словце вымолвить.
— А ’ще знаю я тоби супротивничку:
— Личушкомъ-то она супротивъ тобя,
— Очушки у нёй ясныхъ соколовъ,

— Бровушки у ней черныхъ со́болей,
— А походочкой она лани бѣлыя,
— Она бѣлыя лани напольскія,
— А напольской лани златорогою;
— Тоби буде съ кимъ жить, вѣкъ коро́тати,
— Намъ молодцамъ будетъ-то кому поклонятися.
— А во той ли во славной въ хоробро́й Литвы,
— У того ли-то у короля Литовскаго [1]),
— Есть прекрасна дочь Опраксья королевична,
— Да й сидитъ она во тереми въ златомъ верху;
— На́ ню красное солнышко не о́бпекетъ,
— Буйныи вѣтрушки не о́бвѣютъ,
— Многіи люди не обгалятся [2]).
— Есть-то у ко́роля дру́га дочь,
— Дру́га дочь Настасья королевична;
— Она ѣздитъ во чисто́мъ поли, полякуетъ,
— Сильнё поляничищо уда́лое. —
Говорилъ Владыміръ таковы слова:
«Ай же мои кня́зи бо́яра,
«Сильніи русьскіи могучіи бога́тыря,
«Славны поляници вси удалыи!
«Мни кого-то послать изъ васъ-то посвататься,
«За меня за князя Владыміра,
«У того ли-то у короля Литовскаго
«На прекрасной на Опраксьи королевичной?»
Всѣ за столомъ сидятъ умолкнули,
Всѣ молодци пріутихнули.
Старыя Перми́нъ сынъ Ивановичъ,
А по горенкѣ Перми́нъ ёнъ похаживаетъ,
Пословечно князю ёнъ выговариваетъ:
— Ты Владыміръ князь стольнё-кіевской!

---

1) Въ Петербургѣ Рябининъ пѣлъ: «короля хоробровскаго».
2) Т. е. не посмѣются.

— Благослови мнѣ государь словцё молвити.
— А й то знаю я послать кого посвататься
— За тобя за князя за Владыміра
— У того у ко́роля Литовскаго
— На прекрасной Опраксьи королевичной:
— Послать тихаго Дунаюшка Ивановича;
— Тихія Дунай во послахъ бывалъ,
— Тихія Дунай много зе́мель зналъ,
— Тихія Дунай говорить гораздъ.
— Да ёму-то Дунаюшку посвататься
— За тобя за князя за Владыміра
— У того у короля Литовскаго
— На прекрасноей Опраксьи королевичной. —
Славныя Владыміръ стольно-кіевской
Скоро шолъ по горенкѣ столовыи,
Бралъ-то онъ чарочку въ бѣлы́ руки,
Наливалъ-то онъ чару зелена́ вина,
А не малую стопу — полтора ведра,
Розводилъ ёнъ медамы стоялыма,
Подносилъ онъ-то ко тихому Дунаюшку,
Ко́ тому Дунаюшку Ивановичу;
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ скорешенько ставаетъ на рѣзвы́ ножки,
Чару бралъ отъ князя во бѣлы́ ручки,
Принялъ-то онъ чарочку одной ручкой,
Выпилъ-то онъ чарочку однымъ душкомъ,
Подалъ чарочку онъ князю Владыміру,
Понизенько онъ князю поклоняется:
«А Владыміръ ты князь стольнё-кіевской!
«Благослови мнѣ государь словцё вымолвить.
«Ѣду я посвататься за князя за Владыміра
«И у того у короля Литовскаго
«На прекрасной Опраксьи королевичной;
«Столько дай-ко ты мнѣ еще товарища,

«Мóлода Васильюшка Казúмірова».
А Владыміръ князь стольнё-кіевской
Онъ скорешенько бралъ чару во бѣлы́ ручки,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Розводилъ ёнъ медамы все стоялыма,
Подносилъ ёнъ къ Василью Казúмірову.
Молодой Василій Казúміровичъ
Онъ скорешенько ставалъ на рѣзвы́ ножки,
Чарочку онъ бралъ во бѣлы́ ручки
Отъ того отъ князя Владыміра,
Принялъ-то онъ чарочку одной ручкой,
Выпилъ онъ чарочку однымъ душкомъ,
Подалъ онъ чарочку князю Владыміру,
Понизешенько Владыміру поклоняется:
— Ты Владыміръ князь стольнё-кіевской!
— Бласлови государь словцё вымолвить.
— Ѣду я съ Дунаюшкомъ посвататься
— За тобя за князя за Владыміра
— А й у славнаго у короля Литовскаго
— Прекрасную Опраксью королевичну;
— Дай-ко ещé намъ товарища,
— Моего-то братца крестоваго,
— А Васильюшка пáробка заморскаго:
— А ёму́-то Васильюшку коней сѣдлать,
— Да ему-то Васильюшку розсѣдлывать,
— А ему-то Васильюшку плети пóдавать,
— Ему плети пóдавать, ему плети прúнимать. —
Владыміръ князь стольнё-кіевской
Беретъ онъ чарочку во бѣлы́ руки,
Наливаетъ онъ чару зелена́ вина,
А не малую стопу — полтора ведра,
Розводилъ ёнъ медамы все стоялыма,
Подносилъ ёнъ къ Васильюшку ко паробку,

А къ Васильюшку къ паробку заморскому.
Становился Василей на рѣзвы́ ножки,
Бралъ-то онъ чару во бѣлы́ ручки,
Принялъ онъ чарочку одной ручкой,
Выпилъ онъ чарочку однимъ душкомъ,
А Владыміру-то князю поклоняется.
А пошли они съ полаты бѣлокаменны,
Выходили молодци они на Кіевъ градъ,
Шли въ свои полаты бѣлокаменныи,
А сѣдлали добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
А поѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
А во славную въ эту въ хоробру́ Литву.
А пріѣхали оны на широкъ на дворъ
Ко тому ли оны къ королю Литовскому.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
А съ товарищемъ Васпліемъ Кази́міровымъ
А пошли они въ полаты бѣлокаменныи,
А Васильюшко паробокъ заморскіій
Сталъ-то онъ по двору похаживать,
За собою сталъ добрыхъ коней поваживать.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
Молодой Василей Кази́міровъ,
Какъ прошли они въ полаты бѣлокаменны,
Заходили во столовую во горенку,
На пяту дверь порозма́хивали,
Они Господу Богу помолилися,
Били челомъ низко кла́нялися,
Самому-то ко́ролю они въ особину,
Всѣмъ-то князьямъ подколѣнныимъ.
Садилъ ихъ король за единой столъ,
А кормилъ-то ихъ ѣствушкой саха́рнею,
А поилъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
Тихому Дунаюшку Ивановичу
Подносилъ къ нему чару зелена́ вина,

То не малую стопу — полтора ведра;
Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
А скорешенько ставалъ на рѣзвы́ ножки,
Чарочку онъ бралъ во бѣлы́ ручки,
Бралъ-то онъ чарочку одной ручкой,
Онъ за этою за чарочкой посватался
У того у ко́роля Литовскаго
На ёго на дочери любимоёй,
На прекрасноёй Опраксы королевичной,
За своёго за́ князя Владыміра.
Го́ворилъ коро́ль таковы слова:
«Глупый князь Владыміръ стольнё-кіевской:
«Енъ не зналъ кого послать ко мнѣ посвататься,
«Изъ бояръ мнѣ-ка́ боярина богатаго,
«Изъ бога́тырей бога́тыря могучаго,
«Изъ крестьянъ мнѣ-ка́ крестьянина хорошаго,
«Онъ послалъ мнѣ-ка́ холопину дворянскую!
«Ай же мои слуги вѣрныи,
«Вы берите-тко Дуная за бѣлы́ ручки,
«Да й ведите-тко на погребъ холодныи,
«За нёго́ за рѣчи неумильніи».
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Скоро-то онъ скочитъ черезъ зо́лотъ столъ,
А схватилъ ёнъ татарина за ноги,
Сталъ ёнъ татариномъ пома́хиватѝ,
Сталъ бить татаръ, поколачиватѝ,
А король-то по за́столью бѣгаётъ,
Куньею шубой укрывается.
Говоритъ король таковы слова:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«А садись-ко со мной за единой столъ,
«Ѣшь-ко ты пей съ одной мисочки.
«Сдѣлаемъ съ тобою мы сва́товство
«Да на моёй ли на дочери любимою,

«На прекрасноей Опраксы королевичной,
«За того за князя Владыміра».
Го́ворилъ Дунай таковы слова:
— Ай же король ты Литовскій!
— Еще не учёстовалъ молодцевъ пріѣдучись,
— Не ужаловать-то молодцевъ поѣдучись.
— Въ честь я Опраксію да королевичну
— Да возьму-то я за князя за Владыміра,
— А не въ честь я возьму за товарища
— За того Васпльюшка Кази́мірова. —
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Скоро шолъ полатой бѣлока́менною,
Выходилъ-то Дунай на широкъ на дворъ,
Приходилъ ёнъ ко терему къ златымъ верхамъ,
Сталъ Дунаюшко замочиковъ отща́лкивать,
Сталъ Дунаюшко онъ дверцей выста́вливать,
Онъ приходитъ-то во теремъ во златы верхи;
По тому-то терему злату верху
А Опраксія королевична поха́живаётъ
А въ одной тонкой рубашкѣ безъ пояса,
А въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
У нёй русая коса пороспущена.
Воспрого́ворилъ Дунай таковы слова:
— Ай же ты Опраксія королевична!
— А пдешь ли ты за́мужъ за князя за Владыміра? —
Говоритъ ёму Опраксія королевична:
«Ай ты славныя богатырь святорусьскія!
«Три́ году я Господу молилася,
«Чтобъ попасть мнѣ-ка за́мужъ за князя за Владыміра»
Бралъ ёнъ ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ ю за перстни злачеными,
Цѣловалъ въ уста во саха́рніи
А за нёй за рѣчи умильніи,
Выводилъ онъ ю со те́рема златыхъ верховъ,

Приводилъ ю Дунай на широкой дворъ,
А садилъ ю Дунай на добра́ коня,
На добра́ коня садилъ къ головы́ хребтомъ,
Самъ Дунаюшко садился къ головы лицёмъ.
Оны сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
А по славному роздолью чисту́ полю;
Ихъ достигла темна ночка въ чисто́мъ поли,
Они спать легли проклаждатися.
Говоритъ-то Дунаюшку Ивановичу
А прекрасная Опраксія королевична:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«У меня-то вѣдь есть сестра ро́дная,
«А Настасья есть королевична,
«Она сильня поляница и уда́лая,
«Она ѣзди во чисто́мъ поли, полякуетъ,
«Какъ наѣдетъ-то она ко бѣлы́мъ шатрамъ,
«Во бѣлы́хъ шатрахъ намъ живы́мъ не быва́ть».
Эта Настасья королевична
Узнала про сестрицу свою ро́дную,
Увезли у ней сестрицу на святую Русь,
Не влюби у нихъ брали бога́тыри;
Она ѣхала въ погону по чисту́ полю,
А скакала на кони богатырскоемъ
Да по славну роздолью чисту́ полю;
По цѣлой версты конь поскакивалъ,
По колѣнъ онъ въ земелюшку угрязывалъ,
Онъ съ земелюшки ножки выхватывалъ,
По сѣнной купны онъ земелики вывертывалъ,
За три вы́стрѣлы камешки откидывалъ.
Не путёмъ она ѣдетъ не дороженкой,
Она ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Проѣхала она да сестру ро́дную,
А проѣхала она и мимо Кіевъ градъ.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ,

Садился Дунай на добры́хъ коней,
А садилъ ёнъ Опраксу королевичну
А Василью Кази́мірову да й на добра́ коня,
А садилъ-то ю къ головы хребтомъ,
А Васильюшко-то садился къ головы лицёмъ.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
А послалъ съ нима па́робка любимаго,
Онъ того Василія заморскаго,
Отвести ю князю на широ́кой дворъ,
Отвести въ полаты бѣлокаменны
А подать-то ю князю во бѣлы́ ручки.
А самъ тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ поѣхалъ во роздолье чисто́ поле
Посмотрѣть на поляницу удалую,
А й на этую Настасью королевичну.
Молодой Васильюшко Кази́міровъ,
Со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
Они ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
На добры́хъ коняхъ на богатырскіихъ,
Ускоряли-то оны скоро-на́-скори,
Пріѣхали-то они въ стольнёй Кіевъ градъ
А ко славному ко князю на широкой дворъ,
А скорешенько спустились со добры́хъ коней,
Опустили-то Опраксію королевичну
Со добра́ коня съ богатырскаго.
А повелъ-то ю Васильюшко Кази́міровъ
Во эту́ полату бѣлокаменную
Ко тому ко князю ко Владыміру,
Подалъ онъ ю во бѣлы́ ручки.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Ѣхалъ онъ роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Енъ наѣхалъ поляницю во чисто́мъ поли,
Становилъ ёнъ поляницю супротивъ собя,
Говорилъ ёнъ поляници таковы слова:

— Ай же Настасья королевична!
— Я досталъ твою сестрицу родимую,
— А досталъ замýжъ за князя Владыміра.
— Ты идёшь ли замужъ за Дунаюшка,
— За того за Дунаюшка Ивановича? —
Говорила Настасья королевична!
«Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
«Славныи богáтырь святорусьскіи!
«Если ты мной не ломаешься,
«Я иду это замужъ за Дунаюшка,
«За тобя Дунаюшка Иваповича».
Оны сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Пріѣхали они въ стольнё-Кіевъ градъ,
А пріѣхали ко матушкѣ къ Божьёй церквы;
А Владыміръ князь стольнё-кіевской
Повѣнчался ёнъ во матушкѣ въ Божьéй церквы
А со тою со Опраксой королевичной,
А й выходитъ ёнъ со Божьёй церквы;
Тихія Дунаюшко въ церквý пошолъ
Повѣнчатися съ сестрицей со дрýгою,
А со тою съ Настасьей королевичной.
Во Божьёй цéркви повѣнчалися,
Принимали-то оны золоты вѣнци,
Они заповѣдь великую покла́дали:
А что жить-то имъ быть, вѣкъ корóтати.
Выходилъ-то Дунай со Божьéй церквы,
Приходилъ ёнъ ко князю ко Владыміру,
Сдѣлали оны тутъ почестенъ пиръ,
А й на всѣхъ-то князей на всѣхъ бóяровъ,
На всѣхъ русьскіихъ могучіихъ богáтырей,
На всѣхъ славныихъ поляницъ на удалыихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру поросхвáсталися.

Хвастаетъ богатой золотой казной,
Золотой казной онъ безсчетною,
Щеголь хвастаетъ одежей дрогоцѣнною,
Сильній хвастаетъ-то силушкой великою,
Йной хвастаетъ богатырь добрымъ конемъ;
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ выходитъ-то зъ-за столика дубоваго,
Изъ-за тыхъ скамеёкъ окольніихъ,
Отъ своей семеюшки любимоёй,
Отъ молодой отъ Настасьи королевичной,
Сталъ Дунаюшко по горенкѣ похаживати,
Пословечно Дунай выговаривати:
— Нѣтъ мене лучше молодця во всемъ Кіевѣ!
— А й никто не смѣлъ ѣхать посвататься
— Да й за славнаго за князя Владыміра
— На Опраксіи королевичной, —
— Самъ я женился и людей женилъ,
— Самъ я боецъ и удало́й молодѣцъ,
— А гораздъ-то стрѣлять я изъ луку изъ ту́гаго! —
Говорила Настасья королевична:
«Свѣтъ ты здержавушка любимая,
«Тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«А нечѣмъ-то вѣдь я да не ху́же тобя:
«Сила моя есть побо́льше твоёй,
«А ухваточка моя удалѣе тобя».
А Дунаюшку-то дѣло не слюбилося,
А молода жена перехвастала.
Говорилъ Дунай таковы слова:
— Ай же Настасья королевична!
— А ставай-ко ты на рѣзвы́ ножки,
— Поѣдемъ мы съ тобой во чисто́ поле,
— Востроты мы у́ другъ друга́ отвѣдаемъ. —
Вышелъ Дунай во чисто́ поле,
Положилъ ёнъ колечко серебряно

На свою на буйну головушку,
А й наставилъ ёнъ свой вострый ножъ,
Говорилъ ёнъ Настасьи королевичной:
— Ай же Настасья королевична!
— Отойди-тко отъ меня да за пятьсотъ шаговъ,
— Пропусти-тко эту стрѣлочку каленую
— По тому остре́ю по ножевому,
— Чтобы стрѣлочка катилась на двѣ стороны,
— На двѣ стороны катилась вѣсо́мъ равна
— И угодила бы въ колечко серебряное. —
Этая Настасья королевична
Она брала свой ту́гой лукъ розрывчатой,
Налагала она стрѣлочку каленую,
Натягала она тетивочку шелко́веньку
А спущала въ эту стрѣлочку каленую;
Пропустила эту стрѣлочку каленую
По тому острію по ножевому,
Прокатилась эта стрѣлочка каленая
По тому острію на двѣ стороны вѣсо́мъ ровно,
Угодила во колечко серебряно.
Три́ разъ она Настасьюшка простре́лила
Изъ того изъ лука изъ розрывчата
По тому острею по ножевому,
Пропустила эту стрѣлочку каленую
Да й во то ли во колечко во серебряно.
Говорилъ-то ёнъ Дунай да таковы слова:
— Становись-ко ты Настасья супротивъ меня. —
Онъ покла́далъ ёй колечико серебряно
Да на нёй па буйную головушку,
Ёнъ наставилъ сво́ю ножъ булатнею *(такъ)*
И то отше́лъ онъ отъ Настасьюшки пятьсотъ шаховъ.
То Настасья королевична молилася,
А й молилася она да й горько плакала:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ,

«Ты меня прости во женской глупости!
«А й по поясу вкопай меня въ сыру землю,
«А ’ще бей-ко ты меня да й по нагу́ тѣлу,
«А прости меня во глупости во женскою,
«Не стрѣляй-ко ты изъ луку изъ розрывчата,
«Не спущай-ко стрѣлочки каленыя
«По тому ты по остре́ю по ножовому
«Да й во то колечко во серебряно.
«А й теперь-то ты Дунаюшко хмѣльнёшенекъ,
«А й теперь Дунаюшко пьянешенекъ,
«А убьешь меня ту молоду жену,
«А й ты сдѣлашь двѣ головки безповинныихъ.
«У меня съ тобой во чревѣ есть чадо́ посѣяно,
«По колѣнкамъ у него есть ножки въ се́ребри,
«По локо́точкамъ ёго ручки въ красно́мъ золоти,
«А наза́ди у него пекетъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
«Отъ ясны́хъ очей какъ будто лучъ пекетъ».
Ничего тому Дунай да не пытаючись,
Какъ бралъ ту́гой лукъ да свой розрывчатой,
Наложилъ-то стрѣлочку каленую,
Ёнъ спустилъ тетивочку шелковую.
Пролетѣла эта стрѣлочка каленая
А й Настасьѣ королевичной да во бѣлы́ грудп,
А й тутъ Настасьюшки славу́ поютъ.
Прѝшелъ тихія Дунаюшко Ивановичъ,
Подошолъ онъ къ нёй да поросплакался.
А онъ бралъ свою да саблю вострую,
Роспласталъ онъ ёй да чрево женское,
Посмотрѣлъ-то какъ у нихъ чадо́ засѣяно:
По колѣночкамъ-то ножки въ се́ребри,
По локоточкамъ-то ручки въ красномъ золоти,
По коспцамъ у него какъ звѣзды частыя,
Назаду-то него да какъ свѣте́лъ мѣсяцъ,
Отъ очей-тыхъ отъ него какъ быдто лучъ пекетъ.

Да тутъ тихія Дунаюшко росплакался,
И говорилъ Дунай да таковы слова:
— Ай по тыхъ поръ видно что Дунаюшко женатъ бывалъ!—
Становилъ-то онъ свою да саблю вострую,
Говорилъ Дунай да таковы слова:
— Напередъ-то протекла рѣка Настасьина,
— А другáя протеки рѣка Дунаева! —
Становилъ свою онъ саблю вострую,
Да онъ палъ на саблю-ту на вострую,
Отрубилъ свою буйну́ю головушку.
Тутъ Дунаюшку съ Настасьюшкой славу́ поютъ,
Имъ славу́ поютъ да вѣки по́ вѣку.

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

82.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 35).

Да й ходилъ-то мóлодецъ да изъ орды въ орду,
Загулялъ-то молóдецъ да къ королю въ Литву.
А й король-отъ мóлодца онъ любитъ жалуетъ,
Королевна мóлодца ёна въ любви́ держитъ.
Да й ходилъ-то мóлодецъ да поросхвастался:
«Да й ходилъ-то мóлодецъ да изъ орды въ орду,
«Загулялъ-то мóлодецъ да къ королю въ Литву,
«А король-то мóлодца да любитъ жалуетъ,
«Королевна мóлодца она въ любви́ держитъ».
Да й ходилъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Да й ходилъ ко тою славною ко матушки Пучай рѣки,
Да й стрѣлялъ Михайла гу́сей лебедей,
Да й стрѣлялъ-то перелётныхъ сѣрыхъ утушокъ.
Да й по той ли-то по матушки Пучай рѣки

То пловетъ колода бѣлоду́бая,
Да й на тою на колоды бѣлодубовой
Си́дитъ бѣленька на нёй лебёдушка.
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
А й берётъ-то онъ свой ту́гой лукъ розрывчатой,
Натянулъ тетивочку шелко́веньку,
Наложилъ ёнъ стрѣлочку калепую,
Хо́титъ подстрѣлить онъ бѣлую лебёдушку.
Поднималася та бѣлая лебёдушка
Да й на ты на кры́ла лебединыи,
Вылетала-то она да й на круто́й берёгъ,
Обвернулась-то лебёдка красной дѣвушкой.
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ подходитъ-то да къ красной дѣвушки,
А й берётъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
Да й за нёй ли бралъ за перстни за злаченыи,
Цѣловать хотѣлъ въ уста ю во саха́рніи.
Говорила-то ему да красна дѣвушка:
«Ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
«Не цѣлуй-ко ты меня да красной дѣвушки!
«А я дѣвушка есть роду-то невѣрнаго,
«Да й невѣрнаго есть роду некрещоная.
«Ты когда меня сведёшь да въ стольнё-Кіевъ градъ,
«Да когда доста́влешь *(такъ)* въ вѣрушку крещоную,
«Да й тогда съ тобой мы повѣнчаемся,
«Да й тогда съ тобой мы нацѣлуемся».
То Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
А й беретъ-то онъ да красну дѣвицю
Да за нёю-то за ручушки за бѣлыи,
Да за нёю бралъ за перстни за злаченыи,
А онъ велъ-то ю да въ стольнё-Кіевъ градъ,
Приходилъ-то съ нёй ко матушки Божьёй церквы,
Да завелъ ю въ матушку въ Божью́ церковь.
Тутъ крестили ю да и молитвили,

Имя-то ёй дали Марья лебедь бѣлая.
Ёны тутъ съ Михайлой повѣнчалися,
Ёны Господу тутъ Богу помолилися,
Ко Господнему кресту да й приложилися.
Выходили ѳны съ матушки съ Божьёй церквы,
Шли по славному по городу по Кіеву,
Во свою-то шли въ полату въ бѣлокаменну,
Приходили во столову свою горенку,
Стали жить да быть, во вѣкъ любовь творить.

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

83.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 34).

Молодой Иванушко Годиновичъ
Похотѣлъ-то онъ да поженитися,
Похотѣлъ во славной Золотой Орды
На прекрасноёй Настасьи Митріевичной.
Говорилъ ему Владыміръ князь да стольнё-кіевской:
«Ай же крестничекъ ты мой любимыи!
«Хочешь ѣхать пожениться въ Золоту Орду?
«Что ты брать будѣшь съ собой да въ Золоту Орду?
«А й безсчетную велику золоту казну,
«А й одежицу ты брать дорогоцѣнную,
«Али брать ты будешь силушку[1]) великую?»
Говорилъ Иванушко Годиновичъ:
— А й крестовый ты мой батюшка,
— Ай ты славныя Владыміръ князь да стольнё-кіевской!

---

1) Рябининъ пропѣлъ сперва: «ту армію великую», а потомъ, поправившись, сказалъ: «силушку великую».

— Мни не надобно безсчетной золотой казны:
— Золотой казной мнѣ дѣвушки не выкупить;
— Силы (арміи) великія не надобно:
— Мнѣ не дракою брать дѣвушку, да не во́йскамы да великима;
— Да не надобно одежи дрогоцѣнней.
— Есть пойдетъ въ люби Настасья Митріе́вична,
— Такъ возьму въ люби Настасью Митріевичну,
— Такъ не надо бы одежи дрогоцѣнныя,
— Да й не надо мни безсчетной золотой казны,
— Да не надо силы арміи великоёй,
— Только дай мнѣ-ка̀ да па́робка любимаго,
— Чтобы паробку добра̀ коня сѣдлать,
— Чтобы паробку коня розсѣдлывать,
— Ему плетка по́давать да плетка при́нимать.—
А Владымiръ князь-отъ стольнё-кіевской
Да какъ далъ ему-то паробка любимаго,
Й они сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Молодой Иванушко Годиновичъ
Со своимъ со па́робкомъ любимымъ.
Ены ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Они въ день ѣду́тъ по красному по солнышку,
Они въ ночь ѣду́тъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Ускоряютъ-то дороженьку чисты́мъ полемъ.
А й пріѣхали они во Золоту Орду
Ко прекрасноёй Настасьѣ Митріевичной,
А у ней-то сватухи́ сидятъ,
Сватухи сидятъ да тою сватаютъ
За того за сына-то за царьского,
За того за Ѳёдора Иванова.
Какъ посваталъ ю Иванушко Годиновичъ:
— Ай же ты Настасья Митріевична,
— А й поди-тко ты да за меня замужъ!
— Я свезу тобя на славну на святую Русь,
— Я доста́влѣю *(такъ)* тебя во вѣрушку крещоную,

— А 'ще будешь ты у насъ да роду вѣрнаго,
— А 'ще дѣтушки пойдутъ крещеныи. —
Позвалась она пойти замужъ Иванушка Годинова *(такъ)*.
Какъ приказала-то сѣдлать она добра́ коня,
А й сѣдлали-то они добры́хъ коней,
Да й поѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
Съ этой славноёй да Золотой Орды,
Оны ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ.
Молодой Иванушко Годиновичъ
А й отправилъ-то онъ паробка любимаго
А во тотъ во славный въ стольне-Кіевъ градъ
Да й ко славному-то князю ко Владыміру:
«Я въ люби везу Настасью Митріе́вичну».
Его паробокъ да то любимыи
И онъ поѣхалъ-то скоренько по чисту́ полю
Да й во тотъ во славной въ стольнё-Кіевъ градъ,
Онъ пріѣхалъ-то ко князю ко Владыміру,
Онъ пришолъ къ нему въ полату бѣлокаменну,
Говорилъ-то князю таковы слова:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Какъ въ люби везетъ Настасью Митріе́вичну
«Да твой крестничекъ любимыи,
«Молодой Иванушко Годиновичъ».
Тамъ на тую пору на то времечко
А настигъ ихъ царьской сынъ да во чисто́мъ поли,
А и тотъ вѣдь Ѳёдоръ-отъ Ивановичъ.
Иванушко Годиновичъ онъ ѣдетъ по праву́ руку Настасьи Митріе́вичной,
А й по лѣвую да ёй по рученьку
А поѣхалъ царьской сынъ Ѳедо́ръ Ивановичъ;
Сталъ Настасью Митріе́вичну
Царьской сынъ да уговаривать:
— Ай же ты Настасья Митріе́вична!
— Ты куда умъ клала и замужъ пошла?

— Какъ будешь ты во городѣ во Кіевѣ
— Казачихою у князя у Владыміра,
— У Опраксіи у королевичной,
— Еще будешь ты да портомойницей.
— За меня поди замужъ за сына царьского,
— У меня будéшь ты да царицею. —
А й у той ли у Настасьи Митріéвичной
А туды у нею й умъ пошелъ,
Да й пошла замýжъ за сына-то за царьского.
Они вóзмутъ-то привяжутъ какъ Иванушку Годинова
Да й ко славному да ко сыру дубу;
Пороздернули они свою полатку полотняную,
Оны спали во полатки полотняноёй,
Оны гладились въ полатки, тамо лúстились.
Ены вышли со полатки полотняноёй;
Тамъ на тую порушку да й на то времечко
Черезъ ихъ летѣло два бѣлыхъ два лебедя.
Говорила-то Настасья Митріéвична,
Говорила-то она да й сыну царьскому:
«Ай же царьской сынъ Ѳедóръ Ивановичъ!
«Захотѣлось на поносѣ мнѣ-ка мяса лебединаго.
«Ты возьми-тко тýгой лукъ розрывчатой,
«Натяни-тко ты тетивочку шелкóвеньку,
«Наложи-тко стрѣлочку каленую,
«Пóдстрѣль бѣлую да мнѣ лебедушку,
«Мнѣ покушать мяса лебединаго».
Царьской сынъ Ѳедóръ Ивановичъ
Скоро бралъ свой тýгой лукъ розрывчатой,
Натянулъ-то онъ тетивочку шелкóвую,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Енъ спустилъ тетивочку шелкóвую
Въ эвту стрѣлочку онъ во каленую;
А й во верхъ-то полетѣла эта стрѣлочка каленая,
А й по Божьему да й по велѣнью

А свилась-то стрѣлочка каленая,
Она пала-то да во головушку,
Во головушку-ту пала сыну царьскому,
А й тому вѣдь Ѳёдору Иванову.
Тутъ-то Ѳёдору да й сыну царьскому,
А ему славу́ поютъ да вѣки по́ вѣку.
Тутъ Настасья Митріе́вична
Какъ стала по чисту́ полю похаживать;
А Иванушко стоитъ ёнъ у сыра дуба,
У сыра дуба стоитъ ёнъ да привязаной.
Говоритъ ему Настасья Митріе́вична:
«Ай же молодой Иванушко Годиновичъ!
«А й прости-тко ты меня да въ женской глупости,
«А возьми меня замужъ да краспу дѣвушку,
«Да й свези-тко ты меня да на святую Русь,
«А й во славною во стольне-Кіевъ градъ,
«Да й доставлѣшь ме́не въ вѣрушку крещеную;
«А сходимъ мы съ тобой да во Божью́ церковь,
«А и примемъ мы съ тобой да золоты вѣнцы,
«Мы положимъ съ то́бой заповѣдь велпкую,
«Намъ въ люби бы жить съ тобой вѣкъ по́ вѣку».
Говорилъ-то ёй Иванушко Годиновичъ:
— Ай же ты Настасья Митріе́вична!
— Какъ ты справишь-то три заповѣди женскіихъ,
— А тогда ты будешь и моя жена. —
Отвязала-то Иванушка она да отъ сыра дуба.
Тутъ молодой Иванушко Годиновичъ
Становилъ Настасью супротивъ собя,
Во свои во бѣлы онъ во ручушки
А онъ бралъ свою да саблю вострую,
Й онъ смахнулъ своёй да саблю острою,
Да срубилъ ёй ножки по колѣночкамъ.
Говорилъ Иванушко ёнъ таковы слова:
— А почто-то эти поженки-ты рѣзвыи?

— Оплетали-то татарина поганаго,
— А й того-то Ѳёдора Иванова. —
И то смахнулъ своёй онъ са́блёй вострою,
Отрубилъ ей ручки по локо́точкамъ,
Говорилъ Иванъ да таковы слова:
— А й почто-то эти ручки бѣлыи?
— Обнимали-то татарина поганаго,
— А й того ли Ѳёдора Иванова. —
Онъ смахнулъ еще да саблей вострою,
Отрубилъ-то ёй уста саха́рніи,
Говорилъ да какъ Иванушко да таковы слова:
— А й почто эти уста сахарніи?
— Цѣловали-то татарина поганаго,
— А й того ли Ѳёдора Иванова. —
А 'ще тутъ Настасьюшкѣ славу́ поютъ,
Ей славу́ поютъ да вѣки по́ вѣку.
Молодой Иванушко Годиновичъ
Онъ садился скоро на добра́ коня,
Онъ да ѣхалъ какъ роздольицемъ чисты́мъ полемъ
Да во славныи свой да стольне-Кіевъ градъ.
Тамъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
А крестовой его батюшко,
Дожидаетъ крестничка любимаго
Со Настасьюшкой да Митріе́вичной.
А пріѣхалъ-то Иванушко Годиновичъ
А й по вечеру онъ да поздешенько,
А онъ крадчи-то заѣхалъ на широкой дворъ,
Бояци́сь пришолъ въ полату бѣлокаменну
Да й ко славному ко князю ко Владыміру;
Говоритъ ему да тутъ Владыміръ князь:
«Ай же ты Иванушко Годиновичъ!
«А 'ще гди твоя княгина есть моло́дая,
«Молода Настасья Митріе́вична?»
Говорилъ ёму Иванушко Годиновичъ:

— Ай же славныя Владыміръ стольне-кіевской,
— А крестовою да ты мой батюшко!
— А й всякъ мо́лодецъ на сёмъ свѣтѝ онъ женится,
— А не всякому женидьба удается, —
— Видно только я Иванушко й женатъ бывалъ. —

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

84.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ [1]).

(См. Рыбникова, т. I, 43).

А й во славноёмъ во городи во Кіеви,
Славного у́ князя Владыміра,
Заводился у́ князя почестенъ пиръ.
Было на пиру у него двѣ вдовы:
Первая вдова-то честно-Блу́дова женà,
Дру́гая вдова была купе́ць-жона.
Къ че́стной вдовы къ честно-Блу́дова женѣ
Подносили къ тоей чару зелена́ вина,
Да не малую стопу, полтора ведра.
Че́стна вдова честно-Блу́дова женà
Ставала-то она да на рѣзвы́ ноги,
Брала эту чарочку въ бѣлы́ ручки,
Й она за этоей за чарочкой посва́талась
За своёго за́ сына за любимаго,
За того Хотинушку за Блу́довица
А у че́стной вдовы́ у купе́ць у жонѣ,
На прекрасной Офимьи купе́ць-доцерѝ.
Честная вдова та купе́ць-жонà
Скорёшенько ставала й на рѣзвы ноги,

---

1) Размѣръ дактилическій.

Брала отъ нёй чарочку въ бѣлы́ руцки,
А назадъ-то ёй чарочку повы́плеснула̀,
Куньюю шубоньку облила,
Курвой блядію оклёскивала̀;
Говорила-то вдова таковы слова:
«Ай ты глупая вдова честно-Блу́дова жона̀!
«Тоби до́йдетъ ли Офимья моя взя́ть за сына̀,
«Да й за твоего Хотинушку за Блу́довица̀?
«А й сидитъ моя Офимья во тереми,
«А й во славномъ си́ди въ тереми въ злато́мъ верху,
«На́ ню красное солнышко не о́бпекётъ,
«На́ ню буйныи вѣтрушки не о́бвѣютъ,
«Многіи люди не обгалятся.
«Твой сынъ Хотинушка Блудовичъ
«Ѣздитъ онъ по городу, уродуетъ
«Со своимъ-то со паробкомъ любимымъ,
«Ищетъ бобоваго зе́рнедки,
«Гди бы то Хотинушки обѣ́дъ сочинѝть».
Че́стна вдова честно-Блу́дова жона̀
Со честна́ пиру пошла она не весело,
Припечаливши пошла прикручинивши,
Приклонивъ *(такъ)* буйную головушку къ сырой земли,
Ясны очушки втопила во сыру землю;
А подходитъ-то 'на къ терему къ высокому.
Со того со терема высокого,
Изъ того съ косевчата окошечка,
Сквозь то хрустальнё стеко́лышко,
Усмотрѣлъ Хотинушка Блудовичъ
Идучись-то свою онъ ро́дну матушку:
Со честна пиру идётъ она не весело,
Прикручинивши идётъ припечаливши,
Приклонивъ буйну головушку къ сырой земли,
Ясны очушки втопила во сыру землю.
Выскочилъ Хоти́нъ на круто́й на крылѐчь,

Говорилъ Хотúнъ а таковы слова:
— Свѣтъ ты моя рóдна матушка,
— Чéстная вдова ты честно-Блýдова женá!
— Что же ты идёшь съ пиру не весело?
— Мѣсто въ пиру было не пó чину,
— Чарой ли въ пиру тобя прióбнесли,
— Аль кто пьяница дуракъ прiобгалился? —
Воспрогóвори вдова таковы слова:
«Свѣтъ ты моё чадó любимоё,
«Молодой Хотинушка Блудовичъ!
«Мѣсто въ пиру было мни пó чину,
«Чарою меня въ пиру не óбнесли,
«Пьяница дуракъ не обгалился;
«Насмѣялась надо мной честнáя вдова,
«Чéстна вдова-то купéць-жона:
«Подносили ко мни чару зелена́ вина;
«Я скорёшенько ставала на рѣзвы́ ножки,
«Брала эту чарочку въ бѣлы́ руки,
«Я за этою за чарочкой посвáталасѝ
«За тобя зá сына любимого,
«А за мóлода Хотинушку за Блýдовича̀
«Да у чéстной вдовы у купéць у жоны̀,
«На прекрасной Офимьи купéць-дочерѝ.
«Чéстна вдова честно-Блýдова жона̀(?)
«Скорёшенько ставала на рѣзвы́ ноги,
«Брала мою чару во бѣлы́ руки,
«А й назадъ она чарочку повы́плеснула̀,
«Кунью мою шубоньку облила,
«Меня курвой блядію оклёскивала̀,
«Говорила мни вдова таковы слова:
«Глупа ты вдова честно-Блудова жона!
«Дóйдетъ ли Офимья тобѝ взять зá сына,
«Да й за своего Хотинушку за Блудовича?
«Сúдитъ моя Офимья во тереми,

«А во теремп сидитъ во златомъ верху,
«На ню красноё солнышко не о́бпекётъ,
«Буйныи вѣтры не о́бвѣютъ,
«Многія люди не обгалятся.
«Твой сынъ Хотинушка Блудовичъ
«Ѣздитъ онъ по городу, уродуетъ
«Со своимъ со паробкомъ любимымъ,
«Ищетъ бобоваго зе́рнедки,
«Гди-то бы Хотинушки обѣ́дъ сочпи́ть».
Воспрого́ворилъ Хотинка таковы слова:
— Свѣтъ ты моя да ро́дна матушка,
— Ахъ ты че́стная вдова честно-Блу́дова жона̀!
— Въ честь я Офимку за собя́ возьму,
— А й не въ честь я Офимку за товарища,
— Да за своёго̀ за паробка любимаго. —
Повернётся Хотинушка въ высокъ терёмъ,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Шапочку соболью на одно ушко,
Шолъ ёнъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ-то Хотинъ а на широкъ па дворъ,
Заходилъ ёнъ во конюшеньку стоялую,
Выводилъ ёнъ коня богатырского,
Ёнъ садился на добра́ коня не сѣдлана,
Бралъ свою палицку булатнюю,
Поѣхалъ-то Хотинушка въ чисто́ поле.
На добро́мъ кони въ чисто́мъ поли поѣзживаётъ,
Сталъ онъ шуточокъ Хотинушка пошу́чиватѝ,
Сталъ онъ паличку булатню поки́дыватѝ,
На добро́мъ кони Хотинушка подъѣзживаётъ,
Онъ одною ручкой паличку подхва́тываётъ,
Не вели́ка ёго паличка булатняя,
Вѣсу она й девяносто пудъ.
А й у мо́лода Хотинушки у Блу́довича̀
Кровь-то въ нёмъ и роспылаласи,

Сердцё ёго́ розгорѣлоси
За эту́ родительску обидушку.
То онъ поѣхалъ по роздолью чисту́ полю,
А во всю ёнъ ѣхалъ въ силу лошадиную,
Онъ подъѣхалъ какъ ко терему къ злату́ верху,
Билъ онъ палицей булатнёй по терему,
Да по славному по терему злату́ верху;
Маковки на тереми покри́вилися,
Да й околенки во тереми розсы́палися.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Сходитъ онъ скоренько со добра́ коня,
Подходитъ онъ ко терему къ злату верху,
Сталъ ёнъ замочиковъ отща́лкиватѝ,
Сталъ ёнъ дверцей выста́вливатѝ,
А приходитъ онъ во теремъ во златы́ верхи.
Ходитъ Офимья по терему
А въ одной тонко́й рубашки безъ пояса,
А въ одныхъ тонки́хъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
У нёй русая коса́ пороспу́щенаѝ.
Говорилъ Хотинъ а таковы слова:
— Ай же Офимья купе́ць-дочѝ!
— А идёшь ли ты за́мужъ за Хотинушку,
— За того Хотинушку за Блу́довичаѝ? —
Воспрого́воритъ Офимья таковы слова:
«Три году я Господу молиласи,
«Что попасть бы мнѣ замужъ за Хотинушку,
«За того Хотинушку за Блудовича».
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Бралъ онъ ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ за ней за перстни злаченыи,
Цѣловалъ въ уста во сахарніи
Онъ за нёй за рѣчи за умильніи,
Выводилъ онъ Офимью со терема,
А привелъ-то Офимью ко добру́ коню,

Ко добру́ коню привелъ къ богатырскому,
Да й садилъ ёнъ Офимью на добра́ коня,
На коня онъ ю садилъ къ головы хребтомъ,
Самъ ёнъ садился къ головы лицёмъ.
Оны сѣли на добра́ коня, поѣхали
Да по славному городу по Кіёву,
Да й пріѣхали ко матушки къ Божьёй церквы.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Онъ скорёшенько-то сходитъ со добра́ коня,
Опущаетъ онъ Офимью со добра́ коня,
Бралъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
Бралъ за нёй за перстни злаченыи,
Да повелъ ю во матушку въ Божью́ церковь.
Выходили-то со матушки съ Божьёй церквы,
Молодой Хотинушка Блудовичъ
А садилъ онъ ю да на добра́ коня,
На добра́ коня садилъ ю къ головы хребтомъ,
Самъ ёнъ садился къ головы лицёмъ,
Да пріѣхали къ Хоти́ну на широкъ на дворъ.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Онъ скорёшенько сходитъ со добра́ коня,
Опущаетъ онъ Офимью со добра́ коня,
А й берётъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
А за нёй берётъ за перстни злаченыи,
Шли оны полатой бѣлокаменной,
Проходили во столову свою въ горенку.
Стали жить да быть, вѣкъ коро́тати.

Записано въ Петербургѣ, 25 ноября.

85.

ДЮКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 41).

Да изъ тою ли со Галичи съ проклятою,
А й со той ли славноя съ Индѣи со богатою,
Съ то́го славнаго богата съ Во́лынъ-города,
Съ Во́лынъ-города да со индѣйскаго,
А сряжался молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Да повыѣхать на матушку святую Русь,
Посмотрѣть-то онъ хотѝтъ на славной стольнё-Кіевъ градъ,
Посмотрѣть хотѝтъ на славнаго на князя на Владыміра,
На прекрасную Опраксію на королевичну,
Посмотрѣть хотитъ на сильнѝихъ на русьскихъ на могучѝихъ богáтырей,

На всѣхъ славныхъ поляницъ онъ на удалыихъ.
Говорила Дюку ро́дна матушка:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Хошь сряжаешься ты на святую Русь,
«Посмотрѣть хотѝшь ты на святую Русь,
«Посмотрѣть хотѝшь на князя на Владыміра,
«А й на душечку прекрасну королевичну,
«Да й на сильнѝихъ могучихъ на богáтырей,
«На всихъ славныхъ поляницъ-то на удалыихъ,
«Не бывать тоби да й на святой Руси,
«Не видать тоби да й стольнё-Кіева:
«А й до славнаго до города до Кіева
«То стоптъ три за́ставы великѝихъ:
«Перва за́става-то змѣи поклёвучіи,
«Дру́га за́става е звѣри поѣдучіи,
«Третья за́става-то горушки толкучіи».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ро́дной матушки да онъ не слушатся,
Онъ сѣдлалъ коня да богатырскаго,

Поѣзжаетъ Дюкъ да въ стольной Кіевъ градъ.
Говорила Дюку ро́дна матушка:
«Ай же свѣтъ моё чадо́ любимоё,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Когда будешь ты на матушкѣ святой Руси,
«Да й когда будёшь во градѣ ты во Кіевѣ,
«Да й будёшь когда у князя у Влыдаміра,
«А й охвочь ты испивать такъ зелена́ вина,
«А й нехвастай-ко своимъ худошествомъ *(такъ)*
«Супротивъ русьскіхъ могучіихъ бога́тырей».
Тутъ поѣхалъ Дюкъ онъ на добро́мъ конѣ,
Подъѣзжаетъ Дюкъ ко первоей ко за́ставы,
Да ко тымъ змѣямъ поклевучіимъ.
Бе́ретъ плетку онъ шелко́ву во бѣлы́ ручки,
А онъ билъ коня-то по крутымъ ребрамъ.
Его добрый конь да богатырскія
Поднимался онъ отъ матушки сырой земли,
Пере́скочилъ онъ черезъ за́ставу великую,
Черезъ змѣевъ этихъ поклевучіихъ.
Енъ поѣхалъ-то роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Подъѣзжалъ онъ къ дру́гой за́ставы великою,
Да ко тымъ звѣрямъ ко поѣдучіимъ.
То онъ билъ коня да по крутымъ бедрамъ,
А билъ пле́точкой своей шелковенькой.
Его добрый конь да богатырскія
Какъ вспрянулъ отъ матушки сырой земли,
Перенёсъ ёнъ черезъ за́ставу великую,
Черезъ тыхъ звѣрей да поѣдучіихъ.
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Подъѣзжаетъ ёнъ ко третьеёй ко за́ставы великоей,
А й ко тымъ ко го́рамъ потолкучіимъ.
Эты горушки толкучи вмѣсто столнулись,
Вмѣсто столнулись оны да поростолнулись,
Проскочилъ онъ про́межъ горушки толкучіи.

Молодой боярин Дюкъ Степановичъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Да повыѣхалъ на матушку святую Русь.
То пріѣхалъ онъ во славный стольной Кіевъ градъ
Да й ко ласкову ко князю на широкъ на дворъ.
То Владыміра-то въ домѣ не случилося,
А й ушолъ-то князь Владыміръ во Божью́ церковь
У́шелъ Господу онъ Богу по́молитися,
Ко Господнему кресту онъ прилóжитися.
Молодой боярин Дюкъ Степановичъ
Онъ пошолъ по граду-то по Кіеву,
Енъ зашолъ во матушку Божью́ церкву,
То онъ крестъ кладетъ да й по писа́ному,
Енъ ведетъ поклоны по учёному,
На всѣ на три на четыре на сторонушки онъ кланялся
Онъ до тыхъ половъ да до кирпичныихъ,
А й до матушки онъ до сырой земли,
Самому князю́ Владыміру въ особину,
Всимъ его князьямъ онъ подколѣнныимъ.
По пра́ву́ руку Владыміра стоялъ-то вѣдь молоденькой Добрынюшка,
По лѣву́ руку-ту князя-то Владыміра
Сто́ялъ молодой Щурилушко-то Плёнковичъ.
Сталъ Владыміръ князь у Дюка повыспрашивать:
— Ты скажи откуль, удалый добрый молодецъ?
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы?
— То́бя-то какъ-то молодця да имене́мъ назвать,
— Звеличати удалого по отечеству? —
Говорилъ-то молодой боярин Дюкъ Степановичъ:
«Ай ты славный князь Владыміръ стольне-кіевской!
«Есте я изъ Галичи проклятоей,
«Да изъ тою со Индѣюшки богатою,
«Да со славнаго богата съ Волынъ-города,
«Молодой боярин Дюкъ Степановичъ».

Говоритъ-то вѣдь Щурилушка-тотъ Плёнковичъ,
Да и говорилъ Щурила таковы слова:
— Ты Владиміръ князь да стольне-кіевской!
— Во глазахъ мужикъ да подлыгается,
— Да и во глазахъ собака насмѣхается!
— Повороты есте тутъ не Дюковы,
— Поговорюшка-то есть не Дюкова,
— А й должёнъ тутъ быть холопина дворянская. —
Эго дѣло-то и Дюку не слюбилося.
Выходили-то со матушки Божьёй церквы
Да й пошли оны по городу по Кіеву.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ загадочекъ Владиміру отгадывать:
«Ай ты славный князь Владиміръ стольнё-кіевской!
«У васъ въ Кіеви-то все да не по нашему:
«Настланы у васъ мосточики кирпичные,
«Да й поручинки положены калиновы,
«Какъ идешь-то по мосточкамъ по кирпичнымъ,
«Мѣдноё гвоздьё да пріущипляется,
«Цвѣтно платьице да призабрыжжется.
«Какъ во нашей-то Индѣюшки богатоёй
«Да й во нашемъ въ славномъ Волынъ-городѣ,
«У моёй-то родноёй у матушки,
«У ней пастланы мосточки все калиновы,
«Да й положены поручинки серебряны,
«Да й на эти на мосты да на кирпичны
«Настланы-то у ней сукна гормузинные:
«Какъ пойдешь-то по мосточкамъ по калиновымъ,
«Да о эти о поручинки серебряны,
«Мѣдное гвоздьё у насъ такъ не ущиплется,
«Цвѣтно платьицё да й не забрыжжется».
А й ко тымъ рѣчамъ Владиміръ князь не примется.
Приходили во полаты въ бѣлокаменны,
То садилися за столики дубовыя,

Да й за тыя за скамеечки окольніи;
Оны сѣли-то ѣсть ѣствушки саха́рнею,
Испивать-то питьицёвъ медвяныихъ.
Подносили къ нимъ колачиковъ-тыхъ пшонныихъ;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ загадочекъ Владыміру отгадывать,
А' ще корочку-ту ёнъ вокругъ кусалъ,
А й середочку-то ёнъ такъ кобелямъ бросалъ.
То Владыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Да все въ Кіевѣ у васъ есть не по нашему:
«Да й у васъ какъ сдѣлана-то бочечка дубовая,
«Да й набѝваны обручики еловыи,
«У́ васъ дѣлано мѣшалочко сосновое,
«А 'ще тутъ у васъ да й колачи мѣсятъ;
«У васъ дѣлана какъ печка-та кирпичная,
«У васъ топятся-то дро́вця-ты еловыи,
«У васъ дѣлано помялышко сосновое,
«А и тутъ у васъ да колачи пекутъ.
«Какъ во нашою въ Индѣи во богатою
«Да во славномъ во богатомъ Волынъ-городѣ,
«У моёй-то ро́дною у матушки,
«У́ ней сдѣлана-то бочечка серебряна,
«А й обручики набиты золоченыи,
«Да й положены туды да й ме́ды сладкіи;
«У ней сдѣлано мѣшалочко дубовое,
«Оны тутъ да й колачи мѣсятъ;
«У ней сдѣлана-то печечка кирпичная,
«У ней топятся-то дровця-ты дубовыи,
«У ней сдѣлано помялышко шелко́вое,
«Настлано туда бумаги-то гербовою,
«А 'ще тутъ оны да й колачи пекутъ».
Владыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.

Подносили къ имъ да сладку водочку;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Бе́ретъ рюмочку онъ во бѣлы́ ручки,
Подносилъ онъ эту рюмочку къ устамъ своимъ саха́рнiимъ,
Да й по горенки онъ водочку повыплескалъ;
Говорилъ-то Дюкъ имъ таковы слова:
«Ай ты славныя Владыміръ стольнё-кіевской!
«У васъ въ Кіевѣ-то все вѣдь не по-нашему:
«У васъ сдѣланы есть бочечки дубовыи,
«Да й набйваны обру́чики еловыи,
«Ту́да водочка винцё у васъ положено
«Да й на этыи на по́гребы глубокiи,
«У васъ водочка—винцё тамъ призадохнется,
«А й нельзя-то испивать да сладкой водочки;
«Какъ во нашею Индѣюшки богатою
«Да й во славноёмъ богатомъ въ Волынъ-городѣ,
«У моёй ли-то у ро́дною у матушки,
«У ней сдѣланы какъ бочечки серебряны,
«А й набиты о́бручки да золоченые,
«У ней водочка—винцё туда положено,
«У ней поднято на воздухъ-тотъ не ле́ккiи
«Да на тыя-то цѣпоцечки на мѣдныи,
«У насъ водочка—винцё такъ не задохнется,
«А 'ще чарочку-ту пьешь, такъ дру́гой хочется,
«А 'ще дру́гу пьешь, по третьей-то душа горитъ».
Да Владыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
А й Щурилушко-тотъ Плёнковичъ по горенки похаживатъ,
Таковы слова Щурило поговариватъ:
— Что же ты холопина дворянска поросхвастался
— А й своимъ ты да имѣніёмъ богачествомъ,
— Поросхвастался уѣдамы ты сладкима,
— Да й поросхвастался ты пи́тьямы медвяныма?
— То ударимъ-ко со мною да великъ закладъ:
— На три го́ду поры времени проѣздити

— На своихъ на добрыхъ кóняхъ богатырскíихъ,
— Чтобы кажный день одежица носить намъ снова-нá-ново,
— Снова-па-ново носить бы что ни лучшая. —
Молодой боярпнъ Дюкъ Степановичъ
Говорилъ Щурилу таковы слова:
«Ай жо молодой Щурилушка ты Плёнковичъ!
«Тобп просто бить со мною о великъ закладъ,
«Какъ живешь ты въ свóемъ городѣ во Кіевѣ.
«У васъ полны кладовыи-ты одежицы накладены,
«У мене естѐ одежица дорожная,
«Мои платьица да все завозныи».
Молодой боярпнъ Дюкъ Степановичъ
Енъ скорешенько садился на черленой стулъ,
Енъ писалъ-то письма скороппсчаты
Ко своёй ко рóдною ко матушкѣ:
«Ай же свѣтъ моя ты рóдпа матушка!
«Да й повыручь-ко меня ты со неволюшки,
«Сподъ того ли сподъ закладу сподъ тяжелаго;
«Ты пошли-тко мпѣ одежицы снарядноёй,
«Чтобъ хватило па три года норы времени,
«Да й держать чтобы одежа снова-на-ново,
«Снова-на-ново держать да чтобы кажный день,
«Что ни кажный день держать да что ни лучшая».
Молодой боярпнъ Дюкъ Степановичъ
Онъ прошолъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ-то онъ боярпнъ на шпрокой дворъ,
Онъ приходитъ ко добру́ коню да къ богатырскому,
Полагаетъ онъ комвертъ да подъ сѣделышко,
Отпущалъ коня онъ богатырскаго,
Говорилъ коню онъ таковы слова:
«Побѣгай-ко ты мой добрый конь да богатырскіи
«Да й во славну во Индѣюшку въ богатую,
«А й бѣжп-тко ты на славный на широкъ на дворъ,
«Ко своимъ-то конюхамъ любимыимъ».

Побѣжалъ-то его добрый конь да богатырскій
Да й по славному роздольицу чисту́ полю,
Прибѣжалъ онъ во Индѣюшку въ богатую,
Прибѣгалъ онъ въ славный Волы́нъ-городъ
А й на свой-то онъ да на широкой дворъ.
Усмотрѣли ёго конюхи любимыи,
Приходили-то ко Дюковой ко матушкѣ,
Ко честно̀й вдовы Настасьи ко Васильевной,
Приходили о̀ны къ нёй да покланялися:
— Ты честна̀ вдова Настасья да Васильевна!
— Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкъ на дворъ.—
Тутъ сидитъ она да и горько́ заплакала:
«Молодой боярин Дюкъ Степановичъ
«Положилъ свою буйну̀ головушку
«Да й на матушкѣ на славной на святой Руси».
Подошла она къ коню да къ богатырскому,
Приказала-то добра́ коня розсѣдлывать;
Розсѣдлали-то добра́ коня да й богатырскаго,
Тамъ нашла она комвертикъ, роспечатала,
Посмотрѣла что у Дюка приписано.
Она скоро шла въ полату бѣлокаменну,
Она брала-то скоренько золоты ключи,
Шла на тыя кладовыя на платёныи [1]),
Полагала-то одежи снова-на-ново,
А й на три́ году да поры времени,
Да й набила-то вѣдь сумки переметныи;
Она кинула́ скоренько на добра́ коня
Черезъ этоё сѣделышко черкаское,
Отпустила-то коня да въ стольне-Кіевъ градъ.
По́шелъ добрый конь да по чисту́ полю,
Прибѣгалъ-то онъ да въ стольнё-Кіевъ градъ
Да й ко славному-то князю на широкой дворъ.

---

1) Т. е. въ которыхъ держатъ платье.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выходилъ-то онъ да й на широкой дворъ,
Подходилъ-то онъ къ коню да къ богатырскому,
Да онъ бралъ-то сумки переметныя,
Бралъ-то эти сумки, роспечатывалъ,
Посмотрѣлъ-то на одежи дрогоцѣнныи,
Положилъ-то эти сумки за крѣпкóй замокъ.
Сталъ одежицы оттуля Дюкъ понашивать,
На добрóмъ конѣ сталъ со Щурплою поѣзживать;
Ѣздятъ кажный день оны да и по городу,
Да й по городу ѣздя́тъ по Кіеву,
Да й проѣздили они по гóдъ поры,
Да проѣздили оны да éщѐ дрýгой годъ,
Да й проѣздили ещѐ оны и третій годъ.
Какъ по третій годъ да й на послѣдній день
Имъ поѣхать надобно къ обѣденкѣ Христовскою,
Молодой Щурплушко-то Пленковичъ
Надѣвалъ одежицу снарядную,
Енъ снарядную одежицу хорошеньку:
У рубашечки манешечки шелкóвеньки,
Кунью шубку онъ надѣлъ на плечка на могучіи,
Еще строчка строчена́-то чистымъ сéребромъ,
Дрýга строчка строчена́ такъ краснымъ золотомъ,
Петелки-ты вши́ваны шелкóвыи,
Пуговки положены да золоченыи;
А й во этыи во петелки шелкóвыи
А то вплéтано по красноей по дѣвушки,
Въ эвты пуговки-ты въ золоченыи
А й то вли́вано по доброму по молодцу:
Какъ застёпутся, такъ и обóймутся,
Поростёнутся, такъ поцѣлуются.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ надѣлъ одежицу да все снарядную,
Енъ снарядную одежицу хорошеньку:

Енъ рубашечки манешечки шелкóвеньки,
Онъ надѣлъ еще свою да купью шубоньку,
Одна строчка строчена̀ такъ чистымъ сéребромъ,
Дру́га строчка строчена̀-то краснымъ золотомъ,
Петелки-ты вплетаны шелковеньки,
Пуговки-ты вли́ваны да золочены,
Въ петелки-ты вплетано по красноей по дѣвушкѣ,
А й во пуговки-ты вливано по доброму по молодцу:
Какъ застёнутся, такъ и обóймутся,
А й ростёнутся, такъ поцѣлуются.
У моло́даго у Дюка у боярина
На головушку надѣта есте шапочка,
Спéреду введенъ да то свѣтéлъ мѣсяцъ,
А й вокругъ-то введены-то звѣзды частыи,
На верху шеломъ какъ быдто жаръ горитъ.
А й пришли-то молодцы оны въ Божью́ церковь.
Какъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Поглянулъ-то вѣдь Владыміръ на праву́ руку,
На моло́даго Щурилушку на Плёнкова,
Говорилъ Владыміръ таковы слова:
— Молодой боярынъ Дюкъ Степановичъ
— Прозакла́далъ все имѣніе богачество
— А моло́дому Щурилушкѣ-то Плёнкову. —
Говорилъ Перми́нъ-то сынъ Ивановичъ,
Говорилъ ёнъ князю-то Владыміру:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Посмотри-тко ты да на лѣву́ руку:
«Молодой Щурилушка-тотъ Плёнковичъ
«Прозакла́далъ ёнъ свою буйну́ головушку».
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Посмотрѣлъ-то онъ да на лѣву́ руку,
На моло́даго на Дюка на боярина,
Какъ одежица на немъ да что ни лучшая,
Шапочка надѣта на головушку,

Спе́реду введенъ да и свѣте́лъ мѣсяцъ,
По косицамъ введены да звѣзды частыи,
А шеломъ на шапочкѣ какъ быдто жаръ горитъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Бе́ретъ плеточку шелко́ву во бѣлы́ ручки,
Про́велъ плеточкой шелко́вой по бѣло́й груди,
Еще петелки-ты свищутъ по соло́вьему,
А й то пуговки крычатъ-то по звѣриному.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
По бѣло́й груди сталъ плеточкой поваживать,
А й народъ сталъ падать на кирпичной мостъ
Отъ того отъ по́свисту соло́вьяго,
Отъ того отъ по́крыку звѣринаго.
Говорилъ ёму Владыміръ князь да стольнё-кіевской:
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Перестань-ко во́дить плеткой по бѣло́й груди,
— Тоби полно-тко ронить да лю́дей чернети. —
Ены Господу какъ Богу помолилися,
Ко Господнему кресту какъ приложилися,
Выходили-то со матушки съ Божьёй церквы,
Да й пришли въ полаты бѣлокаменны
Да й ко славному-то князю ко Владыми́ру,
Ены стали-то ѣсть ѣствушки саха́рнею,
Испивать-то стали питьицевъ медвяныихъ.
Подходилъ-то какъ Щурилушка-тотъ Пленковичъ
Ко тымъ столикамъ онъ ко дубовыимъ,
Говорилъ Щурила таковы слова:
«А й что ты холопина дворянская росхвастался
«Своимъ имѣніёмъ богачествомъ великіемъ?
«Да й ударимъ-ко со мной въ великъ закладъ,
«Чтобы намъ-то ско́чить черезъ славну матушку Пучай-рѣку».
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Молодой Щурилушка ты Плёнковичъ!

— Тóби просто бить со мною о великъ закладъ,
— Какъ твой добрый конь да богатырскій
— У своихъ стоитъ у конюховъ любимыихъ,
— Зоблетъ онъ пшену да бѣлоярову,
— Испиваетъ свѣжу ключеву́ воду,
— А мое-то жеребятушко дорожное,
— А й дорожноё да призаѣхано.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ бѣжалъ-то какъ скоренько на широкой дворъ
Къ своему коню онъ богатырскому,
Палъ-то онъ на бе́дра лошадиныи,
Говорилъ-то онъ коню да таковы слова:
— А й мой добрый конь да богатырскія!
— Можь ли выручить меня ты со неволюшки,
— Сподъ того закладу сподъ великаго,
— Еще можь ли ты скочить черезъ славну́ Нѣпру́-рѣку [1])?—
Воспровѣщилъ ёму добрый конь да богатырскій,
Испрого́ворилъ язы́комъ человѣческимъ:
«Молодой боярынъ Дюкъ Степановичъ!
«А й ты бей въ великъ закладъ, закла́дайся.
«У Щурилушки-то конь мой меньшій братъ,
«А й у стараго каза́ка Ильи Муромца
«Его добрый конь такъ мнѣ-ка большій братъ:
«У него есть трои крылышка подкожныи,
«У меня есть двое крылышка подкожныи,
«У моло́даго Щурилушка у Плёнкова
«У него коня да й богатырскаго
«Да й одны-то есте крылышка подкожныи.
«Какъ подо́йдетъ какова пора да каково́ времё,
«Нё уступлю тогда я брату большему,

1) Пропѣвъ: «Нѣпру-рѣку», Рябининъ поправился и сказалъ: «Пучай-рѣку», и на вопросъ собирателя объявилъ, что надо пѣть: «Пучай-рѣку» и что онъ обмолвился, назвавъ рѣку Нѣпрою.

«А й меньшóму брату съ мéне нéчто взять».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ скоренько шолъ въ полаты бѣлокаменны,
Они били-то съ Щурилушкой великъ закладъ,
А й великъ закладъ да то не малыи:
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ залогомъ-тымъ покла́даетъ безсчетну золоту казну,
Молодой Щурилушко-то Плёнковичъ
Онъ покла́даетъ залогомъ буйну голову.
Еныі сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Да й ко славною ко матушкѣ къ Пучай-рѣкѣ.
То за нима ѣдутъ русьскіи могучіи бога́тыря
Посмотрѣть на нихъ замашки богатырскіи.
Порозъѣхали съ роздольица чиста́ поля,
Припустили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ
А й скакать-то черезъ матушку Пучай-рѣку.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ проскочитъ черезъ славную Пучай-рѣку
Да й на тотъ на славный кру́той бе́режекъ;
Молодой Щурилушко-то Плёнковичъ
Посередъ рѣки онъ пріогрюшился *(такъ)*
Со добры́мъ конемъ да съ богатырскіимъ.
Поглянулъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А то нѣтъ при немъ да и товарища,
А й то плавае Щурила посерёдъ рѣки;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поскорешенько онъ поворотъ держалъ,
Припустилъ коня онъ богатырскаго
Ско́чить черезъ матушку Пучай-рѣку,
А й скочи́лъ-то ёго добрый конь да богатырскіи
Черезъ славну матушку Пучай-рѣку,
За кудерушка Щурила ёнъ повыхватилъ,
Со Пучай-рѣки Щурилу ёнъ повытащилъ,
Да онъ посадилъ Щурилу на круто́й берёгъ,

Говорилъ Щурилы таковы слова:
— Молодой Щурилушка ты Плёнковичъ!
— Да й не надо ти смѣяться вкругъ богáтырей,
— Да й не надобно Щурилы да въ заклады бить,
— А й ходи-тко ты Щурилушка по Кіеву,
— А й по Кіеву ходи за блядкамы. —
Ены сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
А й пріѣхали ко князю ко Владыміру
На него на славный на широкой дворъ,
Заходили во полату въ бѣлокаменну.
Говорилъ Щурилушка-тотъ Плёнковичъ:
«Ты Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
«Полагай-ко писарёвъ ты да оцѣнщиковъ,
«Отпущай-ко во Индѣю во богатую
«Описать у Дюка ихъ богачество,
«Ихъ богачество да все имѣніё,
«Ихъ великую безсчётну золоту казну».
Тутъ славныя Владыміръ стольнё-кіевской
Посылаетъ онъ двѣнадцать-то богáтырей да святорусьскіихъ:
— Поѣзжайте-тко богáтыри вы во Индѣюшку,
— Й учитайте-тко имѣніе богачество,
— Ихъ великую безсчетну золоту казну. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Да по горенкѣ онъ да похаживатъ,
А Владыміру онъ князю выговарпиватъ:
«А й Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Посылай-ко ты всѣхъ русьскіихъ могучіихъ богáтырей,
«А двѣнадцать-то богáтырей-тыхъ святорусьскіихъ,
«Не посылай-ко ты богáтыря Олешеньки,
«Мóлода Олешеньки Поповича:
«А онъ роду есте-то поповскаго,
«У него глазеночка завидливы;
«Какъ увидитъ ёнъ имѣніе богачество,
«Да й увидитъ епъ безсчетну золоту казну,

«Не поѣдетъ бóльше въ стольне-Кіевъ градъ,
«Онъ положитъ тамъ буйну̀ю головушку».
Какъ садились молодци-ты на добры́хъ коней,
Ены ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ.
А й во тою во Индѣюшки въ богатоей
Да во славноёмъ въ богатомъ въ Вóлынъ-городѣ
У нихъ кровельки все были золоченыи;
Оны ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полёмъ,
Да й заѣхали на гору на высокую
Посмотрѣть-то на Индѣю на богатую;
А во томъ ли-то во славномъ Волынъ-городѣ
Кровельки да золоченыи
Отдалѝ оны какъ бы́дто жаръ горитъ.
Говорятъ бога́тыря да святорусьскіи:
— Молодой боярипъ Дюкъ Степановичъ
— Прозакла́далъ все имѣніе богачество,
— А срубить теби буйна̀ головушка!
— А Волынъ твой городъ вѣдь огнёмъ горитъ,
— Молодой ты Дюкъ, ты прозакла́дался! —
Какъ пріѣхали во славныи въ Волы́нъ-городъ,
А й на тотъ на славный на широкой дворъ,
По всему ёго двору да по широкому
Настланы̀ да сукна гормузинныя.
Становили оны копей богатырскіихъ
Посередъ двора оны широкаго,
Да й пошли самы̀ въ полаты въ бѣлокаменны;
Такъ у Дюка-то ступеньки есть серебряны,
А й то грядочки у Дюка все орленыи,
А й орленыи да золоченыи.
То пришли они въ полаты во первóй покой,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На вси стороны-то низко поклонялися:
— Ай ты здравствуешь честна́ вдова Настасьюшка Васильевна,

— Ай ты Дюковая матушка! —
Говорилъ имъ Дюкъ да таковы слова:
«А й не матýшка моя тутъ есть не рóдная,
«А й тутъ есть моя да рукомойница,
«Полагаетъ она воду въ рукомойничекъ».
Приходили молодцы они въ другой покой,
Они Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклонилися:
— Ай ты здравствуешь честна̀ вдова Настасья да Васильевна! —
Говорилъ имъ Дюк-отъ таковы слова:
«Да й не матушка тутъ есть моя не рóдная,
«А тутъ есть моя да судомойница».
А й прошли они еще въ третéй покой,
Они Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклонилися,
А честно̀й вдовы да и въ особину:
— Ай ты здравствуешь честна̀ вдова Настасья да Васильевна! —
Говоритъ-то молодой боярин Дюкъ Степановичъ:
«Да й не матушка тутъ есть моя не рóдная,
«А и есть моя да то и стольница».
Тутъ прошли они еще въ покой четвертою,
Они Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялись,
Да честно̀й вдовы Настасьѣ-той Васильевной
Низко кланялись-то ёй въ особину.
Говорилъ-то молодой боярин Дюкъ Степановичъ:
«Ай вы славные богáтыря да святорусьскіи!
«Тутъ сидитъ моя да рóдна матушка,
«То честна̀ вдова Настасья да Васильевна.
Какъ скорешенько честна̀ вдова ставала на рѣзвы́ ножки,
Со своимъ она со сыномъ со любимымъ
Со пути да со дороженьки она тутъ поздоровкалась.

Говорилъ-то молодой боярнъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай же свѣтъ моя ты рóдна матушка,
«Ты честнà вдова Настасья да Васильевна!
«Какъ пріѣхали богáтыря да святорусьскіи
«Описать имѣніё пашѐ богачество,
«Описать нашý безсчетну золоту казну».
То честнà вдова Настасья-то Васильевна
Да й скорешенько беретъ-то золоты ключи,
Повела по клáдовымъ да по богатыимъ,
Повела по погребáмъ глубокіимъ.
Еще тихія Дунаюшко Ивановичъ
Говорилъ Дунаюшко онъ таковы слова:
— Ай же братьица мои да вы крестовыи!
— То пишите письма въ стольнёй Кіевъ градъ
— Да й ко славному-то князю ко Владыміру:
— Да й во нашоемъ во городѣ во Кіевѣ
— Да й не хватитъ-то безсчетной золотой казны
— Да й купить-то только перья со чернилами
— Да во тою во Индѣюшки въ богатою
— Описать безсчетна золота казна,
— Описать богачество великоё. —
Тутъ молодóй боярнъ Дюкъ Степановичъ
Приказалъ онъ накрывать на столики дубовыи,
Становить-то ѣствушки сахáрніи,
Становить-то питьица медвяныи.
Онъ садилъ богáтырей да святорусьскіихъ
Да й за тыя столики дубовыи,
Онъ кормить-то сталъ ихъ ѣствушкой сахáрнею,
Сталъ поить ихъ питьицемъ медвянымъ;
Óны рюмочку-то пьютъ, такъ дрýгой хочется,
Оны дрýгую-ту пьютъ, такъ по третьéй душа горитъ.
Тутъ богáтыри да святорусьскіи
А й поѣли-то оны покушали,
Выходили изъ-за столиковъ дубовыихъ,

Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольнiихъ,
Оны Господу-то Богу помолилися
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялись,
А самой честнòй вдовы да ёй въ особину
А й до тыхъ половъ да и кирпичныхъ,
А й до тою ли до матушки сырой земли.

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

86.

СОРОКЪ КАЛѢКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 39).

Да й ходили-то калѣки перехожiи,
А й лапо́тики на ножкахъ-то шелко́веньки,
Й у нихъ по́дсумки-ты сшиты съ черна бархату,
Да во нихъ рукахъ-то клю́хи кости рыбьею,
На головушкахъ-то шляпки земли гречецкой.
Да й ходили молодцы они съ земли́ въ землю,
Загуляли молодцы да къ королю въ Литву,
Ко тому-то за́шли къ ко́ролю къ Литовскому,
Заходили къ королю да й на широкой дворъ,
Становились молодцы да й посерёдъ двора,
Супротивъ окошечка косявчата,
Попросили-то у короля мило́стинки,
Да й воскрыкнули оны да громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ крыкну́ли во всю голову:
«Ай же батюшко король Литовски!
«Сотвори король да намъ мило́стинку,
«А и тымъ калѣкамъ перехожiимъ:
«Не рублямы мы берёмъ да не полтинкамы,
«А берёмъ-то мы цѣлы́ма ты́сящмы».
А й отъ нихъ-то покрыковъ отъ богатырскiихъ,

Да й отъ голосовъ отъ ихъ отъ молодецкихъ,
А на теремахъ-то маковки покри́вились,
А й въ окошечкахъ околенки розсыпались.
Поглянулъ король въ косявчато окошечко,
Говорилъ король-отъ таковы слова:
— Ай же вы мои да слуги вѣрныи!
— Да й подите-тко вы на́ мой на широкъ на дворъ,
— Не калѣки-то пришли не перехожіи,
— Да пришли бога́тыря къ намъ святорусьскіи.
— Вы берите-тко за ручушки за бѣлыи,
— Да й за ихъ-то перстни за злаченыи,
— Да й ведите-тко въ рехте́ли *(такъ)* въ королевскіи,
— Да й во славныи въ палаты бѣлокаменны,
— Да й садите ихъ за столики дубовыи,
— Да й за тые за скамеечки окольніи.
— Вы кормите-ко ихъ ѣствушкой саха́рнею,
— То вы́ пойте-ко ихъ питьицемъ медвяныимъ,
— Да й дарите-тко имъ да́ры дрогоцѣнныи. —
Шли туды ёго да слуги вѣрныи,
А й на славной шли оны широкой дворъ,
Оны брали ихъ за ручушки за бѣлыи,
То за ихъ-то перстни за злаченыи,
То вели оны въ рехте́ли въ королевскіи,
Да й во славныи въ полаты въ бѣлокаменны,
А й садили ихъ за столички дубовыи,
Да за тыя за скамеечки окольніи,
А й кормили-то ихъ ѣствушкой саха́рнею,
Да й поили-то ихъ питьицемъ медвяныимъ,
Да й дарили да́ры дрогоцѣнныи:
Насыпали мисы чиста се́ребра,
Да й другіе мисы красна золота,
Третьи мисы насыпали скатно-жемчугомъ.
Принесли оны къ калѣкамъ перехожіимъ,
Да й пошли эты́ калѣки похвалялися:

«Ай ты славныя король Литовскія!
«Да й умѣлъ калѣкъ кормить попть,
«Да й умѣлъ дарить-то да́ры дрогоцѣнныи!»
Выходили молодци да во чисто́ поле
Да й прошли во славнёй въ стольнё-Кіевъ градъ,
Розошлись въ свои полаты бѣлокаменны,
Стали жить-то быть да вѣкъ корота́ти.

(Больше не знаетъ).

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

87.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

(См. Рыбникова, т. I, 72).

Изъ того было́ изъ города изъ Крякова,
Съ то́го сла́внаго села да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Изъ того подворья богатырскаго,
О́хвочь ѣздить молодецъ былъ за охвоткою;
А й стрѣлялъ-то онъ да й гу́сей и лебедей,
Стрѣлялъ малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ утушокъ.
То онъ ѣздилъ по роздольицу чисту́ полю,
Цѣлый день съ утра ѣзди́лъ до вечера,
Да и не наѣхалъ онъ ни гуся онъ ни лебедя,
Да й не малаго да перелетнаго утенушка.
Онъ по дру́гой день ѣзди́лъ съ утра до па́бѣдья,
Енъ подъѣхалъ-то ко синему ко морюшку,
Насмотрѣлъ двѣ бѣлыя лебедушки:
Да на той ли какъ на тихой за́берёги,
Да на томъ зеленоемъ на за́тресьи
Плаваютъ двѣ лебеди, колыблются.
Становилъ-то онъ коня да богатырскаго,

А свой ту́гой лукъ розрывчатой отстегивалъ
Отъ того отъ праваго отъ стремечка булатняго,
Наложилъ-то онъ и стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелко́веньку,
Хо́титъ подстрѣлить двухъ бѣлыихъ лебедушокъ.
Воспрого́ворили бѣлыя лебедушки,
Проязычили язы́комъ человѣческимъ:
«Ты уда́ленькой доро́днёй добрый молодецъ,
«Ай ты славныя бога́ты́рь святорусьскіи!
«Хошь насъ подстрѣли́шь двухъ бѣлыихъ лебедушекъ,
«Не укрятаешь плеча могучаго,
«Не утѣшишь сердца молодецкаго.
«Не дви лебёди мы есть да не дви бѣлыихъ,
«Есть двѣ дѣвушки да есть двѣ красныихъ,
«Двѣ прекрасныихъ Настасьи Митріе́вичны.
«Мы летаемъ-то отъ пана отъ поганаго,
«Мы летаемъ по́ры времени по три́ году,
«Улетѣли мы за синеё за морюшко.
«Поѣзжай-ко ты въ роздольице чисто́ поле,
«Да й ко славному ко городу ко Кіеву,
«Да й ко ласковому князю ко Владыміру:
«А й Владыміръ князь онъ ѣстъ-то пьетъ и проклаждается,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
«Какъ поѣдешь ты роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
«Да пріѣдешь ты къ сыру дубу́ крякно́висту
«Насмотри-тко птицу во сыромъ дубѣ,
«Си́дитъ птица че́рной воронъ во сыромъ дубѣ,
«Перьице у ворона черны́мъ черно,
«Крыльицо у ворона бѣлы́мъ бѣло,
«Перьица роспущены до матушки сырой земли».
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
На конѣ сидитъ, самъ пороздумался:
— Хоть-то подстрѣлю двухъ бѣлыихъ лебедушокъ,
— Да й побью я двѣ головки безповинныихъ,

— Не укрятаю плеча́ могучаго,
— Не утѣшу сердца молодецкаго. —
Енъ сымаетъ эту стрѣлочку каленую,
Отпустилъ тетивочку шелковеньку,
А й свой ту́гой лукъ розрывчатый пристегивалъ
А й ко правому ко стремечки булатнёму,
Да й поѣхалъ онъ роздольицемъ чисты́мъ полемъ
А й ко славному ко городу ко Кіеву.
Подъѣзжалъ онъ ко сыру дубу́ крякно́висту,
Насмотрѣлъ ёнъ птицу черна ворона;
Сиди птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
Перьицо у ворона черны́мъ черно,
Крыльицо у ворона бѣлы́мъ бѣло,
А й роспущены перьица до матушки сырой земли:
Эдакою птицы на свѣти́ не видано,
А й на бѣлоемъ да и не слыхано.
Мо́лодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ отъ праваго отъ стремечки булатнёго
Отстянулъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
Наложилъ ёнъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Говорилъ-то молодецъ да й таковы слова:
— Я подстре́лю эту птицу черна ворона,
— Е́го кровь-то росточу да по сыру дубу,
— Его тущицю спущу я на сыру землю,
— Перьицо я роспущу да по чисту́ полю
— Да по тою долинушкѣ широкою. —
Воспрого́ворилъ-то воронъ птица черная,
Испровѣщилъ да язы́комъ человѣческимъ:
«Ты удаленькой дородній добрый молодецъ,
«Славныя бога́тырь святорусьскія!
«Ты слыхалъ ли поговорю на святой Руси:
«Въ кельи старця-то убить — такъ то не спа́сеньё,
«Черна ворона подстре́лить — то не ко́рысть по́лучить.

«Хоть подстрѣлишь мéне птицю черна ворона,
«Поросточишь мою кровь ты по сыру дубу,
«Спустишь тушицю на матушку сыру землю,
«Не укрятаешь плеча да ты могучаго,
«Не утѣшишь сердця молодецкаго.
«Поѣзжай-ко ты во славный стольнёй Кіевъ градъ,
«Да й ко славному ко князю ко Владыміру,
«А й у славнаго-то князя у Владыміра
«Есть почестенъ пиръ да й пированьицо,
«То онъ ѣстъ да пьетъ да й проклаждается,
«Надъ собою князь незгодушки не вѣдаетъ:
«То вѣдь ѣздитъ поляничищо въ чистóмъ поли,
«Она кличетъ выкликаетъ поединщика,
«Супротивъ собя да й супротивника,
«Изъ чистáго поля она наѣзднпка:
««Онъ не дастъ ли мнѣ-ка если поединщика,
««Супротивъ меня да й супротивника,
««Изъ чистáго поля да что наѣзднпка. —
««Розорю я славный стольній Кіевъ градъ,
««А 'ще черпедь мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
««Всѣ Божьи церквы-то я на дымъ спущу,
««Самому князю Владыміру я голову срублю
««Со Опраксіей да королевичной».
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
На добрóмъ конѣ сидитъ, самъ пороздумался:
— То слыхалъ я поговорю на святой Руси:
— Въ кельи старця-то убить, такъ то не спáсеньё,
— Черна ворона подстрѣлить, то не кóрысть пóлучить;
— Хоть я подстрѣлю́-то птицу черна ворона,
— Росточу-то его кровь да по сыру дубу,
— Его тущицю спущу да й на сыру землю,
— Роспущу- ёго перьице да й по чисту́ полю
— Да по тою по долинушкѣ широкою, —
— Не укрятаю плеча-то я могучаго

— И не утѣшу сердця молодецкаго. —
Онъ сымаетъ эту стрѣлочку каленую,
Отпустилъ тетивочку шелковую,
А свой тугой лукъ розрывчатый пристегивалъ
А й ко правому ко стремечки къ булатнёму,
На кони сидитъ да й пороздумался:
— Прямоѣзжею дороженькой поѣхать въ стольнёй Кіевъ градъ,
— То не честь мнѣ-ка̀ хвала да й отъ бога́тырей,
— А й не выслуга отъ князя отъ Владыміра,
— А поѣхать мнѣ дорожкой во чисто́ поле
— А й ко тою поляницищу уда́лою,
— А й убьетъ-то поляница во чисто́мъ полѣ,
— Не бывать-то мни да на святой Руси,
— А и не видать-то мо́лодцю мнѣ свѣту бѣлаго. —
Онъ спустилъ коня да й богатырскаго,
Енъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Енъ подъѣхалъ къ поляници ко удалою.
Опы съѣхалися добры молодцы да й поздоровкались,
Они дѣлали сгово́ръ да й промежду собой,
Какъ другъ у друга́ намъ силушки отвѣдати:
Намъ розъѣхаться съ роздольица чиста́ поля
На своихъ на ко́няхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ палици булатніи,
Тутъ мы силушки у другъ друга́ отвѣдаемъ.
Порозъѣхались они да на добры́хъ коняхъ
По славному роздольицу чисту́ полю;
Они съѣхались съ роздольица чиста́ поля
На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
Пріударили во палици булатніи,
Они другъ друга́-то били не жалухою,
Со всей силушки да богатырскіи
Били палицми *(такъ)* булатнима да по бѣлы́мъ грудямъ.
И у нихъ палици въ рукахъ да погибалися,

А й по маковкамъ да й отломилися;
А й подъ нима какъ доспѣхи были крѣпкіи,
Ѐни другъ другà не сшибли со добры́хъ коней,
Да й не били о́ны другъ друга́, не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.
Становили мо́лодцы оны добры́хъ копей
Й они дѣлали сговоръ да промежду́ собой,
Порозъѣхаться съ роздольица́ чиста́ поля
На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ копья муржамецкія,
Надо сплушки у другъ друга́ отвѣдати.
Порозъѣхались съ роздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
Пріударили во копья муржамецкія,
Они другъ друга́-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по бѣлы́мъ грудямъ.
У нихъ копья-ты въ рукахъ да погиба́лися,
А й по маковкамъ да й отломилися;
А й подъ нима какъ доспѣхи были крѣпкіи,
Ѐни другъ другà не сшибли со добры́хъ коней,
Да й не били о́ны другъ друга́, не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
Говорили молодцы-ты промежду́ собой:
Опуститься надо со добры́хъ коней
А й на матушку да й на сыру землю,
Надо биться-то намъ боемъ рукопашкою,
Тутъ у другъ другà мы сплушку отвѣдаемъ.
Выходили молодци они съ добры́хъ коней,
Становилися на матушку сыру землю
Да й пошли-то биться боемъ рукопашкою.
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ весьма былъ обученъ бороться объ одной ручкѣ;
Подошолъ онъ къ поляницищу удалою,

Да й схватилъ онъ поляницу на косу бодру *(такъ)*,
Да й спустилъ на матушку сыру землю,
Вынималъ-то свой онъ ножъ булатнюю *(такъ)*,
Заносилъ свою да ручку правую,
Заносилъ онъ ручку выше го́ловы,
Да й спустить хотѣлъ ю ниже пояса. —
Права ручушку въ плечахъ да застоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ да й помутился свѣтъ.
То онъ сталъ у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мнѣ провѣдай-ко:
Ты съ коёй Литвы, да ты съ коёй земли,
Тобе какъ-то поляничку именёмъ зовутъ
— Й удалу́ю звеличаютъ по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базыка новодревная *(такъ)*!
«То́би просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь ты на моёй бѣло́й груди
«И въ рукахъ ты держишь свой булатній ножъ,
«Ты хоти́шь пластать мои да груди бѣлыи,
«Доставать хоти́шь моё сердцё со печеней!
«Есть стояла я бы на твоёй бѣло́й груди,
«Да пластала бы твои я груди бѣлыи,
«Доставала бы твоё да се́рдце съ печеней,
«Не спросила бъ я отця твоёго матери,
«А ни тво́его ни роду я ни племени».
Розгорѣлось сердце у бога́тыря
А у мо́лода Петроя у Петровича.
Енъ занесъ свою да ручку правую,
Ручку правую занесъ онъ выше го́ловы,
Опустить ю хочетъ ниже пояса, —
Права ручушка въ плечи да застояласе,
Въ ясныхъ очушкахъ да помутилуся свѣтъ.
То онъ сталъ у поляници повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мнѣ провѣдай-тко:

— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— Тóбя какъ-то полянúчку именéмъ зовутъ,
— Тóбя какъ-то звеличаютъ по отечеству? —
Говорила полянúца таковы слова:
«Ай ты славныя богатырь святорусьскія!
«А й ты когда сталъ у меня выпрашивать,
«Я стану́ про то тобѣ высказывать:
«Родомъ есть изъ города изъ Крякова,
«Изъ того села да со Березова,
«А й со тою ли со улицы Рогатицы,
«Со того подворья богатырскаго,
«Молодой Лука Петровичъ королевской сынъ.
«Увезёнъ былъ маленькимъ робеночкомъ:
«Увезли меня татара-ты погиныи,
«Да й во ту во славну въ хоробру́ Литву,
«То возро́стили до полного до возросту;
«Во плечахъ сталъ я имѣть-то силушку велúкую,
«Избиралъ коня соби я богатырскаго,
«Я повыѣхалъ на матушку святую Русь
«Поискать собѣ я о́тца матушки,
«Поотвѣдать своего да роду племени»,
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Енъ скорошенько соскочитъ со бѣло́й груди,
То й беретъ его за ручушки за бѣлыи,
За него беретъ за перстни за злаченые,
То здымалъ его со матушки сырой земли,
Становилъ онъ молодця да й на рѣзвы́ ноги,
На рѣзвы́ ноги да й супротивъ собя,
Цѣловалъ ёго̀ въ уста онъ во сахáрнiи,
Называлъ-то братцемъ со̀би ро́дныимъ.
Еныи сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Ко тому ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
Да ко тою улицп Рогатицы,

Къ тому славному къ подворью богатырскому;
Пріѣзжали-то оны да й на широкой дворъ,
Какъ сходили молодцы они съ добрыхъ коней,
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ бѣжалъ скорò въ полату бѣлокаменну;
Молодой Лука Петровичъ королевской сынъ
А й сталъ по двору Лука похаживать,
За собою сталъ добрá коня поваживать.
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Енъ скоренько шолъ полатой бѣлокаменной,
Проходилъ ёнъ во столову свою горенку,
Ко своёй ко рóдной прúшелъ матушкѣ:
— Ай ты свѣтъ моя да й рóдна матушка!
— Какъ-то былъ я во роздольицѣ чистóмъ поли,
— Да й наѣхалъ я въ чистóмъ поли татарина,
— А кормилъ я ёго ѣствушкой сахáрнею,
— Да й поилъ я ёго питьицемъ медвяныимъ. —
Говоритъ ему тутъ рóдна матушка:
«Ай же свѣтъ моё чадó любимое,
«Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ!
«Какъ наѣхалъ ты въ чистóмъ поли татарина,
«То не ѣствушкой кормилъ бы ты сахáрнею,
«То не питьицемъ поилъ бы ты медвяныимъ,
«А й то билъ бы ёго палицей булатнею,
«Да й кололъ бы ты ёгò да кóпьемъ вострыимъ.
«Увезли у тóбя братця они рóднаго,
«Увезли-то ёны малыимъ робёночкомъ,
«Увезли его татары-ты поганыи!»
Говорилъ Петрой Петровичъ таковы слова!
— Ай ты свѣтъ моя да рóдна матушка!
— Не татарина наѣхалъ я въ чистóмъ поле,
— А й наѣхалъ братця сóби рóднаго,
— Мóлода Луку да я Петровича.
— А й Лука Петровичъ по двору похаживатъ,

— За собой добра́ коня поважива́ть. —
То честна́ вдова Настасья-то Васильевна
Какъ скорешенько бѣжала на широкой дворъ,
Да й въ одной тонко́й рубашечкѣ безъ пояса,
Въ о́дныхъ то́нкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Приходила къ сво́ему да къ сыну ро́дному,
Къ мо́лоду Луки да й ко Петровичу,
Ена брала-то за ручушки за бѣленьки,
За него-то перстни за злаченыи,
Цѣловала во уста его въ саха́рніи,
Называла-то соби да сыномъ ро́дныимъ;
Да й вела его въ полату бѣлокаменну,
Да вела въ столову свою горенку,
Да й садила-то за столики дубовыи,
Ихъ кормила ѣствушкой саха́рнею,
Да й поила-то ихъ питьицемъ медвянымъ.
Они стали жить быть, вѣкъ коро́тати.

Записано тамъ же, 7 іюля.

88.

СКОПИНЪ.

Обошла Москву Литва поганая,
Да й садился тутъ Скопинъ да на добра́ коня,
Еще ѣхалъ-то Скопинъ да и во Новгородъ,
Онъ заутрену служилъ пречистой Богородицѣ,
На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей,
На обѣдню полагалъ онъ цѣлу тысящу,
Собиралъ ёнъ мужичковъ да новгородскіихъ,
Говорилъ ёнъ мужичкамъ да новгородскіимъ:
«Ай же мужички вы повгородскія!
«Соберите-тко мнѣ силушки соро́къ тысящъ

«Да й повыгнать изъ Москвы Литва поганая».
Эты мужички да новгородскія
Собирали ёму силушки сорóкъ тысящъ;
Ѣхалъ-то Скопинъ да къ каменнóй Москвы
Со своима со войскамы со великима.
У Литвы Москва да попризáнята,
А й всѣ дóмы у Литвы да призаставлены,
А й оружьямы литовскима
Магазеи принаполнены,
Ему нéкакъ-то подъѣхать къ каменной Москвы.
А 'ще шолъ Скопинъ по славной каменнóй Москвы,
Приходилъ-то онъ ко князю ко московскому,
Ко тому къ Микитушкѣ къ Романову.
А 'ще грозный царь Иванъ Васильевичъ
Во Москвы живетъ да ёнъ не весело
Онъ со этою царицей со московскою,
Да со тою со Настасьюшкой Романовой,
Енъ про ихъ дѣлá да и не вѣдаётъ.
Говорилъ Скопин-отъ князю-то московскому:
«Ай же князь Микитушка Романовичъ,
«Розорить нашу́ Москву Литва поганая!»
Тутъ московской князь Микитушка Романовичъ
А й садился-то Микита на черленый стулъ,
Й онъ повѣсилъ свою буйную головушку
Да пониже плечъ своихъ могучíихъ,
Ясны очушки втопилъ онъ во кирпичной мостъ,
Говорилъ-то тутъ Микита таковы слова:
— Ай же молодость моя молóдая!
— Улетѣла отъ меня да й во чистó поле,
— Во чистó поле да яснымъ соколомъ!
— Ай ты старость ты моя да и глубокая!
— Налетала ты да изъ чистá поля,
— Изъ чистá поля да чернымъ ворономъ,
— Да й садилася ко мнѣ на плечка на могучíи! —

А й тутъ сталъ Микита на рѣзвы́ ноги,
А й то палъ Микита о кирпичной мостъ,
Обвернулся тонкимъ бѣлымъ горностальчикомъ,
Й онъ бѣжалъ по славной каменно́й Москвы,
Забѣгалъ онъ въ магазеи въ оружейные,
Отъ оружей всѣ замочки прочь повыщелкалъ;
Онъ бѣжалъ-то на конюшни лошадиныи,
У добры́хъ коней всѣ глодочки повыторкалъ;
Бѣжалъ онъ тонкимъ бѣлымъ горностальчикомъ
Во свою полату бѣлокаменну,
А й тутъ палъ Микита о кирпичной мостъ,
Обвернулся, сталъ Микита добрымъ мо́лодцемъ.
Выходилъ-то какъ Микита на широко́й дворъ,
Отобралъ добра́ коня Микита богатырскаго,
Й онъ сѣдлалъ коня да богатырскаго,
Онъ повыѣхалъ на славну каменну́ Москву
Воевать съ Литвою со поганою.
Какъ пошла Литва погана по конюшнямъ лошадиныимъ,
Да у добры́хъ коней вси глодочки росторканы;
То пошли оны по тымъ славнымъ магазеямъ оружейныимъ,
Отъ оружей всѣ замочки отщолканы, —
То имъ нечѣмъ воевать да съ каменно́й Москвой.
А й поганая Литва она въ побѣгъ пошла,
А й очистили-то славну каменну́ Москву.
Еще тымъ эти́ дѣла покончились.

Записано тамъ же, 8 іюля.

89.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

А й сидитъ спдитъ кручинепъ доброй мо́лодецъ,
Да й сидитъ печаленъ доброй мо́лодецъ,

Онъ повѣсилъ свóю буйную головушку
Да й пониже плечъ своихъ могучíихъ.
«Ты чего сидишь печаленъ, доброй мóлодецъ,
«Ты чего сидишь кручинен, доброй мóлодецъ?»
— Еще какъ-то мóлодцю мнѣ не кручиниться?
— Еще какъ-то мóлодцю мнѣ не печалиться?
— Какъ вечоръ-то легъ я — не поужиналъ,
— Я утрóсь-то сталъ да не позавтракалъ,
— Пообѣдати схватился — тамъ и хлѣба нѣтъ.
— Поневолили-то мóлодца женитися,
— Поженили-то въ деревни у сусѣдушка,
— У сусѣда óны брали у богатаго
— Да й приданаго-то много — человѣкъ худой.
— А й приданоё виситъ на грядочкѣ,
— Да й худая жонка-та на ручки спитъ.
— То мнѣ не съ кимъ добру мóлодцю погладиться [1]),
— Да и не съ кимъ добру мóлодцю полиститься [2]).—
Й оттого-то молодéцъ да во гульбу пошолъ,
Во гульбу пошолъ да во гуляньицо;
Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ,
Да пошолъ-то молодéцъ а изъ земли́ въ землю,
Изъ земли въ землю́ да изъ орды въ орду,
И зашолъ-то къ кóролю къ Литовскому,
Да й задался во служенiё къ литовской королевичной,
Да й служилъ у нёй двѣнадцать годъ,
А двѣнадцать годъ служилъ онъ вѣрой правдою,
Вѣрой правдой онъ служилъ да неизмѣною:
На кроватки спалъ онъ на тисовою,
А й на той онъ на перинкѣ на пуховою,
У самой ли-то у ней да на бѣлóй груди.

---

1) Т. е. понѣжиться.
2) Т. е. поласкаться.

Стосковалось тутъ дороднюю добру мо́лодцю
По своёй-то по родимой по сторонушки,
Онъ докла́далъ королю Литовскому:
— Ай ты батюшко король Литовскій!
— Стосковалось по родимой мни сторонушки,
— Захотѣлось посмотрѣть мнѣ на отцовско на помѣстьицо:
— Тамъ не выросло ль зелёное кропивушко? —
Приказалъ король ёму коня сѣдлать,
Королевична литовская
Насыпа́ла-то безсчетну золоту казну,
Во шелко́въ камвертъ да запечатала,
Положила она мо́лодцю въ глубокъ карманъ;
А й поѣхалъ тутъ дородней добрый мо́лодецъ.
А 'ще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
То й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ,
А й то ѣхалъ мо́лодецъ да изъ орды въ орду,
Да й проѣхллъ мо́лодецъ онъ изъ земли въ землю,
Пріѣзжалъ онъ на отцёвско на помѣстьицо.
На отцёвскоёмъ да й на помѣстьицѣ
То стоитъ худая мала хизинка,
Да й у той ли малой ху́дой хизинки
Ходитъ малыихъ два глупыихъ два выюнышка[1]).
Говорилъ-то имъ дороднёй доброй мо́лодецъ:
— Ай же малыи вы глупы выюнышки!
— Вы котораго-то дому да коёй семьи?
— Еще есть ли-то у васъ да о́тецъ матушка? —
Отвѣцали ёму малы глупы выюнышки:
«Ай ты дядюшка да и незна́ёмой!
«Столько есть у насъ одна родитель матушка,
«А й то нѣтъ у насъ да ро́дна батюшка».
Говорилъ-то имъ дороднёй доброй мо́лодецъ:
— Ай же малыи вы глупы выюнышки!

1) Т. е. юноши.

— А й куды у васъ ушла да ро́дна матушка? —
Говорили ему глупы малы вьюнышки:
«А й ушла-то наша ро́дна матушка
«На крестьяньскую да на роботушку,
«А и тымъ она да насъ воспитыватъ».
Й онъ стоялъ-то вѣдь до поздного до вечера
Тутъ худая-та жона́, да жо́на умная,
Жо́на умная многоразумная,
То идетъ она съ крестьяньской со роботушки,
Во право́й руки несётъ-то косу вострую,
Во лѣво́й руки несётъ-то грабли частыи,
На плечахъ бѣдна́ горюшиця дрова несётъ,
Приходила-то къ худою къ малой хизинки.
Говорилъ-то ёй дороднёй доброй мо́лодецъ:
— А й честна́я ль ты вдова аль жо́на мужняя? —
Отвѣцала-то ёму́ да жо́на умная,
Жо́на умная многоразумная:
«Не вдова-то есть, жона́ не мужняя,
«Спрота я есть да горе-горькая».
Говорилъ-то ёй дороднёй доброй мо́лодецъ:
— Не вдова ты есть, да жо́на мужняя. —
«Почому́ ты ме́ня знаешь жо́ну мужнюю?»
— Потому я знаю жо́ну мужнюю,
— Что съ тобою мы росли да близко-по́-близку,
— Да играли мы съ тобою въ шашки въ шахматы
— Да во славны во велеи во нѣмецкіи,
— А й тогда съ тобя я часто ѣзды бралъ....
— Подойди-тко ты ко мни, да жо́на умная,
— Жо́на умная многоразумная,
— Положи-тко свои ручки во глубокъ карманъ,
— Вынимай-ко изъ кармана ты шелко́въ камвертъ,
— Вынимай камвертъ да роспечатывай. —
То худая-та жона́ да жо́на умная,
Жо́на умная многоразумная,

Подошла она къ дородню добру мо́лодцю,
Положила свои ручушки въ глубокъ карманъ,
Вынимала-то оттуль она шолко́въ камвертъ,
Вынимала-то камвертъ да роспечатала,
Находила во камвертѣ свой злаче́нъ перстень,
А когда оны вѣнчалися во матушки,
Да й во матушки вѣнцались во Божьёй церквы,
Тогда этымъ о́на пе́рстнёмъ обручалася.
Й она брала-то за ручушки за бѣлыи,
За нёго́ за перстни за злаченыи,
Цѣловала во уста его саха́рнїи,
Называла-то собп мужо́мъ любимыимъ.

Записано въ Петербургѣ, 25 ноября.

90.

ГОРЕ.

(См. Рыбникова, т. I, 85).

А й батюшка у матушки
Какъ жилъ-то мо́лодецъ да опъ во дрокушкѣ [1]),
А онъ ѣлъ сладко́ да и посо́лъ красно̀,
А й носилъ красно́ да работа́лъ лёкко.
Похотѣлось тутъ дородню добру мо́лодцю
Да й сходитъ ёму на чу́жу на сторонушку,
Посмотрѣть людей да показать собя.
Да ёпъ дѣлалъ-то одёжицу хорошеньку,
А опъ шилъ собѣ да купью шубоньку,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ се́ребромъ,
По рукавчикамъ да й околъ ворота
Стро́чилъ шубоньку да краспымъ золотомъ;

1) Т. е. баловствѣ или нѣгѣ.

Воротъ шилъ-то въ шубки выше го́ловы,
Спереду-то не́ видать личка̀ румяпаго,
Изъ-заду́ не видно шеи бѣлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
Дорогихъ-то со́болей заморьскіихъ,
А й кушачикъ опоясалъ онъ шелко́венькой,
Да й перцаточки на ручки съ чистымъ се́ребромъ,
Да й сапоженьки на ноженьки сафьянныи:
Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати,
Подъ пяту́ подъ пя́ту воробей лети;
А онъ денежекъ-тыхъ взялъ да пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей-то взялъ ёнъ со полтинкою,
Да й пошолъ-то ёнъ на чу́жую на дальну на сторонушку.
Приходилъ-то онъ ко городу ко чу́жому,
Тутъ сустигла мо́лодца да ночка тёмная,
Да й не знаетъ онъ куды да пріютитися,
Городъ чужъ, люди́ ему незнаемы.
А й пришолъ-то ёнъ къ паре́воему къ ка́баку;
Еще тутъ-то мо́лодецъ да запечалился,
Еще тутъ-то мо́лодецъ да й закручинился,
Приклонилъ буйну́ головушку къ сыро́й земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру́ землю.
Изъ того паре́вого изъ ка́бака
Выходило ба́бищо курвя́жищо,
Да й турыжна ба́бищо ярыжная,
А й стапо́мъ ровна̀ да и лицёмъ бѣла,
У́ нёй кровь въ лици да какъ у за́яца,
Во лицѝ яго́дицы[1]) какъ цвѣту макова.
Она стала во́кругъ молодца похаживать:
«Ты чего̀ стоишь кручинепъ, доброй мо́лодецъ?
«Ты чего̀ стоишь печаленъ, доброй мо́лодецъ?
«То ли городъ тоби чужъ, люди́ незнаемы,

1) Т. е. щеки.

«Да й не знаешь ты куда да пріютитися?
«Ты поди-тко мо́лодецъ да й во царевъ кабакъ,
«Выпей рюмочку вина зеленаго,
«Да и тутъ ты мо́лодецъ да роскуражишься,
«Тутъ пойдешь по городу похаживать,
«Да й будёшь по чу́жому погуливать,
«Да чужихъ людей да познава́ть будёшь».
Енъ послушалъ ба́бища курвяжища,
Да й турыжной ба́бища ярыжною;
Заходилъ-то молодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленаго,
Выпилъ рюмочку да еще дру́гую,
Испивалъ-то онъ да й третью рюмочку,
А и тутъ-то молодецъ да й роскуражился,
А онъ ба́бищой турыжной позабавился.
Такъ онъ денежокъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесять рублей онъ пропилъ со полтинкою,
Обвалился молодецъ тутъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ нёму голюшки кабацныи
Й отпоясали кушачикъ семишолковый,
А й то сняли съ нёго шубоньку-ту куньюю,
А й съ головушки-то шапочку-ту сняли соболиную,
Съ ручокъ сняли-то перцаточки да съ чистымъ серебромъ,
Да й саноженьки розули съ ногъ сафьяныи,
А й лапо́тики обули ёму липовы,
Да й рого́заньку надѣли ёму липову,
Да й поношену да тую брошену,
На головушку колпакъ надѣли липовой,
Да й поношеной да тотъ и брошеной.
Пробудился молоде́цъ да ёнъ отъ крѣпка сна,
Да й отъ крѣпка сна отъ молодецкаго,
Пороскинулъ онъ свои да яспы очушки,
А вся снята-то одёжа дрогоцѣнная,
А й надѣто-то одёженько всё липово.

Тутъ сидитъ-то мо́лодецъ да запечаливши,
Тутъ сидитъ-то мо́лодецъ да й закручинивши,
Енъ повѣсилъ свою буйную головушку
Да й на правую онъ на сторонушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошла-то къ нёму ба́бищо курвяжищо,
Да й турыжно бабищо ярыжное,
То стано́мъ ровна̀ да и лицёмъ бѣ́ла,
У ней кровь въ лици быдто̀ у заяца,
Во лицѝ ягóдици-то цвѣ́ту макова.
Подноспла къ нёму чару зелена́ вина:
«Ты удаленькой дородпёй доброй мо́лодецъ!
«Да испей-ко чару зелена́ вина,
«То́би полно добру мо́лодцю печалиться,
«То́бп полно добру мо́лодцю кручиниться.»
Выпилъ рюмочку вина зеленаго,
А п тутъ-то молоде́цъ ёнъ роскуражился,
Выходилъ-то молоде́цъ съ царева ка́бака,
Ёнъ пошолъ ходить по городу по чу́жому,
Да онъ сталъ-то познавать да онъ чужи́хъ людей.
Проходилъ ёнъ цѣ́лой день съ утра й до вечера,
Ёнъ зашолъ къ хозяпну къ басонщичку,
Онъ зада́лся во роботушку въ басонскую.
Онъ живётъ-то доброй мо́лодецъ по годъ поры,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ друго́п годъ,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ по третей годъ,
Еще денежокъ ёнъ пажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей ёнъ пажилъ со полтинкою.
Сшилъ онъ со́би шубоньку-ту куньою,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ се́ребромъ,
По рукавчикамъ да й околъ ворота
Стро́чилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
Воротъ шилъ-то въ шубки выше го́ловы,
Спереду-то не́ видать личка̀ румянаго,

Изъ-задý не видно шеи бѣлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
Дорогихъ-то сóболей заморьскiихъ,
Онъ кушачик-отъ купилъ да семишолковый,
Онъ сапожки сшилъ собѝ сафьянныи:
Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати,
А й то пóдъ пяту подъ пя́ту воробей летитъ.
Онъ пошолъ ходить по городу по чýжому,
Онъ ходилъ гулялъ да день до вечера,
Да й сустигла мóлодца да ночка темная.
Енъ не знаетъ да куды да прiютитися,
Подходилъ-то ёнъ къ царéвоёму къ кáбаку,
Припечаливши стоитъ онъ прикручинивши,
Приклонилъ свою головушку къ сырóй земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сырý землю.
Со того ли кабака да со цареваго
Выходило бáбищо курвяжищо,
Она стала вокругъ мóлодця похажívать,
Говорила-то й она да таковы слова:
«Ты чого стоишь печаленъ доброй молодецъ?
«Ты чого стоишь кручинен доброй молодецъ?
«То ли городъ чужъ тобѝ, людѝ незнаемы,
«Да й не знаешь ты куда да прiютитися?
«Да й поди-тко мóлодецъ да й во царевъ кабакъ,
«А й ты рюмочку-ту выпей зелена́ вина,
«Еще тутъ ты молодецъ да роскуражишься,
«Будешь познавать ты чýжа города,
«Познавать-то будешь ты чужихъ людей».
Енъ послушалъ бáбища курвяжища,
Да й турыжной бáбища ярыжною.
Заходилъ-то мóлодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленого,
Выпилъ мóлодецъ да то и дрýгую
Выпилъ мóлодецъ да еще третьюю,

Еще тутъ-то мо́лодецъ да роскуражился,
Да онъ денежекъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтиною.
Обвалился молодецъ ёнъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ нему голюшки кабацныи,
Отпоясали кушачикъ семишолковый,
Да то сняли съ не́го купыюю-ту шубоньку,
Сняли шапочку да соболиную,
Да й перцаточки-ты сняли съ чистымъ се́ребромъ,
Да й сапожки-ты розули съ ногъ сафьянныи.
Пробудился молодецъ отъ крѣпка спа,
Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки,
То вѣдь снята вся одёжа дрогоцѣпная,
А й одёжица одѣта-то всё липова,
Да й поношена да тая брошена.
Запечалился ёнъ закручинился,
Да й повѣсилъ свою буйную головушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошло-то къ нёму ба́бищо курвяжищо,
То стано́мъ ровна́ да и лицёмъ бѣла,
У пей кровь въ лици быдто́ у заяца,
Во лици́ ягоди́ци-то цвѣту макова.
Подносила къ нёму чару зелена́ вина:
«Ты удалепькой дородпёй доброй мо́лодецъ!
«Да испей-ко чару зелена́ вина,
«А 'ще тутъ-то мо́лодецъ ты роскуражишься».
Тутъ удалепькой дородпій доброй мо́лодецъ
Испивалъ онъ чару зелена́ вина,
Выходилъ-то мо́лодецъ съ царева ка́бака,
Ёпъ пошолъ ходить по городу по чу́жому,
Да онъ сталъ-то познавать да онъ чужихъ людей.
Проходилъ ёнъ цѣлой день съ утра й до вечера,
Ёпъ зашолъ къ хозяину къ басонщичку,
Опъ зада́лся во роботушку въ басонскую.

Онъ живётъ-то доброй мо́лодецъ по годъ поры,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ друго́й годъ,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ по третей годъ,
Еще денежокъ ёнъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей ёнъ нажилъ со полтинкою.
Сшилъ онъ соби шубоньку-ту куньюю,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ се́ребромъ,
По рукавчикамъ да й о́колъ ворота
Стро́чилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
Воротъ шилъ-то въ шубки выше го́ловы,
Спереду-то не́ видать личка́ румянаго,
Изъ-заду́ не видно шеи бѣлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
Дорогихъ-то со́болей заморьскіихъ,
Онъ кушачик-отъ купилъ да семишолковый,
Онъ сапожки сшилъ соби сафьянныи:
Вокругъ носика-то поса яицёмъ кати,
А й то по́дъ пяту подъ пя́ту воробей летитъ.
Онъ пошолъ ходить по городу по чу́жому,
Онъ ходилъ гулялъ да день до вечера,
Да й сустигла мо́лодца да почка темная.
Енъ не знаетъ да куды да пріютитися,
Подходилъ-то ёнъ къ царе́воёму къ ка́баку,
Припечаливши стоитъ онъ прикручинивши,
Приклонилъ свою головушку къ сыро́й земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру́ землю.
Со того ли кабака да со цареваго
Выходило ба́бищо курвяжищо,
Она стала во́кругъ мо́лодця похаживать,
Говорила-то й она да таковы слова:
«Ты чего стоишь печаленъ, доброй мо́лодецъ?
«Ты чего стоишь кручинепъ, доброй мо́лодецъ?
«То ли городъ чужъ тоби, люди́ незнаемы,
«Да й не знаешь ты куда да пріютитися?

«Да й поди-тко мо́лодецъ да й во царевъ кабакъ,
«А й ты рюмочку-ту выпей зелена́ вина,
«Еще тутъ ты молодецъ да роскуражишься,
«Будешь познавать ты чу́жа города,
«Познавать-то будешь ты чужихъ людей».
Енъ послушалъ ба́бища курвяжища,
Да й турыжной ба́бища ярыжною.
Заходилъ-то молодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленого,
Выпилъ молоде́цъ да то и дру́гую,
Выпилъ молоде́цъ да еще й третьюю,
Еще тутъ-то молоде́цъ да роскуражился,
Да онъ денежекъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтиною.
Обвалился молодецъ ёнъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ не́му голюшки кабацныи,
Отпоясали кушачикъ семишолковый,
Да то сняли съ него купьюю-ту шубоньку,
Сняли шапочку да соболиную,
Да й перщаточки-ты сняли съ чистымъ се́ребромъ,
Да й сапожки-ты розули съ ногъ сафьяннын.
Пробудился мо́лодецъ отъ кре́пка сна,
Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки,
То вѣдь снята вся одёжа дрогоцѣнная,
А й одёжица одѣта-то всё липова,
Да й поношена да тая брошена.
Запечалился ёнъ закручинился,
Да й повѣсилъ свою буйную головушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошло-то къ нёму бабищо курвяжищо,
То стано́мъ ровна̀ да и лицёмъ бѣла,
У ней кровь въ лици быдто̀ у заяца,
Во лицѝ яго́дици-то цвѣту макова;
Подносила къ нёму чару зелена́ вина:

«Ты удаленькой дороднёй доброй мóлодецъ!
«Да испей-ко чару зелена́ вина».
Испивалъ-то мóлодецъ онъ чару зелена́ вина,
Выходилъ ёнъ съ кабака да й со цареваго,
Обвернулся доброй мóлодецъ сѣры́мъ волкомъ,
Побѣжалъ-то онъ отъ Горюшка въ чисто́ поле,
А и Горюшко за нимъ собакою.
Обвернулся-то да й доброй мóлодецъ,
Полетѣлъ-то онъ да яснымъ соколомъ,
Горюшко вслѣдъ за́ нимъ чернымъ воропомъ...
А и тутъ-то доброй мóлодецъ приставился.
Да свезли-то на могилу на родительску,
Положили добра мóлодца въ сыру землю,
Прибѣгало тутъ да къ нёму Горюшко,
Прибѣгало Горе, óбъ немъ плакало:
— А й хорошъ ты былъ удаленькой дороднёй мóлодецъ!
— Я теперь пойду во славну въ каменну Москву,
— У меня тамъ есть еще лучши́ тобя. —

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

XVII.

КУЗЬМА РОМАНОВЪ.

Кузьма Ивановичъ Романовъ, крестьянинъ дер. Лонгасы, Сѣнногубской волости, лѣтъ за 80, слѣпой съ малолѣтства, щедушный, небольшаго роста, сгорбленный, сѣденькой старичокъ. Онъ съ молоду остался безпомощнымъ сиротою на попеченіи міра, который сдалъ приходившійся на долю Романова участокъ другому крестьянину, съ обязательствомъ доставлять ему сколько нужно для пропитанія. Такъ онъ прожилъ весь вѣкъ, занимая избушку, доставшуюся ему отъ родителей. Былины онъ заимствовалъ отъ того же Ильи Елустафьева, отъ котораго учился и

Рябининъ; по его словамъ, онъ кромѣ Елустафьева не имѣлъ другаго учителя. Поётъ онъ былины слабымъ, дребезжащимъ голосомъ, не договаривая конца стиховъ. Въ большей части былинъ онъ не помнитъ конца или разсказываетъ конецъ словами. При этомъ оказалось, что когда онъ пѣлъ свои былины г. Рыбникову, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, онъ обрывалъ ихъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь, и что какъ самый кругъ былинъ, которыя онъ поётъ, такъ и текстъ каждой изъ нихъ остались безъ всякаго существеннаго измѣненія. Съ тѣхъ поръ какъ записывалъ съ его словъ г. Рыбниковъ, онъ забылъ только былину про Василія Буслаева, которую и тогда онъ плохо зналъ и могъ возстановить въ памяти только при помощи покойнаго Леонтія Богданова. Кузьма Романовъ отличается отъ всѣхъ прочихъ сказителей, упоминаемыхъ въ настоящемъ сборникѣ, тѣмъ, что онъ считаетъ пѣніе былинъ чѣмъ-то въ родѣ профессіи, составляющей его извѣстность и дающей ему нѣкоторую прибыль. Судя по его разговорамъ, этотъ взглядъ особенно укоренился въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ приглашонъ спѣть былины передъ покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ во время его путешествія на сѣверъ. Кузьма Романовъ считаетъ себя первымъ сказителемъ и не охотно признаетъ, чтобы кто-либо другой зналъ порядочно былины. При всемъ стараніи, невозможно было записать его былины съ напѣва, такъ какъ онъ, разъ «взявъ былину на́ голосъ», не въ состояніи уже остановиться. Потому былины, здѣсь печатаемыя, не представляютъ размѣра съ тою вѣрностью, съ какою Романовъ его дѣйствительно соблюдаетъ, когда распѣваетъ былины; притомъ Романовъ, совершенно беззубый, произносилъ такъ невнятно, что собиратель нѣкоторыхъ стиховъ не могъ хорошенько разслышать и принужденъ былъ въ этихъ случаяхъ придерживаться текста Рыбникова. Кромѣ помѣщаемыхъ здѣсь былинъ, онъ сказывалъ еще былину про Хотена (Рыбн., т. II, 22) совершенно сходно съ Рыбниковскимъ текстомъ.

91.

ВОЛЬГА.

(См. Рыбникова, т. I, 1).

Закатилось красное солнышко
За лѣсушки за темныя, за моря за широкія,
Розсаждался звѣзды частыя по свѣтлу́ небу:
Порождался Вольга̀ сударь Буславлевичъ
На святой Руси.
И росъ Вольга̀ Буславлевичъ до пяти годковъ,
Пошолъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ по сырой земли;
Мать сыра земля сколыбалася,
Звѣри въ лѣсахъ розбѣжалися,
Птицы по подоблачью розлеталися,
И рыбы по синю́ морю розметалися.
И пошолъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Обучаться всякихъ хитростей мудростей,
Всякихъ язы́ковъ онъ разныихъ;
Задался Вольга сударь Буславлевичъ на́ семь годъ,
А прожилъ двѣнадцать лѣтъ,
Обучался хитростямъ мудростямъ,
Всякихъ язы́ковъ разныихъ.
Собиралъ дружину себѣ добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
И тридцать бога́тырей безъ единаго,
Самъ становился тридцатымъ:
«Ай же вы дружина моя добрая хоробрая!
«Слушайте большаго братца атамана-то
«И дѣлайте дѣло повелѣное:
«Вейте веревочки шелко́выя,
«Становите веревочки по темну́ лѣсу,
«Становите веревочки по сырой земли,
«А ловите вы куницъ лисицъ,
«Дикихъ звѣрей черныхъ соболей

«И подкопучіихъ бѣлыхъ заячковъ,
«Бѣлыхъ заячковъ, малыхъ горносталюшковъ,
«И ловите по три дня по три́ ночи».
Слушали большаго братца атамана-то,
Дѣлали дѣло повелёное:
Вили веревочки шелко́выя,
Становили веревочки по темну́ лѣсу по сырой земли,
Ловили по три дня по три́ ночи,
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
Повернулся онъ левы́мъ звѣрёмъ *(такъ)*;
Поскочилъ по сырой земли по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей черныхъ соболей,
И бѣлыхъ поскакучіихъ заячковъ,
И малыихъ горносталюшковъ.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
А со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ:
«Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
«Слухайте большаго братца атамана-то
«И дѣлайте дѣло повелёное,
«А вейте силышка шелковыя,
«Становите силышка на темный лѣсъ,
«На темный лѣсъ на самый верхъ,
«Ловите гусей, лебедей, ясныихъ соколей,
«А малую птицу-ту пташицу,
«И ловите по три дни и по три́ ночи».
И слухали большаго братца атамана-то,
А дѣлали дѣло повелёное:
А вили силышка ше́лковы,
Становили силышка на темный лѣсъ на самый верхъ;
Ловили по три дни по три́ ночи,
Не могли добыть ни одной птички.

Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ Нау́й птицей,
Полетѣлъ по подоблачью.
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныихъ соколей
И малую птицу-ту пташицу.
И будутъ во городѣ во Кіевѣ
Со своей дружинушкой со доброю;
Скажетъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Слухайте большаго братца атамана-то,
«Дѣлайте вы дѣло повелёное:
«Возьмите топоры дроворубные,
«Стройте судёнышко дубовое,
«Вяжите путевьѝ шелковыя,
«Выѣзжайте вы на спне море,
«Ловите рыбу семжинку да бѣлужинку,
«Щученьку, плотиченьку,
«И дорогую рыбку осе́тринку,
«И ловите по три дни по три́ ночи».
И слухали большаго братца атамана-то,
Дѣлали дѣло повелёное:
Брали топоры дроворубные,
Строили судёнышко дубовое,
Вязали путевьѝ шелковыя,
Выѣзжали на сине́ море,
Ловили по три дни по три́ ночи,
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга сударь Буславлевичъ рыбой щу́чинкой
И побѣжалъ по синю́ морю.
Заворачивалъ рыбу семжинку бѣлужинку,
Щученьку, плотиченьку,
Дорогую рыбку осе́тринку.
И будутъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ:

«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Вы слушайте большаго братца атамана-то:
«Кого бы намъ послать во Турецъ землю,
«Провѣдати про думу про царскую,
«И что царь думы думаетъ,
«И думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
«А стараго послать — будетъ долго ждать;
«Да средняго послать-то — виномъ запоятъ,
«А малаго послать,
«Маленькой съ дѣвушкамы заиграется,
«А со молодушкамы роспотѣшится,
«А со старыма старушкамы разговоръ держать,
«И буде намъ долго ждать.
«А видно будé Вольгѣ самому пойти!»
Повернулся Вольгà сударь Буславлевичъ
Малою птицею-пташицей,
Полетѣлъ ёнъ по подоблачью.
И будетъ скоро во той земли Турецкоей,
Будетъ у саптала у турецкаго,
А у той полаты бѣлокаменной,
Противъ самыихъ окошечекъ,
И слухаетъ онъ рѣчи тайныя.
Говоритъ царь со царицею:
«Ай же ты царица Панталовна!
«А ты знаешь ли про то, вѣдаешь?
«На Руси-то трава ростетъ не по старому,
«Цвѣты цвѣтутъ не по прежному,
«А на Руси трава растетъ не по прежному,
«А видно Вольгѝ-то живаго нѣтъ.
«А поѣду я на святую Русь,
«Возьму я себѣ девя́ть городовъ,
«Подарю я девя́ть сыновъ,
«А тебѣ царица Панталовна
«Подарю я шубоньку до́рогу».

Прогóворитъ царица Панталовна:
— Ай же ты царь Турецъ-санталъ!
— А я знаю про то, вѣдаю:
— На Руси трава все ростетъ по старому,
— Цвѣты-то цвѣтутъ все по прежному.
— А ночéсь спалось, во сняхъ видѣлось:
— Бывъ сподъ восточныя сподъ сторонушки
— Налетала птица малая пташица,
— А сподъ западней сподъ сторонушки
— Налетала птица чернóй воронъ;
— Слеталися оны во чистóмъ полѣ,
— Промежду собой подиралися;
— Малая птица пташица
— Чернаго ворона повыклевала,
— И по перышку она повыщипала
— А на вѣтеръ все повы́пускала.
— То есть Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
— А что черной воронъ — Турецъ-санталъ. —
Проговоритъ царь Турецъ-санталъ:
«Ай же ты царица Панталовна!
«А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
«Возьму я девя́ть городовъ,
«Подарю девя́ть сыновъ,
«Привезу себѣ шубоньку доро́гуп».
Говоритъ царица Панталовна:
— А не взять тебѣ девяти городовъ,
— И не подарить тебѣ девяти сыновъ,
— И не привезти тебѣ шубоньки до́рогой! —
Проговоритъ царь Турецъ-санталъ:
«Ахъ ты старый чортъ!
«Сама спала, себѣ сонъ видѣла!»
И ударитъ онъ по бѣлу́ лицу,
И пове́рнется, — по дру́гому,
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,

И кипетъ ю второй-то разъ:
«А поѣду я на святую Русь,
«Возьму я девя́ть городовъ,
«Подарю девя́ть сыновъ,
«Привезу себѣ шубоньку до́рогу!»
А повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
Повернулся сѣры́мъ волкомъ
И поскочилъ-то ёнъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней-тѣхъ всѣхъ пе́ребралъ,
Глотки-то у всѣхъ у нихъ пе́рервалъ.
А повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Малымъ горносталюшкомъ,
Поскочилъ во горницу оружейную,
Тугіе луки пере́ломалъ,
И шелко́выя тетивочки пе́рервалъ
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
Вострыя сабли повыщербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ.
Тутъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Малою птицею пташицей,
И будетъ скоро во градѣ во Кіевѣ,
И пове́рнулся онъ добрымъ мо́лодцомъ
И будетъ онъ съ своею со дружиною со доброю:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Пойдемте мы во Турецъ-землю».
И пошли оны во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Станемъ-те теперь полону подѣлять!»
Что́ было на́ дѣлу дорого,
Что было на́ дѣлу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А оружье булатное по шести рублей,

Вострыя сабли по пяти рублей,
Палицы булатныя по три́ рубля.
А то было на́ дѣлу дешево — женскій полъ:
Старушечки были по полушечки,
А молодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

Записано на Леликовѣ, 3 іюля.

92.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(См. Рыбникова, т. I, 21).

А собака ты собака злодѣй Ка́линъ царь!
А думаетъ онъ думушку недобрую,
Совѣты совѣтуетъ не хорошіе,
А й помышляетъ онъ собака Калинъ царь
А отъ жива мужа жену отнять,
У того у князя Владиміра
Молоду Опраксу королевичну.
А собирается онъ собака злодѣй Калинъ царь,
Собираетъ силы и смѣты нѣтъ,
Собиралъ сорокъ царей, сорокъ ко́ролей,
У всякаго было у царя у царевича
По сорока было тысячей, по тысячѣ,
У всякаго было у короля у королевича
По триста было тысячей, по тысячѣ.
Собирался собака ровно три году,
Во четвертый годъ собака во походъ пошолъ,
И какъ скоро онъ буде на томъ поле на Кули́ковѣ,
И розставилъ ёнъ силу по чисту́ полю,
А самъ сходилъ собака со добра́ коня,
А писалъ ярлыки скорописчаты,

Не чернилами писалъ, краснымъ золотомъ;
А день проѣздилъ, съ утра день до вечера,
По силы по татарскою,
А выбиралъ все татаръ самолучшіихъ.
И по дрýгой день проѣздилъ день, съ утра день до вечера,
По силы по татарскою,
И по третій день проѣздилъ день, съ утра день до вечера,
По силы по татарскія,
А выбиралъ татарина самолучшаго,
Выбиралъ татарина лучшаго, самолучшаго,
Отдавалъ ярлыки скорописчаты,
А говорилъ ему наказывалъ:
«Поѣзжай ко городу ко Кіеву,
«А не въѣзжай въ ворота бѣлодýбовы,
«А ты скачи черезъ стѣну городóвую
«А пріѣзжай къ крылечку ко перёному,
«Не привязывай коня, да не приказывай,
«Бѣжи скорѣй въ полаты княженецкія,
«А поди въ полату не съ упадкою,
«А отворяй двери все нá пяту,
«А отворяй двери, не зáпирай,
«И поди въ полату княженецкую,
«Отдавай ярлыки князю Владиміру,
«И самъ изъ словъ выговаривай:
««Ай же ты Владиміръ стольно-кіевской!
««Очистилъ бы палату княженецкую,
««А стоять бы самому царю Кáлину,
««Очистилъ бы подворья богатырскія,
««А стоять тамъ силы татарскоей»».
«И самъ скоро поворотъ держи,
«И бѣжи скорѣе на широкой дворъ,
«И садись скорѣе на добра коня,
«Поѣзжай въ ворота бѣлодýбовы».
Поѣхалъ татаринъ ко городу ко Кіеву,

Сдѣлалъ дѣло повелёное.
Князь Владиміръ стольно-кіевскій,
А собиралъ всѣхъ могучіихъ богáтырей,
А самъ князь Владиміръ поросплакался,
А всѣмъ могучіимъ богáтырямъ раскланялся:
— Ай же вы могучіе богáтыри!
— Какъ бы съ непріятелемъ поправиться? —
Вси могучіи богáтыри отвѣтъ держатъ:
«Князь Владиміръ стольно-кіевской!
«Думаемъ съ непріятелемъ-тымъ поправиться».
И бысть *(такъ)* князь веселъ радостенъ.
А всѣ единъ по единому
Изъ города изъ Кіева онѣ повыѣдутъ.
У его-то былъ любимый ли племничекъ,
Млáдый Ермакъ Тимофеевичъ,
А приходитъ онъ къ дядюшкѣ къ князю Владиміру,
А бьетъ челомъ, покланяется:
«А дядюшка князь ты Владиміръ стольнё-кіевской!
«А дай мнѣ прощеньице благословленьице
«А изъ города изъ Кіева повыѣхать!»
А прогóворитъ князь Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же любимый мой племничекъ,
— Млáдый Ермакъ Тимофеевичъ!
— А ты младешенекъ да ты глупешенекъ,
— А отъ роду вѣку двѣнадцать лѣтъ,
— А устрашишься ты вѣдь ужáхнешься
— Силы войска татарскаго:
— Не дамъ тебѣ прощеньица благословленьица
— А изъ города изъ Кіева повыѣхать. —
А спрогóворитъ младый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Дядюшка князь Владиміръ стольно-кіевской!
«А ты дашь мнѣ прощеньице, повыѣду,
«Аль не дашь мнѣ прощеньица, повыѣду».
А и скоро бѣжитъ во конюшенъ дворъ

А беретъ себѣ коня добраго,
Добраго коня лучшаго,
Коня лучшаго самолучшаго,
А сѣдлаетъ уздаетъ коня добраго,
И беретъ себѣ копье вострое,
Копье вострое, палицу булатнюю,
А скоро изъ города изъ Кіева повыѣдетъ,
А скоро будетъ на томъ полѣ на Елéскинѣ,
А у того вѣдь у сы́ра дуба Нéвида,
У того у каменя у Латыря,
Гдѣ съѣзжалися могучіи бога́тыри;
И скоро сходилъ съ добра́ коня,
И сталъ по бѣлымъ шатрамъ поглядывать:
А въ которомъ шатрѣ былъ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
А на томъ шатрѣ было три примѣточки,
А примѣточки были замѣчёныя,
А три кисточки были золочёныя;
А на Добрынюшки Никитича на томъ шатрѣ
А двѣ кисточки были шéлковы;
А на Алешеньки Поповича на томъ шатрѣ
Была кисточка едина шéлкова.
И пошолъ ёнъ въ бѣло́й шатеръ,
И приходилъ во единъ бѣло́й шатеръ,
И бьетъ челомъ поклоняется
Всѣмъ могучімъ бога́тырямъ:
«Ай же вы могучіи бога́тыри!
«Ѣдите́, пьете́, утѣшаетесь,
«Во всякія игры забавляетесь,
«А остался князь Владиміръ стольно-кіевской
«Кручиноватъ, печаловатъ,
«Кручиноватъ князь, печаловатъ».
Прогово́рятъ могучіи бога́тыри:
— А ты мла́дой Ермакъ Тимофеевичъ!

— Пойди-ка ты на сырой дубъ на́ Невидъ,
— Погляди ты на силу войско татарское. —
И онъ скоро бѣжитъ на сы́рой дубъ
И поглядитъ на войско татарское;
Опустился со сыра дуба,
И садился на добра́ коня,
И поѣхалъ въ войско татарское.
А прошло времени не малое,
И схватились всѣ могучіи бога́тыри:
— Ай же вы бога́тыри могучіи!
— Что же долго нѣту со сыра дуба?
— Видно устрашился онъ силы-войска татарскаго. —
Посылаютъ Алешеньку Поповича:
— Поди-тко Алешенька сынъ Ивановичъ,
— Погляди со сыра дуба на войско татарское. —
Поглядѣлъ Алешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ,
Ажно ѣздитъ по силу по татарскую
Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ:
Куды ѣздитъ, туды улица,
А пове́рнетъ — переулкамы.
Какъ пришолъ Алешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ,
Говоритъ имъ таковы слова:
«Ай же братцы могучіи бога́тыри!
«А ѣздитъ Ермакъ по силу по татарскую,
«Куды ѣздитъ, туды улица,
«А пове́рнетъ — переулкамы».
Посылаютъ Добрынюшка Никитича:
— Поди, Добрынюшка Никитинчъ,
— Мла́даго Ермака Тимофеевича
— Ласковыма словамы его уговарнвай,
— И удерживай баграмы желѣзныма,
— Укротилъ бы свое сердце богатырское. —
И скоро Добрынюшка Никитинчъ
Поѣхалъ въ силу войско татарское,

И захватывалъ баграмы желѣзныма,
И уговаривалъ словамы ласковыма:
«Укроти свое сердце богатырское,
«Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
«Ты младешенекъ глупешенекъ,
«Сорвешься ты, падо́рвешься».
И укротилъ свое сердце молодецкое
Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ.

Записано тамъ же, 3 іюля.

93.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(См. Рыбникова, т. I, 23).

Поросплачется поростужится
Добрынюшка Микитиничъ
Предъ своей передъ государыней матушкой:
«Ай же ты моя ро́дна матушка,
«Честна́ вдова Офимья Александровна!
«Для чего ты меня несчастнаго споро́дила
«Несчастнаго, неталаннаго?
«А спородила бы ты, матушка,
«Счасками бы ты споро́дила
«Въ стольно-кіевскаго князя во Владиміра,
«А красою бы ты споро́дила
«Во Осипа прекраснаго,
«А силою бы ты споро́дила
«А въ стараго каза́ка Илью Му́ромца,
«А смѣлостью бы ты споро́дила
«Во Алешу во Попо́вича!»
Отвѣтъ держитъ честна́ вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты чадо милоё,

— Ты ча́делко мое любимоё,
— Молодой Добрынюшка Микитинничъ!
— А ты вѣдь Добрынюшка въ послахъ бывалъ,
— Ты Добрынюшка говорить гораздъ,
— А ты говорить гораздъ, разговаривать. —
Говоритъ Добрынюшка Микитинничъ:
«Посылаютъ меня матушка въ землю Сорочинскую,
«Во тую землю на Пучай-рѣку,
«Выручать-то княженецкую племянницу».
Первый посолъ отъ города отъ Кіева
Старый казакъ Илья Муромецъ,
А второй посолъ Добрынюшка Микитинничъ.
И поѣхалъ Добрынюшка Микитинничъ
Въ тую въ землю Сорочинскую;
И скоро будетъ на той рѣки на Пучай-рѣки,
И хочетъ Добрынюшка Микитинничъ
Хочетъ купаться во Пучай-рѣки,
Хочетъ купаться нагимъ тѣломъ.
На той рѣки дѣвицы платье мыли бѣлили;
Прогóворятъ всѣ дѣвицы портомойницы,
Портомойницы, бѣломойницы:
— Ай же ты Добрынюшка Микитинничъ!
— У насъ не ку́плятся во Пучай-рѣки нагимъ тѣломъ,
— У насъ ку́плятся во Пучай-рѣки во рубашечкахъ. —
А прогóворитъ Добрынюшка Микитинничъ:
«Дѣвицы вы красавицы,
«Портомойницы, бѣломойницы:
«А вы самы спали, сéбѣ сонъ видѣли!»
А скидываетъ ёнъ бѣлую рубашечку
И ку́плется во Пучай-рѣки нагимъ тѣломъ;
И первую струю, струю быструю
Онъ пéреплылъ струю, пéреплылъ,
И другую струю, струю быструю,
Онъ пéреплылъ струю, пéреплылъ.

И закрычалъ-то малой па́робкя,
Закрычалъ па́робкя громкимъ голосомъ:
— Ай же ты Добрынюшка Микитинычъ!
— Изъ-подъ западнія сторонушки иде шумъ великъ! —
Налетѣла змѣя лютая Горынцята;
И-скорешенько Добрынюшка поворотъ держалъ,
И приплылъ ёнъ ко круто-красному бережку,
И одѣваетъ ёнъ тонку бѣлую рубашечку,
И скоро ёнъ облатился и обкольчужился,
И хватаетъ ёнъ палицу булатнюю,
И бьетъ змѣю лютую по змѣинымъ по хоботамъ,
Бьетъ онъ змѣю палицей булатнею,
А тутъ змѣя ему молилася:
— Ай же ты Добрынюшка Микитинычъ!
— Отдамъ я вашу королевичну.... —

(Дальше пѣвецъ не помнилъ).

Записано тамъ же, 3 іюля.

94.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. I. 30.)

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Было пированьице почестенъ пиръ
На многихъ князей на бо́яровъ,
На могучіихъ на бога́тырей,
На всѣхъ купцовъ на торговыихъ,
На всѣхъ мужиковъ деревенскіихъ.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
Испрого́воритъ Владиміръ стольно-кіевской:

«Ай вы всѣ князи бóяра,
«Всѣ могучіи богáтыри,
«Всѣ купцы торговыи
«Всѣ мужики деревéнскіи!
«Всѣ на пиру поженены,
«Одинъ я князь не женатый есть.
«Знаете ль вы про меня княгиню супротивную,
«Чтобы ростомъ была высокая,
«Станомъ она становитая,
«И на лицо она красовитая,
«Походка у ней частà и рѣчь баска,
«Было бы мнѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
«Дума думати, долгіе вѣки корóтати,
«И всѣмъ вамъ князьямъ всѣмъ бóярамъ,
«Всѣмъ могучімъ богáтырямъ,
«Всѣмъ купцамъ торговымъ,
«Всѣмъ мужикамъ деревéнскімъ,
«И всему красному городу Кіеву
«Было бы кому поклонятися?»
Всѣ на пиру призамолкнули
И ни отъ кого на пиру отвѣта нѣтъ.
Одинъ удалый добрый мóлодецъ,
Изъ-по имени Дунаюшки Ивановичъ,
Выходилъ за столика дубоваго,
Очень онъ пьянъ — не шатается,
Говоритъ рѣчи — не смѣшается,
Низки поклоны поклоняется:
— Князь Владиміръ стольно-кіевской!
— Я знаю про то вѣдаю
— Про тебя княгиню супротивную:
— Во той во земли въ хоробрóй Литвы,
— У того королевскаго величества,
— Есть двѣ дочери великіи,
— Обѣ дочери на выдáваньи:

— Бóльшая дочь Настасья королевична,
— Тая дочь все полякуетъ;
— А меньшая дочь все при домѣ живетъ,
— Тая есть Опракса королевична:
— Она ростомъ высокая,
— Станомъ она становитая,
— И лицомъ она красовитая,
— Походка у ней частá и рѣчь баска,
— Будетъ тебѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
— Дума думати, долгіе вѣки корóтати,
— И всѣмъ князьямъ всѣмъ бóярамъ,
— Всѣмъ могучіимъ богáтырямъ,
— Всѣмъ купцамъ торговыимъ,
— Всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ,
— И всему красному городу Кіеву
— Будетъ кому покланятися. —
Этыя рѣчи слюбилися;
Скажетъ князь Владиміръ стольно-кіевской:
«Ай же ты Дунаюшка Ивановичъ!
«Возьми ты у меня силы сорокъ тысячей,
«Возьми казны десять тысячей,
«И поѣзжай во тую землю въ хоробрýю Литву,
«И добрымъ словомъ посватайся:
«Буде въ честь не даютъ, такъ ты силóй возьми,
«А столько привези Опраксу королевичну».
Прогóворитъ Дунаюшка Ивановичъ:
— Солнышко ты Владиміръ стольно-кіевской!
— Не надо-ка-ва силы сорокъ тысячей,
— Но надо казны десять тысячей;
— Дай-ка ты мнѣ любимаго товарища,
— Любимаго товарища Добрыню Никитича. —
Испрогóворитъ князь Владиміръ стольно-кіевской:
«Ай же ты Добрынюшка-Никитиничъ!
«Пожалуй ты къ Дунаюшкѣ въ товарищи».

Скоро Добрынюшка попакнулся *(такъ)*
И скоро оны выѣдутъ со города со Кіева,
Скоро садилпсь на добрыхъ коней;
Видли добрыхъ мо́лодцевъ сядучпсь,
Не видли добрыхъ молодцевъ ѣдучись:
Быдто ясные соколы попурхпули,
Такъ добрые молодцы повыѣхали.
И скоро будутъ во той земли въ хоробро́й Литвы,
У того королевскаго величества,
На тотъ дворъ на королевскій,
Противу самыхъ окошечекъ,
И скоро сходили со добры́хъ коней.
Прогово́ритъ Дунаюшка Ивановичъ:
«Ай же ты Добрынюшка Никитинпчъ!
«Стой ты у коней, коней паси,
«А поглядывай на рипду *(такъ)* королевскую,
«На палату княженецкую:
«Каково мнѣ-ка будетъ, такъ тебя позову,
«А каково бы время, такъ пріуѣхать бы».
А приходитъ къ королевскому величеству;
Знаетъ онъ порядпю королевскую:
Не надо креститься, молитвиться;
Бьетъ челомъ, поклоняется:
«Здравствуй батюшка король хоробро́й Литвы!»
А огляпется король хоробро́й Литвы:
— Прежняя ты слуга, слуга вѣрная!
— Жилъ ты у меня три году,
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ жилъ ты во чашпикахъ,
— А третій годъ жилъ ты во стольпикахъ,
— Вѣрой служилъ, вѣрой правдою:
— За твои услуги молодецкія
— Посажу тебя за большій столъ,
— За большій столъ, въ большо́ мѣсто;

— Ѣшь молодецъ досыта
— И пей молодецъ до́любп. —
И посадилъ его за большій столъ, въ большо́ мѣсто,
Сталъ его король выспрашивать:
— Скажи, скажи, Дунай, не утай собя,
— Куды ты поѣхалъ, куды путь держишь?
— Насъ ли посмотрѣть алп себя показать,
— А у пасъ ли пожить а еще послужить? —
«Батюшка король хоробро́й Литвы!
«А поѣхалъ я за добры́мъ дѣломъ,
«Засвататься на твоей дочери на Опраксіи».
Этыи рѣчи ему не слюбилися:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не за свое дѣло взялся — за бездѣльпце:
— Ме́ньшую дочь ты просватывашь,
— А бо́льшую дочь чѣмъ за́садилъ?
— Ай же вы татаровья могучіи!
— Возьмите Дуная за бѣлы́ руки,
— А сведите Дуная во глубокъ погребъ,
— Заприте рѣшоткамы желѣзныма,
— Задвиньте доскамы дубовыма,
— Засыпьте пескамы рудожелтыма;
— Пусть-ка Дунай во Литвы погоститъ,
— Во Литвы погостптъ, въ погребу посидитъ,
— А можетъ Дунай догадается. —
Выставалъ Дунай на рѣзвы́ ноги
И здымалъ рученьки выше своей буйной го́ловы,
И опирается на рученьки о дубовый столъ:
Столы дубовые роскрятались,
Питья на столахъ проливалися,
Вся посуда розсыпалася.
Всѣ татаровья испужалися,
Скоро прибѣжали слуги вѣрные
Со того двора съ королевскаго:

«Ай же ты батюшка король хоробро́й Литвы!
«Ѣшь ты, пьешь, утѣшаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«На дворѣ дѣтина не зна́й собой,
«Во лѣвой рукѣ два повода добры́хъ коней,
«А во правой рукѣ дубина сарацинская;
«Какъ бывъ ясный соколъ попурхиваетъ,
«Такъ тотъ добрый молодецъ поскакиваетъ,
«На всѣ стороны дубиною розмахиваетъ,
«И убилъ татаръ до одного,
«Не оставитъ татаръ на се́мена».
Тутъ король догадается,
Прогово́ритъ король хоробро́й Литвы:
— Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
— Напомни ты старую хлѣбъ да соль,
— Оставь татаръ хоть на се́мена:
— Отдамъ свою дочь королевичну
— За вашего князя за Владиміра. —
Скоро оны садились на добры́хъ коней,
Скоро поѣхали съ того двора королевскаго
Съ молодой Опраксой королевичной.
И во тыя пути во дороженьки
Сустигала ихъ ночька темная;
Роздернули полатку полотняную
И тутъ добры мо́лодцы и спать легли;
Во ноженьки поставили добры́хъ копей,
А въ головы востры́ копьи,
А по правую руку сабли вострыя,
А по лѣвую кинжалища булатныя.
И спятъ добры мо́лодцы высыпаются,
Темную ночь коротаючись;
Ничего добры мо́лодцы не видѣли,
Хоть не видѣли оны, столько слышали,
Какъ ѣхалъ татаринъ на чисто́ поле.

Повставали поутру рапешенько,
И выходили на путь на дороженьку:
Ѣдетъ татаринъ въ погону въ слѣдъ,
Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрязывалъ,
Камешки съ дорожки вывертывалъ,
За два выстрѣла камешки выметывалъ.
Поѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ
Съ Опраксой королевичной ко городу ко Кіеву;
Поѣхалъ Дунаюшка Ивановичъ
По этой по лошадиной по ископыти
За тымъ татариномъ въ погопу въ слѣдъ.
Гдѣ было татарина такъ доѣзжать,
Гдѣ было татарина копьемъ торыкать,
Такъ съ татариномъ промолвился:
«Стой ты татаринъ во чистомъ полѣ,
«Рыкни татаринъ по звѣрипому,
«Свисни татаринъ по змѣиному!»
Рыкнулъ татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ татаринъ по змѣиному:
Темные лѣсы роспадались,
Въ чистомъ полѣ камешки роскатывались,
Траванька въ чистомъ полѣ повянула,
Цвѣточки на землю повысыпались,
Упалъ Дунаюшка съ добра коня.
Скоро Дунаюшка ставалъ на рѣзвы ноги,
И сшибъ татарина съ добра коня:
«Скажи ты татаринъ не утай собою:
«Чьего ты татаринъ роду, чьего племени?»
Говорилъ татаринъ таковы слова:
— Ай же Дунай сынъ Ивановичъ!
— Какъ бывъ былъ я на твопхъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ ни родины ни дѣдины,
— А пластáлъ бы твои груди бѣлыя. —
Садился Дунаюшка на бѣлы груди,

Какъ роскинулъ плащи татарскіе,
Хочетъ пластать груди бѣлыя,
А видитъ по пе́рькамъ что женскій полъ.
У его сердечушко ужа́хнулось,
А рука въ плечи застоялася:
— Что же ты Дунаюшка не о́позналъ?
— А мы въ о́дной дороженьки не ѣзживали,
— Въ одной бесѣдушки не сиживали,
— Съ одной чарочки не кушивали?
— А ты жилъ у насъ ровно три году:
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ ты жилъ во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ во стольникахъ. —
«Ай же ты Настасья королевична!
«Поѣдемъ мы скоро ко городу ко Кіеву,
«И примемъ мы чудны́ кресты золоты вѣнцы».
Пріѣхали ко городу ко Кіеву
Ко той ко церкви соборныя;
Ме́ньша сестрица вѣнчается,
Бо́льша сестрица къ вѣнцу пришла.
Пиръ у нихъ пошолъ ровно по три дни;
На пиру Дунаюшка росхвастался:
«Во всемъ городѣ во Кіевѣ
«Нѣтъ такого молодца на Дуная Иваповича:
«Самъ себя женилъ, а дру́га подари́лъ».
Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
— Ай же ты Дунай Иваповичъ!
— Не пустымъ ли ты Дунаюшка росхвастался?
— А и не долго я въ городѣ по́была,
— А много въ городѣ при́знала:
— Нѣтъ такого молодца на щепленьице,
— На щепленьице [1]) — Добрыни Никитича,

1) т. е. изящная походка и манеры, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

— А нѣтъ на смѣлость Алеши Поповича,
— А на выстрѣлъ нѣтъ Настасьи королевичной:
— А стрѣляла я стрѣлочку каленую,
— Попада́ла стрѣлкой въ ножечно́й острей,
— Розсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
— Обѣ половинки ровны́ пришли,
— На взглядъ ровнаки и вѣсо́мъ ровны. —
И тутъ Дунаюшки ко стыду пришло,
Скажетъ Дунаюшка Ивановичъ:
«Ай же ты Настасья королевична!
«Поѣдемъ Настасьюшка въ чисто́ поле,
«Стрѣлять стрѣлочки каленыя».
И выѣхали во чисто́ поле:
И стрѣляла ёна стрѣлочку каленую,
И попада́ла стрѣлкой въ ножечно́й острей,
Розсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
Обѣ половинки ровны́ пришли,
На взглядъ ровнаки и вѣсо́мъ ровны.
И стрѣлилъ Дунаюшка Ивановичъ;
Такъ разъ стрѣлилъ, пере́стрѣлилъ,
Дру́гой разъ стрѣлилъ, не до́стрѣлилъ,
И третій разъ стрѣлилъ, попасть не могъ.
Тутъ розсердился Дунаюшка Ивановичъ,
Наставилъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы́ груди.
Тутъ Настасья ему смолилася:
— Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
— Лучше ты мнѣ-ка-ва при́грози три́ грозы,
— А не стрѣляй стрѣлочки каленыя;
— Первую грозу мнѣ-ка при́грози:
— Возьми ты плеточку шелковую,
— Омочи плетку въ горячу смолу
— И бей меня по нагу тѣлу;
— И другую грозу мнѣ-ка пригрози:

— Возьми меня за волосы за женскія,
— Привяжи ко стремены сѣдельному
— И гоняй коня по чисту́ полю;
— А третью грозу мнѣ-ка при́грози:
— Веди меня во улицу крестовую
— И копай по пе́рькамъ во сыру землю,
— И бей меня клиньямы дубовыма,
— И засыпь пескамы рудожелтыма,
— Голодомъ мори, овсомъ корми,
— А держи меня ровно три мѣсяца,
— А дай мнѣ-ка че́рево повы́носити,
— Дай мнѣ младенца поотро́дити,
— Свои хоть сѣмена на свѣтъ спустить.
— У меня во черевѣ младенецъ есть —
— Такого младенца во градѣ нѣтъ:
— По колѣнъ ножки-то въ се́ребрѣ,
— По локо́ть руки-то въ золотѣ,
— По косицамъ частыя звѣздочки,
— А въ теми́ печетъ красно солнышко!
На эти онъ рѣчи не взираючись,
И спущаетъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы́ груди;
Пала Настасья на головушку;
Пласталъ ёнъ ёй груди́ бѣлы,
Вынималъ сердце со печенью,
У нея во черевѣ младенецъ есть,
Такого младенца во градѣ нѣтъ:
По колѣнъ ножки-то въ се́ребрѣ,
По локо́тъ руки-то въ золотѣ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
А въ теми́ печетъ красное солнышко.
Тутъ самъ ёнъ на свои руки посе́гнулся.
Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка,

А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

Записано тамъ же, 3 іюля.

95.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 42).

Ходилъ-гулялъ добрый молодецъ по чисту́ полю,
Искалъ себи-ка поединщичка,
И находилъ ёнъ шестьдесятъ уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ.
И сидятъ ёны во еди́ни' кругу *(такъ)*,
Подѣляютъ они золоту казну,
Золотой казны сорокъ тысячей.
Прогово́ритъ удаленькій дородній добрый мо́лодецъ:
«Ай же вы уда́лыя дородни добры мо́лодцы!
«Дай-ко мнѣ-ка-ва золотой казны малый жеребе́ечекъ».
А проговорятъ вси удалыи добры мо́лодцы:
— А голяцокъ-то дородній добрый мо́лодецъ!
— Не можешь ты нажить себи золотой казны. —
Показалось это слово за досаду за обиду за великую,
Ухватилъ енъ черлиный *(такъ)* вязъ,
Ударилъ черлинымъ вязомъ по сырой земли;
Отъ того удару молодецкаго
Мать сыра земля всколыбалася,
Добрыи молодцы испугалися,
По чисту́ полю розбѣжалися,
Оставили золоту казну,
Золоту казну сорокъ тысячей.
Взялъ онъ золоту казну,
Пошолъ во каменну́ Москву,
Приходилъ на царевъ кабакъ,

Поилъ пьяницъ а голей кабацкіихъ:
«Пейте пьяницы голи́ кабацкіи,
«Не пропить моей золотой казны».
А пригодилися служки монастырскіе,
Доносили императорскому величеству
Петру Алексѣевичу;
И сталъ его императорско величество,
Петръ императоръ Алексѣевичъ,
Сталъ его допрашивать:
— Скажи, скажи удаленькой дородній добрый мо́лодецъ!
— Былъ ли ты красть мона́стыря Румянцева? —
Такъ этотъ удаленькой добрый молодецъ прогово́ритъ:
«Петръ императоръ Алексѣевичъ!
«Я не былъ красть мона́стыря Румянцева,
«А ходилъ гулялъ по чисту́ полю,
«А искалъ себи-ка поединщичка
«И находилъ во чисто́мъ полѣ:
«А сидятъ они во един' кругу
«И подѣляютъ они золоту казну,
«И золотой казны сорокъ тысячей;
«И просилъ я у нихъ золотой казны
«Хотя малаго жеребеечка.
«А они говорятъ удалы мо́лодцы:
««Голяцокъ-ты дородній добрый молодецъ!
««Не можешь ты нажить себи золотой казны!
«Показалось мнѣ это слово за досаду за обиду за великую:
«Ухватилъ я черлиный вязъ,
«Ударилъ черлинымъ вязомъ по сырой землѣ;
«Отъ того удару молодецкаго
«Мать сыра земля всколыбалася,
«Добрыи молодцы испугалися,
«По чисту́ полю розбѣжалися,
«Взялъ я золоту казну,
«Пошолъ въ каменну́ Москву».

И прогóворитъ Петръ императоръ Алексѣевичъ:
— Ай же ты удаленькой дородній добрый мóлодецъ!
— Ходи-гуляй по чистý полю
— И стой за вѣру хрістіанскую! —

Записано тамъ же, 3 іюля.

96.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 18).

Собиралося сорокъ калѣкъ со калѣкою,
А самъ-то атаманъ Ѳома сударь Иванóвичъ,
А собиралися калѣки на зеленый лугъ,
А садилисъ калѣки во единый кругъ,
Думали они думушку-ту добрую
А совѣты совѣтуютъ хорошіе,
А пти они ко городу Еросóлиму,
Ко святой святынѣ помолитися,
Господнему гробу приложитися.
А они положили заповѣдь великую:
«А кто обворуется и кто облядуется,
«Того бить клюхáмы каличьима,
«Тянуть языкъ вонъ со теменю,
«И копать очи ясныя косицамы,
«А копать того во сыру землю по бѣлы́мъ грудямъ».
И пошли они, — котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго,
И повышили краснымъ золотомъ,
И повысадили скатнымъ жемчугомъ;
У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки турецъ-сафьянъ,
А не простого сафьяну заморскаго;

На головушкахъ шляпы земли Греческой.
А клюшья у калѣкъ-тыхъ рыбья кость,
И взяли они-ко по камешку Анта́венту.
А скоро калѣки въ походъ пошли;
А въ день идутъ по красному по солнышку,
Ночь идутъ по камешку Анта́венту;
А будутъ они на чисто́ поле,
И садилися они во единый кругъ,
Думали думушку добрую,
А совѣты совѣтуютъ хорошіе:
А зайти ко городу ко Кіеву
А ко князю ко Владиміру
Поѣсть, попить, хлѣба покушати.
И приходили ко городу ко Кіеву,
И закрычали калѣки громкимъ голосомъ:
««Свѣтъ надежда князь Владиміръ стольно-кіевской!
««А пошли мы ко городу къ Еросо́лиму,
««А зашли ко городу ко Кіеву,
««А поѣсть, попить, хлѣба покушати»».
А тая-то побѣда [1]) учинилася,
А князя дома не случилося;
А выходила Опракса королевична,
Бьетъ челомъ поклоняется:
«Ай же вы калѣки перехожіе!
«Пойдите во столову богатырскую,
«И дамъ вамъ ѣствушку саха́рную
«И дамъ питьицевъ медвяныхъ, —
«Ѣшьте досыти, пейте вы до́люби!»
Приходили во столову богатырскую;
Подавали имъ ѣствушку саха́рную
И дали питьицевъ медвяныхъ;
Ѣли они досыти, пили долюби,

1) Т. е. бѣда.

И много они благодарствуютъ:
««Благодарствуешь, княгина Опракса королевична,
««За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья»».
Дарила ихъ Опракса королевична
Чистымъ сéребромъ краснымъ золотомъ,
А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
А прогóворитъ Опракса королевична:
«Ай же ты атаманъ Ѳома́ сударь Ивановичъ!
«А пожалуй-ко во спальну во теплую:
«Есть молвить я словечушко тайное».
Проходили во спальну во теплую,
А садились на кроваточку тесовую;
И прогóворитъ Опракса королевична:
«Ай же ты атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ!
«А сдѣлаемъ любовь со мной великую».
А й да прогóворитъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ:
— А какъ пошли мы ко городу Еросóлиму,
— Положили мы заповѣдь великую:
— «Кто обворуется, облядуется,
— «Бить того клюхами каличьима,
— «И копать очи ясныя косицамы,
— «А тянуть языкъ со теменю
— «И копать во сыру землю по бѣлы́мъ грудамъ». —
Эты ей рѣчи не слюбилися,
А бѣжитъ скорехонько въ особливъ покой,
А хватала чашу княженецкую
И кладыва́ла въ переплеты калѣчьи.
А скоро вѣдь калѣки въ походъ пошли,
Выходили они на чисто́ поле,
Садились калѣки во единый кругъ,
И тутъ калѣки поросхвастались:
«Были мы въ городѣ во Кіевѣ,
«Пили, ѣли, хлѣба кушали
«А дарила Опракса королевична,

«А дарила насъ чистымъ сéребромъ,
«Дарила насъ краснымъ золотомъ,
«А самого атамана скатнымъ жемчугомъ».
И прогóворитъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ не кому!»
А повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду-то я ко кругу калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я вѣдь чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ къ кругу-то калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
А говоритъ онъ да не съ упадкою;[1])
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли вы чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калѣки на рѣзвы́ ноги,
А какъ ему штаны бархатны оттыкали,
И жопу ему клюхамы натыкали;
А прогóворятъ калѣки перехожіе:
«Пойди ко городу ко Кіеву
«И несп на насъ жалобу великую
«Князю Владиміру, Опраксѣ королевичной».
А приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Прогóворитъ Опракса королевична:

1) Безъ боязни.

«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
А повыскочитъ Алеша Поповичъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична?
— Пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ ко кругу калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли чашу княженецкую ....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Какъ скочили калѣки на рѣзвы́ ноги
И ему штаны бархатны оттыкали,
Наклéскали жопу долонямы:
«Поди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую».
И приходитъ ко городу ко Кіеву:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Прогóворитъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
Повыскочитъ Добрынюшка Никитинычъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу чашу княженецкую. —
И приходитъ ко кругу калѣчьему,

И бьетъ челомъ, поклоняется:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли, пили, хлѣба кушали;
— У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую. —
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У атамана-то Ѳомы Ивановича
Въ переплетахъ калѣчіихъ;
Какъ отыскали чашу княженецкую,
И били его клюхамы калічьима,
А копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ вонъ со теменю,
А копали въ сыру землю по бѣлы́мъ грудямъ
А били клиньями дубовыми;
А пошли-то калѣки ко городу Еросо́лиму.
А за ихъ за неправду великую
Напустилъ Господь темень на ясны́ очи:
И пошли они калѣки не дорогою,
А ходятъ они по чисту́ полю не дорогою,
Не дорогою, бездорожицей.
А за его правду великую
Послалъ Господь съ небеси́ двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы́ груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу́ лицу.
И пошолъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ по чисту́ полю,
И ходятъ калѣки, кричатъ по чисту́ полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицей.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичъ:
«Ай же вы калѣки перехожіе!
«Что же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калѣки громкимъ голосомъ:

«Ай же ты Ѳома сударь Иваповичъ!
«За твою за правду великую
«А вложилъ Господь тебѣ душеньку въ бѣлы груди,
«А приставилъ очи ясныя ко бѣлу́ лицу;
«А за пашу за неправду великую
«Напустилъ темень на ясны́ очи».

Записано тамъ же, 4 іюля.

97.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

(См. Рыбникова, т. I, 78).

Жилъ былъ у батюшки единый сынъ,
Во дрокушкѣ [1]) былъ у матушки
И по люби былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкой
Пожениться уда́лому доброму мо́лодцу;
И поженили отецъ съ матушкой
Не въ простомъ мѣсти, а въ богатоемъ:
«Приданаго много, — человѣкъ худой;
«А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
«Думу думати, долгіе вѣки коро́тати.
«Приданому будетъ висѣть на грядочки,
«А цвѣтну платьицу на грядочки,
«И на грядочки, на гвоздики,
«А худой жены на моей руки».
Отдалялся загулялся добрый молодецъ,
Загулялся въ хоробру́ Литву,
Задался добрый молодецъ къ королевскому величеству,
Задался королевскому величеству на двѣнадцать лѣтъ,

---

1) Т. е. въ баловствѣ.

Зачалъ жить быть, вѣкушку корóтати.
День по день и недѣли по недѣлѣ и гóдъ по годъ
Прошло времячко ровно двѣнадцать лѣтъ.
Стосковался, сгорѣвался, шолъ на царевъ кабакъ
И пилъ винца кабацкаго;
Ударила хмѣлина кабацкая.
Тутъ добрый молодецъ поросхвастался:
«Король-тотъ меня жалуетъ,
«Королевна душка красна дѣвушка Аннушка».
«Во люби держитъ меня у сердечушка».
Пригодился слуги королевскіе,
Доносили королевскому величеству такія рѣчи похвальныя,
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ.
Воспылался королевское величество
На удáлаго дородня добра молодца:
— Ай же слуги вы королевскіе,
— Палачи вы немилóсливы!
— Подите скуйте ему ножки рѣзвыя,
— Завяжите ручки бѣлыя,
— Закройте очи ясныя чернóй тафтой,
— Сведите его на чистó поле,
— Рубите казните буйну голову,
— За эти за рѣчи за похвальныя. —
Шли слуги королевскіе,
Сковали ножки рѣзвыя,
Связали ручки бѣлыя,
Завязали очи ясныя чернóй тафтой
И повели его удалаго дородня добра мóлодца
Во чистó поле на казень смертную.
Онъ прогóворитъ удалый добрый мóлодецъ:
«Ай же вы слуги королевскіе,
«Палачи вы немилóсливы!
«Возьмите у меня денегъ пять рублей,
«Ведите помимо полату королевскую,

«Мимо тое окошечко косявчето,
«Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
«Съ душкой красною дѣвушкой,
«Со Аннушкой королевичной».
Взяли его денежекъ пять рублей,
Повели мимо полату королевскую
И мимо окошечко косявчето.
Крычитъ дородній добрый мо́лодецъ
Громкимъ голосомъ во всю голову:
«Прости, прости душка красна дѣвушка Аннушка!
«Повели меня на казень смертную!»
Услышала душка красна дѣвушка Аннушка
Его громкаго голоса,
Кидалася въ окошечко по поясу,
Крычала зычнымъ *(такъ)* голосомъ:
— Ай же вы слуги королевскіе,
— Палачи немило́сливы!
— Ведите вы его въ палату королевскую, въ покои особливые;
— Стану добра молодца допрашивать. —
Приводили его въ полату королевскую,
Въ полату королевскую, въ покои особливые.
Стала душка красна дѣвушка Аннушка
Его удалаго дородня добра мо́лодца допрашивать:
— Скажи, скажи удаленькій дородній добрый мо́лодецъ:
— Жилъ ты былъ у моего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
— Вѣрой жилъ, правдой жилъ, неизмѣной жилъ,
— За что топеричу мой батюшка на тебя прогнѣвался? —
Прогово́ритъ удаленькій дородній добрый мо́лодецъ:
«Жилъ былъ у твоего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
«Вѣрой жилъ, правдой жилъ, неизмѣной жилъ;
«Стосковался сгоревался добрый молодецъ,
«Такъ шолъ на царевъ кабакъ
«И пилъ вина кабацкаго,
«Ударила хмѣлина кабацкая;

«Тутъ-то я поросхвастался:
««Король-тотъ меня жалуетъ,
««Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
««Во люби держитъ меня да у сердечушка».
Скажетъ душка красна дѣвушка Аннушка:
— Ай же слуги королевскіе,
— Палачи немило́стивы!
— Возьмите у меня денегъ пятьдесятъ рублей,
— Роскуйте ему ножки рѣзвыя,
— Розвяжите ручки бѣлыя,
— Откройте ему очи ясныя,
— И спустите его на свою́ волю.
— На свою родиму на сторонушку,
— Ко своему къ отцу ко матери,
— Ко своёй жены неудачливой. —
И взяли у ёй денегъ пятьдесятъ рублей,
Расковали ножки рѣзвыя,
Развязали ручки бѣлыя,
Открыли очи ясныя,
И спустили его на свою́ волю,
И пошолъ на свою родимую сторонушку;
И дала душка красна дѣвушка Аннушка
Ему денегъ ровно семьсотъ рублей.
Во тою пути во дороженьки
Проходило три дороженьки:
Первая дорожка къ отцу къ матери,
И дру́гая дорожка къ роду племени,
А третья дорожка къ молодой жены.
И тутъ-то добрый мо́лодецъ пороздумался:
«Въ котору мнѣ дорожку пойти будетъ?
«Пойти мнѣ въ дорожку къ отцу къ матери,
«Отца матери можетъ живаго нѣтъ;
«А пойти какъ къ роду племени,
«Не познаетъ родъ племя любимое».

Пошолъ дородній добрый мóлодецъ
Къ молодой жены неудачливой.
Въ этой пути во дороженьки
Приходила полата бѣлокаменна;
Столбички точеные, а повыше рукъ золочепые,
Обиты окошечки куницамы, лисицамы
И дорогими соболями заморскима;
Играетъ на улицы два юноша малыихъ:
«Ай же вы юноши малые!
«Есть ли у васъ родима матушка,
«Есть ли у васъ рóдный батюшка?»
Прогóворятъ юноши малые:
— Ай же ты нашъ дядюшка!
— Есть у насъ родима матушка,
— Осталась отъ батюшка беременна
— А принесла насъ два юношей малыихъ;
— А нашъ батюшка въ гульбу ушолъ,
— Двѣнадцать лѣтъ да слыху нѣтъ. —
Захваталъ ихъ ручкамы бѣлыма,
Цѣловалъ во уста во сахáрніи:
«Ай же вы юноши малые!
«Я вамъ не дядюшка, рóдный батюшка,
«Подите скажите своёй родимой матушкѣ:
««Нашъ, скажите, батюшка съ гульбы пришолъ»».
Скакали бѣжали два юноши малые:
— Ай же ты родимая матушка!
— Нашъ батюшко съ гульбы пришолъ. —
Бѣжитъ молода жена неудачлива:
— Ай же ты милая моя ладушка,
— Крѣпкая здержавушка!
— Поди въ полату бѣлокаменну,
— Полно по чужой сторонушкѣ шататися! —

Записано тамъ же, 4 іюля.

XVIII.

ТЕРЕНТІЙ ІЕВЛЕВЪ.

Терентій Іевлевъ, крестьянинъ съ Волкострова, Кижской волости, лѣтъ съ небольшимъ 50-ти, высокаго роста, богатырскаго тѣлосложенія, съ благообразнымъ лицомъ, русый, съ большою рыжею бородою. Внукъ Ильи Елустафьева, отъ котораго Рябининъ и Романовъ учились былинамъ. Сынъ этого Елустафьева, Іевъ, отецъ Терентія, вовсе не перенялъ отъ своего родителя знанія былинъ, потому что ему недосугъ былъ, онъ сѣлъ на «крестьянство» и занялся имъ исключительно. Дѣдъ, напротивъ того, живя не въ ладахъ съ сыномъ, мало занимался крестьянствомъ, а больше ходилъ по людямъ, работая разнаго рода рыболовныя снасти. При этомъ онъ часто бралъ съ собою мальчика Терентія, и внукъ удержалъ въ памяти кое-что изъ пѣсенъ, которыми старикъ сопровождалъ свою работу. Но по малолѣтству онъ могъ «понять» только малую часть того, что зналъ дѣдъ (Елустафьевъ умеръ, когда внуку было около 10 лѣтъ), и потомъ, наслѣдовавъ отцу въ крестьянствѣ, онъ не имѣлъ времени распѣвать былины, и онѣ заглохли въ его памяти. Терентій считается весьма исправнымъ домохозяиномъ и очень уважается. Онъ извѣстенъ былъ г. Рыбникову, который лично записалъ былины съ его словъ.

98.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 1).

Микулушка Селянѝновичъ
Была у него кобыла Подыни-голова.
Какъ тутъ Микулушка оралъ да махалъ,
А ёнъ сосонки да ёлки въ борозду валилъ,
А ёнъ ржи-то напахалъ да домой выволочилъ,

Домой выволочилъ да дома вымолотилъ,
А ёнъ пива накурилъ, да гостей назвалъ.
Стали пиво пить да все Микулушку хвалить:
«А тебѣ было Микулушкѣ орать да пахать,
«Да тебѣ Микулушкѣ крестьяновать!»

Былъ онъ Микулушка въ городи во Кіевѣ,
А ёнъ вывезъ-то соли оттуль два́ мѣха,
Въ который мѣхъ походитъ пудовъ по со́року.

(Болыше не помнитъ).

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

99.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ И ТУГАРИНЪ ЗМѢЙ.

Какъ Олешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ
Ёнъ на да́лечи дале́чи на чисто́мъ поли
Да ѣдетъ-ка тутъ Олешенька да и на добро́мъ конѣ,
Да какъ видитъ-то онъ Тугарина невѣрнаго,
Высоко летитъ Тугаринъ, близъ подъ о́блакой,
Какъ тутъ Олешенька спустился-то съ добра́ коня,
Да какъ ставился Олеша на востокъ лицёмъ,
Да онъ молится тутъ Господу святителю:
«Дай-ко ты Господи дождичка частаго да и мелкаго,
«Чтобы омочило у Тугарина бумажны крыльпця,
«Спустился бы Тугаринъ на сыру́ землю,
«Да какъ мнѣ было съ Тугариномъ посъѣхаться».
Да и по Олешенькину тутъ молепію,
Какъ по Божьему-то по велѣнію,
Наставала тученька-та темная
Съ частыимъ дождичкомъ да съ молніей,
Омочило у Тугарина бумажныя крыльица,

Спустился тутъ Тугаринъ на сыру̀ землю.
Да какъ ѣдетъ-то Тугаринъ на добро́мъ конѣ,
На добро́мъ конѣ да по сырой землѣ,
А идетъ Олешенка къ нему на стрѣтушку.
Какъ тутъ Задолище *(такъ)* поганое
Замахнулся онъ кинжало́мъ-то булатнымъ,
Что срубить Олешѣ буйну голову;
Да какъ былъ Олешенка востéръ собою̀,
Завернулся онъ за ту гриву лошадиную,
Промахнулся тутъ Тугаринъ-тотъ невѣрный,
Ушло съ рукъ кинжалище булатное,
Ушло въ землю̀ до чéреня.
Какъ былъ Олешенка востéръ собою̀,
Повывернулся тутъ онъ зъ-за гривы лошадиноёй,
Енъ ударитъ своей палицей военноей Тугарина,
Своротилось главúще на праву́ страну,
А 'ще тулово да на лѣвую.
Беретъ Олешенка Поповичъ сынъ Иановичъ
Кинжалище булатное,
Воткнулъ онъ въ буйную голову, —
Не можетъ енъ главúща на плечо поднять,
Закрычалъ онъ своимъ зычнымъ жалкимъ голосомъ:
«Ужъ вы служки панюшки, вѣрны пянюшки *(такъ)*!
«Подсобите-ко главище на плечо поднять».
Подбѣжали служки панюшки, вѣрны пянюшки,
Подсобили главище на плечо поднять.
Несётъ онъ тутъ къ своему добру́ коню,
Привязалъ онъ желтыма волосочкамы
Ко тымъ стремянамъ да лошадиныимъ,
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Подъѣзжаетъ онъ ко городу ко Кіеву,
Крычитъ онъ да во всю голову:
«Ай же вы бабы портомойницы!
«Я привезъ-то вамъ буцúще со чиста́ поля, —

«Вы хоть платье мойте, а хоть зóлу варите,
«Хоть вспмъ городомъ срать ходите».

Записано тамъ же, 6 іюля.

100.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ Добрынюшка-то своей матушкѣ говарпвалъ:
«Ай же моя матушка да ты родимая!
«На что же меня несчастнаго да и споро́дила,
«Не во своего государя свѣта батюшка,
«Да не въ сильняго могучаго бога́тыря,
«Да й не въ купца гостя́ торговаго?
«Когда же ты меня да поотро́дила,
«Свертѣла ты бъ меня въ само́чку во крупчатую,
«Снесла бы ты меня да край спня́ моря,
«Спустила бъ ты меня да на святу́ воду,
«Такъ шолъ бы я туды на са́мо дно,
«Лежалъ бы п да й мѣсто камешка самоцвѣтнаго;
«Буйны бъ вѣтрушки тамъ на меня не вѣяли,
«Добры бъ людушки тамъ про меня не баяли.
«Какъ попечку-таперечку посылаетъ меня солнышко,
«Солнышко Владиміръ князь да столенъ кіевской
«Во ту да въ матушку въ каменну́ Москву,
«Во каменну́ Москву да въ хоробру́ Литву
«За той меня за данью да за почлиной.
«Розстояньице туда есть полномѣрное,
«Житье туды есть все невѣрное.
«Но когда я ту́ды съѣзжу, когда здѣсь буду,
«Бывать ли мнѣ на родимой на сторонкѣ, аль не бывать,
«Видать ли мнѣ родимая сторонушка, аль той не́ видать».
Идетъ ли тутъ Добрынюшка да й на широкой дворъ,

Енъ сѣдлаетъ да уздаётъ коня добраго.
Говоритъ ли тутъ честна̀ вдова Офимья Олександровна,
Да ко своéй тутъ она невѣстушки:
— Ай же ты моя невѣстушка!
— Поди-тко ты да й на широкой дворъ,
— Спроси-тко ты у своего да богосу́женаго:
— Куда онъ поѣзжаетъ, куда путь держитъ,
— Когда онъ оттуль будетъ, когда ждать велитъ? —
«Ай же ты молода жена Настасья дочь Микулична!
«Когда ты у меня поспро́сила:
«Перво три́ году ты по́жди ме́не за́ меня,
«А 'ще друго три по́жди ме́не за́ себя, —
«Пойдетъ ли того времечки шесть лѣтъ назадъ,
«Да за тое шесть и другое шесть,
«Да тутъ сполнится вѣдь времечки двѣнадцать лѣтъ,
«Буду живъ такъ я здѣсь буду,
«А живъ не́ буду, такъ и ждать некого.
«Да еще я тутъ тебя пона́кажу:
«Какъ послѣ моего бываньица
«Хоть замужъ поди, хоть вдовой живи,
«Хоть ты за́ князя поди, хоть за боярина,
«Хоть за сильнаго могучаго за бога́тыря,
«Столько не ходи за смѣлаго за Олешеньку за Поповича,
«Какъ Олешенка Поповичъ названый братъ, да мнѣ-ка мéньшой братъ,
«А я Олешенкѣ-то есте бóльшой братъ».
Какъ садился тутъ Добрынюшка да на добра коня,
Тутъ вид'ли добраго-то молодца сядучи,
Не вид'ли со двора его поѣдучи.
Со двора-то онъ поѣхалъ не воротами,
Въ чисто́ полюшко поѣхалъ не дорогою.
Идетъ-то тутъ честна̀ вдова Офимья Олександровна
Во свои во покои во любимыи,
Садилась она на брусову бѣлу лавочку,

Глядитъ она на да́лече дале́че на чисто́ поле,
Епа горькима слезами да обливается,
Полотпинымъ рукавцемъ поотирается,
Сама говоритъ да таково слово:
— Закатилося сугрѣвное межѐнное тѐплое красное солнышко
— За лѣсушки да темныи, за горушки да высокіи,
— За мхи, за озера за широкіи.
— Столько свѣтитъ на́ меня теперечку свѣтёлъ мѣсяцъ, —
— Осталася со мной невѣстушка молода Настасья дочь Микулична. —

Да тутъ годъ по годъ бывъ трава ростетъ,
Да какъ три-то прождала мене за́ меня,
А 'ще три-то года прождала мене за́ себя,
Тутъ прошло ли того времечки шесть лѣтъ назадъ;
За тое шесть прождала да и другое шесть.
Какъ сполнилось тутъ времечки двѣнадцать лѣтъ,
Да приходитъ съ поля вѣсточка нерадостна:
Какъ на да́лечи дале́чи на чисто́мъ полѣ
А й лежитъ Добрынюшка да на сыро́й земли,
Сквозь бѣлы груди копьемъ прокóлото,
Тутъ на верху выросла вѣдь травонька шелковая,
Росцвѣли цвѣточики лазуревы.
Какъ сталъ ли тутъ Олешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ
Ёнъ подхаживать, подсватывать да подговаривать,
Да и подбили тутъ Настасью съ ума разума.
Заводили они свадебку почестный пиръ,
Не на мало не много на двѣнадцать дёнъ.
Какъ со да́лечи дале́чи со чиста́ поля
Наѣзжаетъ тутъ дѣтинушка залѣщанинъ,
Залѣщанинъ да дереве́пщенинъ
Да ко той Офимьѣ Олександровнѣ,
Онъ вѣдь прямо ѣдетъ на широкой дворъ,
Да розмахивалъ воротца-ты на́ пяту,
Не спрашивалъ онъ ни придворничковъ ни придверничковъ,

Ни придверничковъ ни приворотничковъ,
Да й розмахивалъ воротца-тыи на́ пяту,
Да ёнъ ставилъ тутъ коня да середи двора,
Не привязаннаго́ да и не приказанаго.
Идетъ ли дѣтинушка во ригу *(такъ)* княжецкую,
Да ёнъ крестъ несетъ да й по писа́ному,
Енъ поклонъ ведетъ да по учёному.
Какъ тутъ говоритъ честна́ вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Наступаешь ты на мой да на вдовиной дворъ,
— Донесу я князю-то Владиміру,
— А й засадитъ ёнъ тебя да во глубо́къ погрёбъ. —
«Ай же ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Какъ гдѣ-то у тебя невѣстушка,
«Молода жена дочь Микулична?»
— Какъ пришла шишла́[1]) ёна замужъ пошла
— За того за смѣлаго Олешеньку да за Поповича. —
«Да ёна́ вѣдь не вдова, да е́сте му́жняя жена:
«Я да́лече на чисто́мъ поли
«Я видѣлъ Добрынюшку на добро́мъ конѣ,
«Я третьёго дни съ Добрынюшкой порозъѣхался,
«Тебѣ правлю поклонъ да челомъ-битьице
«Отъ того Добрынюшки Микитича».
А тутъ стала вѣдь вдова да рада весела.
Какъ еще Добрынюшка тутъ матушкѣ наказывалъ,
Какъ спустилась бы она да во глубо́къ погрёбъ,
Розвертѣла бы камочку-ту крупчатую,
Подала бы мнѣ платьица-ты цвѣтныи, —
Пошолъ бы я на пихъ на́ пиръ на смѣре́ную на свадебку.
Положилъ-то ёнъ гусёлу́шки яровчаты подъ праву́ полу,
Пошолъ на пихъ на́ пиръ на смѣре́ную на свадебку,

---

1) На вопросъ, что это значитъ, пѣвецъ отвѣчалъ, что «такъ поется», что это значитъ «Фантазія».

Приходитъ онъ во ринrу княженецкую,
Ёнъ крестъ несетъ да й по писа́ному,
А и поклонъ ведетъ да по учёному,
Да ёнъ на вси на три на четыре на сторонушки,
Да ёнъ князю-то Владимiру поклонъ несетъ въ особину,
Новобрачному да съ новобрачноёй.
Говоритъ ли тутъ Владиміръ князь да столенъ кіевской:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Что же ты по́долгу долгаешься,
— По́тиху на смѣреную на свадебку наряжаешься?
— То́перь вси-то е́сте мѣста да перезаняты
— Подъ князямы да подъ боярамы,
— Вси сидятъ, ѣдятъ да хлѣба кушаютъ,
— Какъ надобно итти да во Божью́ церковь
— Намъ ставить молодыхъ подъ златы́ вѣнци.
— Столько просто одно мѣстечко да скоморошное
— На той на печи на земля́ноей. —
Поскочилъ дѣтинушка залѣщанинъ да и деревенщенинъ
Ёнъ на ту на печку на земляную,
Положилъ гусёлышка на свои колѣна молодецкія,
Учалъ почалъ во гуселышка выигрывать,
То играетъ онъ отъ Царя́града,
Выпѣваетъ онъ отъ Еросо́лима.
Этто всѣма-та игра да прилюбилася;
Наливалъ тутъ чарочку зелена́ вина
Владиміръ князь да столенъ кіевской,
Подливалъ онъ-то и медку сладкаго,
Да скрычалъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Спустись-ко ты со печки со земляноей,
— Выпей выкушай чару да зелена вина. —
Ёнъ спустился-то со печки со земляноёй,
Выпилъ выкушалъ чару да зелена́ вина,
Поскочилъ на печку на земляную,

Учàлъ почàлъ во гуселышка выигрывать,
Играетъ-то онъ отъ Царяграда,
Вышѣваетъ онъ отъ Еросóлима.
Этто всѣмъ-та игра да прилюбиласе,
Они-то всѣ да порозслухались.
Наливалъ онъ князь Владимiръ столенъ кіевской чару зелена́ вина,
Подливалъ онъ въ чару медку сладкаго,
Вскричалъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Спустись-ко ты со печки со земляноей,
— Выпей выкушай чару да зелена́ вина.
— Да какъ перво мѣ́стечко теби возли́ меня,
— А 'ще дру́го мѣсто супротивъ меня,
— А еще третье мѣ́стечко гди по разуму,
— Хоть самъ ты пей, хоть кому любо тому по́дноси. —
Наливалъ онъ чарочку зелена вина,
Подливалъ ёнъ въ чару медку сладкаго,
Да снялъ-то онъ съ правой руки злаченъ перстень,
А спустилъ-то ёнъ въ чару да въ зелено́ вино,
Подносилъ-то онъ Настасьѣ да Микуличной,
Да ёнъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Какъ выпьешь чарочку до дна, такъ увида́шь добра,
«А не выпьешь чарочки до дна, такъ не видать добра».
А какъ чарочку-то она какъ вы́футкала [1]) да выкушала.
Прокатилося къ нёй къ устамъ золоченъ перстень.
Беретъ она ручкой лѣвою, надѣваетъ на ручку на правую,
Сама говоритъ да таковы слова:
— Какъ не тотъ мой мужъ, который сидитъ подли́ меня,
— А тотъ мой мужъ, который стоитъ супротивъ меня. —
Какъ идетъ Добрынюшка въ большой уголъ,

1) Іевлевъ не могъ объяснить точнаго значенія этого слова и сказалъ только, что «такъ поется».

Онъ беретъ Олешеньку за желты́ кудри,
Да й повыхватилъ на рингу княженецкую;
Ёнъ у́даритъ-то Олешеньку да о кирпичень полъ,
Его хочетъ переправить а 'ще и другой разъ
Какъ былъ у нихъ-то вѣдь старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Захватилъ его за пле́чка за могучія,
Онъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Не убей-ко за напрасницу богатыря,
«Хоть онъ силой-то не си́лешъ, да папу́скомъ смѣлъ».
Беретъ-то ёнъ ю за ручку за правую,
Беретъ ю своей ручкой лѣвою,
Ёнъ крестъ несетъ да й по писа́пому,
Ёнъ поклонъ ведетъ да по учёному,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Поворотился ёнъ со ринги съ княженецкоей,
Повелъ ю во свои покои во любимыи,
Зовётъ-то ёнъ дружину всю хоробрую:
— Пойдемъ-ко со мной во покои во любимыи,
— Стану я годи́ны именины вси выправливать,
— Вси выправливать за двѣнадцать лѣтъ. —

Записано тамъ же, 6 іюля.

101.

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ.

Какъ съ-подъ ельничку да съ-подъ березничку,
Да съ-подъ частаго молодаго съ-подъ олешничку,
Выходилъ каликушка не маленькій.
На ногахъ лапо́тики-тѣ у него семи шелковъ,
Не простыхъ шелковъ да самошипскіихъ;
Какъ въ косы-тѣ заплетено было по камешку,
По камешку по самоцвѣтному,

Что-ль не для-ради красы басы,
Для ради крѣпости богатырскоёй,
Чтобы свѣтло было пути по тѣмъ путямъ,
По широкимъ путямъ по дорожепкамъ.
О костыль каликушка опираласи,
Высоко каликушка поднималасн,
Поднялся тутъ каликушка поповыше лѣсу стоячаго,
Поднялся тутъ каликушка попонпже оболочка ходячаго,
Прискакалъ каликушка ко Пучай-рѣчкѣ,
Немала рѣчка — триста пятьдесятъ.
На тыхъ поляхъ да на Кулйковыхъ,
На тыхъ лугахъ да на зеленыихъ,
Тамъ не облачко да призасйнѣло,
Тамъ не рощица да берёзовая,
Силушка стоитъ да городбвая,
Силушка стоитъ армія.
О костыль каликушка опираласи,
Да й за рѣчку каликушка поднималаси.
Заскочила каликушка въ эту силу да городбвую,
Заскочила каликушка въ эту армію:
Тутъ сорокъ царей сорокъ цареевичевъ,
Сорокъ королевъ сорокъ королевичей,
Хоть мелкой-то силушкѣ и смѣты нѣтъ,
Но сидитъ турчанка да богатырченка.
Какъ сталъ каликушка выспрашивать:
«Ты скажи турка да не утай меня,
«Не утай меня да не сгуби себя:
«Куда-то эта силушка снаряжена?»
— Снарядилась эта силушка ко городу ко Кіеву,
— Хочетъ Кіевъ городъ да головнёй катить,
— А й добрыхъ коней да табунами брать,
— Красныхъ дѣвушекъ во полонъ взымать,
— А старыхъ людей да на огни сожгать. —
Тутъ взялъ его каликушка за желты кудри,

Помахнулъ каликушка на свой помахъ,
Да й пустилъ его да й до сырóй земли;
Лопнула у турки коженка
Съ гузнà да й до головушки.
О костыль каликушка да й опираласи,
Высоко калика поднималаси.
Поднялся тотъ каликушка поповыше лѣсу стоячаго,
Поднялся тотъ каликушка попониже оболочка ходячаго,
Прискакалъ ко городу ко Кіеву,
Онъ въ Кіевъ градъ скакалъ да не дорогою,
Онъ въ Кіевъ градъ зашелъ да не воротами,
Черезъ ту башкý *(такъ)* да наугольную,
Закрычалъ каликушка въ полголоса,
Владиміръ князь-тотъ съ ума сошолъ,
Княгиня ходитъ роскаракою.
Какъ былъ у нихъ Добрынюшка Микитиничъ,
Похватилъ Добрынюшка черленый вязъ,
Какъ билъ каликушка да по головушкѣ,
Тутъ стопъ каликушка — не стря́хнется,
Желты кудрушки да й не сворохнутся.
Какъ былъ у нихъ старóй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да й сынъ Ивановичъ,
Онъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Ужъ вы глупыи неразумныи богáтырп!
«Не спѣшйлись бы-то каликушку бить бранить,
«Вы спѣшились бы каликушку кормить поить,
«Всякихъ новостей-то у него выспрашивать».
Наливалъ каликушкѣ чару да полтора ведра,
Подносилъ ему да единой рукой;
Выпивалъ каликушка да за единый духъ.
Они стали каликушку кормить поить,
Всякихъ новостей-тыхъ у него выспрашивать,
Сдѣлали во городѣ во Кіевѣ осторожности великіи.

Записано тамъ же, 6 іюля.

102.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. II, 12).

Во стольномъ во городѣ во Кіеви,
Да и у ласкова князя у Владимíра,
Былъ-то вѣдь у него почéстной пиръ;
А какъ всѣ-то на пиру были пособраны,
Всѣ были вси князи, вси бóяре,
А всѣ сильни́ могучіи бога́тыри,
Да всѣ тутъ поляничеики уда́лыи.
Они всѣ были за столы посаженыи,
Всѣмъ были кушанья палаженыи,
Да какъ всѣ они сидятъ да пьютъ, хлѣба кушаютъ,
Потѣшаются да похваляются:
А какъ умный-отъ хвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный-отъ хвастаетъ молодой женой,
А худой молодой неудацливой.
А какъ го́вори Владиміръ князь столенъ кіевской:
«А всѣ всѣ у мёня были пожененыи,
«Вы вы были у меня повѣнчаныи,
«А единъ-то у васъ князь не женатъ,
«А Владиміръ князь столенъ кіевской.
«А вы знаете ли ему да вѣдаете ль ему супротивную?
«А была бы-то жена мнѣ хорошая:
«Ена ростомъ-тымъ да высокая,
«А и садо́мъ-тымъ она да садомитая *(такъ)*,
«А красой-то она да красови́тая,
«У нея кровь-то бы въ лици какъ у бѣлаго заяца,
«А какъ было бы то мнѣ-ка съ ней жить да и быть,
«А и долгій-отъ вѣкъ-то коро́тати,
«А 'ще было бы-то вамъ кому честь воздать,
«А 'ще было бы-то кому и поклонятися».
А тутъ всѣ за столомъ призамолкнули,

Всѣ за столомъ пріутихнули,
Да й никто никáкого словечка не вымолвитъ,
А еще большíи тулятся за средняго,
Средніи тулятся за меньшаго,
А отъ меньшаго-то и отговору нѣтъ.
Да какъ вы́ходилъ Дунаюшко Ивановичъ,
А выходи́лъ-то изъ за́печья,
А онъ по́дходилъ-то ко́ тому столу княженецкому,
Да онъ самъ говоритъ да таковы слова:
— А вѣдь знаю то бы я да вѣдь вѣдаю:
— Какъ да́лече дале́че подъ сточно́й стороной,
— У того ли короля храбра Литскаго *(такъ)*,
— А какъ есть у него да дви дочери,
— А й двѣ дочери обѣ хорошíи,
— Только бо́льшая дочи́ мало при́ домп живе́тъ
— Она ѣздитъ во чисто́ поле поля́ковать;
— А какъ ме́ньша дочи́ всегда при́ домп, —
— А 'ще бо́льшая Настасья королевична,
— А какъ ме́ньшая эта Опра́ксимья.
— Опра́ксимья эта королевична
— А й была бы то би жена да хорошая,
— Она ростомъ-тымъ да высокая,
— А и садо́мъ-тымъ она да садомптая,
— А красой-то она да красовитая,
— У нея кровь то бы въ лицп какъ у бѣлаго заяца,
— А какъ было бы-то тобѣ съ ней жить да п быть,
— А и долгíй-отъ вѣкъ-то коро́тати,
— А 'ще было бы-то намъ кому честь воздать,
— А 'ще было бы-то кому и поклонятися. —
— «Ай же ты Дунаюшко Ивановичъ!
«А умѣлъ же ты теперечко повыхвастать,
«А умѣй-ко ты оттуль её повывести.
«Много ли туды ты силы́ возьмешь,
«Много ли возьмешь золотой казны?»

— А не надобно мни сила киняженецкая
— И не надобно мни золотой казны,
— Да не биться тамъ мнѣ не ратиться;
— Столько дай мнѣ-ка-ва во товарищи
— Во товарищи Добрынюшку Микитича,
— А 'ще мнѣ-ка-ва двухъ жеребчиковъ неѣзжаныихъ
— Чтобы два сѣдла оба недéржаныи,
— Да вѣдь узды обѣ неýзданыи,
— Двѣ плеточки обѣ нехлы́станыи;
— Да пишп-тко ты ёрлыки о добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ
— На той на дочéри на Опраксимьи,
— На Опраксимьи кòролевичной. —
А сѣдлали уздали добры́хъ копей,
Да и поѣхали ко матушкѣ къ каменнóй Москвы,
Къ каменной Москвы къ хоробрóй Литвы,
Ко тому ли королю храбро-литскому
А й о добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ.
Пріѣзжаютъ-то оны въ хоробрýю Литву,
И они ставили тутъ коней середи двора
Непривязанныхъ да неприказанныхъ,
Да поставилъ онъ товарища Добрынюшку Микитица,
Да онъ самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты Добрынюшка Микитинцъ!
— А стой-тко ты на широкóмъ двори,
— Гляди-тко на рингу королевскую,
— Ка́кова пора, каковó время,
— Чтобы можно намъ отсюль да поуѣхати. —
— А идетъ-то Дунаюшко Ивановичъ
Во тую во рингу королевскую,
Да онъ крест-отъ несетъ по писанному,
Да онъ поклон-отъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Да онъ кóролю несетъ поклонъ въ особину:

— Ужъ ты здравствуешь батюшко король да хороброй Литвы! —

«Ужъ ты здравствуешь Дунаюшко Ивановичъ!
«Ты куда ѣдёшь, куда пу́ть держи́шь?
«А ты намъ послужить или себя́ показать?»
— А какъ вамъ послужить и себя́ показа́ть,
— А 'ще другое дѣло есть больше всѣхъ:
— Я объ добромъ дѣлѣ объ сва́товствѣ
— На твоей да дочу́шкѣ Опраксимьи,
— На Опраксимьи на королевичной,
— Да й за нашего князя Владиміра. —
А какъ го́воритъ король хоробро́й Литвы:
«Ай же ты Дунаюшко Ивановичъ!
«А ты взялся за безумье за великое.
«Да какъ вашъ тотъ князь не велико́къ собою,
«А 'ще ваши царѝща уро́дливыи,
«Не отдамъ я своей дочери
«Да й за вашего князя Владиміра,
«А возьму́ ли я тебя за желты́ кудри,
«Посажу я тебя въ глубо́къ погрёбъ,
«А пусть-ко Дунаюшко у на́съ посиди́тъ,
«Да пусть-ко Дунай въ погребу́ погости́тъ,
«То что Дунай да и обумѣется».
Да какъ подходитъ Дунаюшко Ивановичъ
Ко́ тому столу да ко дубо́вому,
Енъ смахнулъ свои руки выше́ головы́,
Да пустилъ онъ до стола да до дубоваго.
А какъ пи́тья на столахъ проливаю́тся,
А 'ще столъ въ щапьё приломается,
А и мать земля сколыбается,
Да какъ самъ онъ говоритъ таковы слова:
— Есть я здѣсь не оди́нъ собою,
— Да какъ есть-то я здѣсь со товарищемъ,
— Во товарищахъ Добрынюшка Микитиничъ. —

А какъ ко́ той ли поры ко тому времени
Да вѣдь скоро со двора тутъ послы пришли:
«Ужъ ты батюшка король хороброй Литвы!
«А ты ѣшь да пьешь, спотѣшаешься,
«А ты на́дъ собой незгодушки не знаешься.
«А какъ есть-то дѣтинка не зна́мъ собою,
«Во лѣво́й рукѣ водитъ два добра́ коня,
«А во право́й дубина сарацынская;
«Какъ ясно́й соколъ по́ двору попурхиваетъ,
«А вѣдь такъ-то онъ по двору поскакиваетъ,
«На всѣ стороны дубиной помахиваетъ,
«Такъ прибилъ-то всѣхъ татаръ до единаго,
«Не оставилъ онъ татаръ тебе на сѣмена».
«Такъ какъ говоритъ король хороброй Литвы:
— Ай же Дунаюшко Ивановичъ!
— Уйми-тко ты своего товарища,
— А какъ видно то дочу́шка Богомъ су́женая. —
Идетъ-ли Дунай на круто́й крылецъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Ай ты Добрынюшка Никитинецъ!
«Полно тебѣ теперь уродовать,
«А какъ есть-то намъ видно Божья́ помочь».
А какъ говорилъ король хоробро́й Литвы:
— Ужъ вы служки пано́шки вѣрные нянюшки!
— Вы умойте убѣлите Опраксимью,
— Напушите-тко вы ёй да личко бѣлое,
— А умойте-тко вы ю бѣлешенько,
— Да сокрутите вы ю хорошешенько,
— Да веди-тко во рингу королевскую,
— Отпустить-то ее да на святую Русь
— А й въ замужество за князя Владиміра. —
Да беретъ-то Дунаюшко Ивановичъ,
А беретъ-то своей ручкой лѣвою
За ней-то за ручку за правую,

За ней-то за перстни злаченыи,
А онъ крест-отъ ведетъ по писáному,
А и поклонъ тотъ несетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
А ёнъ кóролю поклонъ несетъ въ особину:
«А прощай ты батюшка король хоробрóй Литвы».
А идетъ-то енъ вѣдь на широкой дворъ,
А ведетъ-то онъ Опраксимью королевичну.
Какъ самъ-то онъ садился на добрá коня,
Да и ю посадилъ на дòбрá коня на татарскаго,
А онъ коня татарскаго себи въ поводъ взялъ,
Да поѣхали они ко городу ко Кіеву,
Сустигàла на путѝ ихъ ночка темная,
Да спустился тутъ ёнъ да со добра коня,
Пороздернулъ Дунаюшко свой бѣлъ шатеръ,
Зашлы-то они да въ свой бѣлъ шатеръ,
Да ложился Дунаюшко да во шáтрихъ *(такъ)* спать;
А ёнъ вó ноги поставилъ саблю вострую,
Да ёнъ въ голову кладетъ кинжалище булатное,
Да ёнъ пó боци *(такъ)* кладетъ палицу военную,
А какъ тутъ-то они спятъ, сномъ темну ночку корóтаютъ.
Да какъ той-то они той ночкой темною
Хоть не видѣли, да столько слышали,
Какъ по тоей дорожкѣ Цареградскоей
Тугъ ѣхалъ татаринъ невѣрныій,
Да посвистывалъ ёнъ да по змѣиному,
Да покрыкивалъ ёнъ да по звѣриному.
Да поутру ставши они дорожку осматриваютъ,
Куда ѣхалъ татаринъ невѣрныій;
У того коня да у татарскаго
А какъ въ землю тутъ ножки да щетки угрязывали,
Камешки съ дорожки вывéртываны,
За три выстрѣлы камешки отмéтываны.
Отпустилъ-то онъ Опраксимью королевну

Ко́ тому ли ко городу ко Кіеву
Съ тымъ ли Добрынюшкой Микитичемъ,
А какъ самъ-то онъ поѣхалъ за татариномъ въ погону вслѣдъ,
Да загналъ ёнъ татарина въ чисто́мъ поли,
Гдѣ было къ татарину молчко́мъ подъѣзжа́ть,
Гдѣ было татарина копье́мъ торыка́ть,
Такъ вѣдь ёнъ со татариномъ промолвился:
«Скажи, татаринъ невѣрныій!
«Ку́да ты ѣдёшь, куда путь держишь?»
Да тутъ крыкнетъ татаринъ по звѣрину,
Да какъ свиснетъ татаринъ по змѣину,
Да какъ тутъ у Дунаюшка конь-то сполохался,
Сполохался да на колѣнка палъ;
Да ёнъ бьетъ-то коня по толсты̀мъ ребрамъ,
Да ёнъ самъ говоритъ таковы слова:
«А ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
«Что же ты теперь потыкаешься,
«Али надо мной надсмѣхаешься?
«Не слыхалъ ли ты по́свисту да молодецкаго,
«А ты по́крыку да богатырскаго?»
Подъѣзжалъ ли Дунаюшко Ивановичъ
Подъѣзжалъ онъ къ татарину невѣрному,
Да и ударилъ онъ татарина востры́мъ копьемъ,
Вострымъ копьемъ да тупымъ концемъ,
Сбилъ ёнъ татарина съ добра́ коня,
Не казнилъ ёнъ татарина, допрашивалъ:
«Скажи татаринъ невѣрныій!
«Куда ты ѣдёшь, куда путь держишь?
«А я вижу-то по пелькамъ что ты женской полкъ» *(такъ)*.
— То вчерашняго дня я дома не́ была,
— Да какъ было со святой Руси два бога́тыря,
— Увезли-то сестрицю Опраксимыю,
— Да поѣхала за нёй я въ погону вслѣдъ.

— А мнѣ навóротить сестрицю Опраксимью,
— Либо пóложить головушка Настасьина. —
Такъ не казнилъ ёй Дунаюшко Ивановичъ,
Да тутъ-то на нёй онъ посватался.
Садилъ-то вѣдь ю на добрá коня,
А самъ-то онъ сѣлъ на своего;
Енъ татарскаго коня себи въ поводъ взялъ,
Да поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву;
Да ёнъ въ домъ не входя́ й во Божью́ церковь.
А тамъ Владимiръ князь вѣнчается
Съ Опраксимьей со королевичной,
Да тутъ повѣнчался Дунаюшко Ивановичъ,
Повѣнчался онъ съ Настасьей королевичной;
Онѣ вмѣстѣ двѣ сестрицы крестились и молитвились,
Онѣ вмѣстѣ двѣ сестрицы замýжъ пошли.
Заводили они свадебку почестной пиръ,
Не на мало не на много на двѣнадцать дёнъ.
Тутъ вси были на пиру пособраны,
Вси князи вси бóяра,
Вси сильнiи могучiи богáтыри,
Вси поляницы удáлыи,
А какъ вси они сидятъ да ѣдятъ, хлѣба кушаютъ,
Всѣ ѣли да пили, порасхвастались,
Но умный какъ хвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный-то хвастаетъ худой женой неудáчливоѣй.
Да какъ тутъ повыхвасталъ Дунаюшко Ивановичъ:
«Нѣтъ стрѣльця удалá молодця
«Супротивъ Дуная Ивановича».
А какъ гóворитъ Настасья королевична:
— Хоть немпожко я во гóродѣ во Кіевѣ пóбыла,
— Столько много я во гóродѣ во Кіевѣ привидѣла:
— Тотъ стрѣлецъ во чистóмъ полѣ,
— Кто положитъ на головушку колечко серебряно
— И наставитъ напротивъ колечка ножъ булатныiй,

— И отступитъ назадъ-отъ пятьсотъ шаговъ,
— И будетъ онъ стрѣлять изъ луку каленаго,
— И пропущать будетъ эту стрѣлочку каленую
— По остре́ю ножовому,
— И попадать будетъ въ колечко серебряно. —
Такъ тутъ тихія Дунай Ивановичъ
Становился онъ на рѣзвы́хъ ножкахъ,
И положилъ себи на головушку колечко серебряно,
И велѣлъ отступиться Настасьѣ королевичнѣ,
Велѣлъ отступиться пятьсотъ шаговъ.
И полагала она стрѣлочку каленую,
Натягивала тетивочки ше́лковыя
И спущала она стрѣлочку каленую;
Эта стрѣлочка каленая прокатилась по остре́ю ножовому
И угодила въ колечко въ серебряно.
Три разъ Настасья королевична простре́лила
И пропустила стрѣлочку каленую
Во этое колечко серебряно,
И не сшибла колечка со головушки.
Тутъ тихія Дунаюшко Ивановичъ
Сходилъ онъ со этого со мѣстечка,
На это мѣсто становилъ онъ Настасью королевичну,
Положилъ ёй колечко на головушку,
Самъ отступилъ ёнъ пятьсотъ шаговъ
И бралъ свой ту́гой лукъ розрывчатой
Во бѣлыи свои ручушки;
Тутъ молилась Настасья королевична,
Молилась и горько плакала:
— Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
— Копай-ко ты ме́ня до пояса въ сыру землю
— И бей ты меня по нагу́ тѣлу,
— Прости-тко меня въ женской глупости,
— Не убей-ко меня Настасьи королевичной,
— Не сдѣлай-ко двухъ головушекъ неповинныихъ:

— Есть у меня во чревѣ съ тобой дитятко посѣяно,
— По́ локоть ручки въ золоти,
— По ко́лѣнъ ножки въ се́ребрѣ,
— По коспцамъ у него часты́ звѣзды,
— На всякоёй на волосиночкѣ
— По скачоноей по жемчужинкѣ;
— Сзади-то его печётъ-то свѣти́лъ *(такъ)* мѣсяцъ,
— Отъ очей-то пекетъ да солнце красное. —
Ничего-то Дунаюшко да не послѣдовалъ,
Разгорѣлось его сердце молодецкое,
Да натягивалъ онъ стрѣлочку каленую,
Подмазывалъ онъ саломъ — тымъ змѣинымъ,
Да наставилъ онъ Настасьи во бѣлы́ груди,
Да тутъ Настасьи смерть пришла.
Тутъ у ней че́рево роспластыватъ,
Вынимаетъ онъ младенца со бѣлы́хъ грудей:
По́ локоть ручки въ золоти,
По ко́лѣнъ ножки въ серебрѣ,
По коспцамъ у него часты́ звѣзды,
На всякоёй на волосиночкѣ
По скачоноей по жемчужинкѣ;
Сзади-то его печётъ-то свѣти́лъ мѣсяцъ,
Отъ очей-то пекетъ да солнце красное.
Взя́лъ Дунаюшко Ивановичъ востро́ копье,
Поставилъ востро́ копье во сыру землю тупымъ концемъ,
А востры́мъ концемъ себи да во бѣлы́ груди,
Тутъ Дунаюшко на свои́ руки по́сягнулъ:
— Гдѣ протекла Настасья рѣка,
— Тутъ протеки и Дунай рѣка! —
Тутъ Дунаюшку и славу́ поютъ.

Записано тамъ же, 6 іюля.

103.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 32).

А какъ жилъ Буславъ да девяносто лѣтъ,
Да и зуба во ртѝ нѣтъ,
Онъ со городомъ со Кіевымъ на брани не былъ,
Со матушкой каменнóй Москвой да вѣкъ не спаривалъ.
Оставалось у него да чадо милое,
Чадо милое, дитё любимое,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ.
Какъ былъ во городѣ Кіевѣ великій балъ почестный пиръ
У того у князя у Владиміра,
Онъ повыкатилъ князь зелена вина да девять бочечекъ,
Девять бочечекъ да сороковочекъ,
Пива пьянаго да й девяносто пудъ:
Были на пиру воры мужики городо-кемскіе *(такъ)*,
А й тутъ ѣли, пили, порасхвастались.
Да и тутъ повыхвасталъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,
Со своей дружиной со хороброей
Побороть Василькушку весь Кіевъ градъ,
Побороть ему вся матушка каменна́ Москва,
Со всѣми пригородкамы и со малыма.
Тутъ сдѣлали они вѣдь записи крѣпкіи,
Что завтра птти на побоище на смертное,
Биться ратиться да й ра́комъ ставиться *(такъ)*.
Пришолъ Василій къ матушкѣ съ честна́ пира
Садился на брусовую бѣлу лавочку,
Повѣсилъ онъ буйную голову
Промежъ ты свои плеча да и богатырскія,
Утупилъ онъ очи ясны во калиновъ мостъ.
Подходитъ къ нему родная матушка:
— Ай же ты молодой Василій сынъ Буславьевичъ!

— Что же ты теперь да закручинился,
— Закручинился да й запечалился?
«А й же ты родна матушка!
«Какъ же мнѣ-ка теперь не кручиниться,
«Не кручиниться да не печалиться?
«Какъ я былъ на пиру да на почестномъ у князя у Владиміра,
«Мы тамъ ѣли до́сыти, пили до́пьяна,
«А й тутъ-то мы поросхвастались,
«Я повыхвасталъ, что побороть мнѣ-ка-ва весь Кіевъ градъ,
«Побороть мнѣ вся каменна Москва,
«А й камейна Москва да й хоробра́ Литва,
«Съ своей дружиной той съ хороброей.
«Сдѣлали мы записи крѣпкія
«Съ мужиками городо-кемскима,
«Чтобъ побороть мнѣ весь Кіевъ градъ,
«Вся матушка каменна́ Москва,
«Со всѣми пригородкамы и со малыма.
«Завтра итти мнѣ на побоище короткое
«Биться и ратиться,
«На конѣ придется дыбомъ ставиться».
Тутъ Василья родна матушка
Попла питьемъ да забудущимъ,
Свела Василья въ теплу ложню спать.
Да спитъ Василій, не прохватится,
Не прохватится да й не пробудится;
Тамъ по записи да й дѣло дѣлаютъ,
Его вся дружина-то въ крови стоитъ.
Тутъ была-то у Васильюшка дѣвушка дворовая;
Ведеречько было у ней дубовое,
Коромысельцо было у ней кленовое,
Носила она Василью воду свѣжую,
Тутъ носила она Василью водушку
Сама говоритъ да таковы слова:

— Ай же ты, молодой Василій Буславьевичъ!
— Хорошо-то тебѣ было хвастать на пиру да на почестноемъ,
— Какъ нынѣче-то тебя въ пору́ не знать,
— Твоя вся дружина-та въ крови стоптъ. —
Какъ тутъ Васильюшко прохватится,
Схватился онъ за платьица та цвѣтныи,
За всѣ-то ты копья да долгомѣрные,
За сабли за тесаки за лемтячныи,
Схватился-то вѣдь онъ да и за добра́ коня,
Тутъ все у матушки да пріобряжено
Да добрый конь-то вѣдь спущенъ на поле,
Енъ въ одныхъ чулочкахъ да шелковыихъ
Повыскочилъ Васильюшко да й на широкій дворъ
Да й повыхватилъ Васильюшко телѣжну ось,
Тутъ пошолъ Васильюшко поскакивать,
На всѣ стороны телѣжной осью-то помахивать:
Да й рукой махнетъ — падетъ улица,
Другой махнетъ — падетъ переулочекъ.
Тутъ скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
Да и махалъ Васильюшко, помахивалъ.
Тутъ видитъ его дядька, крестный батюшко,
Что силы ужъ стало мало ставиться,
Поскочилъ его дядька крестный батюшко
Енъ на ту башну да й колокольнюю,
Енъ сорвалъ колоколъ до девяносто пудъ,
Надѣлъ онъ себѣ на головушку,
Идетъ-то онъ да на Обуховъ мостъ
Колокольнымъ языкомъ-то онъ подпирается,
Обуховъ мостъ да нагибается;
И онъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Пурха́лъ-то ясный соколъ, ну да й до́пурхалъ,
«Ходилъ-то добрый мо́лодецъ, ну да й до́ходилъ!»
Какъ былъ тотъ Васильюшко востёръ собой;

Подскочилъ онъ плечкомъ подъ колоколъ
Спихнулъ онъ дядьку крестнаго батюшку подъ Обуховъ мостъ;
Да й какъ былъ Васильюшко востéръ собой,
Вернулся тутъ Васильюшка да подъ Обуховъ мостъ,
Да тамъ-то ужъ дядьки крестнаго батюшки и живаго пѣтъ,
Да повыхватилъ онъ Васильюшко языкъ-тотъ колокольный,
Онъ бьетъ-то дядьку крестнаго батюшку междý уши:
«Вотъ-ти, вотъ тебѝ яичко, крестный батюшко!
«Не дано тебѝ яичко о Христови дни,
«Ты прими-тко мое яичко о Петрови-дни!»
Повыскочилъ Васильюшка да и на Обуховъ мостъ.
Тутъ еще пошолъ Васильюшко да поскакивать,
Самъ онъ говоритъ да таковы слова:
«Тутъ-то Васильюшку червленый вязъ,
«Червленый вязъ, копье долгомѣрное,
«Тутъ-то и сабля острая и палица военная!»
Пошолъ-то тутъ Васильюшко поскакивать,
На вси стороны языкомъ колокольнiимъ помахивать;
Скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
На всѣ стороны языкомъ-тымъ помахивалъ,
Какъ силушки-то стало мало ставиться.
Владиміръ князь столенъ кіевскій
Бѣжалъ-то къ его рóдной матушкѣ,
Перепрóситъ онъ да éго матушку,
Идетъ ли тутъ честнáя вдова,
Беретъ его за плечка за могучіи,
Сама говоритъ да таковы слова:
— Ай же ты рожоно мое дитятко,
— Молодой Васильюшка сынъ Буславьевичъ!
— Уходи-тко свои плечушка могучіи,
— Укрѣпи *(такъ)* сердечушко ретивое! —
«Спасибо тебѣ, рóдна матушка

«Что ты сзади́ пришла!
«Какъ бы спереди пришла,
«Такъ тамъ же ты бы́ й была:
«Расходились мои плечушки могучіи,
«Разгорѣлось-то сердечушко ретивое,
«Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да помятушился» *(такъ)*.
Беретъ его за ручки-ты за бѣлыя
Ведетъ его въ свои покои во любимыя,
Стала она его кормить поить,
Да стали они жить да быть, да все добра творить.

Записано тамъ же, 6 іюля.

XIX.

АНДРЕЙ САРАФАНОВЪ.

Андрей Васильевичъ Сарафановъ, изъ Гарницъ, Сѣнногубской волости, крестьянинъ лѣтъ подъ 50, грамотный, пользующійся извѣстностью какъ разскащикъ, помнитъ много старинъ, которыя слышалъ отъ родителей. Его дѣдъ Игнатій Андреевъ, какъ упомянуто выше (XVI), былъ великій мастеръ пѣть былины, и отъ него-то въ дѣтствѣ Сарафановъ ихъ и перенялъ. Но, сохраняя въ памяти содержаніе былинъ, онъ почти разучился пѣсенному ихъ складу; онъ передаетъ былины прозаическимъ пересказомъ и не въ состояніи выдерживать ихъ «на голосѣ». Былинамъ онъ сталъ предпочитать сказки, которыхъ считается отличнымъ знатокомъ; нѣсколько разъ онъ предлагалъ собирателю, спрашивавшему его о былинахъ, разсказать ему про Бову королевича, Еруслана Лазаревича, Англійскаго милорда и т. под. Сарафановъ былъ извѣстенъ г. Рыбникову. Сличеніе его былинъ, какъ онѣ были записаны г. Рыбниковымъ, съ нынѣшнимъ ихъ пересказомъ показываетъ въ нихъ разительный упадокъ поэтическаго склада, который можно объяснить тѣмъ, что Сарафа-

новъ, по его собственнымъ словамъ, съ лѣтами все болѣе и болѣе отвыкаетъ отъ распѣва былинъ, пріучившись передавать ихъ въ формѣ сказокъ.

104.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 4).

Ѣхалъ Илья Муромецъ въ пути въ дорожечкѣ,
Подъѣзжаетъ онъ къ деревни къ Обалковщинѣ,
Стрѣчаютъ его мужики да и Обалковски.
«Куда ты Илья Муромецъ ѣдешь, куда путь держишь?»
— Ай же вы мужички да Обалковски!
— Куда мнѣ дороженкою прямоѣзжою,
— Дороженкою прямоѣзжою да во Кіевъ градъ? —
«Ай же ты Илья Муромецъ!
«Ѣхать тебѣ окольной дорогой да много верстъ,
«А ѣхать мимо рѣченку Смородину
«Дорожкой прямоѣзжею.
«Только прямоѣзжая дороженка
«Завалилася дубьемъ да и колóденькамъ».
— Отчего сія путь дороженка прямоѣзжая
— Завалилася дубьемъ да и колоденькамъ? —
«Оттого же завалилась сія рѣченка Смородина,
«Завалилась дубьемъ да колóденькамъ,
«Что свито у Сóловья Рохманова
«Гнѣздо свито свое великое,
«Свито гнѣздо на двѣнадцати дубахъ,
«На двѣнадцати кокóтницахъ
«И на пяти поприщахъ.
«Что мимо его гнѣзда воины не проѣзживали,
«Птицы не пролетывали,
«А боялись свисту соловьинаго,

«Отъ свисту соловьинаго живы не могли́ бывать».
Илья Муромецъ и пустилъ своего коня добраго
Дороженькой прямоѣзжею,
И котора дубьёмъ колодьемъ завалилася.
Черезъ дубье коло́дье конь да перескакиваетъ,
Подъѣзжалъ Илья Муромецъ ко гнѣзду да соловьиному;
Засвисталъ-то Со́ловей Рахмановъ въ треть свисту,
У Ильи-то Муромца сталъ конь да подтыкатися,
Илья Муромецъ билъ коня по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, не слыхалъ чтоль свисту соловьинаго? —
Соловей Рахмановъ засвисталъ въ дру́гой разъ.
Отъ Со́ловья Рахманова по́свисту
Сталъ конь у Ильи Муромца гараже подтыкатися.
Илья Муромецъ билъ коня по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Не ужоль не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
— Крыку звѣринаго? —
И пустилъ коня еще шибче того;
Конь богатырскій на аршинъ сталъ землю вывертывать.
Видитъ тутъ Со́ловей Рахмановичъ,
Что ѣдетъ сильной храброй воинъ подъ гнѣздо соловьиное,
И Со́ловей Рахмановъ засвисталъ во весь свистъ;
И отъ свисту соловьинаго
Лѣса дремучіи пошатался,
Подъ Ильей Муромцемъ конь на колѣнка палъ.
И розсердился Илья Муромецъ на своего коня богатырскаго,
Билъ коня еще рѣзвѣе по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
— Крыку звѣринаго? —
И еще того сильнѣе пустился подъ гнѣздо соловьинос
И Соловей Рахмановъ высунулъ изъ гнѣзда своего буйну голову.

И натягивалъ Илья свой лукъ крѣпкіи,
Накладывáлъ стрѣлу каленую,
И стрѣлúлъ онъ Сóловья Рахманова,
И стрѣлилъ ему прямо въ правый глазъ,
И вышибъ у него правый глазъ,
И выпалъ Соловей Рахмановъ на сыру землю.
И пристягнулъ его Илья Муромецъ къ стремени булатному
И отправился впередъ путемъ дороженькой.
И случилось Ильи Муромцу ѣхать мимо мызы Сóловья Рахманова.
Зятовья и смотрятъ съ мызы этой Соловья Рахманова,
И говорятъ женамъ своимъ:
«И нашъ татенька ѣдетъ Сóловей Рахмановичъ,
«И у стремени мужикá везетъ».
Смотрятъ его дочери любимыи:
— Не татенька нашъ ѣде, мужика везетъ,
— А мужикъ ѣде, татеньку у стремени. —
И скоренько онѣ одѣвали свою одежду хорошую,
Выходили на шúрокъ дворъ,
Отпирали свои ворота крѣпкіи нáстежо *(такъ)*,
И подымали подворотню на цѣпяхъ
Да въ восемьдесятъ пудовъ,
И просили Илью во почестное во гостéбище.
Илья Муромецъ глянулъ на нихъ шúроки ворота
И види Илья Муромецъ — есть фальша великая,
И проскакалъ Илья Муромецъ мимо путемъ дороженькой
И прямо онъ во Кіевъ градъ.
И пріѣзжаетъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ,
Промéжъ заутреней и обѣдней,
И идетъ онъ ко службѣ во Божью́ церковь,
И ведетъ съ собой Сóловья Рахманова.
И простояли оны обѣдню во Божьéй церквы,
И выходитъ весь народъ отъ обѣдни, православныи

И смотрятъ и дивятся, что привезъ Илья Муромецъ Со-
ловья Рахманова.
Выходитъ Илья Муромецъ изъ Божьей церкви съ Соловьемъ
Рахмановымъ
И говоритъ онъ Соловью Рахманову:
«Ай же ты Соловей Рахмановичъ!
«Засвищи-ко ты въ треть свисту соловьинаго».
Тутъ Соловей Рахмановъ не послушалъ Ильи Муромца,
Не засвисталъ да въ треть свисту,
А засвисталъ да въ весь свистъ да соловьиный.
И отъ свисту соловьинаго,
Весь народъ да палъ о сыру землю
И словно какъ мертвы лежатъ,
И отъ свисту соловьинаго вси домы пошатался.
И на это розсердился Илья Муромецъ,
Что не послушалъ Соловей Рахмановичъ
Что онъ велѣлъ засвистать въ треть свисту соловьинаго,
А засвисталъ да въ весь свистъ да соловьиный,
И за то взялъ, Соловью Рахманову
Отсѣкъ Илья Муромецъ буйну голову.

Записано на Лемковѣ, 3 іюля.

105.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Наѣхалъ царь Калинъ подъ Кіевъ градъ,
Подъѣхалъ подъ князя подъ Владиміра,
И посылаетъ онъ посла своего вѣрнаго
Къ солнышку ко Владиміру стольнё-кіевскому:
«Ты очисти широки улицы стрѣлецкіе
«И большіе домы княженецкіе,
«Постоять тутъ царю Калину

«Со своею силушкой любимою».
Тутъ Владиміръ князь усумнился есть
И запечалился,
Сдѣлался невеселъ, буйну головку повѣсилъ.
И пріѣзжаетъ къ нему старой казакъ Илья Муромецъ,
Отпираетъ онъ двери-тыя на́ пяту,
Входитъ онъ въ полату бѣлокаменну,
Крестъ онъ кладетъ по писа́ному,
Поклон-отъ ведетъ по учёному,
На вси да на четыре стороны поклоняется,
Еще Владиміру князю стольно-кіевскому,
Владиміру князю со княгиною въ особину.
Потомъ онъ прогово́рилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
— Полюби-ко мое слово что я тебѣ го́ворю.
— Насыпь-ка мису́ да чиста се́ребра,
— Другую мису́ да скачна жемчуга,
— Третью мису́ да краспа золота,
— И станемъ мы просить да на три мѣсяца
— Строку у царя у Калина
— Очистить улицы стрѣлецкіе,
— Большіе домы княженецкіе. —
Потомъ отвезъ старый казакъ Илья Муромецъ
Эти подарки царю Калину,
И царь Калинъ ты подарки припялъ
И далъ строку на три мѣсяца.
Потомъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Поворотился на гору на Латынскую,
Гдѣ тамъ стоятъ воины кіевскіе,
Тридцать воиновъ безъ воина,
Стоятъ на горы́ на Латынскія.
Пріѣзжаетъ ко князю ко Владиміру
Его ро́дный племянничекъ,
Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ.

Идетъ онъ въ полату со прихваткою,
Со прихваткою не съ упадкою,
И отпираетъ онъ дверь да на́ пяту:
«Здравствуй солнышко Владиміръ князь!
«Что же ты сидишь невеселъ,
«Что же ты буйну голову повѣсилъ?»
— Ай же младый Ермакъ да Тимофеевичъ!
— Чего же мнѣ веселитпся?
— Когда во Кіевѣ была добра́ пора,
— Тогда во Кіевѣ было защитчиковъ,
— Защитчиковъ и заступчиковъ,
— А какъ стало во Кіевѣ недобра́ пора,
— Такъ нѣтъ во Кіевѣ защитчиковъ,
— Защитчиковъ и заступчиковъ. —
Отвѣчае младый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь,
«Родный мой дядюшка!
«Дай же-ко мнѣ благословеньице,
«Благословеньице и прощеньице
«Выѣхать ко царю ко Калину,
«Во тую силу во поганую,
«Попробовать своихъ плечъ богатырскіихъ».
Отвѣчаетъ солнышко Владиміръ князь:
— Ай же ты родный мой племянничекъ,
— Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
— Ты есть младёшенекъ, ты есть глупёшенекъ,
— Прервешь свою силу богатырскую,
— И убьютъ тебя татара да поганые.
— Не дамъ я тебѣ ни благословенья ни прощенья. —
Говоритъ мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Ай же ты дядюшка мой ро́дныій,
«Солнышко Владиміръ князь!
«Дай же ты мнѣ свое благословеньице,
«Благословеньице и прощеньице,

«Повыѣхать на горушку Латынскую,
«Гди свои воины тридцать безъ воина стоитъ».
Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской
Далъ свое благословенье и прощеньице
Повыѣхать на горушку Латынскую.
Отправился мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ
На тую-то на гору на Латынскую,
И поѣхалъ онъ да во чисто́ поле.
Пришло двѣ пути дороженьки:
Одна на гору-ту Латынскую,
А другая къ царю Ка́лину во чисто́ поле.
И младой Ермакъ да Тимофеевичъ
Перекрестилъ свои глаза да на востокъ итти:
«Не поѣду я на гору на Латынскую,
«А поѣду я во силу во поганую,
«Попробую я своихъ плечъ богатырскіихъ,
«Храбрости своея молодецкоей».
И подъѣзжаетъ онъ къ царю Калину,
Ко силы ко поганоей.
Не ясёнъ соколъ напускается
На гусей лебедей, на сѣрыихъ малыихъ уточекъ,
На татаръ да на поганыихъ
Напущается Ермакъ Тимофеевичъ.
Ѣдетъ онъ — улица́ валитъ,
Све́рнетъ — переулочкой.
Бьетъ, а вдвоёмъ втроемъ конёмъ топчетъ,
И силу у царя Ка́лина вало́мъ валитъ.
Потомъ глядятъ съ этой горы со Латынскія
Свои воины кіевскіе.
И проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
— Что больше некому выѣхать со Кіева,
— Какъ новыѣхалъ мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ.
— Прирветъ онъ свою силу богатырскую,
— Убьютъ его татара да поганыи. —

Посылаетъ онъ смѣлаго Алешу да Поповица:
— Ай же ты смѣлый Алеша да Поповицъ!
— Упрашивай ты млада Ермака Тимофеевича
— Словамы ласковыма,
— И накидывай ты на него да храпы[1]) бѣлые,
— И подтягивай его ко бѣлóй груди,
— Чтобы укротилъ свое сердце богатырское,
— И проси-ка ты его словами ласковыма:
— Ай же ты мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
— Ты позавтракалъ, дай же мнѣ и пообѣдати.—
У Ермака да Тимофеевича
Розгорѣлось сердце богатырское,
Прирвалъ его храпы бѣлые,
А еще этого сердитѣе поѣхалъ
Валять въ силу поганую.
Усмотрѣлъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Что прервалъ Ермакъ храпы бѣлые:
— Прерветъ свою силу богатырскую,
— Убьютъ его татара да поганые. —
Посылаетъ онъ Добрынюшку Микитича,
Старый казакъ Илья Муромецъ
Посылаетъ во силу во поганую:
— Поѣзжай-ко ты во силу во поганую,
— Подъѣзжай-ко ты ко мла́дому Ермаку да Тимофеевичу,
— И накидывай на него да храпы бѣлые,
— И подтягивай его ты ко бѣлóй груди,
— И упрашивай его словами ласковыми,
— Чтобы укротилъ свое сердце богатырское. —
И какъ накинулъ онъ храпы бѣлые
И подтянулъ его ко своей бѣлой груди,
То младый Ермакъ да Тимофеевичъ,

---

1) По объясненію Сарафанова, *храпы* значитъ руки, но не въ смыслѣ кисти руки, а всей руки отъ плеча.

Пирвалъ его да храпы бѣлые,
А еще этого сердитѣе поѣхалъ
Рубить татаръ да и поганыихъ.
Въ это же время смотритъ старый казакъ Илья Муромецъ
И видитъ, что прерветъ Ермакъ Тимофеевичъ
Свою силу богатырскую:
— Не могли тыи вопны укротить его храбрости. —
Потомъ обсѣдлалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Своего добраго коня,
И отправился во силу во поганую
Къ царю Калину.
Подъѣзжаетъ онъ къ младу Ермаку да Тимофеевичу,
Накинулъ онъ свои да и храпы бѣлые
Старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ!
— Укроти-ка свое сердце богатырское,
— Ты же сегодня вѣдь позавтракалъ,
— Ты же сегодня да и пообѣдалъ,
— Такъ дай-ка ты мнѣ хоть па́ужинать,
— Побить да и татаръ да поганыихъ. —
То мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ
Прервалъ у стары' казак' *(такъ)* Ильи Муромца,
Прервалъ его храпы бѣлыи.
То ѣдетъ мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ,
Ѣдетъ со лѣвыя фланки,
Сколько ни бьетъ, а вдвоёмъ втроёмъ копёмъ топчётъ;
А потомъ поворотился старой казакъ Илья Муромецъ
Съ правая фланки.
Ѣдетъ онъ — улицей,
Пове́рнетъ — переулочкомъ,
Вало́мъ валитъ силу невѣрную,
Сколько ни бьетъ, а вдвоёмъ втроёмъ конёмъ топчетъ.
И прибили они всю силу у царя у Калина,
Всю силушку поганую.

То царь Ка́линъ и выкинулъ ихъ подарки
Три мисы́: одну съ се́ребромъ,
Другу съ жемчугомъ, а третью съ краснымъ золотомъ,
И самъ на охоту шолъ
На уѣздъ въ свою сторону,
Не́ попалъ заѣхати во Кіевъ градъ.
Всѣ поѣхали во Кіевъ градъ
Всѣ сильныи могучіи бога́тыри.
И солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Встрѣчаетъ со радостью великою,
Со радостью и веселіемъ,
А въ особину мла́да Ермака да Тимофеевича.

Записано тамъ же, 3 іюля.

106.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Наѣхало Идо́лище поганое,
Наѣхало на Кіевъ градъ,
И весь хочетъ градъ пожрать.
И принялъ солнышко Владиміръ князь его во Кіевъ градъ,
Во свои да во полаты бѣлокаменны,
И кормилъ его поилъ и досыта,
По волу ему жаркое жарили.
И сидитъ онъ за трапезой, жаркова кушаетъ.
Приходитъ во ту пору во то́ время
Старый казакъ Илья Муромецъ,
И говоритъ онъ таковы слова:
«Была у крестьянина свинья да и обжорлива,
«Много ѣла да она лопнула».
И отвѣчаетъ-то обжорище поганое:
— Ничего я больше не желаю, кабы мнѣ Ильюшу повидать,
— И никого я не боюсь, только Илью бы посмотрѣть. —

А онъ стоитъ напротивъ у стола,
Отвѣчаетъ Идóлищу поганому:
«Гляди-ко на меня, такой же Илья».
Онъ говоритъ Идóлище поганое:
— Коли Илья таковъ, что за воинъ и за рыцарь есть?
— На долóнь клану, другой прижму и буде плюсень. —
Илья въ это время розсердился,
Со своей головы киверъ свернулъ,
И въ Идолище поганое махнулъ,
И съ него голову свернулъ, пристѣнокъ выломилъ;
Только Идолище поганое и живъ бывалъ,
Только и живъ бывалъ, только Ильи́ видалъ.

Записано тамъ же, 3 іюля.

107.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Былъ-то Добрынюшка при времени,
И онъ-то у стольнаго у Владимíра
Былъ онъ три года да во стольникахъ,
И потомъ-то вѣдь Добрынюшка проштрафился
По наговору да по богатырскому.
И взялъ-то вѣдь солнышко Владимíръ князь,
Приказалъ посадить Добрынюшку во темницы да во крѣпкíи,
И сидѣлъ Добрынюшка во темницахъ во крѣпкíихъ,
Годъ сидѣлъ Добрынюшка и три мѣсяца.
Прознала его маменька
Честна́ вдова Офимья Александровна,
И приходитъ она къ солнышку ко князю ко Владимíру,
Отпираетъ она дверь-то да на́ пяту,
И заходитъ она во полату бѣлокаменну;
Крест-отъ она кладетъ по писа́ному,
Поклон-отъ она ведетъ по учёному,

На всѣ на четыре стороны поклоняется,
'Ще стольнё-кіевскому князю Владиміру
Со княгиною въ особину:
«А 'ще ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Зачѣмъ же ты посадилъ моего рожонаго дитятка
«Во тыи во темницы да во крѣпкіи?
«Не состоитъ на немъ никакой вины».
И отвѣчае солнышко Владиміръ князь:
— Ай же ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
— Повыпущу твоего сына Добрынюшку Микитинца
Со темницъ да и со крѣпкіихъ. —
И отправилась честна̀ вдова Офимья Олександровна
Въ свои-то вѣдь полаты бѣлокаменны.
И солнышко Владиміръ князь
Собралъ да своихъ князей бо́яровъ,
Всѣхъ могучіихъ бога́тыревъ,
Дума думати, куда бы Добрынюшку отправити,
Чтобы Добрынюшки да живу не́ бывать.
И думали всѣ́ князи бо́яра думу крѣпкую,
И прого́ворилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Послать Добрынюшку Микитинца во Литву во поганую,
«Во Литву поганую ко ко́ролю Литовскому
«Повыправить дань да за двѣнадцать лѣтъ».
Это слово князю и понравилось,
Велѣлъ потребовать Добрынюшку.
И приводятъ Добрынюшку ко князю ко Владиміру.
— Ай же ты Добрынюшка Микитинецъ!
— Тебя въ той вины прощу во первоей, —
— Съѣзди ты во Литву во поганую
— Повыправь-ко ты дань за двѣнадцать лѣтъ. —
Сдѣлался Добрынюшко невеселъ,
Отправился въ свои полаты бѣлокаменны,
Ко своей родной маменькѣ

Къ честно́й вдовы Офимьи Олександровнѣ,
И къ молодой женѣ Настасьѣ Николаевнѣ.
И встрѣчаетъ его съ радостью честна́ вдова Офимья Олександровна
Своего рожонаго дитятко.
Онъ ночевалъ въ своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ
Съ молодой женою Настасьею Николаевной,
По утру сталъ собираться въ путь дороженку
И своей онъ молодой жены наказывалъ:
«Ай же ты молода жена Настасья Николаевна!
«Жди-тко ты меня да со чиста́ поля первый годъ поры;
«Исполнится первой годъ поры, жди-тко ты меня другой годъ поры;
«Исполнится это времячко два́ году,
«И жди-тко ты меня третій годъ поры.
«Исполнится это времячко три годы;
«И жди-тко ты меня Настасья Николаевна,
«Жди-тко ты меня еще три́ года.
«Исполнится это времечко шесть лѣтъ вѣдь-то,
«И жди-тко ты меня со чиста́ поля
«Еще жди меня три года.
«Исполнится это времечко девять лѣтъ
«И жди-тко меня со чиста поля
«Еще жди меня три года
«Исполнится всему времечки двѣнадцать лѣтъ,
«Въ это же время молода жена Настасья Николаевна,
«Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ пойди,
«Только не ходи-ко ты за смѣлаго за Олешу за Поповица,
«За роднаго за племника
«За князя за Владиміроваго,
«За бабьяго насмѣшника».
Тутъ Добрынюшка Никитинычъ
Сталъ направляться въ путь дороженку,
Обсѣдлалъ своего коня да богатырскаго.

И только-то онъ сказалъ: «Прощай-ко ты моя маменька,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна!»
И видили добра мо́лодца сядуци,
И не видили добра мо́лодца поѣдуци.
Поѣхалъ добрый молодецъ не воротамы,
Скакалъ его добрый конь стѣною городовою,
И поѣхалъ онъ изъ орды въ орду,
Въ погану Литву ко ко́ролю Литовскому,
И ѣхалъ онъ въ одну сторону
Добрынюшка Микитинецъ ровно три году,
И подъѣхалъ онъ подъ Литву да подъ поганую,
И сталъ онъ во Литвы да поѣзживать
Сталъ онъ во Литвы да и куражиться,
Сталъ онъ татаръ да поколачивать,
Дани за двѣнадцать лѣтъ попрашивать.
И ѣздилъ-то Добрынюшко много времени во чисто́мъ поли,
Дань-то ему почастехонько попашивали,
И стало исполняться это времечко двѣнадцать лѣтъ.
И въ это же время ему прого́ворилъ сущій-вѣщій конь,
Прого́ворилъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же ты Добрынюшка Микитинычъ!
— Насыпай-ко коню пшены́ да бѣлояровой,
— Корми-тко ты коня да и до́сыта;
— Есть надъ тобой незгодушка не малая,
— Немалая незгода, великая:
— Твоя да молода жена заму́жъ пошла
— За смѣлаго Олешу за Поповица.
— Солнышко Владиміръ князь письмо-то вѣдь составилъ
— Представилъ честно́й вдовы Офимьѣ Олександровны:
— Добрынюшка во чисто́мъ полѣ лежитъ, головушка отсѣчена. —
Какъ накормилъ коня да пшеной бѣлояровой,
Ставалъ поутру да и ранешенько,
Умывался онъ бѣлешенько,

Обсѣдлалъ своего коня да богатырскаго,
И отправился Добрынюшка въ свою сторону
Со Литвы да со поганыя.
Ѣхалъ въ тую сторону ровно три году,
А взадъ такъ онъ представилъ въ трои суточки.
И пріѣзжаетъ онъ прямо къ честно́й вдовы
Къ Офимьѣ Олександровны.
Приходитъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
Отворяетъ онъ двери на́ пяту:
«А здравствуешь честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Добрынюшка теби да низко кланялся».
Отвѣчаетъ, слезно плачетъ,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна:
— Почему же ты знаешь моего родимаго дитятка?
— Мое дитятко лежитъ да во чисто́мъ полѣ,
— Буйна головка отсѣчена. —
Онъ да отвѣчаетъ таковы слова:
«Ай же ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Трои суточки какъ мы съ Добрынюшкой да порозъѣхались,
«Добрынюшка теби да низко кланялся».
Потомъ и говоритъ онъ таковы слова:
«Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
«Подай-ка ты гуселушка яровчаты,
«Добрынюшкино платьице коморовчато *(такъ)*».
Потомъ вѣдь честна вдова Офимья Олександровна и поросплакалась:
— Если бы не во живности остался Добрынюшка Никитинычъ,
— Такъ не зналъ бы онъ спросить про платьице коморовчато,
— Про гуселушка яровчаты. —
И взяла честна вдова Офимья Олександровна свои ключи
И сходила во по́гребы глубокіи,
И принесла она платьице коморовчато
И гуселушка яровчаты,
И подала она той малой коморошины.

Малой коморошина надѣлъ свое платьице коморовчато
И взялъ онъ гуселышка яровчаты,
И садился онъ да на добра́ коня,
И поѣхалъ онъ да на почестной пиръ.
И пріѣзжаетъ малый коморошина
Ко солнышку князю ко Владиміру,
Идетъ онъ во полаты бѣлокаменны,
Идетъ-то не съ упадкою, идетъ съ прихваткою богатырскою,
Отпираетъ онъ двери-то да на́ пяту,
Крест-отъ онъ кладетъ да по писа́ному,
А поклон-отъ ведетъ да по учёному,
На всѣ да на четыре стороны поклоняется,
А 'ще солнышку Владиміру да въ особину:
«Солнышко Владиміръ князь, дай ты малой коморошинѣ
«Мѣстечко поиграть во гуселышка яровчаты».
Солнышко Владиміръ князь отвѣчаетъ онъ да таковы слова:
— Перво ти мѣстечко возли́ меня,
— Другое ти мѣстечко супротивъ меня,
— Третье-то мѣстечко на пе́ченькѣ земля́ноей. —
Какъ ему отвели мѣстечко на пе́ченькѣ земляноей,
И скочилъ малый коморошина на пе́ченьку земляную,
И сталъ онъ во гуселушка яровчаты поигрывать,
Всихъ да на пиру и изве́селилъ,
И всихъ да на пиру игрой да утѣшилъ вѣдь.
И солнышко Владиміръ князь подходитъ къ печенькѣ земляноей,
Наливаетъ ему чару зелена́ вина,
И чара не мала не велика,
Мѣрой чара полтора ведра,
А вѣсомъ чара полтора пуда;
Бралъ-то вѣдь малый коморошина
Сію чару да одной рукой,
Выпивалъ-то онъ одны́мъ духомъ.
И скочилъ-то малый коморошина со пе́ченьки земляноей

И сталъ онъ по мостиночкамъ поступывать,
Стали мостиночки полапывать,
Подкладенки потрескивать,
И сталъ онъ малый коморошина да выговаривать:
«Былъ я во Литвы да во поганоей,
«Повыправилъ я дань да за двѣнадцать лѣтъ».
Потомъ на пиру вси да испугалися:
— Вѣрно пріѣхалъ Добрыня со чистá поля:
— Не бывать намъ на пиру никомý живымъ. —
А сталъ Добрынюшка съ мостиночки на мостиночку поступывать,
Стали мостиночки полапывать,
И говоритъ онъ таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Налей-ко ты мнѣ чару зелена вина».
И солнышко Владиміръ князь испугался самъ,
Что походочка его да некрасивая.
И говоритъ онъ таковы слова:
— Ай же ты малый коморошина!
— Наливай-ко ты чару своёй рукой
— И розводи-ка медами да стоялыми. —
Тотъ малый коморошина налилъ чару зелена вина,
И подноситъ молодой женѣ Настасьѣ дочь Миколаевнѣ:
«Выпей-ко ты чарочку до дна, такъ увидаешь ты добра.
«Чарочка ни мала ни велика,
«Мѣрой полтора ведра,
«Вѣсомъ полтора пуда.
«Пей сію чару до дна, увидаешь добра,
«Не пьешь чару до дна, такъ не видать тебѣ добра».
Она брала чарочку одной рукой,
Выпивала чарочку одны́мъ духомъ,
И подняла съ сей чарочки злаченъ перстень,
Которымъ она съ Добрынюшкой обручалася.
Она гóворитъ таковы слова:

— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— Не тотъ мой мужъ, который возли́ меня,
— Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня. —
Вси-то на пиру да испугалися:
«Вѣрно Добрынюшка пріѣхалъ да во живности».
А тутъ-то Добрынюшка Никитиничъ
Взялъ-то смѣлаго Олешу Поповича
За желты́ кудри,
И поднялъ онъ выше своей буйныя го́ловы,
И хочетъ спустить его о полы да о дубовыи.
То старый казакъ Илья Муромецъ
Накинулъ онъ свои храпы бѣлыи:
— Оставь-ка ты у насъ Олешеньку во живности. —
Тутъ Добрынюшка спустилъ его о пола̀ да о дубовыи.
Только смѣлый Олеша Поповичъ и женатъ бывалъ,
Только женатъ бывалъ и съ женой живалъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

108.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. III, 21).

Выходитъ солнышко Владиміръ князь
И го́воритъ своимъ да князьямъ бо́ярамъ:
«Солнышко у насъ на ве́черѣ,
«Почестный пиръ прошолъ на весели,
«Всѣ же вы добры мо́лодцы
«У меня вы да вѣдь пожѐнены,
«Одинъ-то я вѣдь солнышко Владиміръ князь
«Холостъ есть, не женатъ хожу.
«Изберите-ка мнѣ невѣсту супротивъ меня
«Возростомъ и волосомъ;

«Походочка у ней чтобы была павлиная,
«Разговоръ чтобы былъ лебединый,
«Очи былѝ бы ясна сокола,
«Брови черна соболя.
«Собирайтеся-ко вси мои князи бóяра,
«Вси мои да подколѣнные,
«Подколѣнные и пóдданные мои».
И собиралися вси князи бóяра,
Сильнiи могучiи богáтыри,
И думаютъ они да думу крѣпкую,
Кого послать во чужу орду.
Потомъ предъявляе имъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Некого намъ послать, какъ послать тихiй Дунай да сынъ Ивановичъ;
— У кóроля Литовскаго былъ да онъ во кóнюхахъ,
— Былъ во конюхахъ двѣнадцать лѣтъ,
— Онъ бывалъ въ чужихъ земляхъ, видалъ чужихъ людей.—
Отправили его во чужу орду,
Дали помощника Добрынюшку Микитинца.
И тутъ-то они да добры мóлодцы
Сѣдлали своихъ коней да богатырскiихъ,
И видѣли добрыхъ мóлодцевъ сядуци,
А не видѣли добрыхъ молодцевъ поѣдуци;
Поѣхали они да не въ воротами,
Скакали кони богатырскiи
Черезъ стѣну городовую.
Поѣхали изъ орды въ орду, изъ земли въ землю,
И подъѣзжаютъ они подъ королевство Литовское,
И въѣзжаютъ они въ королевство Литовское,
Прямо къ кóролю Литовскому,
И встрѣчаетъ ихъ кóроль Литовскiи.
И отвѣчаетъ тихiй Дунай сынъ Ивановичъ:
«Мы за добрымъ за дѣломъ прiѣхали за свáтовствомъ».
И встрѣтилъ кóроль Литовскiй во почестное гостéбище.

И отвѣчаетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
«Ай ты король Литовскій!
«Пріѣхали мы къ тоби свататься,
«Только твоей большоей дочери Настасьи королевичны не надо,
«А отдай-ко за солнышко за князя Владиміра
«Меньшую дочь Марью королевичну».
На то король Литовскій розсердился,
И розгорѣлось его сердце богатырское,
И скрычалъ своимъ подданнымъ громкимъ голосомъ:
— Оберите-тко тихій Дунай сынъ Ивановичъ,
— И Добрынюшка Никитича въ крѣпкое мѣсто. —
А они добры молодцы не зѣвали,
Они добрыхъ коней сѣдлали,
И на татаръ на поганыхъ да напустилися.
Кóроль Литовскій смотритъ во чистое поле, —
Мало у него да татаръ становится.
И скрычалъ да онъ громкимъ голосомъ:
— Ай же ты тихій Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Оставь-ко мнѣ татаръ да и на сѣмена,
— Бери-ко мою любимую да мéньшую дочерь
— За солнышка за князя за Владиміра. —
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Да Добрыня Никитиничъ
Прекратили свое сердце богатырское,
И подъѣзжаютъ они къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Берутъ-то не съ упадкою, а берутъ-то со прихваткою,
Со прихваткою богатырскою.
И отправились они въ свою сторонку
Съ тою Марьею королевишной *(такъ)*,
И ѣхали они далече ль близко ль чистымъ полемъ,
И наѣхали слѣдъ рыцаря сильнаго,
Сильнаго и храбраго.
И тутъ же говоритъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ,

И говоритъ онъ да таковы слова:
«Ай же ты Добрыня Микитиничъ!
«Поѣзжай-ко ты съ Марьею королевишной
«Во Кіевъ градъ ко Владиміру,
«А я остануся во чистомъ полѣ,
«Что за рыцарь выѣхалъ прежде насъ».
И распростились они тутъ, и тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Отправился этимъ слѣдомъ богатырскіимъ,
А Добрынюшка Микитиничъ во Кіевъ градъ.
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Наѣхалъ рыцаря во чистóмъ поли,
И они съѣхались въ одно мѣсто
Два сильныихъ могучіихъ богáтыря,
И сдѣлали они разъѣздъ во чистóмъ полѣ,
Попробовать своихъ плечъ богатырскіихъ
И храбрости своей молодецкоей,
Ударились палицамп булатными,
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Едва на конѣ усидѣлъ,
Розъѣхались опять во чистóмъ полѣ
И съѣзжаются опять въ одно мѣсто,
Какъ двѣ горы скатываются,
И ударили они палицами булатными,
Такъ аки громъ грянулъ.
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Сразу того рыцаря изъ сѣдла вышибъ,
И палъ на сыру́ землю,
И самъ наступилъ на круты бедра,
И прижалъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Тупымъ концемъ копья ко сырой земли,
И сталъ его спрашивать:
«Какова́ ты есть роду племени,
«Какого отца матери?»
А онъ рыцарь отвѣчаетъ:

— Если бы я сидѣлъ на твоихъ бѣлы́хъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ бы роду племени,
— А пласталъ бы твои груди бѣлыя. —
Такъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Не пластаетъ грудей бѣлыихъ,
А опять спросплъ рыцаря:
«Какова́ ты есть роду племени,
«Какого отца матери?»
Она отвѣчаетъ:
— Я есть Настасья королевична,
— Короля Литовскаго дочь. —
Опустился Дунай сынъ Ивановичъ съ добра́ коня
И бралъ ее Настасью за бѣлы́ руки,
И цѣловалъ ю въ сахарни́ уста.
И сѣли они на коней богатырскіихъ
И отправились они во Кіевъ градъ.
И пріѣхали они во Кіевъ градъ,
На пиръ поспѣли къ князю стольне-кіевскому.
Тутъ они на пиру да напивалися,
Тутъ они на пиру да наѣдалися,
Тутъ они да порасхвастались:
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ похвасталъ,
Что мастеръ въ стрѣлочку стрѣлять,
А прекрасная Настасья королевична отвѣчаетъ ему:
— Ай же тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
— Если стрѣлочку стрѣлишь, пере́стрѣлишь,
— Либо стрѣлочку стрѣлишь, не до́стрѣлишь,
— А я стрѣлю́ не пере́стрѣлю. —
Потомъ они выѣхали въ чистое поле
И положили цѣль куды стрѣлять.
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Первой разъ стрѣлилъ, пере́стрѣлилъ,
А другой разъ стрѣлилъ, не до́стрѣлилъ;
А она натягивала свой ту́гой лукъ,

Положила стрѣлочку каленую,
Она стрѣли́ла не перестрѣлила.
Потомъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ разсердился,
Розгорѣлось его сердце богатырское,
Соскочилъ онъ съ коня богатырскаго
И схватилъ онъ Настасью королевичну съ коня да богатырскаго,
Бросилъ о сыру землю,
И заводитъ пластать да груди бѣлыи,
Она и смолилась:
— Ай же ты тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не пластай ты моихъ грудей бѣлыихъ,
— Я тебѣ въ эвтомъ брюхѣ принесу трехъ сыновъ,
— По колѣнушки въ се́ребри,
— По локо́точки въ золоти.
— И по косицамъ частыи звѣзды,
— А сзади у нихъ свѣте́лъ мѣсяцъ,
— А во лби красное солнышко. —
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ —
Розгорѣлось его сердце богатырское,
И пласталъ ей груди бѣлыи.
Какъ роспласталъ ей груди бѣлыи,
Вынялъ оттель трехъ младенцевъ:
По колѣнушки въ се́ребри,
По локо́точки въ золоти,
И по косицамъ частыи звѣзды,
И сзади у нихъ свѣте́лъ мѣсяцъ,
А во лби красное солнышко.
Поставилъ копье тупымъ концемъ въ землю,
А на вострый конецъ самъ грудью палъ.
Отъ Дунаевой крови и Настасьиной крови
Протекло тутъ двѣ рѣки:
Дунай рѣка и Настасья рѣка.

Записано тамъ же, 4 іюля.

109.

СТАВЕРЪ.

Во городѣ во Кіевѣ,
У солнышка князя у Владиміра
И былъ почестенъ пиръ на весели.
А будетъ день на вечерѣ,
Вси на пиру да напивалися,
Вси же на пиру да наѣдалися,
Вси же на пиру да поросхвастались:
Умной-отъ хвастаетъ матушкою,
А иный-отъ хвастаетъ имѣніемъ богатствомъ,
Иный хвастаетъ плечомъ да богатырскіимъ,
А безумный-отъ похвасталъ молодой женой.
А сидитъ же тутъ Ставеръ да Стогодиновичъ,
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!
«Что же ты сидишь не хвастаешь?»
— Чимъ мни-ка-ва да добру молодцу похвастати?
— И у добра молодца добры конюшки не ѣздятся,
— И у добра молодца цвѣтны платьица не носятся,
— У добра молодца золота казна не тащится *(такъ)*. —
Опять же Владиміръ князь
Говоритъ ему таковы слова:
«Отчего же у тебя золота казна не тащится?»
— Оттого у меня золота казна не тащится,
— Что сорокъ заводовъ со заводами. —
«Отчего же у тебя цвѣтно платье не носится?»
— Оттого у меня цвѣтно платье не носится,
— Что каждый день да платье смѣнное. —
«Отчего же у тебя да добры конюшки не ѣздятся?»
— А оттого у меня добры конюшки не ѣздятся,
— Сорокъ кобылъ со кобылою
— Каждый годъ приносятъ по жеребчику.

— Есть у добра молодца молода́ жена,
— Настасья дочь Микулична;
— Всихъ князей да бо́яровъ да она вѣдь повымапитъ,
— Солнышка Владиміра князя и съума сведетъ. —
Тутъ ли солнышко Владиміръ князь
Скричалъ да громкимъ голосомъ:
«Ай же мои сильніи могучіи бога́тыри,
«Вси же мои князья да подколѣнныи!
«Возьмите-ка Ставра да Стогодинова,
«Отведите его во темницы бѣлокаменны,
«Пущай-ка тамъ Ставeръ да обумѣется,
«Пущай-ка тамъ да образумится».
И взяли Ставра да Стогодинова,
Посадили во темницу бѣлу каменну,
И сидѣлъ Ставeръ да Стогодиновичъ.
Познала его молода жена,
Настасья дочь Микулична,
Она подстригла свои волосы по-му́жечки,
И окрутилась она да по-рыцарску *(такъ)*,
И обсѣдлала она коня да богатырскаго,
И взяла она палицу булатную, доспѣхи крѣпкіе,
И пріѣхала она въ стольной Кіевъ градъ,
И прямо она ко солнышку ко Владиміру,
Ко Владиміру князю стольне-кіевскому.
— Ай же ты солнышко князь стольне-кіевскій!
— Я пріѣхалъ вѣдь къ тебѣ за добрымъ дѣломъ за сва́товствомъ:
— Отдай-ка ты дочку за меня за храбраго за рыцаря. —
Солнышко Владиміръ принимаетъ во гостѐбищо во почестное,
И хочетъ кразу просватать свою дочь возлюбленную;
Приходитъ дочь къ нему въ полату бѣлокаменну:
«Ай ты мой батюшко возлюбленный,
«Солнышко Владиміръ князь!
«Не отдай-ко ты дѣвчину да за женщину,

«Не надѣлай-ко смѣху по всёй Руси».
Опять же Владиміръ князь стольне-кіевскій:
— Ахъ дочь моя возлюбленна!
— Какъ же не отдать тебя за рыцаря,
— За эдакаго за витязя? —
«Я замѣтила сего рыцаря:
«Есть дѣвчина либо женщина,
«На рукахъ златы перстни но́шены».
Опять говоритъ солнышку Владиміру:
«Ай же татенька мой возлюбленный!
«Надо узнать, его въ спальню позвать.
«Какъ онъ въ спальней проспитъ на пуховой постелѣ,
«Можно узнать, мужчина али женщина:
«Если мужчина — подъ грудмы́ яма будетъ,
«Если женщина, такъ подъ жопою».
Потомъ потребовалъ сего рыцаря
Солнышко Владиміръ князь опочивать въ спальнюю.
Онъ съ радостью идетъ опочивать,
Поутру онъ вставалъ раненько
И стряхнулъ свою постелю пуховую;
Потомъ умывался онъ бѣленько,
И выходилъ изъ сей спальней изъ палаты,
И отдалъ благодарность солнышку князю Владиміру
На теплоемъ ночлегѣ, на мяккоей постелѣ,
И поѣхалъ сей рыцарь въ чистое поле прогуливаться.
И въ эвто же время княжеская дочь возлюбленна
Кинулась она во спальнюю,
А на постели узнать нельзя:
Мущина ли почивалъ, али женщина?
Сей рыцарь пріѣзжаетъ со чиста́ поля
Опять за тымъ же добрымъ дѣломъ за сва́товствомъ.
Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Хочетъ просватать свою дочь возлюбленну
За сего рыцаря, что храбрый сей рыцарь есть.

Дочь его возлюблена выходитъ:
«Ай же ты мой татенько возлюбленный,
«Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Не надѣлай-ко смѣху́ по всёй Руси,
«Не отдай-ко ты дѣвчины да за женщину».
Солнышко Владиміръ князь прогóворилъ да таковы слова:
— Какъ же мни тебя да не просватати?
— Какъ же мы да узнаемъ, мужчина ли али женщина? —
«Ай же ты мой тятенько возлюбленный,
«Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Истопить да парна баенка,
«Позвать да его съ пути да со дороженьки
«Въ парну баенку,
«Послать да своихъ слугъ да вѣрныихъ
«Узнать, мужчина ли есть али женщина?»
Истопили парну баенку
И проситъ сего рыцаря
Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской:
— Ай же ты храбрый рыцарь, не угодно ли съ пути съ дороженьки
— Попариться да въ парной баенки? —
«Весьма доволенъ съ пути съ дороженьки
«Попариться да въ парной баенки».
И скорѣе этотъ рыцарь роздѣвался,
Въ парну баенку сбирался,
И онъ шолъ въ парну баенку скоренко,
Умывался онъ бѣленько.
Направили они слугъ своихъ вѣрныихъ
За нимъ да вслѣдъ въ парну баенку,
А онъ ужъ съ баенки на встрѣчу идетъ и благодарность отдаетъ.
И тутъ же этотъ рыцарь обсѣдлалъ своего коня богатырскаго,
И выѣхалъ во чистó поле и скричалъ онъ по зари да по утреной:

«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Дай же ты съ Кіева мнѣ поединщика;
«А если не дашь мнѣ поединщика,
«Весь градъ плѣню, а дочь твою силой возьму».
Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской испугался
И не знаетъ кого изъ рыцарей послать.
И собиралъ своихъ князей бояровъ
И съ ними думаетъ крѣпка думушка.
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Некого послать какъ Ставра Стогодинова. —
И говоритъ Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Послать не послать — выпустить Ставра Стогодинова
«Со тыхъ со темницъ да со крѣпкіихъ
Приводятъ Ставра да Стогодинова
Со темницъ да со крѣпкіихъ
Къ солнышку ко князю ко Владиміру:
— Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
— Зачѣмъ же ты меня требуешь? —
«А зачѣмъ я тебя требую,
«Въ той вины я тебя прощаю,
«Только повыѣдь во чисто́ поле,
«Побѣди-ка ты рыцаря во чисто́мъ полѣ».
Потомъ Ставеръ да Стогодиновичъ
Сѣдлалъ своего коня да богатырскаго,
Повыѣхалъ онъ да во чисто́ поле
И наѣхалъ во чисто́мъ поле на рыцаря.
Сдѣлали розъѣзды во чисто́мъ поли
Попробовать своихъ плечъ богатырскіихъ,
Ударились палицамы булатныма.
Она да Ставра и зашибла вѣдь,
Ставра да Стогодинова,
И палъ Ставеръ да на сыру землю:
— Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!
— Чего же желаешь нынь живота, али смерти?

— Помнишь ли ты Ставеръ да Стогодиновичъ,
— Какъ мы съ тобою въ одномъ училищѣ училися,
— У меня чернильничка серебряна,
— А у тебя перышко золоченое?
— И сплошь ты въ мою черниленку помакивалъ,
— И даже частенько помакивалъ,
— А я тогда-сегда. —
Тутъ же Ставеръ не можетъ образумиться:
— Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!
— Чимъ же ты во поли похвастаешь?
— Никогда ты не хвастай молодой женой!
— Ты похвасталъ молодой женой,
— А теперь и самъ въ поли радъ жены дать. —
Потомъ розвернула свои бѣлы груди
И показала ему свое естество,
И тутъ онъ узналъ, что своя жена,
Молода жена Настасья дочь Микулична.
Тутъ они брали другъ дружку за бѣлы́ руки.
И сѣли они тутъ на добры́хъ коней:
— Ну Ставёръ да Стогодиновичъ!
— Никогда не хвастай молодой женой,
— Жена же тебя съ поло́ну вывела. —
И поѣхали въ свою сторону
На радость и на веселье;
Только были и во Кіеви.
А тутъ дочь отвѣчаетъ Владиміру:
«Ай же ты батюшко солнышко Владиміръ князь!
«Одва ты не надѣлалъ смѣху́ на всей Руси,
«Одва ты не отдалъ дѣ́вчину за женщину!»

Записано тамъ же, 4 іюля.

110.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(См. Рыбникова, т. III, 25).

Во христовскую заутреню
Поѣхалъ Добрынюшка Микитиничъ во Кіевъ градъ,
Поѣхалъ во Божью́ церковь.
И въ это же время пріѣхалъ Щурилушка Щиплёнковичъ
Къ Домнѣ Александровнѣ,
И увидала Домна Александровна,
Выходила она на ши́рокъ дворъ,
Отпирала она ши́роки врата,
И встрѣчала она Щурилушку Щиплёнковича,
Брала его за бѣлы́ руки
И цѣловала его въ сахарны́ уста,
Выпрягала его коня рыцарскаго,
Убирала коня во конюшни во новы́и,
И санки постановила во каре́тникъ во свой,
И брала она Щурилушку за бѣлы́ руки,
И проводила во полаты бѣлокаменны.
И скидыва́лъ-то онъ шубоньку купьюю,
Шапочку соболиную,
Сапоженьки козловые.
И проводила она Щурилушку
Прямо во свою во спальнюю.
И въ это же время у Щурилушки была служанка крѣпостная
И говорила ему: «ахъ Щурило, это не хорошо!»
— Дѣвка молчи, я съ те сарафанъ сдеру! —
Дѣвки-то не понравилося.
Если бъ онъ отвѣчалъ, что сарафанъ куплю,
А онъ отвѣчалъ, что сарафанъ сдеру.
Она бѣжала во Кіевъ градъ ко Божьёй церквы,
Ко большимъ ключамъ церковныимъ,
Прямо она къ Добрынюшкѣ Микитинцу:

«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«Поѣзжай-ко ты на свой домъ, —
«Пріѣхалъ къ тебѣ гость незваный да и нежданыій
«И не по обычаю тебѣ, не по разуму,
«Пріѣхалъ къ твоей Домны Александровны
«Щурилушка Щиплёнковичъ».
То Добрынюшка Микитиницъ
Выходилъ да со Божьёй церквы,
И скакалъ онъ на своего коня да богатырскаго,
И скакалъ къ своимъ да и полатамъ бѣлокаменнымъ,
И заѣзжалъ онъ на ши́рокъ дворъ;
И стрѣчала его Домна Александровна.
Заво́ди онъ своего коня да богатырскаго
Во свои да во конюшенки во новы́я,
И тамъ стоитъ да конь Щурилушки Щипленковича.
И тутъ-то вѣдь и говоритъ Добрынюшка Микитиницъ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Онъ заходитъ въ каретничекъ во свой,
Увидалъ онъ Щурилушкины саночки самокатныя:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Заходи онъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Виситъ шубонька Щурилина куньяя,
И говоритъ Добрынюшка Микитиницъ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Заходитъ онъ въ другую во комнату,
Увидалъ онъ Щурилины сапоженьки,
Соболиную шапочку на гвоздикѣ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Нѣтъ его Щурилушки здѣсь Щипленковица.
Добрынюшка Микитиницъ

Отпираетъ двери въ свою спальнюю полату:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Розсердилося Добрынюшки сердце богатырское,
И схватилъ онъ свою саблю острую,
И отсѣкъ онъ Щурилушкѣ буйну голову
И своей молодой женѣ Домнѣ Александровной.
А потомъ Добрынюшка Никитиничъ
Съ этой служанкой повѣнчался,
А Щурилушка только и живъ бывалъ.
А Добрынюшка сталъ жить да быть, добра наживать, изъ лиха избывать.

Записано тамъ же, 3 іюля.

111.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Гришка разстрижка когда царѣлъ въ Расеи,
И онъ царѣлъ вѣдь во Росеи
До годоваго до владычнаго до праздника
До Христова дни.
Весь народъ да вѣдь пошолъ на службу на христовскую,
А Гришка да разстрижка со своею царицею Маришкой,
Мариной Ивановной, князя Литовскаго дочь,
Они не на службу христовскую пошли, —
Пошли въ парную баенку,
Въ чистую умывальню,
И парились они въ парной баенкѣ,
Умывались въ умывальной
Христовскую заутреню.
Идетъ народъ отъ службы отъ христовскоей,
А Гришка разстрижка идетъ да съ парной баенки
Со своею-то царицею со Мариною Ивановной,

Князя Литовскаго дочь.
И одѣвались они тутъ въ драгоцѣнныя платья,
И выходили они въ драгоцѣнныихъ платьяхъ
На гульбище на прихладище.
И у Гришки у разстрижки былъ во чистóмъ поли
Храбрыій воинъ рыцарь Годуновъ,
И берегъ Гришку разстрижку.
И вдругъ со чистá поля приходитъ грамота,
Гришкѣ разстрижки со чистá поля:
Нѣтъ его защитчика во живности,
Отсѣчена ему да буйна голова.
И только Гришка царемъ бывалъ,
И только Марина Ивановна царицей была,
Рѣшили его жизнь сесвѣтную.

Записано тамъ же, 3 іюля.

XX.

АЛЕКСАНДРЪ ДЬЯКОВЪ.

Александръ Дьяковъ, крестьянинъ дер. Потаневщины Кижской волости, лѣтъ около 50 отъ роду. Жилъ крестьянствомъ, но въ послѣднее время ослѣпъ, и міръ опредѣлилъ его на перевозъ, положивъ ему за это содержаніе. Дьяковъ слышалъ былины отъ того же Елустафьева, о которомъ упоминалось при прежнихъ сказителяхъ; онъ удержалъ въ памяти только одну нижеслѣдующую.

112.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Держалъ поѣздку со Мýромля.

Стоялъ Христовскую заутреню во Муромлѣ,
Завѣтъ положилъ поспѣть во Кіевъ градъ
Къ обѣдни ко христовскіи,
Завѣтъ положилъ ѣхать путемъ дорожкою,
Руки не кровавити.
Вышелъ на улицу широкую,
Тутъ молодецъ пороздумался:
Есть ко Кіеву да двѣ дороженьки,
Двѣ пути двѣ дороженьки:
Первая дорожка прямоѣзжая,
Другая дорожка окольная.
Окольная дороженька семьсо́тъ-то верстъ,
А прямоѣзжая дорога ровно триста верстъ;
Сорокъ лѣтъ дорожка заколо́дѣла,
Сидитъ Со́ловей Рахмановичъ,
Сидитъ у рѣченки у Черныи
У того дуба Леванидина,
У тоя береза покляпыи;
Убилъ сорокъ бога́тыревъ съ бога́тыремъ,
А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
А тутъ сказалъ Илья Муромецъ:
«Не честь хвала ѣхать дорожкою окольною,
«А поѣду я дорожкой прямоѣзжею».
Поѣхалъ дорожкой прямоѣзжею
Ко этой ко рѣчкѣ ко Черноей,
Ко тому дубу Леванидову,
Ко той ко березкѣ ко покляпыи.
Тутъ Со́ловей Рахмановичъ
Крыкнулъ по звѣриному,
Свиснулъ по змѣиному;
У Ильи Муромца конь на колѣнка палъ.
Илья Муромецъ бьетъ коня по тучны́мъ бедрамъ:
«Ай ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
«Не слыхалъ ли ты крыку звѣринаго,

«Не слыхалъ ли ты свисту змѣинаго?»
А натягивалъ-то Илья Муромецъ свой шелко́вый лукъ,
Положилъ онъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ Со́ловью во сы́рой дубъ.
Пришла стрѣлочка Со́ловью во правый глазъ,
Вышла Со́ловью въ затылочекъ.
Со́ловей съ дуба́ упалъ на землю на матушку.
Привязалъ Илья Муромецъ Со́ловья ко стре́мени,
Поѣхалъ къ подворью соловьиному,
Къ тоей его семеюшкѣ любимыи.
Выѣхалъ на соловьиное поле на широкое,
Увидала дочи ме́ньшая соловьиная,
Увидала во окошечко косивчато,
Говоритъ своей матушкѣ:
— Матушка, матушка родимая!
— Батюшка ѣде, мужика везетъ,
— Мужика везетъ у стремени,
— Верхъ-то ноженьки а внизъ головушка. —
Большая дочь поглянула въ окошечко:
«Ахъ ты сестра меньшая,
«Вѣкомъ меньше, а окомъ есть тупѣе меня!
«А мужикъ-то ѣде деревенщина,
«Везетъ батюшку у стремени».
А середняя дочи́ скочила,
Схватила подворотеньку пятьсотъ пудовъ,
Хочетъ Ильи Муромцу придать.
Илья Муромецъ ударилъ ю да и кну́товищемъ,
Она слетѣла на задніи тынъ,
Тамъ на жопы по́лзаётъ, —
Батюшку не выручила, а увѣчье себѣ на вѣкъ нажила.
Говоритъ Со́ловей Рахмановичъ:
— Ай же ты моя семеюшка любимая!
— Не деритесь-ко съ Ильей Муромцемъ,
— А несите-тко ему золотой казны. —

А Илья Муромецъ копье свое вострое,
Вострое копье трехсаженное,
Тыкнулъ свое копье во матушку во сыру землю,
Велѣлъ засы́пать копье вострое,
Копье вострое золотой казной.
Они заносили, копье вострое
Золотой казной засыпали,
А Илья Муромецъ взялъ, копье выдернулъ,
Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву
Поспѣть къ обѣдни ко христовскій.
Пріѣхалъ онъ во Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Владиміру,
Поставилъ копя середи двора,
Неприказана, непривязана,
Самъ пошолъ къ обѣдни ко христовскій.
Пришолъ на крыльцо церковное;
Владиміръ идетъ отъ обѣдни христовскія.
Онъ бьетъ челомъ поклоняется:
«Здравствуешь Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Положилъ завѣтъ поспѣть ко обѣдни ко христовскій,
«Маленько-молъ я дорожкой позашишкался *(такъ)*,
«Не попалъ къ обѣднѣ ко Христовскій,
«Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
«Привезъ я Со́ловья у стремени».
Идетъ рядомъ со Владиміромъ,
А говорятъ князья и бо́яра:
— Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Ма́нитъ мужикъ деревенщина. —
Прі́шелъ Владиміръ князь на свой на широкій дворъ,
Увидѣлъ Со́ловья у стремени;
Говоритъ Ильи таково слово:
«Какъ тебя зовутъ по имени,
«Какъ величаютъ по отечеству?»
Говоритъ-то Илья Муромецъ, отвѣтъ держитъ:

— Аль зовутъ меня Ильюшенкомъ,
— Да по отечеству Ивановъ сынъ. —
Говоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
«Прошу тебя къ себѣ пожаловать
«Во почестное да и во гостебище».

Записано въ Кижахъ, 5 іюля.

XXI.

СЕМЕНЪ КОРНИЛОВЪ.

Семенъ Корниловъ (по мѣстному произношенію Корныловъ), крестьянинъ дер. Ку́рьяницы Кижской волости, 52-хъ лѣтъ, высокаго роста, худой, сгорбленный, слѣпой. Онъ ослѣпъ съ 13-лѣтняго возраста и съ тѣхъ поръ кормится частью работою у родственниковъ, частью мірскою помощью. Былины узналъ отъ сторонних людей и поетъ ихъ весьма складно.

113.

НАСТАСЬЯ НИКУЛИЧНА.

(См. Рыбникова, т. II, 61).

Начинается розсказъ люди добрыи для васъ,
Какъ оратай-тотъ оре́тъ да вѣдь подсвистывае.
У оратая сошка поскрыплывае,
У оратая сошка красна́ дерева̀,
У оратая омешики серебряныѐ,
А присошокъ красна́ золота̀.
У оратая сапожки на ножкахъ зелёнъ сафьянъ,
Пяты шиломъ, носы востры,
Около носа яйцо прокати,

А по́дъ пяту воробей пролетитъ.
Кудри у мо́лодца качаются,
Не скачёнъ жемчугъ да розсыпается;
Брови какъ чернаго соболя,
А гла́зы какъ яснаго сокола.
А 'ще было-то у молодца похожено,
А у добраго было поѣзжено
На томъ ли на соколи на батюшкѣ
А на бо́льшоемъ ка́рабли;
У того у сокола у батюшки,
А у бо́льшаго у ка́рабля,
Носъ корма по звѣриному.
А бока-ты были по змѣиному;
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
А и на бо́льшоемъ ка́рабли,
Снасти канаты были ше́лковы,
Паруса были поло́тняны.
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
Да на бо́льшоемъ ка́рабли,
Якори были булатные,
Булата жалѣза заморскаго;
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
А и на бо́льшоемъ ка́рабли,
Флюгера-то были да дорого́й камки;
А 'ще на́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
Да на бо́льшоемъ ка́рабли,
Была поляница удалая:
А жопка у ней крутенька по женьскому,
Поступочка у ней частенька по женьскому,
Поговорюшка у ней гладе́нька по женьскому.
Быть ли не быть ли Настасьѣ Никуличнѣ послу,
Тутъ-то Настасьѣ славу́ поютъ.

Записано въ Кижахъ, 7 іюля.

114.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОКОЛЬНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 63).

Изъ-за горъ-то горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсушковъ дремучіихъ,
Выѣзжалъ-то татарской сынъ,
Татарской сынъ да по имени Михапло Долгомѣровичъ.
Опъ ѣдетъ по чисту́ полю и видитъ ёнъ поѣздку богатырскую
А ископыть-ту лошадиную.
Тутъ татарско сердце розгорѣлоси,
Онъ поѣхалъ тутъ по за́рѣкамъ да вѣдь по за́водямъ,
Опъ стрѣлялъ тутъ гусей, ле́бедей
Да й пернастыхъ сѣрыхъ утушокъ.
И онъ увидѣлъ тутъ вѣдь сильняго могучаго бога́тыря,
И сильняго могучаго богатыря, да стараго казака да Илью Муромца.
Они по чисту́ полю да вѣдь розъѣхались,
А не двѣ тучи темныихъ сходилися,
А два сильніихъ могучіихъ бога́тыря съѣзжалися.
Оны въ первой разъ сразилися,
У нихъ копья приломилися;
А 'ще дру́гой разъ сразилися,
У нихъ сабли приломилися;
Оны въ третій разъ вѣдь сходятъ со добры́хъ коней,
Тутъ беремечкомъ схватилися.
Они долго другъ и съ другомъ тутъ водилися.
У Ильи-то права ноженька свернуласи,
Права ноженька свернуласи, лѣва ручка отмахнуласи,
Палъ Илья да о сыру землю.
Тутъ скочилъ татаринъ вѣдь Ильи да на бѣлы́ груди
И вынимаетъ онъ ножи́ще вѣдь кинжа́лище,
Хочетъ пла́стать вѣдь Ильи да бѣлыя груди.

Онъ сталъ поганый надсмѣхатися!
«Ужъ ты старая собака, ты сѣдатый песъ!
«Тебѣ ли ѣздить во чистóмъ поли,
«Во чистóмъ поли да на добрóмъ кони?
«Жилъ бы ты во городи во Кіевѣ,
«Пасъ бы ты гусей да лебедей,
«Да вѣдь пернатыхъ сѣрыхъ утушокъ».
Это слово-то Ильи вѣдь не слюбилося,
Какъ ударилъ-то Илья вѣдь татарина въ бѣлу́ю грудь,
Подынулъ-то онъ татарина повыше лѣсу стоячаго,
Пониже облака ходячева,
И палъ татаринъ о сыру́ землю,
И лежитъ татаринъ вѣдь не вѣдаетъ,
Гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ буйна́ голова;
Лежалъ-то татаринъ тутъ три дни да вѣдь три ноченьки,
А старый казакъ да Илья Муромецъ
Онъ садился на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ ко бѣлу́ шатру,
Онъ пустилъ коня да на зелёный лугъ,
Самъ онъ входитъ вѣдь во бѣлъ шатеръ,
Онъ хлѣба соли тутъ покушаетъ,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по учёному.
А въ это время, въ этотъ часъ татаринъ какъ быдто отъ сна да пробуждается,
Сталъ на ноги, да самъ быдто шатается.
Онъ садился на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ ко своей матушкѣ,
А й ко матушкѣ а й ко Семигóркѣ, бабѣ-то Владимíркѣ.
Онъ ѣдетъ, самъ качается.
Стрѣтаетъ его матушка Семигорка, баба да Владимíрка,
Говоритъ ему да таково слово:
— Что же ты дитятко ѣдешь не по старому,
— Ѣдешь не по прежнему,

— Самъ сидишь въ сѣдли да вѣдь качаешься?—
И тутъ возго́воритъ молодой татарскій сынъ:
«Ты не знаешь, мать, незгодушки.
«Я наѣхалъ во чисто́мъ поли
«Старую собаку да сѣдатаго пса;
«Ужъ мы въ первый разъ да съ нимъ сразилися,
«У насъ копья приломилися;
«А 'ще другой разъ сразилися,
«У насъ саблп приломилися;
«А 'ще въ третій разъ мы сходили со добры́хъ коней
«Дружка съ дружкою беремечкомъ схватилися,
«У его у стараго да права ножка отвернулася,
«Лѣва ручка отмахнулася,
«Ужъ онъ палъ какъ о сыру землю,
«Я садился-то на бѣлы́ груди,
«Вынималъ-то я ножище кинжалище,
«И сталъ надъ нимъ да надсмѣхатися:
««Ужъ ты старая собака, сѣдатый песъ!
««Жилъ бы ты во городи во Кіеви,
««И пасъ бы ты гусей да лебедей,
««Да вѣдь перпатыхъ сѣрыхъ утушокъ!»»
«Это слово-то ему вѣдь не слюбилося,
«Онъ ударилъ-то меня да во бѣлу́ю грудь,
«Подынулъ-то меня да повыше лѣсу стоячаго,
«Пониже облака ходячева,
«Ужъ я палъ какъ о сыру́ землю,
«И лежалъ-то я вѣдь три дни и три ноченьки,
«Гдѣ рука, гдѣ нога, да гдѣ буйна́я голова.
«Черезъ три дни черезъ три ноченьки
«Пробуждался я отъ сна да будто пьяныи».
Какъ возго́воритъ ему да ро́дна матушка:
— Ужъ ты дитятко, моло́дой ты Сокольничекъ!
— Это вѣдь не старая собака, не сѣдатый песъ,
— А это есте старый казакъ да Илья Муромецъ. —

Тутъ у татарина сердце розгорѣлоси,
Онъ скорешенько садился на добра коня,
Онъ поѣхалъ во чисто́ поле
Ко тому ли ко бѣлу́ шатру,
Онъ пустилъ коня да вѣдь на зе́ленъ лугъ,
Онъ скочилъ въ шатеръ, да самъ не спрашивалъ,
И схватилъ-то онъ ножи́ще вѣдь кинжалище,
И ударилъ онъ Илью да во бѣлу́ю грудь,
А Илья лежитъ сонный, какъ и мертвыи;
И попало у Ильи да въ зо́лотъ крестъ.
Тутъ Илья отъ сна да пробуждается,
Тутъ хватилъ Илья татарина вѣдь за ноги
И роздёрнулъ его на́-двоё;
Одну ногу кинулъ къ Семигоркѣ, бабѣ-то Владимiркѣ,
А другую ногу кинулъ во Ефратъ рѣку.
Тутъ садился-то Илья да на добра́ коня,
Тутъ поѣхалъ вѣдь Илья ко городу ко Кіеву
И ко князю ко Владимiру,
Бьетъ челомъ да поклоняется.
Тутъ Ильѣ честь пошла и славу́ поютъ.

Записано въ Кижахъ, 7 іюля.

115.

ДЮКЪ.

Какъ во той ли во Индѣи во богатыи,
Какъ во той ли во Карелы во упрямыи,
Какъ во томъ ли во городѣ Волынцѣ,
Жилъ былъ мо́лодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ.
Онъ беретъ себи свой ту́гой лукъ,
Да еще беретъ онъ тридцать три стрѣлы каленыихъ,
А тридцать-то каленыихъ а три-то золоченыихъ,

Онъ ходилъ-то по за́рѣки да и по за́води,
И стрѣлялъ-то гусей лебедей.
Розстрѣлялъ онъ тридцать три стрѣлы,
Не попалъ онъ ни въ единую:
«Мнѣ не жалко тридцати-то стрѣлъ,
«А только жалко мнѣ-ка трехъ-то стрѣлъ:
«Эти три стрѣлы да вѣдь каленыи,
«Оны вси да золоченыи,
«И перьямы сажоныи,
«Оны перьями орловыма,
«Не того орла который вѣдь летаетъ во чисто́мъ поли,
«А того орла́ который сидитъ на́ мори,
«На морп сидитъ на камени;
«А 'ще тотъ орелъ сворбхнется,
«Сине морюшко сколыблется,
«А въ дере́вняхъ пѣтухи споютъ;
«Тутъ ѣздятъ гости корабельщики,
«Обираютъ перья-ты орловыя,
«Оны привозятъ къ моей матушкѣ
«Емельфѣ Тимофеевной».
Тутъ приходитъ молодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ
Во свои-ты полаты бѣлокаменны,
Онъ приходитъ вѣдь во гридни во столовыи,
Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
У матушки своей да сдоложается,
Говоритъ да таково слово:
«Ужъ ты матушка родимая!
«Я хочу вѣдь ѣхать-то ко городу ко Кіеву
«А Богу помолитпся,
«Князю кіевскому поклонитися».
Какъ возго́воритъ ему да ро́дна матушка,
Ро́дна матушка Емельфа Тимофеевна:
— Ужъ ты дитятко да Дюкъ Степановичъ!

— Ты еще вѣдь молодёшенёкъ,
— Эта есть дорожка дальняя,
— Кру́гомъ ѣхать три́ года,
— А прямо ѣхать три мѣсяца.
— На прямой-то вѣдь дороженькѣ
— Есть три за́ставы великіе:
— Перва за́става змѣиная,
— Дру́га за́става звѣриная,
— Третья за́става семь есте бога́тырей:
— А первый пашъ казакъ Илья Муромецъ,
— А другой опять Добрынюшка Никитинычъ,
— Третій-то Олешенка Поповичъ,
— Четвертый-то Чурилушка Щапленковичъ,
— Пятый-то Михайла Долгомѣровичъ
— Шёстый сёмый два брата Агрикановы. —
Тутъ пошолъ-то Дюкъ Степановичъ
По дворамъ-то по конюшенькамъ,
По дворамъ да по конюшенькамъ
Избирать себѣ коня да вѣдь по разуму;
Онъ выбралъ-то коня себѣ по разуму,
Бурушка маленькаго и косматенькаго.
Онъ надѣлъ-то вѣдь узди́цу-то тесмяную,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ кладетъ-то вѣдь сѣделышко черкаское,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ подтягиватъ подпруги шелковыя,
А семи шелковъ да шемаханскіихъ,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ вѣдь стягиватъ тутъ пряжки-то серебряны
И онъ вдергиватъ тутъ иглы золоченыя,
А не для красы басы молодецкія,

А для крѣпости да богатырскія.
Онъ ведетъ коня да ко перёному крыльцу,
Ко перёному крыльцу, да ко точеному столбу,
Ко точеному столбу, да ко золоченому кольцу.
Тутъ приходитъ Дюкъ Степановичъ во гридни во столовыи,
Онъ крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Онъ съ матушкой прощается,
Въ путь дорожку отправляется.
Видѣли добра мóлодца сядучись,
А не видѣли добра мóлодца поѣдучись,
Только видятъ что въ поли кудельбá *(такъ)* стоитъ,
А подъ Дюкомъ-то конь какъ стрѣла летитъ.
Пріѣзжаетъ тутъ Дюкъ къ первой зáставы змѣиныя;
Змѣи розсержаются а на Дюка розъяряются,
Поглотить его хотятъ.
Дюкъ сталъ коня понуживать,
Сталъ бурушка поправливать,
Сталъ бурушко поскакивать,
Перву зáставу проѣхалъ онъ безъ пакости.
Къ дрýгой заставы пріѣхалъ онъ звѣриноей;
Звѣри розсержаются а на Дюка розъяряются,
Хочутъ съ конемъ его зглотать.
Дюкъ Степановичъ бурушка поправливатъ,
Косматаго понуживатъ,
Сталъ бурушко поскакивать,
Сталъ косматенькой помахивать,
Дрýгу зáставу проѣхалъ онъ безъ пакости.
Къ третьей заставы пріѣхалъ онъ къ великоей,
Гдѣ семь стоитъ богáтырей,
Полянищъ да вѣдь удалыихъ;
Онъ пріѣхалъ вѣдь не спрашиватъ.
Тутъ выходитъ нашъ донской казакъ Илья Муромецъ,
Выходитъ со бѣлá шатра

И говоритъ да таково слово:
«Что ты за невѣжа ѣдешь мимо да не спрашиваешь?
«Мимо нашу за́ставу ни конный не проѣзживалъ,
«Ни пѣшій ни прохажпвалъ, ни звѣрь не прорыскпвалъ,
«А вѣдь птица полетитъ, да и та перо сронитъ.
«Ты скажи-ко вѣдь уда́лый добрый мо́лодецъ,
«Изъ какой земли да изъ какой орды,
«Куда ѣдешь, куда пу́ть держи́шь,
«И какъ тебя зовутъ?»
И возго́воритъ-то мо́лодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ:
— Я есте изъ Индѣи изъ богатыя,
— Да изъ Корелы изъ упрямыя,
— Съ того ли города Волынца,
— Мо́лодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ;
— Ужъ я ѣду да ко городу ко Кіеву,
— Богу помолитися, князю поклонитися.
— Скажутъ, Кіевъ градъ да на красы стоптъ. —
Тутъ возго́воритъ-то Илья Муромецъ:
«Ты скажи-тко да уда́лый добрый мо́лодецъ,
«Ты давно ли выѣхалъ изъ Индѣи изъ богатыя?»
Тутъ отвѣтъ держитъ да Дюкъ Степановичъ:
— Я выѣхалъ-то изъ Индѣи изъ богатыя
— Послѣ позднихъ вечеренъ,
— А хочу поспѣть въ Кіевъ на обѣдню. —
Этому Илья да подивился,
Тутъ съ Дюкомъ-то Степановымъ простился.
Тутъ садился Дюкъ Степановичъ на добра́ коня,
На добра́ коня на бурушка косматаго;
Тутъ видѣли добраго молодца сядучи,
А не видѣли добра молодца поѣдучи,
Только видятъ что въ поли кудельба стоитъ,
А подъ Дюкомъ-то конь какъ стрѣла летитъ.
Пріѣхалъ-то Дюкъ Степановичъ

Ко тому ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру
Онъ ко поѣзду княженецкому.
Онъ поставилъ коня да не привязываетъ,
Ни у кого ничего да онъ не спрашиваетъ,
Онъ идетъ да вѣдь прямо во Божью́ церковь,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по учёному,
Князю Владиміру въ особину.
Они Богу помолилися, обѣдни простояли,
И выходятъ тутъ изъ церкви изъ соборныя.
Ужъ какъ сталъ-то князь Владиміръ тутъ выспрашивать:
«Ты скажи-тко да уда́лый добрый мо́лодецъ,
«Изъ какой земли, да изъ коей орды,
«Какого отца матери,
«Какъ тебя по имени зовутъ?»
Отвѣтъ держитъ Дюкъ Степановичъ:
— Я есть вѣдь изъ Индѣи изъ богатыя,
— Изъ Корелы изъ упрямыя,
— Съ того города Волынца,
— Мо́лодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ. —
Тутъ пошли они отъ церкви отъ соборныя
Прямо вѣдь на княжей дворъ,
Тутъ идетъ-то Дюкъ Степановичъ,
Да самъ-то онъ головушкой покачиватъ,
По двору идетъ, головушкой покачиватъ.
Оны приходятъ вѣдь въ полаты бѣлокаменныи
А во гридни во столовыи,
А Дюкъ Степановичъ идетъ да все головушкой покачиватъ.
Онъ крестъ кладетъ да по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по учёному,
Князю-то съ княгиною въ особину.
Тутъ садилися они да за столы за дубовыя
Да за скатерти-ты браныя.

Тутъ собрался князи бóяра
И сильніи могучіи богáтыри,
Вси за столомъ сидятъ ѣдятъ да кушаютъ,
Ѣдятъ да кушаютъ, самы все слушаютъ.
Поднесли-то Дюку Степановичу
Чару зелена́ вина;
Онъ полъ-чарочки-то пилъ, а дру́го такъ отложилъ;
Поднесли ему да чару пива пьянаго,
Онъ полъ-чарочки-то пилъ, а дру́го такъ отложилъ;
Принесли ему колачикъ крупивчатый,
Онъ полъ-колачика ѣлъ, дру́го такъ отложилъ.
Тутъ возго́воритъ Владиміръ князь да столенъ-кіевской:
«Ужъ ты что же, Дюкъ Степановичъ,
«Половинку чары пьешь, а дру́гу такъ кладешь,
«А 'ще что же ты полъ-колачика ѣшь, а дру́го такъ кладешь?»
Тутъ возго́воритъ да Дюкъ Степановичъ:
— Ужъ ты солнышко Владиміръ князь да столенъ-кіевской!
— У васъ всё да не по нашему:
— Я пришолъ какъ къ вамъ во гридни во столовыи,
— У васъ стоятъ столы дубовыи,
— А на столахъ все скатерти забраныи,
— А у насъ столы да все кленовыя,
— А скатерти-ты все шелковыя,
— А семи шелковъ да шемаханскіихъ.
— У васъ все да не по нашему:
— У васъ печки-ты кирпичныя,
— А у насъ печки изразцовыя,
— Карнизы золоченыя.
— У васъ все да не по нашему:
— У насъ вина виноградныи,
— А у васъ вина-ты простыя вѣдь;
— У насъ меды стоялыя,
— А у васъ-то меды кислые;
— У насъ колачики крупивчаты,

— Колачик-отъ ѣшь, а по другомъ душа горитъ;
— Потому душа горитъ: у насъ помяльца-ты шелковыя,
— А мочатъ-то ихъ въ меды да вѣдь стоялые;
— У васъ помяльца-то сосновыя,
— Такъ колачики-то на хвóйку пахнутъ.
— У насъ какъ матушка Емельфа Тимофеевна
— Пойдетъ-то во церковь во соборную,
— Впереди идутъ лопатчики,
— А во слѣдъ идутъ метельщики,
— Дорожку розгребаютъ да песочкомъ посыпаютъ,
— А подъ рукой идутъ вѣдь няньки,
— А во слѣдъ идутъ служанки;
— У нея лапотики на ножкахъ шелковыя,
— Семи шелковъ да шемаханскіихъ,
— А одежа на себи да шуба соболиная;
— Придетъ-то въ церковь во соборную
— Крестъ кладетъ по писáному,
— Поклонъ ведетъ по учéному,
— На вси стороны да поклоняется;
— А идетъ какъ она изъ церкви изъ соборныя
— На свой на широкой дворъ,
— У насъ-то на дворѣ да сукна посланы да одинцовыя.
— У васъ все да не по нашему:
— У васъ дорожки не розглажены,
— Песочкомъ не засыпаны,
— У васъ на дворѝ хоть звѣрь ногу ломи;
— Дворники да слуги въ шашки да въ бабки играютъ,
— Въ красныхъ рубашкахъ гуляютъ. —
Тутъ они поѣли да покушали,
Они крестъ-то кладутъ по писáному,
Поклонъ ведутъ по учéному,
Князю-то Владиміру въ особину.

(Конца не помнитъ).

Записано тамъ же, 7 іюля.

116.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. II, 65).

Изъ-подъ бѣлыя березки кудревастенькія,
Да изъ-подъ чуднаго креста да Левантинова,
Выходила тутъ турица златорогая
Съ мо́лодыма турама малыма дѣтушками.
Лучилось птти турамъ да мимо славный Кіевъ градъ.
Они видѣли—дѣвица-та ходитъ, держитъ книгу-ту ева́нгельё,
А не столько читаетъ, а всё ёна́ плачѐтъ.
Она видѣла надъ городомъ чудны́мъ чудно̀,
Она видѣла надъ Кіевомъ дивны́мъ дивно̀,
Какъ наѣхалъ тутъ Батыгушка Батыговичъ,
А й со сыномъ со Батыгою Батыговичемъ,
Да и со зятемъ Тараканчикомъ Карабликовымъ
И со дьячкомъ да выдумщичкомъ.
У Батыги-то съ сыномъ силы сорокъ тысячей,
Да у зятя-то силы сорокъ тысячей,
Да у дьячка-то вѣдь силы сорокъ тысячей.
Тутъ-то князь закручинился,
А Владиміръ запечалился.
По голямъ голи шатаются,
По царевымъ кабакамъ столыпаются,
А Василій въ кабаки безъ портокъ на печи.
А й возго́воритъ Василій таково слово:
«Наливайте-тко Василью чару зелена́ вина,
«А другую-то пива пьянаго,
«А третью-то сла́дкаго меду̀».
Сливали то пи́тье да вѣдь въ одно мѣсто,
Становилоси пи́тья да полтора ведра.
Выпиваетъ тутъ Василій на единый духъ,
Говоритъ-то тутъ Вастлій таково слово:
«Я теперь могу добры́мъ конемъ владать,

«Я теперь могу востро́й саблёй махать».
Тутъ садился вѣдь Василій на добра́ коня:
Видѣли добраго молодца сядучи,
А не видѣли добраго молодца поѣдучи.
Поѣхалъ вѣдь Василій не воротами,
А черезъ тую стѣну городовую,
Только видятъ: въ поли кудельба́ стоитъ,
А подъ Васильемъ конь будто стрѣла́ летитъ.
Тутъ наѣхалъ вѣдь Василій на Батыгу,
Да со сыномъ со Батыгою Батыговичемъ,
Онъ убилъ вѣдь Батыгу Батыговича
И убилъ зятя Тараканчика Карабликова
И убилъ-то дьячка выдумщичка.
Поѣхалъ тутъ Василій ко городу ко Кіеву,
Да п ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Онъ пріѣзжаетъ на княжій дворъ,
Бьетъ челомъ да поклоняется,
Самъ съ княземъ Владиміромъ прощается.
Тутъ-то Василью славу́ поютъ.

Записано тамъ же, 7 іюля.

117.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

Женили меня мо́лодца,
Не у го́лова женили, у богатаго,
А приданаго-то много — человѣкъ худой;
Цвѣтное портишечко на грядочкѣ виситъ,
А худая жени́шка на ручкѣ лежитъ.
Пошолъ пошо́лъ уда́лый добрый мо́лодецъ
Отъ худой жены да неудачливой
Изъ орды въ орду да къ королю въ Литву,
Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,

Самъ королю да во служеніе давается.
Первыхъ три́ году да онъ жилъ во конюхахъ,
А дру́го три́ году онъ жилъ да вѣдь во ключникахъ,
А третье три́ году онъ жилъ да во постельникахъ,
А четвертыхъ три́ году онъ жилъ да вѣдь во спальникахъ,
Жилъ-то онъ съ королевичною
Быдто братъ съ сестрой, да быдто мужъ съ женой.
Чрезъ двѣнадцать лѣтъ ему да захотѣлося
Съ отцемъ да съ матушкой да повидатися,
Со худой женой да неудачливой.
Онъ пошолъ пошолъ да добрый мо́лодецъ,
Онъ зашолъ да во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмку, выпилъ дви,
Самъ онъ поросплакался,
Поросплакался да поросхвастался:
«Ужъ какъ жилъ я у короля въ Литвы,
«У короля въ Литвы да съ королевичной,
«Первыхъ три году я жилъ да вѣдь во конюхахъ,
«Дру́гихъ три году я жилъ да вѣдь во ключникахъ,
«Третьи три году я жилъ да вѣдь въ постельникахъ,
«Четверто три году я жилъ да вѣдь во спальникахъ,
«Жилъ-то я со королевичной
«Быдто братъ съ сестрой, да быдто мужъ съ женой».
Тутъ случились палачи да немило́сливы,
Тутъ схватили добра мо́лодца скорёшенько;
Рѣзвы ноженьки сковали,
Бѣлы рученьки связали,
Буйну голову тряпкой завязали,
Повели его да къ королю въ Литву,
За его рѣчи́ неумныя,
За басни неразумныя,
И ведутъ-то его мимо королевской дворъ.
Онъ смолился палачамъ да немило́сливымъ:
«Вы не ведите-тко меня къ королю на дворъ,

Къ стр. 287

Василій Петровичъ
ЩЕГОЛЕНОКЪ.

«А вы ведите-тко меня да къ королевичной»,
Увидала тутъ королевична,
Идутъ-то палачи да немилóсливы:
Она бросалась въ окно да вѣдь по поясу,
Она крычала жалкимъ голосомъ:
— Ужъ вы палачи да палачи вы немилóсливы!
— Вы не водите-тко да моего слугу,
— Моего слугу на королевской дворъ,
— А вы лучше-то возьмите какого ни пьянюшечку;
— Ужъ я дамъ вамъ много злата, много сéребра.—
Палачи тутъ смилосердились,
Слугу къ ней отпускаютъ,
А пьянюшку-то къ себѣ имаютъ,
Бѣлы рученьки связали,
Рѣзвы ноженьки сковали,
И всѣ ты хвáсты королю-то розсказали;
Отсѣкли ему буйную голову.
А королевна своего слугу вѣрнаго
Накормила, напоила
И въ отлично[1]) платье снарядила,
Въ путь дорожку отпустила,
Отъ смерти слободила.

Записано тамъ же, 7 іюля.

XXII.

ВАСИЛІЙ ЩЕГОЛЕНОКЪ.

Василій Петровичъ Щеголенокъ, крестьянинъ дер. Боярщины, Кижской волости, 65-ти лѣтъ отъ роду; земледѣлецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сапожный мастеръ; пріобрѣлъ склонность

---

1) Т. е. въ такое платье, въ которомъ его нельзя было узнать; такъ пояснилъ Корниловъ.

къ пѣнію былинъ еще въ малолѣтствѣ, слушая своего дѣда и въ особенности дядю Тимофея, который, будучи безногимъ, сорокъ лѣтъ сидѣлъ въ углу въ домѣ его отца и занимался сапожною работою. Перенявъ ремесло дяди, Щеголенокъ отъ него же научился и большей части тѣхъ былинъ, которыя помнитъ понынѣ. Поетъ онъ былины не громкимъ, но довольно пріятнымъ, хотя уже старческимъ голосомъ, соединяя, впрочемъ, часто въ одну былину разнородные предметы и не придерживаясь опредѣленнаго размѣра. Щеголенокъ былъ извѣстенъ г. Рыбникову; осенью 1871 года онъ побывалъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ прибавилъ нѣсколько былинъ къ тѣмъ, которыя онъ пѣлъ собирателю въ Кижахъ и которыхъ тогда не могъ хорошенько припомнить; при этомъ повѣренъ вновь и текстъ былинъ, записанныхъ на мѣстѣ. Всѣ былины записаны «съ голоса». Щеголенокъ, хотя неграмотный, но большой охотникъ ходить по монастырямъ и слушать божественныя книги; это отзывается отчасти и въ тонѣ его былинъ.

118.

СВЯТОГОРЪ И ДОБРЫНЯ.

Да на славноей на заставы на московскіи
Тамъ стояло двѣнадцать богатырей;
Да проговорилъ Святогóръ богатырь,
Онъ старше всѣхъ богáтырей:
«Русскіе могучіи богáтыри,
«Ай же вы поляницы удалыя!
«Кого же намъ послать во землю во Тальянскую?
«Да послать ли Святогóра богáтыря,
«Такъ вѣдь некому стоять на заставѣ,
«А й на заставѣ да и на московскіи.
«Да посылать ли намъ Добрынюшку Никитича

«Да во эту землю во Тальянскую,
«Да вѣдь тамъ надо ему биться ратиться,
«А стоять-то ему за стольный Кіевъ градъ,
«За свое ли за ро́дно за отечество
«Да за тую ль-то за вѣру христіанскую,
«Надо повыбрать пошлина да за двѣнадцать лѣтъ».
Да прогово́рилъ-то Святогоръ тутъ бога́тырь:
«Ай же ты Добрынюшка Никитинычъ!
«Поѣзжай ко этому подворью вдовьину
«Честно́й-то вѣдь вдовы Офимьи Александровной,
«Напроси-тко Добрынюшка прощеньица,
«Напроси-тко Добрыня благословеньица
«Да поѣхать ли во землю во Тальянскую,
«Тамъ надо биться ратиться
«И стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
«За свое-то ро́дно отечество
«И за ту за вѣру христіанскую.
«Тебе выбралъ ли солнышко Владиміръ князь
«Подписались русскіи могучіи бога́тыри
«И вси поляницы-ты удалыи».
И прогово́ри честна́ мужняя вдова
Да вѣдь Офимья Александровна,
А прогово́ритъ она да вѣдь таково слово:
— Ай ты Добрынюшка Никитинычъ!
— Я бы знала Добрынюшка, я бы вѣдала,
— Я спородила бы тебя силою великою
— Супротивъ Святогора бога́тыря,
— А смѣлостью супротивъ стараго казака, а супротивъ Ильи Муромца,
— И грамотой-то бы выучила тебя Добрынюшка
— Супротивъ Олешеньки Поповича. —
Да прогово́ритъ Добрыня таково слово;
«Честна́ мужняя вдова Офимья Александрова!
«Да ты дашь прощеньице поѣду,

«А не дашь благословеньица поѣду:
«А меня выбралъ солнышко Владиміръ князь,
«А меня выбрали русскіе могучіе богáтыри,
«Подписался Святогоръ богáтырь».
И высталъ Добрынюшка на свои рѣзвы́ ноги
Во своёй ли полаты богатырскоей,
Онъ беретъ уздечку тесмяную,
Надѣвае на коня богатырскаго,
Кладывае на коня испотники,
На потнички да вѣдь войлочки,
На войлочки сѣделышко черкальское
И затягиваетъ двѣнадцать подпруговъ,
И во подпругахъ пряжечки серебряны,
А во пряжечкахъ штылёчики чиста золота;
Арабское золото не держится
И булатъ-то желѣзо не ржавѣетъ.
И завязываетъ Добрынюшка свясточки онъ семи шелковъ
Онъ не для ради красы, а ради крѣпости.
И прогóворитъ тутъ честна́ вдова
Да вѣдь Афимья Алескандровна:
— Да что же Настасья Никулична
— Со своимъ мужомъ не прощаешься? —
И она стала молода жена Настасья Никулична
На свои-то на рѣзвы́ ноги,
Да идетъ-то покоемъ бѣлоду́бовымъ
И опущается по ступенечкамъ по кру́тымъ,
Да выходитъ на улицу на ши́року,
Да прогóворитъ она да и таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Никитинычъ!
«А когда те сожидать да со чиста поля?»
Да проговоритъ Добрыня таково слово:
— Сожидайте меня да вы три году;
— На проходи тому время три году,
— Сожидайте вы меня да шесть годовъ;

— И на проходи тому шесть годовъ
— Сожидайте вы меня девять лѣтъ,
— Да ждите вы меня да двѣнадцать лѣтъ.
— На проходи тому времени двѣнадцать лѣтъ,
— Тутъ ты Настасья Никулична
— Хоть замужъ поди, хоть вдовой живи,
— Да не ходи за смѣлаго Алешу за Поповича,
— За того ль за дѣвочьяго насмѣшника
— И за моего названнаго за меньшаго за брата. —
Она беретъ Настасья Никулична
А того Добрынюшку Никитича
За эти ручки за бѣлыя,
За эти перстни за злаченыя,
А цѣлуетъ въ уста во сахарніи.
И какъ сѣлъ ли удалый добрый молодецъ
Добрынюшка Никитиничъ,
Какъ-то видѣли добра молодца посядучи
На этого коня да богатырскаго
А на эту степь *(такъ)* да лошадиную,
А не вид'ли добра молодца поѣдучи.
И скакалъ-то конь съ горы-то на гору,
И мелкіе рѣки перешахивалъ,
А большіе озера перескакивалъ,
А куда конь летитъ, туда ископытъ столбомъ стаётъ.
А съѣхалъ ли Добрынюшко во землю Таліанскую;
Да вѣдь надо тамъ ему биться ратиться,
А стоять-то ему за стольный Кіевъ градъ,
За свое-то за родно за отечество,
Да за ту ль-то за вѣру христіанскую.
На проходи тому времени три года,
Да не видно Добрынюшки со чиста поля;
На проходи тому време шесть годовъ,
А не видно Добрынюшки со чиста поля;
На проходи тому време девять лѣтъ,

А не видно Добрынюшки со чистá поля;
На проходи тому время двѣнадцать лѣтъ,
А не видно Добрынюшки со чистá поля.
И застучалось у полаты богатырскоей
А у того ли кольца золоченаго,
А на томъ ли на крыльцѣ на перёноемъ;
Да прогóворитъ тутъ честно-мужняя вдова Афимья Александровна:
«Какъ бы былъ-то удаленькій Добрынюшка Никитинничъ,
«Не дошло бы надсмѣяться надъ подворьицемъ,
«Надъ подворьицемъ надъ вдовиныимъ».
Отворила да и ворота богатырскія,
Да пришло-то три калѣки перехожіи,
У калѣкъ-то лапóтки на ножкахъ семи шелковъ,
Да котомочки за плечами бархатны,
Да пришли оны въ покои богатырскіи,
И они крест-отъ кладутъ по писáному
Да поклоны ведутъ по учёному,
На двѣ на три на четыре на сторонки поклоняются,
Честноей вдовы да вѣдь Афимьѣ Александровной
И оны дѣлаютъ поклонъ да вѣдь въ особину:
— Честно-мужняя вдова Афимья Александровна!
— А мы видѣли Добрынюшку въ чистóмъ поли,
— Лежитъ-то Добрынюшка убитыи,
— Буйна гóлова Добрынюшки розломана,
— Бѣлы груди у Добрынюшки роспластаны,
— Да конь богатырскій по колѣнъ въ кровп.
— И растетъ ли на Добрынюшки травонька,
— А растетъ ли на Добрынюшки шéлковая,
— Да на травоньки цвѣтутъ да вѣдь цвѣтики,
— А цвѣтики цвѣтутъ да вѣдь лазуревы. —
И прогóворитъ другой калѣка перехожіи:
«Ай же ты Настасья Никулична!
«Мы пришли тебя посватати

«А за этого за смѣлаго за Олешу за Поповича,
«За того ль-то за дѣвóчьяго насмѣшника
«И за его-то за меньшаго а названаго за брата».
Да просватала сама себя Настасья Никулична,
Увели ее старци кáлѣки перехожіи,
Увели ее Настасью Никуличну
За этого за смѣлаго Олешу за Поповича,
За того ль за дѣвочьяго насмѣшника
А за того за меньшаго за брата названаго.
И пришли тому временьки три денька,
И застучалось у полаты богатырскою
И на томъ ли на крыльцѣ да на перёноемъ
И у того ли кольца у золоченаго.
Да прогóвори честно-мужняя вдова да вѣдь Офимья Александровна
Да сквозь свои-то слезы да горючіи:
— И какъ былъ Добрынюшка Никитиничъ,
— Не дошло бы надсмѣяться надъ подворьицемъ,
— Надъ подворьицемъ да на вдовьинымъ! —
И отворила ворота да богатырскіи,
И пришолъ ли удалъ добрый молодецъ
И пришолъ ли молодецъ незнáкомый,
Онъ крестъ кладетъ по писáному
Да поклонъ ведетъ по учёному,
На двѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Честно-мужней вдовы Афимьи Александровной
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Онъ прогóворитъ удалый добрый мóлодецъ:
«Честно-мужняя вдова Афимья Александровна!
«И не спознала ты Добрынюшки Никитича?»
Да беретъ ее за ручки за бѣлыи,
И за эти за перстни злаченыи,
Да цѣлуе во уста да во сахарніи.
И онъ прогóворитъ удалый-то добрый мóлодецъ:

«А гдѣ-то жена моя Настасья Никулична?»
И прогóворитъ честно- мужняя вдова да вѣдь Афимья Александровна:
— Да твоя жена Настасья Никулична
— Да просватала сама себя
— За смѣлаго Олешу за Поповича,
— За того ль-то дѣвóчьяго насмѣшника,
— А за твоего ль-то меньшаго брата за названаго,
— На проходи тому временьки три денька. —
Да заходитъ ли мла́дый Добрынюшка Никитинничъ
Во свой ли кабинетъ богатырскіи
Да беретъ три златни́цы три серебряныхъ,
И кажная златница стоитъ сто рублей,
Онъ садился-то Добрынюшка Никитинничъ
И на этого коня-то богатырскаго,
И со этыма поспѣхама богатырскими
И со этою со палицей булатнею,
Онъ и плёточкой коня Добрынюшка понуживаетъ,
И палицей булатнею Добрынюшка поигрываетъ.
И надо ѣхать Добрынюшкѣ во эту землю во Смоленскую
И ко этому Олешенькѣ Поповичу
Да на ши́рокъ дворъ на почестенъ пиръ.
А садился Добрынюшка Никитинничъ
А на своего коня на богатырскаго,
Куда конь летитъ, туды ископыть стаетъ,
И мелки броды перешахивалъ,
А рѣчки широки перескакивалъ,
А озера болота вокру́гъ ѣхалъ.
И пріѣхалъ Добрыня во земли Смоленскую
Ко этому Олешѣ ко Поповичу
А на ши́рокъ дворъ на богатырскіи;
Да вѣдь заперты ворота да и богатырскіи,
Да стоятъ тутъ его да слуги вѣрныи,
Не пропущаютъ туда на ши́рокъ дворъ, на почестенъ пиръ

А ни коннаго ни пѣшаго.
А прогóворитъ Добрыня таково слово:
«Ай же вы слуги вѣрныи
«Алешеньки да вы Поповича!
«Вы возьмите съ меня златницу да серебряну,
«А вѣдь златница стоитъ сто рублей,
«Да пустите удáлаго добра мóлодца
«А дѣтинушку скоморошинку
«Да на шúрокъ дворъ да и на почестенъ пиръ
«Да ко этому Олеши ко Поповичу».
Взяли-то златницу да серебряну
И отворили ворота да и богатырскіи
Да пустили дѣтинушку скоморошину.
И приходитъ дѣтинушка скоморошина,
А всѣ-то гости были званыи,
А всѣ-то были гости браныи,
Да всѣ-то гости за столомъ сидятъ.
И сѣлъ ли дѣтинка скоморошина
И на эту на печку на земляночку,
И началъ-то выигрывать въ гуселышка
Игрышки хорошіи;
Онъ первое розстояніе играетъ да й отъ до Кіева,
Да дрýгое розстояніе играетъ да й до Царяграда,
А третье розстояніе играетъ да й до земли Сорочинскоей,
Отъ Сорочинскоей до Тальянскоей,
Отъ Тальянскоёй до Еросóлима.
Эти наигрыши показалися Настасьѣ Никуличной,
Прогóворитъ она да й таково слово:
— Ай же вы-то слуги-то вѣрныи
— Алешеньки-то вы Поповича!
— А вы налейте чару зелена́ вина,
— Да не малу не большую, да полтора ведра,
— Поднесите дѣтинки скоромошинки. —
И онъ сидитъ дѣтинка скоромошина

И на этой-то на печкѣ на земляночкѣ,
И наигрыши наигрываетъ хорошіи,
И выигрыши выигрываетъ отъ Еросо́лима,
Отъ Еросолима до земли Тальянскоей,
Отъ Тальянскоей до Сорочинскоёй,
Отъ Сорочинскоей до Царяграда,
И отъ Царяграда да вѣдь до Кіева.
Показались-то выигрыши Настасьи Никуличной,
И онъ прого́воритъ дѣтинка скоромошина:
«Ай же вы слуги вѣрныи,
«Слуги вѣрныи богода́ныи
«Алешеньки Поповича!
«Дайте мнѣ графинъ во мои руки,
«И дайте стаканъ да во мои руки,
«Я налью-то чару зелена́ вина,
«Зелена вина не малу не большую, да полтора ведра,
«Да я кому знаю тому по́днесу».
И налилъ-то дѣтинушка скоромошина,
Онъ ту чару налилъ зелена́ вина,
Онъ-то ни малу ни большую, полтора ведра,
Онъ подноситъ Настасьи Никуличной,
И самъ на словахъ выговариватъ:
«Ай же ты Настасья Никулична!
«А ты пьёшь чару до дна, да ты увидишь добра,
«И не пьёшь чары до дна—ты не видишь добра».
Она выпила чару до до́нушка
А увидла на́ дни два перстня обру́чныи:
А одинъ перстень Добрынюшки Никитинича,
А другой перстень Настасьи Никуличной.
Она выстала Настасья Никулична.
А за этимъ столомъ за княжецкіимъ
А за этою доскою да за дубовою,
При гостяхъ-то вѣдь было званыихъ,
Званыихъ да гостяхъ че́щеныихъ,

Да прогóвори Настасья Никулична:
— Ай же ты Олешенька поповскій сынъ!
— Не тотъ мой мужъ, кто за столомъ сидитъ,
— Тотъ мой мужъ, кто середъ избы стоитъ. —
Она вышла-то Настасья Никулична
А зъ-за этого стола за княженецкаго
И захватила удáла добра мóлодца
Добрынюшка Никитинича
А за эти за ручки за бѣлыи,
А за эти за перстни за злаченыи,
Цѣловала во уста да во сахáрніи.
Да прогóворитъ Алеша поповскій сынъ
А за этымъ столомъ за окольнымъ,
И прогóворитъ таково слово:
«Ай же вы-то мои да гости званыи,
«Ай же вы-то мои да гости браныи!
«И всякъ ли-то удáлый добрый мóлодецъ поженится,
«А не всякому удáлу добру мóлодцу женидьба удается».
Да только Алешенька Поповичъ и женатъ бывалъ,
Да поёмъ тебѣ старинушку, славý поёмъ.

Записано въ Кижахъ, 4 іюля.

119.

СВЯТОГОРЪ И САДКО.

Святогоръ-то былъ богáтырь
И жилъ-то у Садкà купца богатаго,
И Садкò-то вѣдь купецъ-то былъ богатыя.
Явилась у Святогора-то богáтыря,
Явилась сила-то великая,
И прогóворилъ ли Святогоръ это богáтырь
И этому Садку богатому:
«И я поѣду-то ко стольнему ко грáду ко Кіеву».

Да прогóворилъ Садко купецъ богатыя:
— Ай же Святогоръ да богáтырь ты:
— И нѣтъ у насъ поспѣховъ богатырскіихъ. —
И написалъ-то листъ Садко купецъ богатыя,
Написалъ-то въ землю Сорочинскую;
Выслали-то шляпу сорочинскую
А тому ли Святогору-то богáтырю,
Вѣсомъ шляпонька-то сорока пудовъ.
И облачае Святогоръ богáтырь
Своего ли онъ коня да богатырскаго,
И выводитъ своего коня богатырскаго
И на этотъ дворъ Садка купца богатаго;
Надѣвае на коня уздицу тесмяную,
Во уздици повода были шелковыя,
И тыхъ ли шелкóвъ розныихъ,
Розныихъ шелковъ да шелковъ шемахапскіихъ;
Клáдывае на коня Святогоръ да вѣдь богáтырь,
Кладывае на коня да исподнички,
И на исподнички да онъ войлочки,
И на войлочки онъ сѣдёлышко,
А сѣдёлышко онъ черкальское,
И затягивае подпруги двѣнадцатеры,
И завязывае свясточки семи шелковъ,
Онъ не для красы, для ради крѣпости;
Пряжечки во подпругахъ серебряны,
Да штылечики во подпругахъ-то золоченые;
И во сапожкахъ Святогора-то богáтыря
Да шпорики-то были булатъ-желѣзные.
Да садился Святогоръ да богáтырь
Да на этого коня богатырскаго,
Да со своими-то поспѣхами богатырскими,
Да со этоёй со палицей булатнею,
Да со этыимъ мечемъ да вѣдь со вострыимъ,
Да со этыимъ со лукомъ со тýгіимъ,

Во колчанѣ тамъ-то стрѣлочки каленыи.
И поѣхалъ-то Святогоръ-то вѣдь бога́тырь
От Садка купца-то вѣдь богатаго
Да въ путь въ дороженку великую.
Да прогово́рилъ ли Святогоръ да вѣдь бога́тырь:
«Ай ты конь-то мой богатырскій ли!
«И послужи-тко ты вѣрой правдой мнѣ».
Онъ прогово́рилъ-то конь богатырскіи
Голосомъ человѣческимъ:
— Ай же Святогоръ да ты богатырь!
— Когда сѣлъ ты на степь на лошадиную,
— Да не жми-тко шпорами булатнима
— Да меня-то подъ круты ребра,
— Да не хлыщи-тко меня плёточкой шо́лковой
— Да по этой-то по степи лошадиною,
— Не натягивай ты поводовъ шелко́выихъ,
— И тогды могу слу́жить вѣрой правдою теби. —
Да вѣдь ѣдетъ Святогоръ-то богатырь,
Ѣдетъ вѣдь путемъ да дороженькой,
Палицу булатнюю выкидываетъ и́зъ виду вонъ.
Разъяренилъ-то свое сердце богатырское
И прогово́рилъ-то Святогоръ тутъ богатырь:
«Какъ бы было кольцё въ небѣ въ Божьеёмъ,
«Да дру́го кольцо во сырой землѣ во матушки,
«Поворотилъ бы я землю-то матушку,
«Поворотилъ бы я краемъ къ верху ю».
Задремалъ ли Святогоръ да бога́тырь
Да на этоемъ кони си́дячи богатырскоемъ,
И паѣхалъ-то ли сзади русской мугучой бога́тырь,
Ёнъ ударилъ-то копьемъ по плечамъ могучіимъ,
Енъ ударилъ-то концемъ да не вострыимъ.
Да прогово́рилъ ли Святогоръ да вѣдь бога́тырь,
Да прогово́рилъ ли таково слово:
«Какъ кусаютъ мухи русскіи да до́-больня».

И онъ другой разъ ударилъ по плечамъ могучіимъ,
А копьёмъ да концомъ не востріимъ,
И взялъ онъ росправилъ свою руку богатырскую,
Захватилъ-то русскаго могучаго бога́тыря,
Посадилъ въ свой ко́лчанъ богатырской-то,
Да поѐхалъ ли путёмъ да онъ дороженькой.
Да конь богатырской у Святогора у богатыря
Да идётъ дорожкой, потыкается,
И прогово́рилъ-то конь и голосомъ человѐчьіимъ:
— Ай ты Святогоръ да бога́тырь!
— Оттого я не могу нести двухъ бога́тырей,
— И кладенъ у тебе да во свой колча̀нъ. —
Онъ и вынялъ изъ колча́на да бога́тыря
И со этымъ конёмъ да богатырскіимъ,
И прогово́рилъ ли Святогоръ да тутъ бога́тырь:
«Да ты кто есть русской могучей бога́тырь?»
Онъ прогово́ритъ ему таково слово:
— Я богатырь отъ стольняго отъ города отъ Кіева,
— Да Самсонъ да и Самойловичъ. —
Да прогово́рилъ ли Святогоръ тутъ богатырь:
«Ай же ты Самсонъ да ты Самойловичъ!
«По крестовому по бра́товству я бо́льшой братъ,
«А ты будешь ли, Самсонъ да ты Самойловичъ,
«Да ты будешь мнѣ ме́ньшой братъ».
Розсержаютъ они своихъ коней богатырскіихъ,
Розгоряется ихъ сердце богатырское.
И во той пути широкоёй дороженьки
Да свернулъ-то вѣдь Самсонъ да вѣдь Самойловичъ,
Да свернулъ-то во праву руку въ дороженьку окольнюю.
И, пріѣхалъ-то Святогоръ да богатырь
И ко этой ли ко щельи [1]) ко великіи,
И вѣдь вышелъ изъ коня да богатырскаго;

1) Т. е. скала.

Розгорѣлось его сердце богатырское,
Оглянулся вѣдь назадъ Святогоръ богатырь,
А вѣдь нѣтъ Самсона-то Самойловича.
Онъ поднялся на эту-то на щельгу на великую,
Каменьевъ кидать своима рукама богатырскима:
«Если поѣдетъ Самсонъ-то вѣдь Самойловичъ,
«Я убью его камнями великима
«Со щельги со крутою».
Да не могъ дождать Святогоръ-то богатырь.
Да садился на коня своего да богатырскаго,
Онъ ѣдетъ ли путемъ дороженькой широкою,
Да идётъ-то вѣдь два старца впереди его,
Да несутъ за плечами да по сумочкѣ.
И онъ коня-то богатырскаго попуживать,
Да не можетъ-то достать онъ старцевъ незнакомыихъ.
И остоялись эти старцы незнакомыи.
Положили они сумочки да на сыру землю,
И проговорить тутъ старецъ единó слово:
— Ай же Святогоръ да ты богатырь:
— Опустись-ко ты со своего коня да богатырскаго
— Да на этую на матушку сыру землю,
— Да подписана на сумочкахъ,
— Да подписана все земляная тягота:
— Ты попробуй Святогоръ да ты богатырь
— Своей силы ты великою. —
И онъ захватилъ-то сумочку однимъ перстомъ,
Другой разъ захватилъ да вѣдь одной рукой,
Да третей разъ-то Святогоръ да вѣдь богатырь
Потребилъ онъ свою силу всю великую,
Не могъ приздынуть онъ сумочки-то старцевой,
Онъ угрязнулъ во сыру землю по колѣночку.
Потерялись тутъ-то старцы незнакомыи,
Да тутъ сѣлъ ли Святогоръ да вѣдь богатырь,
Да онъ сѣлъ-ли на своего коня да богатырскаго,

И уходилось ёго сердце богатырское
А у этой да вѣдь у сумочки.
Да поѣхалъ ли Святогоръ да бога́тырь
Да дороженькой поѣхалъ да ши́рокой,
Попадаетъ-то на встрѣчу Самсонъ да вѣдь Самойловичъ;
Они поѣхали ко городу ко Кіеву.
Лежитъ-то вѣдь о путь о дороженьку
Да гробница тутъ да каменна,
Она о́бнята обручами да желѣзныма.
Да прогово́рилъ ли тутъ Святогоръ да вѣдь бога́тырь:
«Ай же ты Самсонъ да вѣдь Самойловичъ!
«Розруби-тко ты саблей вострою
«Да вѣдь эти обручи желѣзны».
Ёнъ ударилъ ли Самсонъ да вѣдь Самойловичъ
Да вѣдь по этыимъ обручамъ желѣзныимъ,
И отвалились эты обручи желѣзны
И отъ этой отъ гробницы отъ каменной,
И открылъ-то онъ доску-ту гробо́вую
И отъ этой отъ гробницы-то отъ каменной.
Да прогово́рилъ ли тутъ Самсонъ да вѣдь Самойловичъ:
— Ай ты бо́льшой братъ Святогоръ да бога́тырь!
— Да ты лягъ во эту́ во гробницу-то во каменну. —
Опустился Святогоръ да бога́тырь
Да на этую на матерь на сыру землю,
Да прошли-то его слёзы-то горючія,
А прошли-то о́ны изъ ясны́хъ очей,
Ёнъ и лёгъ-то во гробницу вѣдь во каменну,
Да сложилъ онъ свои руки богатырскіи
И на свои-то онъ да на бѣлы́ груди,
На бѣлы́ груди да богатырскіи
Да тутъ принялъ себи Святогоръ да вѣдь бага́тырь,
Принялъ се́би тутъ онъ смерть великую.
Да тутъ Святогору да бога́тырю славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 5 сентября.

120.

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Да старóй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ сидѣлъ ли тридцать лѣтъ на сѣдалищи,
Онъ не имѣлъ-то да ни рукъ ни ногъ.
Да пришло къ нему два старцы незнакомыи.
Прогóворитъ ему старецъ да единó слово:
«Ай же ´Илей возстань ты на свои рѣзвы́ ноги,
«Дай-ко пива выпити я́ндому̀».
Илей говоритъ-то старцю таково слово:
— Не имѣю я да вѣдь ни рукъ ни ногъ,
— Сижу тридцать лѣтъ на сѣдалищи. —
Говорилъ старый старецъ единó слово:
«Ай же ´Илей возстань ты на свои рѣзвы́ ноги,
«Иди ты ´Илей къ водоносу ты,
«Налей пи́ва яндому̀,
«Принеси ты яндому́ питья̀».
Выста́лъ ´Илей на свои рѣзвы́ ноги,
Пришолъ ´Илей къ водоносу-то
Яндому́ захватилъ пи́тія съ водоносу-то,
Приносилъ-то старцю единому;
Старецъ говоритъ ему да й таково слово:
«Да пей-ко ты ´Илей да самъ я́ндому̀».
Выпилъ ´Илей питія я́ндому̀,
Почувствовалъ въ себѣ силу да великую,
Говорилъ старецъ-то другó слово:
«Ай же ´Илей дай же мнѣ пива̀ вы́пить яндому̀».
Онъ пошелъ по мосту по дýбовому.
Закричали балки подъ мостòмъ бѣлодýбовымъ,
Загнулись-то тутъ мосты калиновы.
Зачерпнулъ питія ´Илей съ водоносу,
Приносилъ старцу яндому́ питія.

Старецъ говоритъ ему да й таково слово:
«Да пей-ко ты Илей да са́мъ яндому̀».
И выпилъ 'Илей дру́гу яндому̀,
Услышалъ Илей въ себи силу велпкую.
Прогово́ритъ тутъ старецъ еще едино́ слово:
«Ай же ты 'Илей дай-ко выпить яндому́ питія».
Онъ какъ выпилъ 'Илей пи́ва-то яндому̀,
Онъ почуялъ въ себѣ 'Илей силу да великую.
Говорилъ другой старецъ таково слово:
— Ай же ты 'Илей налей-ко мнѣ пи́ва яндому̀. —
Наливаетъ 'Илей пива съ водоносу,
А приноситъ старцу-то дру́гому,
Прогово́рилъ ли старецъ таково слово:
— Если приказать тебѣ третье́ пить яндому̀,
— Не удержать тебѣ силы велпкія,
— Не удержать тебѣ силы богатырскія. —
Выпилъ-то старецъ вѣдь са́мъ яндому̀,
И прогово́рилъ старецъ да таково слово:
— Ай же ты 'Илей, да ты справься-тко да ко городу,
— Ко городу да ты ко Кіеву,
— Ко солнышку князю да ко Владпміру.
— И выйдешь пзъ своего ты посе́лепія
— Тутко о путь камень есть неподвпжныя,
— На камени да подпись есть подписана. —
И ходитъ Илей поко́ёмъ бѣлоду́бовымъ
Да тымъ ли мостомъ да калиновымъ.
Пришли его родители да рожденыи,
Пришли оны со работы со крестьянскоей,
Пришли его братія да родимые,
Да пришли его сестры да любимыя.
Обрадовались его рожденыи да родители,
И съ радости родители опечалились:
Тридцать лѣтъ сидѣлъ на сѣдалищи,
Не имѣлъ-то онъ ни рукъ ни ногъ.

Говоритъ 'Илей своимъ рожденымъ родителямъ,
Говоритъ 'Илей да таково слово:
«Ай же вы мои родители рожденые!
Гди вы были на крестьянской на роботушкѣ?»
А й же отвѣчали его рожденые родители:
— Слава тебѣ Господи, тридцать лѣтъ сидѣлъ Илей да на сѣдалищи,
— Не имѣлъ 'Илей вѣдь ни рукъ ни ногъ. —
Спросилъ у рожденыихъ родителей:
«Ай же вы мои рожденые родители!
«Гдѣ вы роботали крестьянскую роботушку?»
Говорилъ ему родитель да рожденыя:
— Ай же ты Илей, мы роботаемъ лугъ-пожню,
— Чистимъ лугъ-пожню за три поприща о́тъ дому. —
«Ай же ты родитель мой рожденыя!
«Сведи меня туда да на займище,
«Укажите вы мнѣ мою роботушку».
Привелъ его родитель да на займище:
«Укажи мнѣ родитель по которыхъ мѣстъ межа».
Захватилъ Илéйко лѣсу ку́сту въ пясть,
Отрубилъ лѣсы дремучіи по ко́решку,
Бросилъ на мѣсто на пристойное,
Говорилъ родителю да таково слово:
«Ай же ты мой-то родитель рожденыя!
«Полно ли тебѣ лугъ-пожню чистить.
«Простите меня съ рожденаго со мѣста».
Отправлялся 'Илей къ стольному городу ко Кіеву.
Пришолъ къ тому камени неподвижному,
На камени была подпись да подписано:
— 'Илей, 'Илей, камень сопри съ мѣста неподвижнаго,
— Тамъ есть конь богатырскій тебѣ,
— Со всѣми-то поспѣхами да богатырскима;
— Тамъ есть-то шуба соболиная,
— Тамъ есть-то плеточка шелко́вая,

— Тамъ есть-то палица булатняя. —
Прогóворилъ Илей да таково слово:
«Ай же ты конь богатырской!
«Служи-тко ты вѣрою правдою мнѣ».
Конь-то прогóворилъ Илéю таково слово:
— Ай же ты 'Илей, старóй казакъ Ильѧ Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Ты мóшь ли владать конемъ богатырскімъ? —
Онъ садился старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
На этого коня на богатырскаго,
А со этыма поспѣхамы богатырскима;
Садился тотъ старòй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Прогóворилъ конь голосомъ человѣчьімъ:
— Ай же старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Знай ты мной управлять, далъ тебѣ Господъ копя да богатырскаго,
— Послалъ Господь ангеловъ милослúвыихъ
— На твое рожденое на мѣсто;
— Далъ тебѣ Господь руцѣ-нозѣ;
— Не написано теби, старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
— Не писана тебѣ смерть на убоищи. —
И поѣхалъ ли старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Путемъ ли-то дороженкой-то шúрокой.
Конь-то вѣдь мелкіи-то рѣчки перешахивалъ,
Глубоки озерà перескакивалъ.
И онъ-то старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
И коня-то онъ попуживаетъ,
И плеточкой шелковою дотрогиваетъ,

Палицей булатнею старой казакъ Илья Муромецъ
Онъ поигрываетъ,
Палицу булатнюю онъ кидываетъ и́зъ виду вонъ:
Палицѣ булатней сорокъ-то пудовъ.
Онъ-то ѣхалъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
И пришло на путь ему три ро́зстани;
На розстаняхъ-то было тутъ написано:
Въ лѣву руку-то ѣхать — богату быть,
Прямо ѣхать — убитому быть,
Въ правую руку ѣхать — женатому быть.
И роздумался старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
Мнѣ не надо-то на старость да бога́титься,
Мнѣ не надо-то на старость да женитися,
Мнѣ надо на старость туды-то ѣхать гдѣ убиту быть.
И поѣхалъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Прямо въ путь въ дороженку во ши́року,
И вдругъ на́ѣхалъ на четыреста разбойниковъ.
Всѣ-то разбойники спать улеглись,
Один-отъ разбойникъ похаживаетъ,
Похаживаетъ покравуливаетъ.
Прогово́рилъ разбойникъ таково слово:
«Ай же ты старо́й казакъ Илья Муромецъ!
«Отдай-ко ты намъ коня богатырскаго,
«Да волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«А волею не отдашь, такъ мы неволею.
«Ай же ты старо́й казакъ Илья Муромецъ!
«Отдай-ко ты палицу булатнюю,
«Да волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«А волею не отдашь, такъ мы неволею.
«Отдай-ко ты старо́й казакъ Илья Муромецъ,
«Отдай-ко ты плеточку шелкову,
«Ты волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«И волей не отдашь, такъ мы неволею,

«Ай ты старóй казакъ Илья Муромецъ!
«Отдай-ко ты шубку соболиную,
«Ты волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«Волей не отдашь, такъ мы неволею».
Прогóворилъ старóй казакъ Илья Муромецъ:
— Да мнѣ на старóсть надо шубка погрѣватися,
— Мнѣ на стáрость надо конь богатырскія,
— Мнѣ стару́ казаку надо палица поигрывать,
— Плетка шелковая надо коня попу́живать. —
И розгорѣлись ёго жилы богатырскія,
Розгорѣлись его руцы бѣлыя,
Умертвилъ 'Илей-то всѣхъ четыреста разбойничковъ,
Этого единаго розбойничка привязалъ ко стремечку булатнему,
Привязалъ къ этому ко тóроку конином.
И мелки рѣчки конь перешахивалъ,
И глубоки рѣки конь перескакивалъ;
Плеточкой шелковой тутъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Плеточкой коня богатырскаго попуживаетъ,
Палицей булатнею старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Палицей булатнею поигрываетъ,
Палицу булатнюю выкидываетъ и́зъ виду вонъ:
Палица-то булатняя сорока пудовъ.
Онъ пріѣхалъ ли старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
И пріѣхалъ ли ко городу ко Крякову,
Ко городу ли пріѣхалъ ко Крякову,
И къ этому Одолищу поганому.
Заѣхалъ на дворъ богатырскіи
И много множество татаръ тутъ поганыихъ
Умертвилъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

Умертвилъ-то всихъ татаръ да вѣдь поганыихъ
И этой палицей булатнею,
А й булатнею, мечемъ богатырскіимъ.
Привязалъ своего коня богатырскаго
Ко этому столбу ко точеному,
Ко этому столбу ко золоченому.
Шолъ-то къ Одолищу поганому
Во эти покои бѣлодубовы.
Сидитъ тутъ Одолище поганое
И въ этой онъ покои бѣлоду́бовой:
Голова-то у него пивной котелъ,
Глаза-то у него пивны чаши
И между глазами у Одолища поганаго пядень.
То спроситъ Одолище поганое:
«Ай же ты крестьянской сынъ!
«Есть на руси старо́й казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
«Онъ великъ ли-то ростомъ есть?»
Прогово́ритъ крестьянской сынъ,
Прогово́ритъ ему таково слово:
— Е на русп старо́й казакъ Илья Муромецъ,
— Е онъ росту такой какъ я. —
«И много ли онъ хлѣба солп къ выти кушаетъ?»
— Онъ кушаетъ крестьянской сынъ,
— Старо́й казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
— По три фунта хлѣба ѣстъ,
— И мяса ѣстъ по три фунта,
— И пиво пьетъ по пивной по чашѣ. —
Отвѣчаетъ тутъ Одолище поганое:
«Ой же ты крестьянской сынъ!
«Какой же есть-то русскій могучо́й богатырь?
«Какъ есть-то я́ богатырь,
«Ѣмъ-то я хлѣба по пе́чи,
«Мяса ѣмъ я по стя́гу

«И пива пью по три я́ндомы».
Прогово́рилъ ли тутъ крестьянской-то сынъ,
Прогово́рилъ Одолищу поганому:
— У моего родителя у батюшка
— Была на дворѣ корова да обжориста,
— Ѣла да пи́ла—ю ро́зорвало. —
Одолище поганое розгорѣлось его сердце богатырское
И взялъ съ гвоздя ножи́ще кинжа́лище,
Бросило въ сына крестьянскаго.
И въ емъ была въ крестьянскомъ сынѣ,
Въ старо́мъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ,
Ухватка была богатырская,
Остранился отъ этого ножика кинжалища,
Пролетѣлъ же этотъ ножикъ кинжалище
Во эти сѣни во рѣшетчаты.
Онъ вышелъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
И отъ этого Одолища поганаго
А съ этыихъ сѣней да со рѣшетчатыхъ
На ши́рокъ дворъ ко своему ли коню да къ богатырскому,
Увеселилось ёго сердце богатырское:
Очистилъ-де старо́й казакъ Илья Муромецъ
Путь дороженьку да ши́року
Ко этому ко городу ко Кіеву,
Ко тому ли солнышку ко князю ко Владиміру.
И тутка старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ по го́роду Крякову погуливаетъ,
Онъ погуливаё а й похаживаё.
Самъ думу крѣпку подумываё:
— Надо бы ѣхать отъ города отъ Крякова
И надо бы ѣхать въ руку во правую,
Въ лѣвую руку ѣхать ко Со́ловью Рахманову. —
Садился старо́й казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
На того ли коня богатырскаго
Отъ этого ли Одолища поганаго,
Отъ этого ли отъ города отъ Крякова;
Привязалъ ли это Одолище поганое
Старóй казакъ Илья Муромецъ
Къ этому ко стремени булатнему
А ко этому ко тóроку кониному,
И конь мелкіи перебpоды перешахивалъ,
Глубокіи рѣки перескакивалъ,
Мхи и озера на окóлъ-то держалъ.
Ѣдетъ ли путёмъ ли-то дороженькой шúрокой
Ко этому ли Сóловью Рахманову;
И этотъ ли Сóловей Рахмановъ,
Явный розбойникъ по бѣлý свѣту,
Имѣе онъ жительство на двѣнадцати дубахъ,
Не пропущаетъ онъ къ соби ни коннаго,
Ни коннаго онъ ни пѣшаго.
Онъ ѣдетъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Палицей булатнею поигрыватъ
И палицу булатнюю выкидаетъ изъ виду вонъ,
И палица булатняя сорока пудовъ;
Плеткою коня да вѣдь шелкóвою попуживатъ.
Пріѣхалъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Ко этому же полю ко великому,
Ко этому ко полю ко чистому.
Ѣзди сóловей Рахмановъ на богатырскомъ конѣ
И палицей булатнею поигрываетъ,
И палицу булатную выкидаетъ изъ виду вонъ.
Устрашился же у старà казака Ильи Муромца,
Устрашился конь да богатырскіи
Этого Сóловья Рахманова.
Онъ свистнулъ тутъ по змѣиному,

Крыкнулъ онъ по звѣриному,
Со́ рта пламя у него пома́хиваетъ,
Съ носу искры у него попрядываютъ.
Устрашился у стара́ казака Илья Муромецъ
Этого крику да звѣринаго,
Этого свисту да змѣинаго,
Его конь да богатырскій,
Палъ ли конь его богатырскій на сыру землю,
Палъ ли конь да на колѣна.
Прогово́ритъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же волчья сыть, пелово́й мѣшокъ!
— Ты что же устрашился крыку звѣринаго,
— Устрашился ты свисту змѣинаго?
Послужи-тко вѣрой правдой мнѣ. —
Они съѣхались на поли на чистоёмъ
Старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Со этымъ Со́ловьемъ со Рахмановымъ,
И сбилъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ
Этого Со́ловья Рахманова
Со сѣделышка черкаскаго,
Со этого коня да богатырскаго,
Со этой палицей со булатнею,
Съ этими поспѣхамы богатырскима.
Его розгорѣлось сердце богатырское,
Вышелъ со своего добра-то коня,
Отвязалъ-то вѣдь онъ того да розбойничка
Отъ своего онъ стремени булатняго
Отъ этого то́рока конинаго,
Еще тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Отвязалъ отъ того Одолища поганаго
Отъ этого то́рока конинаго,
Отъ этого стре́мени булатняго,

Привязалъ онъ Со́ловья Рахманова
И ко этому ко стремени булатному,
И ко этому то́року конину́му.
Поѣхалъ со поля тутъ со чистаго
Старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А со этыимъ со Со́ловьемъ Рахмановымъ,
И ко этой полаты богатырскоей.
Си́дятъ въ покои богатырскоей,
Си́дятъ три дочери рожденыя,
Си́дятъ три зятя любимые.
Большая дочь поговариваетъ:
«Нашъ-то батюшка ѣдетъ со чиста́ поля,
«И русскаго могучаго бога́тыря везетъ у стремени булатняго
«И у этого то́рока конинаго».
Середняя дочь прого́воритъ таково слово:
— Правду говоришь, моя сестра ро́дная!
— Ѣдетъ родитель батюшко,
— Везетъ русскаго могучаго бога́тыря
— У этого у то́рока конинаго,
— У этого у стре́мени булатнаго. —
Меньшая сёстра́ говоритъ таково слово:
«Ай же вы, сестры мои ро́дныя!
«Русскій могучій богаты́рь ѣдетъ,
«Везетъ нашего родителя батюшку
«У этого у торока конинаго,
«У этого у стремени булатняго».
Пріѣхалъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ
Ко этой ли полаты богатырскоей,
Розгорѣлось его сердце богатырское.
Поднята у этыхъ у дочерей подворотня чугунная,
Въѣхать бы туда русскому могучу бога́тырю
На ши́рокъ туды ему на бѣлой дворъ,

Чтобы умертвить его подворотней чугунною.
Какъ была-то у него ухватка богатырская,
Узналъ онъ ихъ намѣры думныи,
Что хочютъ оны умéртвити
Русского могучаго богáтыря,
Осадилъ своего коня да богатырскаго
Своёй назадъ уздой тесмяною,
Спустили подворотню-ту чугунную;
Какъ была у него ухватка богатырская
Въ старóмъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ,
Ильѣ Муромцѣ сыну Ивановичу,
Ухватка была крестьянская,
Онъ въѣхалъ къ нимъ на широкой дворъ,
Привязалъ своего коня богатырскаго
Ко этому столбу ко точеному,
Ко этому кольцу къ золоченому,
Умертвилъ онъ его дочерей рожденыихъ
И въ этомъ покои бѣлодýбовомъ
Умертвилъ онъ и родныхъ зятовей,
Отрубилъ имъ буйны гóловы
Этимъ мечемъ богатырскіимъ.
Опъ здрадовался старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— И я очистилъ дорогу ко городу ко Кіеву,
— Ко солнышку князю да ко Владиміру. —
Пріѣхалъ-то въ городъ во Черниговъ,
Входитъ-то онъ въ церковь въ Божій храмъ,
Крест-отъ кладетъ по писáному,
Поклон-отъ ведетъ по учёному,
Иконамъ нерукотворепнымъ поклоняется:
— Не исполнилъ старóй казакъ Илья Муромецъ
— Заповѣди я той да Божіей,
— Надо бы служить Господу Богу во храмѣ молебенъ:
— Окровавлены руки да во человѣчью кровь. —

Онъ поѣхалъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому ль князю ко солнышку,
Ко солнышку князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ онъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Отворяетъ онъ ворота да нá пяту,
Пріѣзжаетъ онъ на княжій дворъ,
Привязалъ коня да богатырскаго,
Приходитъ въ полаты гряновитыя,
Крестъ-то кладетъ по писáному,
Да поклонъ ведетъ по учéному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
И солнышку князю́ да вѣдь Владиміру
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину:
«Ай же ты старóй казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«А которой ты ѣхалъ да дороженькой?»
Отвѣчалъ ли старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
— А ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— А я ѣхалъ ли по городу по Крякову,
— И я ѣхалъ ли по Сóловью Рахманову,
— И очистилъ вси пути дорожки ши́роки
— И во всёй ли-то земли святорусскою.—

Записано въ Кижахъ, 5 іюля.
Повѣрено въ Петербургѣ, 8 сентября.

121.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(См. Рыбникова, т. I, 22).

Во стольноемъ во городи во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,

Заводилось пированьице почестенъ пиръ,
На многихъ на князей на бо́яровъ,
А на русскіихъ могучіихъ бога́тырей,
А на всѣхъ на поляницъ на удалыихъ.
Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Онъ похвастаё а вѣдь городомъ,
А вѣдь городомъ а вѣдь Кіевомъ;
Русскіи могучіи бога́тыри
А хвастали-то они силою,
А силою своею богатырскою;
И гости купцы тутъ торговыи
А похвастались они тутъ товарами,
А тыма ли товарамы заморскими,
А куницами лисицами а черными соболями заморскими.
И умной похвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный похваляется молодой женой.
Добрынюшка похвасталъ добры́мъ конемъ,
Олеша Поповичъ сынъ похвасталъ золотой казной.
Есть ли у молодца золота казна,
Золота казна да не тощится,
Малы денежки да не держатся.
Вси русскіи могучіи богатыри
Да вси поляници удалыи
Да вси со двора росходилиси
По своимъ ли-то полатамъ богатырскіимъ.
Среди-то ноченьки темныя
Вдругъ-то забило въ било колокольчато
На томъ ли дворѣ на княжепецкоемъ
У солнышка князя у Владиміра;
Пришолъ татаринъ поганыи,
Ёрлыкъ на столъ выкладывалъ
Солнышку князу Владиміру,
На тотъ ли столъ на дубовыя
А на ту доску золоченую,

И самъ-то на словахъ выговаривалъ:
«Ай же солнышко Владиміръ князь,
«Владиміръ князь стольно-кіевской!
«Приберн-тко вси двора̀ да княженецкія,
«Очисти-тко вси полаты богатырскіи,
«Очисти-тко ты улицы стрѣлецкіи
«Въ ѣхать Каину *(такъ)* собакѣ да поганоей
«Во стольный градъ да во Кіевъ».
Испугался солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Отъ Каина собаки отъ поганаго,
Отъ силы его да вѣдь великоей,
Послалъ звать русскіихъ могучіихъ бога́тыревъ,
Стараго казака Илью Муромца.
Вси пришли русскіи могучіи богатыри,
Вси пришли поляницы тутъ удалыи,
Нѣтъ одного стара́ казака.
А стара казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца сына Ивановича.
Да прогово́ритъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь стольнё-кіевской:
— А й гдѣ же старо́й казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ? —
Привели старого казака Илью Муромца.
Онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Поклон-отъ ведетъ по учёному,
На двѣ на три на четыре стороны поклоняется
И солнышку князю Владиміру въ особину.
Да прогово́ритъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь стольнё-кіевской:
— Ай же ты старо́й казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ есть ли кому стоять за Кіевъ градъ,
— За своё ли ро́дное отечество,

— За тую ль вѣру христіанскую? —
Да прогóворитъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Дай-ко ты мнѣ времени и побтдохнуть,
«Не на много не на мало на двѣнадцать дней».
Они съѣхали русскіи могучіи богатыри
Отъ этого двора княженецкаго,
Отъ солнышка князя Владиміра,
Поѣхали ко полю да ко чистому,
Роздернули шатры да бѣлыи,
Насы́пали конямъ пшены́ бѣлояровой,
Да вси кони стоятъ да вси пшену́ ѣдятъ.
Пришолъ ли тутъ младой Ермакъ Тимофеевъ сынъ
А ко солнышку ко князю ко Владиміру
Да на ши́рокъ дворъ на почестенъ пиръ,
Да онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по учёному,
И на двѣ на три на четыре стороны поклоняется:
— Ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Ты дай-ко мнѣ прощеньицо,
— Дай-ко ты мнѣ благословеньицо,
— Да поѣхать ко этыимъ татарамъ ко поганыимъ
— Да на это ли на поле да на чистое.
— Надо намъ тамъ биться да ратиться,
— Да стоять ли-то за стольный Кіевъ градъ,
— За свое ли за ро́дное отечество,
— За тую ли вѣру христіанскую. —
Прогóворилъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Ай же ты мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
«Ты есть-то вьюношъ, отъ роду тебѣ вѣдь семьнадцать лѣтъ».
Да прогóворилъ ли младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ:
— Солнышко Владиміръ князь,

— Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Да ты дашь ли прощеньице поѣду,
— А не дашь ли благословенья поѣду. —
«Ай же ты младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ!
«Да гдѣ же твой ро́дной батюшко?»
Прого́ворилъ младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ:
— Солнышко Владиміръ князь,
— Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Мой-то родной батюшко ушолъ къ Герману Сергію,
— Въ старци ушелъ постригатися,
— А я поѣду ко татарамъ ко погапыимъ,
— Надо мнѣ тамъ биться ратиться,
— А стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
— За свое ли за ро́дное отечество. —
И поѣхалъ ли-то Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
Садился да на коня богатырскаго,
А со этыма поспѣхамы богатырскима,
И плёточкой-то коня попуживаётъ
И палицей булатнею попгрываетъ,
А палицу булатнюю выкидываетъ,
И палицу выкидываетъ подъ обла́ки,
А палица булатняя сорока пудовъ.
Онъ выѣхалъ младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
Ко этимъ шатрамъ ко бѣлыимъ.
Прого́воритъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Ты выстань-ко мла́дый Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
«Во дубъ тотъ во ши́рокой
«И посмотри ты на поле на чистое:
«Много ль нагнано у Ка́лина у собаки у поганыя
«Много ль нагнано татаръ да поганыихъ?»
И много множество у Калина у собаки у поганыя,
А пріѣхалъ-то Калинъ собака да поганал
Ко той ко рѣкѣ ко Смородинѣ,

Ко тому ли дубу ко ши́року,
Ко тому ли ка́меню къ Олатырю,
И привелъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
И сорокъ королей королевичей;
У царей силы по цѣлой есть по тысящѣ,
А у королевичей по десяти тысячъ.
Ко той ли-то рѣки-то Смородинѣ,
Ко тому ли ко ду́бу ко ши́року,
Ко тому ли ко ка́меню къ Олатырю
Высталъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
Во дубъ ли онъ да во ши́рокой,
Посмотрѣлъ-то онъ во тру́бку во подзорнюю,
Какъ нагнано у Калина у собаки у поганыя
Да ко той ли рѣки ко Смородинѣ
Много множество татаръ да поганыихъ,
Вѣдь сѣрому-то волку въ день-то не о́скакать,
Че́рному ворону въ день не о́блетѣть.
Онъ вышелъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
Со этого со дуба да со ши́рока
Да на этую на матерь на сыру́ю землю,
Прого́воритъ русскіимъ могучіимъ богатырямъ:
— Русскіе вы могучіе богатыри,
— Ай же вы поляницы да удалыи!
— Не честь е вамъ — конямъ богатырскіимъ
— Въ шатрахъ да бѣлоду́бовыхъ
— А ѣсть-то имъ пшёну да бѣлоярову. —
Какъ садился младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ
На этого коня да богатырскаго,
Поѣхалъ ли на это ли на поле да на чистое
Ко этыимъ ли татарамъ ко поганыимъ.
И высталъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ высталъ ли въ тотъ ши́рокъ дубъ,
Посмотрѣлъ ли онъ на поле на чистое,

Посмотрѣлъ во трубку подзорнюю,
Какъ вѣдь сѣрому-то волку въ день-то не о́скакать,
Че́рному ворону въ день не о́блетать,
Только нагнано татаръ поганыихъ.
И опустился старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А со этого со ду́бу да й со ши́рока
И на этую на матерь на сырую землю,
А какъ садился на коня богатырскаго,
И плеточкой-то коня попуживаетъ,
И палицей булатнею поигрываетъ,
Палицу булатнюю выкидываетъ,
Онъ палицу булатнюю подъ облака,
А палица вѣсу сорока пудовъ.
Онъ выѣхалъ во поле во чистое
А ко этыимъ татарамъ ко поганыимъ,
Начали они рубить татаръ да поганыихъ
Да со мла́дымъ Ермакомъ Тимофеевымъ сыномъ,
Прирубили они всѣхъ татаръ да поганыихъ
На этоемъ на поли да на чистоемъ,
У этой у рѣки да у Смородины,
У того ли дуба у ши́рока,
У того ль у камени у Олатыря;
Прирубили они всѣхъ татаръ поганыихъ,
Розгорѣлися сердца богатырскія,
Росходилисъ жилы богатырскіи.
А подумалъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
Какъ была бы сила небесная,
Прирубили бы мы силу всю небесную;
И прого́ворилъ да старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ прого́ворилъ себи да таково слово:
«Какъ явилась бы тутъ сила небесная,

«Прирубили бы мы сплу всю небесную!»
Розрубятъ татарина единаго,
А сдѣлается съ едина два;
А розрубятъ и по двухъ татаръ да поганыихъ,
А сдѣлается съ двухъ да четыре.
Рубили тутъ всё татаръ да поганыихъ,
Да пересѣлся-то старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Отъ этыихъ татаръ да отъ поганыихъ,
Окáменѣлъ его конь да богатырскои,
И сдѣлалися мощи да святыи
Да со старà казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца сына Ивановича [1]).

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

122.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Да во стольноёмъ во городи во Кіеви,
И у ласкова князя у Владимíра,
И вси были богатыри позáзваны,
Поляницы удалыи да й пособраны,
Да вси на пиру сыты пьяны веселы.
Да проговорилъ тутъ солнышко Владимíръ князь:
«А вси богáтыри сыты пьяны веселы,
«Я могу нунь похвастать городомъ,
«Да городомъ да Кіевомъ».

---

1) На вопросъ о томъ, откуда ему извѣстно о такой кончинѣ Ильи Муромца, Щеголенокъ отвѣчалъ, что это извѣстно изъ Пролога, и прибавилъ, что нѣкогда раскольники выправляли въ Кіевъ довѣренныхъ людей разузнать, какъ сложены персты въ мощахъ Ильи Муромца; эти люди, воротившись, разсказывали, что персты у него растянувши, такъ что не видно, какъ онъ слагалъ персты при крестномъ знаменіи.

Да прогóворятъ богатыри таково слово:
— Мы можемъ похвастать силой своей да богатырскою. —
Да сидитъ-то мла́дыи Добрынюшка Никитиничъ:
«Да ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я служу у тебя во двори да княженецкоемъ,
«Да спусти меня съѣздить по городу,
«Да по городу да по Кіеву,
«Да по этыимъ по узкимъ переулочкамъ».
Да прогóворятъ тутъ русски могучи бога́тыри:
— Ай же ты мла́дый-то Добрынюшка Никитиничъ!
— Поѣзжай-ко ко подворьицу ко вдовиному,
— Да проси-тко ты у честно-мужней вдовы Офимьи Александровны,
— Да ты проси-тко прощеньица,
— Да проси-тко ты благословеньица,
— И ѣхать-то по городу,
— А по городу вѣдь по Кіеву,
— Да по этыимъ по узкимъ переулочкамъ. —
Да прогóворитъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна:
«Ай же ты младой-то Добрынюшка Никитиничъ!
«Ты поѣдешь-то по городу по Кіеву,
«По этыимъ по узкимъ переулочкамъ,
«Только не заѣдь въ татарскую во улицу,
«Въ Маринкину еще да во слободу:
«Она убила трёхъ-то русскіихъ могучіихъ бога́тырёвъ,
«И убьетъ-то четвертаго русскаго могучаго бога́тыря».
Енъ поѣхалъ ли мла́дый-то Добрынюшка
Да со этыма поспѣхами богатырскима,
Да со этоёй со саблей да со востроей,
Ёнъ поѣхалъ ли по городу по Кіеву,
Да по этыимъ по частымъ переулочкамъ,
Онъ заѣхалъ ли въ татарскую улицу.
Да тамъ въ татарской да вѣдь во улицы
И пискъ да вéрезгъ вéликъ идетъ,

И розгорѣлись-то его жилы богатырскія
Да во этыихъ во руцѣхъ да во бѣлыихъ,
Прирубилъ всѣхъ татаръ да поганыихъ.
И онъ-то ѣхалъ ли въ Маринкину во слободу,
Да пріѣхалъ ли къ полатки полотняною
И опустился со коня да богатырскаго,
И отворяе ворота да онъ-то на́ пяту
Да въ эту полатку полотняную,
И тамъ сидитъ Маринка со татариномъ,
И со татариномъ да со поганыимъ,
Да со этыимъ Одо́лищомъ поганыимъ,
Да со этыимъ Горюнищомъ поганыимъ.
Своима она рѣзвыма ногами татарина охватываетъ,
Да татарина Горюнища поганаго
Рукамы его бѣлыма татарина обнима́ётъ,
Да татарина Горюнища поганаго
И ко бѣлымъ грудямъ да прижимаётъ
И цѣлуетъ-то устами своими да саха́рныма
Да этого татарина Горюнища поганаго,
Да вѣдь этого Одолища поганаго.
Ёнъ прого́ворилъ ли мла́дый тутъ Добрынюшка:
— Ай же ты Маринушка, идёшь ли за меня замужъ? —
Ёна говорила таково слово:
«И только иду за мла́даго Добрынюшку Никитича,
«Да за русскаго могучаго бога́тыря».
Ёнъ прого́ворилъ тутъ мла́дыи Добрынюшка Никитинецъ:
— Ай же ты Маринушка, тутъ я́ это есть,
— Да намъ нужно повѣнчаться съ тобой околъ кустышка,
— Да во чисто́мъ поли околъ кустышка ракитоваго. —
Да обвелъ ли тутъ младый Добрынюшка Никитиничъ
Околъ кустышка ракитова три́ разу,
Ёнъ прого́ворилъ ли тутъ да таково слово:
— Ай же ты Маринушка жена моя! —
И вынялъ съ ножней да саблю вострую

Да съ того ли темляка богатырскаго,
Отрубилъ ли ёй рѣзвы ноженки,
Рѣзвы ноженки по колѣночку,
И самъ говорилъ таково слово:
— Я за то те отрубилъ да рѣзвы ноженки:
— Когда ты сидѣла въ полатки полотняноёй
— Да со этымъ Одолищомъ поганыимъ,
— Да со этымъ Горюнищомъ поганыимъ,
— Ты охватывала своими ногами рѣзвыма. —
Перевёрне саблю вострy на дрyгy сторону,
Отрубилъ-то ёй да руки бѣлыи,
Руки бѣлыи да по локóточки:
— Я за то те отрубилъ да руки бѣлыи:
— Когда ты сидѣла-то съ Одолищомъ поганыимъ
— Въ этой полатки полотняноёй,
— Прижимала ты руками да вѣдь бѣлыма
— Ко своёй ли ты ко бѣлóй груди. —
И отрубилъ онъ у нёй буйну голову,
Да прогóворилъ тутъ мла́дой Добрынюшка:
— Оттого я отрубилъ у тебя буйну голову:
— Когда-то ты сидѣла въ полатки полотняноей
— Да съ этыимъ Одолищомъ поганыимъ,
— Съ этыимъ Горюнищомъ поганыимъ,
— Цѣловала ты устами да саха́рныма
— И этого Одолища поганаго,
— И этого Горюнища поганаго,
— И за то отрубилъ у тебя буйну голову,
— Чтобы больше не цѣловала Одолища поганаго. —
Онъ съѣхалъ ли назадъ во стольней Кіевъ градъ
Къ честно-мужней вдовы Офимьѣ Алексадровной.
Да прогóворитъ тутъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна:
«Да что же ты, мла́дый Добрынюшка,
«Долго ѣздилъ ты по городу,

«Долго ѣздилъ-то по Кіеву,
«По этымъ по узкимъ переулочкамъ?»
— Честно-мужняя вдова да ты Офимья Александровна!
— Я былъ ли во улицы татарскоей
— Да всихъ прирубилъ тамъ татаръ я поганыихъ,
— И былъ въ Маринкиной я слóбоды,
— Повѣнчался съ нёй околъ кустышка ракитова,
— И отрубилъ ей ножки по колѣночку,
— И отрубилъ руки бѣлы по локоточку,
— И отрубилъ ёй буйну голову:
— За то я отрубилъ, что сидѣла въ полатки полотняной
— Да съ этымъ Одолищомъ поганымъ,
— Да съ этымъ Горюнищомъ поганымъ,
— Захватывала его ногами рѣзвыма,
— И обнимала его руками бѣлыма,
— Цѣловала-то устами да сахáрными
— Да вѣдь этого Горюнища поганаго. —
Да тутъ ли старинушки славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 10 сентября.

123.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Какъ во стольноёмъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласкови князи при Владимiри,
Были русскiи могучiи богáтыри,
Тыи поляницы были удáлыи.
Да прогóворилъ Добрыня таково слово,
Таково слово Добрынюшка великое:
«Ай вы русскiи могучiи богатыри,
«Ай же вы поляницы вси удалыи!
«У насъ нынече то время начинается,
«И время начинается середи лѣта.

«Середи-то лѣта было краснаго
«Захотѣлось Добрынюшкѣ Никитичу
«Окупать свое тѣло да богатырское,
«Ѣхать ли ко этоей да ко рѣченки
«А ко рѣченки а ко Почаевой».
Пріѣхалъ ли Добрынюшка Никитиничъ
Къ честно-мужней ли вдовы Офимьѣ Олександровной
И прогóворилъ Добрыня таково слово:
«Честно-мужняя ты вдова Офимья Олександровна!
«Захотѣлось мнѣ-ка ѣхать-то ко рѣченьки
«И ко этой-то ко рѣченькѣ ко Почаевой
«Окупать-то свое тѣло да нáгое,
«Тѣло нáгоё богатырскоё».
И прогóворитъ Офимья Олександровна:
— Ай же дитятко мое рожоное!
— Безъ родителя ты росъ безъ желаннаго
— И росъ ты со родителью со матушкой.
— Да куды ты справляешься Добрынюшко,
— Да куды ты отправляешься въ широкой путь? —
Онъ прогóворилъ Добрыня таково слово:
«Честно-мужняя вдова ты Офимья Олександровна!
«Мн охвота-то поѣхать ко рѣченькѣ
«И ко этой-то ко рѣченькѣ ко Почаевой
«Покупать-то своё тѣло нáгоё,
«Тѣло нагоё богатырскоё».
Она прогóворитъ ему да й таково слово:
— Ай ты чадо мое да ты рожоное!
— Эта рѣченка была да вѣдь Почаева,
— Поперекъ-то рѣки верста мѣрная
— И глубиной-то рѣка сорока саженъ. —
И ставаетъ-то Добрынюшка на ноженьки
И ставаетъ-то на рѣзвыи
И надѣваетъ босавички на босу́ ногу,
Надѣваетъ онъ одежду богатырскую,

Богатырскую одежду самолёгкую;
Надѣваетъ-то онъ шляпоньку на головушку
И выходитъ-то Добрынюшка со сѣницей,
И со сѣницей выходитъ со рѣшетчатыхъ,
И приходи Добрынюшка въ конюшню бѣлоду́бову,
И отворяе ворота да онъ на́ пяту,
Да беретъ-то жеребчика неѣзжанаго,
А неѣзжана жеребчика не сѣдланаго.
Надѣваетъ тутъ Добрынюшка уздицу на головушку,
На головушку да на буйную,
И уздица была та вѣдь семи шелковъ,
Поводъ-то онъ былъ онъ се́ребромъ зо́лоченъ
Се́ребромъ зо́лоченъ да сяю́чімъ *(такъ)*.
Да выводитъ Добрынюшка коня да богатырскаго
А со этоей конюшни бѣлоду́бовой,
А не ѣзжанъ жеребецъ не сѣданъ былъ;
Кла́дываетъ на жеребчика исподнички,
На исподнички да онъ войлочки,
И на войлочки онъ сѣделышко,
Да сѣделышко онъ черкаскоё;
Затягиваетъ Добрынюшка подпруги
И подпруги затягиваетъ двѣнадцатеры, —
Пряжки во подпругахъ булатня желѣза,
А иглы во пряжечкахъ червона золота.
Крыкнулъ Добрынюшка громкимъ голосомъ:
«И поѣду ко рѣченки и ко Почаевой!»
Услыхали ёго слуги вѣрныи,
Выводятъ слуги на ши́рокъ дворъ.
Онъ беретъ ли палицю булатнюю,
Енъ беретъ копье долгомѣрное,
Онъ беретъ саблю на́ поясъ,
Беретъ-то плеточку шелко́вую,
И поднимался на коня богатырскаго,
Онъ прижалъ коня да подъ круты ребра,

И шпорамы своима булатнима.
Испрогóворилъ конь таково слово:
— Ай же Добрынюшко Никитиничъ!
— Не жми-тко шпорамы меня подъ круты ребра. —
Енъ поѣхалъ ли Добрыня со широкá двора,
И выѣхалъ въ дороженьку широкую
И поѣхалъ ко рѣчкѣ ко Почаевой.
Онъ плетечкой коня Добрынюшка
И плеточкой коня да онъ попуживаетъ,
Палицей булатнею Добрынюшка попгрываётъ,
Копьемъ долгомѣрнымъ поворáчиваётъ.
И поѣхалъ онъ ко рѣчкѣ ко Почаевой,
И до рѣченьки еще тамъ три поприща
И конь-то ступае на воли своёй.
Да пріѣхалъ ли Добрынюшка ко рѣченьки,
И ко рѣченьки да ко Почаевой,
И выходитъ Добрыня со добрá коня,
Выходитъ-то Добрыня на крутóй берёгъ
И начинаетъ Добрынюшка дѣло дѣлати.
Да прогóворитъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты дѣтинка неудáкова! [1])
«Покаравуль-ко ты коня да богатырскаго
«А у той ли у рѣченьки у Почаевой,
«Мнѣ охвота покупаться да й у рѣченьки
«И во рѣченьки во Почаевой,
«Покупати свое тѣло нáгое,
«Тѣло нагое да богатырское».
Да тутъ протомойки *(такъ)* на рѣчкѣ бѣльé мыли
И бѣлье мыли оны, полоскали оны,
Да прогóворятъ Добрынѣ таково слово:
— Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
— Не купли-тко ты своего тѣла нáгаго

1) По объясненію Щеголенка это значитъ: неудалая или неудачливая.

— И во этоёй во рѣченькѣ во Почаевой,
— Тѣла на́гаго богатырскаго,
— Да купли-тко ты въ рубашкѣ полотняноей. —
И зашолъ ли Добрынюшка во рѣченьку,
Окупалъ ли свое да тѣло богатырское
А во этоёй ли рубашкѣ полотняноей.
Да сподъ западнёй сторонкѣ стукъ да гремъ великъ идетъ.
Сколыбаласи на рѣченькѣ на Почаеви *(такъ)*
И свѣжая-та ключевая водушка,
И забилась-то волна по-крутымъ берегамъ.
И надѣлся тутъ Добрынюшка въ одежду богатырскую;
Показалиси змѣя да восьмиглавая
Да по этоёй ли по рѣчкѣ по Почаевой.
Разгорѣлось ёго сердце богатырское,
Разгорѣлись его жилы богатырскіи,
Онъ беретъ-то вѣдь Добрыня саблю въ рученьки
И во рученьки беретъ богатырскіи,
А хочетъ показнить змѣины головы,
Головы змѣины восьмиглавыи.
И смолилась тутъ змѣя восьмиглавая
И голосомъ смолилась человѣчьіимъ:
«Не казни-тко ты Добрынюшка змѣиныи головы,
«Я иду ко морю, ко синю́ морю,
«А иду къ ко́ролю ко великому,
«Ко великому ко́ролю да у синя́ моря;
«И есть-то у него да едина дочь,
«Едина дочь королевская:
«Брови-то у нёй черна соболя,
«И очи у нёй ясна сокола,
«По косицамъ-то у нёй звѣзды частыя.
«Я достану-то, Добрынюшка Никитиничъ,
«Я достану эту королевичну отъ синя́ моря,
«Да жди-тко ты меня Добрыня три денька».
Да проходитъ тому временки три деньку,

Приходитъ Добрынюшка ко рѣченьки,
Приходитъ Добрынюшка ко Почаевой,
Стоитъ-то тутъ дѣвица на крутомъ берегу,
А брови-ты у нёй черна соболя,
А очи-ты у ней ясна сокола,
На косицахъ-то у ней звѣзды частыя.
И захватывае Добрынюшка ю за рученьки,
Прижимае ю къ сердечушку ретивому.
Сколыбнулось ёго сердце богатырское
Да прогóворилъ Добрыня таково слово:
— Ноньо поѣдемъ мы съ тобой да вѣдь ко городу,
— Да ко городу да мы ко Кіеву,
— Ко тому ли князю́ ко Владиміру.
— Могу ль-то я похвастать таковымъ словомъ
— Русскімъ могучімъ бога́тырямъ:
— Я досталъ ли красну дѣвицу отъ синя́ моря
— Отъ синя моря отъ корабля великаго. —
Да прогóворятъ тутъ русскіи могучіи бога́тыри,
Да прогóворятъ тутъ поляницы удалыи:
«Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Да досталъ ли ты ю да красну дѣвицу
«Отъ синя моря да отъ того ли ко́роля
«Отъ того ли короля да отъ великаго?»
Заводитъ-то Добрынюшка ю въ покоп бѣлоду́бовы;
Устрашилась его ро́дна матушка
Честная вдова Офимья Олександровна,
И брови-то у нёй черна соболя,
А вѣдь очи-то у нёй да ясна сокола,
И на косицяхъ-то у ней звѣзды частыя.
И прогóворитъ эта честно-мужняя вдова
Да вѣдь Офимья Олександровна:
— Ты досталъ ли, мое ты чадо любимое,
— А дѣвицю отъ синя́ моря отъ короля да ты великаго?
— Вѣдь тутъ теби Добрынюшка Никитиничъ

— Не надѣя-то на красную на дѣвицю,
— Она вышла-то съ земли да вѣдь съ невѣрною,
— Да по заповѣди теби да вѣдь приставила,
— Приставила змѣя да восьмиглавая.
— И оставить надо тутъ Добрынюшка этую дѣвицю
— И не взять-то ёй теби да во супружество,
— Надо докладъ сдѣлать солнышку князю Владиміру. —
Какъ прогóворитъ солнышко Владиміръ князь да стольнё-
кіевской:
«Ай ты Добрынюшка Никитинничъ!
«Зачѣмъ же ты оставилъ змѣю восьмиглавую,
«Зачѣмъ же ты да не рубилъ ёй да буйны гóловы,
«Эти головы да змѣиныя?

(Конца не помнитъ.)

Записано въ Кижахъ, 7 іюля.

124.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОПАЛѢ.

Какъ во стольнёмъ во городѣ во Кіевѣ
И у солнышка князя́ да у Владиміра
Собраны были русскіи могучіи богáтыри,
Да тыи́ ли поляницы удалыи
Да во ту ли полату гряновитую.
Да тыи русскіи могучіи богáтыри
По мѣстамъ были вѣдь розсажены,
И были они да вѣдь накормлены,
И накормлены были да вѣдь напóены,
И сыты они да вѣдь-то веселы.
И прогóворилъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской:
«Ай вы русскіи могучіи богáтыри,

«Ай же поляницы вы удáлыи!
«Я похвастаю вѣдь городомъ,
«А городомъ да вѣдь Кіевомъ».
Да Самсонъ да вѣдъ Самойловичъ
Онъ похвасталъ своёй силой богатырскою,
И тотъ старóй казакъ Илья Муромецъ
Тоже онъ похвасталъ своёй силой богатырскою,
Дюкъ-то вѣдь Степановичъ
Тоже онъ похвасталъ своей пошапкой [1]) молодецкою,
И также-то Чурило вѣдь Щаплёнковичъ
Тоже онъ похвасталъ своей пошапкой молодецкою.
Да сидитъ-то млáдыи Добрынюшка Микитинычъ,
Да сидитъ за этымъ столомъ да княженецкимъ,
А не хвастаетъ онъ никакимъ словомъ.
Тутъ прогóворилъ солнышко Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Что же ты, млáдыи Добрынюшка Микитинычъ,
«А за что же ты сидишь, ничимъ не хвастаешь?»
Онъ прогóворилъ ли младыи Добрынюшка Микитинычъ:
— Ты солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской,
— Вы русскіи могучіи богатыри,
— Вы всѣ поляницы вы удалыи!
— И я похвастаю своей молодой женой,
— Молодой Настасьей да Никуличной:
— Она князей бояръ съ ума повыведётъ
— И солнышка Владиміра вонъ повыведетъ. —
Это слово не казалось солнышку князю Владиміру,
Онъ станетъ да на свои да на рѣзвы́ ноги,
Онъ идётъ своей полатой гряновитоей
И съ ножки на ножку переступываетъ,
И по буйной головушкѣ ручками поглаживаетъ

1) Такъ, вмѣсто «пощапкой», т. е. щегольствомъ; но Щеголенокъ говорилъ, что не понимаетъ этого слова, чѣмъ и объясняется ошибка въ его произношеніи.

И самъ прогóворитъ солнышко Владиміръ князь:
«И будутъ ли ко тому дѣлу охвотнички,
«Аль будутъ къ этому дѣлу невольнички?»
И у этого стола княженецкаго
Сидитъ-то тамъ дѣтинушка невеликенькой,
Самъ прогóворитъ да таково слово:
«Да къ этому дѣлу будутъ охвотнички,
«Не надо вѣдь невольничковъ».
— Берп-тко мла́даго Добрынюшку Никитича
— За этыи за ученьки за бѣлыи,
— За этыи за перстни за злачёные,
— Отведи его во погребы глубокіе
— А за его за рѣчи неумильніи. —
Взялъ ли свёлъ ли мла́даго Добрынюшку
Со той ли со полаты гряновитыи,
И по этымъ по узкимъ переулочкамъ,
И засадплъ во этыи во погребы глубокіе.
И со той полаты гряновитыи
Донесли таково слово честно-мужнеей вдовы Офимьѣ Александровной:
— И засаженъ ли мла́дыи Добрынюшка Никитиничъ
— Во этыи во погребы глубокіи. —
Тутъ прогóворитъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна
Сквозь свои слёзы да горючіи:
«Я ро́стила мла́даго Добрынюшку Микитича
«Не во богачестви — во сирочестви».
И проходитъ тому времени да три денька,
И обрубила тутъ Настасья-та Никулична
Свои волоса да по мужичьему,
Да взя́ла ли коня да богатырскаго,
И взяла она свой ту́гой лукъ
Да со этыма со стрѣлочками каленыма,
И пріѣзжаетъ она ко солнышку князю́ Владиміру

И на княжой дворъ, на богатырской дворъ,
И прогóворитъ ли: — Посолъ земли турецкоей,
— И этого солтана да турецкаго;
— Покаравýльте-тко моего коня да богатырскаго
— И на этоёмъ двори да княженецкоёмъ,
— Я пойду ко солнышку князю Владиміру
— И во этую полату гряновитую. —
Отворялъ ворота онъ тутъ да нá пяту
Да приходитъ тутъ въ полату гряновитую.
Тутъ всѣ сидятъ русскіи могучіи богáтыри
И всѣ сидятъ поляницы тутъ удалыи.
Этотъ ли посолъ земли турецкоей
И этого солтана да турецкаго
Онъ крест-отъ кладётъ по писáному,
Поклонъ ведётъ по учёному,
На двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
И солнышку князю Владиміру въ особину:
— Ай же ты солнышко Владыміръ князь стольне-кіевской!
— Я пріѣхалъ къ твоему ко городу ко Кіеву
— Да просить поединщичка,
— Да стрѣлять-то стрѣлочку калёную
— Изъ этого изъ луку да изъ тýгаго,
— И во чистóмъ полѣ поставить кольцо серебряно
— И класть ли ножичекъ булатніи
— И розрубить ли эту стрѣлочку каленую пó-поламъ:
— Одна другой половина-то не бóльше,
— Одна другой половина да вѣсомъ не тяжельше. —
И посылаетъ солнышко Владиміръ князь и стольнё-кіевской:
«Вы русскіи могучіи богáтыри!
«Вы подите-тко въ поле во чистое
«Стрѣлять эту стрѣлочку калёную
«Изъ этого изъ луку изъ тýгаго,
«И во это ли кольцо во серебряно,
«Во этотъ ли во ножичекъ булатніи,

«Розрубить надо стрѣлочку каленую по́-поламъ:
«Одна другой половина-то не больше,
«Одна другой половина да вѣсомъ не тяжельше».
Тутъ и шли русскіи могучіи богатыри
А на это ли на поле да на чистое;
Тутъ шолъ ли Самсонъ да Самойловичъ,
Тутъ шолъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Во этоемъ ли полѣ да во чистоемъ
Тамъ наложено кольцо да серебряно,
Ножичекъ тамъ наложенъ да булатній-тотъ.
Стрѣ́лилъ-то Самсонъ да Самойловичъ
Стрѣлочку да онъ каленую
А изъ этого изъ луку изъ ту́гаго,
Первый разъ-то стрѣ́лилъ да пере́стрѣлилъ,
Дру́гой разъ-то стрѣ́лилъ да не до́стрѣлилъ,
А третій разъ-то стрѣ́лилъ да попасть не могъ.
И также старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Первый разъ-то стрѣлилъ да пере́стрѣлилъ,
Другой разъ-то стрѣлилъ да не до́стрѣлилъ,
А третій разъ-то стрѣлилъ да попасть не могъ.
И тутъ солнышку князю да Владиміру
Стало это дѣло за досадушку,
Стало за досадушку да за великую:
— Ты солнышко Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Какъ у насъ былъ ли мла́дый-то Добрынюшка Микитиничъ,
— Онъ могъ стрѣлять стрѣлочку калёную
— Изъ этого изъ луку изъ ту́гаго. —
Тутъ прого́ворилъ солнышко Владиміръ князь:
«Вы русскіи могучіи богатыри!
«Вы идите-тко ко погребу глубокому,
«Вы достаньте-тко мла́даго Добрынюшку Микитича,

«Отройте-тко пески да вы жолтыи,
«Выпустите его на волю да на вольную».
Вышелъ ли младыи Добрынюшка Микитиничъ
Изъ этого изъ погреба глубокаго,
И приходятъ-то къ солнышку князю да Владиміру
Самсонъ-тотъ да Самойловичъ,
Да старый казакъ Илья Муромецъ,
Приводятъ ли-то мла́даго Добрынюшку Микитича
И во этую полату гряновитую.
И прогово́ритъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Да пріѣхалъ ли посолъ земли Турецкоей,
«Да вѣдь этого солтана да турецкаго,
«Проситъ онъ поединщичка
«На это ли на поле да на чистое
«Да стрѣлитъ ли стрѣлочку каленую.
«Вы подите-тко русскіи могучіи бога́тыри
«Со мла́дыимъ Добрынюшкой Микитичемъ,
«И со своимъ ли лукомъ со ту́гіимъ».
И стрѣлитъ-то посолъ земли Турецкоёй,
Изъ своего изъ луку да изъ ту́гаго
И въ это ли кольцо въ серебряно
И во этотъ ли ножичекъ булатніи,
Розрубитъ онъ стрѣлочку да вѣдь по́поламъ:
Одна другой половина-то не больше,
Одна другой вѣсомъ не тяжельше.
И приклался ли мла́дый Добрынюшка Никитиничъ
И со своимъ ли со лукомъ со ту́гіимъ,
Стрѣли́лъ вѣдь стрѣлочку каленую
И въ это ли кольцо да во серебряно
И во этотъ во ножичокъ булатніи,
И розрубилъ онъ стрѣлочку каленую по́поламъ:
Одна другой половина-то не больше,
Одна другой вѣсомъ не тяжельше.
Выѣхалъ ли младый Добрынюшка Никитиничъ

Со этого ль поля да со чистаго,
Во свою ль полату богатырскую,
Ко той ли ко честно̀й вдовы Офимьи Олександровной.
Онъ приходитъ въ свою полату богатырскую,
Онъ крест-отъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по учёному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
Честно-мужніи вдовы Офимьи Олександровной
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Зрадовалась честно-мужняя вдова да вѣдь Офимья Олександровна:
— Ты пріѣхалъ ли младыи Добрынюшка,
— Со этыихъ со погребовъ со глубокіихъ,
— Вышла ли волюшка вольная
— Отъ солнышка князя́ да отъ Владиміра. —
И тутъ тебѣ старинушку да славу́ поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

125.

ДУНАЙ.

Какъ во стольноёмъ во городи во Кіеви,
У солнышка князя́ да й у Владиміра,
Были собраны русскіи могучіи бога́тыри,
Да вси поляницы ли уда́лыи.
Еныѣли пили да вѣдь кушали
И за этыимъ столомъ да княженецкіимъ
И стали оны да вѣдь-то на́ весели.
Да прогово́ритъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Да Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Да вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы да удалыи!

«Да вы знаете ль мнѣ княгину въ супру́жество взять,
«Да было бы мнѣ съ кимъ вѣкъ корота́ть,
«Да было бы съ кимъ кня́жество держать?»
Да прогово́ритъ ли мла́дый тутъ Добрынюшка:
— Я знаю къ тебѣ да вѣдь княгину взять,
— Да вѣдь будетъ тебѣ съ кимъ вѣкъ коротать,
— Да съ кимъ будетъ княжество держать:
— И есть у короля въ Литвы,
— Есть-то у него да вѣдь три дочери:
— Да перва дочь Опракса королевична,
— Да дру́га дочь Марья королевична,
— Да третья дочь да есть не въ до́рости.
— Да взять теби можно Опраксу королевичну,
— Да будетъ теби съ кимъ вѣкъ коротать
— Да вѣкъ коротать, да съ кѣмъ княжество держать. —
Да прогово́ритъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
Да прогово́ритъ онъ да й таково́ слово:
«И ай же ты мла́дыи Добрынюшка Никитиничъ!
«Поѣзжай-ко ты къ королю въ Литву».
Онъ прогово́ритъ ли мла́дыи Добрынюшка:
— И не честь молодцу ѣхать да единому,
— Надо взять дру́гаго бога́тыря. —
«Выберай себи бога́тыря по разуму
«Да ѣхать съ то́бой въ землю во Литовскую».
Онъ прогово́рилъ Добрынюшка Никитинничъ:
— Ай же ты Дунай да сынъ Иваповичъ!
— Да поѣдемъ мы съ тобой въ землю во Литовскую,
— Къ королю туды да вѣдь къ великому,
— Да посватать-то Опраксы королевичной. —
Оны собрали́сь русскіи могучіи бога́тырп
Изъ этой-то полаты гряновитоей,
Они заходятъ-то въ конюшню богатырскую,
Надѣваютъ на копей узди́цы да тесмяныя,
Во уздицы повода́ да вѣдь шелко́выи,

Да вѣдь тыхъ ли шóлковъ, шóлковъ разныихъ,
И разныихъ шолкóвъ да шóлковъ шанскіихъ;
Кладывáютъ на коней да вѣдь исподнички,
На исподнички да оны войлочки,
И на войлочка оны сѣдёлышко,
Да сѣдёлышко да вѣдь черкальскоё,
И затягиваютъ пóдпруги двѣнадцатеры,
И во подпругахъ пряжки серебряны,
И во пряжечки штылёчики чиста золота,
И завязываютъ свясточки семи шолковъ,
И не ради-то красы, ради крѣпости,
Да тыхъ ли шелкóвъ да шóлковъ разныихъ,
Шóлковъ разныихъ да шóлковъ шанскіихъ.
И надѣли на головушку по шляпоньки,
И шляпоньки земли да сорочинскою,
И вѣсомъ шляпы сорока пудовъ;
И взяли по палицы булатнёёй,
И взяли по луку по тýгому,
И взяли по плёточки шелкóвоёй,
И садились на коней да богатырскіихъ.
Выѣзжаютъ со двора да княжепецкаго
И на эти переулочки на кѣевски,
На эты переулочки на узеньки,
Волею идутъ кони богатырскіи.
Они выѣхали съ града изъ Кіева
И въ эту путь да въ дороженьку,
Они прúжали коней да богатырскіихъ,
Они прúжали-то шпорамы вострыма
Да подъ этыи да подъ круты́ ребра,
Да ударили ихъ плеточкой шелкóвою
Да по этоей по степи лошадиною.
Да пошли ихъ кони богатырскіи
И мелки озера перескакивали,
И глубоки озёра перемахивали;

Лѣсомъ ѣдутъ дремучімъ,
Ли только отъ нихъ-то пскопыть стаётъ;
Ёны съѣхали тутъ къ королю въ Литву.
Пріѣзжаютъ оны́ на королевской дворъ,
Тамъ наставлено татаръ много́ поганыихъ.
И опустилисъ тутъ русски могучи бога́тыри
Со своихъ ли-то коней да богатырскіихъ
И на этую на матушку на сыру землю.
И прогово́ритъ тутъ мла́дый да Добрынюшка,
Да прогово́ритъ онъ да й таково слово:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
— Покаравуль-ко ты коней да богатырскіихъ. —
Ёнъ пошолъ ли младый Добрынюшка,
Во покои пошолъ да королевскіи,
И отворяе ворота опъ-то на́ пяту,
Да приходи въ покои королевскіи.
Онъ крест-отъ кладетъ по писа́ному,
Да поклонъ ведётъ по учёному,
И на всѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
Королю-то дѣлае поклонъ да вѣдь въ особину.
«Ай же ты Добрынюшка Никитинничъ!
«Пріѣхалъ ли ты да й не по старому
«Королю храбру да во служеніе?»
— Я пріѣхалъ ли посватать-то Опраксы королевичной
— И за солнышка князя Владиміра. —
Тутъ приходитъ-то татарипъ да поганыи,
Говорилъ ли онъ да й таково слово:
«Тамъ стоитъ ли русской могучой бога́тырь,
«У коней стоитъ да богатырскіихъ,
«Онъ прирубилъ-то всихъ татаръ да вѣдь поганыихъ.
«На дворѣ татаръ да мало ставится».
Да прогово́рилъ король да й таково слово:
— Да заклічь-тко ты своего русскаго бога́тыря. —
Онъ заклі́калъ-то Дуная сына Ивановича:

«Не руби татаръ да ты поганыихъ,
«Да ты ступай сюды въ полаты королевскіи,
«Они каравулятъ нашихъ-то коней да богатырскіихъ».
Да пришолъ ли Дунай сынъ Ивановичъ
Да во этыи полаты королевскіи;
Да прогóворилъ тутъ мла́дой да Добрынюшка,
Онъ прогóворитъ опять да таково слово:
«Да когда къ теби пріѣхать къ королю въ Литву?»
— Когда можете вы да спра́вится,
— Тогда пріѣзжайте къ королю въ Литву.
— И отдамъ-то я Опраксу королевичну
— И за солнышка князя́ да за Владиміра,
Приглянулась ли Дунаю сыну Иванычу
Да вѣдь эта Марья королевична,
Да прогóворилъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты король земли Литовскоей!
«Я не поѣду ко городу назадъ да вѣдь ко Кіеву,
«Если ты дашь за мéня Марью королевичну
«Да во этоё велúко во супружество.
«Да пусть ѣде мла́дый взадъ Добрынюшка,
«И одинъ ѣде ко городу ко Кіеву».
Ёнъ остался тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Енъ остался тутъ у короля въ Литвы.
И прогóворитъ вѣдь Марья королевична:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Я мастеръ стрѣ́лять стрѣлочки калёныи
— Да во этоёмъ во поли да во чистоёмъ,
— И держать въ руки кольцо да серебряно
— Да Дунаю сыну да вѣдь Ивановичу,
— Да стрѣ́лить вѣдь изъ этого изъ луку да изъ ту́гаго,
— И стрѣ́лить стрѣлочку калёную,
— И поставить тутъ да ножичокъ булатніи,
— Да противо кольца да вѣдь серебрянаго,
— Да попасть ли стрѣлочкой калёною

— Да въ это кольцо да во серебряноё,
— Да во этотъ во ножичокъ булатніи,
Розрубить-то стрѣлочку калёную да вѣдь пóполамъ,
— И одна другой половина да не больше,
— Да чтобы вѣсомъ была одна другой да не тяжельше:
— И тошто [1]) иду тебѣ въ супружество. —
И натянула она свой да вѣдь тýгой лукъ,
Да вѣдь стрѣ́лила стрѣлочку калёную
Да изъ этого изъ луку да изъ тýгаго,
Да попала она въ кольцо да во серебряно
И во этотъ во ножичокъ булатніи,
И розрубила она стрѣлочку калёную
И одна другой половины не больше,
И вѣсомъ она да не тяжельше.
И онъ прогóворитъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты Марья королевична!
«Нунь держи-тко ты кольцо да серебряно,
«Да держи-тко ножичокъ булатніи.
«Я буду стрѣлять стрѣлочку калёную
«Да изъ этого изъ луку да изъ тýгаго».
Тутъ прогóворитъ Марья королевична:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Не стрѣляй-ко ты стрѣлочки калёноей.
— Не попасть тебѣ въ кольцо да во серебряно,
— И не попасть тебѣ въ ножичокъ булатніи,
— Не розрубить тебѣ стрѣлочки калёноей. —
А не могъ терпѣть Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Нѣтъ ужъ надо стрѣлить, Марья королевична,
«Да стрѣлочку да вѣдь калёную,
«Да тоже мнѣ изъ луку да изъ тýгаго,
«Да попасть во кольцо да во серебряно
«Да во этотъ-то во ножичокъ булатніи».

---

1) Т. е. тогда или въ такомъ случаѣ.

Она прогóворитъ Марья королевична,
Да прогóворитъ она да й таково слово:
— Да ты стрѣлишь мнѣ да во бѣлы груди.
— Я спорожу теби сына да единаго:
— По колѣночку ножки да въ сéребри,
— По локóточки да ручки въ золоти,
— На головушки будутъ волоса звѣзды частыи,
— И очи-ты будутъ ясна сокола. —
Она стала держать Марья Королевична
И этого кольца да вѣдь серéбряпаго,
Да вѣдь этого ножичка булатняго;
И натянулъ ли тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
И натянулъ онъ свой да тýгой лукъ,
Да спустилъ ли стрѣлочку каленую
Да изъ этого изъ луку да изъ тýгаго.
Онъ первой разъ стрѣлилъ да и перéстрѣлилъ,
Да другой-то разъ стрѣлилъ да не дóстрѣлилъ,
Да въ третiй разъ стрѣлилъ да въ груди́ попалъ
Да вѣдь этой Марьи королевичной.
Да приходитъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ
Онъ приходитъ тутъ да ко бѣлу́ тѣлу,
Роспласталъ-то ёй тутъ грудюшки бѣлыи,
Да засѣянъ-то младенецъ да во чреви:
По колѣночку ножки въ серебри,
По локóточки ручки въ золоти,
На головушкѣ волоса звѣзды частыи,
И глазушка у него ясна сокола.
И заплакалъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ
Да по этоёй по Марьи королевичной,
Говорилъ ли тутъ онъ да таково слово:
«Да гдѣ легла Марья королевична,
«Да на эту легла да на сыру землю,
«Да тутъ лягъ Дунай сынъ Ивановичъ».
Да лёгъ ли Дунай сынъ Ивановичъ

И возли Марьи королевичной,
И духъ онъ отдалъ Господу Богу.
И посли этого прошла рѣченька Дунай рѣка,
Да тутъ теби старицушку славу́ поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

126.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольноёмъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласковомъ князи при Владимірѣ,
Была честна́я вдова, Часовова жена,
Была́ блудна жена да Хотинушкина мать.
Завела она-то честна́ вдова Часовова жена,
Завела она тутъ да почестенъ пиръ,
Князей-то бояръ на пиръ посо́брала
И русскіихъ могучіихъ бога́тыревъ позабрала.
Они ѣли да пили на радости,
Пили хмѣльное на весели,
И были-то гости на мѣсто розсаженыи,
И носила тутъ честна́ вдова, Часовова жена,
Носила по честно́й по чарочкѣ,
И всимъ-то гостямъ да прохожіимъ,
И приходитъ она съ чарочкою зеленою
А къ блудноёй жены да Хотинушки мать;
Сидитъ она — буйная головушка между плечи повѣшепая
И очи ясны во калиновъ мость утупленыи,
Чарочки питья съ рукъ не выпимаетъ.
И прогово́ритъ Хотинушкина матушка:
«И честна мужняя вдова, Часовова жена:
«Я осмѣлюси словцё-то сказать, словцё выразить
«Есть у меня дѣтинушка блудной сынъ,

«А й ты честна̀ вдова, Часовова жена,
«Есть у тебя единая дѣвушка Устинушка:
«Отдай-ко Устинушку въ законной бракъ
«И за этого за Блудова дѣтинушку Хотинушку».
И прогóворитъ честна вдова, Часовова жена:
— И не отдамъ я Устинушку за блуднаго сына Хотинушку. —
Походятъ гости собѣ съ пиру вонъ,
И пошла тутъ Хотинушкина матушка,
Да буйную голову повѣсила,
А буйную голову между́ плечи,
Утупила очи ясны во сыру́ землю.
И увидѣлъ блудной сынъ Хотинушка,
И приходитъ Хотинушкина матушка
Ко своёй ли полаты жилецкоей,
Да приходитъ она да вѣдь не весела.
Да прогóворитъ Хотинушка блудной сынъ:
«Ай же ты мати моя да ты ро́дная:
«И была ты на почестномъ на гостёбищѣ
«А у честной вдовы, Часовова жены:
«И мѣсто ль теби не по разуму,
«Аль чарой великой тебя о́бпесли,
«Аль словомъ тебя опорочили?»
Говорила ему матушка словечко:
— Ай же ты блудной сынъ Хотинушка!
— Я сказала честной вдовы, Часового жены,
— Я сказала ей единое словечушко:
— А дай-ко ты дочерь Устинушку
— Да за блуднаго сына Хотинушку.
— Не отдаетъ она дочери Устинушки
— За блуднаго сына Хотинушку. —
Да прогóворитъ блудный сынъ Хотинушка:
«А мы возьмемъ ее Устинушку.
«Она волею отдастъ, такъ мы волею возьмемъ,

«А вѣдь волей не отдастъ, мы неволей возьмемъ
«А не то, такъ возьмемъ кроволитіемъ».
И посватали Устинушку въявѣ
И за этого блуднаго сына Хотинушку.
Говорила тутъ честна̀ вдова, Часоваго жена:
— Ой же ты блудный сынъ да Хотинушка!
— Не отдамъ я дочери Устинушки
— За блуднаго тебе за сына Хотинушку. —
И прогóворитъ Хотинъ да таково слово:
«А мы возьмемъ Устинушку кроволитіемъ».
Тутъ-то Устинушка не вышла
За этого за блуднаго сына Хотинушку.

(Конца не помнитъ).

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

127.

ЧУРИЛО.

«Поженилъ-то меня батюшко а неволею,
«И женила меня матушка не охвотою,
«Да приданаго много — человѣк-отъ худой;
«Да придано большо̀ на грядкѣ вспитъ,
«Да золота монета въ кованóмъ ларци,
«Да худая женишка на руки́ лежитъ,
«И на руки лежитъ да цѣловать велитъ,
«Цѣловать-то мнѣ-ка ёй не хочется».
И заплёлъ тутъ Щурилушко Щаплёнковичъ
По самоцвѣтному по камешку
Да въ эти лапотики шелкóвыи,
Пошолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
Со своёй ли со сторонушки рожденыи,
Изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду.

И шолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ,
И шолъ ли онъ къ королю́ храбру,
Да нанялся къ королю́ хробру
Да на десять лѣтъ и во служеніе.
Онъ служилъ ли-то Щурилушка Щаплёнковичъ
Королю въ Литвы да вѣдь Литовскому,
Онъ служилъ да вѣрой правдою
Вѣрой правдою да безошибочно,
Да вѣдь ѣлъ да пилъ да съ одного судна.
И приходитъ ему́ времечко срочное,
И по своёй стороны стосковалоси
Да по этыхъ рожденыхъ родителяхъ,
Да худа́-то женишечка на умъ не йдетъ.
И давае королевска ему́ дочерь
И даваетъ ему де́нежекъ пятьдеся́тъ рублей,
Пятьдесятъ-то рублей да со полтиною.
Тутъ пошолъ ли-то Щурилушка Щаплёнковичъ
Отъ короля въ Литвы да отъ Литовскаго,
И пошолъ-то по городу да Окіянову,
И выходитъ супротиво того домишечку питейнаго.
Изъ питейника домишечка выходитъ-то бабёночка,
Бабёночка турыжная [1]) да ярыжная,
Подвигается къ Щурилушкѣ да близёхонько,
Да сама-то говоритъ да каково слово:
— Ай же ты дѣтинушка ясе́нъ соколъ:
— Пріустали-то твои да рѣзвы ноженьки
— Да во этой во пути да й во дороженьки,
— И примахались твои ручки бѣлыи
— А во этоёй пути да й во дороженьки,
— Припечалились уста твои саха́рныи
— А во этоей пути да й во дороженьки,
— Пріустала твоя буйная головушка

1) По объясненію Щеголенка, *турыжная* значитъ: оборванная.

— А въ пути въ дороженьки во ши́рокой.
— Да ты, ясе́нъ соколъ дѣтинушка,
— А зайди-тко ты да на царевъ кабакъ,
— Да ты выпей-ко да чару зелена́ вина,
— И запей-ко ты медамы настоялыма,
— И окати своё ретивое сердечушко,
— И роспечаль-ко ты свои уста саха́рныи,
— Розвесели свою буйную головушку. —
И онъ зашолъ ли-то Щурилушка Щапленковичъ
Да въ это-то домишечко въ питейноё,
Да онъ сѣлъ-то на скамеечку дубовую,
Наливаетъ онъ чару зелена́ вина,
И запилъ онъ тутъ медамы настоялыма.
Тутъ прогово́ритъ ясенъ соколъ Щурилушка Щаплёнковичъ:
«И я жилъ молодецъ у короля въ Литвы,
«И служилъ-то я вѣрой правдою ему,
«И ѣлъ да пилъ я съ одного судна».
И похвасталъ дочерь' королевскою:
«И спалъ я у дочери королевскоей,
«И спалъ я на право́й руки,
«И на право́й руки у бѣло́й груди,
«Цѣловалъ ю во уста да й во саха́рныи».
И услыхали тутъ короля да Литовскаго
А слуги вѣдь да и вѣрныи,
Да сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
И завѣсили ему да очи ясныи,
И хочутъ ве́сти на поле Куликовое.
И онъ прогово́ритъ Щурилушка Щапленковичъ:
«Ай же вы ребята короля да вы Литовскаго!
«Вы возьмите съ ме́ня денежокъ да пятьдесятъ рублей,
«И пятьдесятъ рублей да со полтиною,
«Да ведите меня мимо королевской домъ,
«Да послѣдне мнѣ-ка съ пёй проститися,
«Да послѣдне мнѣ съ ней розставатися».

Повели его Щурилушку Щаплёнкова
Мимо королевской домъ,
Онъ и крыкнулъ тутъ да громкимъ голосомъ:
«Ай ты дочь-то вѣдь королевская!
«Да послѣднё мни съ тобой проститися,
«Да послѣднё мни розставатися».
Прогóворитъ-то эта дочь да королевская:
— Вы возьмите-тко съ меня да сéмдесятъ рублей,
— Да роскуйте ему да ножки рѣзвыи
— И розвяжите ему да ручки бѣлыи,
— И откройте ему да очи ясныи,
— Да спустите на волю да й на вольнюю. —
Онъ взяла дочь королевская
Во свои новы сѣни да рѣшотчаты.
Онъ прогóворитъ Щурилушка Щаплёнковичъ:
«Я еще хочу послужить у короля́ въ Литвы,
«Хоть еще бы послужилъ да два годика».
Да служилъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
Да служилъ еще вѣдь да два годпка.
На проходи ему времечко строчное
Ёнъ походитъ Щурилушка Щаплёнковичъ
И давае ему денежокъ пятьдесятъ рублей,
Да сама й говорила таково слово:
— Не зайди-тко больше на царевъ кабакъ,
— И не выпей болѣ чары зелена вина,
— Не запей-ко медами настоялыма,
— Не похвастай мной королевичной. —
Да пошолъ Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да пошолъ онъ отъ короля съ Литвы,
И опять пришло итти по городу,
И пришло итти да по Кіянову.
И тутъ прошолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
И этотъ городъ Кіяновъ весь,
И вышелъ на дороженьку на ши́року,

И пошолъ оттуда изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю да въ свою сторону.
Да идетъ ли Щурилушко Щаплёнковичъ,
Идетъ-то дороженькой да ши́рокой.
Да впереди-то себя пахарь да попа́хиваётъ,
Лошадку-то пахарь понукиваётъ,
Да сошка у пахаря поскрыпываётъ.
Онъ день-то шолъ да до пахаря не дошолъ,
Да дру́гой день-то дороженькой пошолъ,
И пахарь, слышитъ, попахиваетъ,
И лошадку-то пахарь понукиваётъ,
Да вѣдь сошка у пахаря поскрыпываётъ.
И третій-то день пошолъ Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да вѣдь тоже пахарь попахиваётъ,
Да лошадку пахарь понукиваётъ,
И сошка у пахаря поскрыпываетъ.
И третей день шолъ да до пахаря дошолъ;
У пахаря лошадка пѣга́ненькая,
Да сошка у пахаря клено́венькая,
И омешики на сошки була́тъ желѣза:
«И Богъ теби помочь крестьянушко!»
— Да поди-тко дѣтинушка ясе́нъ соколъ. —
Тутъ пришолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да пришолъ ли тутъ да во свою сторону
Да ко этыимъ рожденыимъ родителямъ.
Престарѣлы родители рожденыи;
Да здоровался Щурилушко Щаплёнковичъ,
Да худа-то женишка да тутъ на умъ не йдетъ.
Да заплакали рожденыи родители:
— Да пришолъ ли ты Щурилушка Щаплёнковичъ,
— Да пришолъ ты да во свою сторону. —
И прожилъ-то Щурилушка Щаплёнковичъ
И отдыхалъ на мѣ́стечки три де́нечки,
И слыши по себѣ силу́ великую,

И ладитъ итти да вѣдь во Кіевъ градъ
Да ко солнышку князю́ да ко Владиміру,
Да даваться-то на службу богатырскую.
Енъ пришолъ ли-то ко городу ко Кіеву
На этотъ ли на дворъ на княжепецкой-то,
Отворяе ворота да тутъ онъ на́ пяту
И въ этую полату гряновитую,
Да тутъ сидятъ русски могучи бога́тыри,
Вси поляницы тутъ удалыи,
Да за этымъ столомъ да княжепецкимъ.
Ёпъ крест-отъ кладетъ да по писа́ному,
Да поклон-отъ ведётъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
Да солнышку князю́ да вѣдь Владиміру
Енъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину,
Да вѣдь самъ говорилъ да токово слово:
«И ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«И возьми-тко мня въ службу богатырскую».
— Я возьму тебя Щурплушка Щаплёнковичъ
— И въ службу къ себи да въ богатырскую,
— Только надо служить да вѣрой правдой мнѣ,
— Вѣрой правдой да безошибочно. —
Тутъ тебѣ старинушку славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

128.

ДЮКЪ.

Да во стольномъ во городи во Кіеви
И у солнышка князя́ й у Владиміра,
Заводился пированьицо почестенъ пиръ
На многихъ на князей на бояръ,

И на русскихъ могучихъ богатырёвъ,
Да на всихъ поляницъ на удалыихъ.
Да вси на пиру сыты пьяны веселы,
И вси на пиру розвеселилися.
Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Ёнъ похвастаетъ-то вѣдь городомъ,
Городомъ похвастаетъ да вѣдь Кіевомъ.
Самсонъ да Самойловичъ похвасталъ своей силой богатырской,
Да Ставёръ да сынъ Годиновичъ
Онъ похвасталъ своей силой богатырскою,
Да старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Ёнъ похвасталъ своей силой богатырскою.
И Олешенька Попóвъ сынъ
Онъ росхвастался своей золотой казной —
Есть ли у молодца — золотóй казной.
Да сидитъ ли мла́дый Добрынюшка Никитиничъ
Онъ похвасталъ своимъ-то конёмъ богатырскіимъ
И младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Онъ похвасталъ своей силой богатырскою.
Да сидитъ тутъ Щурилушка Щаплёнковичъ
Ёнъ похвасталъ своей пошапкой молодецкою,
Да сидитъ тутъ Дюкъ да Степановичъ
Онъ похвасталъ своей пошапкой молодецкою.
Надо ѣхать имъ во полё да во чистоё
И розсердить своихъ коней да богатырскіихъ,
Воротиться назадъ да ко рѣченки,
Да ко рѣченки ко Почаевой,
Впоперёкъ-то рѣка верста мѣрная,
Глубиной-то рѣка да сорока сажонъ.
Это слово говоритъ Самсонъ да вѣдь Самойловичъ.
Оны вышли изъ-за стола да изъ-за окольняго,
Да изъ этоей полаты гряновитою,

Да вышли оны на широкъ на бѣ́лой дворъ,
Оны заходя въ конюшню богатырскую,
И надѣваютъ на коней уздицы чесмяныи.
И во уздицахъ повода были шелковыи,
Вѣдь разныхъ шолковъ шолковъ шанскіихъ,
Кладываютъ на коней оны исподнички,
На исподнички оны войлочки,
На войлочко оны сѣдёлышко,
Да сѣдёлышко они черкальское.
Да затягиваютъ подпруги двѣнадцатеры,
И завязываютъ свясточки семи шелковъ,
Да не для́ ради красы, да ради крѣпости,
Да тыхъ ли шолковъ шелковъ разныихъ,
Да разныихъ шелко́въ да ше́лковъ шанскіихъ.
Пряжечки во подпругахъ серебряны,
Да штылёчики были они чиста зо́лота,
У сапожковъ шпоры була́тъ желѣза,
И осѣдлали коней да богатырскіихъ.
Да Щурилушка тутъ Щаплёнковичъ,
Да Дюкъ да тутъ да Степановичъ,
Шляпоньки на головушки земли да Сорочинскою,.
Шляпоньки на головушки сорока пудовъ,
И палиці́ булатни сорока́ пудовъ,
И сабли взяли съ со́бой вострыи.
Ёны садились на коней богатырскіихъ,
Выѣзжаютъ со двора да княженецкаго
И на этыи на Кѣевски переулочки,
И сзаду́ ѣдя три русскихъ могучихъ богатыря.
И напередъ ѣде́ Щурилушка Щаплёнковичъ,
Вслѣдъ ѣде Дюкъ да Степановичъ.
Да прогово́рилъ Дюкъ да Степановичъ
Да своему ли коню да богатырскому:
«Ай же ты сивушка бу́рушка,
«Да ты вѣщей во́ронке!

«Какъ ты служилъ моему родителю да батюшку,
«Также и мнѣ послужи вѣрой правдою».
Да прогóворилъ тутъ конь голосомъ человѣчьимъ:
— Ай же ты Дюкъ да Степановичъ!
— Когда сядешь ты на степь да лошадиную
— Да не жми-тко ты шпорами булатныма
— Да подъ эты меня да подъ круты́ ребра,
— Не хлыщи-тко плёточкой шелковою
— Да по этоёй по степи лошадиною,
— Не натягай пóводовъ да ты тесмяныихъ.
— Ты держись-ко за гриву да за святу́ гриву,
— Я тошто тебя служить буду вѣрой правдою. —
Оны съѣхали во поле да во чистое
И розсердили то своихъ коней да богатырскіихъ.
Пріѣхали ко рѣчки ко Почаевой,
Тутъ стоитъ три русскіихъ могучіихъ богатырёвъ,
Да смотрѣть надо на чудо да на чудноё.
Ёны скочили до половины рѣченки Почаевой,
Оборвали́ся у Щурилушки Щапленковича
Оборвались пово́да да вѣдь шелковыи,
Оборвались-то стре́мени булатніи
Въ половины-то рѣченки Почаевой.
Да проговорилъ ли Дюкъ да Степановичъ,
Онъ проговорилъ да таково слово:
«Мнѣ не жалко головы человѣчьею,
«Мнѣ жалко головы лошадиною».
И взялъ ли коня да богатырскаго
И этого Щурилушки Щаплёнковича,
И взялъ ли Дюкъ да Степановичъ
И вытащилъ его да вѣдь изъ рѣченьки,
Да изъ рѣченьки изъ Почаевой,
И вытащилъ его да й на крутóй берёгъ,
Да на этую на матушку сыру землю.
Да прогóворилъ тутъ Дюкъ да Степановичъ:

«Ты не хвастай-ко Щурилушка Щаплёнковичъ,
«Да не хвастай ты на дворъ поѣдучи
«Да ты похвастай-ко со двора́ да по́йдучи».
И остудился Щурилушка Щаплёнковичъ
И всѣхъ четырехъ русскихъ могучихъ богатыревъ.
Да тутъ ли старинушку и славу́ поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 9 сентября.

129.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда возсіяло на небѣ солнышко,
Тогда рыбы вси на глубь сошли,
Тогда сбѣжали звѣри въ лѣса тёмныи.
Мы сидѣли да были по коне́цъ пальца,
Мы ѣли да пили по коне́цъ стольца:
«Да вы слушайте братцы послухайте,
«Я скажу старину стародавную,
«Стародавную старинушку бывалую,
«Какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
«Снарядилъ ли войско подъ Казань-то городъ,
«Тамъ стояло-то войско подъ Казань де городомъ
«Не много не мало семь-то годовъ».
Да прогово́рилъ пушкарь да таково слово:
— Да ты Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Подкопать бы намъ подкопы глубокіе
— И подъ эты подъ стѣны городовыи,
— Закатить бы намъ бочки съ зельёмъ лютымъ,
— Начинить бы намъ бочки чернымъ порохомъ,
— И зажгать бы намъ свѣчи воско́выи
— Во эты во руцы во бѣлыи,

— За эты за стѣны да за дубовыи,
— Во рукахъ-то свѣщи догорѣются
— Надъ стѣнами да ничево вѣдь не дѣется. —
«Ай же пушкарь да ты обманываешь!»
— Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Ты позволь слово сказать да словцо вымолвить:
— Во рукахъ-то свѣщи да оны ясно горятъ,
— За стѣнами свѣщи оны не ясно горятъ. —
Не успѣлъ ли пушкарь да слова вымолвить,
Трёснули башенки треугольніи,
Разорвало стѣны городовыи,
И зашло тутъ войско во Казань-то городъ,
Да повынесли знамёна со Казáнь города,
Да повынесли порфилу-ту царскую,
Изъ-за этого стола да изъ-за окольнёго.
Какъ грозной царь Иванъ Васильевичъ
Ёнъ по свѣтлоей по свѣтлицы похаживаетъ,
Ёнъ сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Да самъ онъ говорилъ таково слово:
«И нынь заведу я почестенъ пиръ
«И на многихъ на князей на бояръ,
«И на русскихъ могучихъ богáтырёвъ,
«И на всихъ поляницъ на удалыихъ.
«Я повыведу измѣну нынь съ каменнóй Москвы,
«Я повыведу измѣну со Новá города,
«Я повыведу измѣну да й со Опского,
«Я повыведу измѣну да й со Вáстракани».
Да проговорилъ тутъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты Ѳедоръ да Ивановичъ!
«Да садись-ко на коня да й богатырскаго
«И со этыма поспѣхамы богатырскима.
«Поѣзжай-ко ты да великóй Москвой,
«Каменнóй Москвой да ты великою,
«Старыхъ и малыхъ конёмъ топчи,

«Русскихъ могучихъ богáтыревъ саблёй руби,
«Да ты не дѣлай-ко измѣны въ каменнóй Москвы».
Да поѣхалъ ли-то Ѳедоръ да Ивановичъ
Старыхъ и малыхъ конёмъ не топталъ,
Русскихъ могучихъ богáтырёвъ саблёй не рубилъ.
Онъ-то дѣлалъ измѣну-ту въ каменнóй Москвы.
Пріѣзжаетъ онъ ко двору да тутъ ко царскому,
И ко этому столу да княженецкому,
И отворяе ворота да онъ-то нá пяту,
Онъ и крестъ-то кладётъ да и по писáному,
Онъ и поклонъ-то ведётъ да й по учоному,
И на двѣ на три на четыре на сторонки поклоняется,
Ивану-то Васильевичу дѣлаетъ поклонъ-то въ особину.
Тутъ какъ станетъ грозный царь Иванъ Васпльевичъ
И на свои-то да на рѣзвы́ ноги;
И самъ говоритъ да во всю голову:
«Ай вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы удалыи!
«Я повынесъ-то знамéна съ Казáнь города,
«Я повынесъ ли порфилу-то царскую
«А зъ-за этого стола да зъ-за окольняго,
«Я вывелъ ли измѣну съ каменной Москвы,
«Я вывелъ ли измѣну со Нова города,
«Я вывелъ ли измѣну вѣдь со Опского,
«Я вывелъ ли измѣну и со Вáстракани».
Какъ сидятъ тутъ воры да й Гагарины:
— А ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Да твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
— И твоя-то измѣна на тебя глядитъ. —
Ёнъ кликнулъ Потанюшка Курлатова.
Какъ средней-то тулится за большаго,
Какъ меньшей-то тулится за средняго
Говоритъ Потанюшка Курлатовъ сынъ:
«А видно мни да ко судьбы пришло».

Да беретъ-то Ѳедора Ивановича,
Да беретъ-то Скурлатовъ за рученки за бѣлы,
За этыи берётъ ли за перстни злаченыи,
Да поводитъ на поле на чистоё,
На ту ль-то на плаху на дубовую,
Отрубить-то ему да буйна го́лова.
И придать смерть ему напрасная,
И вынять сердце со печенью.
И взяла тутъ Настасья Романовна
И стала на свои да на рѣзвы́ ноги,
Надѣвала чере́вички на босу ногу,
Кладывала она шубу соболину на одно плечо,
И шла-то къ стару казаку да къ Никиты Романовичу.
И крест-отъ кладётъ по писаному,
Поклон-отъ ведётъ по учоному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
Да стару́ казаку Микиты Романовичу
Она дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину:
— Ай ты старой казакъ Микита Романовичъ!
— Да ты пьёшь да ѣшь да проклаждаешься,
— А надъ нами ты незгодушки не вѣдаёшь.
— Нѣтъ-то у насъ сына да любимаго
— Ѳедора Ивановича.
— Взялъ ли Малюченка Потанюшка Курлатовъ сынъ
— И взялъ ли за рученки за бѣлыи,
— И за этыи за перстни злачёныи,
— И свёлъ ли на полё на чистоё,
— На ту ль-то на плаху дубовую,
— И отрубилъ-то ему да буйну голову,
— Да придалъ-то смерть ему напрасную,
— Да вынялъ сердце со печенью.
— И нѣтъ твоего крестнаго любимаго
— И Ѳедора да Ивановича. —
Да проговоритъ старо́й казакъ Микита Романовичъ:

«Долго долго не пекало красно солнышко—двѣнадцать лѣтъ,
«Не бывала-то Настасья Романовна
«У стара́ казака Микита Романовича».
Онъ сталъ ли старо́й казакъ Микита Романовичъ
И на свои сталъ на рѣзвы́ ноги,
И надѣвае босовички на босу ногу,
И надѣвае сертукъ да на одно плечо,
И онъ кидалъ колпакъ да на одно ухо.
Онъ берётъ-то коня да й богатырскаго,
Онъ садится на коня да й богатырскаго,
Онъ крикнулъ тутъ во всю голову:
«Ай же народъ сторонитесь вы!
«Старыхъ и малыхъ конёмъ стопчу,
«Русскихъ могучихъ бога́тыревъ саблёй срублю».
Далъ народъ улицу широку да вѣдь продо́лговату,
Каменно́й Москвой ѣхать да великою.
И онъ выѣхалъ на поле да й на чистое,
Онъ и крикнулъ тутъ да во всю голову:
«Ай ты Малюченко Потанюшка Курлатовъ сынъ!
«Да ты съѣшь этотъ кусъ да подавишься,
«Да ты выпьешь эту чару захле́бнешься».
Да пріѣхалъ ли Микита да Романовичъ
Да ко этой ко плахѣ ко дубовою,
И досталъ-то онъ Ѳёдора Ивановича,
И досталъ-то его да вѣдь во живности.
Онъ сходитъ съ коня да й богатырскаго,
Онъ берётъ-то Скурлатова за́ волосы,
Онъ кидае Скурлатова о плаху о дубовую
И отрубилъ-то ёму да буйну голову,
Да придалъ смерть да напрасную,
Да вынялъ сердце со пе́ченью.
И севодня дѣется пятница великая,
Завтра буде субота христовская.
И садился тутъ старо́й казакъ Микита Романовичъ

На своего ли коня да богатырскаго,
А со этымъ ли со Ѳёдоромъ Ивановичемъ,
И привёзъ его въ полату богатырскую.
И въ эту въ суботу во христовскую
Какъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Розсылалъ-то онъ афишки по всѝмъ сторонамъ,
И по своимъ-то слугамъ да вѣдь вѣрнымъ,
И по своимъ-то слугамъ да вѣдь подданнымъ:
— Да вы пóйдете къ заутреной христовою,
— Вы надѣньте одежду роспечальную,
— И нѣтъ-то у мня сына да любимаго
— И Ѳёдора да вѣдь Ивановича.
— Да свёлъ ли Скурлатовъ на чѝсто поле,
— И отрубилъ-то ему да буйну голову,
— И придалъ ему смерть напрасную,
— Да вынялъ сердце со печенью. —
Да пришли эты слуги ёго вѣрныи,
И пришли эты слуги ёго подданны,
Да пришли-то во церковь во Божію,
Да ко этой заутреной христовою
И надѣта одежда роспечальная.
Да приходитъ старóй казакъ Никита Романовичъ
Онъ крест-отъ кладётъ по писáному,
И поклон-отъ ведетъ по ученому,
И на двѣ на трп на четыре стороны покланяется,
И грозному царю да вѣдь Ивану Васильевичу
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Да вѣдь самъ гóворилъ да таково слово:
— Да ты здравствуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своёй семьёй, да со моёй сестрой,
— Да со тымъ ли со яснымъ со соколомъ
— Да со Ѳёдоромъ да Ивановичемъ! —
Ёнъ повёрнется грозный царь Иванъ Васильевичъ
И згляне на него да немилы́мъ окомъ:

«Какъ былъ бы ты собака не въ церкви не въ Божьею,
«Я не далъ бы собакѣ на часъ живота».
Какъ скаже старóй казакъ Микита Романовичъ
— Да живётъ ли грѣшному прощеньицо,
— Да живётъ ли грѣшному благословеньицо? —
«Я простилъ бы да вѣдь некого,
«Я помиловалъ бы да негдѣ взять».
И повéрнется старой казакъ Микита Романовичъ
Да со этой церкви да со Божьею,
Во свою ль-то онъ полату богатырскую,
Говоритъ-то тутъ Ѳедору Иванычу:
— Ай ты мой крестничокъ да мой любимой ты!
— Я досталъ ли-то у грознаго царя у Ивана да Васильевича
— Я досталъ ли у него да вѣдь прощеньицо,
— Я досталъ ли у него да вѣдь благословеньицо.
— Да ты ставай-ко вѣдь по утрушку ранёхонько,
— Умывайся-тко да ты бѣлёхонько,
— Утирайся-тко да вѣдь сухохонько,
— Убирайся ты да хорошохонько,
— Да мы пойдемъ-то вѣдь во церковь да во Божьюю
— И ко этоёй заутреной христовою. —
И пришли оны во церковь да во Божьюю,
Да крестъ оны кладутъ да по писаному,
Да поклонъ ведутъ оны да по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны поклоняются
И грозному царю да вѣдь Ивану Васильевичу
Оны дѣлаютъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Да прогóворитъ старóй казакъ Микита Романовичъ:
— Да ты здравствуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со моёй сестрой да со своёй семьёй
— Да со тымъ ли со яснымъ со соколомъ
— Да со Ѳёдоромъ со Ивановичемъ! —
Да повéрнется грозный царь Иванъ Васильевичъ
Да къ старýу казаку Никиты Романовичу,

Онъ берётъ его за рученки за бѣлыи,
И берётъ-то за перстни за злачоныи,
И цѣлуе во уста да во сахарныи,
Да вѣдь самъ говорилъ и таково слово:
«Ай же ты старой казакъ Микита Романовичъ!
«Да чимъ тебя на́ скорп пожаловать:
«Городамы ли тебя и пригородкамы,
«Али ли силою тебя да вѣдь великою,
«Али золотой казной да вѣдь безсчетною?»
— Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мни не надо городовъ съ пригородкамы,
— Мни не надо-то вѣдь сплы богатырскою,
— Мни не надо золотой казны безсчотною,
— И у меня-то всего того своего́ вѣдь есть.
— Мни пожалуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Да вѣдь на́ скори Микитину отчину.
— И кто какой грѣхъ-то сдѣлаетъ
— Кто въ Микитину отчину уйдетъ, того Богъ простилъ.—
Тутъ пожаловалъ ли грозный царь Иванъ Васпльевичъ
Какъ на крути́ Микитпну отчину
Да стару казаку Микиты Романовичу.
Да старинушки и славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

130.

ПТИЦЫ.

(См. Рыбникова, т. II, 59).

И отчего братцы зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отчего братцы становилась весна красна?
Весна красна становилась отъ зимы холодной.

Отчего братцы становилось лѣто тепло?
Становилось лѣто тепло отъ весны отъ красной.
Отчего братцы становилась осень богата?
Становилась осень богата отъ лѣта отъ тепла.

Покладутъ крестьяне стоги.
Имъ жить хорошо,
И весело и прохладно.
Да цари живутъ по царствамъ,
Да бояре живутъ-то по мѣстамъ,
И мелкіи судьи живутъ по уѣздамъ,
А попы-дьяки живутъ по погостамъ,
А сироты мелкіи люди живутъ они по подворьямъ.

А про то бы братцы было вѣсто:
Старой бабы на печи было мѣсто,
И лежала она бы — не бурчала бы,
Была бы подъ носомъ крынка съ тѣстомъ.
Старыи старики лежатъ по печамъ,
Стары старушки лежатъ по прилавкамъ,
Молоды молодицы съ мужевьями по чуланамъ спятъ,
Красны дѣвицы по ошёсткамъ спятъ,
Малыя ребята спятъ по зенькамъ спятъ.

Тутъ изъ далеча изъ далеча,
Изъ синяго дунайскаго моря,
И налетала малая птичка-пташка,
Спрашиваетъ у русскихъ птицъ:
«Ай же вы русскія птицы!
«Каково вамъ жить-то на Руси?»
Отвѣчали русскія птицы:
— Ай же ты мала птица-пташка!
— Хорошо намъ жить на Руси:
— Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,

— Да всѣ птицы у насъ при работѣ
— И всѣ птицы у насъ при каравулѣ. —
. . . . . .

И налетали птицы вóробьи,
Садились оны по кóламъ,
Садились оны по изгородамъ,
Садились оны по малыимъ ракитовымъ кусточкамъ
Да садились оны вдоль зеленой дубравы,
А живутъ оны въ домахъ по рагузу.
Губалъ-птица на морѣ плотникъ.
Ястребъ на морѣ стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по куренку,
Со вдовы съ сироты беретъ по двѣ и по три, —
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ были бояра.
Канюкъ на морѣ хлопóтникъ,
Гусь на морѣ морской ходатель.
Чайки на морѣ были онѣ погощанки.
Синица была на морѣ пѣвица:
И то она была не пѣвица
То она была пономарица.
И чирка на морѣ она была рыболовка
И побѣднымъ голосомъ она да рыдаетъ,
И рыбы много добываетъ:
И только съ рыбой въ ярманку не ѣздитъ,
И на тую рыбу больше призоръ не бываетъ.
Сойка на морѣ, она была верещата.
Утка на морѣ, она — сѣроплавка.
Селезень-то на морѣ — удалый добрый молодецъ,
Ластушки на морѣ были косатыя красны дѣвушки.
Соловей на морѣ птица
Хорошо поетъ, любо и слушать.
Жавроленочекъ онъ по поднебесью летаетъ,

Жалобнехонько онъ щекотаетъ.
Вытлюкъ на морѣ травникъ, самъ ябедникъ.
Куликъ на морѣ долгоногій,
Самъ-то былъ тонконосый.
Косачъ на морѣ казакъ донской
И тетерка на морѣ молодая жонка.
Галки на морѣ, оны погощаны.
Гагара изъ озера въ озеро она летаетъ.
Бѣлка на морѣ была росомаха.
Ворть былъ на морѣ старецъ,
И старецъ онъ былъ строитель,
И былъ строитель, то онъ былъ не строитель,
Былъ онъ монастырскій разоритель.
Журавь на морѣ пономарь монастырскій:
Въ большой колоколъ ударитъ,
Къ обѣднѣ итти заставитъ,
И ножки у него доленьки,
Чулки на ногахъ у него узеньки,
И по мосту ходить онъ не знаетъ,
И мосту мостить не умѣетъ.
И на морѣ медвѣдь кожемяка:
Много кожъ онъ сымаетъ
На ногахъ поршневъ не видаетъ.
И на морѣ волк-отъ овчиникъ:
Много овчинъ онъ снимаетъ,
Много по закустышамъ охичаетъ,
Самъ на себѣ шубы не видаетъ.
Лисица на морѣ — молода молодица:
Много винъ сдѣлае
Про себя вины не скаже,
Дологъ хвостъ на свой не ступитъ.
Заяцъ на морѣ сошки не дѣлае,
Рѣпки не паше,
Рѣпкой сытъ пребываетъ,

Онъ все крестьянина на Руси разоряетъ,
Во вѣки больше онъ сытъ пребываетъ.
Охъ тошнехонько, охъ тяжеленько, —
Кошкѣ на морѣ вдовицы,
И то бобыли — сироты,
День она по печамъ,
День она по ошёсткамъ,
И ночь-то придетъ — пойде по молочнымъ крынкамъ.
Да сорока на морѣ — кабацкая жонка:
Съ ножки на ножку пляшетъ,
Молодыхъ молодцевъ прибираетъ.
И курица на морѣ побѣдна птица:
И кто ню во дворѣ поимаетъ,
Всякій пирстомъ въ дыры́ покопае,
Оттуль яицо добывае,
И зятю тёща яйцо добываетъ,
Отъ того теща и честь залучаетъ.
На морѣ воро̀ница бабка пупорѣзна:
Голови́ще у ней толсто̀е,
Платьице у ней грязно̀е.

Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
Какъ станутъ нищи по подоконью бѣгать:
Холодныхъ щей не хлебали,
Горячихъ вѣкъ не видали.

Мы про то, братцы, не знали и не вѣдали.
Что знали то и сказали.

XXIII.

ВАСИЛІЙ АКСЕНОВЪ.

Василій Аксеновъ съ Лелпкова, 80-лѣтній старикъ-крестьянинъ, грамотный, мастеръ разсказывать сказки и обладающій

нѣсколькими лубочными изданіями. На вопросъ о былинахъ онъ сперва отвѣчалъ, что ихъ всѣ забылъ, но потомъ вспомнилъ отрывокъ про Вольгу и Микулу и другія былины, здѣсь помѣщаемыя. Отъ кого онъ имъ научился, не могъ припомнить.

131.

ВОЛЬГА И МИКУЛА [1]).

Во славномъ городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра
Былъ любимый племянничекъ
Младой Вольга Святославьевичъ.
Князь Владиміръ стольнё-кіевскій
Пожаловалъ ему три города,
Три города что не лучшіихъ:
Гурсовцемъ да Череповцемъ,
Да третьимъ городомъ Орѣховцемъ.
И поѣхалъ племянникъ городовъ смотрѣть
Услыхалъ оратая на нивы [2]) оручиво,
Услыхалъ оратая за двѣнадцать верстъ
Како ратай покрикиваетъ,
Омешики о камешки поскрипываютъ.
А сошка-та была у него дубовая,
Омешики чистаго серебра,
А присошекъ краснаго золота.
Пріѣхалъ Вольга Святославьевичъ
Самъ говоритъ таково слово:
«Богъ помочь, крестьянинъ оратай, на нивы оручись».
— Милости просимъ, Вольга Святославьевичъ! —

---

1) Старикъ Аксеновъ плохо помнилъ эту былину, и нѣкоторые стихи ему подсказывала Степанида Конова (XXI).

2) Это значитъ — въ лѣсу.

«Почему ты меня знаешь именёмъ зовешь?»
— А потому тебя знаю, именемъ зову,
— Служилъ твоему батюшкѣ двѣнадцать лѣтъ,
— А за двѣнадцать лѣтъ еще наемъ не взятъ.—
Говоритъ Вольга Святославьевичъ:
«А послужи мнѣ-ка-ва тринадцатый,
«За тринадцать лѣтъ вдругъ наемъ отдамъ.
«А съѣздимъ со мной городовъ смотрѣть.
«И какъ тебя какъ, крестьянинъ, именёмъ зовутъ?»
— Какъ я жита напашу, да домой выволочу,
— Да дома и вымолочу,
— Да солоду напа́рю и пива наварю,
— Гостей зазову и гостей накормлю,
— И пойдутъ гости будутъ благодарить:
— Благодаримъ Микула Селя̀ниновъ. —
Такъ ёнъ какъ бросилъ сошку въ ракитовъ кустъ,
Улетѣла сошка подъ о́болоко,
Потомъ упала въ ракитовъ кустъ,
Сошка была двѣнадцать пудъ.
И поѣхалъ съ нимъ городовъ смотрѣть,
А су́лова кобылка пѣшо́мъ идетъ,
А Вольгѝнъ конь пробѣгиваетъ,
А су́лова кобылка во рысь идетъ,
А Вольгѝнъ конь и гнаться не могъ.
Остался Вольга̀ середѝ лѣса,
Колпако́мъ махалъ, голосомъ кричалъ:
«Не оставь меня, Микула Селя́ниновъ,
«Не оставь меня середи лѣса».
А ёнъ скажетъ: «Кабы моя кобылка копемъ была,
«Моей кобылкѣ цѣны не было».

Записано на Леликовѣ, 4 іюля.

132.

ДОБРЫНЯ [1]).

Во славномъ городѣ во Кіевѣ
Жилъ старой Пермятъ Васпльевичъ
Имѣлъ жену Катерину Микулпчну.
Пріѣзжалъ къ ней гость любимыій
Добрыня Микитиничь
У воротъ стучится, колотится,
Выбѣгала тутъ дѣвка поваренка,
Поваренка и челя́динка,
Сама говоритъ таково слово:
«Кто у воротъ стучается?
«У насъ стараго Пермята въ домѣ нѣтъ,
«Ушолъ къ обѣднѣ къ божественной».
Услыхала тутъ Катерина Микулпчна
И бьетъ она дѣвку правбй рукой по лѣву́ лицу:
— Не твое дѣло гостей отказывать,
— А твое дѣло шти кашу́ варить,
— Шти кашу́ варить да казаковъ кормить. —
Запускала тутъ Добрыню Микитича,
Сѣли опы играть во шахматы.
Разъ игралъ, Катерину по́игралъ,
Другой игралъ, Катерину по́игралъ,
А третій разъ Катерина ступить не даетъ.
Говоритъ Катерина Микулпчна:
— Не могу смотрѣть на твою́ красу,
— Мое бѣлое тѣло ходупо́мъ ходитъ,
— Тонка бѣлая рубашечка къ тѣлу льнетъ,
— Полны чо́боты воды натекли.
— Ложись-ко ты Добрыня на кроваточку. —

---

1) Здѣсь Добрыня, вѣроятно по обмолвкѣ, поставленъ на мѣсто Чурилы Пленковича.

И сталъ тутъ Добрыня попихивать,
Тесовая кроваточка поскрипывать.
А тутъ услыхала дѣвка поваренка,
Проходитъ въ эту теплую горницу,
Сама говоритъ таково слово:
«Схожу я къ старому Пермяту Васильевичу,
«Скажу, что есть у тебя гость немилыій».
Проговоритъ Добрыня Микитиницъ:
— Не ходи-тко ты дѣвка къ Пермяту Васильевичу
— Вотъ тебѣ дѣвка коса́къ камки,
— Въ золотѣ камочка не погнется. —
На то дѣвка не поза́рилась,
А сходила она во Божью́ церкву,
Сказала старому Пермяту Васильевичу:
«Есть у тебя дома не милый гость
«Занимается съ Катериной Микуличной».
Не достоявши Пермятъ обѣдни, домой пошолъ,
Бралъ онъ въ руки саблю вострую,
Отрубилъ Добрынѣ буйную голову.

Записано тамъ же, 4 іюля.

133.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

Какъ во славномъ во́ гради во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было пированьице почестенъ пиръ.
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Тотъ хвастаетъ тѣмъ, иной инымъ,
Умной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Добрымъ конемъ да отцемъ матерью,

А безумный хвастатъ молодой женой.
А тутъ солнышко Владиміръ
Самъ да поросхвастался:
«Кто бы со мной билъ во велікъ закладъ
«Скакать отъ города отъ Кіева,
«Отъ Кіева до города Чернигова,
«Между тѣми частыми межу лебедами,
«Межу тою обѣдней завтреницей,
«А перескóку-то было да ровно триста верстъ».
Выставалъ тутъ Иванушко Гостиный сынъ
Изъ-за того стола изъ-за дубоваго,
Самъ говоритъ таково слово:
— Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Я съ тобою бью во великъ закладъ
— Скакать отъ города отъ Кіева до Чернигова
— А перескоку было ровно триста верстъ. —
Тутъ проговоритъ Владиміръ князь столенъ-кіевскій:
«У меня-то у князя есть триста жеребцовъ,
«Триста жеребцовъ и три жеребца.
«Кологривый жеребецъ и сивогривый живобецъ
«Есть младыій косматыій бурушко.
«А у тебя Иванушка Гостиный сынъ
«На коемъ-то черти буде повыѣхать?»
Не досидѣвши Иванушка въ пиру домой пошолъ
Не проходитъ онъ во гридни во столовые,
А проходитъ въ конюшенку стоялую
Ко своему-то косматому ко бу́рушку,
Кланялся ему во правую во лѣвую во поженку:
— Былъ я у́ князя на пи́ру.
— Въ пьяномъ разумѣ поросхвастался
— Скакать отъ города отъ Кіева до Чернигова,
— Между тыма частыма между ле́бедами.
— Между тою обѣдней за́втрепицей,
— А перескоку-то будетъ да ровно триста верстъ. —

Насыпалъ тутъ свому косматому бурушку
Пшены бѣлояровой,
Наливалъ ему питьица медвянаго,
Проходитъ во гридни во столовыи,
Во свою во теплую спаленку.
Тутъ Иванушку не очень спится,
Подушечка въ головахъ вертится.
Ставалъ онъ поутру ранёшенько,
Умывался онъ бѣлёшенько,
Одѣвалъ онъ сапожки на ножки
Зеленъ сафьянъ а носы востры,
Около пяты яичко кати,
А подъ пяту воробей пролетитъ.
Сталъ онъ латиться, булатиться,
Булатиться, кольчужиться,
Прошолъ онъ во конюшну стоялую,
Сталъ онъ сѣдлать своего бурушка,
Надѣвалъ онъ шубу соболиную,
Надѣвалъ онъ шапочку собольюю
Пушисту и ушисту,
Ушисту и завѣсисту.
Спереди съ-подъ шапки глазъ не видать,
А сзади съ-подъ шапки шеи бѣлоей.
Повелъ онъ своего косматаго бурушка
За поводы шелковыи,
Косматый конь съ Иванушкой шуточки пошучивалъ,
За соболиную шубоньку покусывалъ,
По цѣлому соболю выдёргивалъ,
Провелъ онъ своего косматаго бурушку
Ко князю ко Владиміру,
Привязывалъ онъ ко тому столбу да ко точеному,
Ко тому кольцу да къ золоченому,
Проходитъ онъ ко князю ко Владиміру,
Молится Богу по писаному,

Поклонъ ведетъ по учёному
На вси на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Ахъ ты стольне Владиміръ князь, полно спать, пора́ вставать,
— Закладни заповѣди пора выполнить. —
Выставалъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же вы мои конюхи придворныи,
«Гоните-тко вы триста́ жеребцёвъ и трехъ жеребцёвъ».
Тутъ скоро конюхи пригнали триста жеребцёвъ и трехъ жеребцевъ
Кологрива жеребца и сивогрива живобеца
И младаго косматаго бурушка,
Иванушковъ конь увидалъ и заржалъ
На тѣхъ триста́ жеребцевъ.
Кологривый жеребецъ ископытился,
Сивогривой жеребецъ обнаричился [1]),
А младый косматый бурушко хвостъ заскалъ да въ поле ускалъ,
Въ теремахъ верхи пошатались,
И на столахъ пи́тья росплескались,
А тутъ князи бояра тутъ вси мертвы лежатъ,
А Владиміръ князь ходитъ раскаракою,
Соболиной шубой укрывается,
А самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Иванушко Гостиный сынъ!
«Веди-тко своего косматушка бурушка съ моего двора,
«Чортъ съ тобою и съ твоимъ конемъ».
Только-то они и ѣздили.

Записано тамъ же, 4 іюля.

---

1) Захромалъ.

134.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Во славномъ городи во Кіеви
Жила-то была честная вдова,
Было у вдовушки тридцать дочерей
И вси оны во спасенье пошли,
Вси разъѣхались по пустымъ пусты́нямъ
И по всѣмъ монасты́рямъ,
Всѣ становились по кры́лосамъ
И всѣ поютъ «Господи́ Боже».
Одна Софеюшка промолвилась:
Хотѣла сказать «Господи́ Божи»
А втыпоры сказала: «Василюшко подвинься сюды».
Услышала Васильева матушка,
Скорешенько бѣжала во Кіевъ градъ,
На гривенку купила зелена вина,
На дру́гую купила зелья лютаго.
Василью наливала зелена вина,
А Софеи наливала зелья лютаго.
Говоритъ она таково слово:
«Ты Василюшко пей да Сафеи не давай,
«А Сафеюшка пей Василью не давай».
А Василюшко пилъ и Сафеи подносилъ,
А Сафеюшка пила и Василью подносила.
Василюшка говоритъ что головушка болитъ,
А Сафея говоритъ: ретиво́ сердце щемитъ.
Они оба вдругъ переставились
И оба вдругъ переславились.
Василья несутъ на буйныхъ головахъ,
А Сафею несутъ на бѣлыхъ на рукахъ.
Василья хоронили по правую руку,
А Сафею хоронили по лѣвую руку.
На Васильѣ выростало кипари́чно дерево́,

А Сафеѣ выростала золота верба,
Они вмѣсто вершочками свивалися,
И вмѣсто листочками слипалися.
Тутъ старый идетъ-то наплачется,
А младыій идетъ надивуется,
А малый идетъ-то натѣшится.
Тутъ провѣдала Васильева матушка
Кипарично дерево повырубила,
А золоту вербу повысушила.

Записано тамъ же, 4 іюля.

XXIV.

СТЕПАНИДА НЕКЛЮДИНА.

Степанида Кононовна Неклюдина, дочь Конона Савиновича Неклюдина съ Зяблыхъ Нивъ, славившагося во всемъ околоткѣ сказителя, о которомъ слыхалъ и г. Рыбниковъ (см. т. III, стр. XXVIII). Ей лѣтъ подъ 50, она, какъ незамужняя дочь, живетъ на отцовской осѣдлости, на Зяблыхъ Нивахъ у Конды, Сѣнногубской волости. Помнитъ она былины плохо, но когда слышала, какъ пѣли другіе, именно Аксёновъ, Сурикова и Дутиковъ, то нерѣдко припоминала, какъ пѣвалъ то или другое мѣсто ея отецъ, и ихъ поправляла или дополняла.

135.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

Въ стольнѣмъ красномъ Кіевѣ,
У ласкова князя у Владыміра,
Былъ то у него почéстенъ пиръ
На многихъ на князей на бóяровъ,

На русьскіихъ могучіихъ бога́тыревъ.
Вси на пиру да наѣдалися,
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвасталися:
Умный хваста отцемъ матерью,
Ой безумный хваста молодой женой,
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Сидитъ-то онъ не ѣстъ не пьетъ,
Не ѣстъ не пьетъ ничѣмъ не хвастаетъ.
Сго́воритъ Владыміръ стольно-кіевской:
«Душка Иванъ Гостиный сынъ!
«Что же ты сидишь не ѣшь не пьешь,
«Не ѣшь не пьешь не кушаешь,
«Бѣлыя лебеди не рушаешь?
«Мѣсто ли было тебя не по́ люби,
«Хлѣбъ да соль не по́ души,
«Цярой тебя поо́бошли
«Пьяница не надсмѣялась ли?»
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Сго́воритъ онъ князю Владыміру:
— Нецѣмъ мнѣ-ка-ва похвастати
— Мѣсто мнѣ-ка по люби
— Хлѣбъ да соль мнѣ-ка по души,
— Пьяница не надсмѣялася.
— Лучше станемъ во великъ закладъ:
— Я пробью свою буйну́ голову,
— Ты пробей казны своей,
— Казны своей сорокъ тысящей. —
Сго́ворилъ Владыміръ князь стольне-кіевской:
«Ужъ ты душка Иванъ Го́стиный сынъ!
«Во хмѣлю дѣтина призахвастался,
«Не на комъ тебѣ повыѣхать
«По широкому роздолью розгуливати».
Скоро пописали письма крѣпкіи,

Приложили тутъ и ручки бѣлыя,
Ѣхать имъ на добрыхъ коняхъ
Межъ обѣдней и межъ завтреней,
Межу частыма молебнама,
Ко́ тому ко городу ко Чернигову.
И перебѣгу ко Чернигову триста три версты мѣрныихъ.
Тутъ душка Иванъ Гостиный сынъ
Крест-отъ клалъ по писа́ному,
Поклоны велъ по учёному,
На вси на четыре на сторону́шки,
Князю Владыміру въ особину.
Приходитъ къ полаты бѣлокаменноей,
Заходитъ онъ на широкій дворъ,
Отворяетъ конюшню бѣлодубову,
Палъ ёнъ въ ножку правую,
Въ правую ножку лошадиную:
— Ай же ты мой добрый конь!
— Былъ я севодня на честно́мъ пиру,
— Пробилъ я севодня буйну́ю голову́.
— Можешь ли ты меня вы́ручити,
— Мою бу́йную головку повы́купити? —
Сго́воритъ ему добрый конь,
Сго́воритъ голосомъ человѣчьимъ:
«Ай же ты душка Иванъ Гостиный сынъ!
«Князя Владиміру къ стыду приведу,
«Братца своего, его по́страмлю,
«Твою буйную голову повыкуплю».
Взялъ ёнъ за поводы за ше́лковыи,
За по́дбраздьё за сере́бряно
Приводитъ ко тому и ко князю Владиміру,
Приводитъ его на широкій дворъ,
Тутъ сидятъ князи бо́яра.
Сталъ онъ по́ двору похаживать,
Добраго коня сталъ поваживати.

Добрый конь сталъ за шубку похватывать
По черному соболю выдёргивати.
Тутъ сидятъ князи бояра,
Сго́ворятъ тутъ князи бо́яра:
— Глупый душка Иванъ Гостиный сынъ!
— Спортилъ шубу твой добрый конь. —
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ таково слово:
«Стоитъ эта шубка мнѣ-ка-ва пятьсотъ рублей,
«Живъ я бывалъ, шубку держивалъ,
«Живъ я буду шубку сдѣлаю въ тысящу».
Приходитъ въ полату бѣлока́менную
Ко́ тому ко князю ко Владыміру,
Крест-отъ клалъ по писа́ному,
Поклоны велъ по учёному,
На вси на четыре сторонушки,
Князю Владиміру въ особину:
«Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Время намъ ѣхать на добры́хъ копяхъ
«Ко́ тому граду ко Чернигову,
«Межу частыма́ молебнама,
«И перебѣгу ко Чернигову триста три версты мѣрныихъ».
Зо́вопилъ Владыміръ стольне-кіевской:
— Подьте-тко вы мои конюхи,
— Подьте вы на конюшій дворъ,
— Выбирайте-тко мои конюхи
— Тридцать жеребцёвъ, да трехъ жеребцевъ,
— Сивогрива жеребца, кологрива жеребца,
— Маленька полопёнаго воронка,
— На́ него надѣя великая. —
Душка Ивана Гостинаго
За́ржалъ ёго добрый конь,
Князя Владыміра во конюшенки
Вси ты кони мертвы лежатъ:

Сивогривый жеребецъ ископытился,
Кологривый жеребецъ на колѣнка палъ,
Маленькій полоненый воронкé
Голову заляцилъ, хвостъ заломилъ,
Хвостъ заломилъ, черезъ Пучай рѣку скочилъ,
Въ чисто поле ушолъ.
Ай же вы князи бóяра
Буде отдали сумма велпкая
Душкѣ Ивану Гостиному.

Записано тамъ-же, 4 іюля.

136.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА[1]).

Со того ли города со Крякова,
Отъ того ли отъ села да отъ Берёзова,
Поѣзжалъ Лука Петровичъ королевскій сынъ
На зеленое на затресье
Стрѣлять да гусей лебедей,
Малыихъ перелетныихъ утушекъ.
Онъ не стрѣлилъ ни гуся ни лебедя,
Ни малаго перелетнаго утёнуша.
Показалось это ему за досадушку,
Увидалъ онъ на сырóмъ дубу черна ворона:
«Я подстрѣлю черна вóрона на сырóмъ дубу,
«Спущу его тушу о сыру землю,
«Распущу его перья по чисту́ полю».
Провѣщится птица вѣщая воронъ черныи:
— Старця убить не спасенье,
— Черна ворона подстрѣлить не корысть залучить.

---

1) По словамъ Кононовой, эта былина обыкновенно поется хоромъ, въ четыре или пять голосовъ, весьма жалобнымъ напѣвомъ.

— Подъѣзжай Лука Петровичъ королевской сынъ
— Во да́лече, дале́че во чисто́ поле,
— Во чисто́мъ полѣ теби буде Божья́ помочь. —
И пашолъ онъ во чисто́мъ полѣ татариновъ.
Ударили они въ сабли острыи,
Въ сабли вострыи, до обуха притупилися.
Ударили они въ палицы булатныи,
У нихъ палици въ рукахъ да нагибалися.
Ударили они рукопашкою, —
Сбилъ Лука Петровичъ королевской сынъ
Татарина да онъ во сыру́ землю,
Сталъ татарину на бѣлы груди,
Заздынулъ ножище выше го́ловы.
Его свѣтло око помутилося,
Рука въ плечѣ да застоялася,
Ретиво́ сердце пріудрогнуло:
«Ты скажи-ка мнѣ татаринъ не утай же мнѣ:
«Ты съ коёй земли, да ты съ коёй орды,
«Коего́ ты града урожденіе?
«Тебя какъ-то зовутъ мо́лодца по имечки
«Звеличаютъ тебя да по оте́честву?»
— Кабы я бы былъ да на твоихъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы ни роду ни племени,
— Не спрашивалъ бы я твоей родины,
— Пласталъ бы я твои груди бѣлыя,
— Выпималъ бы сердце со пе́ченью. —
Заздынулъ ножище на второ́й на конъ.
Его свѣтло око помутилося,
Рука въ плечѣ да застоялася,
Ретиво сердце пріудрогнуло:
«Ты скажи-ка мнѣ татаринъ, не утай же мнѣ:
«Ты съ коёй земли, да ты съ коёй орды,
«Коего ты града урожденіе?
«Тебя какъ-то зовутъ мо́лодца по имечки,

«Звеличаютъ тебя да по отечеству?»
— Когда сталъ ты меня выспрашивать
— Я стану тебѣ розсказывать:
— Со того ли города со Крякова,
— Отъ того села да отъ Березова,
— По имечки меня зовутъ Васплюшкомъ,
— По отечеству я Петровъ-тотъ сынъ. —
Скочилъ Лука Петровичъ на рѣзвы ноги,
Еще бралъ-то братца за бѣлы руки,
Цѣловалъ въ уста да во сахарніи,
Повезъ-то онъ его да въ свою сторону,
Ко своёй-то ко родители ко матушкѣ,
Ко честной вдовы Настасьѣ Александровиѣ.
Приходи во полату бѣлокаменну,
Крестъ онъ клалъ по писáному,
Поклоны-то велъ по учёному,
На всѣ на три на четыре сторонушки,
Своей матушкѣ бьетъ въ особпну:
«Здравствуй матушка честна вдова
«Честна вдова Настасья Александровна!
«Я привезъ теби съ поля гостя любимаго.
«Составляй-ко ему ѣствушки сахарныи,
«Напиточки полаживай медвяныи».
— Ахъ ты чадо мое милое
— Варила бы я этимъ гостямъ смолу вареную
— И толкла бы имъ версту[1]) толченую.
— Тому времячки есть двѣнадцать лѣтъ
— Увезли у меня сына Василья Петровича троемѣсячна. —
«Пойдемъ-ка родитель матушка,
«Не татарина привезъ тебѣ съ чистá поля, —
«Братца родимаго, твоего-то сына любимаго».

1) Каменье.

Подвелъ къ столбу каменному,
Потомъ показывалъ сына любимаго,
Сдѣлали здоровье плотнехонько.

Записано тамъ-же, 4 іюля.

137.

ПТИЦЫ И ЗВѢРИ[1]).

Отчего братцы зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ,
Отъ зимы наставала весна красная,
Отъ весны наставало лѣто теплое,
Отъ теплаго лѣта наставала осень богатая.
Цари-то живутъ наши по царствамъ,
Воеводы-то живутъ по уѣздамъ,
Попы дьяки живутъ по погостамъ,
Крестьне живутъ по деревнямъ,
Бобыли сироты вкругъ тыхъ же,
Чтобы было братцы про то вѣсто,
Старóй бабы на печи бы мѣсто,
А подъ посомъ крынка съ тѣстомъ,
Чтобъ она лежала не ворчала.
Изъ моря мóря со дунайскаго моря,
Прилетала малая птица пѣвица,
Садилася на деревцо калиново.
Прилетали тутъ русьскіи птицы,
Садилися они вси по коламъ,
Садилися они вси по изгородки,
Вдоль по зеленыя дубровкѣ,

---

1) Нѣкоторые стихи въ этой «старинкѣ» подсказывалъ Дутиковъ (XXIII).

Учали жупѣть и говорити,
Какъ младъ соловей щекотати,
А русьскаго голоса являти.
Кто у насъ на морѣ больше,
Кто у насъ на морѣ меньше.

Зелéнъ птица на морѣ надлетникъ,
Зуй на морѣ поваръ,
Клевецъ на морѣ плотникъ,
Колзанъ на морѣ поддеверье,
Витлюкъ ключникъ язычникъ,
Жаворонокъ земскій
То-есть очищикъ деревенской,
Пава на морѣ гостья богата,
Павины жонки торговки,
Пѣтухи козаки донскіе
То наши молодцы удалые,
Держитъ куръ по двѣ и по три,
И держитъ по цѣлому десятку,
И всихъ онъ паряжаетъ
И вси его боятся.
Не такъ какъ на Руси крестьяне:
Одной баженой женки
И той парядить не умѣютъ.

Сорока на морѣ кабацкая жонка
Съ ножки на ножку скакала,
Удалыхъ молодцовъ примѣчала,
То себи честь залучала.
Ворóна на морѣ пупорѣзная бабка.
Журавь на морѣ вытегорскій,
То пономарь монастырскій:
Въ бóльшой колоколъ ударитъ,
Завтракать обѣдать кличетъ.

Побѣдная птица курица—
Кто ее во дворѣ поймаетъ,
Всяка въ ней жопу покопаетъ,
Яйца добываетъ,
Зятю свѣту запасаетъ,
Отъ зятя свѣта честь залучаетъ.

Сѣрый волкъ овчинникъ,
По многу о́вецъ съѣдаетъ,
А шубу себѣ не видаетъ,
По закустошью почуетъ,
Надѣется на свою на теплую шубу.
Старый медвѣдь кожемяка,
По многу кожъ сминаетъ,
А порткёвъ на ногахъ не вндаетъ.
Кошечка вдовица
Та сирота бобылица,
День она по печамъ,
Ночь она по добычамъ:
Молосны крышки ломаетъ.
За то и бьютъ безпощадно.
Собака на мори свекрова,
Много она бранится,
Никто ея не боится.
А лисица на мори молодица:
Долгій хвостъ да не ступитъ,
Сдѣла вину да не скажетъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

XXV.

ДОМНА СУРИКОВА.

Домна Васильевна Сурикова, крестьянка дер. Конды Сѣногубской волости, вдова лѣтъ 40, раскольница. Былины, которыя она поетъ очень складно и отчетливо, хотя слабымъ дребезжащимъ голосомъ, она переняла отъ старцовъ, между которыми особенно отличался Кононъ съ Зяблыхъ-Нивъ. Пѣть съ такою разстановкою, чтобы можно было записать былины съ «голоса», а не со словесной передачи, она не могла привыкнуть. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, она знала также, но уже плохо помнила, былину про Илью и Соловья разбойника, а также пѣла стихъ про царя Соломона, извѣстный по изданію г. Рыбникова.

138.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Рѣки-то озера ко Новуго́роду,
Мхи-то болота ко Бѣлоозеры,
Широки роздо́лья ко О́пскому,
Темныя лѣса ко Смоленскому,
Чисты поля къ Ерусоло́лиму.
Матушка Казань подошла подъ Острохань:
Устьемъ выпадала во Черно́ море,
Въ тое ли во морюшко во Черное.
Собирается, сподобляется,
Справляется царь Ка́лина
Ко стольнёму городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Что царя со царицей во полонъ обрать,
А душеньку царевну въ замужеству.
Сбиралъ свою силу по три году,

Собралъ силы и смѣты нѣтъ.
Приказалъ своей силы великоей
Въ одно мѣсто бросить по камешку,
Стала гора превеличающа:
Только силы, что смѣты нѣтъ.
Подходитъ царь Ка́линъ подъ Кіевъ градъ,
Становилъ свою силу въ чисто́мъ полѣ,
Повыбралъ онъ лучше татаревьевъ,
Посылае къ стольнему городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру:
«Подите мои князи бо́яра,
«Мои послы царя Ка́лина!
«Подите ко стольнему городу ко Кіеву,
«Къ ласкову князю Владиміру,
«Не спросите у дверей придверниковъ,
«У воротъ не спросите приворотниковъ,
«Отпирайте вы двери на́ пяту,
«Положите конвертъ на золоченый столъ,
«Пословесно ему выговарпвайте
«Ласкову князю Владиміру:
«Чтобы́ были улици опаханы,
«Чтобы́ были дворы очищены,
«Тын бъ дворы богатырски,
«Тын бы полаты княженецки,
«Чтобы было гдѣ стоять царю Калину,
«Чтобы было гдѣ стоять намъ князьямъ боярамъ».
Тутъ Владиміръ стольне-кіевской
Заводилъ онъ свой почестенъ пиръ,
На всихъ на князей на бояровъ,
На русскіихъ могучихъ бога́тыревъ.
Красное соньце на вечери,
Почестенъ пиръ у нихъ на ве́селп.
Вси на пиру пьяны веселы.
Зъ-за того стола за дубоваго

Выходитъ Владиміръ стольне-кіевской,
Ёнъ имъ бьетъ челомъ поклоняется:
— Вы русскіи могучіи богатыри:
— Пособите мни дума думати:
— Что мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?
— Хочетъ насъ со царицей во полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почестнаго,
Выскочилъ Алешенька Поповичъ тотъ сынъ.
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Не отдадимъ мы стольняго города Кіева,
«Тебе ласкова князя Владиміра,
«Безъ войска безъ драки безъ великоей».
А 'ще Владиміръ стольне-кіевской
Имъ бьетъ челомъ, поклоняется:
— Вы русскіе могучіе богатыри!
— Вы пособите мнѣ дума думати:
— Что мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?
— Хочетъ насъ съ царицей въ полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почестнаго,
Выскочилъ Добрынюшка Микитинъ сынъ,
Говоритъ ёнъ таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Не отдадимъ мы стольнаго града Кіева,
«Тебе ласкова князя Владиміра
«Безъ войска безъ драки безъ великоей».
А 'ще Владиміръ стольне-кіевской
Имъ бьетъ челомъ, поклоняется:
— Вы русскіе могучіи богатыри!
— Вы пособите мнѣ дума думати:
— Что мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?

— Хочетъ насъ съ царицей въ полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почестнаго,
Выходитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Говоритъ ёнъ таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Послыхай мене стараго казáка Илью Муромца
«Положи на мису красна золота,
«На другу чистаго серебра,
«На третью скатнаго жемчуга.
«Заложи коляску княженецкую,
«Меня-то возьми во запятнички,
«Съѣздимъ въ далече во чисто поле,
«Свезем къ царю Калину дороги подарочки,
«Времени упросимъ на два мѣсяца:
«Чтобы было когды улицы опахивать,
«Чтобы было когда дворы очищивать,
«Тын бы дворы богатырскіи,
«Тын бы полаты княженецкіи,
«Чтобы было гдѣ стоять царю Кáлину,
«Было бы стоять гдѣ князьямъ боярамъ».
Послухалъ Владиміръ стольне-кіевской
Стараго казака Илью Муромца
Положилъ на мису красна золота,
На другу чистаго серебра,
На третью скатнаго жемчуга,
Заложилъ коляску княженецкую,
Илью Муромца взялъ въ запятнички,
Поѣхали въ далече во чисто поле,
Свезли царю Кáлину дороги подарочки,
Времени упросили на два мѣсяца:
Чтобы было когды улицы опахивать,
Чтобы было когда дворы очищивать,

Тын бы дворы богатырскіи,
Тын бы полаты княженецкіи,
Чтобы было гдѣ стоять царю Ка́лину,
Чтобы было гдѣ стоять князьямъ боярамъ.
Собрались тутъ русьскіи могучіи богатыри,
Мало по малу справляются,
Мало по малу сподобляются.
Сподобляется Олешенька Поповъ-тотъ сынъ
Во да́лече дале́че во чисто́ поле,
Сѣдлае, уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ по́теси,
На потеси сѣделышко черкаское,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками муханьскими,
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдуци,
Одна курева стоптъ во чистомъ поли
Отъ ёго копытъ отъ лошадиныхъ.
Пріѣхалъ Олеша во чисто поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёпъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ двадцати саженъ.
На деревце повѣсилъ одну кисточку,
Одну кисточку повѣсилъ золоченую,

Не для ради красы басы угожества,
Для ради признашки богатырскоей!
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Алеша во чистомъ поли,
На этой на заставы великоей.
Мало по малу справляются,
Справляются, сподобляются.
Сподобляется Добрынюшка Микитинычъ
Во далече далече во чисто поле,
Сѣдлае уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ потеси,
На потеси сѣделышко черкаскоe,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками муханьскими
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдучи,
Одна курева стоитъ въ чистомъ поли
Отъ ёго копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣзжаетъ Добрыня во чисто поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёнъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ тридцати саженъ
На деревце повѣсилъ двѣ кисточки,
Двѣ кисточки повѣсилъ золоченыи

Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Добрыня во чистóмъ поли
На той ли на заставы великоей.
Мало по малу справляются,
Справляются, сподобляются.
Сподобляется старый казакъ Илья Муромецъ
Во дáлаче далéче во чистó поле,
Сѣдлае уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ пóтеси,
На потеси сѣделышко черкаское,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками муханьскими
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдуци,
Одна курева стоитъ въ чистомъ поли
Отъ ёго копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣзжаетъ Илья во чистó поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёнъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ сорока саженъ,
На деревце повѣсилъ три кисточки,
Три кисточки повѣсилъ золоченыихъ,

Не ради красы басы угожества,
Для ради пристрашки богатырскоей,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Илья Муромецъ въ чистóмъ поли,
На этой на зáставы великоей.
Мало по малу справляются,
Мало по малу сподобляются.
Собрались двѣнадцать богатыревъ
На эту на заставу великую.
Тутъ Владиміръ стольне-кіевской,
Енъ по городу похаживатъ,
Куньей шубой окрывается.
У стольняго у города у Кіева
Хлѣба трёснуть ѣсть-é кому,
А за Кіевъ градъ пóстоять некому.
Съ того царева со кáбака
Зъ-за тыхъ зъ-за бочекъ зъ-за винныхъ,
Повыскочилъ младый Ермакъ Тимоѳеевичъ:
— Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ай ты мой-крестный батюшко!
— Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
— Поѣду въ дáлече во чистó поле
— На эту на зáставу великую. —
Спрогóворитъ князь стольне-кіевской:
«Ты, младый выюношъ, перéрвешься,
«Не будешь впередъ ты богатыремъ».
— Дашь коня, крёстный батюшка,
— Я поѣду во чистó поле;
— А не дашь коня, я пѣшомъ пойду. —
Владиміръ стольне-кіевской
Онъ давалъ ему добра коня.
Скочилъ Ермакъ на добра коня,
Не на сѣдланаго, не на узданаго,
Только вид'ли добра молодца сядуци,

А не вид'ли во чисто́ поле поѣдуци,
Одна курева стоитъ во чистомъ поли
Отъ его копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣхалъ Ермакъ на заставу великую
Къ тому къ дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому каменю къ Олатырю,
Оставилъ коня непривязанаго.
Пришелъ Ермакъ во бѣлъ шатеръ
Къ тому Ильи, Ильи Муромцу,
Сидятъ двѣнадцать богатыревъ
Играютъ въ шашки въ шахматы заморскіи.
Спрого́воритъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
— Во томъ во городѣ Кіевѣ
— Хлѣба трёснуть ѣсть е́ кому,
— А за Кіевъ градъ по́стоять некому. —
Спрого́вори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Поди-тко младый Ермакъ Тимоѳеевичъ,
«Повыстань, поди, во сырой дубъ,
«Считай-ко силу по знаменью,
«Погляди на силу великую:
«Ужо ли сила на ходъ пошла?»
Повысталъ Ермакъ во сы́рой дубъ,
Поглядѣлъ на силу великую,
А тамъ сила на ходъ пошла.
Скочилъ Ермакъ со сыра́ дуба
Садился Ермакъ на добра́ коня,
Съѣхалъ въ силу великую.
Сидѣли богатыри въ бѣломъ шатрѣ.
Спрого́вори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Сходи-тко Добрыня во сы́рой дубъ:
«Не упалъ ли Ермакъ со сыра́ дуба?»
Пришолъ Добрыня во сырой дубъ,
Поглядѣлъ на силу великую.

Тамъ не ясный соколъ полетываетъ,
Не черный воронъ попурхиваетъ,
Поскакивалъ удáлой добрый молодецъ
Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ.
Пришолъ Добрыня со сыра дуба,
Къ Ильѣ Муромцу пришолъ во бѣлóй шатеръ:
— Ай же вы русскіе могучіе богатыри!
— Ѣзди въ силы великоей
— У насъ не ясный соколъ полетываетъ,
— Не черный воронъ попурхиваетъ,
— Поскакивае удалой добрый молодецъ
— Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ. —
Спрогóвори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Вы русскіе могучіе богатыри!
«Садитесь богатыри на добрыхъ коней,
«Поѣзжайте въ силу великую,
«Берите храпы желѣзныи,
«Младому Ермаку Тимоѳеевичу
«Накидывайте на плечи могутніи,
«Пословесно его уговарнвайте:
«Ты сегодня позавтракалъ,
«Дай ты намъ хоть пообѣдати.
«А онъ младый вьюношь перервется,
«Не будетъ впередъ онъ богатыремъ».
А тутъ русскіе могучіи богатыри
Брали храпы желѣзныи
Накидывали на плечи могутніи
Мла́дому Ермаку Тимоѳеевичу,
Пословесно ему выговарнвали:
— Младый вьюношь перервешься
— Не будешь впредь богатыремъ.
— Ай ты младый Ермакъ Тимоѳеевичъ!
— Дай намъ хоть пообѣдати. —
Тутъ русскіе могучіи богатыри

Вывели съ силы съ великой
Младаго Ермака Тимоѳеевича.
Заѣхалъ который отъ Новáгорода,
Который отъ Бѣлáозера,
Который заѣхалъ отъ Кіева,
Который заѣхалъ отъ Еросóлима
Всю прибили силу великую.
Тутъ въ одно мѣсто богатыри съѣхались,
А тутъ они поросхвастались:
«Кабы бы́ла на небо лѣстница,
«Мы прибили́ бы мы всю силу небесную».
А тутъ у́бьютъ татарина — станетъ два да три.
Тутъ русскіе могучіе богатыри,
Прибились они, примучились,
И другъ другаго прикололи прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей,
Остался одинъ младый Ермакъ Тимоѳеевичъ.
Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ
Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Спрогóвори князь стольне-кіевской:
— Ай ты любимый мой крестничекъ!
— Чимъ тебя нынь мнѣ пожаловать?
— Мызами тебя, али дачами,
— Али жаловать тебя золотой казной? —
А спрогóвори младый Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«Ай ты крёстный мой батюшка!
«Тымъ только меня пожалуйте:
«Въ кажномъ царевомъ кáбакѣ,
«Пить пивцё-винцё безденежно».

Записано тамъ-же, 4 іюля.

139.

ДУНАЙ.

У стольнаго города у Кіева,
У ласкова князя у Владиміра,
Было пированье почестенъ пиръ,
На вси на князи, на бóяра,
На русскихъ могучихъ богатырей,
На всихъ поляницъ на удалыихъ.
Красно солнце на вéчери,
Почестенъ пиръ у нихъ на вéсели.
Вси на пиру пьяны вéселы,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Умный похвасталъ отцемъ матерью,
А безумный похвасталъ молодой женой.
Кто хвасталъ своей у́датью,
А кто хвасталъ своей у́частью.
Кто ли конпма добрыма,
Кто ли платьями цвѣтныма,
Изъ-за того стола зъ-за ду́бова,
Зъ-за того пиру́ зъ-за почóстнаго,
Выходи Владиміръ стольне-кіевской:
— Ай же вы князи, кня́зи бóяра,
— Всѣ русьскіе могучіе бога́тыри!
— Вси вы на пиру припакóрмлены,
— Вси вы на пиру припаюены,
— Вси вы на пиру пьяны веселы,
— Вси вы на пиру испоженены,
— Я у васъ одинъ холостъ пéженатъ.
— Дайте вы мнѣ супротивную

— Чтобы станикомъ она была ровнёшенька,
— Ростомъ была высокёшенька,
— Очи бы были ясна сокола,
— Брови бы были черна соболя,
— Чтобы тѣло было снѣгу бѣлаго,
— Волосомъ желта, и умомъ сверста. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почестнаго,
Выходитъ сильнёй Дунай Ивановичъ,
Бьетъ челомъ поклоняется:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Я тебѣ знаю супротивную.
«Е во земляхъ Ляховинскіихъ
«У короля Микулы Ляховинскаго,
«Е у него дви дочери:
«Больша дочь Настасья Микулична
«Ѣзди въ чистомъ поли, полякуетъ.
«Меньша дочь Опраксія Микулична
«За тридевять сидитъ за замочками
«За тридевять сидитъ за сторожочками».
Спрогóвори князь стольне-кіевской:
— Достаньте вы Опраксію Микуличну
— Русьскіе могучіе богатыри. —
Спрогóвори сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Дай ты мнѣ во товарищи
«Хоть младаго Добрыню Микитьевича.
«Пишите письма скорописчаты
«О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
«Сѣдлайте уздайте добрыхъ копей».
Дали ему во товарищахъ
Младаго Добрыню Микитьевича,
Писали письма скорописчаты
О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
Сѣдлали уздали добрыхъ коней,

На коней клали попу́тники,
На попутники клали наметники,
На наметники сѣделышка черкасскіи,
Вид'ли добрыхъ молодцовъ сѣдучи,
А не вид'ли во чисто поле поѣдучи.
Не воротами мо́лодцы поѣхали, —
Ихъ добры кони черезъ стѣну скочили городовую,
Поѣхали дорогамы не окольныма,
А поѣхали дорогамы прямоѣзжима.
Скоро скажется, а тихо дѣется.
Пріѣхали въ земли ляховинскіи,
Къ ко́ролю Микулѣ Ляховинскому.
Ёнъ оставилъ Добрыню середи́ двора.
Во лѣво́й рукѣ два по́вода шелковыихъ,
Держитъ два ко́моня до́брыихъ,
Во право́й рукѣ дубинка вязовая.
А Дунай пошолъ на высо́къ теремъ,
Пришолъ Дунай на высокъ теремъ
Крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по учёному,
На двѣ на́ три на четыре на сторонушки,
А ко́ролю Микулѣ въ особину:
«Здравствуй король земли Ляховинскія!»
Спрого́вори король земли Ляховинскія:
— Ай же вы горланы святорусскіе!
— Зачѣмъ же пріѣхали на королёвскій дворъ?
— Безданно заѣхали безпошлинно? —
Спрого́вори сильнёй Дунай Ивановичъ!
«Заѣхали мы на королевскій дворъ
«Хоть безданно, заѣхали безпошлинно,
«О добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ».
Кладывае письма скорописчаты,
На столики ёнъ на дубовые,
Спрого́вори король земли Ляховинскія:

— Хоть вы пріѣхали о добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
— Я за ваши рѣчи неумильныя
— На годъ тебя кладу въ конюхи,
— На дру́гой кладу тебя во по́вары,
— А на третій кладу въ по́гребы глубокіи,
— Желѣзной дощечкой призадвину тебя,
— Пропитомство кладу овса́ съ водой.
— Пусть-ко Дунай воспотѣшится,
— Ума разума въ головку побирается. —
Онъ повѣсилъ свою буйную головушку,
Утопилъ свои ясныя очушки
А въ тыи столики дубовыи,
Въ тыи мосты во кленовыи,
Здынулъ свою бѣлую ручушку,
Ударилъ кулакомъ во столики.
Тутъ столики вси порозсыпались,
Крыльца перильца покосились.
Король по терему побѣгиваетъ,
Купьей шубой окрывается:
— Ахъ ти ми́ ребята на бѣду попалъ,
— Ахъ ти ми́ ребята на великую:
— Не знаю какъ съ бѣдою розвязатися? —
Прибѣжали слуги его вѣрныи
Съ его двора королевскаго:
«Король земли Ляховицкія!
«Ты ѣшь пьешь похлаждаешься,
«А падъ собою невзгоды не вѣдаешь.
«На твоемъ дворѣ на королевскоемъ
«Не ясный соколъ полетываетъ,
«Не черный воронъ попурхиваетъ:
«Поскакивалъ удалый добрый молодецъ.
«Въ лѣвой руки два повода шелковыихъ
«Держитъ два ко́моня добрыихъ,
«Во правой руки дубинка вязовая,

«Полна дубина свинцу на́лита.
«Енъ куды махне́тъ, падутъ у́лицама,
«А о́тмахнетъ — переулкама,
«Крупныхъ татаръ убилъ сорокъ ты́сячей,
«А мелкимъ татаришкомъ тымъ и смѣты нѣтъ.
«Не оставилъ татаришекъ на сѣмены».
Король земли Ляховинскія
Ёнъ по терему побѣгиваетъ,
Куньей шубой укрывается:
— Бѣжите слуги мои вѣрныи,
— Отом(к)ните тридевять замочики,
— Ведите Опраксію Микуличну,
— Мойте Опраксію бѣлешенько,
— Сокрутите ю хорошохонько,
— Посадите ю на добра коня,
— Отпустите въ земли Святорусьскіи. —
Сходили слуги его вѣрныи,
Отом(к)нули тридевять замочики,
Взяли Опраксію Микуличну,
Мыли тутъ Опраксію бѣлешенько,
Сокрутили ю хорошонько,
Посадили ю на добра коня,
Отпустили въ земли Святорусьскіи.
Въ томъ во чисто́мъ полюшки
Сустигла ихъ темная ночушка.
Бѣлъ они шатёръ роздернули и спать легли.
Въ головы клали саблю вострую,
Возли себя копье мурамецкое,
Въ ноги палицу булатную.
Вставае сильнёй Дунай Ивановичъ,
По утрушку вставае ранёшенько,
Выходи на путисту дороженку,
Тамъ ѣде поляница удалая,
По колѣнъ въ землю конь угрязываетъ.

Прибѣжалъ сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Вставай Добрыня Микитьевичъ!
«Садись Добрыня на добра коня,
«Поѣзжай ты въ земли Святорусьски,
«Вези Опраксію Микуличну,
«Скажи поклоны, челомъ-битьице,
«Всему городу Кіеву,
«Ласкову князю Владимiру.
«Ащé ль я живъ буду, поѣду за поляницей за удалою».
Съѣхались съ поляницей они съ удалою,
Начали биться тутъ ратиться.
Ударились пáлицами булатныма,
Палицы до рукъ приломáлися.
Ударились копьями мурамецкима,
Копейца въ одно́ мѣсто свивалися.
Ударились саблями вострыма,
Сабли до рукъ притупилися:
Боле нечѣмъ биться ратиться.
Стали биться боемъ кулачныимъ,
Ёнъ побилъ поляницу удалую:
Не самъ ёнъ побилъ, ему Богъ пособилъ.
Вынялъ съ ножни́ свой вострый ножъ,
Хоть пластать ёй бѣлу грудь.
А груди мяки по женьскому.
Сталъ у нёй тутъ и выспрашивать:
«Скажи поляница удалая!
«Какой ты орды и какой земли?»
А говори́тъ поляница удалая:
— Я кабы сидѣла на твоихъ грудяхъ,
— Пластала бы твои груди бѣлыя,
— Не спрашивала бы ни какой орды ни какой земли. —
Говоритъ сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Не стану я пластать твоихъ бѣлыхъ грудь,
«Только скажи ты какой орды, какой земли?»

— Коли ты сталъ у меня выспрашивать,
— Я тебѣ буду высказывать:
— Я есть земли Ляховинскоей,
— Короля Микулы Ляховинскія
— Бóльша дочь Настасья Микулична.
— Пріѣхали горланы святорусьски,
— Увезли мою сестрицу родимую. —
Спрогóвори сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Ай же ты Настасья Микулична!
«Сядемъ-ка, пойдемъ на добрыхъ коней
«Поѣдемъ-ко къ стольнёму граду ко Кіеву,
«Ко ласкову князю Владиміру,
«Станемъ мы креститься молитвиться,
«Сходимъ мы съ тобою во Божью церковь,
«Примемъ мы съ тобою золоты вѣнци».
Здымалъ ю за ручки за бѣлыи,
За тыи перстни злаченыи,
Посадилъ Настасью на добра коня,
Поѣхали они тутъ во Кіевъ градъ.
Настасья Микулична во Божью церковь,
Апраксія Микулична съ Божьёй церкви.
На церковномъ крыльцѣ они встрѣтились,
Тутъ они поздоровались,
Сходили тутъ они во Божью церковь,
Приняли тутъ они золоты вѣнци,
Жили они тутъ и три годы.
Тутъ князь Владиміръ кіевской,
Заводилъ онъ свой почестенъ пиръ
На всихъ на князей на бóяровъ,
На русьскихъ могучихъ богатыревъ.
Красно солнце на вечери,
Почестенъ пиръ у нихъ на весели,
Вси на пиру пьяны веселы.
Спрогóворитъ сильнёй Дунай Ивановичъ:

«Я-ка въ зе́мляхъ Ляховинскіихъ
«Какъ самъ женился, да царя женилъ,
«Вытащилъ двѣ бѣлыя двѣ лебеди».
А спрого́ворп Настасья Микулична:
— Ай же ты сильнёй Дунай Ивановичъ!
— Хоть ты самъ женился да царя женилъ,
— Хоть ты вытащилъ двѣ бѣлыихъ лебеди;
— Много въ чисто́мъ поли ѣзживалъ,
— А не стрѣливалъ только стрѣлочки калёноей,
— А не попадывалъ въ колечко золоченое.
— Какъ я стрѣлю стрѣлочку каленую,
— Такъ я попаду въ колечко золоченое,
— Не убью тебя во чисто́мъ поли.
— А тебѣ не стрѣлить стрѣлочки каленой,
— Чтобы попасть въ колечко золоченое:
— Ты у́бьешь Настасью Микуличну. —
Тутъ они пошли во чисто́ поле.
Настасья Микулична стрѣлила стрѣлочку каленую
Такъ попала въ колечко золоченое.
Тутъ она и расплакалась:
— Ай же сильнёй Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не стрѣляй стрѣлочки калепоей,
— Тебѣ не попасть въ колечко золоченое. —
Тутъ сильнёй Дунай Ивановичъ
Стрѣлилъ стрѣлочку каленую,
Не попалъ въ колечко золоченое,
Попалъ Настасьѣ Микуличнѣ въ бѣлы груди,
Убилъ Настасью Микуличну, расплакался:
«Гдѣ пала лебедь бѣлая, тутъ пади и ясно́й соколъ».
Вынялъ зъ ножни́ свой вострой ножъ,
Поставилъ вострый ножъ на сыру землю,
Тупы́мъ концемъ во сыру землю,
Востры́мъ концемъ во бѣлы груди.
Гдѣ пала лебедь бѣлая, тутъ протеки рѣка Черная,

А гдѣ сильныій Дунай, Дунай сынъ Ивановичъ,
Тутъ протеки матушка Дунай рѣка
От ъ пынь и до вѣка.

Записано тамъ-же, 4 іюля.

140.

СТАВЕРЪ.

У стольняго города у Кіева,
У ласкова князя у Владиміра
Заводилось пированье, почéстенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на бояровъ,
На русскихъ могучихъ богатырей,
На всѣхъ поляницъ на удалыихъ.
Красно солнце на вéчери,
Почестенъ пиръ у нихъ на вéселп.
Вси на пиру пьяны вéселы,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Умный похвасталъ отцемъ матерью,
А безумный похвасталъ молодой женой.
Кто хвасталъ своей у́далью,
А кто хвасталъ своей у́частью.
За тымъ же столикомъ за дубовыимъ
Спдитъ молодой гость Черниговской,
Мóлодой Ставёръ сынъ Годиновичъ.
Не ѣстъ, не пьетъ ёнъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Ничѣмъ онъ молодецъ не хвастаетъ.
Подходитъ князь стольне-кіевской:
«Что ты молодый гость Черниговскій,
«Молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ,

«Не ѣшь, не пьешь, ты не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь,
«Ничѣмъ ты не похвастаешь?»
Тутъ дородный добрый молодецъ
Молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ
Наѣлся, напился, расхвастался.
— Чѣмъ мнѣ-ка молодцу хвастати?
— У меня у молода Ставра
— Сапожки на ножкахъ не держатся,
— Цвѣтныи платья не носятся,
— Золоты кареты не ломаются,
— Добрыи кони не ѣздятся,
— Вѣрныи слуги не старятся.
— А 'ще у меня у молода Ставра
— Есть-то жонка молодая.
— Всихъ князей бояръ обманула она,
— Самого царя съ ума выведетъ. —
«Ты скажи молодой Ставеръ!
«Для чего сапожки на ножкахъ не держатся,
«Цвѣтное платье не носится,
«Зóлоты кареты не ломаются,
«Добрыи кони не ѣздятся,
«Вѣрныи слуги не стáрятся?»
— Кожу я куплю себи хорошую,
— Мастера у меня придворны:
— Сошьютъ мнѣ-ка-вà хорошохонько.
— Я день держу, да другой держу,
— Много что недѣльку пóдержу,
— Снесу въ лавоньку торговую,
— Вамъ же продамъ, князи бóяры.
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— Оттого платьице у меня не носится:
— Суконце куплю хорошее,
— Мастера у меня придворны:

— Сошьютъ мнѣ-ка-вà хорошохонько.
— Я день держу, да другой держу,
— Много что недѣльку по́держу,
— Снесу въ лавоньку торговую,
— Вамъ же продамъ, князи бо́яры,
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— А оттого кареты не ломаются:
— Тыи кареты со двора пошли,
— А другіи кареты на готовый на дворъ придуть.
— Да съ того добры кони не ѣздятся:
— У меня кобылочки хорошія,
— Носятъ жеребчиковъ хорошіихъ.
— Я годъ держу, да другой держу,
— Сгоню же я на рынечекъ,
— Вамъ же продамъ, князи бо́яра,
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— А 'ще ка у меня молода Ставра
— Есть-ка жонка молодая,
— Всихъ князей бояръ обманула ёнà,
— Самого царя съ ума выведетъ. —
Тутъ его за хвастки великіи,
Тутъ его за рѣчи неумныя
Посадили въ погреба глубокіи,
Задвинули дощечками желѣзными,
Ворота засыпали песками желтыми,
Пропитомство клали овсà съ водой.
Остался у него мла́дый па́робокъ,
Одна дружинушка хорабрая.
Крестъ на лицё, съ терема́ долой.
Скоро скажется, тихо сдѣется.
Приходитъ къ городу Чернигову,
Идетъ ступае на высо́къ теремъ
Къ тоей Василисты Микуличной,
Крестъ кладе́ по писаному,

Поклонъ вседе́ по ученому.
У ёй Василисты Микуличны
Были забраны гостюшки любимыи.
Она ѣстъ, да пьетъ, кушаетъ,
Надъ собой невзгоды не вѣдаетъ,
Что не стало у пёй молода Ставра,
Посадили его въ по́гребы глубокіи.
Спроговори младоіи паробокъ:
«Ай Василиста Микулична!
«Ѣшь ты пьешь, да кушаешь,
«Надъ собою невзгоды не вѣдаешь,
«Что не стало у тебя молода Ставра.
«Посаженъ въ по́гребы глубокіи
«За его за хвастки великіи».
Спрого́ворила Василиста Микулична:
— Подите вы гости по своимъ домамъ,
— Нынѣ мнѣ гости не до васъ пришло:
— Не стало у меня ясна сокола
— Молода Ставра сына Годиновича! —
Тутъ Василиста Микулична
Волосы подбрила по мужичьему,
Платья надѣла богатырскіи,
Сходила въ конюшечку во новую,
Взяла жеребчика неѣзжанаго.
Сѣдлала уздала добра коня,
Сѣделышко клала черкаское,
Положила стремянки булатныи,
Пряжки мѣди казанскоей:
Не для ради красы басы угожества,
А для ради закрѣпы богатырскоей
Сѣла она да поѣхала.
Скоро скажется, тихо сдѣется.
Буде у города у Кіева,
У ласкова князя Владиміра.

Остановила копя середи двора,
Непривязанаго, неприказанаго,
Скорепько идетъ на высо́къ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны веде́ по ученому,
На всѣ на четыре сторонушки,
Князю Владимiру въ особину
Съ молодой княгиней съ Опраксiей.
Спрого́вори князь стольне-кiевской:
«Откуда ты дородный добрый молодецъ?
«Откуда-ва ѣдешь, куда путь держишь?
— А есть я земли Тальянскоей,
— А любимый племянникъ королевскiй.
— Прiѣхалъ на твоей дочкѣ посвататься
— На мо́лодой Настасьѣ Владимiровны. —
Спрого́воритъ князь стольне-кiевскiй:
«Ай же ты Настасья Владимiровна!
«Не хочу тебя держать, хочу за му́жъ отдать,
«За любимаго племянника королевскаго».
Спрого́воритъ Настасья Владимiровна:
— Ай же ты батюшка Владиміръ стольне-кiевской!
— Не отдай ты дѣвицы за женщины,
— Не надѣлай смѣху по свято́й Руси.
— У ней жопа крутинька по женьскому,
— Походка частенька по женьскому.
— Груди мяконьки по женьскому. —
«Сходимъ мы съ нимъ въ парну баенку,
«Я тутъ его и по́смотрю».
«Ай дородный добрый молодецъ!
«Не угодно ли въ баяньку попариться?»
— Не худо съ дорожки парна баенка. —
Она была да лукавая:
На тую пору выпустила жеребчиковъ,
Жеребчиковъ выпустила нѣзжаныхъ.

Жеребчики по двору разбѣгались,
Оглядѣлся Владиміръ стольне-кіевской.
Она той порой вымылась и упарилась,
Скоро съ баянки справилась.
«Что ты дородній добрый молодецъ
«Не долго мылся парился,
«Скоро съ баянки справился?»
— У насъ вѣдь справы не по царскому,
— А у насъ справы по дорожному. —
Спрогóворилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай же ты Настасья Владиміровна!
«Я отдамъ тебя за королевскаго племянника.»
— Ай же батюшко Владиміръ князь стольне-кіевской.
— Не выдай ты дѣвицы за женщины,
— Не надѣлай смѣху по святой Руси. —
«А мы его спровѣдаемъ,
«Положимъ на перину на царскую:
«Буде мужчина, — подъ плечами буде ямина,
«А женщина, — буде подъ жопою».
Она была то лукавая:
Жопой легла на изголовьицо.
Спрогóворитъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай же дородній добрый молодецъ!
«Не угодно-ль поиграть въ шашки въ шахматы заморскіи?»
А спрогóворитъ дородній добрый молодецъ:
— У насъ онъ эвтомъ дѣло не свѣдано,
— Игроки у меня съ дому не взяты.
— Пожалуй, поиграемъ въ шашки въ шахматы заморскіи.—
Обыграла царя со царицею,
Всѣхъ игроковъ придворныихъ.
Говоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай ты дородній добрый молодецъ!
«Больше у меня нѣкому съ тобой играть
«Въ шашки шахматы заморскіи».

А спрогóворилъ дородній добрый молодецъ:
— Никто въ Расеи не могъ меня óбыграть,
— Одинъ то меня и обыгрывалъ Ставeръ Годиновичъ.
— Когда я бывалъ во Черниговѣ
— Одинъ-то онъ меня обыгрывалъ.—
Сходилъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
Выпустилъ Ставра изъ погребовъ глубокіихъ.
Сѣли со Ставромъ Годиновичемъ
Они играть въ шашки шахматы заморскіи,
Спрогóвори ему дородній добрый молодецъ:
— Помнишь ли молодой Ставeръ сынъ Годиновичъ
— Какъ мы съ тобой живали во Черниговѣ?
— Я была чернильницей, а ты перомъ лебединымъ,
— Ты въ меня частенько помакивалъ,
— Я въ тебѣ тогды-сегды. —
Спрогóворилъ Ставeръ сынъ Годиновичъ:
«Дородній добрый молодецъ!
«Я все позабылъ сидючи въ пóгребахъ глубокіихъ».
Спрогóворилъ дородній добрый молодецъ:
— Помнишь Ставeръ сынъ Годиновичъ!
— Какъ мы живали во Черниговѣ
— Я ходила кобы́лицей,
— А ты жеребчикомъ некладеным:
— Ты на меня частенько поскакивалъ,
— Я на тебѣ тогды-сегды.
— Съѣдемся Ставeръ во чистомъ поли,
— Попробуемъ силы богатырскоей!
— Дай-ко Владиміръ стольне-кіевской
— Дай-ко Ставру молодà коня
— Съѣздить со мной во чисто поле,
— Спробовать силы богатырской! —
Сѣли на добры́хъ коней поѣхали,
Уѣхали они во Черниговъ градъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

141.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Въ славномъ было во Новѣгородѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
Живучи Буславъ не старился,
На достали Буславъ переставился,
Съ Новымъ Градомъ не перечился,
Съ каменной Москвой спору не было.
Оставалоси чадо милое
Мóлодый Василій сынъ Буславьевичъ.
Сталъ по улицкамъ похаживать,
Съ робятами шуточки пошучивать:
Кого за руку дернетъ — рука съ плеча,
Кого за ногу дернетъ — нога съ колѣнъ,
Кого за голову дернетъ — голова съ плечи вонъ.
Собирались мужики новгородскіи,
Собрались къ Васильевой матушки.
«Ай же Васильева матушка,
«Молодая Фетьма Тимоѳеевна!
«Уйми свое чадо милое
«Молода Василія Буславьева.
«А не уймешь Василюшка Буслаева,
«Будемъ унимать всимъ Новымъ Градомъ,
«Сгонимъ Василюшка подъ Волхово,
«Пихнемъ Василюшка въ Волхово».
Тутъ Васильева матушка,
Молода Фетьма Тимоѳеевна,
Чоботы падернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плече,
Хватила свое чадо милое,

Хватила подъ правую подъ пазуху.
— Ай ты Василій сынъ Буслаевичъ!
— Какъ жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
— Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
— Живучи Буславъ не старѣлся,
— На достали Буславъ переставился,
— Со Новымъ Градомъ не перечился,
— А съ каменной Москвой спору не было. —
Тутъ Василій сынъ Буславьевъ
Завелъ онъ свой почестенъ пиръ.
Накýрилъ Василій зелена́ вина,
Наварилъ Василій пива пьянаго,
На бѣлой дворъ бочки выкатывалъ,
На бочкахъ подписи подписывалъ,
На вёдрахъ подрѣзи подрѣзывалъ.
Мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ чара полтора пуда.
«Тотъ поди ко мнѣ на почестенъ пиръ,
«Кто выпьетъ эту чару зелена́ вина,
«Кто истерпи мой черленой вязъ».
Какъ идутъ мужики новгородскіе
Скажутъ: къ чорту Василья и съ честнымъ пиромъ.
Идетъ въ стрѣту маленькій Потанюшко,
На правую ножку припадываетъ,
Онъ на небо поглядываетъ.
Говорятъ мужики новгородскіе:
«Не ходи Потаня на почестенъ пиръ!
«Не выпить тебѣ чары зелена́ вина,
«И нѐ стерпеть вяза черленаго».
Пришелъ-то маленькій Потанюшко,
Пришелъ Потаня на почестенъ пиръ,
Хватилъ ёнъ чарочку одной рукой,
Пилъ онъ чарочку однимъ духомъ.
Хлопнулъ Василій сынъ Буслаевичъ

Хлопнулъ вязомъ черленымъ,
Стопъ Потанюшко не стряхнется,
Его жолтыи кудри не сворохнутся.
Спрогóворитъ Василій сынъ Буслаевичъ:
— Ай же ты маленькій Потанюшка!
— Поди ко мнѣ въ дружинушки въ хоробрыи.—
Тутъ мужики новгородскіе
Заводили они почестенъ пиръ,
Накýрили они зелена́ вина,
Наварили пива пьянаго.
А всихъ-то они на́ пиръ по́звали,
А Василія Буславьева и не по́звали.
Спрогóвори Василій сынъ Буславьевичъ:
— Пойду я, матушка на почестенъ пиръ! —
Спрогóворитъ матушка родимая
Молодая Фетьма Тимоѳеевна:
«Не ходи, Василій, на почéстенъ пиръ!
«Вси придутъ на пиръ гости званыи,
«Ты прúдешь на пиръ незваный гость».
Спрогóворитъ Василій сынъ Буслаевичъ:
— Пойду я, матушка, на почестенъ пиръ!
— Куда меня посадятъ, я тамъ сижу.
— Что могу достать, то я ѣмъ да пью. —
Пошли со дружиною на почéстенъ пиръ.
Приходитъ Василій на почéстенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому.
— Здравствуйте мужики новгородскіи!
«Поди Василій сынъ Буславьевичъ!
«Садись Василій во большомъ углу».
Кормили тутъ Васильюшка досыта,
Поили Васильюшка до́пьяна.
«Бейся Васильюшка во великъ закладъ,
«Завтра итти на Волхово!

«Мы станемъ биться всимъ Новымъ-Градомъ,
«А ты двоима со дружинушкой».
Пошелъ Василій со честна́ пиру,
Приходитъ къ матушкѣ родимоей
Прикручинивши, припечаливши.
Спрого́вори матушка родимая:
— Эй же Василій сынъ Буслаевичъ!
— Что ты Василій прикручинивши,
— Что ты Василій припечаливши?
— Вѣдь не чарой Василій тебя обнесли,
— Либо пьяница собака обезчестила? —
Спрого́вори маленькой Потанюшка,
Его дружинушка хоробрая:
«Чарой Василья не о́бнесли,
«И пьяница собака не обезчестила:
«Ёнъ глупымъ умомъ, хмѣльнымъ ра́зумомъ,
«Бился Василій о великъ закладъ:
«Что итти съ-у́тра на Волхово,
«Имъ биться всимъ Новымъ Градомъ.
«А намъ двоима со дружинушкой».
Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна
Чоботы надернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плече,
На мистку положила красна золота,
На дру́гую чистаго серебра,
На третьюю скатнаго жемчуга.
Пришла она на почестенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому.
— Здравствуйте мужики новгородскіе!
— Возьмите до́роги подарочки,
— Простите Василья во той вины. —
Говорятъ мужики новгородскіе:
«Мы не во́зьмемъ дороги подарочки

«И не простимъ Васплья во той вины.
«Хоть повладѣемъ Васильевыма ко́нями добрыма,
«Павладѣемъ платьями цвѣтныма!»
Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна,
Крестъ на лицё, да съ терема́ долой.
Ударила чоботомъ во ли́пину,
А улетѣла ли́пина во задній тынъ,
А у нихъ задній тынъ весь и разсыпался,
Вси крыльца перильца покосилися.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Вставая по утру ранешенько,
Пошелъ на Дунай рѣку купатися.
Иде въ стрѣту дѣвушка чернавушка.
— Ай же ты Василій сынъ Буслаевичъ!
— Зналъ загудки загадывать,
— А не знаешь понѣ отгадывать:
— Прибили дружину во чисто́мъ поли. —
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Чоботы надернулъ на босу́ ногу,
Шубу накинулъ на одно плече,
Колпакъ накинулъ на одно ухо.
Хватилъ Василій свой черленый вязъ,
Побѣжалъ Василій во чисто́ поле.
Идетъ въ стрѣчу старчищо Андронищо,
Его иде крёстный батюшко,
Надѣтъ на голову Софеинъ колоколъ.
«Ай же ты крёстный батюшко!
«Зачѣмъ надѣлъ на голову Софеинъ колололъ?»
Хлоппулъ крёстнаго батюшку,
Убилъ старчищо Андронищо.
Прибѣжалъ Васильюшко на Волхово,
Сталъ по Волхову поскакивать,
Черленымъ вязомъ помахивать.
Куды махнетъ — падуть улицама̀,

А въ перехватъ махнетъ—переу́лкама.
Кистенямы головы переломаны,
Кушакамы головы перевязаны.
Бѣжатъ къ Васильевой матушкѣ.
— Ай же Васпльева матушка,
— Молодая Фетьма Тимоѳеевна!
— Уйми свое чадо милое,
— Оставь людей хоть и на сѣмена. —
Тутъ Васпльева матушка
Чоботы надернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плече,
Прибѣжала она на Волхово,
Хватила свое чадо милое,
Хватила подъ правую подъ пазуху.
«Ай же ты Василій сынъ Буславичъ!
«Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
«Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
«Живучи Буславъ не старился,
«На достали Буславъ переставился,
«Со Новымъ Градомъ не перечился,
«Съ каменной Москвой спору не было».
Принесла Васплья со чиста поля.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Говоритъ опъ матушкѣ родимоей:
— Ай же ты матушка родимая!
— Утрось я не завтракалъ, вечеръ я и не ужинялъ,
— Дай хоть сегодня пообѣдати.
— Спусти меня молодца въ Ерослимъ градъ,
— Во святую святыню помолитися,
— Ко Христову гробу приложитися.
— Во Ердань рѣку окупатися.
— Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
— Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ! —
Говоритъ Васпльева матушка

Молодая Фетьма Тимоѳеевна:
«Не спущу тебя Василья во Ерос6лимъ градъ,
«Тебе мнѣ-ка-ва больше жива нѐ видать».
— Ай же матушка родимая!
— Спустишь—поѣду, а не спустишь—пойду.—
Оснастили суденушко дубовое,
Со своей съ дружинушкой хороброю
Сѣли въ суденушко, поѣхали.
Пріѣхали къ матушкѣ Сивòнь горы.
Пошли на матушку Сивòнь гору,
Пошли по матушкѣ Сивòнь горѣ,
Лежитъ тутъ кость сухоялова.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Сталъ этой костью попинывать,
Сталъ этой костью полягивать.
Спрогóвори кость сухоялова
Гласомъ яна человѣческимъ:
«Ты бы хоть Василій сынъ Буслаевичъ
«Меня бы кости не попинывалъ,
«Меня бы кости не полягивалъ,
«Тебѣ со мной лежать во товарищахъ».
Плюнулъ Васильюшко, да прочь пошолъ.
«Сама спала, себи сонъ вид'ла».
Сѣли въ суденушко, поѣхали.
Пріѣхали они въ Ерос6лимъ городъ,
Сходили въ святую святыню помолилися,
Ко Христову гробу приложилися;
Пришелъ Василій сынъ Буслаевичъ,
Окупался въ матушкѣ Ердань рѣкѣ.
Идетъ та дѣвушка чернавушка,
Говоритъ Васильюшку Буславьеву:
— Ай Василій сынъ Буслаевичъ!
— Нагимъ тѣломъ въ Ердань рѣки не куплются,
— Нагимъ тѣломъ купался самъ Іисусъ Христосъ!

— А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ.—
Сѣли въ суденушко, съ дружинушкой поѣхали.
Заболѣла у Васильюшка буйная головушка.
Спрогóвори Василій сынъ Буслаевичъ:
«Ай же дружинушка хоробрая!
«Болитъ у меня буйная головушка.
«Вечоръ были мы на матушкѣ Сивонь горѣ,
«Пошли мы съ костью разбранилися,
«Пошли мы съ костью не простилися.
«Заѣдемъ-ко на матушку Сивонь гору,
«Простимся у кости сухояловой».
Пріѣхали на матушку Сивонь гору,
Гдѣ лежала кость сухоялова.
Тутъ лежитъ въ томъ мѣстѣ синь камень:
Въ долину камень сорокъ сажень.
Въ ширину камень двадцать сажень.
Спрогóвори Василій сынъ Буслаевичъ:
«Ты, дружинушка, скачи въ поперекъ камня.
«А я скачу вдоль каменя;
«Перескочимъ черéзъ камень!»
Скочилъ Васильюшко вдоль каменя,
Палъ Васильюшко о сúнь камень.
Рѣчёпъ языкъ въ головкѣ поворотится,
Говоритъ дружинушкѣ хоробрыя:
«Съѣдешь дружинушка хоробрая
«Къ моей матушкѣ родúмоей,
«Вели поминать Васильюшка Буславьева».

Записано тамъ же, 4 іюля.

142.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

У Грознаго царя Ивана Васпльевича
Былъ у его почéстенъ пиръ
На всихъ на князей на бóяръ,
На русьскіихъ могучіихъ богатыревъ.
Красное солнце нá вечери,
Почéстенъ пиръ у нихъ нá веселп.
Всп на пиру пьяны вéселы.
Спрогóворитъ Грозный царь Иванъ Васпльевичъ:
«Повывелъ я измѣну со Новàгорода,
«Повывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
«Повывелъ я измѣну и со Кіева».
Спрогóворилъ его а'ще меньшій сынъ:
— Ай же ты батюшка родимый мой!
— Хоть повывелъ ты измѣну со Кіева,
— Хоть повывелъ ты измѣну со Новàгорода,
— Хоть повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы,
— А е у тебя измѣна подъ правы́мъ плечомъ.
— Какъ я которой ѣхалъ улпцей,
— Я казнилъ чисто на чисто.
— Дядюшко какъ ѣхалъ улпцей,
— Тоже казнплъ чисто на чисто.
— А братецъ какъ ѣхалъ улпцей,
— Тотъ казнплъ чисто не нà чисто:
— Впереди себя послалъ скорѝ гонця,
— Чтобы мужики новгородскіи
— По погребамъ опи бы охитялися,
— А желѣзными бы доскамы задвигалпся.
— Онъ казнилъ чисто не нá чисто. —
Тутъ царьское сердце расходилося.

Хмѣльнымъ умомъ, да пьянымъ разумомъ,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Говоритъ онъ да таково слово:
«Ай палачикѝ немило́сливыя!
«Ведите мо'го сына бо́льшаго
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсьте ему ясныя очушки,
«Сѣките ему буйную голову».
Тутъ вси на пиру испужалися,
Тутъ вси на пиру разбѣжалися.
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почестнаго,
Выходитъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ.
Взялъ его сына бо́льшаго
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни злаченыи,
Повелъ за болото за житное,
На тую доску на липову
Отсѣчь ему буйная головушка.
Познала его матушка родная,
Познала Анна Романовна.
Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу накинула на одно плечо,
Прибѣжала къ братцу къ Микитѣ Романовичу.
Идетъ скоренько на высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому.
Спрого́вори братецъ, Микита Романовичъ.
— Нежда́на гостьица ко мни́ пришла! —
Спрого́вори Анна Романовна:
«Ай же ты братецъ Микита Романовичъ!
«Ты-ль надо мною надсмѣхаешься?
«Али ты надо мной надрываешься?

«Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
«Не стало у меня вѣдь сына бо́льшаго
«Мо́лода Ѳедора Ивановича,
«Свелъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсить ему ясныя очушки,
«Сѣчь его буйная головушка».
Тутъ Микита Романовичъ
Скорёшенько ёнъ тутъ исправился:
Чоботы надернулъ на босы ноги,
Шубу накинулъ на одно плече,
Колпакъ накинулъ на одно ухо,
Палъ на коня не на сѣдланаго,
Колпако́мъ махалъ, голосо́мъ кричалъ:
— Не казните-тко вы сына царскаго! —
Пріѣхалъ за болото тутъ за житное
Къ той доски онъ къ липовой.
Положенъ Ѳедоръ Ивановичъ на тую дощечку на липовую,
Завѣшены ясныя очушки,
А не сѣчена буйная головушка.
Тутъ хватилъ его за ручки за бѣлыи,
Выздынулъ съ дощечки онъ съ липовой.
Вора Малютка сына Скурлатова
Положилъ на дощечку на липову,
Завѣсплъ ему ясныя очушки,
Ссѣкъ ему буйную головушку.
Племянника на копю везетъ,
А самъ за конёмъ онъ и вслѣдъ идетъ.
Дѣло дѣялось въ Хрпстовскую во Пятницю.
Въ Христовъ день пошли ко заутрени.
Идетъ Никита Романовичъ въ церковь Божію,
Ко той Христовской ко заутрени,

Самъ идетъ, племянника подъ полой ведетъ.
Пришелъ къ царю Ивану Васильевичу:
— Что же ты, братецъ, царь Иванъ Васпльевичъ, прикручинился.
— Что же ты припечалился? —
Спроговоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты, братецъ, Микита Романовичъ!
«Толи́-ль надо мной надсмѣхаешься,
«Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
«Не стало у меня сына бо́льшаго,
«Мо́лода Ѳедора Иванова.
«Свелъ Малюта воръ Скурлатовъ сынъ
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсилъ ему ясныя очушки,
«Ссѣкъ ему буйную головушку.
А спрого́вори Микита Романовичъ:
— Ай же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ можно съ мертва жива сдѣлати! —
Прого́воритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ввѣкъ того на сёмъ свѣтѣ не водится,
«А живой съ мертваго не ро́дится.
«Кто мнѣ-ка-ва съ мертва жива́ сдѣлалъ,
«Я бы половину отдалъ своего государствія!»
Спрого́вори Микита Романовичъ:
— Мнѣ-ка-ва не надо ни злата, ни серебра,
— Ни половины твово государствія,
— А только сдѣлай Микитину отчину.
— Кто голову сдѣлаѐ, у́йде въ Микитину отчину, того Богъ проститъ,
— Кто коня угонитъ, у́йде въ Микитину отчину, того Богъ проститъ. —
Записали записи великіи,
Показалъ ему сына бо́льшаго.

Тутъ царь Иванъ Васильевичъ
Взялъ сына бо́льшаго за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ его въ уста сахарныи.

Записано тамъ же, 4 іюля.

143.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Господь-то на насъ поразгнѣвался
На славное царство Расейское,
На Расейское царство Московское.
Далъ намъ Господь царя несчастливаго,
Назвался собака воръ прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
Царевичемъ Митріемъ Московскімъ.
Не успѣлъ воръ собака вцаритися,
Похотѣлъ воръ собака женитися:
Не у насъ въ Росеи въ каменной Москвы,
Не въ каменно́й Москвы—въ хороброй Литвы,
У Юрья папа̀ Сердобольскаго,
На самой на меньшіей дочери,
На душенькѣ Маринѣ на Юрьевны.
Пиръ свадьбу играли въ Филиповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день,
А Микола у насъ была въ пятницю.
Дошло это дѣло до Велика дни,
До Великаго дни до Христова дни.
У того ли у Іоанна-Великаго
Ударили во бо́льшой во колоколъ.
Всѣ князи бояри къ обѣдни пошли,
Ко той ко Христовской ко заутрени,
Воръ Гришка-Рострижка онъ въ мыльню идетъ

Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи бояря Богу молятся,
А воръ Гришка-Рострижка въ мыльнѣ моется
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи бояра отъ обѣдни пошли,
Отъ той они Христовской заутрени,
Воръ Гришка-Рострижка со мыльни идетъ
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
На Гришкѣ тулупъ восемьсотъ рублей,
На Маринѣ салопъ въ цѣлу тысящу.
Выбѣгалъ воръ собака на царско крылечшко,
Кричитъ воръ громкимъ голосомъ,
Чтобы было слышно къ королю въ Литву,
Къ Юрію пану Сердобольскому:
«Послушай Марина что я́ скажу,
«Послушай Марина что я́ говорю!
«Поди въ полату бѣлокаменну,
«Не бей челомъ княземъ боярамъ,
«Не кланяйся ты чуднымъ образамъ.
«Сѣдь, Марина, за дубовый столъ,
«Кушай рушай бѣлу́ лебедь,
«Проживемъ съ тобою можетъ тридцать лѣтъ».
«Прожить ли Маринѣ хоть три году —
«Не прожить намъ съ тобой Марина три́ часу»[1]).
Собирались господа, бояри московскіи,
Думали думушку обчую,
Приходили ко инокѣ Мароѣ Ивановнѣ.
— Инока Мароа Ивановна!
— Вѣрно Господь на насъ разгнѣвался
— Что далъ царя несчастливаго! —
«Неумны вы господа вси неразумны!
«Дмитрію царю вѣдь смерть при́дали,

1) «Это онъ видитъ въ окно», пояснилъ сказитель.

«Голову рубили въ хоробрóй Литвы,
«А мощи хоронили подъ каменну́ церковь.
«А это Гришка-Рострижка Отрепьевъ сынъ
«Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,
«Заростилъ крестъ во бѣлы груди,
«Такъ назвался собака прямымъ царемъ,
«Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
«Царевичемъ Митріемъ Московскімъ».
Тутъ господа бояре вси московскіи,
Собрались бояре въ одно́ мѣсто,
Гришкѣ-Рострижкѣ смерть придали,
А его жену въ окно бросили.

Записано тамъ же, 4 іюля.

XXVI.

НИКОЛАЙ ДУТИКОВЪ.

Николай Филипповъ Дутиковъ изъ Конды, крестьянинъ лѣтъ 50-ти, заимствовалъ свои былины отъ того же Конона съ Зяблыхъ Нивъ, о которомъ упомянуто выше (VI и VII), но помнитъ ихъ слабо и часто не досказываетъ конца. Дутиковъ говорилъ, что онъ бывалъ въ Петрозаводскѣ у г. Рыбникова и что послѣдній записывалъ его былины. Изъ сопоставленія этого съ тѣмъ, что̀ упоминаетъ г. Рыбниковъ о какомъ-то крестьянинѣ Ѳедотовѣ, ученикѣ Конона съ Зяблыхъ Нивъ (т. III, стр. XXVIII), а также изъ сличенія текста самыхъ былинъ, оказывается, что Дутиковъ есть тотъ самый сказатель, который названъ въ сборникѣ г. Рыбникова Ѳедотовымъ; это послѣднее имя произошло отъ ошибки.

144.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(См. Рыбникова, т. III, 7).

Какъ ѣздилъ Илья Муромецъ во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ ѣздилъ за охвотою,
Стрѣлялъ Илья гусей, да лебедей,
Стрѣлялъ малыихъ перелетныхъ сѣрыхъ утушекъ,
Онъ не могъ убить ни гуся, ни лебедя,
Ни малой перелетной сѣрой утицы;
А встрѣтился калѣка, калѣка перехожая,
И говоритъ Илья таково слово:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Давно ль ты бывалъ на святой Руси,
«На святой Руси, въ славномъ Кіевѣ,
«Давно ль ты видѣлъ князя Владиміра
«Со стольною княгиною Апраксою?»
Да спроговоритъ калѣка перехожая:
— Ай же старый казакъ Илья Муромецъ!
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я князя Владиміра
— Со стольною княгиною Апраксою;
— Надъ нима несчастьице случилося:
— Сидитъ татаринъ между княземъ и княгиною,
— Не даетъ волюшки князю со княгиной думу подумати.
— А голова у татарина какъ пивной котёлъ,
— А глазища у татарина какъ пивныя чашыщи,
— А носъ-то у татарина какъ кислóй пирогъ,
— А по грѣху учинилося:
— Въ Кіевѣ богатырей не случилося. —
Спроговоритъ Илья, да Илья Муромецъ:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Молодца въ тебѣ въ два меня,
«И силы-то у тебя въ три меня,

«А смѣлости нѣтъ и въ полъ-меня.
«Скидывай ты платьице калѣчьское,
«Скидывай-ко подсумочки рытаго бархата,
«Скидывай-ко ты гуню сорочинскую,
«Разувай-ко лапотики шелковыя,
«И надѣвай платье богатырское,
«Садись на моего добра коня
«И поѣзжай-ка въ Муромъ градъ
«Къ тому подворью богатырскому».
И думалъ-подумалъ калѣка перехожая:
— Не дать Ильѣ платьице, силой возметъ,
— Силой возметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ. —
И складывалъ подсумки рытаго бархата,
И скидывалъ онъ гуню сорочинскую,
И разувалъ онъ лапотки шелковые,
И втыкнулъ онъ клюшку волжанку [1])
Во матушку сыру землю, —
И уходила та клюшка до коковочки [2]);
И скидывалъ онъ шляпу греческую,
И одѣвалъ онъ платье богатырское,
Садился на добра коня.
И поѣхалъ во Муромъ градъ,
Ко тому подворью богатырскому.
Обувалъ Илья лапотики шелковые,
Одѣвалъ Илья гуню сорочинскую,
Одѣвалъ Илья подсумки рытаго бархата,
Одѣвалъ Илья шляпу греческую
И выдернулъ клюшку волжанку
Со матушки сырой земли...
Какъ скоро скажется, тихо дѣется...
И будетъ онъ въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,

1) Изъ дерева иволги.
2) До загнутаго верхняго конца палки.

У ласкова князя у Владиміра,
У него ли палатъ княженецкихъ;
Закричалъ Илья громкимъ голосомъ:
«Солнышко, Владиміръ стольно-кіевскій!
«Сотвори-ко мнѣ милостыню:
«Было бы калѣкѣ чего ѣсть да пить,
«Да чего калѣкѣ волочитися!»
Тутъ татаринъ бросался по-плечь въ окно:
— Ай же вы горланы русскіе!
— Что вы здѣсь завѣдали,
— Что вы стали почасту учащивать?
— Ступай-ко, калѣка, прямо во высокъ теремъ. —
Проходитъ калѣка во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною,
А тому-ли татарину челомъ не бьетъ.
Говоритъ Идолище поганое:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Давно-ль ты бывалъ на святой Руси,
«Давно-ль ты видѣлъ Илью Муромца?
«Каковъ у васъ есть Илья Муромецъ?
«А мнѣ бы Илью видѣть надо
«Я бы клалъ Ильинку на долонь
«Я ударилъ бы другой долонью сверху
«И сдѣлалъ бы Ильинку какъ овсяный блинъ».
Говоритъ ему калѣка перехожая:
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я Илью, Илью Муромца.
— Илья есть мнѣ братецъ названый:
— Онъ мнѣ есть братецъ большій,
— А я ему братецъ меньшій.
— Я за своего брата хочу постоять. —
Это слово татарину не слюбилося:

Какъ схватилъ онъ со стола булатній ножъ
И кинулъ ножъ въ Илью, Илью Муромца.
Тутъ-то Ильѣ не къ суду пришло:
Увернулся онъ за печку муравленую,
А ножъ-отъ улетѣлъ во стоечку,
Стоечка улетѣла въ задній тынъ,
И задній тынъ весь поразсыпался.
Тутъ выходилъ Илья, Илья Муромецъ
Изъ-за печки, печки муравленой,
Какъ бралъ черезъ столъ, дубовый столъ
Бралъ татарина за желты кудри,
И здынулъ его выше буйной головушки,
И бросилъ татарина о кирпичной полъ.
И тутъ ему руки и ноги повыломалъ,
И глаза-то ему повыкопалъ,
И изъ платья вонъ повытряхнулъ.
Поѣхала Хупова та Крынская,
Со земли Россійскія
И сама говоритъ таково слово:
«Здѣсь чортъ не борцы и не удалы добры молодцы!
«Почто было рукама ломать,
«Почто было глазъ воротить?

(Эта Хупова пріѣзжала вмѣстѣ съ татариномъ, но Дутиковъ не помнитъ какъ оно поется).

145.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ было во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,
Середъ было двора да княжепецкаго,
А не бѣлая березка къ земли клонится,
Еще кланяется сынъ да своей матушкѣ.

«Свѣтъ ли государыня моя матушка!
«Дай-ко мнѣ прощеньице, благословеньице
«Повыѣхать во да́лече-дале́че во чисто поле,
«Поискать мнѣ-ка-ва́ братца названаго
«Старово́ ли казака да Илью Муромца.
«Да распрогнѣвался на меня солнышко Владиміръ стольне-
кіевской,
«Наложилъ на меня службу несносную
«Ѣхать въ землю во татарскую
«Сбирать тутъ дани да и выходы,
«Не за много, не за мало, за двѣнадцать лѣтъ».
Спроговоритъ его родная матушка,
Честна вдова Намерфа Тимоѳеевна:
— Ай же ты мое да чадо милое,
— Младый Добрынюшко Микитиницъ!
— На кого ты оставляешь свою матушку,
— На кого ты покидаешь молоду́ жену,
— Мо́лоду Настасью Микуличну? —
Спроговоритъ Добрынюшка Микитинычь:
«Оставляю я свою матушку и молоду жену,
«Подъ опекою да стараго казака да Ильи Муромца».
Спроговоритъ его да любима́ семья,
Мо́лода Настасья Микулична:
— Ахъ ты младыій Добрынюшко Микитинъ сынъ!
— Скоро ли назадъ да поворо́тъ держишь? —
Спроговоритъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«Вы ждитка-ко меня да по три году.
«А по три году не можете дождатися,
«Ждите меня да и по шесть годовъ.
«А по шесть годовъ не можете дождатися,
«Тутъ моя любима́ семья,
«Мо́лода Настасья Микулична
«Хотя вдовой живи, да хоть замужъ поди.
«Поди-ко ты за князей и за бояровъ,

«Поди-ко за русьскіихъ могучіихъ богатыревъ,
«А столько нѣ ходи за славнаго Алешеньку Поповича,
«За того ли за бабьяго насмѣшничка».
А и тутъ Добрынюшко Микитинычь
Сѣдлалъ онъ своего добра коня,
На добра коня кладывалъ потнички,
На потнички войлочки,
На войлочки сѣделочко черкацкое,
Двѣнадцать подпружковъ подтягивалъ
Шелку да шемуханскаго,
Не ради красы басы угожства,
А для ради закрѣпы богатырскія.
И бралъ онъ доспѣхи богатырскіи,
И садился онъ да на добра коня.
И не одинъ поѣхалъ, со дружинкою.
Вид'ли добрыхъ коней сѣдучихъ,
А не вид'ли поѣдучихъ.
Нѣ путемъ поѣхали дорожкою,
А прямо черезъ стѣну городовую.
Одна куревка въ чистомъ полѣ стоитъ
Отъ тѣхъ копытъ да лошадиныихъ.
Ждали Добрынюшко по три году,
По три году не могли дождатися.
Ждали Добрынюшку по шесть годовъ,
По шесть годовъ не могли да дождатися.
Тутъ его любима семья,
Молода Настасья Микулична
Нарушила слово Добрынюшки Микитича,
Пошла она въ замужество
А за смѣлаго Алешеньку Поповича.
Свадебка назначена играть двѣнадцать дней.
Тутъ какъ сидитъ его родная матушка
Во теремѣ высокоемъ,
Сама слезно да и порасплакалась.

— Не пекло на менп красное солнышко по шесть годовъ,
— А пёкъ на меня младъ свѣтелъ мѣсяцъ.
— Нынече и младъ свѣтелъ мѣсяцъ закота́ется! —
А подъѣзжаетъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
Ко стольному ко городу ко Кіеву;
Стрѣтается ему въ чистомъ полѣ Раньжа калѣка перехожая.
Тутъ проговори́тъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«Эй же ты, Раньжа, калѣка перехожая!
«Давно ли ты бывалъ во Кіевѣ,
«Давно ли видалъ князя Владиміра
«И княгиню Апраксію?
«Все ли они живутъ да и здравствуютъ?»
— Да не давно я былъ третьёго дни,
— Все живутъ они да и здравствуютъ. —
«Да еще спрошу, Раньжа калѣка перехожая!
«Пріѣхалъ ли Добрыня Микитинъ сынъ со зе́млей татарскіихъ?»
Спрого́воритъ калѣка перехожая:
— Не пріѣхалъ еще Добрынюшко со зе́млей татарскіихъ.
— А его любима семья
— Нарушила слово Добрынюшки Микитича,
— Пошла она въ замужество
— За смѣлаго Алешеньку Поповича.
— Какъ его родная матушка порасплакалась,
— Сидитъ она да въ теремѣ высокоемъ,
— Глядитъ во чисто поле въ косящатое окошечко. —
Не ясе́нъ соколъ по чисту полю полётыватъ,
А ѣдетъ Добрынюшка со зе́млей татарскіихъ.
Тутъ его родная матушка
Выходила на крылечко пере́ное,
Брала Добрынюшку за бѣлы́ руки,
Вела его въ теремы высокіи.
Спрого́воритъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«Ай же ты моя ро́дная матушка!

«А гдѣ моя любима́ семья,
«Мо́лода Настасья Микулична?»
Тутъ она да порасплáкалась:
— Ай же ты мое да чадо милое!
— Нарушила она слово твое Добрынюшко Микитинъ сынъ,
— Пошла она въ замужество
— За смѣлаго Алешеньку Поповича,
— Свадебка назначена играть двѣнадцать дней. —
Тутъ-то Добрынюшкѣ не до́чего.
Скидывалъ онъ платьице дорожное,
Надѣвалъ онъ платьице богатырское,
Бралъ онъ гуселышка яровчатыи,
И пошелъ къ нимъ да на почéстной пиръ.
Садился онъ у дверей да у дубовыи́хъ,
У тѣхъ у стоечекъ кленовыи́хъ,
Началъ онъ играть въ гуселышка яровчата:
Игры играетъ отъ Царя́града,
Выпѣваетъ онъ да отъ Еросо́лима,
А напѣвочки поетъ все къ Настасьѣ Микуличной.
Какъ услыхала тутъ Настасья Микулична
Напѣвочки Добрынюшки Микитица,
Выходила она зъ-за стола зъ-за дубоваго,
Наливала она чарочку да зелена вина,
Подносила Добрынюшкѣ Микитичу,
Да выпилъ онъ чарочку зелена вина,
А Добрынюшка Микитинъ сынъ
Наливалъ стаканъ да меду сладкаго,
И спустилъ онъ да свой злаче́нъ перстень.
Которымъ перстнемъ они да обручалися,
И самъ говоритъ таково слово:
«И пей, Настасья Микулична, стаканчикъ и́ весь до дна,
«Такъ увидишь ты много добра».
И она выпила стаканъ меду сладкаго,
И прикатился перстень къ устамъ ея сахарныи́мъ.

Тутъ спрогóворитъ Настасья Микулична:
— Не тотъ мужъ, который со мною да за столомъ сидитъ,
— А тотъ мужъ, который передъ мной стоитъ.
— Ты прости ты, Добрынюшко Микитичь, меня въ такой вины! —
Спрогóворитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
«Мужъ въ лѣсъ по дрова, баба и замýжъ пошла».
«Не виню тебя, молодá жена[1]),
«А виню Алешеньку Поповича:
«Зачѣмъ у живá мужа жену беретъ,
«А князя Владиміра — зачѣмъ сватаетъ».
Тутъ взялъ Алешу за желты кудри,
Почалъ по терему поваживать,
А почалъ гуселкамы охаживать.
А тутъ спрогóворитъ Алешенька Поповъ тотъ сынъ:
— А всякій на сёмъ свѣтѣ женится,
— Только не всякому женитьба удается. —
А взялъ Добрынюшка Настасью Микуличну,
Повелъ Настасьюшку во свой теремъ.

Записано на Леликовѣ, 5 іюля.

146.

САДКО.

(См. Рыбникова, т. III, 42).

Во славномъ было во Нови-городѣ
Жилъ-былъ Садко купецъ, богатый гость,
Да все-то у Садка по небесному:
И на небѣ солнце, въ теремѣ солнце,

1) Конецъ былины, начиная съ этого стиха, прибавила Сурикова (XXII).

На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды,
Все-то у Садка по небесному.
И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Вы берите золотой казны по надобью,
«Поѣзжайте-тко вы во славенъ въ Новгородъ,
«Откупите-ко товары въ Нови-городѣ,
«Чтобы больше товаровъ тамъ не было».
Слушали дружинушки, прикащики его,
Да они брали золотой казны по надобью,
Да ѣхали да во въ Новгородъ,
Откупили товары въ Нови-городѣ,
На другой день товаровъ еще больше того.
А еще спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Еще берите золотой казны по надобью,
«Поѣзжайте-тко вы во въ Новгородъ,
«И откупите-ко товары во Нови-городѣ,
«Чтобы больше товаровъ тамъ не было».
Слушали дружинушки, прикащики его,
Да они брали золотой казны по надобью,
Да ѣхали да во славенъ въ Новгородъ.
Откупили товары въ Нови-городѣ:
На другой день товаровъ еще больше того.
И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Вы берите золотой казны по надобью.
«А стройте-тко да тридцать кораблей,
«Носъ-корму кладите по звѣриному,
«Бока-то вы сведите по змѣиному,
«Машты кладите краснаго деревца,
«Блочики кладите все кизюльные,
«Канатики кладите все шелковые,

«Паруса кладите полотняные,
«Якори кладите все булатніе,
«Да по черному по соболю сибирскому
«Вмѣсто бровъ продерните,
«По бурыя лисицы по сибирскія
«А вмѣсто ушей повѣсьте-тко,
«По дорогу́ по камешку по яхонту
«Вмѣсто глазъ вы вставливайте».
Слушали дружинушки, прикащики ето,
Дѣлали дѣло повелѣное.
Да тутъ-то Садко купецъ, богатый гость, поѣздъ держалъ
Поѣздъ держалъ изъ Чернаго,
Изъ Черна моря во Бѣло море,
Изъ Бѣла моря во Свиряйское,
Изъ Свиряйскаго моря во Китайское,
Изъ Китайскаго моря въ Окіянъ-море.
Всѣ-то корабли, какъ соколы, оны летятъ,
А Садковъ корабль становиться сталъ,
Становиться сталъ, да онъ ко дну пошелъ.
Тутъ спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Послушайте стараго хозяина,
«Рѣжьте-тко тридцать жеребьевъ,
«И на жеребьяхъ имена вы подписывайте,
«Бросайте-тко жеребья вы на воду».
Слушали дружинушки, прикащики его,
Рѣзали тридцать жеребьевъ,
На жеребьяхъ имена подписывали
И бросали жеребьи на воду:
Всѣ-то жеребья какъ гоголи пловутъ,
А Садковъ жеребей становиться сталъ,
Становиться сталъ, онъ ко дну пошелъ.
Да спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!

«Вы тешите дощечику дубовенькую
«И бросайте дощечику на воду.
«А садите-тко Садка купца, гостя богатаго,
«На тую дощечиньку дубовенькую
«И полагайте мнѣ гуселки яровчаты».
Тутъ его дружинушки, прикащики его,
Дѣлали дѣло повелѣное,
Спускали дощечики на воду,
Садили Садка купца, гостя богатаго,
На тыя дощечики на дубовыя
И полагали ему гуселки яровчаты
И тутъ его взялъ водяной царь.

(Не умѣетъ также спѣть конца при всемъ стараніи сказать складно).

147.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Ѣзди поляница удалая
Ѳедоръ Петровичь, княженецкій сынъ,
Во чистóмъ поли за охвотою:
Стрѣлялъ гусей да лебедей,
Малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ.
Увидѣлъ онъ во сыромъ дубу
Стараго чёрнаго вóрона:
Распущены его крылушки по сырóмъ дубу.
И говоритъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
«Я убью стараго чернаго вóрона,
«Пролью его кровь по сыру́ дубу,
«Спущу его ту́лово о сыру́ землю
«И роспущу его перышка по чисту́ полю».
Спроговоритъ старый черный воронъ
Гласомъ человѣческимъ:

— Ай же ты, поляница расейская,
— Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ!
— Не бей-ка меня стараго чернаго ворона.
— Я лечу съ зе́млей татарскіихъ.
— Ѣздилъ татаринъ во чисто́мъ поли,
— Кидаетъ палицу булатнюю
— Подъ тыи подъ облаки летучіи, подхватываетъ,
— Грозится на землю Святорусскую. —
Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ,
Садился на добра коня, поѣхалъ во земли татарскіи.
И будетъ онъ во земляхъ татарскіихъ.
Наѣхалъ татарина во чистомъ поли,
И самъ говоритъ таково слово:
«Татаринъ поганый! Скажи съ коей земли,
«Съ коей земли, съ коей орды,
«И какъ тебя зовутъ по имени,
«И называютъ тебя по отечеству?»
Спрого́воритъ татаринъ поганыи:
— Ай же ты, поляница расейская!
— Сядемъ-ко мы на добрыхъ коней,
— И разъѣдемся по чисту полю. —
И ударились они въ палици богатырскія,
Палицы богатырскія до рукъ вси приломалися.
Ударились во сабельки вострыя,
Сабельки до рукъ вси прищелялися.
Ударились въ копейца мурамецкія,
Копейца мурамецкія до рукъ вси свивалися.
Опущалися оны да со добрыхъ коней.
Кому-то была на́ бою Божья́ помочь?
Была на́ бою Божья помочь полянице́ расейскоей.
Побилъ онъ татарина поганаго,
Садился татарину на бѣлую грудь,
Еще сталъ у татарина выспрашивать:
«Скажись-ко, татаринъ поганыій

«Коей земли и коёй орды,
«Тебя какъ зовутъ по имени,
«Называть тебя по отечеству?
Спрогóворитъ татаринъ поганый:
— Ай же ты, поляница росейская!
— Дивья тебѣ насмѣхатись
— Какъ ты сидишь на моихъ на бѣлыхъ на грудяхъ.
— Я бы какъ былъ на твоихъ на бѣлыхъ на грудяхъ,
— Пласталъ бы тебѣ да груди бѣлыя,
— И вынималъ бы тебѣ сердце ретивое. —
Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
Вынималъ изъ ножней булатенъ ножъ,
И здынулъ ножъ выше буйной головушки,
И хочетъ пустить да во груди бѣлыя,
Правая рука въ плечи да застоялася.
Еще сталъ у татарина выспрашивать:
«Скажись съ коей земли, да коёй орды,
«Тебя какъ зовутъ по имени,
«Называть по отечеству?»
Спрогóворитъ татаринъ поганый:
— Ай же ты, поляница росейская!
— Когда сталъ ты у меня выспрашивать,
— Я тебѣ стану высказывать:
— Я есть не татаринъ да не поганый,
— Я есть съ зéмлей Росейскихъ,
— Славнаго города Очакова,
— Вотчины Березинской,
— Улицы Рогатницы,
— Лука Петровичъ княженецкій сынъ.
— Увезли меня татарева поганыи
— Трехъ годовъ во земли во татарскіи. —
Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
Скорёшенько вставалъ на рѣзвы ноги,
И бралъ онъ братца за бѣлы руки,

И здымалъ на ножки на рѣзвыя,
И цѣловалъ во уста во сахарныи.
«Ты есте братецъ мой родимыій,
«Лука Петровичъ княженецкій сынъ!»
Тутъ оны садилисъ на добрыхъ коней
И поѣхали во земли во Росейскія.
Скоро скажется, да тихо дѣется,
Будутъ они во земляхъ во Росейскіихъ
У славнаго города Очакова,
Во той во отчинѣ Березинской,
Во улицѣ Рогатницы,
У того ли подворья княженецкаго.
Сходили они да со добрыхъ коней,
Оставилъ Ѳедоръ Петровичъ братца у добрыхъ коней,
Самъ онъ шелъ въ палаты княженецкіи,
Говоритъ онъ родной матушкѣ:
«Ай же ты моя родная матушка!
«Поди-ко ты на широкій дворъ,
«Да бери-ко татарина за бѣлы рукп,
«Да веди-ко его во палаты княженецкіи,
«Да кормп-ко татарина хлѣбомъ крупивчатымъ».
Спрогóворитъ его родная матушка:
— Ай же ты, мое да чадо милое,
— Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ!
— Какъ бы была у меня старая пóрушка,
— Я бы шла-то на широкій дворъ,
— Я бы брала татарина за желты кудри,
— Вела бы татарина въ погребы глубокіи,
— Кормила бы татарина пескомъ жолтымъ,
— Поила бы татарина водой болотнею. —
Спрогóворитъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ:
«Ай же ты моя родная матушка!
«Не татаринъ есть да не поганыій,
«А есть мой братецъ родимыій,

«Лука Петровичъ княженецкій сынъ.
«Я привезъ его со зе́млей татарскійхъ».
Тутъ его родная матушка
Скорёшенько надѣла чоботы на босу́ ногу,
Кунью шубоньку накинула на одно́ плечо,
Брала его да за бѣлы ручки,
Вела его въ палаты княженецкіи,
Столы она ставила дубовыи,
Скатерти стлала все браныи,
Ѣства-ты клала саха́рныи.
Кормила-поила двухъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Тутъ они стали жить да быть веселитися.

XXVII.

АБРАМЪ ЧУКОВЪ.

Абрамъ Евтихіевъ Чуковъ, по прозванію Бутылка, крестьянинъ д. Горка, Пудожгорской волости, Повѣнецкаго уѣзда, 59-ти лѣтъ. Заимствовалъ былины отъ отца, который былъ мастеръ пѣть и зналъ очень много «старинъ». Отецъ родился и провелъ молодость на Космозерѣ, въ Кижскомъ краѣ; оттого, по свидѣтельству самого Абрама, онъ поетъ былины такъ, какъ Кижане, а не такъ, какъ ихъ поютъ другіе сказители на Пудожской Горѣ. Впослѣдствіи отецъ переселился въ Кузарапду, а оттуда уже, лѣтъ сорокъ тому, на Пудожскую Горку. Абрамъ Евтихіевъ въ молодости выучился портняжному мастерству и до сихъ поръ ежегодно проводитъ осень и зиму, странствуя по деревнямъ, чтобы шить крестьянамъ платье; преимущественно бываетъ въ Кижскомъ Заонежьѣ; за работою онъ обыкновенно распѣваетъ свои старины. Онъ, впрочемъ, ведетъ и крестьянское хозяйство, довольно порядочное, служитъ обществу въ качествѣ сборщика податей. Абрамъ Евтихіевъ, какъ кажется, первый

изъ Олонецкихъ сказителей обратилъ на себя вниманіе, чему онъ обязанъ какъ открытому, общительному характеру, такъ и тому, что часто бывалъ въ губернскомъ городѣ. По его словамъ, ужъ онъ много лѣтъ тому назадъ, еще гораздо прежде знакомства съ г. Рыбниковымъ, сдѣлался извѣстенъ какому-то генералу въ Петрозаводскѣ (должно быть, Бутеневу, бывшему начальнику горныхъ заводовъ), и по порученію этого генерала какой-то писарь списалъ у него всѣ былины, какія онъ зналъ; а зналъ онъ ихъ въ то время безъ малаго два десятка, гораздо больше, чѣмъ помнитъ теперь. Но писарь этотъ потерялъ тетрадь съ этими былинами: такъ увѣрялъ Абрамъ. Однако оказывается, что всѣ тѣ былины, которыя въ 50-хъ годахъ печатались въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ», и которыя г. Рыбниковъ помѣстилъ потомъ въ своемъ сборникѣ съ простою отмѣткою «изъ Олонецкой губерніи», суть тѣ самыя, которыя поетъ Абрамъ Евтихіевъ.

148.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(См. Рыбникова, т. III, 15).

Добрынюшкѣ-то матушка говаривала,
Да й Микитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ѣзди-ко далече во чисто́ полё
«На тую́ гору́ да сорочинскую,
«Не топчи́-ко мла́дыихъ зміёнышевъ,
«Ты не выручай-ко по́лоновъ да русьскіихъ,
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки.
«Но Пучай рѣка очень свирипая,
«Но серёдняя-то струйка какъ огонь сѣчётъ».
А Добрыня своей матушки не слушался.
Какъ онъ ѣдетъ далёче во чисто́ полё
А на́ тую на гору сорочинскую,

Потопталъ онъ младыйхъ зміёнышёвъ,
А й повыручалъ онъ да полоновъ да русьскіихъ.
Богатырско его сердце роспотѣлоси,
Роспотѣлось сердце нажадѣлоси.
Онъ приправилъ своего добрà коня,
Онъ добра коня да ко Пучай рѣки,
Онъ слѣзалъ Добрыня со добрà коня,
Да снималъ Добрыня платье цвѣтноё,
Да онъ забрелъ за струёчку за первую,
Да онъ забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
— Мнѣ Микитичу маменька й наказывала:
— Что не ѣзди-ко далече во чисто́ полё
— На тую́ горý на сорочинскую,
— Не топчи́-ко младыихъ зміёнышовъ,
— А не выручай по́лоновъ да русьскіихъ,
— И не куплись Добрыня во Пучай рѣки.
— Но Пучай рѣка очень свирипая,
— А середняя-та струйка какъ огонь сѣчётъ.
— А Пучай рѣка она кротнà смирна,
— Она будто лужа-то дождёвая. —
Не успѣлъ Добрыня словца смолвити,
Вѣтра нѣтъ, да тучу на́днесло,
Тучи нѣтъ, да быдто дождь дождитъ,
А й дождя-то нѣтъ, да только громъ громитъ,
Громъ громитъ, да свищетъ молвія.
А какъ ле́титъ зміищо Горынчищо
О тыёхъ двѣнадцати о хоботахъ.
А Добрыня той змѣи да пріужахнется.
Говоритъ змѣя ему проклятая:
«Ты тепереча Добрыня во моихъ рукахъ!
«Захочу тебя Добрыню те́перь по́топлю,
«Захочу тебя Добрыню те́перь съѣмъ-сождру,

«Захочу тебя Добрыню въ хоботà возьму,
«Въ хоботà возьму, Добрыню во норý снесу».
Припáдаетъ змѣя какъ ко быстрой рѣки,
А Добрынюшка-то плавать онъ гораздъ вѣдь былъ:
Онъ нырнѣтъ на бéрежокъ на тáможной,
Онъ нырнѣтъ на бéрежокъ на здѣшныій.
А нѣтъ у Добрынюшки добра коня,
Да нѣтъ у Добрыни платьевъ цвѣтныихъ,
Стольки-то лежитъ одинъ пуховъ колпакъ.
Да посыпанъ тотъ колпакъ да земли греческой:
По вѣсу тотъ колпакъ да въ цѣло трú пуда.
Какъ ухватилъ онъ колпакъ да земли греческой,
Онъ шúбнетъ во змѣю да во проклятую,
Онъ отшибъ змѣй двѣнадцать да всихъ хоботовъ.
Тутъ упала-то змѣя да во кувы́ль траву.
Добрынюшка на ножку онъ былъ пóвертокъ,
Онъ скóчитъ на змiйныны да груди бѣлыя.
На крестѣ-то у Добрыни былъ булатній ножъ,
Онъ вѣдь хочетъ роспластать ей груди бѣлыи,
А змѣя Добрыни ёму смолится:
«Ахъ ты эй Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую:
«Тебѣ не ѣздити далече во чистó поле
«На тую на гору сорочинскую,
«Не топтать бóльшё младыихъ змiёнышевъ,
«А не вы́ручать полоновъ да русьскiихъ,
«Не купаться ти Добрыня во Пучай рѣки,
«И мнѣ не летать да на святую Русь,
«Не косить людей ни больше русьскiихъ,
«Не копить мнѣ полоновъ да русьскiихъ».
Онъ повыпуститъ змѣю какъ съ-подъ колѣнъ своихъ,
Поднялась змѣя да вверхъ подъ облаку.
Случилось ей летѣть да мимо Кіевъ градъ,
Увидала она кня́зеву племянницу

Молоду Забаву дочь Потятичну
Идучи́сь по улицы по ши́рокой.
Тутъ припадаетъ змѣя да ко сырой земли,
Захватила она князеву племянницу,
Унесла въ нору́ да въ глубокую.
То́гда солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
А онъ по́ три дня да тутъ били́чъ [1]) кликалъ,
А били́цъ кликалъ да славныхъ рыцарей,
Кто бы могъ съѣзди́ть далече во чисто́ поле,
На ту́ю на гору сорочинскую,
Сходить въ нору да въ глубокую.
А достать мою кня́зеву племянницу
Молоду Забаву дочь Потятичну.
Говорилъ Олешенька Левонтьевичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
— Ты накинь-ко эту службу да великую
— На того Добрыню на Никитича.
— У него вѣдь со змѣёю заповѣдь положена,
— Что ей не летать да на святую Русь,
— А ему не ѣздить дале́че во чисто́ поле,
— Не топтать-то мла́дыихъ змѣёнышевъ
— Да не выручать по́лоновъ да русьскіихъ.
— Такъ возьмётъ онъ князеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Потятичну,
— Безъ бою, безъ драки кроволитія. —
Тутъ солнышко Владиміръ стольне-кіевской
Какъ накинулъ эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича —
Ему съѣздить далече во чисто́ поле
И достать ему князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Потятичну.
Онъ пошолъ домой Добрыня закручинился,

---

1) Знахарокъ.

Закручинился Добрыня запечалился.
Стрѣтатъ государынѝ да родна матушка,
Ты честна вдова Офимья Олександровна:
«Ты эй рожóно мóе дитятко,
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты чтó съ пиру идешь не веселъ-де?
«Знать что мѣсто было ти не пó чину,
«Знать чарой на пиру тебя пріóбнесли,
«Аль дуракъ надъ тобою насмѣялся-де?»
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ты эй государынѝ да рóдна матушка,
— Ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Мѣсто было мнѣ-ка по чину,
— Чарой нá пиру меня не óбнесли,
— Да дуракъ-то надо мной не насмѣялся вѣдь:
— А накинулъ службу да великую
— А тотъ солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
— Что съѣздить далéче во чисто полё
— На тую́ горý да на высокую,
— Мнѣ сходить въ норý да во глубокую,
— Мнѣ достать-то кня́зеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Потятичну. —
Говоритъ Добрыни родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна:
«Ложи́сь-ко спать да рано съ вечера,
«Но утро будетъ очень мудроё:
«Мудренѣе утро будетъ óно вечера».
Онъ ставалъ по утрышку ранешенько,
Умывается да онъ бѣлёшенько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Да йдетъ нá копюшню на стоялую,
А беретъ въ руки узду онъ да тесмяную,
А берётъ онъ дѣдушковá да вѣдь добра коня,
Онъ поилъ бурка питьёмъ медвянымъ,

Онъ кормилъ пшонóй да бѣлояровой,
Онъ сѣдлалъ бурка въ сѣдёлышко черкальское.
Онъ пóтнички да клалъ на потнички,
Онъ на потнички да клáдетъ войлочки,
Клалъ на войлочки черкальское сѣдёлышко,
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ.
Онъ тринадцатой-отъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы добрый конь-отъ съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистóмъ полѣ не вы́рутилъ.
Подпруги были́ шелковыи,
А спенькú у подпругъ всё булатнiи.
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Тотъ да шолкъ не рвётся, да булáтъ не трётся,
Красно золото не ржавѣетъ.
Молодецъ-то на кони сидитъ, да самъ не старѣетъ.
Поѣзжалъ Добрыня сынъ Никитиничъ.
На прощенье ему матушку да плётку подала,
Сáма говорила таково слово:
«Какъ будешь далéче во чистомъ поли,
«На тыя́ горы да на высокiя,
«Потóпчешь младыихъ змiёнышовъ,
«Повы́ручишь пóлоновъ да русьскiихъ,
«Какъ тыи-то младыи змiёныши
«Подточатъ у бурка какъ оны щоточки,
«Что не можетъ больше бурушко поскакивать,
«А змiёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать, —
«Ты возьми-ко эту плёточку шелковую,
«А ты бей бурка да промежу́ ноги,
«Промежу́ ноги́, да промежу́ уши,
«Промежу ноги да мéжу задниi.
«Станетъ твой бурушко поскакивать,
«А змiёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,
«Ты притопчешь всихъ да до единаго».
Какъ будетъ оно далече во чистомъ поли,

На тыя горы да на высокіи,
Потопталъ онъ младыихъ зміёнышовъ.
Какъ тыи-ли младыи зміёныши
Подточили у бурка какъ оны щоточки,
Что не можетъ больше бурушко поскакивать,
Зміёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать, —
Тутъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Берётъ онъ плёточку шелковую,
Онъ бьётъ бурка́ да промежу уши,
Промежу уши, да промежу поги,
Промежу ноги, да межу задніи.
Тутъ сталъ е́го бурушко поскакивать,
А зміёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ да до единаго.
Выходила какъ змѣя она проклятая
Изъ тыя́ норы да изъ глубокія,
Сама говоритъ да таково слово:
— Ахъ ты эй Добрынюшка Никитиничъ!
— Ты знать порушилъ свою заповѣдь.
— Зачѣмъ сто́пталъ младыихъ змѣёнышовъ,
— Почто выручалъ полоны да русьскіи? —
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Ахъ ты эй змѣя да ты проклятая!
«Чортъ ли́ тя нёсъ да черезъ Кіевъ градъ.
«Ты зачѣмъ взя́лъ кня́зеву племянницу
«Молоду Забаву дочь Потятичну?
«Ты отдай же мнѣ-ка князеву племянницу
«Безъ бою, безъ драки кроволитія!»
Тогда змія она проклятая
Говорила-то Добрыни да Никитичу:
— Не отдамъ я тебѣ князевой племянницы
— Безъ бою, безъ драки кроволитія. —
Заводила о́на бой драку́ великую.
О́ны дра̀лись со змѣёю тутъ трои́ сутки,

Но не могъ Добрыня змѣи перебить.
Хочетъ тутъ Добрыня отъ змѣи отстать,
Какъ съ небесъ Добрыни ёму гласъ гласитъ:
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Дрался со змѣёю ты трои сутки,
«Подерись со змѣей ёще три часу:
«Ты побьёшь змѣю да ю проклятую!»
Онъ подрался со змѣёю ёще три часу,
Онъ побилъ змѣю да ю проклятую.
Тая змѣя она кровью пошла.
Стоялъ у змѣи онъ тутъ трои сутки,
А не могъ Добрыня крóви пéреждать.
Хотѣлъ Добрыня отъ крови отстать,
Но съ небесъ Добрыни опять гласъ гласитъ:
«Ахъ ты ей Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Стоялъ у крови ты тутъ трои сутки,
«Постой у крови да еще три часу,
«Бери своё копьё да бурзомецкое
«И бей копьёмъ да во сыру́ землю,
«Самъ копью да приговаривай:
«Розступись-ко матушка сырá земля,
«На четыре розступись да ты на четверти!
«Ты пожри-ко эту кровь да всю змѣиную!—»
Розступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змѣиную.
Тогда Добрыня во нору пошолъ,
Во тыѝ въ норы̀ да во глубокіи.
Тамъ сидитъ сорóкъ царей сорокъ царевичёвъ,
Сорокъ королей да королевичёвъ,
А простой-то силы той и смѣту нѣтъ.
Тогда Добрынюшка Никитиничъ
Говорилъ-то онъ царямъ да онъ царевичамъ
И тѣмъ королямъ да королевичамъ:
—Вы идите нынь туда, откель принéсены,

— А ты молода Забава дочь Потятична,
— Для тебя я эдакъ тéперь странствовалъ,
— Ты поѣдемъ-ко кó граду́ ко Кіеву.
— А й ко ласковому князю ко Владиміру. —
Повёзъ молоду Забаву дочь Потятичну.
На тыя путь ши́рокой дороженки
Увидалъ онъ бродъ да лошади́ныи,
По колѣнъ было у лошади да въ землю грязнуто.
Онъ догналъ Олешеньку Поповича,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Ты эй Оле́шенька Левонтьевичъ!
— Ты возьми-ко эту князеву племянницу,
— Молоду Забаву дочь Потятичну,
— Отвези-ко къ солнышку да ко Владиміру,
— Ко Владиміру да ты во цѣлости.
— Я поѣду этымъ бродомъ лошадиныимъ. —
Онъ поѣхалъ этымъ бродомъ лошадиныимъ,
Догналъ по́ляницу да великую,
Онъ ударилъ сво́ей палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да не оглянется,
А онъ Добрыня на кони да пріужахнется,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ около трёхъ сажонъ.
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да росшибъ вѣдь сырой дубъ по ла́стиньямъ,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому.
— А вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
Догналъ по́ляницу да великую,

Ударилъ своей палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да не оглянется,
Онъ Добрыня на кони да пріужахнется,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Что смѣлость у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно сила у Добрыни не по старому. —
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу.
Толщиною дубъ да былъ шести сажонъ:
Онъ ударилъ своей палицей булатнею,
А росшибъ вѣдь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
Онъ догналъ поляницу да вѣдь въ трéтій разъ,
Онъ ударилъ свóей палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да пріоглянется,
Сама говоритъ да таково слово:
«Я думала комарики покýсываютъ?
«Ажно русьскіи могучіи богáтыри пощалкиваютъ».
Ухватитъ-то Добрыню за желты кудри,
Положитъ-то Добрыню во глубокъ карманъ,
Во глубокъ карманъ Добрынюшку съ конёмъ цѣло,
А везла она Добрынюшку трóи сутки.
Испровѣщится какъ ейной добрый конь
Ей но голосомъ да человическимъ:
— Молода Настасья дочь Никулична!
— Что конь у богатыря да сопротивъ меня,
— Сила у богáтыря да сопротивъ тебя:
— Не могу везти я больше васъ съ богáтыремъ! —
Говоритъ Настасья дочь Никулична:
«Ежели богáтырь да онъ старыи,

«Я бога́тырю да голову срублю.
«Ежели богатырь да онъ младыи,
«Я бога́тыря да во поло́нъ возьму.
«Ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
«Я теперь вѣдь за богатыря за мужъ пойду».
Вынимаетъ-то богатыря да изъ корманчика,
Тутъ ёй богатырь да понравился.
Говоритъ Настасья да Микулична:
«Ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Мы поѣдемъ съ то́бой ко́ граду ко Кіеву,
«Да ко ласкову ко князю ко Владиміру,
«Примемъ мы съ тобою по злату вѣнцу».
Тутъ пріѣхали коо́ (sic) граду ко Кіеву,
И ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Приняли они да по злату вѣнцу.
Тутъ по три дни было да пированьицо
Про молода Добрыню про Никитича,
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ:
А Сипему морю да на тишину,
А вамъ добрымъ-тымъ людямъ на послушаньё.

149.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 25).

Добрынюшка тотъ матушкѣ говаривалъ,
Да Никитиничь-отъ матушкѣ наказывалъ:
«Ты свѣтъ государыня да родна матушка,
«Честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Ты зачѣмъ меня Добрынюшку несчастнаго споро́дила?
«Породила государыни бы родна матушка
«Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
«Завернула государыни да родна ма́тушка

«Въ тонкольняный было бѣлый во рукавцичекъ,
«Да вздынула государыни да родна матушка
«Ты на вы́соку на гору Соро́чинскую
«И спустила государыня да родна матушка
«Меня въ Черное бы море, во турецкое, —
«Я бы вѣкъ бы тамъ Добрыня во мори́ лежалъ,
«Я отнынѣ бы лежалъ да я бы до́ вѣку,
«Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту́ полю,
«Я не у́бивалъ Добрыня непови́нныхъ душъ,
«Не пролилъ бы крови я напрасная,
«Не слезилъ Добрыня отцей матерей,
«Не вдовилъ бы я Добрынюшка молодыхъ жонъ,
«Не спущалъ бы сиротать да малыхъ дѣтушекъ».
Отвѣтъ держитъ государыни да родна ма́тушка,
Та честна вдова Офимья Олександровна:
— Я бы рада бы тя дитятко споро́дити:
— Я талантомъ-у́частью въ Илью Муромца,
— Я бы сплой въ Святогора да богатыря,
— Я бы смѣлостью во смѣлаго Алешу во Поповича,
— Я походкою тебя щапливою
— Во того Чурилу во Пленко́вица,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрыню во Никитича,
— Столько тыи ста́тьи есть, а другихъ Бо́гъ не далъ,
— Другихъ Богъ статей не далъ, да не пожаловалъ. —
Скоро-на́-скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
Садился опъ скоро на добра́ коня,
Какъ опъ потпички клалъ да на потнички,
А на потнички клалъ войлочки,
Клалъ на войлочки черкальское сѣдёлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Онъ тринадцатой-отъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы добрый копь-отъ съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ полѣ не вы́рушилъ.
Подпруги были́ шелковыи,

А спенькй у́ подпругъ все булатніи,
Пряжи у сѣдла да красна золота.
Тотъ да шелкъ не рвется, да булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ.
Молодецъ-то на кони сидитъ, да самъ не старѣетъ.
Провожала-то Добрыню родна ма́тушка.
Простилася и воротилася,
Домой пошла, сама заплакала.
А у тыя было у стремины у правыя,
Провожала-то Добрыню любима́ семья,
Молода Настасья дочь Викулична
(Она была взята изъ земли Политовскія),
Сама говоритъ да таково слово:
«Ты душка́ Добрынюшка Микитинычъ!
«Ты когда, Добрынюшка, домо́й будешь?
«Когда со́жидать Добрыню изъ чиста́ поля?»
Отвѣтъ держитъ Добрынюшка Никитинычъ:
— Когда меня ты стала спрашивать,
— Такъ теперича тебѣ я стану сказывать:
— Сожидай меня Добрынюшку по три́ года.
— Если въ три года не буду, жди по дру́го три,
— А какъ сполнится то время шесть годовъ,
— Какъ не буду я Добрыня изъ чиста́ поля,
— Поминай меня Добрынюшку убйтаго.
— А тебѣ-ка-ва Настасья воля вольная:
— Хоть вдовой живи, да хоть заму́жъ поди,
— Хоть ты за́ князя поди хоть за боярина,
— А хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
— Столько не́ ходи за мо́его за брата за названаго
— Ты за смѣлаго Алешу за Поповица. —
Его государыня-то родна матушка,
Она у́чала какъ по полати-то похаживать,
Она учала какъ голосомъ поваживать,
И сама говоритъ да таково слово:

«Единоё-жъ было́ да солнце красное,
«Нонь тепере за темны лѣса да закатилоси,
«Стольки оставлялся младъ свѣтёлъ мѣсяцъ.
«Какъ единое-жъ было́ да чадо милое
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Онъ во да́лечи, дале́чи, во чистомъ поли,
«Судитъ-ли Богъ на вѣку хоть разъ видать?»
Еще стольки оставлялась любима́ семья,
Молода Настасья дочь Никулична,
На роздѣй тоски великоя кручинушки.
Стали со́жидать Добрыню изъ чиста поля по три́ годы,
А й по три́ годы, еще и по́ три дни,
Сполнилось времени цѣло три́ годы,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Стали со́жидать Добрыню по другое́ три,
Тутъ какъ день за днёмъ да будьто дожь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростетъ,
Годъ тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени и другое три,
Да какъ сполнилось времени да цѣло шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Какъ во тую пору, да во то время,
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ имъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитица,
Онъ убитъ лежитъ да на чистомъ поли:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испрострѣляны,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
Какъ тогда-то государыня да родна матушка
Слезила-то свои да очи ясныи,
Скорбила-то свое да лицо бѣлое
По своёмъ рожоноёмъ по дитятки,
А по молодомъ Добрыни по Никитичи.

Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-то похаживать,
Да Настасьи то Микуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:
— Что какъ тебѣ жить да молодо́й вдовой,
— А й моло́дый вѣкъ да свой коро́тати,
— Ты поди замужъ хоть за́ князя хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
— Хоть за смѣлаго Алешу за Поповича. —
Говоритъ Настасья дочь Микулична:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Я исполнила заповѣдь ту мужнюю!
«Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
«Я исполню заповѣдь да свою женскую:
«Я прожду Добрынюшку друго́ шесть лѣтъ.
«Какъ сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
«Да успѣю и въ тѣ поры́ замужъ пойти».
Опять день за днёмъ да будто дожь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Опъ Настасьи той Микуличной посва́тывать,
Посватывать да подговаривать:
— Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
— Какъ тебѣ жить да молодо́й вдовой,
— А моло́дой вѣкъ да свой коро́тати.
— Ты поди замужъ хоть за́ князя, хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
— Хоть за смѣлаго Алешу за Поповица. —
Не пошла замужъ не за князя, не за боярина,
Не за русьскаго могучаго бога́тыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день,

А севодни имъ ити да ко божьéй церквы,
Принимать съ Олешей по златý вѣнцу.
Въ тую-ль было пору, а въ тó время,
А Добрыня-то случился у Царяграда,
У Добрыни конь да подтыкается.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Ахъ ты волчья сыть, да ты медвѣжья шерсть!
«Ты чево севодня подтыкаешься?»
Испровѣщится какъ ему добрый конь,
Ему голосóмъ да человѣческимъ:
— Ахъ ты эй хозяинъ мой любимыя!
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— А твоя Настасья королевична
— Королевична она замужъ пошла
— За смѣлаго Олешу за Поповича.
— Какъ пиръ идётъ у нихъ по третій день,
— Севодня имъ итти да ко Божьéй церкви,
— Принимать съ Олешей по злату вѣнцу. —
Тутъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Онъ бьётъ бурка да промежу уши,
Промежу уши да промежу ноги,
Что сталъ его бурушка поскакивать,
Съ горы на горы да съ хóлма на холму,
Онъ рѣки и озёры перескакивалъ,
Гдѣ широкіи роздолья—межу ногъ пущалъ.
Буде вó градѣ вó Кіевѣ.
Какъ не ясный соколъ въ перелётъ летѣлъ,
Добрый молодецъ да въ перегóнъ гонúтъ,
Не воротми ѣхалъ онъ черезъ стѣну,
Черезъ тую стѣну городóвую,
Мимо тую башню наугóльную,
Ко тому придворью ко вдовúному;
Онъ на дворъ заѣхалъ безобсы́лочно,
А въ палаты идетъ да бездокла́дочно,

Онъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ;
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ,
Смѣло прóходилъ въ пóлаты во вдовиныи,
Крестъ кладетъ да по писаному,
Опъ поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ три, четыре да на стороны,
А честной вдовѣ Офимьѣ Олександровнѣ да въ особину:
«Здравствуешь честна́ вдова Офимья Олександровна!»
Какъ вслѣдъ идутъ придверники да приворотники,
Вслѣдъ идутъ, всѣ жалобу́ творятъ,
Самы говорятъ да таково слово:
— Ахъ ты эй Офимья Олександровна!
— Какъ этотъ-то уда́лый добрый мóлодецъ
— Онъ наѣхалъ съ поля да скоры́мъ гонцомъ,
— На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
— Въ полаты-то идетъ да бездокладочно,
— Насъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— Да всѣхъ взáшей прочь отталкивалъ,
— Смѣло прóходилъ въ полаты во вдовиныи. —
Говоритъ Офимья Олександровна:
«Ты эй удáлой добрый мóлодецъ!
«Ты зачѣмъ же ѣхалъ на сиротскій дворъ да безобсылочно,
«А въ полаты ты идешь да бездокладочно,
«Ты не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
«У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
«Всѣхъ ты взашей прочь отталкивалъ?
«Кабы было живо мóе чадо милое,
«Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
«Отрубилъ бы онъ тебѣ-ка буйну голову
«За твои поступки неумильныи».
Говорилъ удáлый добрый молодецъ:
— Я вчерась зъ Добрыней поразъѣхался,

— А Добрыня поѣхалъ ко Царю-граду,
— Я поѣхалъ да ко Кіеву. —
Говоритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«Во тую-ли было пору во перво шесть лѣтъ,
«Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поли,
«Привозилъ намъ вѣсточку нерадостну:
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича
«Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ поли:
«Буйна голова его испроломана,
«Могучи плеча да испрострѣляны,
«Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
«Я жалешенько тогда вѣдь по́ немъ плакала,
«Я слезила-то свои да очи ясныя,
«Я скорбила-то своё да лицо бѣлое
«По своёмъ рожоноёмъ по дитятки.
«Я по молодомъ Добрыни по Никитичи»
Говорилъ удалый добрый молодецъ:
— Что наказывалъ мнѣ братецъ-отъ названыя,
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
— Спросить про него про любиму семью,
— А про мо́лоду Настасью про Микуличну. —
Говоритъ Офимья Олександровна:
«А Добрынина любима семья замужъ пошла
«За смѣлаго Олешу за Поповица.
«Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
«А сегодня имъ ити да ко Божьёй церквы,
«Принимать съ Олешой по злату вѣнцу».
Говорилъ удалой добрый мо́лодецъ:
— А наказывалъ мнѣ братецъ-отъ названыя,
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничь:
— Если слу́читъ Богъ быть на́ пору тебѣ во Кіевѣ,
— То возьми моё платье скомороское,
— Да возьми мои гуселошка яро́вчаты
— Въ новой горенькѣ да все на стопочкѣ. —

Какъ бѣжала тутъ Офимья Олександровна,
Подавала ему платье скомороское,
Да гуселошка ему яровчаты.
Накрутился молодецъ какъ скоморошиной,
Да пошолъ онъ на́ хорошъ почестный пиръ,
Идетъ какъ онъ да на княженецкій дворъ,
Не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Да всѣхъ взашей прочь отталкивалъ,
Смѣло про́ходилъ во полаты княженѐцкія;
Тутъ онъ крестъ кладётъ да по писа́пому,
А поклонъ ведетъ да по учёному,
На всѣ три четыре да на стороны,
Солнышку Владиміру да въ собину.
— Здравствуй солнышко Владиміръ стольный Кіевскій
— Съ молодой княгиной со Опраксіей! —
Вслѣдъ идуть придверники да приворотники,
Вслѣдъ идуть, всѣ жалобу творятъ,
Сами говорятъ да таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
«Какъ этая удала́ скоморошина
«Наѣхалъ изъ чиста́ поля скоры́мъ гонцомъ,
«А теперичу идётъ да скоморошиной,
«Насъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ
«У дверей онъ насъ не спрашивалъ придверниковъ,
«Да всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ,
«Смѣло про́ходилъ въ полаты княженецкіе».
Говорилъ Владиміръ стольный Кіевской:
— Ахъ ты эй удала скоморошина!
— Зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ да безобсылочно,
— А й въ палаты идешь бездокладочно,
— Ты не спрашивашь у воротъ да приворотниковъ,
— У дверей не спрашивашь придверниковъ,
— А всѣхъ ты взашей прочь отталкивалъ? —

Скоморошина въ рѣчамъ да не вчуеться,
Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Говоритъ удала скоморошина:
«Солнышко Владиміръ стольный кіевскій!
«Скажи гдѣ есть нашо мѣсто скомороское!»
Го́воритъ Владиміръ стольне-кіевской:
— Что ваше мѣсто скомороское
— А на той на печкѣ на муравленой,
— На муравленой на печкѣ да на за́печкѣ. —
Онъ скочилъ скоро́ на мѣсто на показано,
На тую на печку на муравлену.
Онъ натягивалъ тетивочки шелковыя,
Тыи струночки да золочёныя,
Онъ у́чалъ по стрункамъ похаживать,
Да онъ у́чалъ голосомъ пова́живать.
Играетъ-то онъ вѣдь во Кіе́ви,
А на вы́игрышъ беретъ во Царѝгради.
Онъ повы́игралъ во́о гради во Кіе́ви,
Онъ во Кѣеви да всѣхъ пойменно,
Онъ отъ стараго да всѣхъ до малаго.
Тутъ всѣ на пиру́ игры заслухались,
И всѣ на пиру призамо́лкнулись,
Сами́ говорятъ да таково́ слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
«Не быть это уда́лой скомороши́ны.
«А какому ни́ быть надо русьскому
«Быть уда́лому да добру молодцу».
Говоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
— Ахъ ты эй уда́ла скоморошина!
— За твою игру́ да за веселую,
— Опущайся-ко изъ печки изъ-за́печка,
— А садись-ко съ нами да за дубовъ столъ,
— А за дубовъ столъ да хлѣба кушати.
— Теперь дамъ я ти три мѣста три люби́мыихъ:

— Перво мѣсто сядь подлѝ мене,
— Друго мѣсто сопротивъ мене,
— Третье мѣсто куды самъ захошь,
— Куды самъ захошь, эще пожа́луешь. —
Опущалась скоморошина изъ печки изъ муравленой,
Да не сѣла скомороши́на подлѣ́ князя́,
Да не сѣла скоморошина да сопроти́въ князя,
А садилась въ скамéечку
Сопротивъ княгины-то обручныя,
Противъ мо́лодой Настасьи да Никуличны,
Говоритъ удала скомо́рошина:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Бласловп-ко на́лить чару зелена́ вина,
«Поднестп-то эту чару кому я́ знаю,
«Кому я́ знаю, эще пожа́лую».
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
— Ай ты эй удала скоморошина!
— Бы́ла дана ти пово́лька да великая,
— Что захочешь, такъ ты то́ дѣлай
— Что ты здумаешь, да эще й то́ твори. —
Какъ тая удала скоморошина
Наливала чару зелена вина,
Да опуститъ въ чару свой злаче́нъ персте́нь,
Да подно́ситъ-то княгины поручёныя,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
«Прими-ко сію чару еди́ной рукой,
«Да ты выпей-ко всю чару еди́нымъ духомъ.
«Какъ ты пьешь до дна, такъ ты вѣдашь добра,
«А не пьешь до дна, такъ не видишь добра».
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила всю чару единымъ духомъ,
Да обсмотритъ въ чары свой злаченъ перстень,
А которымъ съ Добрыней обручалася,

Сама говоритъ таково слово:
— Вы эй же вы князи, да вы бояра
— Вы всѣ же князи вы и дворяна!
— Вѣдь не тотъ мой мужъ, да кой подлѝ мене,
— А тотъ мой мужъ, кой сопротивъ мене:
— Сидитъ мой мужъ да на скамеечкѣ,
— Онъ подноситъ мнѣ-ко чару зелена вина. —
Сама выскочитъ изъ стола да изъ-за дубова,
Да й упала Добрыни во рѣзвы ноги,
Сама говоритъ да таково слово:
— Ты эй молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Ты прости, прости, Добрынюшка Никитиничь
— Что не по твоему наказу да я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Олёшенку за мужъ пошла.
— У насъ волосъ дологъ да умъ коротокъ,
— Насъ куда ведутъ, да мы туда идёмъ,
— Насъ куда везутъ, да мы туда ѣдемъ. —
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничь:
«Не дивую разуму я женскому:
«Мужъ-отъ въ лѣсъ, жена и замужъ пойдетъ,
«У нихъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
«А дивую я солнышку Владиміру
«Со своёй княгиней со Опраксіей,
«Что солнышко Владиміръ тотъ сватомъ былъ.
«А княгиня-то Опраксія да была свахою,
«Они у жива мужа жону да просватали».
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
Онъ повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны очи во сыру землю.
Говоритъ Олешенько Левонтьевичъ:
— Ты прости, прости, братецъ мои названыя,
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничь!
— Ты въ той винѣ прости меня во глупости,
— Что я посидѣлъ подлѝ твоей любимой семьи,

— Подли мо́лодой Настасіи да Никуличной. —
Говорилъ Добрыня сынъ Микитиничь:
«А въ той вины братецъ тебя Богъ проститъ,
«Что ты по́сидѣлъ подли́ моёй да любимо́й семьи,
«Подли молодой Настасіи Микуличны!
«А въ дру́гой вины братецъ тебя не́ прощу.
«Когда пріѣзжалъ изъ чиста́ поля во перво́ шесть лѣтъ,
«Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Микитича:
«Убитъ лежитъ да на чистомъ полѣ.
«А тогда-то государыня да моя родна́ матушка
«А жалешенько она да по мнѣ плакала,
«Слезила-то она свои да очи ясныя,
«А скорбила-то своё да лицо бѣлое,—
«Такъ во этой вины братецъ тебя не́ прощу».
Какъ ухватитъ онъ Олешу за желты́ кудри,
Да онъ выдернетъ Олешу черезъ дубовъ столъ,
Какъ онъ броситъ Олешу о кирпи́чепъ мостъ,
Да повыдернетъ шалыгу подорожную,
Да онъ у́чалъ шалыгищемъ охаживать,
Что въ хлопаньѣ-то оххапья не слы́шно вѣдь,
Да тольки-то Олешенка и женатъ бывалъ,
Ну столько-то Олешенка съ женой сыпалъ.
Всякъ-то братцы на́ вѣку видь женится,
И всякому женитьба удается,
А не дай Богъ женитьбы той Олешиной.
Тутъ онъ взялъ свою да любиму́ семью,
Молоду Настасью да Микуличну,
И пошолъ къ государыни да и родной матушкѣ,
Да онъ здыялъ доброе здоровьице.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину́ скажуть,
А синему морю на ти́шину,
А вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Петрозаводскѣ, 20 іюня.

150.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 16).

Во стольномъ было во городѣ Кіеви,
Да у ласкова у князя у Владиміра,
Какъ было пированье почестный пиръ
Да на многіихъ тыхъ князей, бояръ,
Да на всѣхъ тыхъ го́стей званыихъ браныихъ,
Званыихъ браныихъ, го́стей приходящіихъ.
Всѣ-то на́ пиру да наѣдалися,
Всѣ-то на чёстномъ да напивалися,
Всѣ-то на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть мо́лодецъ добры́мъ конемъ,
Иный хвастаетъ да шелковымъ портомъ
Иный хвалится есть села и со приселкамы,
Иный хвалитъ города и съ пригородками,
Умный хвастаетъ да ро́дной матушкой,
А безумный хвалится да молодой женой.
Изъ-за того было стола да изъ-за ду́бова
А не зо́лота звонка́ труба да вытрубила,
Испроговорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай вы, эй вы, князи бояра!
«Какъ нечѣмъ мнѣ Владиміру похвастати:
«Нѣту у меня да золото́й казны.
«Ты пе́рвый русьскій сла́вный бога́тырь,
«Старый казакъ Илья Муромечь!
«Съѣзди-ка ты да въ Золоту орду,
«Повыправь-ка мнѣ дани вы́ходы
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«А ты дру́гой русьскій сла́вный бога́тырь,
«Молодой Добрыня сынъ Микитиничь!

«Съѣзди-ка ты да во Турецію,
«Повыправь-ка тамъ дани выходы,
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ.
«Третій русьскій славный богатырь,
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди-ко ты да во Швецію
«Ай повыправь-ко тамъ дани выходы
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ».
Согласились три русьскихъ три могучихъ три богатыря,
Пріѣха́ли ко кресту къ Леванидову,
Тутъ они крестами да побратались.
Который же изъ нихъ былъ старшій братъ?
Старый казакъ Илья Муромецъ былъ старшій братъ,
Молодой Добрыня сынъ Микитинычъ былъ средній братъ,
А Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ мéньшій братъ.
Который-то пораньше повы́ѣдетъ,
А ко другому-то ѣхать да й на выруху.
Старый-то казакъ Илья Муромецъ
Отправился да въ Золоту орду,
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ во Швецію.
Какъ тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Взыскалъ-то свои дани выходы,
Привозилъ ко солнышку да ко Владиміру.
Получаетъ онъ свои да дани выходы
За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ,
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской;
«Знай Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пишетъ мнѣ де Бухарь царь заморскія:
«Проситъ онъ съ меня да́ни выходы
«За двѣнадцать годъ за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиной».
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Напиши-ко ты скорописчатые ёрлыки,

— Што отпущены у тебя дани выходы
— За Михайломъ Потыкомъ сыномъ Ивановымъ,
— А я поѣду да безъ выходовъ. —
Поѣхалъ ко Бухарю царю заморскому:
«Ты здравствуешь Бухарь да царь заморскія!
«Я привезъ тебѣ да дани выходы,
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Говорилъ Бухарь-то царь заморскія:
— Гдѣ же у тебя да дани выходы? —
«Дани выходы остались во чистомъ полѣ.
«Я везу монетою все мѣдною,
«Какъ тележочки да пріосыпались,
«Тамъ остались мужики да вѣдь починивать».

Говорилъ Бухарь-то царь заморскія:
— У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются,
— Со той съ великія со радости,
— Какъ получатъ-то у васъ да дани выходы? —
Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Что у насъ въ Россіи забавляются:
«А й играютъ въ карты биліарты,
«Да играютъ въ шашечки кленовыя,
«На тыихъ дощечкахъ на дубовыихъ».
Оны стали играть во шашечки кленовыя,
Какъ наставили дощечку они первую,
Тотъ Бухарь да царь заморскія
Положилъ онъ на дощечку дани выходы,
А Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку онъ добра коня.
Проигралъ Михаило Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Проигралъ своего онъ добра коня
Онъ Бухарю то ему царю заморскому.
Какъ наставили дощечку они другую,

Тотъ Бухарь то царь заморскія
Положилъ на̀ дощечку дани выходы,
Да положилъ Михайлина добра коня,
А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на̀ дощечку буйну голову.
Сыграли то дощечку они другую,
Тутъ повыпгралъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Со Бухаря со царя да й дани выходы.
Наставили дощечку они третью.
Тотъ Бухарь то царь заморскія
Положилъ на дощечку онъ полцарства пол-имѣйство де,
А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку дани выходы.
Сыграли какъ дощечку они третью,
Тутъ повыпгралъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
И онъ полцарства-то повыпгралъ, да пол-имѣйство де,
Со Бухаря со царя да й со заморскаго.
Какъ о тую было пору да о то время,
А й дубовая то дверь да отпи́рается.
Приходилъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
А самъ говорилъ да таково слово:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты спдишь-играешь-забавляешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь!
— А твоя жъ вѣдь Марья лебедь бѣлая,
— Ай подоленка да королевична,
— Уѣхала во землю Политовскую
— Со тоимъ ко́ролемъ со политовскіимъ. —
Разсердился тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ.
Схватитъ онъ дощечку да дубовую,
Да отброситъ въ дверь да во кленовую,
Да повылетитъ вонъ дверп съ ободверепьемъ.
Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ты эй же братецъ мой крестовой

«Старый казакъ да Илья Муромецъ!
«Получай-ко со Бухаря со царя да со заморскаго
«А полцарства ты, да пол-имѣйство де.
«Я поѣду нонь во землю Полптовскую,
«Я искать своей да Марьи лебедь бѣлоей,
«Я подоленки да королевичной».
Пріѣзжаетъ онъ во землю Полптовскую.
Заѣхалъ онъ на королевской дворъ,
Закричалъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
А та подоленка да й королевична
Наливала чару питья забудущаго,
Выбѣгала на крылечко на переное,
Увидала тутъ Михайлу Потыка сына Ивановича,
Да й сама говоритъ да таково слово:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
— Насъ куда ведутъ, а мы туда идемъ,
— Насъ куда везутъ, а мы туда ѣдемъ.
— Ты прими-ка сію чару единой рукой,
— Да ты выпей сію чару единымъ духомъ,
— Да поѣдемъ мы ко граду ко Кіеву,
— Да й ко ласкову ко князю ко Владиміру. —
Онъ Михайло до вина да былъ упачливой.
Какъ онъ принялъ чару единой рукой,
Да онъ выпилъ вѣдь всю чару единымъ духомъ,
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.

А тая жъ вѣдь Марья лебедь бѣлая,
А й подоленка да королевична,
Броситъ то Михайла да черезъ плече,
Вела Михайлу во чисто поле,
А сама къ Михайлѣ приговаривала:
— Гдѣ былъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,

— Тутъ стань бѣленькій горючій да нынѣ камешекъ. —
И тутъ Михайло да окаменѣлъ.

Съ тыя поры да съ того временп,
Сожалѣли его братьицы крестовыи,
Накрутилися они каликама,
Да й пошли они во землю Политовскую.
На той на́ пути да на дороженьки
А й сустигли тутъ старчище полигримище.
Говорилъ старчище полигримище:
«Ахъ вы русски могучп богатыри!
«Пригласите вы старчища полигримища
«А итти-то намъ во землю въ Политовскую».
Пригласили тутъ старчища а полигримища,
Да й пошли они во землю въ Политовскую.
Да й приходятъ то во землю Политовскую,
Къ тому ко́ролю да политовскому.
Пришли они къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Подъ тоё косивчато окошечко,
Попросили то они да тутъ милостыню.
Какъ тутъ терема́ да пришаталиси,
А околенки да пріосыпались.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да й королевична,
И сама говоритъ да таково слово:
— Ты й король земли да Политовскія!
— Это есть то не калики перехожіи,
— А есть русскіи могучіи богатыри!
— Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменныя,
— Да корми каликъ ты тѣперь досыта,
— Да напой каликъ ты тѣперь допьяна. —
Садили каликъ за столы да за дубовыи,
Онъ кормилъ каликъ да вѣдь тутъ досыта,
Онъ поплъ каликъ да вѣдь тутъ допьяна,

Онъ дарилъ каликъ да вѣдь тéперь долюби,
Много онъ дарилъ да злата-серебра.
Пошли какъ тутъ калики перехожіе
Отъ того отъ кóроля да политовскаго,
Пришли они къ бѣлому горючему ко камешку.
Говорилъ старчище полигримище:
«Станемте ко братцы животы дѣлить».
Говорятъ тутъ русскіи могучіи богáтыри:
— А дѣли-ко ты старчище полигримище! —
Онъ сталъ дѣлить старчище полигримище,
Дѣлитъ онъ на четыре да на четверти.
Говорилъ тутъ старикъ казакъ да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты эй старчище полигримище!
«Ты что дѣлишь на четыре да на четверти?»
А говорилъ старчище полигримище:
— А тому изъ насъ братцы да четверта часть,
— Кто броситъ этотъ камешокъ черезъ плечо! —
Принялся молодой Добрыня сынъ Микитинычь
Ко эвтому горючему ко камешку,
Да здынулъ онъ камень по колѣни себя, —
По колѣнушка Добрынюшка во землю угрязъ.
Прискочилъ какъ старыи казакъ да Илья Муромецъ,
А здынулъ онъ камень по грудямъ себѣ,
По грудямъ Илья да онъ въ землю угрязъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
«А здымай-ко ты старчище полигримище!»
Какъ тотъ старчище полигримище
Прискочилъ къ горючему ко камешку,
Хватилъ этотъ камень да конéцъ рукмы,
Броситъ камень этотъ да черезъ плечо,
Самъ ко каменю да приговаривалъ:
— Гдѣ былъ бѣленькій горючій да тотъ камешокъ,
— Тутъ повыскочи Михайло Потыкъ сынъ Иваповичъ! —

Тутъ повыскочилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Фу, фу, фу, братцы! я коль долго спалъ!»
Говоритъ калика перехожая:
— Если бы не я, такъ ты и вѣкъ бы спалъ!—
Говорили ему да братьица крестовыи:
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пойдемъ съ нами коó граду ко Кіеву,
«Ко ласкову князю ко Владиміру!»
Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Я пойду къ кóролю да къ политовскому,
— За тоей за Марьей лебедь бѣлоей,
— За подóленкой королевичной. —
Простился онъ съ братьями крестовыми,
Да й приходитъ онъ въ землю да Политовскую,
Ко тому къ кóролю къ политовскому.
А й заходилъ онъ какъ на широкой дворъ,
Закричалъ онъ голосомъ да богатырскімъ.
Услыхала то да Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да й королевична.
Наливала чару питья забудýщаго,
Выбѣгаетъ на крыльцо на переное,
Сама говорила да таково слово:
«Прими сію чару единой рукой,
«Да ты выпей чару единымъ духомъ,
«Да поѣдемъ мы коó граду ко Кіеву,
«И ко ласкову да князю ко Владиміру».
Онъ Михайло до вина то былъ упачливой:
Принялъ чару единой рукой,
Да и выпилъ чару единымъ духомъ.
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
А тая же Марья лебедь бѣлая,
Да схватила то Михайла за желты кудри,
Да стащила въ глубóкъ погребъ.

Прибила Михайлу она на́ стѣну,
Прибила ему руки-ноги гвоздями,
Не хватило то гвозда ему сердечнаго.
Побѣжала она въ торгъ на ярмонку
Покупать гвозда́ ему сердечнаго.
А во тую пору да въ то время,
Та Настасья королевична
Пошла смотрить русьскаго могучаго богатыря.
Тутъ богатырь ёй да и понравился.
А тянула она гвозди съ него нёктями,
И прибила то татарина тутъ мёртваго,
Мёртваго да й мёрзлаго.
Сама говорила да такого слово:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты дай мнѣ заповѣдь великую,
— Что отрубить-то Марьѣ буйну голову,
— Меня взять замужъ Настасью королевичну.—
Онъ далъ ей заповѣдь великую.
Тая жъ Настасья королевична
Завернула его въ шубу соболиную,
Провела она въ покои во особые.
Какъ заростилъ эти раночки кровавои,
Тогда молода Настасья королевична
Говорила королю то политовскому:
— Ты эй государь мой родной батюшко!
— Обсѣдлай-ко мнѣ коня да богатырскаго
— Мнѣ-ка ѣхать во чисто поле поляковать. —
И отпустила она русскаго могучаго богатыря
Во тое во чисто поле поляковать.
Пріѣзжаетъ какъ богатырь изъ чиста поля,
Заѣзжаетъ онъ на королевской дворъ,
Закричалъ онъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична,

Наливала чару питья забуду́щаго.
Выбѣгаетъ на крылечко на переное,
Да подноситъ то Михайлѣ Потыку сыну Иванову:
«Ты эй Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прими-ко чару единой рукой,
«Да й выпей сію чару единымъ духомъ,
«Да поѣдемъ мы коо́ граду ко Кіеву
«Ко ласкову князю ко Владиміру».
Мыхайло до вина да былъ упачливой:
Какъ онъ принялъ чару единой рукой,
Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ,
Увидала Настасья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична:
— Ты эй Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— А ты знать нарушилъ свою заповѣдь! —
Спомнилъ-то Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Да смахнулъ своей да саблей востроей,
И отнесъ онъ Марьѣ буйну голову,
Той подоленкѣ да королевичнѣ.
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ младу Настасью королевичну,
Да й поѣхали коо́ граду ко Кіеву,
И ко ласковому князю ко Владиміру.
Тутъ по три дни было пированьице
Про Михайлу Потыка сына Ивановича,
Что отрубилъ онъ Марьѣ буйну голову,
А онъ взялъ замужъ Настасью королевичну.
Тутъ вѣкъ по Михайлу старину поютъ
Синему-то морю да на ти́шину,
А вамъ добрымъ-то людямъ на послушаньё.

Записано въ Петрозаводскѣ, 29 іюня.

151.

СТАВЕРЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 20).

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
Да у ласкова было князя Владиміра,
Было пированьицо почестной пиръ
А на многихъ князей да на бо́яровъ,
Да на всѣхъ тыхъ го́стей званыхъ браныхъ,
Званыхъ браныхъ, го́стей приходящихъ.
Вси-то на пиру да наѣдалися,
Вси-то на честно́мъ да напивалися,
Вси на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть мо́лодецъ добры́мъ конёмъ,
Иный хвастаетъ да шелковы́мъ портомъ,
Иный хвалитъ села со приселками.
Иный хвалитъ города да съ пригородками.
Богатый хвастатъ золотой казной,
Умный хвастатъ ро́дной матушкой,
А безумный хвалится да молодой женой.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты эй, Ставеръ да сынъ Годиновичъ:
«Пріѣхалъ ты изъ зе́мли Ляховицкія,
«Ты самъ сидишь, да ты не хвастаешь.
«Аль нѣту у тебя да золотой казны?
«Аль нѣту у тебя да добрыхъ ко́меней?
«Аль нѣту сёлъ со приселками?
«Аль нѣту городовъ да съ пригородками?
«Аль не славна твоя да ро́дна матушка?
«Аль не хо́роша твоя да молода жена?»
Говоритъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
—Хоть есть у меня да золотой казны,
—Золота казна у мо́лодца не то́щится,
—И то мнѣ мо́лодцу не по́хвальба;

— Хоть есть у меня да добрыхъ комоней,
— Добры комони стоятъ да все не ѣздятся,
— И то мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Хоть есть города и съ пригородками,
— И то мнѣ мо́лодцу не по́хвальба;
— Хоть есть и село́въ да со приселками,
— И то мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Да хоть славна-та моя ро́дна матушка,
— Такъ и то мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Хоть и хо́роша моя да молода жена,
— Такъ и то мнѣ молодцу не по́хвальба;
— Васъ князей бояръ она повыманитъ,
— Тебя солнышко Владиміра съ ума сведетъ. —
Тутъ всѣ на пиру и призамолкнули.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Мы засадимъ-ко Ставра во по́греба глубокіи,
«Да пущай Ставрова молода жена
«А Ставра она изъ погреба повыручитъ,
«Васъ князей бояръ да всѣхъ повыманитъ
«А меня Владиміра съ ума сведетъ».
Посадилъ Ставра во по́греба глубокіи.
А былъ у Ставра тутъ сво́й чёлъвѣкъ,
Онъ садился на Ставрова на добра коня,
Уѣзжалъ во землю́ Ляховицкую
Къ молодой Василисты ко Никуличной:
«Ахъ ты эй Василиста дочь Никулична!
«Ты сидишь да пьешь да забавляешься
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
«Какъ твой молодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ
«Какъ посаженъ онъ во по́греба глубокіи,
«Что похвасталъ онъ тобой да молодой женой,
«Что князей бояръ ты всѣхъ повыманишь,
«Его солнышка Владиміра съ ума сведешь».
Говоритъ Василиста дочь Никулична:

— Мнѣ-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить,
— Если силой выручать Ставра — не выручить,
— Я могу ли, нѣтъ, Ставра повыручить
— А своёй догадочкою женскою. —
Скорешенько бѣжала она къ фершеламъ,
Подрубила волосы по молодецкіи,
Накрутилася Василіемъ Никуличемъ,
Брала дружинушки хоробрыя,
Сорокъ молодцёвъ удалыхъ стрѣльцёвъ
И сорокъ молодцёвъ удалыхъ борцёвъ,
Поѣхала ко-о́ граду ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру,
Не доѣдучи до-о́ града до Кіева
Пораздёрнула она хо́рошъ бѣлъ шатеръ
Да й оставила дружину у бѣла́ шатра
Сама поѣхала ко-о́ граду ко Кіеву
Ко ласковому князю ко Владиміру.
Приходитъ во палаты бѣлокаменны,
Она крестъ кладетъ да по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Она бьетъ челомъ да поклоняется
На вси три четыре на стороны,
Солнышку Владимі́ру въ особину:
— Здравствуй солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Съ молодой княгиной со Опраксіей! —
«Ты откуда есть, уда́лый добрый молодецъ,
«Ты коёй орды, ты коёй земли,
«Какъ тебя именёмъ зовутъ,
«Нарекаютъ те́бе по отечеству?»
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Что я есть изъ зе́мли Ляховицкія
— Того ко́роля сынъ ляховицкаго,
— Молодой Василій да Микуличъ де.
— Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ

— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу съ дочерью подумаю».
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
«Того короля сынъ ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавать дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перецки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жуко́винья-ты были, да то мѣсто знать. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкіи
Самъ говоритъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкіи,
«Молодой Василій да Микуличъ де!
«Не угодно ли съ пути да со дороженки
«Сходить теби во парную во баенку?»
Говорилъ Василій да Микуличъ де:
— И это съ дороги да не худо бы. —
Стопили ему парную-то баенку,
Попросили какъ во парную во баенку,
Онъ пошолъ во парную во баенку,

Но покудова Владиміръ снаряжается,
А посолъ той порой во баенки попарился.
Изъ байни-то идетъ, ему и честь отдаетъ:
— Благодарствуешь на парной на баенки! —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ты же мéне въ баенки не пóдождалъ.
«Я бы въ баенку пришолъ а тебѣ пáру поддалъ,
«Я бы пару поддалъ да и тебя обдалъ».
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Что ваше дѣло-то домашное,
— Домашное дѣло княженецкое,
— А наше дѣло-то посольное,
— Недосугъ вѣдь долго да намъ чваниться
— А во баянки-то долго да намъ париться,
— Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ объ свáтовствѣ
— На твоей любимой на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати?
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Я схожу со дочерью подумаю».
Приходитъ-то къ дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли ляховицкія,
«Того короля сынъ ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ свáтовствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Гóворитъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавать дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому

— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жукóвинья-ты были, да то мѣсто знать. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкіи
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкіи,
«Молодой Василій да Микуличъ де!
«Не угодно ли тебѣ да послѣ парной баенки
«Отдохнуть во ложни-то во тёплыи?»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— И это послѣ баенки не худо бы. —
Приходитъ какъ во ложню-ту во тёплую,
Головой-то онъ ложился гдѣ ногамъ-то быть,
А ногами-то ложился на подушечку.
Какъ выходитъ вонъ изъ ложни-то изъ тёплыи,
Шолъ туда Владиміръ стольнё-кіевской,
Посмотрѣлъ онъ ложни его тёплыи,
И самъ говорилъ да таково слово:
«Есть широкія плеча да богатырскія».
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я пріѣхалъ вѣдь объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
— На твоей любимоей па дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу, со дочерью подумаю».
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
«Того короля сынъ Ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ

«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавашь дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Рѣчь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жукóвинья-ты были, да то мѣсто знать.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкіи
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкіи,
«Молодой Василій да Микуличъ де:
«Не угодно-ли со мóими дворянами потѣшиться,
«Сходить съ нимѝ да на широкій дворъ
«Стрѣлять въ колечко золоченое,
«Во тое остріé да во ножевое
«Расколоть бы стрѣлочка да надвое,
«Чтобы мѣрою однаки и вѣсóмъ ровны?»
Говорилъ Василій да Никуличъ ли:
— Остались стрѣльци да во чистóмъ поли,
— Во чистомъ поли да у бѣла шатра:
— Неужоли самому-то поотвѣдати? —
Выходитъ онъ да на широкій дворъ,
Сталъ стрѣлять стрѣлокъ да пéрво кня́зевой,
Первый разъ стрѣли́лъ онъ не дóстрѣлилъ,
Дру́гой разъ стрѣли́лъ онъ да перéстрѣлилъ,
Третій разъ стрѣли́лъ онъ и нé попалъ.
«Стрѣляй-ко ты Василій да Никуличъ де!»
Какъ тотъ Василій да Никуличъ де
Натягиватъ скорешенько свой тугой лукъ,

Налагаетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ во колечко золоченое
Въ тое востріе да во ножевое,
Раскололъ онъ стрѣлочку-ту надвое,
Оны мѣрою однаки и вѣсо́мъ ровны.
И самъ говоритъ онъ таково слово:
— Я пріѣхалъ вѣдь о добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я еще схожу, со дочерью подумаю».
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
«Того короля сынъ Ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Никуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми!
— Отдаваешь дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жуко́винья-ты были, да то мѣсто знать. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкіи
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкіи,
«Молодой Василій да Никуличъ де!

«Не угодно ли со мóими дворянами потѣшиться,
«На широкомъ-то двори да поборотися?»
Говорилъ Василій-то Никуличъ де:
— Остался борци да во чистóмъ поли,
— Въ чистомъ поли да у бѣлá шатра:
— Неужоль мнѣ самому да поотвѣдати? —
Выходитъ онъ какъ на широкій дворъ,
Сталъ Василій тутъ боротися,
Того захватитъ въ руку, дрýгого во дрýгую
Третья склéснетъ во серёдочку,
По трое заразъ онъ на зéнь ложилъ,
Которыихъ положитъ, тыи съ мѣста нé встаютъ.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Молодой Василій да Никуличъ де!
«Укроти-ко свое сердце богатырское,
«Оставь людей мнѣ хоть на сúмена!»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
— Я пріѣхалъ вѣдь объ добромъ дѣлѣ да объ свá-
товствѣ,
— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати?
— Если съ чести нé дашь, такъ возьму нé съ чести,
— Нé съ чести возьму да теби бокъ набью. —
Не пошолъ онъ больше къ дочери-то спрашивать,
Да сталъ онъ дочь свою просватывать.
Какъ пиръ идетъ у нихъ по третій день,
Севодни имъ итти да ко Божьёй церквы,
Принимать съ Васильемъ по златý вѣнцу.
Закручинился Василій, запечалился,
Онъ повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны̀ очи онъ во сыру землю.
Подходитъ-то Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты эй Василій да Никуличъ де!

«Что же ты севодни да не веселъ есть?»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Что-то будетъ на разумѣ не весело.
— Либо батюшко мой есть да померъ вѣдь,
— Либо матушка моя да померла.
— Нѣтъ ли у тебя да мла́дыхъ загусельщиковъ
— Поиграть въ гуселышка яровчаты? —
Привели они мла́дыхъ загусельщичковъ,
Всё они играютъ всё не ве́село.
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Нѣтъ ли у тебя да мла́дыхъ затюрёмщичковъ
— Поиграть во гуселышка яровчаты? —
Повыпустили младыхъ затюрёмщичковъ,
И всё они играютъ всё не весело.
Говорилъ Василій да Никуличъ де!
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка
— Что былъ посаженъ нашъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
— У тебя во погреба́ глубокіи.
— Онъ гораздъ играть въ гуселышка яровчаты. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Мнѣ какъ выпустить Ставра́, такъ не видать Ставра
— А не выпустить Ставра, такъ разгнѣви́ть посла. —
А не смѣетъ онъ посла да ра́згнѣвить,
Онъ повыпустилъ Ставра изъ погреба,
Ставёръ сталъ играть во гуселышка яровчаты.
Развеселился тутъ Василій-то Никуличъ де,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Помнишь-ли Ставёръ да памятуешь ли,
— Какъ мы маленьки на уличку похаживали
— И мы съ тобою сваечкой поигрывали?
— Твоя-то была сваечка серебряна,
— А мое было кольцо да подзолоченое,

— Я-то попадывалъ тогды́-сегды̀
— А ты попадывалъ всегды́-всегды̀? —
А Ставёръ-то къ ричамъ да не примется,
Годиновичъ вѣдь въ ричи да не вчуется:
«Да я съ тобою сваечкой не игрывалъ».
Говорилъ Василій-то Никуличъ де:
— Помнишь ли Ставёръ да памятуешь ли,
— Мы вѣдь вмѣстѣ съ тобой въ грамотѣ учились,
— Какъ моя была чернильница серебряна
— А твое было перо да подзолочено:
— Я-то помакивалъ тогды́-сегды̀
— А ты помакивалъ всегды́-всегды̀? —
А Ставёръ-то къ ричамъ да не примется,
Годиновичъ вѣдь въ ричи да не вчуется:
«И я съ тобою грамотѣ не учивался».
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Спусти Ставра съѣздить до бѣла́ шатра
— Посмотрѣть дружинушки хоробрыя. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Мнѣ спустить Ставра̀, такъ не видать Ставра,
«А не спустить Ставра, такъ розгнѣви́ть посла».
А не смѣетъ онъ посла поро́згнѣвить,
Спустилъ Ставра съѣздить до бѣла̀ шатра,
Посмотрѣть дружинушки хоробрыя.
Пріѣхали они ко бѣлу́ шатру,
Слѣзли они со добры́хъ коней.
Тутъ мо́лодой Василій да Никулицъ де
Зашолъ онъ скоренько въ хо́рошъ бѣлъ шатеръ,
Снималъ съ себя онъ платье молодецкое,
Надѣвалъ на се́бе платье женское,
Выходитъ онъ на улицу на ши́року,
Самъ говорилъ онъ таково́ слово:
— Теперича, Ставёръ, меня ты знаешь ли? —

Говорилъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Ахъ ты эй млада Василиста дочь Микулична!
«Не поѣдемъ больше ко̀ граду ко Кіеву
«А ко ласковому князю ко Владиміру,
«А уѣдемъ мы во землю Ляховицкую».
Говорила Василиста дочь Никулична:
— А не честь хвала тебѣ-ка добру молодцу
— Тебѣ во́ровски изъ Кіева уѣхати,
— А поѣдемъ ко князю ко Владиміру,
— Мы станемъ свадебки доигрывать. —
Пріѣхали они ко солнышку Владиміру
Говорилъ Василій да Микуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Зачто былъ посаженъ нашъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
— У тебя во по́греба глубокіи? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«А похвасталъ онъ своей да молодой женой,
«Что князей бояръ да всѣхъ повыманитъ,
«Меня солнышка Владиміра съ ума сведетъ».
Говорила Василиста дочь Никулична:
— Такъ что же у тебя теперь на разуми?
— Выдавашь дѣвчину самъ за женщину,
— За меня-то Василисту за Микуличну! —
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло.
Повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны̀ очи во сыру землю,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
«За твою великую за по́хвальбу
«А торгуй въ нашо̀мъ во-о́ градѣ во Кіевѣ
«Ты во Кіевѣ во градѣ вѣкъ безъ пошлины».
Тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
Поѣхалъ онъ во землю Ляховицкую

Съ молодою Василистой со Микуличной.
Тутъ вѣкъ про Ставра старину́ поютъ
Синему морю-то на ти́шину,
А вамъ добрымъ людямъ на послу́шаньё.

Записано тамъ же, 30 іюня.

152.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 49).

Во тои́ во Инде́и во бога́тыя,
У честно́й вдовы Мамельѳы Тимоѳеевнѣ
Тамъ былъ мо́лодой боя́ринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ ходилъ-гулялъ по тихіимъ все по за́водямъ,
Стрѣ́лялъ сѣ́рыихъ гусей и стрѣ́лялъ ле́бедей;
Всѣхъ повыстрѣлялъ равно триста стрѣлъ,
Равно триста стрѣлъ, эще три́ стрѣлы.
Триста-то стрѣламъ цѣ́ну вѣ́даетъ,
Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
Когда билъ онъ изъ-подъ камеия изъ-подъ яѳонту
Онъ изъ-подъ яѳонту самоцвѣтнаго,
Убилъ три орла, три орловица;
Не тѣхъ, которыи летаютъ па святой Русѣ,
Которы летаютъ надъ синемъ моремъ:
Онъ сидитъ орелъ на бѣленькомъ на ка́мешки,
И когда онъ утритъ перьица орлиныя,
Тогда ѣздятъ мужики́ оны Индѣйскія
Покупаютъ это перьицо орлиное
И привозятъ это перьицо орлиное
Его Дюкову-то батюшку въ подарочкахъ.
А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
И со тоя со великія со радости

Пошолъ къ государыни родной матушки
Просилъ у нёй благословенья
Ѣхать ко граду Кіеву
И ко ласковому князю ко Владиміру,
Прямой дорожкой, не окольною.
И говорила государыня ему родна матушка
Честна вдова Мамельѳа Тимоѳеевна:
— Ахъ ты гей рожоно моё дитятко
— Не дамъ я ти прощенья съ благословеньицомъ
— Той прямой дорожкой не окольною.
— Что па той прямой дорожки не окольныя
— Есть три заставы великіихъ.
— Первая та застава великая:
— Стоятъ тамъ горы толкучіи;
— Тыи жъ какъ горы врозьростолпутся,
— И тогда онѣ вмѣсто столпутся,
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— И тутъ тебѣ молодому живу не бывать.
— Другая есть великая застава:
— Сидятъ двп птичи тамъ клевучіихъ
— Тыи птичи тебя съ конемъ склюють:
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати.
— Третія застава великая:
— Лежитъ Змѝище да Горы́нчище.
— О двинадцати змія о хоботахъ;
— И тая змія тебя съ конёмъ сожрётъ,
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— Тутъ тебѣ-ко-ва живому не бывать. —
Онъ боярипъ своей матушки не слушался,
Идетъ на конюшню на стоялую,
Беретъ узду себѣ въ руки тесмянную,
Одпвалъ на мала буру́шка-кову́рушка;
По колѣнъ было у бурушка въ землю зарощено.
Онъ поилъ бурка питьемъ медвяныимъ.

И кормилъ ёго пшеною бѣлояровой,
И сѣдлалъ бурка̀ на сѣдёлышко черкальское,
И по́тницки кладетъ на по́тницки,
И на потницки онъ кладетъ войлоцки,
Клалъ на войлоцки черкальское сѣдёлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ по́дпруговъ,
Тринадцатой клалъ ради крѣпости.
Подпруги были шелковыя,
Пряжи у сѣдла красна зо́лота
А шпеньки были у пряжи все булатныя
Чтобы добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ
Добра молодца въ чистомъ полѣ не вы́рутилъ.
Провожала-то его родна матушка
На прощанье ему словчё смолвила:
— Ахъ ты гей, рожоно мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Если случитъ Богъ во́ гради во́ Кіеви
— У славнаго князя у Владимі́ра,
— Ты не хвастай животишками сѣротскими,
— И сѣротскими животишками вдовиными. —
Первой поприщей скочилъ бурка цѣлу́ версту,
Онъ ко землѣ́ бурко тутъ припа́дывалъ;
Испровѣщится ему добрый конь,
Въ видѣ голоса человѣческа:
— Ты эй, хозяинъ мой люби́мыя,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Опущайся-ко съ меня добра̀ коня,
— Бери земли сыро-матерой,
— Подвязывай подъ пелецко подъ пра́вое
— И подъ другое подвязывай подъ лѣвое,
— Чтобъ не страшно бы сидить на добро́мъ кони,
— А я стану малый бурушко поскакивать,
— Съ горы на гору, и съ холмы на́ холму,
— Буду рѣки и возёра перескакивать

— Гдѣ широкія раздолья — и между но́гъ пущать. —
Пріѣзжаетъ опъ ко первы́я заставы
Гдѣ стоятъ тутъ горы толкучи;
Тые жъ какъ горы врозь расто́лнулись
И не успѣли горы вмѣсто сто́лнуться,
Онъ первую заставу проскакивалъ.
Ко другой ко заста́вѣ прискакивалъ:
Сидятъ тутъ птицы клевучіи
И не успѣли птицы крылышекъ распра́вити,
Онъ и другу за́ставу проска́кивалъ.
Ко третей ко заставѣ прискака́кивалъ:
Лежитъ змиѝще да Горы́нчище,
О двѣнадцати змия о хо́ботахъ:
Не успѣла змия хо́боту расправити,
Опъ и третью за́ставу проска́кивалъ.
Онъ ко́ граду ко Кіеву прискака́кивалъ,
Заѣхалъ опъ на княженецкій дворъ,
И оставилъ своего добра̀ коня,
Добра коня середь бѣла̀ двора,
Не привязана и не приказана;
Самъ пошелъ во переднюю во столовую.
Крестъ кладетъ по писа̀ному,
Поклонъ ведетъ да по учёному
На всѣ три-четыре на стороны,
Княгини-то Опраксіи да въ со́бину:
«Ты здравствуешь, княгиня да Опраксія!
«Гдѣ есть солнышко Владиміръ стольный кіевскій?»
Отвѣчала княгиня тутъ да Опраксія:
— Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій къ оби́дни сшолъ. —
Онъ пошелъ во церковь ту во Бо́жію:
По тыя идетъ по улицы по ши́рокой
Мостовыя были черною землею изнасыпаны,
Ихъ по́длило водою тутъ дожжевою,
Сдѣлалась грязь-та по колѣну де;

Замаралъ онъ сапожки-ты зеленъ сафьянъ.
Идучи во церковь-то во Божію,
Приходитъ онъ во церковь во Божію
Крестъ кладетъ по писа́ному
Да поклонъ ведетъ по учёному,
На вси три-четыре на стороны,
И солнышку Владиміру да въ собину:
«Здравствуй солнышко Владиміръ стольный кіевскій
«Съ молодой княгиней со Опраксіей!»
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ты отку́дашной, уда́лой доброй молодецъ,
— Ты коёй орды, ты коёй земли,
— И какъ тебя именёмъ зовуть,
— Нарекають тебя по отечеству? —
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Что я есть изъ Индѣи изъ богатыя
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
«Отстоялъ я дома раннюю заутрену
«Сюда пріѣхалъ ко обѣдцѣ-де».
Говорятъ вси князи, вси бо́яра,
И тая жъ говоритъ вся мелка чета:
««Что не быть это молоду боя́рину,
««Тому де Дюку Степанову,
««Есть какой нибудь дѣти́нушка залѣшанинъ,
««Онъ убилъ купца, либо боярина,
««Платьевъ дѣтина не видаютци,
««И все онъ на платье поглядыватъ»».
Вышли они изъ Божьёй церквы
Становились на мѣсто на пло́ское
На тую дуброву на зеленую.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
«Что Кіевъ градъ очень краспвъ-добрисъ;
«Ажно въ Кіевп у васъ да не по нашому:

«Церкви все у васъ да деревя́нныя,
«У васъ маковки на церквахъ всѣ осѝновы,
«Мостовыя у васъ черною землею изнасыпаны,
«Ихъ подлило водою тутъ дожжевою,
«Сдѣлалась грязь-то по колѣну-ди;
«Замаралъ я сапожки-ты зелёнъ сафьянъ,
«Идучись во церковь ту во Божію».
Приходятъ тутъ ко́ князю ко Владиміру,
Садились за дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они стали йисть калачиковъ крупивчетыхъ.
Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ мякишъ-отъ ѣстъ, корку подъ сто́лъ мечётъ.
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ты на что же мякишъ ѣшь, корку подъ столъ мечешь?—
Говорилъ молодой боярипъ Дюкъ Степановичъ:
«Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
«Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
«Ажно въ Кіевѣ у васъ да не по нашему:
«У васъ пе́чечьки да все глиняны
«Да и помялчики у васъ сосновые,
«Пахнуть калачики крупивчеты
«На тую на глину на ручьёвую
«И на тую на сѣру на сосновую,
«На сосновую на сѣру на капучую;
«Не могу я йисть калачиковъ крупивчетыхъ.
«Какъ у насъ было во Индѣи во богатыя,
«Какъ у моей государыни родной матушки,
«У честной вдовы Мамельѳы Тимоѳеевной,
«Какъ пекетъ она калачики крупивчеты,
«У ней печечки все муравлены
«Да и помялчики у ней шелковыя,
«Какъ калачикъ-отъ съѣшь, другого хочется,
«Другой съѣшь — по третьему душа горитъ,

«Третій съѣшь — четвертый съ ума нейдетъ».
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Я вижу, что ты молодецъ захвасливый;
— Ты ударь съ нашимъ Чурилою великъ закладъ,
— Что вамъ ѣхать въ чисто поле поляковать
— Снова на́ ново, все на три года,
— По три года да еще и по три дни,
— Чтобы на всякій день кони были смѣнные
— И смѣнные кони перемѣнные,
— Чтобы въ три года такой больше не́ было;
— Чтобъ на всякій день платья были смѣнныя,
— Цвѣтныя платья перемѣнныя,
— Сново на́ ново, все на три́ года,
— На три́ года, да еще на́ три дни,
— Чтобы въ три года такого цвѣту не было.—
Ударили они о великъ закладъ,
По тоёмъ было Чурилѣ по Пленко́вицѣ
Держали поруку-то двумя градмы:
Первымъ Кіевомъ, другимъ Черни́говымъ;
А по тоемъ было по мо́лодомъ бояринѣ,
По немъ не было ника́ковой пору́кушки,
Столько держалъ по немъ крѣпкую поруку-ту
И тотъ владыка Черниговскій,
И тотъ крестовый его батюшка,
Не спустятъ-то боярина, домой сгонять
За своимъ за платьицемъ за цвѣтнымъ.
Закручинился бояринъ запечалился,
Повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны́ очи въ сыру землю
Садился скоро на ременсатъ стулъ,
И написалъ онъ скорописчатые ерлуки,
Полагалъ въ сумки перемётныя,
Отпущалъ мала бурушка-кову́рушка,
Сталъ его бурушка поска́кивать

Съ горы на гору, съ хóлмы нá холму,
Рѣки-озера перескáкивать,
Гдѣ широкіи раздолья межу ногъ пущать.
Куда будетъ онъ во Индѣи во богатыя
У него государыни родной матушки
Заржалъ голосомъ лошадиныимъ;
Услыхала государыни родна матушка,
Выбѣгала она на крылечко на перёное,
Сама говоритъ да таковó слово:
«Видно нѣтъ жива рожонова дúтятки,
«Стоитъ у крыльца одинъ дóбрый конь».
Какъ увидла она сумки перемётныя,
Сама говоритъ таково слово:
«Что рожоно мое дитятко захвасливо,
«И захвасливо, да-знать-захвачено»
Брала она сумки переметныя,
И читала скорописчатые ёрлуки,
Полагала-то ему да платьевъ цвѣтнихъ,
По три пары положила да на всякій день,
Съ ново на ново на три года,
И на три года, эще на три дни,
Отпустила мала бурушка-ковурушко.
Какъ будетъ его бурушка во Кіеви
У Владиміра на широкомъ двори,
Заржалъ голосомъ лошадиныимъ,
Что тутъ теремы пошатилися
Да околенки чуть не сыпались,
Вси во градѣ пріужáхнулись.
Услыхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выбѣгаетъ скоро на широкій дворъ
Увидѣлъ своего добрá коня,
Получалъ свои платьевъ цвѣтныихъ
По три пары получилъ онъ на всякій день.
Тутъ поѣхали они въ чистó поле.

Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ,
Погналъ лошадей туды цѣлымъ стадомъ,
А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поѣхалъ на одномъ-то добромъ конѣ.
Какъ пораньше онъ поутрушку повыстанетъ,
Бурка свого въ росы повы́кататъ,
И на бурки-то шерсть да перемѣнится.
Проѣздили они тутъ по три годовъ,
По три года, эще и по три дни;
Пришли они ко Божьёй церквы
Заходили въ церковь-ту во Божію.
Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ —
Какъ во своемъ во градѣ ему дѣется, —
Такъ становился онъ на кры́лосо на пра́вое,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Такъ становился онъ на крылосо на лѣвое.
Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки
Да изъ петелки было въ петелку.
Пловетъ Змиишечко-Горынчищо.
Тутъ всѣ въ церкви пріужахнулись
Сами говоря́тъ таково́ слово:
««Какъ у нашего Чурилки у Пленковица
««Есть отмѣточка противъ молода боярина
««Что еще некуда бодрѣе ему выступить»».
Закручинился бояринъ, запечалился,
И повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны очи во сыру́ землю,
Онъ сталъ плетонкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ запѣли птичы тутъ пѣвучіи,
Закричали звѣри тутъ рыкучіи,

Тутъ вси во церкви да о зе́нь пали,
О зе́нь пали, да они обмерли.
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— Пріуйми-тка птичекъ ты пѣвучіихъ,
— Призакличь-ка звѣрей тыхъ рыкучіихъ,
— Оставь людей намъ хо́ть на си́мена. —
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Не твое вѣдь я севодня ѣмъ, да кушаю,
«Не хочу тебя теперича послушати».
Говоритъ владыка-то Черниговскій,
Тотъ крестовъ его батюшка:
— Ахъ ты эй, крестово мое дитятко!
— Ты послушай крестоваго батюшки,
— Пріуйми-тка птичекъ ты пѣвучіихъ,
— Призакличь-ка звѣрей тыхъ рыкучіихъ,
— Оставь людей хоть намъ на си́мена. —
Опъ послушалъ крестоваго батюшка,
Пріунялъ птичекъ тыхъ пѣвучіихъ
И призакликалъ звѣрей всѣхъ рыкучіихъ,
И самъ говорилъ таково слово:
«Ты солнышко Владиміръ стольный кіевскій!
«Намъ которому съ Чурилой голова рубить?»
Говоритъ Чуришка Пленковичъ:
««Ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
««Ударимъ-ко еще о велпкъ закладъ:
««Переѣхать намъ черезъ Пуча́й-рѣку,
««Пучай-рѣка на два по́прища;
««Который-то не можетъ да пере́скочить,
««Тому изъ насъ и голова́ рубить»».
Пріѣхали они ко Пучай-рѣки.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ты эй Чурилушка Пленковичъ!
«Твоя по́хвальба сегодня на перёдъ зашла,

«Поѣзжай черезъ рѣку́ ты попе́редп».
Тогда Чурилушка Пленковичъ
Приправилъ своего добра́ коня,
Добра коня черезъ Пучай-рѣку:
О полу-рѣки Чурила въ воду ввёрзился.
Тотъ мо́лодой боярпнъ Дюкъ Степановичъ
Скоро на скоро скочилъ черезъ Пуча̀й рѣку,
Еще того скорѣе поворо́тъ держалъ:
О полу-рѣки да онъ припадывалъ,
Онъ Чурилу за желты кудри захва́тывалъ;
Повытащилъ Чурилу съ конёмъ съ воды,
Не спустилъ Чурилы онъ до Кіева,
До солнышка до Владиміра,
А самъ говоритъ таково слово:
«Ты солнышко, Владиміръ стольный кіевскій!
«Намъ которому съ Чурилой голова рубить?»
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой боярпнъ, Дюкъ Степановичъ!
— Не руби-ко ты Чурилы буйной го́ловы,
— А оставь-ко намъ Чурилу хоть для памяти.—
Говорилъ молодой боярпнъ Дюкъ Степановичъ:
«Ахъ ты эй, Чурилушка Плёнковичъ!
«Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрошенный,
«Пусть ты Кіевскими-то бабами оплаканный!
«Да не ѣзди съ нами со бурла́ками,
«А ѣзди во́ гради во Кіеви
«Ты во Кіеви во́ гради межу бабами!»
Тутъ солнышку Владимі́ру къ стыду пришло:
— Ахъ ты молодой боярпнъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты торгуй въ нашомъ вое́ гради во Кіеви,
— Въ Кіеви да вѣдь безъ пошлины.—
Тогда Владиміръ стольный кіевскій
Онъ сталъ посылать туды обцѣпщиковъ,
Его Дюковыхъ животовъ описывать:

Стараго казака Илью Муромца,
Въ другихъ смѣлаго Олешу Поповица.
Говорилъ молодой боярпнъ Дюкъ Степановичъ:
«Не посылайте-ко Олешеньки Поповица,
«Его глазпшецка попóвскіе,
«Поповскіе глазпшецка завидливы,
«А ему оттоль съ Индѣи да не выѣхать!
«Пошли ты молода Добрынюшку Никитича».
Какъ поѣхали въ Индѣю во богатую.
Не доѣдуци Индѣи богатыя,
Вы́стали на гору́ на высо́кую,
Увид'ли Индѣю богатую,
Сами говорятъ таково́ слово:
«Знать, что мо́лодой боярпнъ Дюкъ Степановичъ
«Онъ послалъ туды вѣсточку не радостну
«Чтобы зажгали Индѣю ту богатую:
«Горитъ Индѣя та богатая!»
Какъ подъѣхали они поблпже тутъ,
Увпдѣли Индѣю богатую:
Тамъ крышечки въ домахъ золочепыя,
У пихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
Пріѣзжали ко Дюку ко Степанову
Къ его государыни ко родной матушки.
Идуть они по улицы по шѝрокой
Мостовыя рудожелтыми песочками изпасыпаны,
Сорочинскія суконца прпразостланы,
Не замараешь-то сапожковъ зеленъ-сафьянъ
Идуцись во церковь во Божію.
Приходятъ въ палаты бѣлокаменны
Къ его государыни родной матушки;
Сидитъ жена стара-ма́тера,
Стара-ма́тера сидитъ жена вся въ золоти,
Вся въ золоти она да въ серебрѣ.
Они бьютъ челомъ поклоняются,

Сами говорятъ таково слово:
«Ты здравствуешь, Дюковая матушка!»
Говоритъ жена стара-ма́тера:
— Я есть не Дюковая матушка,
— Я есть Дюкова портомывница.
— Подите въ покои во другіи,
— И тамъ есть Дюкова матушка. —
Приходятъ въ покои во другіи.
Сидитъ жена стара-матера,
Стара-матера жена сидитъ вся въ золоти,
Вся въ золоти, она вся въ серебри.
Они бьютъ челомъ, да клапяются:
«Ты здравствуешь, Дюкова матушка!»
Говоритъ жена стара-матера:
— Что я есть не Дюковая матушка,
— Я есть Дюкова да вѣдь калачница,
— Я пеку калачики крупивчаты
— Про того про молода боярина
— Про того про Дюка про Степанова.
— Подите-ко въ покои да въ третіи,
— Тамъ есть Дюковая матушка. —
Идуть они въ покои въ третіи.
Идетъ жена стара-ма́тера
Стара-матера идетъ вся въ золоти
Въ золоти она да въ серебри.
Они бьютъ челомъ, поклоняются:
«Ты здравствуешь, Дюковая матушка!»
Говоритъ жена да стара-матера:
— Вы здравствуйте, мужики да вы общѣнщики!
— Вы за чѣмъ сюда теперь пріѣхали
— Вы сиротскихъ животишековъ описывать? —
Садилися они тутъ за дубовъ столъ
За дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они стали йисть калачиковъ крупивчатыхъ:

Какъ калачикъ-отъ съпдятъ — другого хочется,
Другой съидятъ — по третьемъ и душа горитъ,
Третій съидятъ — четвертый и съ ума нейдетъ.
Какъ вышли они изъ-за стола изъ-за дубова,
Тая жъ де Дюкова матушка
Свела ихъ во погреба глубокіи, ко сбруямъ лошадиныимъ:
Писали они тутъ по три года,
По три года, эще и по три дни,
Не хватило тутъ бумаги листъ гербовыя,
Не могли обцѣнить однѣхъ сбруй лошадиныихъ.
Говорила Дюковая матушка:
— Вы эй мужики, вы обцѣнщики,
— Вы скажите-ко солнышку Владиміру
— На бумагу-ту пущай-ко-то продастъ весь Кіевъ градъ,
— На чернила-ты продастъ весь Черниговъ градъ,
— И тожно пусть пріѣдетъ животишечковъ описывать. —
И повела она ихъ по пóгребамъ глубокіимъ:
Вúсятъ бочечки красна золота,
Вúсятъ бочечки чиста серебра,
Висятъ бочечки скáтна жемчуга.
Повывела она ихъ на широкій дворъ:
И течетъ тутъ струйка золоченая, —
Тутъ они не могли и вовсе смѣты дать.
Пріѣхáли ко-ó граду ко Кіеву
И кò солнышку ко Владиміру.
И сказали солнышку Владиміру:
«Наказывала тебѣ Дюковая матушка:
«На бумагу-ту велѣла продать она весь Кіевъ градъ,
«На чернила продать весь Черниговъ градъ,
«И тожно пріѣхать животишечковъ описывать».
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— За твою за великую за похвальбу
— Ты торгуй въ нашемъ во гради во Кіеви,

— Во Кіевп во градп вѣкъ безъ пошлины. —
Тутъ молодой боярпнъ Дюкъ Степановичъ
Отправился къ государынп и родной матушки,
Тутъ сдѣлалъ онъ съ ней доброе здоровьице.
Тутъ вѣкъ про Дюка старину́ скажуть
Синему морю да на ти́шину,
А вамъ добрымъ людямъ на послу́шанье.

153.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 65).

Когда-то возсіяло солнце красное,
На тоёмъ-то небушкѣ на ясноемъ,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
Вси-то на пиру да наѣдалися,
Вси-то на почестномъ напивалися
И вси на пиру порасхвастались.
Иный хвастаетъ села со приселками,
А иный хвалитъ города съ пригородками,
Иный хвалится да золотой казной,
Умный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Изъ-за того стола да изъ-за дубова
Не золота звонка труба вытрубила,
Испроговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Испроговорилъ онъ таково слово:
«Есть и мнѣ царю теперь похвастати:
«Я повынесъ-то царенье изъ Царя-града,
«Царскую перфиру на себя надѣлъ,

«Царскій костыль я себѣ въ руки взялъ,
«И повыведу измѣну съ каменной Москвы!»
Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
Тутъ не красное-то солнышко каталося,
А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходитъ маленькой Иванушко царевичь-государь,
Сынъ говорилъ да таково слово:
— Ты эй государь мой родной батюшка,
— Не вывести измѣны съ каменной Москвы:
— Сидитъ-то измѣна за однимъ столомъ,
— Исъ-пьетъ измѣна одни кушанья,
— Платьи носитъ одноцвѣтныя
— Да сапожки на ножкахъ одноличныя. —
Тутъ не мутное око помутилося
Его царское сердце разгорѣлося
И сговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты маленькой Иванушко, царевичь-государь!
«Ты подай мнѣ измѣнщика да на очи:
«Я измѣнщику голову срублю».
Испроговорилъ Иванушко царевичь государь:
— Ужъ я глупымъ-то разумомъ промолвился.
— Какъ на братца мнѣ сказать, такъ мнѣ-ка братца жаль,
— На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;
— А буде сказать мнѣ на братца своего,
— На того на Ѳедора Ивановича.
— Ей ты, государь родной батюшка!
— Когда жъ мы брали съ тобой царскій градъ,
— Когда ты-то ѣхалъ да по краечку,
— А я-то ѣхалъ да по другому,
— А братецъ мой ѣхалъ по серединки.
— Мы съ тобою, государь, да все ѣхали,
— Мы все казнили, да все вѣшали,
— А Ѳедоръ братецъ ѣхалъ по середчкѣ,
— Напередъ пословъ да онъ поразсылалъ,

— Чтобы удалые да поразбѣгались,
— А которые по кувыль-траву да развалялися,
— А которые при домахъ оставалися.
— Теперичу измѣна вся повыстала. —
Тутъ не мутное око помутилося,
Ево царское сердце разгорѣлося:
«Ай вы эй, палачи да немило́стивы!
«Вы возмите-ка Ѳедора Ивановича
«За тыя за рученки за бѣлыя,
«За тые за перстни за злаченые,
«Сведите-ка Ѳедора въ чисто поле
«А на тое болотцо-то на житное,
«А на тую на плашку на липову,
«Отрубите ему буйну голову
«За него поступки неумильные!»

Тутъ всѣ палачи поразбѣгались,
Которые разумны, растулялися,
Одинъ остался Малютка воръ Скуратовъ сынъ.
А самъ говорилъ таково слово:
««Я много вѣдь казнилъ царей, царевичевъ,
««Я безъ счету королей, да королевичей,
««А тебя-ко-ва я Ѳедора да не спущу!»»
Опъ беретъ его за ручки за бѣлыя,
За тые за перстни да за злаченые,
Повелъ Ѳедора да въ чисто поле
На тое болотечко на житное,
На тую плашечку на липову
Срубить Ѳедору да буйну голову
За него́ поступки неумильные.
Во тую ль было пору да во то время
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыни да родна матушка,
Она чеботы обула да на босу ногу;

Купью шубу-ту одѣла на одно плечо,
Побѣжала-то на горку да на Вшивую,
А ко своему ко братцу ко родимому,
Ко тому Никиты-то Романовичу.
А срѣтатъ ю братецъ-отъ ей родимый,
А самъ говоритъ таково слово:
«Что же ты, сестрице, да не въ покрутѣ,
«А въ одной ты шубы черныхъ соболей?»
Говоритъ Авдотья да Романовна:
— Ты ей же, братецъ мой родимыя!
— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Тотъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо да на житное,
— На тую плашку на липову,
— Срубить Ѳедору буйну голову. —
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмянную,
Бѣжалъ на конюшню на стоялую,
Одѣвалъ на мала бурушка да кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, да не на уздана,
Городомъ ѣдетъ и да голосомъ кричитъ,
Голосомъ крычитъ, да самъ рукой машитъ:
«Ты ей, воръ, Малютка Скуратовъ сынъ!
«Ты не тотъ кусъ съѣшь, самъ задавишься,
«Не казни-тка мла́да царевича,
«Ай тогожъ-де Ѳедора Ивановича».
Малютка того и не пытаючи,
Беретъ Ѳедора да за желты кудри,
Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубитъ да буйну голову.
А наѣхалъ Никита да Романовичь,
Смахнулъ своей саблей да востроей,

Отнесъ Малютки буйну голову,
За него поступки неумильные.
А онъ взялъ, де, Ѳедора Ивановича,
Увозилъ на горку да на Вшивую.

Сегодня день былъ суботнія,
Завтра день да воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранной ко заутрени.
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Что нѣтъ жива молодаго царевича,
Сокрутился онъ во платье во опальное,
Заложилъ лошадей да вороненыихъ
Подъ ты кареты подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита да Романовичъ
Заложилъ онъ лошадей да все рыжіихъ,
Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писапому,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ трп-четыре стороны,
А Ивану Васпльевичу въ собину:
«Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
«Со своей со любимой семьёй,
«Съ молодой со Авдотьей со Романовной,
«Со своима со малыма со дѣтушкамы,
«Съ тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ
«Со тыимъ со Иваномъ Ивановичемъ!»
Исговорилъ Грозный царь Иванъ Васпльевичъ:
— Ай ты же, шурпнъ мой любимыя,
— Ты ей, Никита да Романовичъ!
— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Ай того де Ѳедора Ивановича:

— Вѣдь увелъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо да на житное,
— Да на тую на плашку да на липову
— Срубить Ѳедору буйну голову
— За него поступки неумильные. —
Въ другой говоритъ Никита Романовичъ:
«Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своею съ молодой семьёй,
«Съ молодой Авдотьей со Романовной,
«Со своима съ малыма съ дѣтушкамы,
«Со тымъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тымъ Ивапомъ Ивановичемъ!»
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимыя,
— Ты ей, Никита Романовичъ!
— Что же ты въ рѣчи да не вчуешься?
— Вѣдь пѣтъ жива твоего любимаго племяшичка,
— Тогожъ де Ѳедора Ивановича:
— Увелъ воръ Малютка Скуратовичъ
— На тое болотцо да на Житное,
— Ай на тую на плашку да на липову
— Срубилъ Ѳедору буйну голову
— За него поступки неумильные.
Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
«Ты здравствуй, Грозный Иванъ Васильевичъ,
«Со своею любимой семьёй,
«Со молодой Авдотьей Романовной,
«Со своима со малыма со дѣтушкамы,
«Со тымъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тымъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Тутъ не мутное око помутилося,
Его царское сердце разгорѣлося:
— Ахъ ты ей же, шуринъ мой любимыя,
— Ахъ ты ей же, Никита Романовичъ!

— Знать, ты надо мной насмѣхаешься!
— Отстою какъ я раннюю заутреню,
— Прикажу тебѣ Никиты голову срубить. —
И самъ заплакалъ горькимъ дяктелемъ.
— Какъ по ворахъ было по разбойникахъ.
— По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики;
— По моемъ рожоное по дитятки,
— По тоёмъ Ѳедорѣ Ивановичѣ
— По немъ не было никакого заступушки! —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?»
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Хоть бываетъ-то прощенье, тéперь взять негдѣ. —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Не отрублена есть Ѳедору да буйна голова,
«А отрублена да буйна голова
«А тому Малюты да Скурлатову».

Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ кидается скорó, бросается
Не кидается за Ѳедора Ивановича,
Кидался за Никиту за Романовича,
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говорилъ таково слово:
— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?
— Ты эй же шуринъ мой любимыя,
— Дать тебѣ села со приселкамы,
— Али дать города съ пригородкамы,
— Али дать тебѣ да золотой казны?
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Есть у меня села со приселкамы,
«А и то мнѣ молодцу не похвальба;
«Есть у меня города съ пригородкамы,

«А и то мнѣ молодцу не похвальба.
«Есть у меня и золотой казны
«И то мнѣ молодцу не похвальба:
«А ты дай-ка мнѣ Микитину да вотчину:
«Что хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
«Хоть коня угони, хоть жену уведи,
«Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,
«Того добраго-то молодца да́ Богъ проститъ».
Онъ пожаловалъ Микитиною его вотчиной:
Что хоть съ петли уйди, да хоть коня угони,
Хоть коня угони, да хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину да вотчину,
Того добраго-то молодца да Богъ проститъ.
Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажуть,
Синему морю на тишину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

154.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 46).

Во тоя было Москвы да бѣлокаменной,
Когда царствовалъ Алексѣй Михайловичъ Московской
А выходилъ онъ сударь изъ Божьей церкви,
Становился онъ на лобно сударь мѣсто,
На тую сударь зеленую дубраву,
Говорилъ онъ падежа-государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ай же вы, князи, вы бояра!
«Пособите государю дума думати,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король да земли Шведской:

«Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ ли намъ Хинскую землю,
«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Али намъ за Смоленецъ постояти,
«Али намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ перво князь Востраханскій,
Онъ поблизку государя становился,
А онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны вѣдь нѣтъ ни копѣйки:
— Отдаемъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возмемъ ко себѣ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи не влюбились.
Говорилъ надежа-государь-царь
Онъ Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ вы, эй же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю дума думать,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли Шведской:
«А ужь онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А онъ даваетъ ли намъ Хинскую землю.
«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Али намъ да за Смоленецъ постояти,
«Аль намъ да на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ-ка второй князь Бухарскій,
Онъ поблизку государя становился,
Да онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, да слово смолвить:

— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ нисколько,
— Да во Смоленцѣ казны нѣтъ вѣдь ни копѣйки.
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— Мы возмемъ-ко себѣ Хинскую землю. —
Государю тыя рѣчи не влюбились.
Говорилъ надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ вы эй-же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю дума думать,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать,
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король да земли Шведской:
«Она проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ ли намъ Хинскую землю.
«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Да али намъ за Смоленецъ постояти,
«Да али намъ за Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ-ка князь Данила Милославской,
Онъ поблизку государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвить:
— Что Смоленецъ строенье не литовско,
— А Смоленецъ строеньице московско;
— А во Смоленцѣ казны есть, да смѣту нѣту:
— Ужъ мы станемъ за Смоленецъ постояти,
— Ужъ мы станемъ за Смоленецъ нанимати,
— Не дадимъ мы туда города Смоленца,
— А не возмемъ себѣ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи прилюбились.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ ты эй же князь Данило Милославской!

«Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскорѣ пожаловать,
«А я пожалую во Смоленецъ воеводой».
Астраханскаго взялъ — повѣсилъ,
А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

155.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

(См. Рыбникова, т. III, 52).

Кабы на соловья
Не зима бы студеная,
Не морозы бы были крещенскіе,
Не леталъ бы я соловей
По мхамъ, по болотечкамъ,
По частымъ наволокищамъ.
Кабы да й на молодца
Мнѣ не служба государева,
Не наборы-бы были солдатскіе,
Не ходилъ бы я молодецъ
По чужой-я по дальной стороны
По тыя бы по Свирской украины.
Прошелъ молодецъ изъ о́рды въ орду,
Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву:
«Какъ батюшко, король Политовскія,
«Политовскія король земли Польскія!
«Прими-ко меня во слуги-рабы,
«Во слуги-рабы, хоть во конюхи».
Я во конюхахъ жилъ цѣло три году.
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ,
Не шелъ молодецъ на царевъ кабакъ,

Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не пилъ молодецъ меда сладкаго,
Такъ Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во стольники.
Я во стольникахъ жилъ цѣло три годы,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Такъ Богъ добра молодца миловалъ,
А король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ.
Не шелъ молодецъ на царевъ кабакъ,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не закусывалъ я бѣлымъ сахаромъ.
Пожаловалъ молодца онъ во ключники.
Я во ключникахъ жилъ цѣло три годы,
А король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ.
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною,
Такъ Богъ добра молодца миловалъ.
И у того короля политовскаго
Была дочь его Настасья красивая.
Говорила королю Политовскому:
«Ты батюшко король Политовскій,
«Литовскій король земли Польскія!
«Ты дай мнѣ ко кроваткѣ кроватничка».
Говорилъ король Политовскій:
— Молодая Настасья королевична!
— Выбирай ко кроваткѣ кроватничка,
— Хоть изъ князей, хоть изъ бояръ,
— Хоть изъ русскихъ могучихъ богатырей,
— Хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татаровей. —
Говорила Настасья королевична:
«Не надо ко кроватки кроватничка
«Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,

«Мнѣ не изъ русскихъ могучихъ богатырей,
«Мнѣ не надо поганыхъ татаровей:
«Ты дай ко кроваткѣ кроватничка,
«Своего дай любимаго ключника».
Положили тутъ его ко кроваткѣ кроватничкомъ.
Служилъ молодецъ тутъ онъ три годы,
Не стоялъ у кровати тесовыя,
Не постилалъ онъ перины пуховыя,
Не складалъ круто-складне зголо́вьица,
Не натягивалъ одѣяла соболинаго,
Онъ спалъ на кровати тисовыя
Съ молодой Настасьей королевичной.
Зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А выпилъ молодецъ пива пьянаго,
Да и выпилъ молодецъ меду сладкаго,
Заходилъ во кружало королевское,
Закуспилъ молодецъ бѣлымъ сухаремъ.
Онъ тутъ во кружалѣ расхвастался:
«Служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
«Перво три годы служилъ я въ конюхахъ,
«Друго три годы служилъ я во стольникахъ,
«Третье три годы служилъ я во ключникахъ,
«Это три годы служилъ во кроватничкахъ.
«Это три годы служилъ я у кроваточки:
«Не стоялъ я у кровати тесовыя,
«Не стилалъ я перинки пуховыя,
«Не складалъ круто-складне зголовьице,
«Не натягивалъ соболинаго одѣяла,
«Я спалъ на тесовыя кровати
«Съ молодой со Настасьей королевичной».
Схватили меня добра молодца,
Донесли королю Политовскому,
Посадили въ тюрьму богадѣльную,
Держали тамъ меня нѣсколько.

Повели меня добра молодца
Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя
На тую на плашку на липову
Отрубить-то мою буйну голову.
Говорилъ онъ удалый добрый молодецъ:
«Вы эй, сторожа котемьскіе!
«Берите съ меня золотой казны!
«Вы только берите, сколько надобно,
«А ведите меня добра молодца
«Помимо окошко королевнино».
Повели какъ его добра молодца
Помимо окошко ко́ролевнино,
Закричалъ онъ удалый добрый молодецъ:
«Молодая Настасья королевична!
«Ведутъ-то меня добра молодца
«На тую-то плашку на липову,
«Срубить-то мнѣ буйну голову,
«Я похвасталъ тобой королевичной!»
Тая же ли Настасья королевична
Отворяла косивчато окошечко,
Бросиласи въ окошко по поясу,
Говорила сторожамъ королевскіимъ:
— Вы эй сторожа королевскіи!
— Вы спустите его добра молодца,
— Возмите татарина мертваго,
— Мертваго татарина мерзлаго,
— Отрубите ему буйну голову. —
Призвала къ себѣ добра молодца,
Стала его тутъ допрашивать:
— Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ!
— Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
— Да есть ли у тебя молода жена,
— Да есть ли у тебя малы дѣтушки? —
Говорилъ ей удалый добрый молодецъ:

«Что есть у меня въ дому отецъ и мать,
«Да и есть у меня молода жена,
«Да и есть у меня малы дѣтушки».
Говорила Настасья королевична:
— Бери-ко мои золоты ключи,
— Отмыкай-ка мои кованы́ ларци,
— Бери-ко себи́ золотой казны,
— Ты столько бери, сколько надобно,
— Чтобъ было твоимъ малымъ дѣтушкамъ
— Да осталось твоимъ младымъ внучатамъ. —
Тутъ вѣкъ про нее старину поютъ,
Синему морю на тишину
И вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

XXVIII.

ИВАНЪ КАСЬЯНОВЪ.

Иванъ Аникіевичъ Касьяновъ, крестьянинъ с. Космозера, 40 лѣтъ отъ роду, грамотный, изъ старообрядцевъ, перешедшій лѣтъ десять тому назадъ въ единовѣріе. Научился въ молодости пѣть былины отъ стариковъ, съ которыми ѣздилъ на рыбную ловлю, преимущественно отъ нѣкоего кривого Ивана Трофимова. Въ прежнее время зналъ былинъ весьма много, но потомъ бросилъ ихъ пѣть, предавшись страстно чтенію церковныхъ книгъ для уясненія спорныхъ между православною церковью и расколомъ вопросовъ. Это и привело его въ единовѣріе, но, по словамъ Касьянова, заглушило былины въ его памяти. При встрѣчѣ съ собирателемъ въ Чолмужахъ, Касьяновъ не могъ припомнить былины о Вольгѣ, но упоминалъ, что ее отлично знаетъ и хорошо поетъ его сосѣдъ, раскольничій наставникъ Іуда Егоровъ. Впослѣдствіи, прибывъ въ Петербургъ, по порученію единовѣрческаго общества для сбора на церковь, онъ уже пѣлъ эту былину со словъ Егорова.

156.

ВОЛЬГА.

Когда возсіяло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мо́лодый Вольга̀,
Мо́лодой Вольга̀ Святославовичъ.
Какъ сталъ тутъ Во́льга ростѣ́ть матерѣ́ть,
Похотѣ́лоси Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубо́кихъ моря̀хъ,
Птицей-соколомъ летать ему подъ о́болока̀,
Сѣ́рымъ волкомъ рыска́ть да по чисты́имъ поля̀мъ.
Уходили всѣ́ рыбы во спни́и моря̀,
Улетали всѣ́ птицы за о́болока̀,
Ускакали всѣ́ звѣ́ри во темны́и лѣ́са̀.
Какъ сталъ тутъ Во́льга ростѣ́ть матерѣ́ть,
Собиралъ себѣ́ дружинушку хоробрую:
Трндцать молодцовъ да безъ единаго,
А самъ-то былъ Во́льга во тридцатыихъ.
Собиралъ себѣ́ жеребчиковъ темнокарiихъ,
Темнокарiихъ жеребчиковъ нелѣ́гченыихъ.
Вотъ посѣ́ли на добрыхъ коней поѣ́хали,
Поѣ́хали къ городамъ да за получкою.
Повыѣ́хали въ раздольицо чисто поле,
Услыхали во чистомъ поли оратая,
Какъ оретъ въ полѣ́ оратай посви́стываѣ́тъ,
Сошка у оратая поскри́пливаѣ́тъ,
Омешики по камешкамъ почи́ркиваю́тъ.
Ѣхали-то день вѣ́дь съ утра до́ вечера,
Не могли до оратая доѣ́хати,
Они ѣхали да вѣ́дь и другой день,
Другой день вѣ́дь съ утра до́ вечера,
Не могли до оратая доѣ́хати.
Какъ оретъ въ полѣ́ оратай посвистываетъ,

Сошка у оратая поскрипливаетъ,
А омешики по камешкамъ почиркиваютъ.
Тутъ ѣхали они третій день,
А третій день еще до пáбѣдья,
А наѣхали въ чистомъ поли оратая.
Какъ оретъ въ полѣ оратай посвистываетъ,
А бороздочки онъ да пометываетъ,
А пенье́ коренья вывертываетъ,
А большіе-то каменья въ борозду валитъ.
У оратая кобыла соло́вая,
Гужики у нея да шелковыи,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошки булатніи,
Присошечекъ у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скаченъ ли жемчугъ разсыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
Вотъ шиломъ пяты, носы́ востры,
Вотъ подъ пяту пяту воробе́й пролетѝтъ,
Около носа хоть яицо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчикъ у него да черна бархата.
Говоритъ-то Вольга таковы слова:
«Божья́ помочь тебѣ оратай-оратаюшко!
«Орать, да пахать, да крестья́новатѝ,
«А бороздки тебѣ да поме́тыватѝ,
«А пенья коренья вывертыватѝ,
«А большіе-то каменья въ борозду валить!»
Говоритъ оратай таковы слова:
— Поди-ко ты Вольга Святославовичъ!
— Мнѣ-ка надобно Божья помочь крестья́новатѝ.

— А куда ты Вольга ѣдешь, куда путь держи́шь? —
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
«Какъ пожаловалъ меня да ро́дной дядюшка,
«Родной дядюшка да крестной батюшка,
«Ласковой Владиміръ стольне-кіевской,
«Тремя ли городами со крестьянами:
«Первыимъ городомъ Курцовцомъ,
«Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
«Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ,
«Теперь ѣду къ городамъ да за получкою».
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же ты Вольга Святославовичъ!
— Тамъ живутъ-то мужички да всѣ разбойнички,
— Они подрубятъ-то сляги калиновы,
— Да потопятъ тя въ рѣку да во Смородину!
— Я недавно тамъ былъ въ городи, третьёго-дни,
— Закупилъ я соли цѣло три мѣха,
— Каждый мѣхъ-то былъ вѣдь по сту пудъ,
— А самъ я сидѣлъ-то сорокъ пудъ,
— А тутъ стали мужички съ меня грошовъ просить.
— Я имъ сталъ-то вѣдь грошовъ дѣлить,
— А грошовъ-то стало мало ставиться,
— Мужичковъ-то вѣдь да больше ставитсе.
— Потомъ сталъ-то я ихъ вѣдь отталкивать,
— Сталъ отталкивать да кулакомъ грозить,
— Положилъ тутъ ихъ я вѣдь до тысячи:
— Который стоя стоитъ, тотъ си́дя сидитъ.
— Который сидя сидитъ, тотъ и ле́жа лежитъ. —
Тутъ проговорилъ вѣдь Во́льга Святославовичъ:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
«Ты поѣдемъ-ко со мною во товарищахъ?»
А тутъ ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковыи повыстегнулъ,
Кобылу изъ сошки повывернулъ,

Оны сѣли на добрыхъ коней поѣхали.
Какъ хвостъ-то у ней разстилается,
А грива́-то у нея да завивается,
У оратая кобыла ступою пошла,
А Вольгинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгинъ конь да оставается.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Я оставилъ сошку во бороздечкѣ
— Не для ради прохожаго-проѣзжаго:
— Маломожный-то наѣдетъ — взять нечего,
— А богатый-тотъ наѣдетъ не поза́рится,
— А для ради мужичка да деревенщины.
— Какъ бы сошку изъ земельки повы́дернути,
— Изъ омешиковъ бы земельку повытря́хнути,
— Да бросить сошку за ракитовъ кустъ. —
Тутъ вѣдь Вольга Святославовичъ
Посылаетъ онъ дружинушку хоробрую,
Пять молодцовъ да вѣдь могучіихъ,
Какъ бы сошку изъ земли да повыдернули,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Пріѣзжаетъ дружинушка хоробрая,
Пять молодцовъ да вѣдь могучіихъ,
Къ той ли ко сошки кленовенькой,
Они сошку за обори вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли поднять,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Тутъ мо́лодой Вольга Святославовичъ
Посылаетъ онъ дружинушку хоробрую,
Цѣлымъ онъ да вѣдь десяточкомъ.
Оны сошку за обо́ри вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли выдернуть,

Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
И тутъ вѣдь Во́льга Святославовичъ
Посылаетъ всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку изъ земли повыдернули,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обори вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли выдернуть,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Тутъ оратай-оратаюшко,
На своей ли кобылы соловенькой,
Пріѣхалъ ко сошки кленовенькой,
Онъ бралъ-то вѣдь сошку одной рукой,
Сошку изъ земли онъ повыдернулъ,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
А тутъ сѣли на добры́хъ коней поѣхали.
Какъ хвостъ-то у ней разстилается,
А грива́-то у нея да завивается.
У оратая кобыла ступью́ пошла,
А Вольгинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
У оратая кобыла грудью́ пошла,
А Вольгинъ конь да оставается.
Тутъ Вольга сталъ да онъ покрикивать,
Колпакомъ онъ сталъ да вѣдь помахивать.
«Ты постой-ко вѣдь оратай-оратаюшко!
«Какъ бы этая кобыла конько́мъ бы была,
«За этую кобылу пятьсо́тъ бы далѝ».
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты Вольга Святославовичъ!
— Я купилъ эту кобылу жеребёночкомъ.
— Жеребёночкомъ да изъ подъ матушки,

— Заплатилъ за кобылу пятьсотъ рублей.
— Какъ бы этая кобыла конькомъ бы была,
— За этую кобылу цѣны не́ было бы́!—
Тутъ проговоритъ Вольга Святославовичъ:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
«Какъ-то тебя да именемъ зовутъ,
«Нарекаютъ тебя да по отечеству?»
Тутъ проговорилъ оратай оратаюшко:
— Ай же ты Вольга Святославовичъ!
— Я какъ ржи-то напашу да во ски́дры сложу,
— Я во скидры сложу да домой выволочу́,
— Домой выволочу да дома вы́молочу,
— А я пива наварю да мужичковъ напою́,
— А тутъ станутъ мужички меня похваливати́:
— «Молодой Микула Селяни́новичъ!—»
Тутъ пріѣхали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживати́;
Стали города разсматривати́,
А ребята-то стали поговариватѝ:
«Какъ этотъ третьего дни былъ, да мужичковъ онъ билъ!»
А мужички-то стали собиратися,
Собратися оны да думу думати:
Какъ бы притти да извинитися,
А имъ низко бы да поклонитися.
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
— Ай же ты Никула Селяниновичъ!
— Я жалую отъ себя трема городами со крестьянамы.
— Оставайся здѣсь да вѣдь намѣстникомъ,
— Получай-ко ты дань да вѣдь грошовую! —

Записано въ Петербургѣ, 13 октября.

157.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Добрынѣ говорила родна́ матушка:
«А что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
«А топтать-то младыихъ змѣенышевъ,
«Выручать-то полоновъ да русскіихъ.
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки,
«Пучай рѣка да есть великая,
«Средняя струя-то какъ огонь сѣчетъ».
А Добрыня матушки не слушался,
Онъ зашелъ-то во конюшенку стоялую,
Онъ и взялъ себѣ да коня добраго,
Онъ сѣдлалъ во сѣделышко черкаское,
Онъ потнички-то клалъ на потнички,
А на потнички-то клалъ вѣдь войлочки,
Онъ на войлочки черкаское сѣделышко,
И натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатый-то клалъ для ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А́ шпеньки-ты были булатніи,
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ не старѣетъ.
Онъ поѣхалъ во далече во чисто поле
На тыи горы Сорочинскіи.
Притопталъ всѣхъ младыихъ зміенышовъ,
Богатырское его сердце разгорѣлося,
Разгорѣлося да распотѣлося.
Онъ правилъ ко́ня ко Пучай рѣки,
Снимаетъ платьице онъ цвѣтное,

Забрелъ онъ за струечку за первую,
Забрелъ онъ за струечку среднюю,
Самъ говоритъ таково слово:
— Мнѣ Добрынѣ матушка говóрила,
— Мнѣ Никитичу матушка наказывала:
— Не куплися Добрыня во Пучай рѣки!
— А Пучай рѣка да есть свѣрипая,
— Средняя струя да какъ огонь сѣчетъ.
— А Пучай рѣка да есть смирна́ прутка,
— Какъ будто лужа вѣдь дождевая. —
Вотъ какъ вѣтра нѣтъ и тучу по́днесло,
Тучи нѣтъ, да быдто громъ гремитъ,
Грому нѣтъ, да искры сыплются.
Налетѣло змѣичищо Горынчищо
О двѣнадцати змѣя о хо́ботахъ.
«А теперь Добрыня во моихъ рукахъ,
«Я теперь Добрыню съѣмъ-сожру,
«Съ ко́немъ съѣмъ-сожру, а захочу въ полонъ возьму!»
Какъ не было у Добрыни да добра коня,
Да не было у Добрыни платья цвѣтнаго,
Да не было меча да бурзомецкаго,
А Добрыня-то плавать гораздъ онъ былъ.
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Перенырнетъ на бережекъ на здѣшныій.
А только лежалъ да пуховъ колпакъ.
Насыпанъ колпакъ да земли Греческой,
Вѣсомъ колпакъ ровно три пуда.
Онъ ударилъ во змѣю да во проклятую,
Отбилъ двѣнадцать хоботовъ.
Тутъ упала змѣя да во ковыль траву.
А Добрыня да на ножку по́вертокъ;
Онъ скочилъ змѣи да на бѣлы груди,
Вотъ какъ тутъ змѣя да взмолилася:
«Ай же ты Добрыня сынъ Никитиничъ!

«Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую
«Чтобъ не ѣздить бы тебѣ во далече чисто поле,
«Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
«А моихъ-то вѣдь рожоныхъ малыхъ дѣтушокъ,
«А мнѣ не летать больше на святую Русь,
«Не носить-то людей да во полонъ къ себѣ».
А и та змѣя да вѣдь проклятая,
Поднялась она да вѣдь подъ облаку.
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Захватила тутъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій,
Онъ и кликалъ вѣдь былицъ да волшебницъ,
Кто бы могъ достать Забаву дочь Путятичну.
Какъ проговоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ты накинь-ка эту службу на Добрынюшку,
— На молода Добрынюшку Никитинича.
— У него-то со змѣей заповѣдь положена
— А не ѣздить боли во чисто поле,
— На тыи горы Сорочинскія,
— Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
— А змѣи не летать да на святую Русь,
— Не полонить ей да людей русскіихъ.
— Такъ онъ можетъ достать безъ бою, безъ драки кровопролитія. —

Какъ пошелъ Добрыня закручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру землю.
Какъ проговорила Добрынина матушка,
Пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна:
«Ай же ты Добрынюшко Микитиничъ!
«Что же ты Добрыня закручинился?
«Али мѣсто тебѣ было не по чину,

«Али чарой на пиру тебя пообнесли,
«Дýракъ нá пиру да насмѣялся-де?»
Испроговоритъ Добрыня родной матушкѣ:
— Мѣсто мнѣ было вѣдь по чину,
— Чарою̀ меня да не пообнесли,
— А дурáкъ-то на пиру не насмѣялся де.
— Какъ солнышко Владиміръ стольне-кіевской
— Онъ накинулъ мнѣ да службу вѣдь великую,
— Съѣздить мнѣ далече во чисто поле
— На тыи горы Сорочинскіи,
— Во тую нору во глубокую,
— А достать князеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Путятичну! —
Проговоритъ Добрынюшкина матушка:
«Молись-ко Богу и ложись-ко спать:
«Утро будетъ мудрое,
«Мудренѣе оно вечера!»
Поутру онъ вставалъ ранешенько,
Умывался водушкой бѣлешенько,
Подкрутился вѣдь да хорошехонько.
Онъ зашелъ во конюшеньку стоялую,
Онъ сѣдлалъ вѣдь кóня дѣдушкова,
Онъ сѣдлалъ да во сѣделышко черкаское,
Потнички онъ клалъ на потнички,
Онъ на потнички клалъ вѣдь войлочки,
А на войлочки черкаское сѣделышко.
Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатой-то клалъ для ради крѣпости:
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А шпеньки-ты были булатніи,
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,

Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ не старѣетъ.
Онъ прощался съ родной матушкой,
Пречестной вдовой да Мальфой Тимоѳеевной.
Она на прощаньице ему да плетку подала,
Сама говорила таково слово:
«Когда будешь далече во чистомъ поли
«На тыихъ горахъ да Сорочинскіихъ,
«А притопчешь-то всѣхъ младыихъ змѣенышевъ,
«Подточатъ у бурка они да щоточки,
«Такъ возьми ты плеточку шелковую,
«Бей бурушки промежду ушей.
«Бей бурушки промежду ноги,
«Промежду ноги да ноги заднія.
«Станетъ бурушка-кавурушка подскакивать,
«А змѣенышевъ отъ ногъ онъ да оттряхивать,
«Притопчетъ всѣхъ да до единаго».
Онъ пріѣхалъ-то во чисто поле
На тыи горы Сорочинскіи,
Притопталъ-то онъ младыихъ змѣенышевъ.
Подточили да змѣи коню подъ щоточки,
Не можетъ бурушка болѣй да подскакивать,
Змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь оттряхивать.
Добрынюшка Микиничь
Онъ взялъ плеточку шелковую,
Сталъ бить бурушка промежду ушей,
Промежду ушей и промежду ноги,
Промежду ноги да ноги заднія.
Сталъ бурушка-кавурушка поскакивать,
А змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ да до единаго.
Какъ изъ норы да изъ глубокія
Выходило змѣищо Горынчищо,
Выходила змѣя да та проклятая,

Сама говоритъ да таково слово:
— Какъ у насъ съ тобой была заповѣдь положена,
— Чтобъ не ѣздить тебѣ болѣ во чисто поле,
— Не топтать-то младыихъ змѣенышевъ,
— Моихъ-то рожоныхъ малыхъ дѣтушокъ. —
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничь:
«Ай же ты змѣя да ты проклятая!
«А черти-ль тебя несли да черезъ Кіевъ!
«Зачѣмъ ты взяла князеву племянницу
«Молоду Забаву дочь Путятичну?
«Ты отдай безъ брани безъ бою кровопролитія!»
Испроговоритъ змѣя та проклятая:
— Не отдамъ тебѣ безъ брани кровопролитія! —
Они тутъ дралпсь да цѣло по́ три дня.
А Добрыня сынъ Никитиничъ
Отшибъ у ей двѣнадцать хо́ботовъ,
Убилъ змѣю да ту проклятую.
Сошелъ во нору во глубокую,
Тамъ много князей боя́ровъ,
И много русскіихъ могучіихъ богатырей,
А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Теперь вамъ да воля вольная!»
Онъ взялъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Онъ отдалъ Алешенькѣ Поповичу
Свезти ее да во Кіевъ градъ,
Ко солнышку ко князю ко Владиміру,
А самъ увидѣлъ лошадиный бродъ:
По колѣнъ-то у бурки да ноги гря́знули.
Онъ паѣхалъ паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатнею
Да тую паляницу въ буйну голову, —
Паляница назадъ не оглянется,

Добрыня на конѣ да пріужахнется.
Воротился Добрыня да ко сыру дубу,
Толщину дубъ шести саженъ.
Онъ ударилъ своей палицей булатнею во сы́рой дубъ,
И расшибъ-то дубъ да весь по ла́стиньямъ,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
«Какъ сила у богатыря по старому,
«А смѣлость у богатыря не по старому».
Онъ догналъ-то паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатною
Тую паляницу въ буйну голову.
Паляница-то назадъ да не оглянется,
Добрыня на конѣ да пріужахнется.
Воротился Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ саженъ двѣнадцати.
Онъ ударилъ своей палицей булатною во сырой дубъ,
Онъ расшибъ-то дубъ весь да по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
«Какъ сила у богатыря по старому,
«А смѣлость у богатыря не по старому».
Онъ догналъ-то паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатною
Тую паляницу въ буйну голову.
Паляница та назадъ да пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала комарики покусываютъ;
— Ажно русскіи могучіи богатыри пощалкиваютъ! —
Ухватила Добрыню за желты кудри,
Посадила Добрыню во глубокъ карманъ,
А везла Добрыню цѣло по три дня.
Испроговоритъ паляницынъ конь человѣческимъ голосомъ:
«Ай же ты хозяюшка любимая!
«Не могу я васъ везти со бога́тыремъ.
«Конь у богатыря супротивъ меня,

«А сила у богатыря супротивъ тебя!»
Испроговоритъ паляница женщина великая:
— Если старъ богатырь, я голову срублю,
— Если младъ богатырь, я въ полонъ возьму;
— Если ровня богатырь, я замужъ пойду! —
Повыкинетъ Добрыню изъ карманчика,
Тутъ ей Добрыня вѣдь понравился.
Поѣхали ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру
Принимать съ Добрыней по злату вѣнцу,
Побыло три дня у нихъ да пированьице.
Говорилъ Добрыня своей родной матушкѣ
Пречестной вдовѣ да Мальфѣ Тимоѳеевнѣ:
«Ты почто меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
«Ты бы лучше меня матушка спородила
«Бѣлымъ горючимъ камешкомъ,
«Завернула бы во тонкій бѣлой рукавчичекъ,
«А спустила бы меня во сине море.
«Я бы вѣкъ тамъ Добрыня во морѣ лежалъ,
«Я не ѣздилъ бы далече во чисто поле,
«Не проливалъ бы я напрасно крови человѣчія,
«Не слезилъ бы я Добрыня отцовъ матерей,
«Не вдовилъ бы я Добрыня молодыихъ женъ,
«Не сиротались бы да малы дѣтушки!»
Испроговоритъ да пречестна вдова Мальфа Тимоѳеевна:
— Ай же ты Добрыня свѣтъ Никитиничъ!
— Я бы рада тебя дитятко спородити
— Я талономъ-участью въ Илью Муромца,
— Я бы силой въ Святогора богатыря,
— Я бы смѣлостью въ Олеша да Поповича,
— Красотою во Осифа прекраснаго,
— А походкою щепетливою во того-ли Чурилушку Пленковича,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича,

— Только тыи статьи есть, другихъ Богъ не далъ,
— Богъ не далъ, не пожаловалъ. —
Провожала Добрыню родна матушка.
Какъ простилася — воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Стала по покоямъ похаживать,
Стала голосомъ она да поваживать,
Жалобнёшенько она да вѣдь съ причетью:
— Какъ у тыя было стремени у правыя,
— Провожали-то Добрыню любима́ семья,
— Молода дочь Настасья Никулична.
— Провожаючи она да стала спрашивать,
— Стала спрашивать, да выговаривать:
— «Ты когда Добрынюшко домой будешь,
— «Когда Добрыню ждать да изъ чиста поля?»
— Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Когда ты меня стала спрашивать,
— Я тебѣ буду наказывать:
— Ты прожди Добрыню цѣло три́ году,
— Черезъ три́ года не буду, жди и дру́го три.
— Когда исполнится времечки шесть годовъ,
— Я не буду домой да изъ чиста поля,
— Помнинай меня Добрынюшку убитаго,
— А тебѣ-ка-ва Настасья воля вольная:
— Хоть вдовой живи да хоть замужъ поди,
— Хоть за князя поди, хоть за боя́рина,
— Хоть за русскаго могучаго бога́тыря,
— Только не́ ходи́ за моего братца названаго,
— За смѣлаго Алешу за Поповича,
— А Алеша-то Поповичъ мой крестовый братъ! —
Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки цѣло три́ года,

Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
И день-то за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки друго три́ года.
Когда исполнилось времечки шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Какъ во ту пору во то время
Пріѣхалъ Олешенька Левонтьевичь изъ чиста поля,
Привезъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ поли,
Буйна го́лова его да испроломана,
Мугучи́ плечи его да испрострѣлены,
Головой лежитъ да чрезъ ракитовъ кустъ.
Пречестна вдова Мальфа Тимоѳеевна
Жалобнешенько она по немъ поплакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое
По своемъ по рожоноёмъ по дитятки,
По мо́лодомъ Добрынюшкѣ Микитичѣ.
Какъ во ту пору во то время
Сталъ солнышко Владиміръ князь похаживать,
Сталъ похаживать да выговаривать:
«Ай же ты Настасья дочь Никулична!
«Да какъ тебѣ жить да молодой вдовой,
«Молодой свой вѣкъ да коро́тати?
«Ты поди замужъ хоть за князя поди хоть за боярина,
«Хоть за русскаго могучаго богатыря,
«Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!»
Испроговоритъ Настасья дочь Никулична:
— Я исполнила-то заповѣдь мужнюю:
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
— Я исполню свою заповѣдь женскую;

— Я прожду Добрыню дру́го шесть годовъ.
— Когда исполнится времечки двѣнадцать лѣтъ,
— А не будетъ Добрыни изъ чиста́ поля,
— Я поспѣю и тогда за му́жъ пойти. —
Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времечки друго шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
А тутъ солнышко Владиміръ князь
Сталъ похаживать да выговаривать:
«Ай же ты Настасья дочь Никулична!
«Какъ же тебѣ жить да молодой вдовой.
«Молодой свой вѣкъ да коро́тати?
«Ты поди замужъ хоть за князя поди хоть за боярина,
«Хоть за русскаго могучаго богатыря,
«Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!»
Не пошла замужъ ни за князя ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
А сегодня имъ итти да ко Божьёй церкви,
Принимать съ Олешей по злату вѣнцу,
А Добрыня случился во Царѣградѣ.
Добрынинъ конь да спотыкается,
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Ты зачѣмъ сегодня потыкаешься? —
Какъ проговоритъ Добрынѣ конь человѣческимъ голосомъ:
«Ай же ты хозяинъ мой любимый,
«Добрыня сынъ Микитиничъ!
«Какъ ты ѣздишь да забавляешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь;
«Какъ твоя да любима семья

«Молода Настасья дочь Никулична
«Замужъ пошла за смѣлаго Олешу за Поповича
«Вотъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
«Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
«Принимать съ Олешей по злату вѣнцу».
Богатырское его сердце разгорѣлося,
Взялъ онъ плеточку шелковую,
Сталъ онъ бурушка бить да промежду ушей,
Сталъ онъ бурушка бить да промежду ноги,
Промежду ноги да ноги заднія.
Сталъ онъ бурушко-ковурушка поскакивать,
Съ горы на гору да съ холмы на холму,
Рѣки озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Что не ясенъ соколъ перелетъ летитъ,
Добрый молодецъ да перегонъ гонитъ.
Онъ пріѣхалъ ко граду Кіеву.
Не воротами ѣхалъ, чрезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому-ли ко подворью ко вдовиному.
Онъ поставилъ своего добра коня,
Добра коня среди бѣла двора,
Непривязана да не приказана.
Какъ пошелъ во полаты бѣлокаменны,
Онъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Онъ всѣхъ въ зашей прочь отталкивалъ.
Онъ зашелъ въ полаты бѣлокаменны,
Онъ крестъ кладетъ по писапому,
Поклоны ведетъ по ученому,
Онъ на всѣ на четыре на стороны
Пречестной вдовѣ да Мальѳы Тимоѳеевны въ особину.
А вслѣдъ идутъ придвернички, да приворотнички,
Сами всѣ идутъ да жалобу творятъ:

— Ай же ты пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна!
— Какъ сей удалый добрый молодецъ
— Онъ наѣхалъ и́зъ поля скорымъ гонцомъ,
— Онъ не воротами ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,
— Мимо тую башню наугольную.
— Онъ не спрашивалъ насъ приворотниковъ,
— Онъ не спрашивалъ насъ придверниковъ,
— Онъ всѣхъ въ зашей насъ да прочь отталкивалъ. —
Какъ проговоритъ честна вдова да Мальфа Тимоѳеевна:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
«Да въ полаты идешь бездокладочно.
«Въ покои идешь да безобсылочно,
«А не спрашиваешь у воротъ да приворотниковъ,
«У дверей не спрашивашь да придверниковъ,
«Въ зашей прочь да всѣхъ отталкиваешь?
«Какъ бы было рожоно мое дитятко,
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
«За твои поступки не умильныи
«Отрубилъ бы тебѣ буйну голову».
Какъ проговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не напрасно-ли вы да согрѣшаете?
— Я вчера съ Добрыней поразъѣхался,
— Добрыня-то поѣхалъ ко Царюграду,
— Я поѣхалъ ко Кіеву.
— Велѣлъ спросить про его любиму семью,
— Про молоду Настасью да Никуличну! —
Испроговоритъ да Мальфа Тимоѳеевна:
«Какъ его Добрынина да любима семья,
«Настасья дочь Никулична замужъ пошла
«За смѣлаго Олешу за Поповича,
«Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
«Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
«Принимать съ Олешей по злату вѣнцу.

«Какъ исполнилось времечки шесть годовъ,
«Пріѣхалъ Олеша изъ чиста поля,
«И привезъ онъ вѣсточку нерадостну:
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
«Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ полѣ,
«Буйна голова его да испроломана,
«Могучи плечи его да испострѣлены,
«Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ.
«Жалобнешенько о немъ я да поплакала,
«Слезила я свои очи ясныя,
«Скорбила я свое лицо бѣлое
«По своемъ рожоноёмъ по дитяткѣ,
«По молодомъ Добрынюшкѣ Никитичѣ,
«Стала я по покоямъ похаживать,
«Стала голосомъ я вѣдь поважпвать,
«Жалобнешенько я да и съ причетью».
Какъ проговорилъ удалый добрый молодецъ:
— Мнѣ наказывалъ Добрыня сынъ Никитинпчъ:
— Какъ есть въ горенки, да во спаленки,
— А во спаленки есть на столикѣ,
— Гуслицы его есть да яровчаты,
— Платьицо его да скоморошское. —
Одѣвался молодецъ да скоморошиной,
Пошелъ онъ на тотъ на почестный пиръ,
Онъ не спрашиваетъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
И всѣхъ въ зашей прочь да онъ отталкивалъ.
И заходитъ во палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину.
— Здравствуй князь Владиміръ стольне-кіевскій
— Со своей княгиней со Опраксіей! —

Какъ вслѣдъ идутъ придвернички да приворотнички,
Сами идутъ жалобу́ творятъ:
«Какъ сей удалый добрый молодецъ,
«Онъ не спрашивалъ у воротъ насъ приворотниковъ.
«У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
«Онъ всѣхъ взашей прочь да насъ отталкивалъ».
Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,
Скоморошина къ рѣчи не вчуется,
Испроговоритъ удала скоморошина:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
— А гдѣ вѣдь наше мѣсто скоморошиноё? —
Испроговоритъ съ сердцемъ князь Владиміръ стольне-кіевскій:
«Ваше мѣсто скоморошеное
«На той-то печкѣ на запечки,
«На за́печки печки муравленой!»
Онъ скоро скочилъ на мѣсто показаноё,
Онъ натягивалъ тетивочки шелковыи,
На тын-ли на струночки да золоченыи,
Сталъ онъ по струночкамъ похаживать,
Сталъ онъ голосомъ-то вѣдь поваживать.
А какъ въ карты играетъ во Царѣградѣ,
Онъ выигрышъ беретъ да все во Кіеви,
Онъ отъ стараго всѣхъ да до малаго.
Только вси на пиру да призамолкнули,
Сами говорятъ да таково слово:
— Это не быть удалой скоморошинѣ,
— А какому либо русскому могучему бога́тырю! —
Испроговоритъ Владиміръ стольне-кіевскій:
«Ай же ты удала скоморошина!
«За твою игру да за веселую
«Опущайся-ко съ печки съ за́печки,
«Выбирай-ко себѣ три мѣста любимыихъ:
«Перво мѣсто подли меня,

«А другóе мѣсто супротивъ меня,
«Третье мѣсто кýда самъ захошь,
«Куда самъ захошь, еще пожалуешь!»
Не садилась скоморошина подлп князя,
Не садилась скоморошина супротивъ князя,
А садилась скоморошина супротивъ княжны да поручéныя,
Противъ молодой Настасьи Никуличной.
И прогóворитъ удала скоморошина:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
— Ты позволь мнѣ нáлить чару зелена вина,
— А поднесть-то чару кому я́ знаю,
— Кому я́ знаю, еще пожалую! —
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Опустилъ онъ въ чару свой злаченъ перстень,
Подносилъ онъ чару молодóй княжнѣ,
Молодой княжнѣ Настасьѣ Никуличнѣ,
А самъ онъ говорилъ да таково слово:
— Ай же ты Настасья Никулична!
— Ты прими-тко чару единой рукой,
— Выпей чару единымъ духомъ.
— А какъ выпьешь до дна, увидишь добра,
— А не выпьешь до дна, не увидишь добра. —
Молода Настасья Никулична
Принимала-то чару единой рукой,
Выпивала чару единымъ духомъ,
Увидала въ чарѣ свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалися.
Испроговоритъ Настасья Никулична:
«А не тотъ мой мужъ который подли меня сидитъ,
«А тотъ мой мужъ который супротивъ меня сидитъ!»
Она скóчила черезъ дубовый столъ
И упала къ Добрынѣ ко рѣзвымъ ногамъ.
«Ты прости, прости, Добрынюшка Никитиничъ,
«А во той меня вины прости во глупости,

«Что не по твоему наказу вѣдь я сдѣлала:
«Я за смѣлаго Олешенку замужъ пошла!»
И проговорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не дивую я разуму женскому:
— У нихъ волосъ дологъ, умъ коротокъ,
— Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,
— Ихъ куда везутъ, они туда ѣдутъ.
— А дивую я князю Владиміру,
— Что князь-то Владиміръ ходилъ свататься,
— А княгиня-то Опраксія да свахою,
— У живаго мужа жену просватали! —
Тутъ князю Владиміру ко стыду пришло.
Испроговоритъ Алешенка Леонтьевичъ:
«Ты прости, прости, крестовый братъ,
«Добрынюшка сынъ вѣдь Никитиничъ!
«Что я подли твоей посидѣлъ да любимой семьи,
«Подлѣ молодой Настасьи Никуличной!»
Испроговоритъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Какъ во этой винѣ братецъ тебя Богъ проститъ,
— А въ этой винѣ братецъ тебя нѐ прощу!
— Вы пріѣхали изъ чиста поля черезъ шесть годовъ,
— Привезли вы моей матушкѣ вѣсточку нерадостну,
— Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитинича,
— Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ полѣ,
— Буйна голова его да испроломана,
— Могучи плечи его да испрострѣлены,
— Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ.
— Тутъ родитель моя матушка,
— Пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна,
— Жалобнешенько она по мнѣ поплакала,
— Слезила свои очи ясныя,
— Скорбила свое лицо бѣлое
— По своемъ по рожономъ по дитяткѣ,
— По молодомъ Добрынюшкѣ Никитиничѣ! —

Тутъ схватилъ Олешу за желты кудри,
Да выдернулъ Олешу чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Олешу о кирпиченъ полъ.
Выхватилъ шалыгу подорожную,
Онъ сталъ шалыжищемъ охаживать,
А что хлопанья, что оханья не слышно вѣдь.
Что не два-ли ясныхъ сокола слеталися,
Два сильныихъ могучіихъ богатыря
Съѣзжалися на смертный бой.
А всякъ-то́ братцы женится,
А не всякому женитьба удавалася.
А не дай Богъ женитьбы Олеши Поповича,
Только Олеша и женатъ бывалъ,
И женатъ бывалъ и съ женой сыпалъ.
Вотъ тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ,
Синему морю на тишину
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

158.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Во стольноемъ было во городи во Кіеви,
У славнаго князя у Владиміра,
Былъ собранъ многопочетный пиръ
На всѣхъ-то князей, да вѣдь бояровъ,
На всѣхъ гостей званыихъ-избраныихъ.
А какъ всѣ на пиру наѣдалися,
А какъ всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру-то порасхвастались:
Иный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иный хвастаетъ золотой казной.

Говорилъ тутъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Еще нечѣмъ мнѣ Владиміру похвастаться:
«Нѣтъ у меня да золотой казны.
«Еще первой русскій сильныи могучіи богатырь
«Старый казакъ да Илья Муромецъ,
«Съѣзди-ты да въ золоту орду,
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.
«Еще другій русскій сильныи могучіи богатырь
«Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди ты во Турцію,
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.
«Еще третій русскіи сильныи могучіи богатырь
«Молодой Добрыня сынъ Никитинычь!
«Съѣзди ты во Швецію,
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною».
Собрались три сильныхъ русскихъ три могучіихъ богатыря
Ко кресту да ко Левинову.
Они тутъ крестами да побратались.
А кто изъ нихъ да будетъ большій братъ?
А кто изъ нихъ да будетъ средній братъ?
А кто изъ нихъ да будетъ меньшій братъ?
А старый казакъ да Илья Муромецъ былъ большій братъ,
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ,
А молодой Добрынюшка Никитиничъ былъ меньшій братъ.
А который изъ насъ раньше выѣдетъ,
А къ другому пріѣхати на выручку.
Воротился прежде всѣхъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ привезъ-то дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною.
Благодарилъ его Владиміръ стольне-кіевскій,
Говоритъ Михайлу Потыку сыну Ивановичу:

«Пишетъ мнѣ Бухарь да царь заморскіи:
«Проситъ съ меня дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною».
Тутъ говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ты пиши-тко къ Бухарю́ царю заморскому,
— Что посланы-де дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною,
— А со тѣмъ ли со Михайломъ Потыкомъ,
— А я поѣду самъ туда безъ выходовъ. —
— Здравствуйте Бухарь да царь заморскіи! —
Какъ проговоритъ Бухарь да царь заморскіи:
«Вы коей земли, да вы коей орды?»
— Я есть изъ города изъ Кіева.
— Я привезъ вамъ дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною
— Отъ того ли солнышка отъ князя отъ Владиміра. —
Испроговоритъ Бухарь да царь заморскіи:
«А гдѣ же у васъ-то дани выходы?»
— А отправлены монетою все мѣдною.
— У мужичковъ телѣжки подломалися,
— Мужички осталися починивать. —
Тутъ Бухарь-то царь заморскіи,
Онъ съ тоя великія со радости,
Самъ-то говоритъ да таково слово:
«У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются:
«А играютъ ли во карты біліартовы,
«А играютъ ли во шашечки кленовыи
«А на тыхъ дощечкахъ на дубовыихъ?»
Оны ставили да первую дощечку.
А Бухарь-то царь заморскіи
Онъ поставилъ на дощечку дани выходы,
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ поставилъ на дощечку своёго добра коня.

Сыграли тутъ дощечку они первую;
Проигралъ Михайло да добра коня.
А поставили дощечку-то вѣдь другую.
А Бухарь-то царь заморскій
А поставилъ на дощечку дани выходы,
Да поставилъ онъ Михайлина добра коня.
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ поставилъ на дощечку буйну голову,
Вотъ сыграли оны дощечку да вѣдь другую,
Тутъ повыигралъ Михайла дани выходы,
Да повыигралъ Михайла своего добра коня.
А поставили дощечку они третьюю.
А Бухарь-то царь заморскій
Онъ поставилъ на дощечку полцарства полѣмѣнства,
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ поставилъ на дощечку дани выходы,
И сыграли оны дощечку-то и третьюю,
Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
А полцарства и полѣмѣнства.
Какъ въ ту пору, да въ то время
Дубовая дверь да растворилася,
Мóлодой Добрыня сынъ Никитинничъ является,
И самъ онъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты крестовый братъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты сидишь-играешь-забавляешься,
— Надъ собой-то вѣдь незгодушки не вѣдаешь.
— Какъ твоя ли Марья лебедь бѣлая,
— А подоленка да королевична,
— А уѣхала-то въ землю Политовскую,
— Какъ со тѣмъ королемъ да Политовскіимъ!—
У Михайлы сердце разгорѣлося,
Онъ и тяпнетъ-то дощечку-ту дубовую,
Да ударитъ въ дверь да во кленовую,

Да и вышибъ дверь онъ и съ одверьицемъ,
А самъ онъ говоритъ да таково слово:
«Ай же ты крестовый братъ
«Молодой Добрынюшка Никитичъ!
«Ты получай-ко дани выходы
«Съ Бухаря царя заморскаго,
«Отвези ко солнышку Владиміру,
«Я поѣду къ королю да Политовскому».
Какъ пріѣхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Закричалъ онъ богатырскіимъ да голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична.
Наливала питья забудущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико,
А сама да говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
— Насъ куда ведутъ, мы туда́ идемъ.
— Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.
— Ты прими-ко чару единой рукой,
— Выпей чару единымъ духомъ. —
А Михайло до вина да былъ упальчивый.
Онъ и принялъ чару единой рукой,
Онъ и выпилъ чару единымъ духомъ.
А какъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
А вѣдь Марья лебедь бѣлая,
Ухватила Михайлу за желты кудри,
Потащила Михайлу во чисто поле.
Бросила Михайлу да черезъ плечо,
А сама она да приговóрила:
«А ты стань-ко бѣленькой горючій ка́мешокъ!»
Какъ спомнили его братцы крестовыи,
Сожалѣли Михайлу Потыка Ивановича.
А старыи казакъ да Илья Муромецъ,

А молодой Добрынюшка Никитиничъ
Накрутилися въ калики перехожія,
А пошли они да въ землю Политовскую.
Идучись до земли Политовскія,
А сустигли старичища пилигримища.
А клюка у него да сорока пудовъ!
Пригласили старичища и въ компанію.
Приходили къ королю да Политовскому,
Подъ тоё косявчато окошечко,
Сопросили они тутъ да милóстины.
А'ще Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична.
Услыхала голосъ да каличьи,
А сама-то говоритъ да таково слово:
«Ай же ты король да Политовскій!
«Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,
«Ты корми каликъ да дóсыта,
«Ты напой каликъ да дóпьяна,
«Ты дари каликъ да дóлюба!»
И'ще тотъ король да Политовскій,
Онъ и взялъ каликъ въ полаты бѣлокаменны,
Онъ кормилъ каликъ да дóсыта,
Онъ поилъ каликъ да дóпьяна,
Онъ дарилъ каликъ да дóлюба:
Далъ и злата имъ онъ много множество.
Ты пошли калики изъ земли Политовскія,
Приходили ко бѣлому ко камешку.
Говоритъ старичищо пилигримищо:
— Теперь время намъ братцы животовъ дѣлить. —
Испроговорятъ калики перехожія:
«Ты дѣли, старичище пилигримищо».
И тутъ сталъ старичище животовъ дѣлить,
А дѣлить-то на четыре четверти.
И проговорятъ калики перехожія:

«А кому эта вѣдь четверта часть?»
Говоритъ старичище пилигримище:
— А тому изъ насъ вѣдь четверта часть,
— А кто́ броситъ этотъ камешокъ чере́зъ плечо? —
Прискочилъ Добрынюшка Никитинычъ,
По колѣнъ-то каменя поднять онъ могъ,
По колѣна Добрыня онъ въ землю́ увязъ.
Прискочилъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ,
По грудямъ-то каменя поднять онъ могъ,
По грудя́мъ Илья въ землю увязъ.
Испроговоритъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
«Поднимай-ко старичище пилигримище
«А ты этотъ-то да бѣлый камешекъ!»
Прискочилъ пилигримище ко камешку,
Онъ привзялъ-то камешокъ-конецъ-кувши [1]),
Онъ и бросилъ камешокъ черезъ плечо,
Самъ ко камешку да приговоривалъ:
— Ты повыскочь-ко тутъ Михайла Потыкъ сынъ Иванович!—

«Фу-фу я какъ долго спалъ!»
Говоритъ старичище пилигримище:
— Еслибъ не я, тутъ ты и вѣкъ бы спалъ! —
Говоритъ старичище таково слово:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты когда будешь во градѣ во Кіевѣ,
— Ты поставь свѣчу Николы угоднику. —
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Распрощался онъ со братцима крестовыма,
Самъ пошелъ онъ въ землю Политовскую.
Онъ приходитъ вѣдь на королевскій дворъ,
Закричалъ онъ богатырскімъ да голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,

1) Такъ поетъ, но не знаетъ, что̀ значитъ.

Та подоленка да королевична,
Налпвала питья забудущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико.
А сама да говоритъ-то таково слово!
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты прими-тко чару единой рукой,
«А вѣдь выпей чару единымъ духомъ.
«Мы поѣдемъ съ тобой ко́ граду ко Кіеву,
«А ко ласковому князю ко Владиміру».
А Михайла до вина упальчивъ былъ.
Онъ принялъ-то чару единой рукой,
А вѣдь выпилъ чару единымъ духомъ,
А гдѣ выпилъ, онъ тутъ въ сонъ заснулъ.
Тутъ схватила Марья лебедь бѣлая,
А подоленка да королевична,
А того Михайлу за желты кудри,
Потащила его да во глубокъ погребъ,
Прибивала его да вѣдь на стѣну.
Сама побѣжала вѣдь на торжищо
Покупать-то гвоздёвъ да сердечныихъ.
У того короля да Политовскаго
Была дочь Настасія красивая,
Пришла по́смотрѣти русскаго богатыря.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ взмолился ей:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Ты повытащи гвоздья хоть бы нёгтями,
— Я теперя Марьѣ голову срублю,
— А тебя Настасья я замужъ возьму. —
Вотъ повытащила гвоздья она нёгтями,
Прибивала мертваго татарина,
А хоть мертваго да и мерзлаго.
Повела Михайлу во покои во особые,
Увидалъ-то король Политовскій,
И самъ говоритъ да таково слово:

«Ай же ты Настасья королевична!
«Ты кого ведешь да черна съ собой?»
Испроговоритъ Настасья королевична:
— У м'не была младая служаночка,
— Захотѣла посмотрѣти русскаго богатыря:
— Какъ увидѣла и испугалася,
— А теперь идетъ во покои во особые. —
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ заростилъ тутъ кровавыи раночки,
А Настасья-то королевична
Стала просить коня-то богатырскаго
У того короля Политовскаго,
А что съѣздить ей да во чисто поле.
Посадила на коня Михайлу Потыка сына Ивановича.
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Закричалъ онъ богатырскіимъ голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
А подоленка да королевична.
Наливала питья забыдущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико,
Сама говоритъ да таково слово:
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты прими-тко чару единой рукой,
«А да выпей чару единымъ духомъ.
«Мы поѣдемъ къ городу ко Кіеву
«А ко ласковому князю ко Владиміру».
А Михайла до вина упальчивъ былъ.
Онъ и принялъ чару единой рукой,
Хотѣлъ выпить онъ да единымъ духомъ.
Услыхала Настасья королевична,
Растворила косивчато окошечко,
Закричала она жалкимъ голосомъ:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Знать забылъ ты свою заповѣдь? —

Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ взмахнулъ да свóей саблей востроёй,
Онъ срубилъ-то Марьѣ буйну голову.
А онъ тутъ Настасью да замужъ-то взялъ,
Да поѣхали да ко граду ко Кіеву,
А ко солнышку ко князю ко Владиміру.
Было по три дня у ихъ пированьицо.
А вѣдь тутъ про Михайлу старину поютъ,
Синему морю да на тишину
Намъ всѣмъ добрыимъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

159.

ДЮКЪ.

Во той было Индѣи во богатыя,
А былъ молодóй бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ ходилъ по тихіимъ по зáводямъ,
Стрѣлялъ сѣрыхъ гусей и лебедей.
Онъ всѣхъ выстрѣлялъ ровно триста стрѣлъ,
Ровно триста стрѣлъ да еще три стрѣлы.
Онъ тремъ-то стамъ цѣну вѣдаетъ,
Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
Какъ изъ-подъ камешка изъ-подъ яхонта,
Изъ-подъ яхонта да самоцвѣтнаго,
Убилъ онъ три орла онъ три орловища.
А не тѣхъ убилъ, которы летаютъ по святой Руси,
Онъ тѣхъ убилъ, которые летаютъ по синíмъ морямъ.
Какъ ѣдутъ гости корабельщики,
Поднимаютъ это перушко орлиноё.
Продавали это перушко
Подороже-то атласу, рыта бархату.

Покупали мужички-то да индѣйскіе,
Приносили это перышко въ подарочекъ
Ко его-ли ко Дюкову батюшко.
А онъ самъ стрѣля́лъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ съ такихъ-ли великіихъ со радостей,
Пошелъ онъ къ государынѣ родной матушкѣ,
Просить прощеньица съ благословеньицемъ
Ѣхать ко граду ко Кіеву,
Ко ласковому ко князю ко Владиміру,
Онъ прямой дорожкой не окольною.
Какъ проговорила его государыня родна матушка,
Родна матушка Мальфа Тимоѳеевна:
«Я не дамъ тебѣ прощеньица съ благословеньицемъ,
«Ѣхать ко граду ко Кіеву,
«Ко ласковому ко князю ко Владиміру,
«Прямой дорожкой не окольною.
«А прямой дорожкой не окольною
«Есть три за́ставы тамъ да великія:
«А первая-то за́става есть горы тамъ толкучіи:
«Въ другой разъ столкнутся, а въ дру́горы истолкнутся;
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ моло́дому живу́ не быть.
«Есть тамъ другая застава — птицы клевучія,
«Онѣ тебя Дюка и съ конемъ склюютъ.
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ моло́дому живу́ не быть.
«Есть третья тамъ за́става — лежитъ змѣищо горынчищо,
«О двѣнадцати змѣя о хоботахъ,
«И тая тебя и съ конемъ сожретъ.
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ моло́дому живу́ не быть».
А онъ мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ не слушалъ своей да государыни родной матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимоѳеевны,

Онъ пошелъ во конюшенку стоялую,
Взялъ онъ уздицу да вѣдь тесмяную,
Онъ взялъ бурушко да вѣдь ковурушка.
Какъ у бурушка по колѣнъ ноги въ землю́ зарóщены.
Онъ кормилъ бурка́ пшеномъ да бѣлояровымъ,
Онъ поилъ бурка питьицемъ медвяныимъ,
Онъ сѣдлалъ бурка́ въ черкаское сѣделышко,
Онъ потнички-то клалъ на потнички,
На потнички онъ клалъ да вѣдь войлочки,
А на войлочки черкаское сѣделышко.
Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатый клалъ для ради крѣпости,
Чтобы конь съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-ты были шелковыя,
Шпеньки у подпруговъ булатнія,
Пряжки у него да красна золота.
А какъ шелкъ не рвется, булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на кони сидитъ не старѣетъ.
Онъ садился на добра коня,
Прощался съ государыней родной матушкой,
Какъ пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна
На прощеньице ему да наказывала:
«Ай ты мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Если Богъ тебѣ судитъ быть во Кіевѣ,
«У ласкова князя у Владиміра,
«Ты не хвастай животишками сиротскими,
«Сиротскими животишками вдовиными!»
Перво пóприще бурке скочилъ цѣлу́ версту,
И припадывалъ къ земли сыро-ма́терой,
Испроговоритъ человѣческимъ голосомъ:
— Ай же ты хозяинъ мой любимыи!
— Опущайся-ко съ меня добра коня,

— Ты бери-тко земли да сыро-матерой,
— Ты подвязывай подъ плечико подъ право,
— Да подвязывай подъ плечико подъ лѣвое,
— Чтобъ не страшно было сидѣть на мнѣ да на добромъ конѣ. —

Какъ мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ опущался вѣдь да со добра коня,
А онъ бралъ земли да сыро-матерой,
Онъ подвязывалъ подъ плечико подъ правое,
Да подвязывалъ подъ плечико подъ лѣвое,
И садился онъ да на добра коня.
Тутъ сталъ бурушко-кавурушка поскакивать,
Съ горы на гору, да съ холмы на́ холму,
А рѣки озёра перескакивать,
Широки́ раздолья между ногъ пущать.
А пріѣхалъ онъ ко́ граду ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру.
Заѣхалъ онъ среди бѣла двора,
Поставилъ онъ своего добра коня
Не привязана, да не приказана.
А онъ самъ взошелъ въ столову во переднюю,
Онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по ученому
А на всѣ на четыре на стороны,
А княгинѣ Апраксіи въ особину.
А спроговоритъ мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Вы здравствуйте княгиня Апраксія!
«А гдѣ солнышко Владиміръ стольне-кіевской?»
— А солнышко Владиміръ стольне-кіевской
— Ушелъ онъ во Божью церковь,
— Къ обѣдни да ко раннія. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ вышелъ на улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,

Пошелъ онъ во Божью церковь.
Мостовыя были землею призасыпаны,
Ихъ подлило водою дождевою,
Замаралъ онъ сапожки зеленъ сафьянъ.
Пришелъ онъ во Божою церковь,
Онъ крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину.
Испроговоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты изъ какой земли, изъ какой орды,
«Да какъ тебя, молодецъ, именемъ зовутъ,
«Нарекаютъ по отечеству?»
— Я изъ той Индѣи изъ богатыя,
— Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
— Отстоялъ дома раннюю заутреню,
— А сюда пріѣхалъ вѣдь къ обѣдни-де. —
Какъ прогóворятъ князи бояра,
А также говорятъ и мелкá чета:
«А не быть это мóлоду Дюку Степановичу!
«А какой нибудь дѣтинушко залѣтаникъ.
«Онъ убилъ князя́, либó боярина,
«Онъ на платьице свое да вѣдь поглядыватъ».
Какъ и вышли изъ церкви изъ Божія
На тую улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,
Мостовыя были земелькой припасыпаны,
Ихъ подлило водою дождевою,
Замаралъ онъ сапожки зеленъ сафьянъ.
Какъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки:
— А что Кіевъ очень краси́въ-добристъ,
— Ажно въ Кіевѣ все не по нашему.

— Церквы у васъ деревяныя,
— А маковки на церквахъ да осиновыя.
— А у насъ-ли во Индѣи во богатыя
— Церкви у насъ да всѣ каменныя,
— А известочкой они да отбѣлены,
— На церквахъ-то маковки самоцвѣтныя,
— На домахъ-то крышечки золоченыя,
— Мостовыя рудожолтыма пріусыпаны,
— Сорочинскія суконца прирозастланы,
— Не замараешь тутъ сапожковъ зеленъ сафьянъ.—
Вотъ зашли они во полаты княженецкія,
Садились за дубовый столъ хлѣба кушати,
Стали крупивчатыхъ калачиковъ оны рушати.
Какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ мякúшь-то ѣстъ, а корочку подъ столъ мечетъ.
А проговоритъ Владиміръ стольне-кіевскій:
«Ай же ты молóдой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А ты почто мякúшь ѣшь, а корочку подъ столъ мечешь?»
Какъ проговоритъ молóдой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки:
— Что Кіевъ очень красúвъ-добристъ,
— Ажно въ Кіевѣ все не по нашему.
— У васъ печки-то каменныя,
— А помелечки у васъ да сосновыи.
— А какъ пахнутъ-то колачики крупивчиты
— На тую сѣру на сосновую,
— На сосновую сѣру на кипучую,
— На кипучую сѣру на горючую,
— Не могу я ѣсть колачиковъ крупивчатыхъ.
— Какъ у мóей государыни у родной матушки,
— Пречестной вдовы Мальфы Тимоѳеевны,
— У насъ печки всѣ-то мурáвленые,
— А помелечки у насъ да шелковыи,
— А пекетъ она колачики крупивчаты:

— Какъ колачикъ-то съѣшь, такъ дру́гой хочется,
— А другой-то съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
— А какъ третій съѣшь, четвертый съ ума нейдетъ. —
Тутъ прогово́рилъ Владиміръ стольній-кіевскій:
«Ай же ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А ты мо́лодой бояринъ самъ захвастливый.
«Ты ударь-ко съ нашимъ Чурилушкой Пленковичемъ о великъ закладъ:
«Чтобы ѣздить вамъ во чисто поле по три́ году,
«А по три́ году да еще по три дни,
«Чтобы на всякій день кони были смѣнные,
«Чтобы смѣнные да перемѣнные,
«А шерсти такой да бы не было,
«А платье на всякій день было смѣнное,
«Чтобы цвѣту такого да не было,
«А на третій день вамъ итти да ко Божьей церкви.
«А который изъ васъ добрѣе вы́ступитъ,
«А другому изъ васъ да голова рубить!»
И не спустили тутъ Дюка Степановича
Съѣздить за платьемъ за цвѣтнымъ,
Во тую Индѣю во богатую.
Онъ сѣлъ боярinъ закручинился,
Закручинился да запечалился,
Онъ повѣсилъ свою да буйну голову,
Утупилъ-то ясны очи во сыру землю.
Онъ садился вѣдь да на ременчатъ стулъ,
Писалъ скорописчатые е́рлычки
Ко своей-ли государыни родной матушкѣ,
Къ пречестной вдовѣ Мальфѣ Тимоѳеевнѣ,
Какъ по Чурилѣ-то Пленковичу
Держали порукушку двумя грады:
А первымъ градомъ Кіевомъ,
А другимъ градомъ Черниговомъ.
А молодому боярину Дюку Степановичу

Держалъ поруку крѣпкую
Тотъ-ли владыко Черниговскій,
Его-ли крестовый онъ батюшко.
Клалъ на бурушка сумки переметныя,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Ай ты бурушко-ковурушко!
— Когда прискачешь во Индѣю во богатую
— Къ моей-то государыни родной матушкѣ,
— Ты заржай-ко голосомъ лошадиныимъ! —
Услыхала голосъ лошадиныій
Его-ли государыня родна матушка,
Выбѣгала на крылечико переднее,
А сама говоритъ да таково слово:
«Видно нѣтъ жива моего дитятки,
«Молода боярина Дюка Степановича!»
Какъ увидала сумки переметныя,
И говоритъ да таково слово:
«Какъ мой-ли мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ захвастливый,
«Захвастливый, да знать захваченой!»
Вынимала скорописчатые ёрлычки,
Кладывала туды платьица на каждой день:
На каждой дѣнь по три платьица,
Смѣнныя и перемѣнныя по три годы,
По три годы, еще и по три дни.
Отпущала бурушка ковурушка,
Сама говоритъ да таково слово:
«Какъ прискачешь ты во Кіевъ градъ,
«Во Кіевъ градъ на княжепецкій дворъ,
«Ты заржай-ко лошадиныимъ голосомъ!»
А моло́дой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Услыхалъ онъ своего добра коня,
Онъ взялъ сумки да вѣдь переметныя.
Тутъ поѣхали во чисто поле поляковать,

А Чурилушка Пленковичъ по́гналъ ко́ней онъ цѣлы́имъ стадомъ,

А молодый бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пораньше-то онъ повыстанетъ,
Бурка въ росы онъ повы́катаетъ,
На буркѣ-то шерсть да перемѣнится.
И тутъ они проѣздили по три годы,
По три годы да еще по три дни.
А севодня итти имъ ко Божьей церкви.
А тому-ли Чурилушкѣ Пленковичу
Во своемъ-ли ему городѣ да дѣется,
Становился онъ на крылосо на правое,
А мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Становился онъ на крылосо на лѣвоё.
А Чурилушко Пленковичъ взялъ онъ плеточку шелковую,
Сталъ онъ плеточкой по пуговкамъ поваживать
Пуговкой о пуговку позванивать.
Какъ отъ пуговки было да до пуговки,
Плыветъ змѣищо горынчищо,
О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
Какъ испроговорятъ князи бояра,
И также говоритъ и вся мелка чета:
— Какъ у нашего Чурилушки Пленковича
— Есть отмѣточка противъ молода боярина Дюка Степановича! —

А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ повѣсилъ свою да буйну голову,
Утупилъ ясны очи во сыру землю.
Онъ взялъ-то плеточку шелковую,
Сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Пуговкой о пуговку позванивать.
Какъ отъ пуговки было да до пуговки
Налетѣли тутъ птицы клевучіи,
Наскакали тутъ звѣри рыкучіи.

А тутъ въ церкви всѣ да о́ зень пали,
О зень пали да и́ны о́бмерли.
Тутъ проговоритъ Владиміръ стольній-кіевскій:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Пріуми тко ты птицъ тыхъ клевучіихъ,
«Призакличь-ко тыхъ звѣрей рыкучіихъ,
«Да оставь-ко ты народу хоть на сѣмена!»
Тутъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я севодня не твое ѣмъ, да кушаю,
— Не хочу тебя и слушати! —
Какъ проговоритъ владыко-то Черниговски,
Его-ли крестовый батюшко:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Призакличь-ко ты птицъ клевучіихъ,
«Пріуйми-тко ты звѣрей рыкучіихъ,
«Ты оставь-ко народу намъ на сѣмена».
А тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Послушался крестоваго онъ батюшки,
Призакликалъ птицъ онъ клевучіихъ,
Пріунялъ звѣрей тыхъ рыкучіихъ.
Тутъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же солнышко Владиміръ стольній-кіевскій!
— Намъ которому съ Чурилой голова рубить? —
Какъ возговорилъ Чурилушка Пленковичъ:
«Ай же мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Ты ударь-ко со мною о вели́къ закладъ.
«А который изъ насъ перескочитъ черезъ Пучай-рѣку,
«А который изъ насъ да не пере́скочитъ, —
«Тому изъ насъ да голова рубить.
«А Пучай-рѣка да на два поприща!»
Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— А твоя ли похвальба напередъ зашла!
— Ты скачи-ко прежде чрезъ Пучай-рѣку. —
Онъ скакалъ Чурило чрезъ Пучай рѣку:

О полу рѣки Чурило въ воду вверзился.
А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скоро на скоро скакалъ да чрезъ Пучай рѣку,
Онъ скорѣе того поворотъ держалъ.
О полу рѣки онъ на воды припадывалъ,
И Чурилу за желты кудри захватывалъ,
Повытащилъ Чурилушку съ конемъ съ воды,
И самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольній-кіевскій!
— Намъ которому съ Чурилой голова рубить? —
Тутъ проговорилъ Владиміръ стольній-кіевскій:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
«Ты оставь-ко намъ Чурилу хоть для памяти!»
Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же ты Чурилушка Пленкóвичъ!
— А пусть ты княземъ Владиміромъ упрошеный,
— А кіевскими бабами уплаканный.
— Ты не ѣзди-то съ нами со бурлаками,
— Ты не ѣзди во чисто поле поляковать,
— А живи ты вó градѣ во Кіевѣ,
— Въ Кіевѣ во градѣ между бабамы! —
Тутъ Владиміръ стольній-кіевскій
Посылалъ онъ тутъ общѣнщичковъ
Во тую-ли Индѣю во богатую
Къ пречестнóй вдовѣ Мальфы Тимооеевной.
Во первыхъ стараго казака Илью Муромца,
А въ дрýгихъ молода Добрынюшку Никитича,
А опъ въ трéтьихъ Олешушку Поповича.
Тутъ прóговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольній-кіевскій:
— Не посылай-ко ты Олешушку Поповича:
— У него глазишечка-ты поповскія,
— А поповскія глазишечка завидливы,

— Не выѣхать ему изъ той Индѣи изъ богатыя.
— Не берите-ко бумаги на три мѣсяца,
— Вы берите-ко бумаги на три году,
— На три году, да еще на три дни. —
Тутъ солнышко Владиміръ стольній-кіевскій,
Отправлялъ-то стараго казака Илью Муромца,
Отправлялъ-то молода Добрынушку Никитича.
Какъ пріѣхали подъ Индѣю подъ богатую,
Они выстали на гору на высокую,
И увид'ли ту Индѣю да богатую,
Сами говорятъ да таково слово:
«Какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
«Знать послалъ онъ вѣсточку къ своей матушкѣ,
«Что зажгана Индѣя та богатая».
Какъ пріѣхали въ Индѣю ту богатую,
А тутъ церкви были всѣ каменныя,
Стѣны известочкой отбѣлены,
На церквахъ маковки самоцвѣтныя,
На домахъ крышечки да золоченыя,
Мостовыя рудожелтыми песочками пріусыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы.
Вотъ зашли они въ полаты бѣлокаменны,
Вотъ сидитъ жена да стара-матера,
Стара-ма́тера да и вся въ золотѣ.
Они бьютъ челомъ, да поклоняются:
«Вы здравствуйте да Дюковая матушка!»
Испроговоритъ жена да стара-матера:
— Я не есть-то Дюковая матушка! —
Тутъ прошли они въ полаты во переднія,
Тутъ сидитъ жена да стара-матера,
Она болѣ того да и вся въ золоти.
Они бьютъ челомъ, да поклоняются:
«Вы здравствуйте да Дюковая матушка!»
Испроговоритъ жена да стара-матера:

— Я не есть-то Дюковая матушка!
— Я есть-то Дюковой матушки колашница. —
«А гдѣ же есть-то Дюковая матушка?»
Испроговоритъ жена да стара-матера:
— А Дюковая матушка
— Ушла она во Божою церковь,
— Къ обѣднѣ-то ко позднеей. —
Какъ идетъ-то Дюковая матушка:
Двое-трое ведутъ ее подъ руки,
А и сама говоритъ де таково:
«Вы здра́вствуйте, му́жички да вы оцѣнщички!
«Вы зачѣмъ сюда да вѣдь пріѣхали?
«Знать животпшечковъ сиротскіихъ описывать?»
Тутъ прошли они въ полаты бѣлокаменны,
Садилися они за столы дубовыи,
И стали за столомъ они да кушати
И крупивчатыхъ колачиковъ рушати.
Какъ колачикъ-то съѣшь, дру́гой хочется,
Другой съѣшь, на третьемъ душа горитъ,
А третій-то съѣшь, четвертый съ ума нейдетъ.
Тутъ пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна
Привела ихъ въ погреба глубокіи,
Ко тѣмъ ли сбруямъ лошадиныимъ,
Да тутъ они писали по три́ годы,
По три годы да еще по три дни.
Еще привела: висятъ бочки красна золота,
А другія висятъ чиста серебра,
А третьи висятъ скатна жемчуга.
Потомъ вывела на улицу да на широкую:
Течетъ-то струйка золоченая,
И тутъ они не могли и смѣты дать.
Сама говоритъ таково слово:
«Ай же вы мужички да вы оцѣнщички!
«Поѣзжайте вы ко́ граду ко Кіеву,

«Ко тому ли ко князю ко Владиміру,
«Вы скажите-тко князю Владиміру:
«Онъ на бумагу продастъ пусть Кіевъ градъ,
«А на чернила продастъ весь Черниговъ градъ,
«А тогда пріѣдетъ животишечковъ сиротскіихъ описывать».

Какъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Они пріѣхали-то ко́ граду ко Кіеву,
Къ солнышку князю ко Владиміру,
И сами говорятъ да таково слово:
— Наказывала Дюковая матушка
— На бумагу продать весь Кіевъ градъ,
— На чернила продать Черниговъ градъ,
— Тогда пріѣхать животишечковъ сиротскіихъ описывать? —
Тутъ проговорилъ Владиміръ стольнiй кіевскій:
«Ай же мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«За твою ли за великую за похвальбу
«Ты торгуй-то въ нашемъ во́ градѣ во Кіевѣ,
«А во Кіевѣ во градѣ да безъ пошлины!»
А тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ садился на своего добра коня,
Онъ поѣхалъ-то въ Индѣю во богатую
Ко своей государыни родной матушкѣ,
Къ пречестной вдовѣ Мальфѣ Тимоѳеевнѣ.
А онъ сдѣлалъ съ нею доброе здоровьице,
А тутъ вѣкъ про Дюка старину скажутъ,
Синему морю на ти́шину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

160.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

Вы, моло́дые ребята, послушайте,
А мы, стары старики, да будемъ сказывати
Про грознаго царя Ивана Васильевича,
Какъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Казань горо́дъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ катилъ,
А онъ пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ:
А Татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякіе похабности оказываютъ,
О́ни грозному царю да надсмѣхаются:
«Не бывать нашей Казани да за бѣлымъ царемъ!»
Какъ тутъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Государь царь поразгнѣвался,
Что подрывъ-то такъ долго медлится,
Приказалъ тутъ онъ да пушкарей казнить,
Всѣхъ подкопщичковъ да й зажигальщичковъ.
Какъ тутъ всѣ пушкари призадумалися,
Призадумался да запечалился.
А одинъ пушкарь поотважился,
Говоритъ пушкарь да таково слово:
«Ты позволь, государь, слово выговорить!»
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Какъ тутъ догорѣли зажигальнія свѣчи,
Вдругъ ра́зорвало бочки съ порохомъ:
Стѣны крѣпости бросало за Сулай за рѣку.
Татаре тутъ всѣ устрашилися,
Они бѣлому чарю да покорилися.
Говорятъ тѣ Татаре таково слово:

—Вѣчно быть нашéй Казани подъ святóй Русью,
—Подъ святóй Русью непобѣдимою,
—Непобѣдимою Богóмъ любимою!—

Записано въ Петербургѣ, 24 ноября 1871.

161.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

Посредѣ-ль было Московскаго царства,
Середи было Россійска государства,
Какъ у свѣта у Архангелы Михайлы,
У Ивана у великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во колоколъ,
Всихъ князей бояръ къ обѣднѣ созывали.
Тамъ служили святыи молебенъ.
Выходилъ нашá надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской,
Становился государь на ровно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился,
Что ни злата труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорилъ нашá надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
«Ай же вы мои князья бояра!
«Пособите государю дума думать,
«Дума думать государю не продумать:
«А отдать ли мнѣ-то городъ Смоленецъ?»
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга,
Еще первыи бояринъ выступаетъ
Тимоѳей сударь Ивановичъ Казанской,
Поблизешеньку къ царю онъ становился,
Понизешеньку царю онъ поклонился.

— Ахъ ты, свѣтъ паша́ надежа государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
— Бласловп-тко, государь, мнѣ слово молвить,
— Не возьмп-тко мое слово во досаду,
— Не велп-тко скоро за́ слово казнитп.
— А отдай-ко ты городъ Смоленецъ,
— А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
— Не московскоё строеньицо, литовско. —
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не припялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій.
Изъ того ли пзъ боярскаго пзъ круга
Еще другіп бояринъ выступаетъ,
А Илья сударь Ивановичъ Хованской.
Поблизешенько къ царю онъ становился,
Попизешенько царю онъ поклонился.
«Ахъ ты, свѣтъ паша́ надежа государь царь
«Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій!
«Бласловп-тко государь мнѣ слово молвить,
«Не возьмп-тко мое слово во досаду,
«Не вели-тко скоро за́ слово казнитп.
«Ты отдай-ко вѣдь городъ Смоленецъ
«А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
«Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
«Не московскоё строеньицо, литовско».
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не припялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій.
Изъ того ли пзъ боярскаго пзъ круга
Еще третіп бояринъ выступаетъ
А Иванъ сударь Иванычъ Милославской.
Поблизешенько къ царю онъ становился,
Попизешенько царю онъ поклонился.
— Ахъ ты, свѣтъ паша́ надежа государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій!

— Не отдай-ко ты вѣдь города Смоленца,
— А Смоленецъ-то вѣдь городъ очень крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны безчётно,
— Не литовское строеньице, московско! —
Тутъ проговоритъ свѣтъ наша надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
«Ай же ты храбрыи воинъ
«Иванъ сударь Иванычъ Милославской!
«А ты знаешь вѣдь съ царемъ и говорити,
«Поѣзжай туда во полки воеводой!»
А какъ тѣхъ бояръ велѣлъ да царь казнити.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

162.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Какъ на со́ловья не зима бы да студеная,
Не морозы бы да вѣдь крещенскіе,
Не леталъ бы я со́ловей по мхамъ, по болотицамъ,
И по ча́стыимъ да наволочищамъ.
А какъ на мо́лодца да не служба бъ государева,
Не наборы вѣдь солдатскіе,
Не ходилъ бы молодецъ по чужей дальней по сторонушкѣ,
А по той по свирской по украинѣ.
Вотъ пошелъ молоде́цъ изъ земли въ землю,
А зашелъ молодецъ къ королю въ Литву.
«Ай ты батюшко да ко́роль По́льскіи!
«Ты прими молодца́ во слуги-рабы,
«Во слуги-рабы прими да хоть во конюхи».
Я во конюхахъ-то жилъ да цѣло три годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,

И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Меня Богъ добра мо́лодца миловалъ,
А король молодца да любилъ жаловалъ.
Тутъ пожаловалъ молодца во стольнички.
Я во стольникахъ-то жилъ да цѣло три́ годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Меня Богъ добра мо́лодца миловалъ,
А король молодца да любилъ жаловалъ.
А пожаловалъ-то молодца во ключники.
Я во ключникахъ-то жилъ да цѣло три годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Какъ у того короля Политовскаго,
Была дочь Настасья красивая.
— Государь-то мой да ко́роль батюшко!
— Ты дай-ко мнѣ къ кровати кроватничка. —
Испроговоритъ король Политовскій:
«Выбирай себѣ къ кровати кроватничка:
«Хоть изъ князей-то иль изъ бо́яровъ,
«Иль изъ сильныихъ могучіихъ богатырей,
«Или изъ тѣхъ ли поганыхъ Татариновъ!»
Испроговоритъ Настасья королевична:
— Мнѣ не надо къ кровати кроватничка
— Мнѣ не съ князей-то, не изъ бо́яровъ,
— Не изъ сильныихъ могучіихъ богатырей,
— А ты дай-ко мнѣ къ кровати кроватничка
— Своего ты любимаго ключничка! —
Я въ кроватничкахъ жилъ да цѣло три годы.

Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А напился молодецъ меду сладкаго,
А напился молодецъ пива пьянаго,
А онъ самъ говоритъ таково слово:
«Я служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
«Перво три годы служилъ я да во конюхахъ
«Друго три годы служилъ я да во стольникахъ
«Третье три годы служилъ я да во ключничкахъ,
«Четверто три годы служилъ да во постельничкахъ.
«Я тисовоей кроваточки не складывалъ,
«Я пуховоей перинки не растряхивалъ,
«Круто-складняго зголовьица не складывалъ,
«Соболина одѣяльца не натягивалъ,
«А я спалъ-то со Настасьей королевичной,
«А я спалъ у ей да на правой руки,
«Часто я бывалъ да на бѣлой груди!»
Тутъ схватили удалаго молодца,
Повели во тюрьму да богадѣльнюю.
Черезъ три дни молодцу рѣшеньицо
Отрубить-то ему буйна голова.
Испроговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Ай же вы палачи Политовскіе!
«Вы берите съ меня золотой казны,
«А вы только берите, сколько надобно,
«Вы ведите меня мимо окошечекъ королевичныхъ!»
Закричалъ удалый добрый молодецъ:
«Ты прости прости Настасья королевична!
«А ведутъ меня-то на дощечку да на липову
«Отрубить-то мнѣ да буйну голову!»
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ай же вы палачи Политовскіи!
— Вы спустите сего удалаго молодца.
— Вы берите съ меня золотой казны,
— А вы только берите, сколько надобно,

— Вы возьмите Татарина хоть мертваго,
— А хоть мертваго, да еще мерзлаго,
— Отрубите ему да буйну голову,
— Донесите королю Политовскому,
— Что за его поступки неумильныя
— А отрублена ему буйна го́лова!
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ай же ты удалый добрый молодецъ!
— А есть ли дома у тебя отецъ и мать,
— Есть ли у тебя да молода жена,
— А есть ли у тебя да малы дѣтушки? —
Тутъ проговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Есть у меня дома́ отецъ и мать,
«Есть у меня и молода жена,
«Есть у меня и малы дѣтушки!»
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ты возьми-ко мои золоты ключи,
— Отмыкай мои кованы ларцы,
— Ты бери себѣ да золотой казны.
— Ты только бери, сколько надобно,
— Чтобы было довольно твоимъ да малымъ дѣтушкамъ! —
А тутъ вѣкъ про Настасью старину скажутъ,
Синему морю на ти́шину
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушаніе.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

XXIX.

ІЕВЪ ЕРЕМѢЕВЪ.

Іевъ Еремѣевъ, слѣпой крестьянинъ дер. Кокориной въ Мелой Губѣ, старообрядецъ. Ему 56 лѣтъ отъ роду, но по глубокимъ морщинамъ его лица имѣетъ видъ древняго старика, хотя обла-

даетъ желѣзными мышцами и страшною силою. Трехъ лѣтъ отъ роду у него отъ оспы вытекли глаза; оставшись въ малолѣтствѣ сиротою, онъ былъ призрѣнъ добрыми людьми, но какъ скоро подросъ, началъ кормиться собственною работой. «Своими трудами праведными» Еремѣевъ устроилъ себѣ, съ теченіемъ времени, домъ и хозяйство; не смотря на слѣпоту, постоянно ѣздитъ на рыбную ловлю, правитъ лодкою и всѣмъ распоряжается самъ безъ чужой помощи и знаетъ такъ хорошо мѣста въ озерѣ, что къ нему обращаются за совѣтами, какъ къ опытному лоцману. Еремѣевъ слыхалъ былины отъ матери и отъ стариковъ и случайно удержалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ памяти, но ему недосугъ было заниматься этимъ дѣломъ.

163.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Какъ во стольномъ было городи во Кіевѣ
Былъ бы мóлодой Добрынюшка Микитинецъ.
Былъ охвоцъ Добрыня за охвотою гулять,
За своей охвотой молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
Встаетъ онъ по утрышку-ранехонько
Умывается онъ да бѣлехонько
Спаряжается онъ хорошонько,
Убиралъ онъ своего добрáго коня
Во свое сѣделышко черкаское,
Взялъ съ собой онъ тýгой лукъ розрывчатой
Да поѣхалъ добрый молодецъ во чистó поле гулять
За своей охвотой молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
И заѣхалъ онъ въ Маринкину во улицю.
Какъ у душки у Маринки дочь Игнатьевны

На ей на косящатомъ окошечкѣ
Сидѣло два сизыихъ два голуба.
А й душа Добрынюшка Микитинецъ
Онъ натягиваетъ ту́гой лукъ розрывчатой
И накладывалъ онъ стрѣлочку каленую,
Спущаетъ во сизыихъ во голубовъ.
Не летѣла стрѣлочка каленая,
Не летѣла во сизыихъ во голубовъ,
Пролетѣла стрѣлочка каленая
Къ душкѣ ко Маринкѣ во высо́къ теремъ.
А й душа Добрынюшка Микитинецъ
Скоро онъ скочилъ да со добра́ копя,
Скоро онъ пошолъ да по пере́ходамъ,
Поскорѣе того по новы́мъ синямъ,
Буде во палаты бѣлокаменной.
Не́ креститъ Добрыня лица бѣлаго,
И не молится Добрыня чудну образу,
Взялъ свою онъ стрѣлочку каленую.
Душка Маринка дочь Игнатьевна
Сама говорила таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Микитинецъ!
«Что жъ ты Богу да не молишься,
«Со́ мною Маринкою целомъ не бьешь?»
Говорилъ Добрыня сынъ Микитинецъ:
— Охъ ты сука блядь Маринка дочь Игнатьевна!
— Ты была во городѣ жалищица,
— Была въ городу́ ты кровопивчица
— Много извела ты безповинныихъ головъ,
— Мене хошь Добрынюшку ты и́звести! —
— Да не твой е кусъ, да не тебѣ е съисть,
— Хоте буде съѣшь, да ты подавишься,
— Хоте буде глонешь, заклекну́ться ти́ будёшъ! —
Взялъ онъ свою стрѣлочку каленую,
По́шолъ со палаты бѣлокаменной.

Душка Маринка дочь Игнатьевна
Бра́ла но́жище кинжаловое.
Подрѣзала слѣ́ды-то Добрынины.
А й душа Добрынюшка Микитинцъ
Ѣздилъ онъ по да́лечу чисту́ полю
И поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Стала тутъ Добрынюшку тоска́ ушибать,
Онъ заѣхалъ во Маринкину во улицю,
Скоро онъ скочилъ да со добра́ коня,
Поскорѣе того по пере́ходамъ,
Будетъ во полаты бѣлокаменной
Крестъ онъ кла́детъ по ученому,
Онъ поклоны ведетъ по писаному
Молится Добрыня, поклоняется
На всѣ на четыре онъ на стороны
А души Маринки онъ въ особину.
Душка Маринка дочь Игнатьевна
А груба́ сидитъ да съ мѣста не́ стаетъ,
Съ мѣста не́ стаетъ, сама целомъ не бьетъ,
Сама говорила таково слово:
«Ну когды Добрыня-то на своей во́ли гуллялъ,
«Нынече Добрыня на моихъ рукахъ!
«За́хочу, Добрынюшку я о́бверну.
«О́бверну Добрыню я сорокою,
«О́бверну Добрыню я вороною,
«О́бверну Добрынюшку я сви́ньею,
«О́бверну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ!»
Она стала-то Добрынюшку обвертывать,
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрынюшку да сви́ньею,
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ.
У ней было въ поли тридевя́ть туровъ,
Сбылся въ поли тридесятый туръ.

Рожки у́ тура да въ золоти,
Ножки у́ тура да въ се́ребри,
Шерсть на турў да рыта бархату.
Добрынина сестрица-та родимая
Ждётъ она братца да родимаго,
Сама говорила таково слово:
«Никакъ это дѣло есте не́ плохо!»
Обернулася сестрица-та сорокою
Полетѣла она во Маринкину во улицю,
Къ душкѣ ко Маринкѣ дочь Игнатьевной,
Сѣла на косивчато окошечко,
Са́ма говорила таково слово:
— Охъ ты сука блядь Маринка дочь Игнатьевна!
— Ты была во городѣ жалищица,
— Была въ городу ты кровопивчица,
— Много извела ты безповинныихъ головъ,
— Моего хошь братца нынче и́звести!
— Да не твой е кусъ, да не тебѣ е съисть,
— Хоте буде съѣшь, да ты подавишься,
— Хоте буде глопешь, заклекну́ться ти́ будётъ!
— За́хочу Маринку-ту я о́бверну,
— О́бверну Маринку я сорокою,
— О́бверну Маринку я вороною,
— О́бверну Маринку-ту я сви́ньею
— Да спущу Маринку-ту по Кіеву гулять! —
А й душа Маринка дочь Игнатьевна
Давала-то ей заповѣдь великую
О́тверпуть ей братца да по старому,
Да по старому братцà по прежному.
Обернулася Маринка-та сорокою,
Полетѣла въ да́лече чисто́ поле,
Будетъ-то да́лече дале́че во чисто́мъ поли
У тыхъ у турпыихъ у пастыревъ,
Сѣла ко Добрынюшкѣ Микитичу,

Сѣла на плечко на правое,
Говорила она таково слово:
«А й душа Добрынюшка Микитинычъ!
«А давай-ко ты мни заповидь великую,
«Вóзьми ты Маринку мене зá себе.
«Óтверну Добрыню я по старому,
«А по старому Добрынюшку по прежному».
А й душа Добрынюшка Микитинычъ
Онъ давалъ ей заповѣдь великую
Взять Маринку-ту онъ зá себе.
Она стала-то Добрынюшку отвёртывать,
Отвернýла-то Добрыню да сорокою,
Отвернула-то Добрыню да воропою,
Отвернула-то Добрынюшку да свúньею,
Отвернула-то Добрынюшку по старому
Да й по старому Добрынюшку по прежному,
Они пóшли къ городу ко Кіеву.
Они стóлы столовали да й пиры́ пировали.
А й душа Добрынюшка Микитинычъ
Взялъ Маринку онъ да зá себе.
Пошли въ теплую во ложню спать.
А й душа Добрынюшка Микитинычъ
Взялъ съ собой саблю-ту вострую
Отрубилъ Маринкину буйну́ю голову.
А й душа Добрынюшка Микитинычъ
Онъ стаётъ по утрышку ранёшенько,
Умывается онъ да бѣлёшенько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Онъ сбѣраетъ попóвъ протопóповъ всѣхъ,
Самъ говóрилъ да таково слово:
— Вечоръ былъ Добрынюшка женáтъ нё хóлóстъ,
— Нынече Добрынюшка холóстъ нё жёнáтъ,
— Óтрубилъ Маринкину буйну́ю голову! —
Собѣралися попы протопóпы всѣ,

Дѣлали о́гни палящіи,
Рыли Маринкино бѣ́ло тѣло̀
На эти на о́гни на палящіи.
Какъ у душки у Маринки дочь Игнатьевны
Во всякоемъ суставѣ по змѣ́енышу,
По змѣ́енышу да й по гаде́нышу.

Записано на Онегѣ, 30 іюня.

164.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
Заводилъ государь свой почéстный пиръ
На́ всѣ на князя, на бóяра,
На сильныи могучіи богатыри
И на́ всѣ поляницы на удалыи.
Красное солнышко на вечéри,
Почестный пиръ идетъ на вéселп.
Всѣ на пиру наѣдалися
И всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Сильный хвастатъ своей силою,
Богáтый хвастаетъ золотой казной,
Глупый хвастатъ молодой женой,
А разумный хвастатъ своей матушкой.
Ай же тутъ Чайна Чусовна
Да было Катерина Блудова́я жена.
Она говорила таково слово:
«Ай же ты Чайна Чусовна!
«У тебя есть дочка на выда́ванью,
«У меня есть сынъ холостъ, не женатъ,

«Сдѣламъ мы съ тобой сва́товство».
Говорила ей Чайна Чусовна:
— Ой ты Катерина Блудова́ жена!
— Мы есть роду княженецкаго,
— Княженецкаго роду вѣковѣчнаго,
— А вы есть роду калпчьяго,
— Да й калпчьяго роду вѣковичнаго.
— Но и мо́лодой Катёнко Блудовски́
— Ѣзди по да́лечу чисту́ полю,
— Ищетъ куса́ перехватнаго,
— Во́ что бы Катенку пода́впться было! —
Эта Катерина Блудова́ жена,
Сполъ-пиру она й во́нъ пошла.
Ѣздетъ во да́лече чисто́мъ полѣ,
Стрѣтаетъ ей Катёнке Блудовской.
«Что же, родитель моя матушка!
«Съ пиру идешь кручиновато.
«Але мѣсто въ пиру было тебѣ не по́ люби,
«Але ѣста тебѣ во пиру была́ не по́ мысли,
«Але пьяница тебя обезчестила,
«Але голь надъ тобою надсмѣяласп?»
Говорила Катерине Блудова́я жена:
— Мѣсто въ пиру было мнѣ по́ люби,
— И ѣста въ пиру мни была по́ мысли,
— Да п пьяница меня не обезчестила,
— Да й голь надо мной пе надсмѣяласп, —
— А надсмѣяласи Чайна Чусовна.
— Дѣлала я съ ней сватовство,
— Она говорила таково слово:
— «Мы есть роду княженецкаго,
— «Княженецкаго роду вѣковѣчнаго,
— «А вы есть роду калпчьяго,
— «Калпчьяго роду вѣковѣчнаго.
— «Мо́лодой Катёнке Блудовской,

— «Ѣзди по далечу чисту полю,
— «И ищетъ куса́ перехватнаго,
— «Во́ что бы Катепку задави́ться бы было́».—
Говорилъ Катёнко ей Блудовской:
«Ай же родитель моя матушка!
«Ѣшь и пей, Богу молись и поди спать ложись.
«Утро мудро, день прибыточепъ!»
Эта темпая почка на проходъ прошла.
Мо́лодой Катёнко Блу́довской
Встаетъ онъ по утру ранешенько,
Умывается онъ бѣлешенько,
Снаряжается онъ хорошехонько.
Убиралъ онъ своего добра коня
Во свое сѣделышко черкасское.
Поѣхалъ добрый молодецъ въ чисто́ поле гулять,
За своей охвотою молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
Взялъ онъ съ собой палицю булатную,
Да заѣхалъ онъ ко Чайнѣ ко Чусовнѣ.
Ударилъ палицой по терему,
Теремъ палъ и загородь поломалъ,
И вышибло ворота середи́ двора,
Середи двора княженецкаго,
Княженецкаго двора вѣковѣчнаго.
Ай же тутъ Чайна Чусовна
Са́ма говорила таково слово:
— Ужо Господи-свѣтъ милосердный́й Богъ!
— Не было ни вѣтра, ни ви́хоря,
— Теремъ палъ, загородь поломалъ
— И вышибло ворота середи́ двора,
— Середи двора княженецкаго,
— Княженецкаго двора вѣковѣчнаго. —
Ей была дочка любимая,
Она говорила таково слово:

«Ай же родитель моя матушка!
«Не было ни вѣтра, ни вихоря,
«Ѣхалъ Катёнке Блудовской
«И ударилъ палицей по терему.
«Теремъ палъ и загородь поломалъ,
«Вышибло ворота середи двора,
«Середи двора княженецкаго,
«Княженецкаго двора вѣковѣчнаго».
Она была жонка упрямая,
Упрямая жонка богатая.
Нанимала бурлакóвъ пятьсотъ человѣкъ,
И давала бурлáкамъ пятьсотъ рублей.
— Ай же бурлаки вы вольница!
— Сходите во дáлече чистó поле,
— Тамъ увидите Катёнка Блудовска.
— Приведите вы на мои бѣлы́ руки,
— Я-то ему жопу голикóмъ посѣку! —
Ай же бурлаки вольница,
Собирались они пятьсотъ человѣкъ,
И брали они пятьсотъ рублей.
Пошли во дáлече чистó поле,
Тамъ увидѣли Катёнка Блудовска
Говорилъ Катёнке имъ Блудовской:
«Ай же бурлаки вы вольница!
«Если смерти вы рады, такъ ступáйте сюда.
«Пожить вамъ охвота, такъ вы прóчь бѣги».
Они увидѣли бѣду всѣ немпу́чую,
Да затыкнули жопу всѣ опучами,
Побѣжали ко Чайнѣ ко Чусовнѣ.
Говорили онѣ Чайнѣ Чусовнѣ:
— Мы видѣли Катёнка Блудовска,
— Говорилъ Катёнке намъ Блудовской:
— «Ай же бурлаки вы вóльница!
— «Если смерти вы рады, такъ ступайте сюда,

— «Пожить вамъ охвота, такъ вы про́ць бѣги!»
— Мы увидѣли бѣду́ всю немипучую,
— Да затыкпули жопу всѣ онучами
— И побѣжали ко Чайпѣ ко Чусовпѣ. —
Говорила пмъ Чайна Чусовна:
«Ай же бурла́ки вы вольница!
«Подите во да́лече чисто́ поле.
«Вы увидите Катёнка Блудовска,
«Вы скажите Катёнку Блудовску:
«— Сдѣламъ мы съ нимъ сва́товство». —

Записано тамъ же, 30 іюня.

165.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Московско царство все смутилося,
Царско сердце разгорѣлося.
Грозный царь Иванъ Васпльевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я пзмѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,
«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Всѣ въ Москвѣ люди были ка́зненныи,
«А нее́днова людей въ Москвѣ не ка́знено».
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я измѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,

«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Кто измѣнулъ въ каменной Москвѣ,
«Дайте мнѣ на́ руки измѣнщика!»
И пронзитъ государь тако третій разъ.
Московско царьство все смутилося,
Царско сердце разгорѣлося,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я измѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,
«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Всѣ въ Москвѣ были люди ка́знены,
«И не е́днова людей въ Москвѣ не ка́знено.
«Дайте-ко мнѣ на руки измѣнщика,
«Кто измѣнулъ въ каменной Москвѣ!»
Всѣ палачи поразбѣгались,
Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Выскакивалъ въ полату бѣлока́менную.
— Я-то вѣдь вѣдаю измѣнщика!
— Измѣнулъ у насъ въ каменной Москвѣ
— Мла́дой царь Ѳеодоръ Ивановичъ! —
Тутъ злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Взялъ Ѳеодора за́ руки,
За тѣи за ручки за бѣлыя,
А'що за перстни́ за злаченыи,
Повелъ на боло́то на житницу
Къ этой ко казени ко смертноей.
Ево родитель матушка
Побѣжала къ Микитѣ Романовичу.
Не крести́тъ она лица бѣлаго́,
Не молится чудну образу,
Сама говорила таково́ слово:

«Ай же Микита Романовичъ,
«Братецъ ты мой родимыій!
«Ѣшь и пьешь и тѣшишься,
«Надъ собой незгоды не вѣдаешь.
«Твоего любезнаго племницка,
«Давно его и жива нѣтъ.
«Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
«Увелъ на болото на житницу
«Ко тоей ко казени ко смертноей,
«Къ этой ко кончинѣ ко послѣднеей».
Этотъ Микита Романовицъ
Скоро скочилъ изъ-за дубова́ стола,
Шубу надѣлъ рукавомъ па́ голову,
Скочилъ въ копюшню бѣлоду́бовую,
Тамъ взялъ жеребчика нѣзжанаго,
И не ѣзжана жеребчика и не сѣ́данаго.
Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Буде на болотѣ на житницѣ.
Держитъ онъ Ѳедора за руки,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ужъ ты мла́дой царевицъ Ѳедоръ Ивановицъ!
— Скажи-ко ты мнѣ, попровѣдай-ка:
— Нынече смерть тебѣ скорая,
— Теперь кончина тебѣ послѣдняя.
— Кому оставишь золоты́ ключи,
— Кому ты оставишь золоту́ казну,
— Кому оставишь платье цвѣтное,
— Кому оставишь всѣхъ добры́хъ коней? —
Говорилъ ему младой царевицъ Ѳедоръ Ивановичъ:
«Ужъ ты злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
«Да былъ бы я на тво́ей бѣло́й груди,
«Не спрашивалъ бы тво́ей золотой казны,
«И не спрашивалъ бы твоихъ золоты́хъ ключи,
«И не спрашивалъ бы твое платье цвѣтное,

«Отрубилъ бы тебѣ буйну го́лову!»
А й же Микита Романовичъ
Ѣхалъ по да́лечу чисту́ полю,
Рукой махалъ и голосомъ кричалъ:
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
— Не́ убей любезнаго племницка,
— Не твой е кусъ, да не тебѣ и съись.
— Хо́те буде и съѣшь, да подавишься,
— Да хоте буде и глонешь, да заклекну́ться будётъ. —
Будетъ онъ на болотѣ на житницѣ,
Взялъ онъ Ѳедора за руки,
За тѣ за ручки за бѣлыя,
А'що за перстни за злаченыя,
Цѣловалъ во уста во саха́рнїи,
И поѣхали они къ каменно́й Москвѣ.
Эта темная ночка она на прохо́дъ прошла.
Этотъ Микита Романовичъ
Встаетъ онъ по утру ранешенько,
Пошелъ къ грозному царю ко Ивану ко Васильевичу
Подъ его косивчато окошечко.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Тоже встаетъ по утру ранешенько,
Сѣлъ онъ подъ косивчато окошечко,
Жалешенько самъ порасплакался:
— Потухла заря свѣтло-вечорная,
— Не видать ни краснаго солнышка,
— Младого царевича Ѳедора Ивановича.
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
— Увелъ на болото на житницу,
— Ко тыей ко казени ко смертныя,
— Къ этой кончинѣ ко послѣднеей! —
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Надѣвалъ платьице опальное,
Сбѣралъ опъ поповъ и протопоповъ всѣхъ.

Пошли во церковь во Божію
Слу́жить молебены великіе.
Этотъ Микита Романовичъ
Надѣвалъ онъ платьице что лучшее,
И пошелъ во церковь во Божію.
Взялъ онъ любезнаго племпицка,
Оставилъ на крылечкѣ бѣлоду́бовыемъ,
При́шелъ во церковь во Божію.
Взглянулъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На этого на Микиту Романовича,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ужъ ты старый собака, сѣдатый пёсъ!
— Такиль ты надо мною надсмѣхаешься?
— Иль надъ собою незгоды не вѣдаешь?
— Твоего любезнаго племпичка
— Давно его и жива́ нѣту!
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
— Увелъ на болото на житницу,
— Ко тыей ко казни ко смертноей,
— Ко этой кончинѣ ко послѣдпеей: —
Говорилъ Микита Романовичъ:
«Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Не вели-ко ты́ сударь меня скоро́ казнить,
«Только вели мнѣ государь слово вымолвить!
«Что тому буде, кто жива пайдетъ?»
Говорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Я дамъ тому села со приселками,
— Да дамъ города съ пригородками,
— И дамъ золотой казны по на́добну.
— Перво мѣсто подли́ меня,
— И дру́гое мѣсто проти́въ меня,
— А третье гдѣ тому и на́добно. —
Этотъ Микита Романовичъ
Скочилъ на крылечко бѣлоду́бово,

Взялъ онъ Ѳедора за руки,
Своего любезнаго плéмянцка
Привелъ во церковь во Божію.
Взгляпулъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На своегó сына любезнаго,
Самъ онъ говорилъ таково слово:
— Ай же ты Микита Романовичъ!
— Братецъ ты мой богоданный!
— Я дамъ тебѣ села со приселками,
— И дамъ города съ пригородами,
— И дамъ золотой казны по нáдобью.
— Перво мѣсто подлѝ меня,
— Дрýгое мѣсто противъ меня,
— Трéтье гдѣ тебѣ и надобно! —
Говорилъ Микита Романовичъ:
«Не надобно мнѣ селъ съ присёлками,
«Не надобно городовъ съ пригородками
«Да не надо и золотой казны по надобью.
«Только дай-ко Микиты таковó слово:
«Кто голову убьетъ, или жону уведетъ,
«Того у Микиты и Богъ проститъ».

Записано въ Горскомъ, 1 іюля.

166.

КОСТРЮКЪ.

Задумалъ царь государь,
Задумалъ женитися,
Во земли во невѣрныя.
Бралъ шурина любезнаго,
Такó бралъ во приданыихъ
Молодá Кострюкá Мастрюкá,

Молода Чемерю́ковица.
Этотъ ли мла́дъ Кострюкъ,
Молодой Чемерю́ковицъ,
Спдитъ за дубовы́мъ столомъ,
Хлѣба соли онъ не кушаетъ
И бѣлой лебеди не рушаетъ.
Говорилъ ему царь государь:
«Ай же ты младъ Кострюкъ,
«Молодой Чемрю́ковицъ!
«Что же хлѣба соли не кушаешь,
«И бѣлой лебеди не рушаешь?»
Говорилъ ему младъ Кострюкъ,
Молодой Чемерюковицъ:
— Ай же ты царь государь!
— Дай же ты мнѣ-ко борцовъ,
— Да и дай удалыхъ молодцовъ,
— Все названыихъ ма́стеровъ! —
Государь припечалился,
Послалъ молоды́хъ пословъ,
Послалъ по всёй орды,
И кричать во всё́ горло,
Покликивать имъ борцовъ,
И борцовъ удалыхъ молодцовъ,
Все названыихъ ма́стеровъ.
Эти молоды́ послы
Пошли по всёй орды
Кричатъ во всё горло
И покликиваютъ онѣ борцовъ,
Да и борцовъ удалыхъ молодцовъ,
Все названыихъ ма́стеровъ.
Сошлись на единый дворъ
Одинъ Сенюшка маленькій,
Другой Васенька невели́къ тоже былъ,
Два братца родимыихъ.

Говорятъ таковы́ словеса:
«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ поборо́тися.
«Да й пойдемъ съ молоды́мъ покидатися».
Эти мла́ды послы
Пошли въ полату бѣлокаменную,
Во гридню столовую,
Говорятъ таковы словеса:
«Ай же ты младъ Кострюкъ
«Молодой Чемерюковицъ!
«Тебѣ хлѣбъ соли есть на́ столи
«Да и Богъ-отъ есть на́ стѣни,
«А борцы на широ́комъ дворцы».
Этотъ младъ Кострюкъ
Молодой Чемерюковицъ
Скочилъ изъ-за дубова́ стола,
Задѣлъ ножкой за скамеечку:
Пятьдесятъ-то Тата́ръ онъ убилъ,
И пятьдесятъ онъ бояръ погубилъ.
Выходитъ на крылечко бѣлоду́бовое,
Взгляпулъ на широкій дворъ,
Говорилъ таковы словеса:
— Это-то есть мнѣ не́ борцы,
— Да й то́ не удалы́ молодцы!
— Я бра́тца во ру́ку возьму,
— Да й другаго во дру́гу возьму,
— Я братцями вмѣсто хлесну,
— У нихъ кости расхлѣбаются,
— И всѣ суставы разсыплются. —
Одинъ Сенюшка маленькій
Говорилъ таковы́ словеса:
«Ужъ ты братецъ родимый мой!
«У тебя силы есть съ два́-то меня,
«А смѣлости въ по́лъ-меня.
«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ поборотися,

«Мы пойдемъ съ молодымъ покидатися!»
Пошли съ Кострюкомъ поборотися,
Пошли съ молодымъ покидатися.
Разъ-то Кострю́къ поборолъ
Да й другой разъ Кострюкъ поборолъ,
Тако третій разъ Ко́стрюка,
Тако третій разъ мла́даго,
Они силу его смитили,
Да и брали тутъ Ко́стрюка
На ручки на бѣлыи,
Кидали тутъ Ко́стрюка
Выше церкви соборныя
Со кресты Лева́нидовы.
Палъ тутъ мла́дъ Кострюкъ,
Онъ палъ о сыру́ землю.
Рубашка-та трёснула,
И на себѣ кожа лопнула,
Онъ свой со́ромъ долонью закрылъ,
И побѣжалъ съ каменной Москвы,
Говорилъ таковы словеса:
— Не дай-ко мнѣ Господи
— Въ каменной Москвѣ по́бывати,
— Да й борцовъ поотвѣдывати,
— Да й борцовъ удалыхъ молодцовъ,
— Все названыхъ мастеровъ.
— Не дѣтямъ, не внучатамъ,
— Да не роду нашему Карачанамъ [1]).—

Записано на Онегѣ, 30 іюня.

---

1) Что значитъ «Карачанамъ» пѣвецъ не умѣлъ хорошенько объяснить и сказалъ только, что такъ называется какая-то земля. Онъ растолковалъ при этомъ, что Кострюкъ былъ «поляница, т. е. дѣвица»

167.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

По край моря, моря синяго,
По край моря ай веряжскаго,
По край синяго моря веряжскаго,
Тамъ стояла да хоромина некрытая,
А некрытая хоромина не мшоная.
Тамъ жила была вдова благочестивая,
Было́ у вдовушки девять сыновъ,
Во десятыихъ была одинокая дочь.
И эти всѣ сыновà въ разбо́й пошли,
Оставалася дочка единёшенька.
Какъ изъ-за синяго моря веряжскаго,
Наѣхали на дочку къ нею сва́това,
Она выдала дочку за синё море,
За этого за гостя за торговаго.
Она тамъ годъ жила не стоскулася,
Другой жила въ умѣ не было,
На третій на годочекъ стосковалася,
Она у́ мужа у свѣта подавалася,
У всёй семьѣ здоложилася.
Состроилъ ей мужъ червопчатый корабъ,
Онъ носъ дѣлалъ по змѣиному,
Корму дѣлалъ по звѣриному,
Носъ грузилъ чистымъ се́ребромъ,
Середочку грузилъ краснымъ золотомъ,
Корму грузилъ скатнымъ жемчугомъ.
Онѣ сѣли съ мужемъ въ лодочку и поѣхали.
Тутъ не темная ноченька сустигла ихъ,
Не частыи дождики обсыпали,
Наѣхали воры разбойники,
Онѣ гостя торговаго зарѣзали,

Зарѣзали и въ воду бросили,
Опѣ жоночку рязаночку въ полонъ брали,
Въ полонъ брали обезчестили.
Всѣ эти разбойнички спать легли,
Меньшій разбойничекъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ не лежитъ думу думаетъ,
У жоночки рязаночки выспрашиваетъ:
«Скажи жоночка рязаночка съ коёй орды,
«Съ коёй орды, съ коёй страны?»
— Ужъ мы жили жили по край моря,
— По край синяго моря веряжскаго.
— Тамъ стояла хоромина не крытая,
— Не крытая хоромина не мшоная.
— Во той было хоромпнѣ некрытоей
— Жила была вдова благочестивая.
— Было у вдовушки девя́ть сыновъ,
— Во десятыихъ была одинокая дочь.
— У пей всѣ сынова́ во разбой пошли,
— Оставаласи дочка одинёшенька.
— Изъ-за синяго моря веряжскаго,
— Наѣхали на дочку къ ней сва́това.
— Она выдала дочку за синё море,
— За этого гостя за торговаго. —
Тутъ разбойничикъ расплакался.
«Вы ставайте-ко братцы родимыи!
«Мы не гостя торговаго зарѣзали,
«Зарѣзали и въ воду бросили,
«Мы зарѣзали зятя любимаго.
«Не жоночку рязаночку въ поло́нъ брали,
«Въ полонъ брали и обезчестили,
«Обезчестили сестрицу родимую».

Записано тамъ-же, 30 іюня.

XXX.

ПРАСКОВЬЯ МАКАРОВА и ПРАСКОВЬЯ ПОЛУЕКТОВНА ПАСТУХОВА.

Прасковья Макарова и Прасковья Полуектовна Пастухова, крестьянки дер. Горка въ Чо́ргѣ-Губѣ, лѣтъ подъ 30, поютъ на посидѣлкахъ былины и разные духовные стихи, которымъ выучились отъ родителей. Былины, здѣсь записанныя, пѣлись ими хоромъ вмѣстѣ съ крестьянскою дѣвушкою, сестрою Пастуховой.

168.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Три году Добрынюшка ключничалъ,
Друго три Добрыня подворотничалъ,
А третье три Добрынюшко пиръ держалъ.
Нигдѣ Добрынѣ счастья не пришло,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты родитель моя матушка,
«Честна́ вдова Афимья Александровна!
«Безчастнаго Добрынюшку споро́дила,
«Безчастнаго Добрыню, безталаннаго.
«Ты бы силою, родитель, бы споро́дила
«Во сильныихъ могучіихъ бога́тырей,
«Смѣлостыо, родитель, бы спородила
«Во смѣлаго Олёшенку Поповича,
«Талаиомъ бы, родитель, спородила
«Во тыихъ купцовъ во заморскіихъ,
«Ты походочкою въ родителя спородила
«Во того родителя батюшку,
«Красотою бы, родитель, ты спородила
«Во Осипа того прекраснаго.

«А нѣтъ, такъ бы, родитель, спородила
«Катучіимъ валучимъ бѣлымъ камешкомъ.
«Завернула бы этотъ камешокъ въ полотнушко,
«Спустила бъ этотъ камешокъ въ синё морё,
«Пусть бы онъ катался, валялся
«Отъ нынѣ, сударь, до вѣку».
Ай мать ему да отвѣтъ держитъ:
— Ай же ты рожоно мое дитятко,
— Ты ай Добрынюшко Микитиничъ!
— Мать пришла не Богородица,
— Рукамы я наладити тебя нé могла.
— Какого мнѣ-ка Господь Богъ далъ! —
Это-то Добрынюшкѣ словечушко во гнѣвъ пришло,
Во гнѣвъ пришло и во претъ пришло.
Выходилъ Добрынюшка на шúрокъ дворъ,
Отворялъ конюшенку стоялую,
Вынималъ лошадушку ѣзжалую,
Своего ли бýрушка космоть'вича.
Засѣдлалъ сѣделышко черкаское,
Двѣнадцать подпружковъ шелкóвыихъ,
Ай не нашего шёлку заморьскаго,
Заморьскаго шолку китайскаго.
Въ воротахъ стоитъ Добрынина матушка,
Еще стоитъ молодà жена,
Сами говорятъ таково слово:
«Ты ай ли Добрынюшко Микитиничъ!
«И скоро ли ты домой будёшь,
«Ты домой будешь да поворотъ держишь?»
— Жена моя Настасья Микулична! [1])
— Ты жди-тко меня три года.
— А я три года не буду, такъ дрýго три,
— А друго не буду, такъ еще жди трéтьё три.

1) Сестренка была ея Василиса Микулична.

— А третьё три не буду, хоть вдовой живи,
— Хоть вдовой живи, хоть замýжъ поди.
— А только не ходи за смѣлаго Олешеньку Поповича.
— Олешенька Поповичъ мнѣ крестовый братъ,
— Мы съ нимъ златыма крестама побратались,
— Злаченыма крестама помѣнялись. —
Видѣли Добрынюшку тутъ сядучи,
А не видѣли Добрынюшки поѣдучи,
Подынулъ Добрынюшко кýрево,
Ай курево Добрынюшко мáрево,
Отъ неба дó земли, óтъ земли дó неба.
Пріѣхалъ онъ во дáлече чистó поле.
Тутъ его Добрынина матушка,
Еще Добрынина молода жена,
Шли оны во высóкъ терёмъ,
Жалешенько оны поросплáкались.
«Закатилось наше красное солнышко,
«Ай за мхи, болота, за топучіи,
«И за этыи горушки высокіи,
«И за тыи лѣсушки темныи!»
Ай пріѣхалъ Добрынюшка Микитинычъ
Во далече чистó поле.
И сидитъ тутъ птица черна вóрона,
И онъ натягивалъ свой тýгой лукъ,
Накладывалъ свою да калену́ стрѣлу.
Ужъ онъ хочетъ пострѣлить птиченку да черна вóрона.
Спроговоритъ тутъ птиченька черно́й воронъ
Тыимъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же ты Добрынюшко Микитинычъ!
— Не убей ты меня птицы черна ворона,
— Не пролей ты крови воро́ньей,
— Воро́ньей крови напрасноей!
— Не укротить тебѣ богатырскаго ретливаго сердечушка!
— Ты поди на гору на Яичкину,

— По́глянь-ко подъ сторону подъ сточную.
— Тамо стои́тъ сила невѣрная,
— Ай невѣрна сила поганая,
— Людямъ тамо да проходу нѣтъ,
— Птиченки да пролету нѣтъ,
— Звѣрю тамо да пробѣгу нѣтъ,
— Добрымъ молодцамъ проѣзду нѣтъ. —
И тотъ Чурилушка Плёнковичъ,
И старый казакъ Илья Муромецъ,
Еще Добрынюшка Микитинничъ,
Ай Алешенка По́повичъ,
И стали они по силы поѣзживать,
И стали они татаръ потаптывать,
Не оставили силы на сѣмена.
Годъ по году прошло три года.
Тутъ приходятъ отъ Добрынѣ вѣсточки нерадостны,
Ай нерадостны вѣсти, невеселыя:
Ле́житъ убитъ Добрынюшка въ чисто́мъ полѣ,
Ручки ножки пораскиданы,
Буйна́ головка поразломана,
Сквозь желтыя кудёрышки
Шолко́вая тра́вушка про́росла,
Ай Добрынюшкинъ конь во мху до́ колѣнъ стоитъ.
Сталъ тутъ Алешенька къ Настасьюшкѣ подхаживать,
Сталъ онъ Настасію посватывать.
Спроговоритъ Настасья Никулична:
«Какъ былъ у меня законный мужъ,
«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ, бѣдной горюшѣ, на бесёду не подхаживалъ,
«Ай меня, бѣдну горюшу, не посватывалъ.
«И спомню я мужнюю заповѣдь,
«И проживу да ужъ я друго три».
Ай скоро старина-та скажется,
Не скоро времечко сбывается.

Ай годъ по году прошло три году.
Тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Онъ говоритъ вѣдь онъ таково слово:
«Да нынечку да теперечку»
Тутъ они какъ въ полѣ воевали
И тутъ они сказали:
— И со небесной мы бы силой супротивились,
— А не то что съ силой проклятой! —
Тутъ на нихъ Господь прогнѣвался,
Спустилъ на нихъ столо́пъ о́гненный.
Они какъ столопъ перерублятъ, такъ два́ станетъ,
Два станётъ все поединщика.
Еще перерубятъ, а тутъ три станётъ,
Три станётъ все опять поединщики.
Тутъ они Богу смолилися:
— Намъ бы тое же слово да не такъ сказать! —[1])
Годъ по году прошло опять три года.
Приходятъ отъ Добрынюшки тутъ вѣсточки нерадостны,
Нерадостны вѣсти невеселыя:
Лежитъ убитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
Ручки, ножки пороскиданы,
Буйна́ головка порозломана,
Сквозь желтыя кудерышки
Шелковая тра́вушка про́росла,
А Добрынинъ конь во мху до колѣнъ стоитъ.
Сталъ тутъ Алешенька къ Настасьюшкѣ подхаживать,
Сталъ онъ Настасію посватывать.
Спроговоритъ Настасья Никулична:
«Какъ былъ у меня законный мужъ,
«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ, бѣдной горюшѣ, на бесёду не похаживалъ,
«Ай меня, бѣдну горюшу, не посватывалъ.

1) Стихи 123—135 какъ будто взяты изъ другой былины; съ текстомъ они не ладятся.

«И спомню я мужнюю заповѣдь,
«Прóживу да ужъ я третье три».
И побѣжалъ Алешенька Поповичь
Побѣжалъ отъ ней прочь.
И тотъ старый казакъ Илья Муромецъ.
Годъ по году прошло еще три года.
Все отъ Добрынюшки вѣсти приходятъ нерадостны.
Опять Олешка Поповичъ сватаетъ.
Она говоритъ таково слово:
«Какъ былъ у меня законный мужъ
«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ, бѣдной горюшѣ, на бесёду не подхаживалъ.
«Ай меня, бѣдну горюшу, не посватывалъ,
«И спомню я мужнюю заповѣдь».
Опять приходятъ тѣ же вѣсти,
Приходятъ отъ Добрынюшки тутъ вѣсточки нерадостны,
Нерадостны вѣсти невеселыя:
Лежитъ убитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
Ручки ножки пороскиданы,
Буйна́ головка поразломана,
Сквозь желтыя кудерышки
Шелковая тра́вушка про́росла,
А Добрынинъ конь во мху до колѣнъ стоитъ.
Вотъ по году прошло и двѣнадцать лѣтъ.
Тутъ сталъ Олешенька подхаживать,
Поуми́лась Настасьюшка замужъ по́ити.
Веселымъ пиркомъ, да за свадебку.
Было у Добрынюшки Микитинича,
Было два голубка кормлёныихъ,
Кормлёныихъ два голубка поёныихъ,
Спустила ихъ родитель его матушка,
И жалешенько она расплакалась:
Увидалъ Добрынюшко Микитиничъ
Своихъ го́лубковъ кормлёныихъ,

Садился на добра коня, поѣхалъ домой,
И поѣхалъ ко родители матушкѣ,
Пріѣхалъ къ родители матушкѣ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
— При смерти Добрынюшко наказывалъ:
— «Висятъ во клѣточкѣ на гвоздику,
— Висятъ сафьяныи сапоженки»,
— То, сударыня, подай сюда. —
Спроговоритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«Ай же ты удалой скоморошище!
«Какъ была бы у меня силушка могутушка,
«Я бы тебя ножикомъ зарѣзала!»
Ай же спроговоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Виситъ во клѣточкѣ на гвоздику,
— «Виситъ кунья шубонька»,
— То, сударыня, подай сюда.
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Виситъ въ клѣточкѣ на гвоздику,
— «Виситъ шапочка собольяя»,
— И то, сударыня, подай сюда.
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Во клѣточкѣ на гвоздику,
— «Висятъ яровчаты гусёлышки»,
— То, сударыня, подай сюда! —
И сокрутился Добрынюшка Микитиничъ,
Пошелъ на почестный пиръ на свадебку.
Приходитъ на почестный пиръ на свадебку,
Крестъ кладетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На три на четыре стороны,
Князю молодому со княгинею въ особину.
Вси есть мѣстечка призаняты,

Одно то мѣ́стечко на кирпичной печкѣ.
А садился тутъ Добрынюшка да на кирпичной печь,
Сталъ ёнъ во гуселышки выигрывать.
Догадалась Настасья Микулична,
Сама говоритъ таково слово:
«Удалому скоморошищу
«Поднесемъ чару зелена вина!»
И наливала чару зелена вина,
Вѣсомъ чара полтора пуда,
А мѣрой чара полтора ведра.
Возымалъ Добрыня единой рукой,
Выпивалъ Добрыня во единый здухъ.
Тутъ спустилъ свой злаченый перстень,
Спустилъ во чару зелена вина,
И поднесъ Настасьѣ Микуличной,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья Микулична!
— Ужъ ты выпьешь до дна, ты увидишь добра,
— А не выпьешь до дна, не увидишь добра! —
И выпила Настасья Микулична,
Увидала вѣдь свой перстень обрученой,
Сама говоритъ таково слово:
«Не тотъ мой мужъ, который за столомъ сидитъ,
«А тотъ мой мужъ, который на кирпичной печь».
Она и вышла зъ-за дубова́ стола.
«Прости меня Добрыня Микитиничъ!
«У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
«Куды вѣтеръ повѣетъ, туда умъ понесетъ,
«Ай мужъ по дрова, да жена за мужъ пошла!»
Скочилъ Добрынюшка Микитиничъ,
Схватилъ Олешеньку Поповича,
Схватилъ за желты кудри,
Бросилъ о дубовъ полъ.
Только Олешенька женатъ бывалъ.

Спрогóворитъ Олешенька Поповичъ:
— И всякій-то на свѣтѣ женится,
— Не всякому женидьба удается.
— Только удалась женидьба
— Ставру Годиновичу, да Добрынюшкѣ Микитичу. —

Записано тамъ же, 1 іюля.

169.

СТАВЕРЪ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя у Владиміра
Да былъ присобранъ почестный пиръ
На вси на князи, на вси бóяра,
На вси гостюшки столовыи,
На вси людюшки торговыи,
На вси поляницы на удалыи.
И вси на пиру-то наѣдалиси,
И вси на пиру-то напивалиси.
И вси на пиру-то порасхвастались.
Богатый хвастаетъ золотой казной.
Умный хвастатъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастатъ молодой женой
Сильныи Ставёръ сынъ Годиновичъ
Онъ не ѣстъ не пьетъ не кушаетъ,
Ничѣмъ онъ не хвастаетъ.
Испроговоритъ князь стольнё-кіевской:
— Что же ты, Ставёръ, сынъ Годиновичъ,
— Что же ты не ѣшь не пьешь не кушаешь,
— И ничимъ же, Ставёръ, ты не хвастаешь? —
И тутъ добрый молодецъ росхвастался:
«Да есть у меня у добра молодца,

«Золотой казны да у меня и счету нѣтъ,
«Цвѣтныхъ платьицевъ и смѣту нѣтъ,
«Тридевять кобылицъ есть неѣзжаныихъ,
«Тридевять жеребчиковъ некла́деныихъ
«Жена у меня Василиста Микулична,
«Она Кіевъ градъ ку́питъ-продастъ,
«Самого царя съ ума выведетъ!»
— Ай же слуги мои вѣрныи!
— Во́зьте Ставра̀, подхвати́те Ставра̀,
— Посадите Ставра̀ во глубо́кой погрѐбъ
— За него слова неумильніи,
— За него рѣчи неучливыи! —
Взяли Ставра̀, подхвати́ли Ставра̀
Да за не́го за ручки за бѣлыи
За́ него перстни за злаченыи,
Посадили Ставра во глубокъ погрёбъ.
При Ставрѣ при Годиновѣ
Былъ молодой Ванюша воръ пова́ренокъ,
Онъ скорешенько садился на добра́ коня,
Поѣзжалъ во городъ во Черниго́во.
Пріѣзжаетъ тутъ во городъ во Черниго́во
Приходилъ ко Василистиной ко матушки:
«Ай же Василистина матушка!
«Да гдѣ же Василиста Микулична?»
— Василисты Микуличны-то дома нѣтъ,
— Ушла на почестный пиръ на свадебку. —
Онъ приходитъ слѣдъ туда да на почестный пиръ.
Крестъ кладетъ по писа́ному,
Онъ поклонъ ведетъ по ученому
На три на четыре на сторонушки,
Князю со княгинею въ особину.
«Ай же Василиста Микулична!
«Ты ѣшь, ты пьешь, да проклаждаешься,
«Надъ собою ты незгодушки не вѣдаешь,

«Какъ старыи Ставёръ да сынъ Годиновичъ
«Онъ посаженъ во глубокъ погрёбъ
«За него слова неумильніи
«За него рѣчи неучливыи!»
Скочила она зъ-за дубова́ стола,
Пала она да о бѣлый полъ,
Думала думу ровно три́ часу:
«Силой Ставра мнѣ-ка изъ Кіева́ не взя́ть,
«Деньгами Ставра мнѣ-ка не вы́купити,
«Взять не взять Ставра своима догадкама женьскима».
Она волосы брила́ по турецкому,
Кудёрышки вила́ по молодецкому,
Штаники одѣла черноба́рхатный,
А сапожки на ножки зеленъ сафьянъ.
Шиломъ пятики, носы востры,
Около носочка яи́чко катить,
А и по́дъ пяту воробе́й пролетитъ.
Стала Василиста удалы́мъ молодцомъ
Да садилась на добра коня, поѣхала.
Пріѣзжала она да во Кіевъ градъ
Какъ поставила коня середь ши́рока двора,
Несвязанаго, непривя́заного
Еще никому неприка́заного.
Стоитъ добрый конь, не воро́хнется.
Проходила тутъ во гридню во столовую.
Кладывала листъ посольніи на ду́бовъ столъ
Сама говорила таково слово:
«Ай же ты князь стольнё-кіевской,
«Ты хотъ въ листъ гляди, хоть за листомь слушай!
«А я пришолъ къ тебѣ свататься
«На твоёй любезноей дочери
«А на младоей Машутѣ Влади́міровнѣй».
Видитъ князь, что уда́лъ молодѣцъ,
Князь бы далъ, да посёлъ бы взялъ,

Нé иде младáя Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
— Не отдай-ко дѣвчину за женщину!
— Это, сударь, есте женщина,
— Да примѣты ейны женскіи:
— Ричь-поговоры у́ нея съ прóвизгомъ
— А походочка у́ нея чáстенька,
— Она на лавкѣ сидитъ, стёгна жметъ,
— Стёгна жметъ, живота́ бережетъ.
— Два на двое буде намъ съ тоски́ помереть. —
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Можно посла поотвѣдати».
Дали борцовъ удалы́хъ молодцовъ,
Которыхъ лучше во Кіевѣ нѣтъ.
Она взяла борца по праву́ю руку,
Дру́гаго взяла по лѣвую́ руку,
Она стала тутъ борцами потаскивать,
Да тѣмъ борцамъ только можется.
Видитъ князь, что удáлъ молодѣцъ,
Князь бы далъ, да посёлъ бы взялъ,
Нé иде младáя Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
— Не отдай-ко дѣвчину за женщину!
— Это, сударь, есте женщина,
— Да примѣты ейны женскіи:
— Ричь-поговоры у́ нея съ прóвизгомъ
— А походочка у́ нея чáстенька,
— Она на лавкѣ сидитъ, стёгна жметъ,
— Стёгна жметъ, живота́ бережетъ.
— Два на двое буде намъ со тоски́ помереть. —

Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Можно посла поотвѣдати».
Дали стрѣльцовъ, удалы́хъ молодцовъ,
Которыхъ лучше во Кіевѣ нѣтъ.
Одинъ стрѣлилъ не до́стрѣлилъ,
Дру́гой стрѣлилъ пере́стрѣлилъ.
А Василиста Микулична стрѣ́лила
Да во цѣлочку по́пала.
Видитъ князь, что уда́лъ молодѣцъ,
Князь бы далъ, да посёлъ бы взялъ,
Не́ иде младая Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
— Не отдай-ко дѣ́вчину за женщину!
— Это, сударь, есте женщина,
— Да примѣты ейны женскіи:
— Рычь-поговоры у́ нея съ про́визгомъ
— А походочка у́ нея ча́стенька,
— Она на лавкѣ сидитъ, стёгна жметъ,
— Стёгна жметъ, живота́ бережетъ.
— Два на двое буде намъ со тоски́ помереть. —
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Можно посла поотвѣдати.
«Мы постелемъ мягку пухову́ постель,
«Кладемъ круто складно зголовьицо,
«Буде стане подъ плечма я́мина, мужчи́на будетъ,
«Буде стане подъ жопо́й, женщина».
И они стлали мягку пухову́ постель
Положили круто складно зголовьицо.
Куда бы повалиться буйной го́ловой
Она тутъ жопой повалилась.
По утру пришла Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:

— Свѣтъ государь ты мой батюшка
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Тутъ гдѣ бы спать головой, тутъ жóпой спанò.
— Не отдавай мене дѣвчины за женщину. —
«Мы еще посла да поотвѣдаемъ:
«Вытопимъ теплу парну баенку».
Пришелъ тутъ посёлъ тотъ Ляховицкій
Племничекъ да королевскій,
Онъ не мылся, онъ да не парился,
Помочилъ свою буйну головушку.
Князь-то идетъ да во баенку,
А посёлъ-то идетъ да изъ баенки.
Испроговоритъ тутъ князь стольнё-кіевской;
«Ай же ты посёлъ да Ляховицкій,
«Племничекъ да королевскій!
«Что же ты скоро умылся, испарился?»
Испроговоритъ посёлъ Ляховицкій:
— Ваши повороты княженецкіи,
— Наши повороты молодецкіи
— За то жалуешь любезной своей дочерью,
— Мла́доей Машуткой Владиміровной. —
Видитъ князь, что уда́лъ молодецъ,
Тутъ веселымъ пиркомъ да за свадебку.
Испроговоритъ тутъ посёлъ Ляховицкій
Племничекъ королевскій:
— Дайте игроковъ, удалы́хъ молодцёвъ,
— Игры бы играли во Кіевѣ,
— Тольци выводили въ Еросо́лимъ градъ. —
Тутъ-то князь пораздумался:
«Только было игроковъ, удалыхъ молодцёвъ
«Одинъ старый Ставёръ сынъ Годиновичъ,
«Такъ посаженъ во глубокъ погребъ.
«Взять Ставра̀, такъ невида́ть Ставра
«А не взять Ставра̀, такъ огрубить посла». —

«Ай же слуги мои вѣрныи!
«Ужъ вы возьте Ставра, подхвати́те Ставра̀
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его перстни за злаченыи,
«Приведи́те Ставра на почестный пиръ».
Тутъ взяли Ставра, подхватили Ставра,
Приводили Ставра на почестной пиръ.
Сталъ онъ играть да выигрывать,
Игры играетъ во Кіевѣ,
Тоньци выводитъ въ Еросо́лимъ градъ.
Тутъ-то вси на пиру поразслухались.
Испроговоритъ Василиста Микулична:
— Помнишь ли Ставёръ, памятуешь ли Ставёръ,
— Когда я была кобылицей, ты же́ребцемъ,
— У меня было колечко золоченое,
— У тебя была спаечка *(такъ)* серебряна? —
. . . . . [1])
Она одѣлась въ платья женскіи,
Пришла къ князю ко Владиміру
Она говоритъ да таково слово:
— Занапрасно Ставра посадили во глубокъ погребъ.
— Онъ похвасталъ, такъ былицею. —
Испроговоритъ ему князь стольнё-кіевской:
«По́ люби бери золотой казны,
«По́ люби бери добры́хъ коней».
Тутъ они домой поѣхали.

Записано тамъ же, 1 іюля.

---

1) Тутъ пѣвицы застыдились и пропустили цѣлое мѣсто.

IV.

ВЫГОЗЕРО.

ВЫГОЗЕРО.

XXXI.

НИКИТИНЪ.

Ѳедоръ Никитинъ, крестьянинъ родомъ съ Выгозера, лѣтъ около 45, высокій, статный, весьма пріятной наружности. Въ молодости занимался портняжнымъ мастерствомъ и въ то время выучился пѣть множество былинъ, преимущественно на поморьѣ, въ Кемскомъ уѣздѣ, гдѣ часто бывалъ для работы; но онъ не могъ припомнить, отъ кого именно онъ былины заимствовалъ. Въ послѣднее время онъ многое позабылъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ на службу лѣснымъ стражникомъ, потому что служба эта не даетъ ему досуга распѣвать былины. Живетъ онъ теперь на Карельскомъ острову, верстъ 50 отъ Выгозерскаго погоста, но сохранилъ въ родномъ селѣ участокъ земли и крестьянское хозяйство. Никитинъ поетъ очень пріятнымъ голосомъ и весьма складно. Нѣкоторыя изъ его былинъ были записаны для г. Рыбникова писаремъ мѣстнаго исправника.

170.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ подъ славныя подъ Кіевъ градъ,
И ко славному князю ко Владиміру,
И приходитъ посёлъ да скоровѣстныя.

Приходилъ поселъ да изъ чиста поля,
А изъ чиста поля отъ Калина царя,
И отъ Калина царя да Калиновича.
А онъ идётъ посёлъ да не съ упадкою,
А онъ не бьетъ челомъ, не низко кланяется,
Ай прямо грядётъ въ гридни свѣтлыя,
И во тѣе ли полаты княженецкія.
А онъ бросилъ ярлыкъ на кленовый столъ,
А вѣдь сей ярлыкъ-то былъ напи́саный,
И чтоль на свинцу да чубаравскоемъ.
И сей ярлыкъ вѣсу́ былъ сорока пудовъ.
Ужъ какъ бросилъ сей ярлыкъ да на кленовый столъ,
Ай чтоль кленовый столъ да подломи́шася,
И тутъ Владиміръ князь да испугается,
И онъ бросилъ взоръ да на посла на скоровѣстнаго,
Испроговоритъ онъ да таково слово,
И чтоль тому послу да скоровѣстному:
«А ты откуль пришолъ да добрый молодецъ,
«И отъ кого принесъ ты сей посла́ный ерлыкъ?»
И чтоль отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ,
И чтоль скорыій посёлъ Василій Ивановичъ:
— Я изъ иной земли, изъ золотой орды,
— Отъ Калина̀ царя да Калиновича,
— Ай же ты Владиміръ князь да стольне-кіевскій!
— И ты давай-ко-си изъ Кіеви да поединщика,
— Поединщика да супротивника.
— И супротивъ Калина̀ царя да Калиновича
— Ежели не дашъ ты намъ да поединщика,
— Поединщика и супротивника,
— То мы твой славныя Кіевъ градъ въ полонъ возьмемъ,
— И въ полонъ возьмемъ и весь огнемъ сожгемъ. —
И тутъ весьма Владиміръ князь да закручинилсо,
Закручинилсо князь да запечалилсо,
Испроговоритъ Владиміръ таково слово:

«По грѣхамъ то вѣрно сучинилося,
«И богáтырей во градѣ не случилося».
И какъ на тую славу на великую,
Какъ прослышала во царевомъ кабаки голь кабацка,
А по имени ли тотъ Василюшка упьянсливы.
Какъ приходилъ Василей въ гридни свѣтлыя,
И въ тѣе ли полаты княженецкія,
И онъ какъ крестъ то кладетъ да по писаному,
И поклонъ тотъ ведетъ да по учёному,
И на всѣ стороны Василей поклоняется,
И бьетъ целомъ да о сыру землю,
И ласковóму князю Владиміру.
Испроговоритъ Василей таковы слова:
— А гой же ты Владиміръ князь да стольнё-кіевскій,
— И стольне-кіевскій славно-Владимірскій!
— И ты почто же такъ сильнё кручинишься,
— Но зачѣмъ же тебѣ да такъ печалиться?
— Развѣ нѣтъ у насъ да на святой Руси,
— Развѣ нѣтъ у насъ во стольноёмъ во градѣ въ Кіевѣ,
— Развѣ нѣтъ такова да супротивника,
— Ай супротивъ Калинà царя да Калиновича?
— Ай какъ есть у насъ да во чистомъ полѣ,
— И во чистомъ полѣ да во бѣлóмъ шатрѣ,
— Ай есть вѣдь тамъ да удалóй добрый молодецъ.
— Эще старыя казакъ да Илья Муромецъ.
— И про него же славу про великую,
— И про него же силу богатырскую,
— И во стихахъ поютъ, и въ старинахъ скажутъ,
— И на бою ему то смерть не писана.
— А знаю я объ томъ и вѣрно вѣдаю
— И что онъ можетъ сразиться супротивъ Калинà,
— И что онъ можетъ сразиться супротивъ царя да Калина.—
Испроговоритъ Владиміръ князь да таково слово:
«Ай ты скорѣй достань да добра молодца,

«И славнаго каза́ку Илью Муромца».
Пріѣзжае́тъ Василей во чисто полё,
Во чисто поле да ко бѣлу шатру.
И во бѣломъ шатри-то́ спитъ да добрый молодецъ,
А онъ-то спитъ да добрый молодецъ глубокимъ сномъ,
А его добрый конь зоблетъ пшену да бѣлоярову
И щиплетъ добрый конь травеньку шелковую,
И пьетъ-то добрый конь водочку ключовую.
И дожидатъ Василюшко упьянсливый,
И когда прохватится да добрый молодецъ,
Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
И онъ воспрянýлъ отъ крѣпка сна да безпробуднаго,
И предъ собой увидѣлъ стоптъ да добрый молодецъ,
И тотъ ли то Василюшко упьянсливый,
И бьетъ челомъ Василей низко кланяйтся,
И какъ удалому да добру молодцу,
Старому казаку́ да Ильѣ Муромцу.
Испроговоритъ Василей таково слово;
— А гой же ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— И сослужи-тко-сь Владиміру да службу вѣрную,
— И отгони отъ Кіева цюдовища великого.
— Пріѣзжаетъ Калѝнъ царь Калиновичъ,
— И со той ли сплой со невѣрною,
— И со тымъ ли войско́мъ со татарскіимъ. —
Цють ли выслушалъ да таковы слова
Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
И скоро онъ беретъ своего добра коня.
И какъ садился онъ да на добра коня,
И поѣзжалъ же тутъ онъ во чисто полё,
И что ль подъ славныя да что ль подъ Кіевъ градъ.
Только видѣли вѣдь добра молодца какъ сѣдучи,
Но не видѣли удалаго поѣдучи.
Во чистомъ поли да курева стоитъ,

Курева стоитъ, да пыль столбомъ валитъ.
Куда падаютъ копыта лошадиныя,
И становятся тутъ колодци ключевой воды.
И какъ доѣхалъ старын казакъ да Илья Муромецъ
И до того ли до города Кіева,
У какъ увидѣлъ онъ тутъ стоитъ въ чистомъ поли,
И какъ увидѣлъ онъ тутъ рать-сила великая,
И во чистомъ поли вѣдь сто́итъ бѣлъ шатеръ,
Въ которомъ шатрѣ былъ да Кали́на царь Калиновичъ.
И направлятъ коня да ко бѣлу шатру,
Ко бѣлу шатру да къ Калину́ царю,
Къ Калину́ царю да Калинови́чу,
И какъ увидѣлъ тутъ Калина царь,
И Кали́на царь да что-ль Кали́новичъ.
А какъ садился Кали́на на добра коня,
И на того ли па жеребчика на ворона,
И бере́тъ Кали́на саблю вострую,
И во вторыхъ беретъ копье да долгомѣрное,
И выѣзжатъ Кали́на во чисто поле
И супротивъ русскаго богаты́ря.
И какъ не два ли ясныхъ сокола слетаются,
И не двѣ ли сильніи горы́ вмѣсто́ скатаются,
И какъ два сильніихъ могучіихъ богатыря сражаются.
И они съѣхались добры молодцы побратались,
А й у Калина́ царя конь на колѣна палъ,
А й самъ ли Калина́ царь подъ конёмъ лежитъ,
И разбитъ онъ до конскаго до сѣдлища.
А старыя казакъ да Илья Муромецъ,
А й на кони сидитъ подобно какъ столѣтній дубъ.
И на конѣ сидитъ да не шатается,
А его сердечико да розгоряется.
Началъ рубить тутъ силу всю татарскую,
И пролилъ онъ всю кровь татарскую,
Очистилъ онъ вѣдь славный Кіевъ градъ,

Избавилъ отъ напасти онъ князя Владиміра.
И пріѣзжаетъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ.
И какъ встрѣчаютъ добра молодца да по ученому,
И бьютъ челомъ да добру молодцу со всѣмъ усердіемъ,
И Владиміръ князь да ёму въ особину.
«И какъ спасибо тебѣ да добрый молодецъ
«И за то, что избавилъ отъ той напасти отъ великія,
«И что-ль отъ той бѣды да отъ напрасныя,
«За то-ль я тебя добрый молодецъ вѣдь жалую:
«Ты бери-ко-сь отъ меня да злата серебра,
«И ты бери отъ меня каменья драгоцѣннаго;
«Или городъ на-бъ тебѣ да съ пригородками,
«Или тебѣ села надо да съ приселками,
«Или тебѣ деревни надо со крестьянами?»
А й отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ
И солнышку князю Владиміру:
— Ничего вѣдь мнѣ не надобно.
— Только дай-ко мнѣ похвальный листъ,
— И напиши Владиміръ ты своей рукой. —

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

171.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 3).

Изъ того ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того ли села да Карачаева,
Бы́ла тутъ поѣздка богатырская.
Выѣзжаетъ оттуль да добрый мо́лодецъ,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
На своемъ ли выѣзжаетъ на добромъ кони,
И во томъ ли выѣзжаетъ во кованомъ сѣдлѣ,

И онъ ходилъ гулялъ да добрый молодецъ,
Ото мла́дости гулялъ да онъ до старости.
Ѣдетъ добрый молодецъ да во чистомъ поли,
И увидѣлъ добрый молодецъ да латырь камешокъ,
И отъ камешка лежитъ три розстани,
И на камешки было подписано:
Въ первую дороженку ѣхати — убиту быть,
Во дру́гую дороженку ѣхать — женату быть,
Третьюю доро́женку ѣхати — богату быть.
Стоитъ старенькой да издивляется:
Головой качатъ самъ выговариватъ:
«Сколько лѣтъ я во чистомъ поли ходилъ гулялъ да ѣзживалъ,
«А ещё такова́го чуда не нахаживалъ.
«Но на что поѣду въ ту дороженку да гдѣ богату быть?
«Нѣту у меня да молодой жены,
«И молодой жены да любимой семьи,
«Некому держать тощить да золотой казны,
«Некому держать да платья цвѣтнаго.
«Но на что мнѣ въ ту дорожку ѣхать гдѣ женату быть?
«Вѣдь прошла моя теперь вся молодость.
«Какъ молодинка вѣдь взять да то чужа корысть.
«А какъ ста́рая-та взять дакъ на печи лежать,
«На печи лежать да киселемъ кормить.
«Развѣ поѣду я вѣдь добрый молодецъ,
«А й во тую дороженку гдѣ убиту быть?
«А й пожилъ я вѣдь добрый молодецъ на семъ свѣти,
«И походилъ погулялъ вѣдь добрый молодецъ во чистомъ поли»:
Но поѣхалъ добрый молодецъ въ ту дорожку гдѣ убиту быть.
Только видѣли добра молодца вѣдь сядучи,
Какъ не видѣли добра молодца поѣдучи.
Во чистомъ поли да курева стоитъ,
Курева стоитъ да пыль столбомъ летитъ.

Съ горы на гору добрый мóлодецъ поскакивалъ,
Съ холмы нá холму добрый молодецъ попрыгивалъ,
Онъ вѣдь рѣки-ты озёра межу погъ спущалъ,
Онъ синѝ моря-ты на окóлъ скакалъ.
Лишь проѣхалъ добрый молодецъ Корелу проклятую,
Не доѣхалъ добрый молодецъ до Индíи до богатыи,
И наѣхалъ добрый молодецъ на грязи на смоленскіи,
Гдѣ стоятъ вѣдь сóрокъ тысячей разбойниковъ
И тѣ ли ночны́и тати подорожники.
И увидѣли разбойники да добра мóлодца,
Стараго казáку Илью Муромца.
Закричалъ разбойничéскій атаманъ большой:
— А гой же вы мои братцѝ-товарищи,
— И разудаленькіи вы да добры молодцы!
— Принимайтесь-ко за добра молодца,
— Отбирайте отъ него да платье цвѣтное,
— Отбирайте отъ него да что-ли добра коня. —
Видитъ тутъ вѣдь старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Видитъ онъ тутъ что да бѣда пришла,
Да бѣда пришла да неминуема.
Испроговоритъ тутъ добрый молодецъ да таково слово:
«А гой же вы сорокъ тысячъ разбойниковъ
«И тѣхъ ли татéй ночныхъ да подорожниковъ!
«Вѣдь какъ бить трепать вамъ будетъ стара некого,
«Но вѣдь взять-то будетъ вамъ со стараго да нечего.
«Нѣтъ у стараго да золотой казны,
«Нѣтъ у стараго да платья цвѣтнаго,
«А и нѣтъ у стараго да камня драгоцѣннаго.
«Столько есть у стараго одинъ вѣдь добрый конь,
«Добрый конь у стараго да богатырскіи.
«И на добромъ конѣ вѣдь есть у стараго сѣдéлышко,
«Есть сѣдéлышко да богатырское.
«То не для красы, братцы, и не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи,

«И что можно́ было́ сидѣть да добру молодцу,
«Биться ратиться добру молодцу да во чистомъ поли.
«Но еще есть у стараго на кони уздечика тесмяная,
«И во той-ли во уздечики да во тесмяныи
«Какъ зашито есть по камешку по яфонту.
«То не для красы, братци, не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи.
«И гдѣ ходитъ вѣдь гулятъ мой добрый конь,
«И среди́ вѣдь ходитъ ночи темныи,
«И видно́ его́ да за пятнадцать верстъ да равномѣрныихъ.
«Но еще у стараго на головушкѣ да шеломчатъ колпакъ,
«Шеломчатъ колпакъ да сорока пудовъ.
«То не для красы, братци, не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи».
Скричалъ сзычалъ да громкимъ голосомъ
Разбойническій да атаманъ большой:
— Ну чтожъ вы долго дали старому да выговаривать!
— Принимайтесь-ко вы ребятушка за дѣло ратное. —
А й тутъ вѣдь старому да за бѣду стало,
И за великую досаду показалося.
Снималъ тутъ старый со буйной главы да шеломча́тъ колпакъ,
И онъ началъ старенькій тутъ шелома́мъ помахивать.
Какъ въ сто́рону махнетъ — такъ тутъ и улица,
А й въ дру́гу о́нъ махнетъ — дакъ переулочекъ.
А видятъ тутъ разбойники да что бѣда пришла,
И какъ бѣда пришла и неминуема,
Скричали тутъ разбойники да зычнымъ голосомъ:
«Ты оставь-ко добрый молодецъ да хоть на сѣмена».
Онъ прибилъ прирубилъ всю силу невѣрную,
И не оставилъ разбойниковъ на сѣмена.
Обращается ко камешку ко латырю,
И на камешки подпи́сь подписывалъ:
И что ли очищена тая дорожка прямоѣзжая.

И поѣхалъ старенькой во ту дорожку гдѣ женату быть,
Выѣзжаетъ старенькой да во чисто полё,
Увидалъ тутъ старенькой полаты бѣлокаменны,
Пріѣзжаетъ тутъ старенькой къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Увидала тутъ да красна дѣвица,
Сильная поляница удалая,
И выходила встрѣчать да добра молодца:
— И пожалуй-ко-сь ко мнѣ да добрый молодецъ! —
И она бьетъ челомъ ему, да низко кланяйтся,
И беретъ она добра молодца да за бѣлы руки,
За бѣлы руки, да за златы перстни.
И ведетъ вѣдь добра молодца да во полаты бѣлокаменны,
Посадила добра молодца да за дубовый столъ,
Стала добра молодца она угащивать,
Стала у добраго молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, скажи мнѣ добрый молодецъ!
— Ты какой земли есть, да какой орды,
— И ты чьего же отца есть, да чьеё матери?
— Еще какъ же тéбя именемъ зовутъ,
— А звеличаютъ тéбя по отечеству? —
А й тутъ отвѣтъ-то держалъ да добрый молодецъ:
«И ты почто спрашивашь объ томъ да красна дѣвица.
«А я теперь усталъ да добрый молодецъ,
«А я теперь усталъ да отдохнуть хочу».
Какъ беретъ тутъ крáсна дѣвица да добра молодца,
И какъ беретъ его да за бѣлы руки,
За бѣлы руки да за златы перстни,
Какъ ведетъ тутъ добра молодца
Во тую ли во спальню богатоýбрану,
И ложúтъ тутъ добра молодца на ту кроваточку обмансливу.
Испроговоритъ тутъ молодéцъ да таково слово:
«Ай же ты душечка да красна дѣвица!
«Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую».
И какъ хватилъ тутъ добрый молодецъ да красну дѣвицу,

И хватилъ онъ ей да по подпазушки,
И броси́лъ на тую на кроваточку,
Какъ кроваточка-то эта подвернуласи,
И улетѣла красна дѣвица во тотъ да во глубокъ погребъ.
Закричалъ тутъ вѣдь старый казакъ да зычнымъ голосомъ:
«А гой же вы братци мои да вси товарищи,
«И разудалыи да добры молодцы!
«Но има́й хвата́й вотъ и сама́ идетъ».
Отворяетъ погреба глубокія,
Выпущаетъ двѣнадцать да добрыхъ молодцовъ,
И все сильніихъ могучіихъ богатырей,
Едину́ оставилъ саму да во погребѣ глубокоёмъ.
Бьютъ-то челомъ да низко кланяются
И удалому да добру молодцу,
И старому каза́ку Илью Муромцу.
И пріѣзжаетъ старенькой ко ка́мешку къ олатырю,
И на камешки-то онъ подпи́сь подписывалъ:
И какъ очищена и та дороженка да прямоѣзжая.
Но направляетъ добрый молодецъ да своего коня
И во тую ли дороженку да гдѣ богату быть.
Во чистомъ поли наѣхалъ на три по́греба глубокіихъ,
И которыи насыпаны погре́ба златомъ серебромъ,
Златомъ серебромъ каменьемъ драгоцѣннымъ.
И обиралъ тутъ добрый молодецъ все злато это серебро,
И роздавалъ это злато серебро по нищей по братіи,
И роздалъ онъ злато серебро по си́ротамъ да безпріютнымъ.
Но обращался добрый молодецъ ко камешку къ олатырю,
И на камешки онъ подпись подписывалъ:
И какъ очищена эта дорожка прямоѣзжая.
И онъ задумалъ ѣхать тутъ да добрый молодецъ
И которой же дороженкой да прямоѣзжею.
И коя лежи́тъ дороженка отъ Кіева,
Отъ Кіева и до Черниигова,

И мѣрная дороженка была три девяноста равномѣрныхъ верстъ,
А около-то ѣздили да ровно двѣ тысящи.
И на той ли на дороженки да прямоѣзжая,
А й на шести дубахъ сидѣлъ Соловéй разбойникъ Догматьевичъ,
И онъ свисталъ вѣдь посвистомъ змѣинымъ,
И онъ кричалъ вѣдь покрикомъ звѣринымъ.
И отъ посвиста его да отъ змѣинаго,
И отъ покрика его да отъ звѣринаго
Умирали тутъ сильныи могучіи богатыри.
Но наѣхалъ тутъ добрыи молодецъ на шесть дубовъ на кряновистыихъ,
И какъ увидалъ тутъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,
И видитъ онъ опасно ѣдучись-то добра молодца.
Засвисталъ онъ въ полсвиста да въ пол-змѣинаго,
Закричалъ онъ въ полкрика да въ пол-звѣринаго,
А й у стараго казáки Ильи Муромца
Бѣжитъ добрый конь да потыкается
Отъ того ли отъ страха отъ великаго.
И онъ тутъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
И онъ тутъ бьетъ коня да выговариватъ:
«Ой же ты медвѣжій кормъ, да травяной мѣшокъ!
«Ты зачѣмъ же во чистомъ поли да потыкаешься,
«Развѣ вѣдаешь ты надъ собой незгодушку великую;
«Развѣ вѣдаешь со мной да супротивника?
«А вѣдь мнѣ-ка-ва-ли добру молодцу,
«На бою-то мнѣ вѣдь смерть не писана,
«Я не вѣдаю того что меня убьётъ».
Какъ увидалъ Соловéй разбойникъ Догматьевичъ,
И закричалъ разбойникъ во весь крикъ да богатырскіи,
Въ богатырскіи да по звѣриному,
И засвисталъ Соловéй разбойникъ по змѣиному,
И засвисталъ во весь свистъ богатырскія.

У старенькаго вѣдь добра молодца конь на колѣни палъ.
И онъ тутъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
И онъ бьетъ коня да выговариватъ:
«Ахъ ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
«Развѣ нé бывалъ ты во чистомъ поли,
«Не слыхалъ ты пóкрика звѣринаго,
«И не слыхалъ же ты и посвиста змѣинаго?»
А й беретъ вѣдь старенькой свой тýгой лукъ,
Натягаетъ свой тугой лукъ да богатырскій,
Выниматъ колчанъ со стрѣламы да со калéными,
И полагаетъ онъ вѣдь стрѣлочку каленую,
И стрѣляетъ онъ въ Сóловья разбойника,
И прилетѣла стрѣлочка да прямо въ правый глазъ,
И тому ли собаки Сóловью разбойнику.
Увалился Соловей разбойникъ на сыру землю,
И наскакалъ же тутъ да добрый молодецъ,
И палагалъ ему да петелку шелковую,
И на его ли на гóлову татарскую,
И привязалъ тутъ петелку ко стремени,
И поѣзжалъ тутъ добрый молодецъ во славный Кіевъ градъ
И ко стольнему князю ко Владиміру.
Какъ видѣли во городи тутъ добра молодца вѣдь ѣдучи.
Какъ пріѣхалъ добрый молодецъ во Кіевъ градъ,
И привезъ тутъ онъ Сóловья разбойника Догматьева.
И во скоромъ времени узналъ Владиміръ князь
И выходилъ Владиміръ онъ да на крылечико,
Испроговоритъ Владиміръ князь да таково слово:
— И ты скажи-сь-ко скажи-сь да добрый молодецъ!
— И ты какой земли, да ты какой орды,
— И чьего отца есть и чьéё матери,
— И какъ же тебя добра молодца да именемъ зовутъ,
— И звеличаютъ по отечеству?
— И ты куда же ѣдешь, откуль путь держишь? —
Отвѣтъ держалъ да добрый молодецъ:

«А гой же ты ласковое солнышко Владиміръ князь!
«Ѣду я отъ города Чернигова,
«А й отъ Чернигова пріѣхалъ и до Кіева,
«И очистилъ ту дороженку да прямоѣзжую
«И на которой былъ тутъ Соловéй разбойникъ Догматьевичъ.
«И онъ убивалъ вѣдь свистомъ змѣинымъ,
«И покрикомъ звѣринымъ,
«Сильнихъ онъ богатырей,
«И тѣхъ ли поляницъ да всѣхъ удалыхъ.
«А я вѣдь самъ-то добрый молодецъ
«Изъ того ли города изъ Мурома,
«Изъ того села да Карачаева,
«Изъ села вѣдь Карачаева крестьянскій сынъ.
«Именемъ зовутъ меня да Илья Муромецъ,
«По отечеству да сынъ Ивановичъ».
Собиралъ Владиміръ князь почестенъ пиръ,
И на тѣхъ ли князей и на бóяры,
И на тѣхъ ли на вельможъ да на великихъ,
И на русскихъ на славныхъ богатырей,
И на поляницъ да на удалыхъ.
Испроговоритъ Владиміръ таково слово:
— Ты повели-тко, добрый молодецъ,
— И тому ли Сóловью разбойнику,
— Засвистать ему въ пол-свиста въ пол-змѣинаго,
— И закричати въ пол-крика звѣринаго.
— А й пусть потѣшатся мои всѣ князи бóяра,
— И пусть услышатъ всѣ вѣдь русскіи богáтыри,
— И тѣ ли поляницы всѣ удалы́й. —
И повелѣлъ же тутъ да старыи казакъ да Илья Муромецъ
И засвистать въ пол-свиста въ пол-змѣинаго,
И закричать въ полъ-крика въ пол-звѣринаго.
Но не послушалъ татаринъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,
Закричалъ во весь вѣдь крикъ да богатырскіи,

Богатырскіи да по звѣриному,
И засвисталъ во весь свистъ по змѣиному.
И всѣ народъ тотъ людюшки да испугалися,
И кои мертвые, а иные окорачь ползутъ,
Владиміръ князь стоитъ онъ и шатается.
А й молоду́ княгиню е́го Абраксину
И спасъ ея да жизнь вѣдь доброй молодецъ,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ.
Тутъ ли ему да за бѣду стало,
И за великую досаду показалося.
Выводилъ Со́ловья да во чисто полё,
Отрубилъ у него да буйну голову,
Буйну голову его татарскую.
И тутъ ему да Соловью славу́ поютъ.

Записано на Выгозерѣ, 16 іюля.

172.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 13).

Какъ отъ батюшки было отъ умнаго,
Какъ отъ матушки да отъ разумныя,
Зарождается чадушко безумноё,
Что-ль по имени Иванушко Гостиной сынъ.
Какъ не стало у Иванушка да родна батюшко,
И остается у Иванушка да родна матушка,
И честна вдова Офимья Олександровна.
И унимаетъ родна матушка да своего чада,
И своего ли чада милаго,
И того ли дитятка любимаго,
И какъ по имени Иванушка Гостинаго.
«А гой же ты свѣтъ мое чадо непаглядное!

«И не ходи-тко чадо да на царевъ кабакъ,
«И ты не пей-ко-сь, не кушай зелена вина,
«И не имѣй союзъ со голями кабацкими,
«И не связывайся чадо со жонками со курвами,
«И со тѣма ли со дѣвками со блядками».
И не послушалъ Иванушко да своей матери,
И онъ сталъ тутъ пить, кушати да зелено вино,
И сталъ онъ знаться тутъ со голями кабацкими,
И съ тѣма ли со жонками со блядками,
И съ тѣма ли со дѣвками со курвами.
И какъ прослышала да е́во матушка,
И честна вдова Офимья Олександровна,
И приходила тутъ евѐ да родна матушка,
Приходила она да на царевъ кабакъ,
Испроговоритъ она да таково слово!
«А гой же вы народъ люди православныи!
«И не видали ль вы моего да чада милаго,
«Чада милаго дитя любимаго,
«И что ль по имени Иванушка Гостинаго?»
Испроговорятъ народъ да православныя:
— А гой же ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
— И не видали мы твоего да чада милаго,
— И что ль по имени Иванушка Гостинаго. —
Испроговоритъ тутъ Офимья Олександровна,
И что ли ко тѣмъ голямъ ко кабацкимъ:
«А гой же вы голи вы кабацкія!
«Вы скажите-тко да гдѣ моё есть чадо милоё,
«И чадо милоё дитя любимоё,
«И что ль по имени Иванушко Гостиный сынъ?
«И за то дарю васъ златомъ серебромъ».
И привели тутъ голи кабацкія
Ай оборва́наго да добра молодца,
Ай что ль по имени Иванушка Гостинаго.
И какъ бере́тъ Ивана родна матушка,

И честна вдова Офимья Олександровна,
И какъ берётъ ево да за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
И за бѣлы руки да за златы перстни,
И повела ево на пристань корабельную,
И ко тѣмъ ли купцамъ да ко заморьскiимъ,
И ко замо́рянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ.
Испроговоритъ честна вдова Офимья Александровна,
Испроговоритъ она да таково слово:
«А гой же вы купци замо́ряна,
«И вы замо́ряна купци да й вавило́няна!
«И вы купите-тко да моего́ чада,
«И моего ли купите чада ми́лаго,
«И чада милаго купите дитя любимаго,
«И что ль по имени Иванушка Гостинаго,
«И дайте-тко за нево мнѣ-ка-ва пятьсотъ рублей».
Испроговорятъ купци да таково слово:
— А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!
— И не вора ли продаешь да не разбойника? —
Ай отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна
И ко тѣмъ купцамъ да ко заморянамъ,
Ко замо́рянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
«И я не вора продаю, да не разбойника,
«А своего ли продаю да чада милаго,
«И что ль по имени Иванушка Гостинаго».
Ай отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ,
И что ль Иванушко Гостиной сынъ,
И ко тѣмъ купцамъ да ко замо́рянамъ,
Ко замо́рянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
— И не жалѣйте-тко вы да цѣлой тысящи,
— И что было́ бы моёй матушкѣ
— И до гробно́й доски ей да не скитатися. —
И тутъ пролилъ горючія сле́зы добрый молодецъ,
И въ слеза́хъ-то добрый молодецъ словцо повымолвилъ:

— И ты прощай-ко-сь прощай да родна матушка,
— И какъ честна́ вдова Офимья Александровна,
— И по писаному была да ро́дна матушка,
— Ай по житью бытью да змѣя лютая. —
И тутъ простилася да родна матушка,
А какъ простпласи она да съ любпмы́мъ сыномъ,
Съ любпмы́мъ сыномъ да со Иванушкомъ.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

173.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

Изъ того-ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того-ли села изъ Карачаева,
А изъ того-ль скита да изъ Ефимьина,
А изъ той-ли пусты́ни богомоленьи,
Выходило соро́къ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
Выходило сорокъ каликъ да со каликою.
Выходили онѣ да во чисто полё,
Становилися каликушки да во зелёной лугъ,
Во зеленой лугъ да во единой кругъ,
И ткпули каликушки копьицо да во сыру землю,
И на копьица положили они сумочки,
Ай сумочки ты были у пихъ да рыта бархату.
И стали они думать думу заедпную:
«Мы куда́ пойдемъ, братцы́ каликушки, да ку́да путь держпмъ?
«И кто изъ насъ, братцы каликушки, буде атама́нъ большой?
«Молодой Михайлушка Романовичъ да атама́нъ большой».
И стали они думать думу заедпную.
«Мы пойдемъ, братцы ребятушки, во славный Ерусалимъ градъ,
«И ко гробу Господнему да помолитися,

«И ко честнымъ мощамъ да причаститися,
«И во Ерданъ рѣки да покупатися,
«И во плакунъ травы да покататися.
«Кто изъ насъ убьетъ, или украдетъ ли,
«Илп по русскому сказать — какъ сдѣлать тяжкій блудный грѣхъ,
«И того казнить вѣдь казнію калицкою
«И жива копать да по грудямъ въ сыру землю».
И думали тутъ добры молодцы, да и пошли во чисто поле,
И во славныи Кіевъ градъ,
Ко ласкову ко солнышку Владиміру.
Не дошедши до города до Кіева,
На пути попалъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевскій;
Онѣ бьютъ челомъ да о сыру землю,
И они бьютъ челомъ да низко кланяются:
«И здравствуй ласковое солнышко Владиміръ князь,
«Что ль Владиміръ князь да стольне-кіевскій,
«Стольнё-кіевскій славнò-владимірскій!
«И ты подай-ко намъ Владиміръ князь милостыню,
«Ты подай-ко-сь намъ каликамъ перехожіимъ,
«И ты подай-кось намъ по гривнѣ зóлотой,
«И что былó бы пройти въ славный Ерусолимъ градъ,
«И ко гробу Господнему да помолитися,
«И ко святымъ мощамъ да причаститися,
«И во Іерданъ рѣкѣ да покупатися,
«И во плакунъ-травѣ да покататися».
Подадѐ Владиміръ князь по гривнѣ зóлотой,
Испроговоритъ самъ да таково слово:
— А гой же вы, сорокъ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
— И сорокъ сильныйхъ могучіихъ богатырей!
— Вы идите-тко, добры молодцы, во славныя во Кіевъ градъ,
— Ко мóлодой моёй жены къ Абрáксины.
— И пусть примётъ она каликъ со честію,

— И пусть поитъ, корми́тъ, и съ честью спать приметъ. —
И бьютъ челомъ калики о сырой земли,
И бьютъ каликушки да низко кланяю́тся,
И самъ путь держать ко городу ко Кіеву,
И къ молодой княгинѣ ко Абраксинѣ,
Какъ вступили жъ только въ славный Кіевъ градъ,
Идутъ они во тѣ полаты бѣлокаменны,
И къ мо́лодой княгинѣ ко Абраксины,
И они бьютъ челомъ да до сырой земли,
И отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра,
И отъ Абраксина супруга отъ законнаго.
Испроговорятъ калики таково слово:
«А гой же ты Абра́ксина да молода жена!
«И ты накорми каликъ, напой, да спать прими».
Посадила Абраксина каликъ за столицки дубовыи
И за тѣя ли за скатерёдочки за браныя.
И всѣ калики за столомъ да наѣдалися,
И всѣ каликушки да за столомъ и напивалися,
Но й всѣ каликушки да на спокой пошли,
Какъ единъ оставается калицкій атаманъ большой,
И мо́лодый Михайлушка Романовичъ.
Прельстилась въ Михайлушку молода жена Абраксина,
И стала просить его къ себѣ да на кроватичку.
— И ты пожалуй-ко да доброй мо́лодецъ,
— Молодой Михайлушко Романовичъ!
— А не угодно ли тебѣ да ночевать со мной,
— Ай ночевать со мной да й позабавится?
Испроговоритъ каличій атаманъ большой,
Моло́дый Михайлушка Романовичъ:
«Вѣдь у насъ положена какъ заповѣдь великая
«А й великая тутъ заповѣдь калицкая:
«Кто изъ насъ убьетъ, или украдетъ ли,
«Или по русскому сказать — какъ сдѣлатъ тяжкій блудный
грѣхъ, —

«Того казнить вѣдь казнію калицкою,
«И жива копать да по грудямъ въ сыру землю».
Но вѣдь въ томъ тутъ добра молодца да призамѣтили,
И тѣе ли калики да его товарищи,
И скопали его по грудямъ во сыру землю.
И они путь держáтъ каликушки да во славный Ерусалимъ градъ,
Что ли ко гробу Господнему да помолитися,
Что ли ко святымъ мощамъ да причаститися,
И во Ерданъ рѣкѣ да покупатися,
И во плакунъ-травѣ да покататися.
Пришли они во славныé во Еросолимъ градъ,
И ко гробу Господнему да помолилися,
И ко честнымъ мощамъ да причастилися,
И во Ерданъ рѣкѣ да покупалися,
И во плакунъ-травѣ да покатался.
И они взадъ тутъ путь держатъ-то сорокъ каликъ да добрыхъ молодцевъ.
Какъ дошли до славнаго до града Кіева,
И до ласкова солнышка да до Владиміра,
И посмотрѣли они мóлода Михайлушка Романова,
И своего ли калицькаго да атамáнъ-больша.
И какъ обóзрили тутъ калицьяго да атамáнъ-больша,
И молода Михайлушку Романовича,
И всѣ ль тутъ каликушки да удивились,
И какъ живой есть тутъ калицій атаманъ большой,
И молодóй Михайлушка Романовичъ,
И тутъ у калицьяго атамáнъ-больша,
Да всѣ каликушки простились,
И какъ избавили Михайлушку да изъ неволюшки.
И они путь держатъ да добрыя мóлодцы,
И они путь держатъ да во свои мѣста.

Записано тамъ же, 16 іюля.

174.

САДКО.

И бился Садкò купецъ да о великъ закладъ,
И не о ста рубляхъ онъ бился не о тысящи,
И о своёй онъ бился о буйной головушкѣ,
И что изъ Новáграда товарушки повыкупить,
И какъ на желты пески товарушки повыкатить,
На черны кóрабли товарушки повыгрузить.
И начáлъ Садко купецъ богатыя,
И начáлъ товарушки выкупливать,
И на желты пески товарушки выкатывать,
И на чéрны кóрабли товаръ повыгрузить.
И не могъ Садко купецъ богатыя,
Столько откупить да одного молокá прѣсна,
Но и въ каждый день на славушку привозятъ пó два разъ.
И видитъ тутъ Садко купецъ богатыя,
И видитъ да что бѣда пришла и неминуема.
И нагрузилъ Садко купецъ богатыя,
И нагрузилъ всѣ кóрабли черленыя,
И отправляется Садко во сине море,
Во сине морё да во солóноё.
Какъ услышалъ князь да новгородскія,
Онъ въ догонъ послалъ за Садкомъ купцомъ богатыимъ,
Какъ догнать Садка купца богатаго,
Привести Садка да предъ моё лицо,
На то-ль судьбище да на страшное.
И скоро догоняли слуги вѣрныя,
Слуги вѣрныя и безызмѣнныя,
И хощутъ только схватить Садка купца богатаго.
А й видитъ Садко купецъ богатыя,
Какъ бѣда пришла да неминуема,
И беретъ Садко купецъ богатыя,
И беретъ гуселышка звончатыя,

И бросился Садко купецъ богатыи,
Да во́ синё море да во солоное.
И тамъ сымàлъ поддонный князь Садка купца богатаго,
Ведетъ Садка во полаты бѣлокаменны
Испроговоритъ тутъ поддонный князь да таково слово:
«А гой же ты Садко купецъ богатыя!
«И ты взыграй-ко во гуселышки звончатыи,
«И ты спотѣшь, спотѣшь меня князя поддоннаго».
И началъ Садко купецъ богатыя,
И началъ онъ въ гуселышка выигрывать.
И игралъ Садко купецъ богатыи,
И онъ игралъ въ гуселышка да трои суточки,
И тутъ поддонный князь да распотѣшился,
Какъ синё-то море всколыбалося,
Черны ко́рабли вѣдь въ мори всѣ разру́шались,
И много тутъ поги́нуло напрасныхъ душъ,
Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
И на четвертыя на суточки
Повалился спать Садко купецъ богатыя,
И какъ во сни кажется Садку купцу богатому
Что ли пришла къ нему да Богородица,
Испроговоритъ ему да таково слово:
— Ты гой же Садко купецъ богатыи!
— И ты почто игралъ въ гусе́лышка звончатыя,
— И спотѣшалъ вѣдь ты Садко князя поддоннаго?
— И какъ подонный князь да воспотѣшился,
— И въ тое время синё море всколыбалоси,
— И черны ка́рабли да разрушались,
— И много погибало тутъ напрасныхъ душъ,
— Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
— И ты сорви, сорви струны да у гуселышковъ,
— Ты Садко что ли купецъ богатыи,
— И за то дарить будетъ тебя да златомъ серебромъ,
— И да́рить будетъ каменемъ да драгоцѣннымъ,

— Не бери-тко, не бери да злата серебра,
— Не бери-тко каменья да драгоцѣнныи,
— И попроси себѣ невѣ́сту нареченую.
— И приведетъ онъ сорокъ дѣвицъ да со дѣвицею,
— И выбирай себѣ Садко купецъ да ты богатыя,
— И выбирай себѣ которой хуже нѣтъ,
— И которой хуже нѣтъ, коéй чернѣе нѣтъ. —
И воспряну́лъ Садко купецъ богатыя
И онъ отъ крѣпка сна да безпробудпаго.
И онъ во страхѣ бысть да во великоемъ,
И онъ сорвалъ да струночки звончатыя.
Приходитъ тутъ къ Садку поддонный князь
И повелѣтъ *(такъ)* играть въ гусе́лышка звончатыи.
Испроговоритъ Садко купецъ богатыя:
«А гой же ты поддонный князь,
«Какъ нельзя взыграть въ гуселышка звончатыя,
«И какъ гуселышка у меня да потравились,
«И сорвалися струночки звончатыя».
Испроговоритъ поддонный князь да таково слово:
— Ай же ты Садко купецъ богатыи!
— Ты за то бери съ меня да злата серебра,
— И ты еще бери-тко каменьевъ да драгоцѣнныихъ. —
Испроговоритъ Садко да таково слово:
«А й же ты поддонный князь да что ль великія!
«А й не падо мнѣ-ка-ва да злата серебра,
«И не надо мнѣ-ка каменья да драгоцѣннаго,
«И столько дай-ко-сь мнѣ невѣ́сту нареченую,
«Я здѣсь у тебя хощу женитися».
И приводилъ поддонный князь сорокъ дѣвицъ да со дѣвицею,
И выбиралъ Садко купецъ богатыя,
И выбиралъ себѣ невѣсту нареченую,
И выбираетъ дѣвицу коей хуже нѣтъ,
И ко́ей хуже нѣтъ, коéй чернѣе нѣтъ.
И тутъ Садко купецъ богатыи,

Началъ Садко купецъ женитися.
Всѣ прошли у него да столованія,
И отвели Садка купца богатаго,
Со своей ли со невѣстой нареченою,
И повалился спать Садко купецъ богатыя,
И охапи́лъ Садко купецъ богатыи
Онъ тую ли невѣсту нарече́ную.
И увида́лъ Садко купецъ богатыи,
И увидалъ онъ тутъ, что я въ воды лежу,
Въ воды лежу я на берегу да во своёй рѣки.
И увидалъ Садко купецъ богатыи
И что ль свои полаты бѣлокаменны,
И выходи́лъ Садко купецъ богатыя,
И прославлялъ пречисту Богородицу,
И что избавила меня да отъ погибели,
И отъ погибели да отъ напрасныя.

Записано тамъ же, 16 іюля.

175.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ подъ славную да каменну Москву
И бысть напущеніе великое
И на грознаго царя Ивана Васильевица.
Изъ иной земли, изъ Золотой орды,
Наѣзжаетъ молодой нахвальщичекъ,
И со той ли со силой невѣрною,
И со тѣмъ ли со войскомъ со татарскіимъ.
А й самъ онъ мо́лодый нахвальщикъ похваляется:
«А я всю землю Русскую наскрозь пройду,
«И каменну Москву я въ плѣнъ возьму».
И какъ услышалъ эту по́хвалу

Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Призываетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Своихъ трехъ сыновъ любимыихъ,
Испроговоритъ да таково слово:
— А гой же вы мои дѣточки любимыя!
— И вы берите-тко золотой казны да сколько надобно,
— И вы берите-тко войска сколько надобно,
— Поѣзжайте вы да во чисто поле,
— И поразите вы мо́лода нахвальщика. —
И принимаются тутъ дѣти царскія,
И что ль за тое ли за дѣло ратное.
И собираютъ войска полки великіе,
И отправляются они да во чисто полё.
И наказываетъ имъ да родный батюшко,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Вы поѣдете вѣдь дѣти во чисто поле,
— Станете бить рубить вы силу на выпашку,
— И не оставляйте на улици ни курици;
— И на воротахъ вы кровью подписывай,
— Какъ плѣнены эти улици Ѳедоромъ царевицемъ,
— Какъ плѣнены эти улицы Василіемъ Ивановичемъ. —
Выѣзжаютъ добры молодци во чисто поле,
И начали сражаться супротивъ войска невѣрнаго,
И начали рубить тутъ силу татарскую,
И не оставляютъ на улици ни курици,
На воротахъ они кровью подписываютъ:
Какъ плѣнены эти улицы Василіёмъ царевичемъ.
И какъ увидѣлъ Василій царевичъ надъ своимъ братомъ,
А что дѣлаетъ мой братъ родной измѣну великую;
И побѣдили они тутъ все войско татарское.
И какъ ѣдутъ они съ побѣдой въ каменну Москву,
И бьютъ челомъ да своему родиму отцу,
И бьютъ челомъ ему да до сырой земли:

«Какъ съ побѣдою тебѣ нашъ Грозный царь,
«Много лѣтно здравствовать тебѣ Васильевичъ!»
Ай тутъ вѣдь грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ беретъ своихъ онъ трехъ сыновъ,
За бѣлы руки да за златы перстни,
И онъ цѣлуётъ ихъ да во уста во сахарныи.
И какъ садилъ онъ ихъ за столики да за кленовыи,
И за тѣя ли за скатерти за бѣлобраныя,
И начинается у Грознаго почестной пиръ.
Всѣ ли на пиру сидятъ да полны веселы,
Всѣ на пиру да напивалися,
Еще какъ всѣ на пиру да наѣдалися,
И всѣ на пиру да порасхвастались.
И чтоль похвасталъ грозный царь своей защитою.
— Какъ повыведу измѣнушку-ту я изъ Кіева,
— И повыведу измѣну изъ Чернигова,
— Не повыведу измѣнушку да съ каменной Москвы. —
Испроговоритъ его да родной сынъ,
Ай родной сынъ Василей царевичъ младъ:
«Ай не повывести измѣнушки будетъ изъ Кіева,
«И не повывести измѣны изъ Чернигова,
«И не повывесть измѣны съ каменной Москвы.
«Ужъ какъ первая измѣна за столомъ сидитъ,
«Изъ одной она чашечки ѣстъ и пьетъ,
«И платьице-то носитъ одного сукна,
«Одного сукна да одного шведа.
«Ужъ какъ на́ брата сказать, такъ брата жаль,
«А какъ по́ брати сказать — себѣ напрасна смерть».
Какъ скрычалъ сзычалъ да громкимъ голосомъ
И грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ай гой же вы сорокъ па́лачовъ да немплосливыхъ!
— И вы возьмите скоро моего сына,
— И чтоль того ли Ѳедора царевича,
— И вы ведите-тко-сь на поле на Ку́ликово,

— И что на тую лягу на кровавую,
— И что на тую ли на плаху на дубовую,
— И отсѣките-тко у него по плечъ да буйну голову,
— И положите его да буйну голову
— И что на тое ли на копьице на вострое,
— И принесите его да буйну голову,
— И сопротиво моихъ палатъ да бѣлокаменныхъ,
— И сопротиво ли окошечка косявчета,
— И сопротиво ли моего зеркала хрустальнаго. —
И какъ услышала его да родна матушка,
И честна царица Омельфа Тимоѳеевна,
И какъ не кукушка по городу прорыскала,
И что ль царица скоро по городу пробѣжала,
И ко тому ли братцу къ двуродимому,
И ко тому ли ко Никитушку Романову.
Приходила она во гридни свѣтлыя,
Ай она крестъ-то кладётъ да по писаному,
И поклонъ тотъ ведетъ да по учёному.
«И тебѣ хлѣбъ да соль да добрый молодецъ,
«И мой ли ты вѣдь братецъ двуродимыя!
«Ѣшь ты пьешь да проклаждаешься,
«И надъ собой же ты незгодушки не вѣдаешь.
«Какъ укатается изъ глазъ да красно солнышко,
«Увозятъ у меня да чада милаго,
«И твоего ли племинка любимаго,
«Ай на тое ли болото на Куликово,
«И что ль на тую ли на плаху на дубовую,
«И какъ на тую ли на лягу на кровавую,
«И хощутъ отрубить по плечь да буйну голову».
Чуть ли выслушалъ глаголы сестры двуродныя,
И поскорешенько Никита снаряжается,
Посмѣлешенько Романовичъ да отправляется,
А й обуваетъ онъ чебо́тики да на босу ногу,
И купью шубоньку бросаетъ на одно плечо,

И турью шапочку метаетъ на одно ухо,
И выходилъ Никитушка да на конюшенъ дворъ,
И чтоль беретъ Никитушка уздечику тесмяную,
Ай выбираетъ Никитушка коня да чтоль не ѣзжана,
Ай отправляется Никита во чисто поле.
Столько видѣли добра молодца вѣдь сядучись,
И какъ не видѣли Никитушки поѣдучи.
Въ чистомъ поли да курева стоитъ,
Куда падаютъ копыта лошадиныи,
И тутъ становятся колодцы ключевой воды,
А кой поспѣлъ уйти дакъ того Богъ унесъ,
А кой не поспѣлъ уйти, того конемъ топталъ.
И пріѣзжаетъ Никита въ поле Куликово,
И закричалъ Никита громкимъ голосомъ:
— Ай ты стой-ко-сь палачъ да немилóсливый,
— Ай ты маленькой Малютушка Шкуратьевичъ!
— И ужъ ты съѣшь кусокъ да самъ подавишься. —
Ай выпадаетъ сабля со правой руки,
Ай у того ли палача да немúлослива.
И отрубилъ у палача да буйну голову,
И чтоль положилъ его да буйну голову,
И тутъ принесъ его да буйну голову
И сопротивъ полатъ да бѣлокаменныхъ,
И сопротиво ли окошечка косявчета,
А й сопротиво ли то зеркала хрустальнаго.
И вѣдь тутъ какъ грозный царь да запечалилсо.
Запечалилсо царь да закручинилсо.
Подаетъ сигналъ онъ по всёй Москви,
Чтобы сбирались народъ да православныи,
И поминать его да чада милаго,
И одѣли бы они платьё печальноё.
И какъ собрались народъ люди православныи,
И приходили народъ да во Божью церкву,
Приходили они во томъ ли платьѣ во опальноёмъ,

Какъ Никитушка Романовичъ пріѣхалъ въ платьѣ драгоцѣнноемъ,
И за собой привезъ онъ е́го чада милаго,
И самъ становился онъ да супротивъ царя,
А племника поставилъ позади себя.
Испроговоритъ да таково слово
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А гой же ты старцище удальцище
«И ты Никитушка Романовичъ:
«Развѣ ты надо мной да надсмѣхаешися,
«Какъ пришелъ ты да во Божью церкву,
«И какъ пришелъ ты въ платьѣ драгоцѣнноемъ?
«Весь народъ то люди въ платьицѣ опальноёмъ».
Испроговоритъ Никита таково слово:
— А гой же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Есть ли грѣшнику да тамъ прощеніе,
— Ай виноватому да покаяніе? —
«И какъ простилъ бы я, да то́го негдѣ взять».
И подаетъ тутъ въ руки грозному царю Ивану Васильевичу
Своего ль ему да чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
И что ль того ли Ѳедора царевица,
И какъ беретъ онъ чада за бѣлы руки,
За бѣлы́ руки да за златы перстни,
Цѣлуетъ его во уста да во сахарнія.
Испроговоритъ Никита таково слово:
«А гой же ты старикъ Никитушка Романовичъ!
«Ты бери-тко-сь отъ меня да каменья драгоцѣннаго,
«И города ты бери съ пригородками,
«И села ты бери да чтоль съ приселками,
«И ты бери деревни со крестьянами».
Испроговоритъ Никита таково слово:
— И мнѣ не надо твоёй да золотой казны,
— И мнѣ не надо твоего да каменья драгоцѣннаго,

— И не надъ *(такъ)* твоихъ градóвъ да съ пригородками,
— И не надо мнѣ твоихъ селъ да со приселками,
— И не надо мнѣ-ка-ва деревёнъ да со крестьянами,
— Только дай-ко мнѣ-ка-ва Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Дай-кось мнѣ ты свою отчину. —
И кто что сдѣлалъ и сбѣжитъ, такъ того Богъ унёсъ.

Записано тамъ же, 17 іюля.

176.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

(См. Рыбникова, т. IV, 19).

Какъ у вдовушки былó у пашицы,
Какъ девять сынковъ да одинака дочь.
Какъ девять сынковъ да возростáть стали,
Возростать стали да вдругъ повыросли.
И вдругъ повыросли да во разбой пошли,
Одинаку дочь да замужъ выдали,
И чтоль за славноё да за синё море,
И за того купца да за богатаго.
«Ужъ я годъ жила да не стоснулася,
«Я другой жила да въ умп не было,
«И я на третій годъ да стосковалася,
«И чтоль у свекрушка да подавалася,
«И у свекровушки да доложиласи,
«Съ мужемъ сдумали, вдвоé поѣхали,
«Чтоль за славноё за синё морё,
«За синё морё да за солоное».
Какъ среди моря да среди сúняго,
Что ль не туценки да призатемнили,
И не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,

Призатемнѣли черны ка́рабли,
Ай призабѣлѣли да топки парусы.
Что ль наѣхало девя́ть разбойниковъ,
И у младо́й жены мужа́ потре́били,
И чтоль младенцика да въ море спу́стили,
И молоду вдову да прибезчестили.
Всѣ разбойники спать улягутся,
И одному жъ разбойнику не по́спалось,
И не поспалось да призаду́малось,
И онъ началъ тутъ вдовушку выспрашивать,
И нача́лъ у вдовушки вывѣдывать:
— И ты скажи́, скажи́, ты ска́жись, вдовушка,
— И ты цьего роду́ и цьего племени,
— И ты цьего отца да цьёё матери?
— Еще какъ тебя да именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ тебя да по отечеству? —
И что ль отвѣтъ дёржи́тъ да молода вдова:
«Ужъ я есть-то роду сама ме́ньшаго,
«Ужъ я есть-то рода вдовки пашицы
«И какъ у вдовушки было у пашицы
«И что ль девять сыновъ было одинака дочь.
«И какъ девять сыновъ да возростать стали,
«Возростать сталѝ да вдругъ повыросли,
«И вдругъ повыросли да во разбой пошли,
«И чтоль меня едину за́ мужъ выдали,
«И какъ за славноё да за синё море
«И за того купца да за богатаго.
«Ужъ я годъ то жила да не стоснуласи,
«И другой жила да въ уми не было,
«Я на третій годъ да стосковаласи,
«Я у свёкрушка да подаваласи,
«У свекровушки да доложиласи.
«Двое здумали, съ мужо́мъ поѣхали,
«Чтоль за славноё да за синё морё

«И ко сво́ёй ли ко родной матушкѣ.
«Что ль среди-моря да средп синяго,
«И какъ пе туценки призатемпѣли,
«И пе бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
«Призатемнѣли вѣдь черны ка́рабли,
«Ай призабѣлѣли да тонки па̀русы».
Ай все то выслушалъ да тотъ разбойничекъ,
И онъ вскричалъ сзычалъ да зычнымъ голосомъ:
— И вы ставайте-тко да братья родныи!
— Своего ли зятя мы потре́били,
— Родна племпика да въ море спустили,
— Родиму сестру да прибезчестили.
И всѣ разбойники да пробудилися
И всѣ разбойники да устрашилися,
И у родной сестры они простилися:
«И ты прости, прости да сестра родная,
«И ты во всемъ прости и ты помилуй насъ!»

Записано тамъ же, 16 іюля.

177.

ГОРЕ.

И какъ отъ батюшка было отъ умнаго,
И отъ матушки да отъ розумпоя,
Зародилоси чадушко безумноё,
Безумноё чадо неразумноё,
И унимаетъ тутъ чадушко родна матушка:
«И не ходи-тко чадо на царевъ кабакъ,
«И не пей-ко-сь чадо да зелена вина,
«И не имѣй суюзъ со голями кабацкими,
«И не знайся ты чадо со жонками со блядками,
«И что ли со тѣма со дѣвками со курвами».
И не послышалъ тутъ чадо родной матушки.

И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ кабакъ,
И сталъ тутъ пити кушати да зелена вина,
И сталъ знаться чадо съ голями кабацкима,
И суюзъ имѣть сталъ съ жонками со блядками,
Ай со тѣма ли-то со дѣвками со курвами.
Ай тутъ вѣдь къ добру молодцу да Горе привязалоси,
Какъ молодецъ со Горюшка да въ козаки пошолъ,
Еще Горе вслѣдъ да топоры́ несётъ,
Топоры несётъ само приговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушолъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ къ тебѣ я Горе привязалоси. —
И молодецъ со Горюшка да во солдатушки.
А еще Горе вслѣдъ да оружьё несётъ,
Ай оружьё несётъ само выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушолъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси. —
И молодецъ со Горюшка да во быстру рѣку.
А й Горе вслѣдъ да невода́ несётъ,
И невода́ несетъ да выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушелъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси. —
И молодецъ-то со Горюшка да на синё море.
Еще Горе вслѣдъ да гоголёмъ пловётъ,
И гоголёмъ пловётъ да выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушелъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси. —
И молодецъ-то со Горюшка да во синё море.
А й тутъ-то Горе сѣло вѣдь на бѣлу́ю грудь,
И стало Горюшко да слезно плакати.
— И тебѣ спасибо добрый молодецъ,
— И какъ умѣлъ на сёмъ свѣти́ Горя́ помыкати! —
А й тутъ на вѣкъ Горе розставалоси,
И со удаленькимъ да добрымъ молодцемъ.

Записано тамъ же, 11 іюля.

XXXII.

Ѳ. ЗАХАРОВЪ.

Ѳедоръ Захаровъ, крестьянинъ съ Выгозера, подъ пятьдесятъ лѣтъ, земледѣлецъ; выучился былинамъ отъ заѣзжихъ людей; поетъ «голосомъ» былины про Ивана Гординовича, Батыгу и королевичей изъ Крякова; прочихъ не умѣетъ пѣть, а разсказываетъ ихъ словами, съ сохраненіемъ однако стихотворнаго склада.

178.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

А й во городѣ было во Кіеви,
А явилоси чудо неслыхано,
Наѣхало Идóлищо поганоё,
Ростомъ Идолищо трехъ аршинъ,
Межъ глазамы у него пяда мѣрная,
Глаза у него какъ чаши пивныи,
Онъ сидитъ, ѣстъ да пьетъ, проклаждается,
Надъ Владиміромъ княземъ похваляется:
«Я Кіевъ градъ вашъ въ полонъ возьму,
«А Божьи церквы всѣ на дымъ спущу,
«Князей бояръ всѣхъ повырублю».
А на ту пору да нá то времечко,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ является Илья да ко Владиміру.
Испроговоритъ Идолищо поганоё:
«Это кто пришелъ у васъ, какой пастухъ?»
— Это старый казакъ Илья Муромецъ. —
Испроговоритъ Идолищо поганоё:
«Онъ много ль ѣстъ, да много ль кушаетъ?»

А отвѣчатъ ему Илья Муромецъ:
— А колачикъ съѣмъ, дру́гой хочется.
— А дру́гой съѣмъ, съ то́го сытъ живу. —
«А я то Идолище поганоё,
«Я по́ хлѣбу кладу за́ щеку,
«А по дру́гому кладу я за другую,
«Лебедь бѣлую на закусочку,
«Ведро мѣрное да на запивочку».
Испроговоритъ тутъ Илья Муромецъ:
— Какъ у моего было у батюшка
— Большобрюхая коро́вище обжорище,
— Она много ѣла пи́ла, да и лопнула. —
Таково́ слово ему́ за гнѣвъ пало.
Онъ бросилъ ножичищомъ — кинжалищомъ
Во стараго казака Илью Муромца.
Его ножикъ Илья клюхой отвелъ,
Не попало въ Илью Муромца,
А попало въ придве́рину со две́рями,
Вышибло придверину со дверями.
И того Илья не устрашается,
А стоптъ Илья да й усмѣхается.
Самъ говоритъ таково слово:
— Не честь не хвала молодецкая,
— Окровавить полата княженецкая,
— А повывести Идолища на крылечико. —
И бралъ тутъ его за желты́ кудри,
За желты́ кудри да́ за бѣлы руки,
Выводилъ его изъ полаты вонъ.
Говорилъ Илья таково слово:
— Не честь будё хвала молодецкая,
— Окровавить крылечко княженецкое,
— Лучше вывести татарина на ши́рокъ дворъ. —
Поднималъ его да выше головы,
Ударилъ его о сыру́ землю,

Розбилъ его всéго въ дребезги.
Тутъ среди стола бѣлодубова
Только Идолище живъ бывалъ,
Только поганоё Кіевъ бралъ;
А вся честь хвала Ильи Муромцу.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

179.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

А й у насъ было въ городи Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра,
Завелся, зачался почестенъ пиръ
На многи на князи на бóяра,
И па русски поляницы удалыя.
И самъ тутъ Владиміръ веселъ былъ,
Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово:
«У насъ вси молодци были женены,
«А племянничекъ Иванушко Гординовичъ
«Онъ холостъ ходилъ и неженатъ гулялъ.
«Поѣзжай ты, Иванушко, женитися,
«Сколько надобно бери золотой казны,
«Или несчетныя силушки великія».
Испроговоритъ Иванушко Гординовичъ:
— Свѣтъ государь ты мой дядюшка,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевскій!
— Мнѣ не надо твоей золотой казны,
— Мнѣ не надо твоей силы несмѣтныя.
— Только дай мнѣ три коня что ни лучшіихъ,
— Еще три молодца изобраныихъ.
— Во первыхъ дай Добрыню Никитича,
— Во дрýгихъ дай Алешу Поповича,

— Во третьихъ Исака Петровича.
— У мёня есть теперь невѣста повыбрана,
— А во этомъ городи Черниговѣ,
— У Митрія купца у богатаго,
— Есть душечка Настасья Митріёвична,
— Всѣмъ то Настасьюшка добрымъ добра,
— И тѣломъ Настасья быдто снѣгъ бѣла.
— У ей бровушки были черна соболя,
— У ней очушки были яспа сокола,
— Походочка у ней была павиная,
— Разговорушки были лебединые. —
А й садилиси молодци поѣхали
Ко этому городу Чернигову,
Ко Митрію купцу ко торговому.
Только видѣли молодцевъ сѣдучи,
А не видѣли удалыихъ поѣдучи.
И не путемъ они ѣдутъ не дорогою,
Прямо ѣдутъ черезъ стѣну городовую.
Увидѣлъ тутъ Митрéй торговый гость,
Скоро выбѣжалъ Мúтрей на шúрокъ дворъ,
Во óдныхъ чулочкахъ безъ чеботовъ,
И въ óдной рубашкѣ безъ шубоньки,
Принимаетъ гостей да й подчуетъ.
«Ай же вы удалыи молодцы!
«Вы чего сюда теперь пріѣхали?»
— А пріѣхали посвататься
— На твоей ли любúмой на дочери,
— А й на этой Настасьѣ Митріёвичной.
— Есть ли волей не дашь, мы боёмъ возьмёмъ.
Испроговоритъ купецъ имъ богатыи:
«Ай же вы удалыи добры молодци!
«У мёня за три годы Настасьюшка просватана
«За того царя за Кощерища,
«А вы возьмите увезите, вамъ Богъ подастъ».

Брали удалыи молодцы
Душечку Настасью Дмитріёвичну,
Посадили еé на добра коня,
Повезли еé ко городу Кіеву,
И ко ласкову князю Владиміру.
Не доѣдучи до города Кіева,
Попало на лѣсу три слѣдочика.
И первый слѣдъ левá звѣря,
А дрýгой слѣдъ лани бѣлыя,
А третій слѣдъ черной куночки.
Тутъ Добрынюшка поѣхалъ за левы́мъ-звѣрёмъ.
А Олешенька за лапью за бѣлою,
А Исакъ Петровичъ за куночкой чорною,
А Иванушка Гординовичъ
Отдыхалъ онъ съ Настасьей во бѣлóмъ шатрѣ.
Наѣзжаетъ тутъ царищо Кощерищо,
И говорилъ тутъ царищо таково слово:
— Ай же ты Иванушко Гординовичъ!
— Ты почто увезъ невѣсту обручёную,
— Обручёную Настасью за трú года.
— А ужъ мы станемъ-ко кидать теперь жеребёй,
— Будемъ пробовать мы силу молодецкую. —
И бросилъ тутъ Иванушко Гординовичъ
Царища Кощерища о землю,
И садился ему на бѣлу грудь,
Садился Иванъ да выговаривалъ:
«Ужъ ты душечка Настасья Митріёвична!
«Ты подай ножичищо кинжалищо,
«Распорю я теперичу татарску грудь».
А й возмолится царищо Кощерищо:
— Ужъ ты душечка Настасья Митріевична!
— Не подай ножичища — кинжалища,
— А возьми-тко Иванушка зá кудри,
— А сними-тко съ меня éго нá землю.

— За мной будешь жить, дакъ царицей слыть,
— А за Иваномъ жить, бабой портомойницей. —
А у дуры у бабы волоса́ долги,
Волоса́ долга да дума ко́ротка.
Она взяла Иванушка за́ кудри,
А склонила его да на сыру землю,
Исправился царищо Кощерищо.
Нарвали они да ковыль травы,
Привязали Ивана ко сыру дубу,
Ко сыру дубу да на ковыль траву.
Сы́рой дубъ погибается,
А ковыль трава не порывается.
А на ту пору да на то времечко
Прилетѣло два малыихъ два сизыихъ голуба,
Прилетѣли надъ Иванушкомъ во́ркали:
«За что эта головушка привязана,
«Привязана головушка прикована?
«Ради дѣвки ради дурища».
А й ты слова царю да не влюбилиси,
Онъ беретъ тутъ Иванушковъ ту́гой лукъ,
Накладыватъ Иванову калену стрѣлу,
Направляетъ во малыихъ голубовъ.
А возмолится Иванъ у сыра дуба:
— Ужъ ты батюшко мой ту́гой лукъ,
— Матушка да калена́ стрѣла,
— Не пади, стрѣла, не на́ воду,
— Не пади, стрѣла, ты й не на́ землю,
— А воротись ко татарину во бѣлу грудь. —
По его̀ словамъ тутъ случилоси,
Калена́ стрѣла да воротиласи,
И вышибла сердцо со печенью.
А й заплакала Настасья Митріёвична,
А отъ о́дного бережка отка́чнутось,
Ко дру́гому да не прика́чнутось.

Говоритъ ей Иванъ таково слово:
— Отвяжи меня Настасья отъ сыра дуба,
— Я не буду бить тебя наказывать,
— Только дамъ три грозы княженецкіихъ,
— Да и три тебѣ науки молодецкіихъ. —
Отвязала Настасья отъ сыра дуба,
А й беретъ тутъ Иванушко булатній ножъ,
Отсѣкъ у ей руки по локóтамъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Съ поганымъ царемъ охапляласи. —
Отсѣкъ у ей носъ да и со губами:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этима мѣстама цѣловаласи. —
А копалъ глаза со косицамы.
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы умиляласи. —
А й тулово оставилъ на сырой земли,
Черныимъ вóронамъ на грáянье,
Добрыимъ людюшкамъ на бáянье.
Самъ поѣхалъ ко городу Кіеву,
А ко дядюшкѣ Владиміру ко Кіевску,
Розсказалъ ему обо всемъ пóдробно.
А и только нашъ Иванушка женатъ бывалъ,
И только Гординовичъ съ женой сыпалъ.

Записано тамъ-же, 15 іюля.

180.

ДЮКЪ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
А й у ласкова князя у Владиміра,
Открылся зачался почестной пиръ,

На многи на князи на бояры,
И на русски поляницы удалыи.
Этотъ день идетъ къ вечеру,
А почестной пиръ сталъ на весели.
Всѣ на пиру напивалиси,
И всѣ на пиру наѣдалиси,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Сильнiй-етъ хвасталъ своей силою,
А богатый хвасталъ золотой казной,
А удалой хвасталъ добрымъ конёмъ,
Умный хвасталъ отцемъ матушкой,
А безумный хвасталъ молодой женой.
Тутъ, среди стола бѣлодубова,
Сидѣлъ удалый добрый молодецъ
Молодой Дюкъ Степановичъ.
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не кушаётъ,
Ни съ кѣмъ не говоритъ и не хвастаетъ.
Говоритъ ему Владiмiръ князь:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты чего не пьешь, не кушаёшь,
«Ни съ кѣмъ не говоришь, не хвастаешь?
«Развѣ пиръ тебѣ да не по разуму,
«Или ѣсть тебѣ было нéчего,
«Или человѣкъ бѣдёнъ хвастать не о чемъ?»
Говорилъ ему Дюкъ Степановичъ:
— Ай ты солнышко Владiмiръ стольно-кiевской!
— У меня есть живота и больше вашего,
— Я отъ батюшки остался малешенёкъ,
— И не привыкъ ѣсть хлѣба чернаго,
— А у моей-то родители у матушки,
— У честной вдовы Амальфы Тимоѳеевной,
— Есть гридни палаты бѣлокаменны.
— Полы и среда одного серебра,
— Крюки пробои по булату злачёны,

— Печки тѣ были муравлены,
— Помялышка были шелковыи,
— Водушка была медовая,
— Колачики пекутъ крупивчаты.
— Колачикъ съѣшь, а другой хочется,
— А другой съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
— Если третій съѣшь, то и сытъ будешь.
— А серебра и золота смѣту нѣтъ,
— Широкій дворъ на семи верстахъ,
— И около заборы позолочены. —
На тѣ слова Владиміръ не повѣрилсо,
А принялъ молодца за́ гостя,
Къ нему въ домъ послалъ Чурилу Плёнкова
И мо́лода Олешу Поповича,
Узнать, описать все имѣніе.
Пріѣзжали молодцы къ дому Дюкову,
И увидѣли изрядную женщину.
Поклонившись ей проздравили:
«Здравствуй-ко Дюкова матушка,
«Честна́ вдова Амельфа Тимоѳеевна!»
Отвѣчала имъ женщина:
— Я не Дюкова матушка,
— А Дюкова послѣдняя портомойница,
— А вы увидите Дюкову матушку,
— Она отворитъ вамъ глубокіи погребы
— И покажетъ вамъ много злата и серебра,
— И всякаго каменья драгоцѣннаго. —
Потомъ Чурила Плёнковичъ,
Написалъ письмо ко Владиміру:
«Ты послушай Владиміръ кіевской!
«У насъ чернилъ бумаги не ставится,
«А у Дюка́ живота остается».

Записано тамъ же, 15 іюля.

181.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

А й у насъ было во городи во Кіевѣ,
А какъ сподъ этой-то стѣны городовыя
Выходило два тура златорогія,
А на встрѣчу турамъ ихна мать родна.
«Ай же малыи туры неразумныи!
«Ужъ вы гдѣ туры были, что вы видѣли?»
— Ужъ мы видѣли, мати, чудо чудное,
— Чудо чудноё вид'ли, диво дивное.
— Тамъ ходила по стѣны красна дѣвица,
— Не столько ходила, сколькі плакала,
— Она плакала тужила зычнымъ голосомъ. —
«Ужь вы глупыи туры неразумныи!
«Это плакала стѣна городовая,
«Она слышала побѣду надъ Кіевомъ».
А й на ту пору на другой день,
Пріѣхалъ Батый тутъ невѣрной царь,
Со своимъ сынóмъ Батыгою Батыгичемъ,
Да съ любимыимъ зятемъ татариномъ
И со хитрымъ дьячкомъ зловыдумчивымъ.
У Батыги было силы сорокъ тысящей,
И у сына его сорокъ тысящи,
У зятя у него сорокъ тысящей,
Да й у хитраго дьячка сорокъ тысящей.
Обступили обошли они Кіевъ градъ,
И посылаетъ тутъ Батый царь скорà гонца:
— Ты поди сходи гонецъ ко Владиміру,
— Ты потребуй у него намъ поединщика,
— А й не дастъ будетъ Владиміръ поединщика,
— Мы побьемъ разоримъ ёго Кіевъ градъ,
— Не оставимъ мы во городѣ ни óдного,
— Ни óдного Владиміру на сѣмена. —

А й приходитъ тутъ гонецъ ко Владиміру,
Ужъ онъ бросилъ ярлыкъ на кру́глый столъ,
Самъ онъ садился на ременный стулъ,
Испроговоритъ татаринъ таково слово:
«Ты пожалуй намъ Владиміръ поединщика.
«А й не дашь буде Владиміръ поединщика,
«Мы побьемъ разоримъ твой Кіевъ градъ».
Видитъ тутъ Владиміръ, что бѣда пришла
И некого послати поединщика.
Самъ говоритъ таково слово:
— По грѣхамъ надо мной солучилоси,
— Молодцевъ у меня не случилоси.
— Илья Муромецъ гуляетъ во чистомъ поли,
— А Добрыня у Макарья на ярмонкѣ,
— А й Олешенка Поповичъ въ Новѣгороди.
— А одинъ мо́лодой Васильюшка упьянсливой
— Со похмѣльица лежитъ во цареви кабаки. —
Запечалился Владиміръ позадумалсо.
Услышалъ тутъ Василей такову бѣду,
Скоро шелъ на башню на стрѣльнюю,
И беретъ себѣ Васильюшко тугой лукъ,
А й накладываетъ Василей калену стрѣлу,
Онъ пущаетъ во шатры во Батыгины,
И убилъ подъ шатрамъ ровно три головы,
Что не лучшіи головушки удалыи.
Во первыхъ убилъ сына Батыгина,
Во другихъ убилъ зятя любимаго,
А й во третьихъ убилъ хитраго дьяка зловыдумчива.
Тутъ увидѣлъ Батый что бѣда пришла,
Что изъ Кіева пущёна калена́ стрѣла.
Призыватъ себѣ татарина побольше всѣхъ,
А й которой-то татаринъ былъ потолще всѣхъ,
Да й которой-то татаринъ посильнѣе всѣхъ.
Отправляетъ онъ его ко Владиміру,

Отправляетъ онъ его да и наказыватъ:
«Ты поди скорѣй татаринъ ко Владиміру,
«Ужъ ты требуй у него виноватаго.
«И кто это убилъ у меня три головы,
«Что не лучшіи головушки удалыи?»
Пріѣзжаетъ тутъ татаринъ ко Владиміру,
Онъ не вяжетъ коня да не приказываетъ,
Скоро бѣжитъ во гридню свѣтлую,
Онъ Спасову образу не молится
И Владиміру князю челомъ не бьетъ,
Только самъ говоритъ таково слово:
— Ужь ты старая собака сѣдатый песъ!
— Это кто сошутилъ таку шуточку.
— Изъ лука пустилъ калену стрѣлу,
— А й убилъ подъ шатрами ровно три головы.
— Ты давай намъ скорѣй виноватаго.
— А й не дашь буде Владиміръ виноватаго,
— Мы сейчасъ разоримъ твой Кіевъ градъ. —
А й приходитъ тутъ Владиміръ во царевъ кабакъ,
Говоритъ тутъ Владиміръ таково слово:
«Охъ молодой Васильюшко упьянсливый!
«А не ты-ли сошутилъ таку шуточку,
«Ты убилъ у Батыги ровно три головы?
«Поѣзжай-ко къ нему ты прощатися,
«Во большой во винѣ извинятися».
Говоритъ ему Василей упьянсливой:
— Ты послушай-ко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не могу я теперь пристати, головы поднять,
— А й шумитъ-то болитъ буйна голова,
— Со похмѣлица дрожатъ и ножки рѣзвыя.
— Прикажи-тко ты Владиміръ опохмѣлиться,
— Хоть единою чарочкой похмѣльною,
— Чтобы мѣрою помѣрить полтора ведра. —
Принималъ Василей единой рукой,

А й выпивалъ тутъ Василей единымъ духомъ,
Да й по ка́баку Василей сталъ похаживать,
Буйною головушкой покачивать,
Правою ручкой помахивать.
«Я теперь могу владѣть добрымъ конемъ,
«Я теперь могу владѣть саблей острою».
А й приходитъ тутъ Василей ко Владиміру,
Увидалъ онъ татарина сидячаго,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ужъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Это что у тебя за дуракъ сидитъ?
«Это что у тебя болванъ необтесаный?
«Онъ Спасову образу не молится,
«А Владиміру князю челомъ не бьетъ».
Выбиралъ тутъ Василей коня по люби,
На этой на конюшенкѣ княженицкою,
Сѣдлалъ уздалъ Василей приговаривалъ:
«Ужъ ты конь мой конь лошадь добрая!
«Не убойсь-тко шуму татарскаго».
Выѣзжалъ тутъ Василей изъ Кіёва,
Подъѣзжалъ ко татарамъ ко Батыевымъ,
У Батыя во вины онъ прощается:
«Ты прости меня Батый во большой вины,
«Дай мнѣ-ка силы сорокъ тысящей,
«Пособлю я тебѣ взяти нашъ Кіевъ градъ.
«Ужь я знаю гдѣ ворота худо заперты,
«Худо заперты ворота, не заложены».
А й на ты слова Батый обнадѣялсо,
А й давалъ ему силы сорокъ тысящей.
Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
Прибилъ, пригубилъ всѣхъ до о́дного.
Поскорешенько назадъ и ворочается,
Онъ во этоей вины извиняется:
«Ты прости меня, Батый, во большой вины!

«Я попалъ на заставушки россійскіи,
«Отобрали у меня всѣхъ до о́дного.
«Еще дай мнѣ-ко силы сорокъ тысящей».
А й на ты слова Батый пріукинулся,
А й давалъ ему силы сорокъ тысящей.
Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
Онъ прибилъ пригубилъ всѣхъ до о́дного.
Поскорешенько назадъ и ворочается,
И больше въ вины не прощается.
Размахалась у Василья ручка правая,
Распиналась у Василья ножка рѣзвая.
Куды рученкой махнётъ — туды улица,
Куды ноженкой пи́хнетъ — переулочекъ,
Вдвое втрое то́го топчетъ е́го добрый конь.
И видитъ тутъ Батый, что бѣда пришла,
И самъ говоритъ таково слово:
— Не ужоль таковы люди въ Кіевѣ, —
— А одинъ молодецъ всѣхъ татаръ прибилъ? —
Поскорешенько на ко́ней собирается,
И самъ онъ, невѣрный, заклинается:
— Не дай мнѣ-ка Богъ на Руси бывать,
— И не дѣтямъ моимъ и не внучатамъ.
— Оставайтесь во Кіеви по прежнему. —

Записано тамъ же, 15 іюля.

182.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Ай диди диди дидюшечки,
А и изъ городка было изъ Крякова,
Изъ того села Карачаева,
А выѣзжалъ тутъ удалый добрый молодецъ,

Пе́тре Петровичъ королевской сынъ,
Поѣздить гуляти по чисту полю.
Онъ увидѣлъ на дубу синя ворона.
А й беретъ тутъ Пе́тре ту́гой лукъ,
Направляетъ Петре калену стрѣлу.
Испровержется воронъ птица хитрая:
«А й ты, Петре Петровичъ, королевской сынъ!
«Не спускай-ко ты, Петре, калену стрѣлу.
«А й прольешь ты, королевичъ, воронину кровь,
«А й рознесетъ мое перье вороньное
«По широкому да по чисту полю,
«И сгніютъ мои кости у сыра дуба,
«У сыра дуба на кореньицахъ.
«А пойзжай-ко, Петре, на гору высокую,
«Посмотри-ко во страну во восточную.
«А й тамъ ѣздитъ татаринъ косинскіи,
«Онъ тѣшится утѣхой молодецкою.
«А й мечетъ онъ палицю подъ облако,
«На кони гонятъ да и подхватываетъ».
А й раздумался Петре королевскій сынъ:
— Мнѣ-ка старца убить не спа́сеньё,
— А черна ворона убить не кору́сть получить.
— Я повыстану на гору высокую,
— Посмотрю во страну во восточную. —
А й увидѣлъ онъ татарина косинскаго,
Молодецкое сердце разгорѣлоси,
А й и пробовать силы захотѣлоси.
Направился къ татарину насупротивъ,
Съѣхались молодчики ударились,
А й ударились во копья во вострыи,
У нихъ вострыи копья приломалиси,
И не кой коего не поранили.
А й ударились во палици булатніи,
У нихъ палици въ рукахъ прищепалиси,

И не кой коего не поранили.
Соскочили они со добрыхъ коней,
Ухватилиси они рукопашкою,
И одолѣлъ королевичь татарина,
Онъ садился татарину на бѣлу грудь.
Вынималъ ножичищо — кинжалищо,
Хочетъ пороти ему бѣлу грудь.
Тутъ въ плечи его рука устояласи,
Выпадаетъ ножъ съ руки на землю.
Сталъ тутъ королевичъ спрашивать:
— Ты скажи, скажи, татаринъ косинскій,
— Ты коёй орды татаринъ, коёй земли,
— Какъ тебя именемъ зовутъ,
— А чьего отца и какой матери? —
А й отвѣчатъ ему татаринъ косинскій:
«Ужъ ты сукинъ сынъ, блядинъ сынъ, молодой щенокъ!
«Кабы я сидѣлъ на твоёй груди,
«Я не спрашивалъ бы имени, отечества.
«Я бы скоро поролъ твою бѣлу грудь
«И вынялъ бы тебѣ сердцо со печенью,
«А й закрылъ бы тебѣ да очи ясныи».
И говоритъ ему Пётре королевской сынъ:
— Ты послушай-ко, татаринъ косинскій!
— Ты скажи, скажи да не утапвай,
— А й какъ тебя именемъ зовутъ.
— А чьего отца ты, какой матушки? —
А й говоритъ ему татаринъ косинскій:
«А й ты русскій удалый добрый молодецъ!
«Когда началъ меня спрашивать,
«А я тебѣ теперь буду разсказывать.
«Я есть не татаринъ не косинскій,
«А я русской удалый добрый молодецъ,
«Изъ этого изъ города изъ Крякова,
«Изъ этого села Карачаева,

«А й Василій Петровичъ королевской сынъ.
«Когда воевали татара косинскіи,
«Тогда меня съ батюшкой малаго въ полонъ взяли,
«Въ полонъ взяли и въ Литву свезли».
Тогда скоро скочилъ Петре на ноги,
Поднималъ онъ татарина за руки,
Цѣловалъ во уста во сахарніи,
Прижималъ ко сердечику ретивому.
И садилиси они на добрыхъ коней,
Поѣзжали ко городу ко Крякову,
Ко своему селу Карачаеву.
Подъѣзжай тутъ Петре королевичь ко́ дому,
Онъ кричитъ тутъ зычнымъ голосомъ:
— Свѣтъ ты государыни матушка!
— Ты бери-тко татарина за руки,
— А корми-тко татарина до сыта,
— А люби-тко татарина до́'люби.
— Это есть не татаринъ косинскіи,
— А мой старшій братецъ родимыи,
— Василій Петровичъ королевскій сынъ. —

Записано тамъ же, 25 іюля.

183.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А у насъ было братцы во каменно́й Москвѣ,
У Грознаго царя Ивана Васильевича,
Собранъ былъ да великій пиръ
На многи на князи на бояры.
Вси на пиру наѣдалиси,
Вси на пиру напивалиси.
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

«Я повывелъ измѣнушку изъ Кіева,
«Я повывелъ измѣну изъ Чернигова,
«А повывелъ я измѣну изъ Пскова,
«А й повыведу измѣну съ каменно́й Москвы».
Зъ-за того стола да бѣлоду́бова,
Изъ этой скамеечки яровчатой,
Ставалъ поднимался удалой добрый молодецъ,
А по имени Иванъ да Ивановичъ.
Ставалъ молодецъ выговаривалъ:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— А не вывелъ ты измѣнушки изъ Кіева,
— А не вывелъ ты измѣны изъ Чернигова,
— Да не вывелъ ты измѣны изо́ Пскова,
— А не вывести измѣны съ каменно́й Москвы,
— А измѣнушка твоя за столомъ сидитъ,
— За столомъ сидитъ да во глаза глядитъ,
— Она платьице носитъ одного швеца,
— Ѣстъ-то пьётъ да съ о́дной ча̀шечки. —
Испроговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ты скажи скажи моё дитятко,
«Это кто такова измѣнушка?»
А й восплачется Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ на братца сказать, дакъ братца жаль,
— А на себя сказатъ, дакъ живу́ не быть.
— Которой улицей ѣхалъ я съ тобой,
— Мы грѣшничковъ били всё вѣшали;
— А которой улицей ѣхалъ братецъ мой,
— Онъ грѣшныхъ не билъ, а миловалъ,
— Давалъ ерлычки потаенные
— Велѣлъ виновнымъ укрытися. —
Испроговоритъ Грозный Иванъ Васильевичъ:

«А й же вы татара безбожныи,
«А й же вы палачи немило́сливы!
«Вы берите-тко моего сына Ѳёдора
«За бѣлы руки да желты кудри,
«Отвезите-тко его во чисто́ поле,
«Ко этому болоту Кули́кову,
«Ко этой ко плахѣ ко липовой,
«А ко той ко сабли ко вострою.
«Отрубите-тко Ѳедору голову
«За его за измѣнушку великую».
Тутъ палачи испугалися,
Грознаго гласу убоялися,
Средній тулялся за старшаго,
А старшій тулялся за младшаго,
А отъ младшаго во-все й отвѣту нѣтъ.
И всѣ говорили едино́ слово:
— Послушай-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Намъ нельзя поднять руки татарскія,
— На твои на роды на царскія. —
А одинъ малый Малютка Шкуратовичъ,
Онъ бралъ Ѳедора за руки,
Выводилъ его на широкій дворъ,
Посадилъ его во карету темную,
А повезъ его во чисто полё,
Ко этому болоту Кули́кову,
Да й ко этой ко плахѣ ко липовой,
И ко этой ко сабли ко вострыя.
Видитъ царица россійская,
Молода Мароа Романовна,
Что бѣда её пристигла неминуема.
Она чоботы одѣла на босу ногу
И шубоньку бросала на одно плечо,
А й бѣжала царица каменной Москвой
Ко милому братцу родимому,

Ко этому Никитѣ Романову.
Не чорная куночка прорыскала,
Свѣтъ-государыни пробѣгнула.
А й увидѣлъ тутъ Никита Романовичъ,
Выбѣжалъ Никитушка на ши́рокъ дворъ
И самъ говорилъ таково слово:
«Ты послушай-ко сестрица родимая,
«Молодая ты Марѳа Романовна,
«А какимъ тебя вѣтрушкомъ закинуло?»
Отвѣтъ держитъ Марѳа Романовна:
— Ты послушай-ко, родимый мой брателко,
— Старый Никита Романовичъ!
— Какъ не стало у тебя да старша племничка,
— Старша племничка любима крестничка.
— А увезъ его Малютушка въ чисто полё
— Отрубить у него буйну голову.
Тутъ кидался Микитушка Романовичъ
На свою онъ конюшню̀ богатырскую.
Онъ бралъ себѣ жеребчика неѣзжана,
Неѣзжана жеребчика некладана,
Сѣдлалъ уздалъ Никита приговаривалъ:
«А й же вы народъ да люди добрыи,
«Вы сусѣдушки мои порядовныи!
«Дайте торну путь дорожку широкую,
«Чтобы старому мощно̀ проѣхати».
Только видѣли Мѝкитушку сѣдучи,
А не видѣли Романовича ѣдучи.
Только пыль пылитъ да дымъ столбомъ валитъ.
Повыѣхалъ Никита во чисто поле,
Увидалъ онъ Малютку Шкуратова.
Не доѣдучи болота Кули́кова,
Закричалъ тутъ Никита громкимъ голосомъ:
«Ай же ты сукинъ-сынъ молодой щенокъ Малютка Шкуратовъ

«И не тотъ стаканъ выпьешь ты заклекнешься,
«А съѣшь наше мясо да и задавишься».
Наѣхалъ Микитушка Романовичъ,
Отрубилъ у Шкуратова голову.
Бралъ онъ любимаго племничка,
Посадилъ его на добра коня,
Привозилъ тутъ Никита во полатушку.
Отправлялся ко грозному царю Ивану Васильевичу,
Бьетъ онъ челомъ да и поклоняется:
«Здравствуй, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своей ты съ любимой семьёй,
«Съ любимой семьей да съ молодой женой!»
Испроговоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты послушай-ко, Микита Романовичъ!
— Али ты надо мной да надсмѣхаешься,
— Или вовсе про незгодушку не вѣдаёшь,
— Какъ не стало у тебя да старша племничка,
— Любимаго хрестничка а моего сына Ѳедора.
— Увезъ его Малютка въ чисто поле
— Отрубить у его буйну голову. —
Испроговоритъ Микита Романовичъ:
«Ты послушай-ко, грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть ли грѣшнику покаяніе,
«А виноватому бываетъ ли прощеніе?»
— А было бы оно, тéперь негдѣ взять. —
«А не отрублена Ѳедору голова,
«А отрублена Малютѣ Шкуратову».
— Ай же ты Микита Романовичъ!
— За твою за услугу великую,
— Ты бери города съ пригородками,
— Ты бери сёла со присёламы,
— И сколько надо бери золотой казны,
— А представь ты мнѣ Ѳедора пре́дъ меня. —
Говоритъ ему Никита Романовичъ:

«Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
«И не надо мнѣ-ка сёлъ со присёлкамы,
«Да не надо твоей золотой казны,
«Только дай ты мнѣ Микитину отчину.
«Хошь коня угони, хошь жену уведи,
«Хошь убей голову — уйди только въ Никитину отчину».
«Который ушелъ, того Богъ унесъ,
«А застали — повѣсили, тому судъ пришелъ».

Записано тамъ же, 15 іюля.

184.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВИЧНА ЛИТОВСКАЯ.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да изъ земли въ землю,
Загулялъ молодецъ въ землю Литовскую,
Ко тому королю Литовскому,
Господь молодца помиловалъ,
Король молодца пожаловалъ,
Принялъ молодца служить конюхомъ.
Три года служилъ молодецъ конюхомъ,
Пожаловалъ король его ключникомъ.
Три́ года молодецъ служилъ ключникомъ,
Еще король его пожаловалъ
Постельникомъ служить у своей дочери,
У этой Елены королевичной.
Служилъ молодецъ тутъ постельникомъ,
Ростилалъ онъ перинушки пуховыи,
Росправлялъ одѣяла соболиныи,
У Елены былъ да во большой любви.
По времени былъ и на бѣлой груди.
Говоритъ ему Елена королевична:

«Ай же ты удалой добрый молодецъ!
«Не ходи молодецъ въ бесѣду татарскую,
«Не пей молодецъ зелена вина,
«Не расхвастайся Еленой королевичной».
Во одну пору во это времечко
Выходилъ молодецъ прогулятися,
Приходилъ молодецъ во царевъ кабакъ.
Увидали тутъ татаровья-улановья,
Приняли его съ честью съ радостью,
Брали его за бѣлы руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Напоили молодца они до́ пьяна.
Тутъ молодецъ порасхвастался:
— Я три годы служилъ во конюхахъ,
— Три годы служилъ я во ключникахъ,
— А теперь служу во постельникахъ.
— Постилаю перинушку пуховую,
— Роспровляю одѣяло со̀болиное,
— А й по времени бываю у Елены на бѣлой груди. —
Тутъ скочили татаровья-улановья,
Брали молодца за желты́ кудри,
За желты́ кудри его, за бѣлы руки,
Проводили его къ королю Литовскому.
«А вы сведите молодца во чисто поле,
«Отрубите ему да буйну голову».
Тутъ взмолился удалый добрый молодецъ:
— Вы послушайте татаровья-улановья!
— Вы возьмите-тко съ меня золотой казны,
— Не ведите-ко меня во чисто полё,
— Вы сведите-тко къ Елены королевичной. —
Повели его татаровья-улановья.
Закричалъ молодецъ да зычнымъ голосомъ:
— Ты прощай, прощай, мой бѣлый свѣтъ,
— Про́щай, милая Елена королевична. —

А й услышала Елена королевична.
Бросилáсь она въ окошечко косивчато,
Въ одной тутъ рубашки безъ пояса,
Сама говорила таково слово:
«Ай же вы татаровья-улановья!
«Вы ведите молодцá ко мнѣ на шúрокъ дворъ,
«Вы берите съ меня золотой казны,
«Золотой казны сколько надобно».
А сама стала мóлодца спрашивать:
«Ты скажи, молодецъ, не утаивай,
«Не утаивай, меня не оманывай,
«Холостъ ли ходишь, или женатъ гуляшь?
«Есть ли у тебя мóлодецъ отецъ и мать,
«Есть ли у тебя молода жена,
«Есть ли молодецъ малы дѣточки?»
Испроговоритъ удалый добрый молодецъ:
— Есть у меня отецъ и мать,
— Есть у мóлодца молода женá,
— Есть у меня малы дѣточки. —
«Ты возьми молодéцъ золотой казны,
«Да поди молодéцъ въ твою сторону.
«Ты корми молодéцъ отца и мать,
«Ты люби свою молоду жену,
«А корми молодецъ, малыхъ дѣточекъ,
«А й не хвастай ты Еленой королевичной».

Записано тамъ же, 15 іюля.

XXXIII.

ВИСАРІОНОВЪ.

Алексѣй Висаріоновъ Батóвъ съ Выгозера, двадцати шести лѣтъ, земледѣлецъ, дюжій, неповоротливый и крайне несообщительный. Удержалъ въ памяти нѣсколько былинъ изъ тѣхъ, ко-

торыя пѣвалъ его отецъ, скончавшійся года два тому назадъ (писано въ 1871 г.) и считавшійся лучшимъ знатокомъ былинъ на Выгозерѣ. Онъ поетъ былины очень складно, вѣрно сохраняя различіе въ напѣвахъ.

185.

КОЛЫВАНЪ БОГАТЫРЬ.

Во чистóмъ поли съѣзжáлосп̄
Три сильнíихъ могучíихъ богáтыря̄
По имени первóй Колывáнъ богáтыр̄ь,
Другой Муромля́нъ богатыр̄ь,
Третей Самсонъ богáтыр̄ь.
Промежду собою рѣчи говори́лп̄:
«Которыя изъ насъ будетъ бóльшій брāтъ?»
Говори́тъ Самсóнъ богáтыр̄ь:
«Кабы былъ столобъ въ земли́̄,
«Кабы было кольцё въ столбу́
«Я бы землю всю во кругъ повернýлъ».
Говоритъ Муромлянъ богáтыр̄ь:
«Я бы такожде повернýлъ».
Гóворитъ Колыванъ богáтыр̄ь:
«Я бы такожде могъ повернуть».
Господь Всевышнія творѣцъ
За нихнеё похваленьё
Далъ имъ привидѣніё:
Куда у ихъ было пóрчено въ путь ѣхāть,
Лежитъ на дороги сýмкà,
Въ таковои сумкѣ сложенъ весь земныя грýзъ.
Выскакиватъ со своего со добраго съ коня́
Самсóнъ багáтыр̄ь,
Хватаетъ таковýю сумкý.
Сумка съ мѣста не ворохнéтсā,

Выходитъ Муромля̀нъ бога́тырь
Со своего со доброго коня́,
Хватаетъ таково́ю сумку́;
По колѣнамъ въ землю усѣ́лъ,
Сумка съ мѣ́ста не ворохне́тсѧ.
Выходитъ Колыванъ бога́тырь
Со своего со доброго коня̀,
Хватаетъ таковую сумку.
По грудямъ въ землю сѣ́лъ,
Сумка съ мѣ́ста не ворохне́тсѧ.
Съ небеси имъ гласъ прогласи́лѡ̀:
«Сильнiи могучiи бога́тырѝ
«Отстаньте прочь отъ таковыя сумкѝ,
«Весь земныя грузъ въ сумку сло́жѐнъ,
«Впредки не похваля́йтѣсь
«Всёю землёю владѣ́тѝ,
«Наблюдайте своё доброё,
«Ѣздите по Русе́ѝ,
«Дѣлайте защиту,
«Сохраняйте Русе́ю отъ не́пріятеля̀
«А хвастать по пустому вного не знайте».

Записано въ Даниловѣ, 17 іюля.

186.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Во стольноёмъ городи во Кіеви,
У ласкова князя Владыміра,
Сдѣлалась побѣ́душка великая,
Великая побѣ́да на весь Кіевъ градъ.
Наѣхало Идолищо великоё,
Въ долину Идолищо шти саженъ,

Въ ширину Идолищо трёхъ саженъ,
Межъ ушами у него вѣдь какъ саженъ со локотью,
Межъ глазами у него вѣдь какъ пяда мѣрная,
Межъ ноздрами у его изляжетъ калена̀ стрѣла,
Самъ на словахъ похваляется:
«Давайте мнѣ поединщика!
«Если нѣтъ у васъ поединщика,
«Я Божьи церквы всѣ на дымъ спущу,
«А й весь Кіевъ градъ я въ полонъ возьму».
А й ѣстъ-то онъ пьетъ хлѣбъ-отъ за щеку,
Другой за дру́гую,
А й бѣлую лебедь на закусочку.
Выпивае онъ вѣдь напиточокъ,
По боченкѣ сороковочкѣ на единый духъ,
А во градѣ вина все мало ставится.
А й стольнія князь стольнё-кіевской,
А й видитъ бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая.
А й говоритъ тутъ Василей упьянсливой,
Говоритъ тутъ онъ таково слово:
— Стольнія князь стольнё-кіевской!
— Дай-ко-сь мнѣ зелена вина,
— Ретливо́ сердцо мнѣ пріо́бкатить,
— Буйна го́лова мнѣ изве́селить. —
Наливали ему чару зелена вина,
Мѣрой чара полтора ведра.
Принималъ Василей единой рукой,
Выпивалъ Василей единымъ духомъ,
А й самъ на словахъ выговариватъ:
— Ретливо́ сердцё теперь пріо́бкачено,
— Буйна го́лова теперь изве́селена̀. —
Беретъ въ руки клюху богатырскую,
Вѣсо́мъ клюха тя́нетъ ровно сорокъ пудъ.
А й сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,

А й сталъ онъ съ холмы на холму попрядывать:
Рѣки, мелки озера межъ ногѝ спущалъ.
Приходитъ Василей упьянстливой
Во то ли онъ во чистó полё,
А й встрѣчу ѣдетъ старый казакъ Илья Муромецъ
«Здравствуй, Василей упьянсливой!»
— Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ! —
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
«А й же ты Васильюшко упьянстливой!
«Все-ль есть во городѣ во Кіевѣ по старому,
«По старому ли есть по прежнему?»
Испроговоритъ Васильюшко упьянстливой:
— Все есть во городѣ не по старому,
— Все-ль есть во городѣ не по прежнему,
— Наѣхало Идолищо великоё,
— Въ долину-то Идолищо шти сажонъ,
— Въ ширину-то Идолищо трехъ сажонъ,
— Межъ ушами у него вѣдь какъ сажень съ локотью,
— Межъ глазами у него вѣдь какъ пяда мѣрою,
— Межъ ноздрями у его вѣдь изляжетъ калена стрѣла. —
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«А й же ты Васильюшка упьянстливый!
«Силы у тебя вѣдь есть два меня,
«Смѣлости-у́дати у тебя нѣтъ въ полъ-меня».
Выходитъ старый казакъ Илья Муромецъ
Со своего ли онъ вѣдь со добра коня,
И скидывае изъ себя онъ платье богатырское.
Снимае съ Василья платье калѝчьеё,
Надѣваетъ на себя онъ платье калѝчьеё,
А й на Васильюшка на упьянстлива,
Надѣвае платье богатырскоё.
Посадилъ Василья на своего на добра коня,
Во двѣнадцать сѣдёлышекъ засѣдлывалъ,
Во двѣнадцать онъ подпружковъ подтягивалъ.

Тутъ поѣхалъ Васплей по чисту полю,
Безъ ума его вѣдь конь носитъ безъ памяти,
А й радъ бы Васплей выпасть да нé можно.
А й старый казакъ Илья Муромецъ
Берётъ въ руку клюку богатырскую,
Вѣсомъ клюка тянетъ ровно сорокъ пудъ.
А й сталъ онъ съ горы нá гору поскакивать,
А й сталъ онъ съ холмы нá холму попрядывать.
Приходитъ старый казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко той ко полаты бѣлокаменной,
Крычитъ покрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ пóсвистомъ соловьиныимъ,
Матушка сыра земля подрогнула,
Полата бѣлокаменна зашаталаси.
Это Идолищо пе вчуется,
Не вчуется, за рѣчь не примется.
Крыкнулъ Илья Муромецъ дрýгой разъ,
Крыкнулъ пóкрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ пóсвистомъ соловьиныимъ, —
Матушка сыра земля подрогнула,
Полата бѣлокаменна зашаталаси.
Это Идолищо не вчуется,
Не вчуется, за рѣчь не примется.
Крыкнулъ Илья Муромецъ третей разъ,
Крыкнулъ покрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ посвистомъ соловьинымъ,—
Вся матушка сыра земля подрогнула,
Полата бѣлокаменна съ угла нá уголъ зашаталаси,
А й всѣ питья по стóламъ расплескалиси.
Говоритъ Идолищо таково слово:
— Подите-тко-сь, выведите-тко-сь,
— Какая-сь калика перехожая,
— Перехожая калика переѣзжая? —

А идетъ старый казакъ Илья Муромецъ
А й во тую-ли во полату бѣлокаменну,
А й онъ крестъ-отъ кладе́тъ по учёному,
А й поклонъ тотъ ведетъ по писа́ному.
«А й здравствуйте вси купци вси бо́яра,
«Вси сильни могучи богатыри!»
Князю Владиміру со княгинею низко кланялсо,
Низко кланялсо имъ въ особину,
А этому татарину челомъ не бьетъ.
Говоритъ-отъ татаринъ таково слово:
— А й же ты калика перехожая,
— Перехожая калика, переѣзжая!
— Видалъ-ли ты, все слыхалъ ли ты,
— Славнаго бога́тыря
— Стараго казака Илью Муромца? —
«Видалъ вѣдь я, все слыхалъ вѣдь я
«Стараго казака Илью Муромца.
«Съ меня́ ростомъ, съ меня́ толстомъ,
«Съ меня ровно всимъ вели́чествомъ».
— По вногу ли вѣдь онъ къ выти ѣстъ? —
«А й ѣстъ онъ пьетъ во славу Божьюю,
«Колачикъ съѣстъ, по другомъ душа горитъ,
«А й другой съѣстъ, вѣдь онъ сытъ бываръ».
— По вногу ли онъ выпиватъ напиточокъ? —
«Онъ стаканчикъ выпье, по дру́гомъ душа горитъ,
«А другой выпьетъ, онъ дово́ленъ бываръ».
— Какъ бы эттакъ былъ, на доло́нь бы я клалъ,
— Да грязь родиласи.
— А я то вѣдь какъ ѣмъ-то пью.
— Хлѣбъ тотъ я за щеку,
— Другой я за дру́гую,
— Бѣлую лебедь на закусочку.
— Испиваю я вѣдь напиточокъ,
— По бочечкѣ сороковочкѣ

— На единой духъ. —
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«У моего досюль у батюшка родителя
«Была коровищо обжорищо,
«Вного питей пила, только лопнула.
«А й былъ кобелищо объѣдищо,
«Вного ѣлъ, только треснулъ онъ».
Эта рѣчь-та татарину не влюбиласи.
Берётъ ножичищо кинжалищо,
А й бросилъ ножичищо кинжалищо
Въ стараго казáка Илью Муромца.
А й старой казакъ былъ догадливой,
Былъ догадливой самъ увѣтливой,
Отвелъ ножичищо кинжалищо
А й той ли клюкой богатырскоёй,
Пролетѣло ножичищо во липину,
Рвало ли́пину вѣдь со дверма вонъ.
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Пойти взять было татарина за желты кудри».
А й взялъ-то татарина за желты кудри,
А й самъ говоритъ таково слово:
«Не честь фала молодецкая,
«Кровавить полати княженецкія».
Повывелъ татарина на новы́ сѣни.
«Не честь фала́ молодецкая,
«Кровавить сѣней княженецкіихъ».
Повывелъ татарина на широкіи дворъ.
«Не честь фала молодецкая,
«Кровавить двора княженецкаго».
Повывелъ татарина во чисто́ полё,
А й тропнулъ его единой рукой,
А й только татаринъ вѣдь живъ бывалъ.
А й сталъ онъ тоемъ туловомъ помахивать,
Куды махнетъ — улкамы,

Перемахне — переулкамы.
Ахъ какъ ребята оружьё добро,
Ай гнéтся татаринъ не ломится,
Самъ весь на жильяхъ подавается.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

187.

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША.

У того ль у пана у купца сердопольскаго,
Было оставленьицо оставлено.
Добрынюшка Микитиничъ,
Во младоемъ возрастѣ,
Остался отъ родителя отъ батюшка.
Честна вдова Степанида Обрамовна
Возростила своегó сына,
Добрынюшку все Микитича,
До полнáго его до возраста.
А й сталъ Добрынюшка Микитинецъ,
Въ чисто поле сталъ поѣзживать,
Богатырской силы своей пробовать,
Выѣзжалъ вѣдь онъ на поединочокъ,
А й со вногима всё со вúтяжямы.
А й на то ли на ратно на смертно побоищо,
А й не было съ имъ поединщичка.
А й прославился Добрынюшка Микитинецъ
А й сильнíимъ могучíимъ богáтырёмъ,
А й прославился Добрынюшка во Кіёви,
А й прославился Добрынюшка въ Чернигови,
А й въ матушкѣ Добрыня въ каменнóй Москвы.
А й пріѣзжаетъ домой Добрынюшка
А й со ратнаго смертнаго побоища.

А й честна вдова Степанида Обрамовна
А й присудила Добрынюшкѣ женитися,
Чтобы жилъ былъ онъ съ молодой женой,
А й не ѣздилъ бы на ратноё на смертноё побоищо.
А й Добрынюшка Микитинецъ,
Онъ слушался свою матушку,
Прибиралъ себѣ княгиню обручную,
А й Настасьюшку Викуличну.
А й взялъ онъ Настасьюшку въ замужество,
А й самъ говоритъ таковó слово:
«А й матушка ты честна вдова
«Степанида Обрамовна!
«А й душечка Настасья Викулична!
«Не могу я укротить своего сердца богатырскаго,
«Поѣду я во чистó полё».
Говоритъ тутъ ёго матушка,
Честна вдова Степанида Обрамовна:
— Ай же Добрынюшка Микитинецъ!
— На кого же оставишь молоду жену? —
Говоритъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ:
«А й же ты моя матушка,
«Честна вдова Степанида Обрамовна!
«Кабы ты меня все спородила
«Красотою-басотою во Осипа прекраснаго,
«Силой-храбростью въ стáраго казáка Илью Муромца,
«Смѣлостью во Олешу Поповича,
«Не ѣздилъ бы я по чисту полю,
«Не билъ бы головъ безповинныхъ,
«Не слезилъ бы я отцей, матерей.
«А й такъ не могу укротить своего сердца богатырскаго,
«А й поѣду я во чисто полё.
«Матушка Степанида Обрамовна!
«Дай-ко-сь мнѣ благословленьицо.
«Вы ждите-тко-сь Добрынюшку во три года.

«Я не буду, не буду во три́ года,
«Вы ждите-тко-сь Добрынюшку во шесть годовъ.
«Я не буду, не буду во шесть годовъ,
«А й ждите-тко-сь меня вѣдь во двѣнадцать лѣтъ,
«Я не буду, не буду во двѣнадцать лѣтъ,
«Матушка Степанида Обрамовна,
«А й душечка Настасья Викулишна,
«Не читайте-тко-сь Добрынюшки во живности.
«А й душечка мнѣ молода́ жона,
«Настасья Викулична!
«Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ поди,
«Только не́ ходи за братца крестоваго,
«За того ли за Олешенку Поповича».
А й уѣхалъ Добрынюшка во чисто́ полё.
А й матушка его Степанида Обрамовна.
Молода́ жена Настасья Викулична,
А й ждали его домой вѣдь во три́ годы,
На исходѣ Добрынюшки три́ годы,
А й нѣту Добрынюшки во три годы.
А й ждали Добрынюшку шесть годовъ,
На исходѣ Добрынюшки во шесть годовъ,
А й нѣту Добрынюшки во шесть годовъ.
А й ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
А й ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
На исходѣ Добрынюшки девять лѣтъ,
А й нѣту Добрынюшки во девять лѣтъ.
А й ждали Добрынюшку во двѣнадцать лѣтъ,
На исходѣ Добрынюшки двѣнадцать лѣтъ.
А й Олешенка Поповичецъ
А й сталъ тутъ къ Настасьюшкѣ поѣзживать,
Поѣзживать сталъ посватывать.
Самъ говоритъ таково слово:
— А й же ты Настасьюшка Викулична!
— Ты волей нейдешь, я боёмъ возьму. —

А й бралъ-то Настасью за бѣлы́ руки,
За бѣлы́ руки, злачены перстни,
А й повóзилъ Настасью во церковь во Божьюю,
А й во тотъ ли Настасью во Черниговъ градъ.
Еще тамъ столовали пирова́ли оны̀,
А й мало времечко миновалоси,
А й пріѣзжаетъ Добрынюшка Микитинецъ.
А й поразвѣдалъ, что нѣту Настасьи Викуличной,
А й увезёна у Олешенки Поповича,
А й во тотъ ли она всё во Черниговъ градъ,
А й пóсылаетъ посла́ онъ ко матушки.
«Ты послушай-ко-сь меня вѣдь посёлъ вѣ́рныя
«А й за дéнежной расчётъ.
«А й съѣзди-тко-сь къ моёй матушкѣ,
«Къ Степанидѣ Обрамовной,
«А й проси-тко у ёй вѣдь платья цвѣтныи,
«А й проси-тко у нёй вѣдь гусёлышка нѣмецкіи,
«А й проси-тко у нёй вѣдь струночки сибирскіи,
«Для своего сына Добрыни Микитича,
«А й что набъ то росчитаюсь тебѣ за утружденіе».
А й послухалъ его̀ вѣдь посёлъ вѣрныя,
А й съѣздилъ вѣдь ко его ко родители ко матушки,
А й къ Степанидѣ къ Обрамовной.
А й просилъ у нёй пла́тьица цвѣтныи,
А й просилъ у ней гусёлышка нѣмецкіи,
А й просилъ у ней струночки сибирскіи,
Ради своего сына Добрыни Микитича.
А й говоритъ послу его матушка,
Степанида Обрамовна:
— А й же ты посёлъ вѣрныя!
— А й гдѣ ты видѣлъ моего вѣдь чада милаго,
— А й Добрынюшку всё Микитича? —
А й отвѣчаетъ ёй вѣдь посёлъ вѣрныя:
«А й нынь мы что ни съ Добрынюшкой приразъѣхались.

«А й платьица у него на себѣ вѣдь повыдержались,
«А й платьица на себѣ вѣдь онъ носитъ лосиныи».
Ёго матушка Степанида Обрамовна
Подавала послу всё платья цвѣтныи,
Подавала послу гусёлышка нѣмецкія,
А й струночки были сибирскія.
А й отвозилъ вѣдь посёлъ вѣрныя
Цвѣтны платьица къ Добрыни Микитичу,
А й гусёлушка нѣмецкія;
А й струночки онъ сибирскія.
А й Добрыничина Микитинецъ,
За утружденіе послу далъ несчетной золотой казны,
А й золотой казны все сколько надобно.
А й надѣвалъ на себя платьицо цвѣтноё,
А й бралъ съ со́бой гусёлышка нѣмецкіи,
А й бралъ съ со́бой струночки сибирскіи,
А й поѣзжалъ онъ ко го́роду Чернигову,
А й на тотъ ли на тотъ на почестенъ пиръ.
А й пріѣзжаетъ онъ во Черниговъ градъ,
А й приходитъ онъ на почестенъ пиръ,
А й на пиру было́ больше собра́ньицо,
А й на пиру былъ князь Митрей богатыя,
А й управитель города Чернигова.
А й доложилсо Добрынюшка Микитинецъ,
А й у Митрія князя бо́гатаго.
— А й Митрей князь ты богатыя!
— А й дай волю-тко сыграть мнѣ въ гусёлышка нѣмецкія,
— А й дай волю-тко поподернуть въ струночки сибирскія,
— А й для мо́лода Олеши Поповича. —
А й говоритъ тутъ Митрей князь таково слово:
«А й ты сыграй-ко-сь въ гуселушка нѣмецкія,
«А й поподе́рни-ко въ струночки сибирскія».
А й заигралъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ,
А й заигралъ тутъ въ гусёлушка нѣмецкія,

Поподёрнулъ онъ струночки сибирскія.
А й распотѣшилсо Митрей князь богатыя,
А й распотѣшилсо мóлодой Олеша Поповинецъ.
А й паливали Добрынѣ зелена вина.
А й подносили на подносѣ молодой князь Олеша Поповинецъ,
Со своёю онъ со княгинею.
А й принимаетъ чару зелена вина
Добрынюшка онъ Микитинецъ,
А й выпиваетъ чару зелена вина,
А й спущаетъ въ стоканъ свой обручной перстень.
А й говоритъ тутъ Настасьюшка Викулична:
— А й не тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ подлѝ меня,
— А й тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ супротивъ меня.—
А й Добрынюшка Микитинецъ,
А й хватаетъ Олёшу Поповича за шиворотъ,
А й самъ говоритъ таково слово:
«А й же ты Олешенка Поповинецъ!
«Кабы не братецъ былъ ты мнѣ крестовыя,
«А й тропнулъ бы я тя вѣдь о печнóй столобъ,
«А й только бы ты живъ бывалъ.
«А й такъ сдѣлаю я тебѣ уважечку,
«Ради братца крестоваго».
А й мóлодой Олёша Поповинецъ,
А й скоро женился, да не съ кѣмъ спать.
А й только Олёшенка женатъ бывалъ,
А й женатъ бывалъ онъ съ женой сыпалъ.
А й Добрынюшка Микитинецъ,
А й всимъ какъ онъ вѣдь честь воздалъ,
А й Митрею князю со княгинею.
Уѣзжалъ онъ во своё во помѣстьицо,
А й со своёю женою старопрежніей.
А й съ Настасьюшкой онъ съ Викуличной,
А й ко матушкѣ Степанидѣ Обрамовной.

А й полно больше Добрынюшкѣ ѣздить по чисту́ полю,
Положилъ мысель и разумъ
Во своихъ полатахъ проживати.

Записано въ Даниловѣ, 17 іюля.

188.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во томъ-то во городи во Кіёви,
У ласкова князя Владиміра,
Завелсо, завелсо почестенъ пиръ.
А й вси на пиру наѣдалися,
А й вси на пиру напивалися,
А й вси на пиру порасхвасталися.
А й кто вѣдь хваста отцемъ матушкой,
А иной вѣдь хваста молодой женой.
Испроговоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«А й вси-ль добры молодцы споженены,
«Вси дѣвушки за мужъ повыданы,
«Одинъ-то единъ добрый молодецъ
«Холостъ ходилъ, не женатъ гулялъ,
«Иванушко Годиновичъ».
А й испроговоритъ Иванушко Годиновичъ:
— А й свѣтъ государь ты мой дядюшка!
— У меня есть невѣста поприбрана,
— Поприбрана невѣста во Кіёви,
— Во Кіеви невѣста, во Чернигови,
— У Митрея князя богатаго.
— А й всимъ-то Настасьюшка добры́мъ добра,
— Тѣломъ Настасья какъ снѣгъ бѣла,
— Походочка у ёй вѣдь павлиная,
— А й тихая рѣчь лебединая,

— А й брови-ты у ёй черна соболя,
— Глаза-ты у ей ясна сокола,
— А й личи́ко у ей вѣдь какъ ма́ковъ цвѣтъ. —
Испроговоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«А й же ты Иванушко Годиновичъ!
«Чего ль тебѣ вѣдь все надобно,
«Города ль тебѣ набъ съ пригородками,
«Аль несчетной тебѣ надо золотой казны,
«Аль силы войска тебѣ надо великаго?»
Испроговоритъ Иванушко Годиновичъ:
— Владиміръ князь стольнё-кіевской,
— Свѣтъ государь ты мой дядюшка!
— Ницёго вѣдь мнѣ-ка не надобно.
— Не надо городовъ съ пригородками,
— Не надо силы войска великаго,
— Не надо несчетной золотой казны.
— А й только дай-ко-сь три молодца что ни лучшіихъ,
— Что ни лучшіихъ перебраныихъ.
— Во-пе́рвыхъ стараго казака Илью Муромца,
— А й во-дру́гихъ Исака Петровича,
— А й во-третьихъ Алёшу Поповича. —
А й вид'ли добрыхъ молодцовъ сядучи,
Не вид'ли удалыхъ поѣдучи.
Во чисто́мъ полѣ курева́ стоитъ,
Курева стоитъ, пыль столбо́мъ валитъ.
Не путемъ-то ѣдутъ не дорогою,
Черезъ башню ѣдутъ треугольную.
Скакали кони черезъ стѣну городовую,
Пріѣзжали во тотъ ли во Черниговъ градъ,
Ко Митрею князю богатому,
А й ко той ко полаты бѣлокаменной,
А й ко тымъ крыльцамъ ко точёныимъ.
А й вязали добрыхъ коней
Ко тымъ ко кольцамъ золочёныимъ,

А идутъ во полату бѣлокаменну,
А й крестъ-то кладутъ по писа́ному,
Поклонъ тотъ ведутъ по уце́ному.
«А й здравствуйте вси купци, вси бо́яра,
«Вси сильни могучи богатыри!»
А й Митрею князю со княгиною
Въ особину низко кланялись.
Говоритъ тутъ Митрей князь богатыи:
— Цёго пришли гостюшки небывалыи,
— Небывалыи гости нѣзжалыи?
— Садитесь-ко-сь вы хлѣба соли покушати,
— Бѣлыхъ лебедей все порушати. —
Испроговорятъ добры молодци:
«Митрей князь богатыя!
«Мы не хлѣба соли пришли кушати,
«Не бѣлы́хъ лебедей мы всё рушати, —
«Мы пришли зашли объ староемъ дѣлѣ, объ сватовстви,
«А й сватать Настасьи Митріёвичной,
«За того ль за Ивана Годино́вича».
Говоритъ тутъ Митрей князь богатыя:
— А й же вы добры молодци!
— За трѝ годы Настасьюшка просватана,
— Во тую ль во землю во невѣрную,
— За того ль за царища за Кощерища. —
Испроговорятъ добры молодци:
«Митрей князь богатыя!
«Ты волей не дашь — мы боёмъ возьмёмъ».
Испроговоритъ Настасья Митріёвична:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Митрей князь богатыя!
— Я не йду вѣдь во землю во невѣрную,
— За того ль за царища за Кощерища,
— Я иду за Ивана Годиновича. —
А й брали Настасью добры молодци.

Иванушка Годи́новичъ
А й бралъ онъ вѣдь за бѣлы руки,
За бѣлы руки злачены перстни,
А й водилъ вѣдь во церковь во Божьюю,
А й садились въ корету золочену́ю,
А й вид'ли добрыхъ мо́лодцевъ сядучи,
Не вид'ли удалыхъ поѣдучи,
Во чистомъ поли одна пыль стоитъ.
На пути имъ попало три слѣдочика:
А й первый слѣдочикъ лева́ звѣря,
А й другой слѣдочекъ лани бѣлыя,
А й третій слѣдочекъ черна соболя.
Говоритъ тутъ Иванушко Годиновичъ:
«Старый казакъ Илья Муромецъ!
«Поди-тко-сь ты за левомъ звѣрёмъ,
«Достань-ко-сь ты вѣдь лева́ звѣря,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.
«А й Исакъ Петровинецъ!
«Поди-тко за ланью за бѣлыя,
«Достань-ко-сь ты вѣдь лани бѣлыя,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.
«Алеша Поповинецъ!
«Поди-тко за чернымъ за соболемъ,
«Достань-ко-сь ты черна соболя,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ».
А й остался одинъ добрый молодецъ
Иванушко вѣдь Годиновичъ,
А й самъ роскинулъ онъ бѣлъ шатеръ,
А й сталъ съ Настасьей забавлятися.
Мало времечко миновалоси,
А й ѣдетъ царищо Кощерищо
Крычитъ покрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ по́свистомъ соловьиныимъ,
А й самъ на словахъ выговариватъ:

— А й же ты Иванушко Годиновичъ!
— Съѣшь мое мясо подавишься. —
Видитъ Иванушко бѣда пришла,
Бѣда пришла немилучая.
Выскакивалъ изъ бѣла шатра
На тую ль на площадь дуброву зелёную,
Глядитъ-смотритъ въ сторону полудённую,
А й ѣдетъ царищо Кощерищо.
Куды падаютъ копыта лошадиныи,
Тутъ оставятся колодци ключевой воды.
А Иванушко Годиновичъ
Выскакивалъ онъ на добра коня,
А й взялъ сбрую всю богатырскую.
Не двѣ горушки вмѣсто столкнулось,
Два богáтыря вмѣсто съѣхалось.
А й помахнулись въ палици булатніи,
А й палици во цúвьяхъ пригибáлися,
Пригибалися переломалися,
А й дрýгъ друга дó крови не ранили.
Помахнулись во сабли во вóстрыя,
Востры́ сабли́ прищербилися,
Прищербилися, пополамъ переломилися,
А й другъ друга до крови не ранили.
Помахнулись во кóпья во вострыи,
Востры́ копья́ притупилися,
А й другъ друга до крови не ранили.
Выскакивали вѣдь съ добрыхъ коней,
На тую ль на площадь дуброву зеленую,
А й схаживаются на рукопашный бой.
Иванушко Годиновичъ
А й взялъ-то татарина за шиворотъ,
А й пóложилъ-то своей вѣдь правóй ногой
Татарина по лѣвой ноги.
А й бросалъ-то его о сыру землю,

А й сѣлъ ёму на́ груди на бѣлыя,
А й на бѣлыя на груди на царскіи,
На царскіи груди татарскіи,
А й самъ говоритъ таково слово:
«А й же ты Настасья Митріёвична!
«Подай пожичищо кинжалищо
«Вырвать сердце со печенью татарскоё,
«Татарскоё сердце царскоё,
«Добрымъ людюшкамъ на сгляже́ніё,
«А й старымъ старухамъ на роптаніё.
«Чернымъ воронамъ всё на гра́яньё,
«А й сѣры́мъ волкамъ всё на во́еньё».
Говоритъ тутъ царищо Кощерищо:
— А й же ты Настасья Митріёвична!
— Не подай пожичища кинжалища,
— Какъ за имъ вѣдь будешь жить.
— Будешь слыть бабой простомы́вныя,
— Будешь старому, малому кланяться.
— А й за мной вѣдь будешь жить,
— Будешь слыть царицей вѣковѣчноёй,
— Будетъ старый вѣдь малый тѣ кланяться. —
А й у бабы волосъ дологъ, умъ коротокъ.
Выскакиваё Настасья изъ бѣла шатра,
А й хватае Иванушко Годино́вича за желты кудри,
А й сбиваетъ Иванушко Годино́вича о сыру землю.
А й привязали Иванушко Годино́вича
Ко тому ли е́го ко сыру дубу,
А й той ли е́го всё кувыль травой,
А й сами свалились во бѣлъ шатеръ.
Мало времечко миновалоси,
Прилетѣли три сизыхъ, три малыхъ три голуба,
А й другъ промежъ другомъ спрогуркнули:
«За что эта головушка привязана,
«Привязана головушка, прикована?

«Ради дѣвки, ради бляди, ради сводницы,
«Ради сводницы, всё душогубницы».
Эта рѣчь-то татарину не влюбилася.
Выскакиваетъ татаринъ изъ бѣла шатра,
Вытягивае у Ивана Годинóвича
Съ колчана у его какъ вѣдь тýгой лукъ,
А й берётъ у его калену стрѣлу,
А й тугой лукъ онъ натягиватъ,
Калену стрѣлу все направливатъ,
А й хочетъ стрéлить сизыихъ малыихъ голубовъ.
Иванушко Годиновичъ
У сыра дуба приговариватъ:
— Ужъ ты батюшко мой тýгой лукъ,
— Ужъ ты матушка калена стрѣла,
— Не пади-ко, стрѣла, ты ни на воду,
— Не пади-ко, стрѣла, ты ни на гору,
— Не пади-ко, стрѣла, ты ни въ сы́рой дубъ,
— Не стрѣли сизыихъ малыихъ гóлубовъ,
— Обвернись, стрѣла, въ груди татарскіи,
— Въ татарскіи груди во царскіи,
— А й вырви-ко сердце со печенью,
— Добрымъ людишкамъ на сгляжéніё,
— А й старымъ старухамъ на роптаніе,
— Чернымъ воронамъ всё на грáяньё,
— А й сѣрымъ волкамъ всё на вóеньё. —
А й не пала стрѣла вѣдь ни нà воду,
А й не пала стрѣла вѣдь ни нà гору,
А й не пала стрѣла вѣдь ни въ сырой дубъ,
Не стрѣлила сизыихъ малыихъ голубовъ,
Обвернулась стрѣла въ груди татарскіи,
А й въ татарскіи груди во царскіи,
А й вырвала сердце со печенью,
Добрымъ людишкамъ на сгляжéньё,
А й старымъ старухамъ на роптаніе,

Чернымъ ворономъ всё на гра́янье,
А й сѣры́мъ волкамъ всё на во́енье.
А й тутъ-то Настасьюшко заплакала:
«Я отъ бережка откачнуласи,
«Я ко дру́гому не прикачнуласи».
Испроговоритъ Иванушко Годино́вичъ;
— Отвяжи-ко Настасья Митріёвична
— Отъ того ли меня отъ сыра дуба. —
Говоритъ Настасья таково слово:
«А й же ты Иванушко Годино́вичъ!
«Отвязала бы я тя отъ сыра дуба,
«А й будешь ты меня вѣдь всё бити мучити».
Говоритъ тутъ Иванушко Годино́вичъ:
— А й же ты Настасья Митріевична!
— Я не буду тебя бить мучити,
— Только дамъ три науки молодецкіихъ,
— Молодецкіихъ науки княженецкіихъ. —
Эта рѣчь-то Настасьѣ не влюбиласи,
А й выскакиваётъ изъ бѣла шатра,
А й на тую ль на площадь дуброву зеленую,
А й берётъ въ рукѝ саблю вострую,
А й замахъ держитъ на Ивану́шко Годино́вича,
А й хочетъ у него отсѣчь прочь буйну голову.
А й богатырско сердце разгорѣлоси,
Сходилсо Иванушко у сыра дуба,
Сырой дубъ къ зенѝ приклоняется,
Самъ весь въ штильци прищербается.
Отходилъ Иванушко Годиновичъ
На свою́ волю отъ сыра дуба,
А й хватае Настасьюшку за желту косу,
Сбивае Настасью о сыру землю,
Отсѣкъ у ней губы вѣдь какъ съ носомъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы нещастливымъ цѣловаласи. —

Копалъ глаза со косицамы:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы нещастливымъ смотрѣласи. —
Отсѣкъ у ей руки по локо́тамъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы нещастливымъ обнималаси. —
Отсѣкъ у ней ноги по колѣнамъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы несчастливымъ заплеталаси. —
А й только Иванушко женатъ бывалъ,
А й женатъ бывалъ онъ съ женой сыпалъ.
А й скоро женился, да не съ кимъ спать.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

189.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Обувается Чурила снаряжается,
Наливаетъ Чурила ключевой воды въ тазъ,
Умываетъ Чурила лицо бѣлое,
Утираетъ Чурила въ тонко льня́но полотно,
Сапожки на ножки краснаго сафьяна,
Краснаго сафьяна турецкаго,
Турецкаго шитья нѣмецкаго,
Подъ пяты пяты воробей пролетѣлъ,
Около носочковъ яичко катилъ.
На головушку шапочку пятьсотъ-то рублей,
А й пушисту, пушисту, завѣсисту,
Чтобы спереди не видно лица бѣлаго,
Чтобы сзади не видно желтыхъ-то кудрей.
Онъ беретъ-то коня́ да ко́ня шахманка,
Во двѣнадцать сѣдёлышекъ, засѣдлываетъ,

Во двѣнадцать онъ подпружковъ подтягиваё.
Подпружки были шелковыи,
А й супруженки золочеиыи,
А й не ради красы, всё ради крѣпости.
А й шелкъ-то не рвется, булатъ тотъ не трется,
Красно золото не ржа́вѣётъ.
Вид'ли-то Чурилушку сядучись,
А й не вид'ли удалаго поѣдучись.
Во цистомъ-то поли да одна пыль стоитъ.
Увидала Катерина Викулична,
Она во́ поясъ бросалась во косивчато окно,
Она скоро-то шла да по новы́имъ сѣнямъ,
А еще того скорѣе ко широкимъ воротáмъ.
Отпирала широкія воро́тика,
Запущала Чурилушку Плёнковича,
А й ставила коня до во кони́ну стойлу,
Во конину́ю стойлу лошадину́ю,
А й насыпала пшоны да бѣлояровой,
Отошла отъ коня да поклонилась.
«Ужъ ѣшь ты конь да неци́стой духъ!
«Не для те́бя покланяюсь, для хозяина,
«Для хозяина да для Чурилушки,
«Для Чурилушки да для Пленковича».
Брала Чурилу за бѣлы́и руки,
За бѣлыи руки все злачены́и перстни,
Цѣловала во уста да во сахарніи,
Проводила Чурилу во свѣтлы свѣтлици.
«Сядемъ-ко Чурилушка во ша̀шечки играть».
Оны разъ-то играли — проигрывали
Оны дру́гой-то играли — выигрывали.
«Бросимъ-ка Чурила ша̀шечну игру́,
«Ляжемъ-ко Чурила на тисо́вую кровать,
«На тисовую кроватку, призабавимся».
Увидала тутъ дѣвчоночка чёрная,

Чёрная дѣвчоночка челя́динка.
— Еще что же Катерина Викулична,
— У тя гость въ гостяхъ да быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой. —
Испроговоритъ Чурилушка Пленковичъ:
«Чорна дѣвчоночка челядинка!
«Вотъ тѣ дѣвчоночка шапочка,
«Шапочка да пятьсотъ рублей,
«Ушиста, пушиста, завѣиста,
«Чтобы спереди не видно лица чёрнаго,
«Чтобы сзади не видно вши́ваго пучка.
«Еще вотъ тѣ дѣвчонка полтинка серебра,
«Полтинка серебра да на румянишка,
«Еще вотъ тебѣ дру́га на бѣлилушка».
Испроговоритъ Катерина Викулична:
— Еще а й же ты Чурилушка Плёнковичъ!
— Еще шапочку-то эту са́мъ сдержи,
— А й полтинки серебра мнѣ́-ка-ва отдай. —
А й дѣвчоночку пало не по́ ндраву,
Она скоро-то да по чисто́му полю,
А еще того скорѣе во Божью́ю церкву́,
Не крестя, ни моля да лица чёрнаго.
Испроговоритъ Пермянъ да сынъ Васи́льёвичъ:
«Еще что же ты дѣвчоночка чорная,
«Чорная дѣвчоночка челядинка,
«Не крестя, ни моля да ли́ца чорнаго».
— Ты повыслушай Пермянъ да сынъ Васильевичъ:
— У тя гость въ гостяхъ, да быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто му́жъ съ женой. —
Онъ скоро-то шолъ да по чисто́му полю,
А еще того скорѣе ко широ́кимъ воротамъ.
Увидала Катерина Викулична.
«Еще охъ-ти мнѣ да пере-о́хъ-ти мнѣ,
«Куды-то я кладу да Чурилушку,

«А й Чурилушку да Плёнковича».
Еще брала тутъ она да золоты́и ключи,
Отмыкала она тутъ кованы́и ларцы́,
Полагала Чурилушку Плёнковича̀.
Она скоро-то шла да по новы́имъ сѣня̀мъ,
А еще того скорѣе ко широ́кимъ воротàмъ,
Отпирала широкія воро́тика,
Запускала Пермяна Васи́льёвича.
— Еще что же Катерина Викулична,
— А въ однихъ ты чулочкахъ бе́зъ чоботко̀въ?
— У тя гость въ гостяхъ, дя быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой. —
«Ты повыслушай Пермянъ да сынъ Васильёвичъ
«Еще бы́ла калика перехожая.
«Накорми́ла, напои́ла, на пери́нки отдохну̀лъ».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ сынъ Васильевичъ.
Онъ скоро-то шелъ да по чисто́му полю̀,
А еще того скорѣе во Божью́ церкву,
Самъ говоритъ таково́е слово̀:
— Чорна дѣвчоночка челядинка!
— Завела говорить, такъ ты доказывай. —
«Ты повыслушай Пермянъ да сынъ Васильевичъ
«Ты поди-тко во свою да во кони́ну стойлу,
«Во конинную стойлу лошадиную,
«Тамъ стоитъ вѣдь Чурилино конишечко».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шелъ да по чистому полю,
А еще того скорѣе во конинную стойлу,
Во конинную стойлу лошадиную,
Тамъ стоитъ-то Чурилино конишечко,
Онъ замахъ-то держалъ да на конишечка,
У конишечка головушка скатиласи.
Еще самъ говоритъ да таковое слово:
— Еще что же Катерина Викулична!

— А й откуль у тебя да конишечко,
— А й конишечко да Чурилино? —
«Ты повыслушай, Пермянъ да сынъ Васильевичъ!
«Какъ крестовыя братьици съѣзжалися,
«Они добрыма ко́ньми помѣнялися».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шолъ по чисто́му полю̀,
А еще того скорѣе во Божью церкву,
Самъ говоритъ таковое слово:
— Еще чорна дѣвчоночка челядинна
— Завела говорить, такъ ты доказывай. —
«Ты повыслушай, Пермянъ да сынъ Васильевичъ!
«Ты поди-тко во свои да свѣтлы свѣтлици».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шолъ по чисто́му полю,
А еще того скорѣе въ свѣтлы свѣтлици,
А й бралъ-то свои да злачены́п ключи,
Отмыкалъ-то свои да кованы́и ларци,
Откуль выскочилъ Чурилушка Плёнковичъ.
Онъ замахъ-то держалъ да на Чурилушку,
У Чурилушки головушка скатиласи.
Говоритъ Катерина Викулична:
— Куды пала Чурилина головушка,
— Тутъ скатись-ко моя буйна головушка. —
Онъ замахъ-то держалъ да на Викуличну,
У Викуличны головушка скатиласи.
Какъ не бѣлыя лебеди слеталися,
Двѣ головушки вмѣсто скатилоси.
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шелъ да по чисто́му полю,
А еще того скорѣе во Божью́ церкву,
Еще самъ говоритъ да таковое слово:
«Чорна дѣвчоночка челядинна!
«Знала бы ты да коровъ кормить,

«Коровъ кормить, да телятъ поить,
«А не знала бы ты мужнихъ жонъ доказывати».
Онъ замахъ-то держалъ да на дѣвчоночка,
У дѣвчоночки головушка скатилася.
Онъ тупымъ-то концомъ да о сыру́ю землю́,
А й онъ вострымъ концомъ да въ свою бѣ́лую гру́дь.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

XXXIV.

ЛИСИЦА.

Елена Алексѣева, по прозванію **Лисица**, съ Зубовой близъ Выгозера, бѣдная вдова, изъ раскольницъ, лѣтъ подъ 60. Извѣстна въ околоткѣ знаніемъ свадебныхъ пѣсенъ, причитаній, заговоровъ и т. под., и этимъ получаетъ пропитаніе. Былинъ знаетъ немного, но эти поетъ весьма складно, но старческимъ, дребезжащимъ голосомъ.

190.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
Ѣздилъ старъ по чисту полю,
Онъ рѣки озёра чере́зъ скакалъ,
Онъ сине морюшко на око́лъ бѣжалъ.
Пріѣзжалъ старъ ко чисту полю, къ сѣру камешку,
На камешкѣ подпи́сь подписана:
Въ одну́ дорожку ѣха́ть убиту быть,
А въ другу́ ѣха́ть богату быть,
Въ тре́тью ѣхать жѐнату быть.
А стоитъ старъ удивляется,
Головой кача́, выговаривать:

«На что мнѣ-ка стару убиту быть,
«На бою стару не написана.
«А на что мнѣ-ка стару жонату быть,
«Мнѣ-ка старая взять на печи держать,
«А й моло́дая взять да чужа корысть.
«А на что мнѣ-ка стару богату быть,
«Еще нѣтъ у меня любимо́й семьи,
«Любимой семьи молодой жены,
«Молодой жены малыхъ дѣточекъ,
«Малыхъ дѣточекъ красныхъ дѣвушокъ.
«Не кому тощить золотой казны,
«Не кому держать платья цвѣтного.
«А поѣду въ ту дорожку гдѣ убиту быть».
Попроѣдучись Индѣи богатыей,
А и не доѣдучись Корелы проклятыи,
А стоитъ соро́къ воровъ соро́къ разбойниковъ,
Стоитъ соро́къ тѣхъ же дураковъ-подорожниковъ.
— Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
— Со конемъ, животомъ его ро́злучимъ. —
Говори старъ таково слово:
«Убить-то вамъ стараго некого,
«И взять-то со стараго нечего.
«Золотой казны не случилоси,
«И только съ собой прилучилоси
«Одинъ соло́мъ на главы сорокъ тысячей,
«На ножкахъ сапожки семи шелковъ,
«Во рукахъ во ногахъ по камешку,
«По цвѣтному лазуреву по латырю,
«А чуденъ-то крестъ да семьсотъ рублей».
Говоря́ воры разбойники:
— Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
— Со конемъ, животомъ его розлучимъ. —
Говори старъ таково слово:
«Убить-то вамъ стараго некого,

«И взять-то со стараго нечего.
«Золотой казны не случилоси,
«Только прилучился добрый конь,
«И доброму коню у меня цѣны нѣтъ,
«И потому ему цѣны нѣтъ:
«Заплечены дро́ги (sic) камешки во гривушку во конину́ю,
«Положенъ во хвостикъ самоцвѣтный камешокъ
«Не ради красы басы молодецкіи,
«Ради темныи ночи осенніи.
«Гдѣ ходитъ гуляё добрый конь во чистомъ поли,
«Вижу за тридцать верстъ мѣрныихъ».
Садился старъ на добра коня,
Сталъ коничкомъ порыскивать,
Куды махнётъ — улкамы,
Куды перемахнетъ — переулкамы.
Смолились воры разбойники:
— Старой казакъ Илья Муромецъ!
— Оставь-ко ты хоть насъ на сѣмена. —
Старо́й казакъ Илья Муромецъ
Прирубилъ силу́ татарскую,
Прирубилъ силу́ поганую.
Пріѣзжалъ къ тому сѣру камешку,
Старую подпись выхѣривалъ,
Новую подпись написывалъ:
Та дорожка очищена,
Стары́мъ каза́комъ Ильей Муромцемъ
Очищена, оглажена.
Поѣхалъ въ ту дорожку гдѣ женату быть.
Пріѣхалъ къ палаты бѣлокаменной,
Привязывалъ ко́ня добраго
Ко тому столбу ко точёному,
Ко колечику вязалъ золочёному
Старо́й казакъ Илья Муромецъ,
И шёлъ въ полату бѣлокаменну,

И не держали замочки щурупчаты,
Отворялъ вси двери ворота великіи.
Нашелъ красну дѣвицу въ своемъ теремѣ,
И просилъ ключовъ великіихъ
Отомнуть всѣ погребы глубокіи.
И жалко красной дѣвицы
Подать ключовъ великіихъ,
Не стала красна дѣвица
Подавать ключовъ великіихъ.
Старóй казакъ Илья Муромецъ
Не спрашивалъ тыхъ ключовъ великіихъ,
Онъ тóлнулъ красну дѣвицу во бѣлу грудь,
Просѣла она въ тыи погребы глубокіи,
И роскочились дверп великіи.
Выпускалъ сорóкъ купцей, сорокъ купечичей,
Сорóкъ простыхъ молодцевъ со тыхъ погребовъ глубокіихъ.

Пріѣзжалъ старóй казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Тую подпись выхѣривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
Вси эты дорожки очищены,
Очищены дорожки, оглажены
Стары́мь казакомъ Ильей Муромцемъ.
А не поѣду въ ту дорожку гдѣ богату быть,
Есть у меня золотой казны несчётныя,
Есть у меня казны собины несмѣтныя.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

191.

ДУНАЙ.

Дунай Дунаюшко сынъ Ивановичъ,
Гулялъ Дунаюшко по чисту полю,
Стрѣлялъ Дунаюшко сѣрыхъ утушекъ,
Убилъ Дунаюшко го́ловъ безповинныихъ.
Кого за́ руку щипнулъ, то рука́ прочь,
Кого за ногу щипнулъ, то нога прочь.
Сдѣлалась надъ Дунаюшкомъ незгодушка великая,
Сдѣлалась надъ царемъ незгодушка великая,
Улетѣла люта̀ змѣя пещорская,
Любимую его племничку,
Отъ креста его хрестничку.
И прозналъ царь про Дуная Дунаюшка,
Дуная сына Ивановича,
На̀бъ ѣхать за любимою племничкой,
Отъ креста ёго хрестничкой,
Вывести отъ змѣи пещорскіи.
А й сидитъ Дунаюшко кручинится,
Буйная головушка повѣшена.
Очи ясныя потупя́ держитъ.
Говорила Дунаюшку ро́дна матушка,
Родна матушка, чёстна вдовушка:
«Ты Дунай Дунаюшко,
«Дунай сынъ Ивановичъ!
«Поди Дунаюшко на конюшій дворъ,
«Остался отъ батюшка добрый конь».
Шелъ Дунаюшко на конюшій дворъ,
Отворилъ конюшій дворъ.
— Ужъ ты добрый конь, вѣрна́ слуга!
— На̀бъ съѣздить ко люто́й змѣи,
— Ко люто́й змѣи ко пещорскіи,
— За любимой племничкой, царской хрестничкой. —

Глаголетъ конь языкомъ человѣческимъ:
«Семнадцать лѣтъ послѣ батюшка не кармливалъ,
«Послѣ батюшка семнадцать лѣтъ не паивалъ».
Да тутъ Дунаюшко сынъ Ивановичъ
Палъ коню въ копытце правое.
— Ужъ ты добрый конь, вѣрна́ слуга!
— Свози къ змѣи пещорскіи. —
И паливалъ пшеницы бѣлояровой
Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ,
И кормилъ коня до сыта
Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ.
Принесла матушка сѣделышко черкальское,
Принесла матушка узду золоченую,
Принесла матушка плетку шелкову,
Плетку шелкову сорока пудовъ.
И садился Дунай на добра коня,
Вид'ли добра молодца сѣдучись,
Не вид'ли поѣдучись.
Въ чистомъ поли курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
Пріѣзжалъ къ змѣи пещорскіи,
Глаголетъ красна дѣвица Дунаюшку:
«Дунай Дунаюшко Дунай сынъ Ивановичъ!
«А пусть змѣя лютая
«Нажрется груди бѣлою,
«Груди бѣлою дѣвочьею».
Наждралась змѣя пещорская
Груди бѣлыя, груди дѣвочьею,
И повалилась змѣя пещорская,
Заспула сны крѣпкіи.
И увезъ Дунаюшко любимую племничку
Отъ змѣи пещорскіи,
И привезъ царю въ полату бѣлокаменну,
И садилъ ю на золотъ столъ.

Сталъ царь выспрашивать
И сталъ вывѣдывать:
— Ты красна дѣвица любима моя племничка,
— Отъ креста моя хрестничка!
— Везъ тебя Дунаюшко, не при́стыдилъ ли,
— Везъ тебя Дунаюшко, не при́страмилъ ли? —
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Своему хрёстну батюшку,
Царю великому:
«Везъ меня — не при́стыдилъ,
«Везъ меня — не при́страмилъ».
Говоритъ царь великіи:
— Ты Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ!
— Городамы ль берешь съ пригородками,
— Али селами берешь съ присе́лками,
— Аль золотой казной несчётною,
— Иль силой берешь несмѣтною? —
Говоритъ Дунаюшко Ивановичъ:
— Не на̀бъ золотой казны несчетною,
— Не на̀бъ мнѣ силы несмѣтною,
— Не на̀бъ мнѣ-ка-ва городовъ съ пригородкамъ,
— Осталось отъ батюшка родителя
— Золотой казны несчетною,
— Остались бочечки сороковочки,
— И вѣснутъ на цѣпочкахъ серебряныхъ.
— Ты царь великіи,
— Дай-ка красну дѣвицу за меня́ замужъ. —
И сложился царь, отдалъ любимую племничку
За Дуная сына Ивановича,
За его вѣрну услугушку,
Съ весельемъ и радостью.

Записано тамъ же, 15 іюля.

192.

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЪ.

Заводилъ государь да почестенъ пиръ
На многіи на князи на бояра,
На сильни могучи богáтыри,
На вси поляници удалыи.
И вси во пиру пьяны веселы,
И вси во честномъ припросхвастались.
Да иной-то похваста золотой казной,
А иной-то похваста своей у́датью.
А й за тымъ столомъ бѣлодубовымъ,
За той скамеечкой каленовою,
Сидитъ старыи Данилушко Игнатьевичъ.
Онъ не ѣстъ-то не пьетъ самъ не кушаё,
А ничего самъ въ пиру не хвастае.
Говоритъ царь таково слово:
«Престарѣвшіи Данилушко Игнатьевичъ!
«Ты чего сидишь въ пиру кручинишьсе,
«Ты чего сидишь въ пиру печалишься?
«Али мѣсто въ пиру не по отчинѣ,
«Али чарой въ пиру тебя пріóбнесли,
«Али пьяница надъ тобою усмѣхнуласи».
Говоритъ Данилушка Игнатьевичъ!
— Бласлови, осударь, слово павымолвить,
— Не сруби, осударь, буйной головы,
— Не вынь сердцá со печенью.
— Бласлови Данилу въ монастырь итти,
— Какъ постричься во старци во чорныи,
— Поскомидиться въ книги спасеныя,
— При старости Данилы бы душа спасти. —
И гóворитъ царь таково слово:
«Престарѣвшіи Данилушко Игнатьевичъ!
«Бласловилъ бы я тебя въ монастырь пойти.

«Какъ познаютъ орды невѣрныи,
«Провѣдаютъ цари нещасливыи,
«Такъ Кіевъ градъ щепой возьмутъ,
«Да церкви Божьи на дымъ спустятъ,
«Меня осударя въ полонъ возьмутъ».
— Есть у меня чадо и въ девять лѣтъ.
— Когда будетъ чадо въ двѣнадцать лѣтъ
— И будетъ стоять по городи по Кіеви,
— И по тебѣ Владиміръ стольне-кіевской. —
Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Бласловилъ Данилу въ монастырь пойти
Какъ постричься во старци во чорныи,
Поскомидиться во книги спасеныя,
При старости Данилы бы душа спасти.
И познаютъ орды невѣрныи,
Провѣдаютъ цари нещасливыи.
Да заводилъ осударь почестенъ пиръ,
На многіи на князи на бояра,
На сильни могучи богатыри,
На вси поляницы удалыи,
И вси во пиру пьяны веселы,
Вси во честномъ приросхвастались.
Да иной похваста золотой казной,
Да иной-то хвастаетъ своей у́датью,
А иной-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
И самъ осударь-та не ѣстъ, не пьё,
Самъ въ пиру ничимъ не тѣшитси,
Ничимъ въ пиру онъ не хвастаё.
Говоритъ царь таково слово:
«Ой вы князи вси бояра,
«Вси сильни могучіи богатыри,
«Вси поляници удалыи!
«Выбирайте-тко мнѣ поединщика

«Ѣхать во далечо́ чисто полё,
«Намъ сила считать, полки высмѣкать,
«Вывести передъ смѣтой на зо́лотъ столъ».
Изъ-за тыхъ столовъ бѣлодубовыхъ,
Изъ-за той скамеечки кленовыя,
Выставае мо́лодой Иванушко Данильевичъ.
Онъ князьямъ-то бьё о лѣву́ руку,
Самому осударю о праву́ руку.
— Ѣду во далечо въ чисто́ поле,
— Всю силу считаю, полки высмѣкаю,
— Приведу передъ смѣтой на зо́лотъ столъ. —
Говоритъ царь таково слово:
«Нѣтъ ли поматерѣе ѣхать добра молодца?»
И говорятъ вси князи, вси бояра,
Вси сильни могучи богатыри,
Вси поляницы удалыи:
— Видѣть добра молодца по походочкамъ,
— Видѣть добра молодца по поступочкамъ. —
Наливалъ осударь чару зелена вина,
Вѣсомъ та чара полтора пуда,
Мѣрой та чара полтора ведра.
Принималъ Иванушко едино́й рукой,
Выпивалъ Иванушко на еди́ный духъ.
Вид'ли добра молодца сядучись,
Не вид'ли добра молодца поѣдучись.
А во чистомъ поли курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
На встрѣту бѣжитъ родной батюшко,
Онъ голосомъ кричитъ, шля́пой маше:
«Мо́лодой Иванушко Данильевичъ!
«Ты не ѣдь-ко въ цѣлый гужъ,
«Ты ѣдь-ко въ полъ-гужа,
«Ты силу руби съ одного плеча».
Молодый Иванушко Данильевичъ

Онъ во день ѣздúлъ по красну по солнышку,
Онъ въ ночь ѣздúлъ по лунну по мѣсяцу,
И налилъ коню пшеницы бѣлояровой,
И самъ молодецъ спать-то лёгъ.
Проснулся добрый молодецъ, стоитъ конь добрыи,
Не ѣстъ травы шелкóвыи,
Не зоблетъ пшеницы бѣлояровой.
Онъ бьё коня по тучнымъ ребрамъ:
— Волчья ѣда, травяной мѣшокъ!
— И что же ты не зоблешь пшеницы бѣлояровой,
— Не ѣшь травы шелкóвыи? —
Жерствуе[1]) конь язы́комъ человѣчьимъ:
«Надъ тобой знаю незгодушку великую,
«Надъ собою знаю незгодушку великую,
«Копали татара поганыи,
«Копали три погреба глубокiихъ
«И клали рогатинки звѣриныя.
«И первой тотъ погребъ перéскочу,
«И другóй тотъ погребъ перéскочу,
«Третьяго погреба не могу скочить,
«Упаду во погребы глубокiи,
«Во ты рогатинки звѣриныи.
«Обневолятъ тéбя добра молодца
«Во ты во пу́тинки шелковыи,
«Во ты желѣза во нѣмецкiи».
Онъ бьё коня по тучнымъ ребрамъ:
— Волчья ѣда, травяной мѣшокъ!
— Ты не знашь незгодушки, не вѣдаешь. —
И садился Иванушко на добра коня,
Въ чистомъ поли ’ще куревá стоитъ,
Куревá стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
Пріѣзжалъ къ татаровамъ поганымъ.

---

1) Такъ нѣсколько разъ.

Онъ первой тотъ погрёбъ перéскочилъ,
Онъ дрýгой тотъ погрёбъ перескочилъ,
Говоритъ конь доброй языкомъ человѣчьимъ,
Говоритъ мóлоду Иванушку Данильевичу:
«Мóлодой Иванушко Данильевичъ!
«Дай-ко ты-ка мнѣ здохъ здохнуть.
«Перескочу погребъ и третьи».
Богатырское сердце разретивилось,
Онъ бьё коня по тучнымъ ребрамъ,
Упалъ конь во погребы глубокіи,
Во ты рогатинки звѣриныи.
Обневолили добра молодца,
Связали ручки бѣлыи
Во тыи путинки шелковыи,
Во ты желѣза нѣмецкіи.
Росплакался добрый молодецъ.
Богородица Иванушку гласъ гласитъ:
— Молодóй Иванушко Данильевичъ!
— Здынь-ко правую ручку выше гóловы,
— Лѣвую ручку ниже пояса,
— И розлопаютъ путинки шелковыи,
— И рострескаютъ желѣза нѣмецкіи. —
Молодóй Иванушко Данильевичъ
Прáвую ручку выше гóловы,
Лѣвую ручку ниже пояса.
Розлопали путинки шелковыи,
Рострескали желѣза нѣмецкіи,
Онъ хватилъ татарина кой больше всихъ,
Онъ сталъ татариномъ помахивать,
Куды махнётъ — туды улкамы,
Куды перемахнётъ — переулкамы.
И добро оружьё татарское,
Гнется татаринъ не ломится,
На жиловы татаринъ подавается,

Во вси стороны татаринъ поклоняется.
Куды махнётъ — туды улкамы,
Куды перемахнетъ — переулкамы.
И та дорожка очищена
Молодымъ Иваномъ Данильевичемъ.

Записано тамъ же, 15 іюля.

193.

КОСТРЮКЪ.

Ѣдетъ царица Крымская,
Ѣде Упаво татарскіи,
Поляница удалая,
Съ молодымъ со Ко́стрюкомъ.
Кострюкъ Кострю́ковичъ,
Демьянъ Демьяновичъ,
Молодой ѣдетъ черкаленецъ,
Иде царю въ нову горенку,
Идё Богу не молится,
Говоритъ не съ упадками:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Чтобъ были́ столы розставлены,
«Терема были́ роспростра́нены,
«Кушанья были́ налажены,
«И питья наголовлены».
Ѣде царица Крымская,
Упавъ ѣдётъ татарскіи,
Поляница ѣдё удалая,
Со молодымъ со Кострюкомъ.
И ѣде Кострюкъ Кострю́ковичъ,
И ѣде Демьянъ Демьяновичъ,
И ѣде молодой черкаленецъ,

Иде во нову горенку.
Во полату бѣлокаменну.
Идетъ онъ Богу не молится,
Говоритъ не съ упадкою:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть ли у васъ въ Москвы борци,
«Удалы добры молодци,
«Съ Кострюкомъ поборотиси,
«Его силы отвѣдати
«Плеча богатырскаго?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ужъ ты Ѳедька дьякъ на ноженку легошенекъ,
— На походочку скорёшенёкъ.
— Бѣ́жи Ѳедька дьякъ ко той церквы ко Божьей,
— Крыкни Ѳедька дьякъ во всю́ орду,
— Чтобы слышали во всю землю. —
Ѳедька дьякъ на ноженку легошенекъ,
На походочку крутёшенёкъ,
Бѣжалъ къ церквы соборныи,
Ко Михайлы Архангелу,
Ко кресту Леванидову,
Крикнулъ во всю орду,
Услышали во всю землю,
Заслышали за сорокъ верстъ мѣрныихъ.
Съ-подъ Пятничкой пятны,
Съ-подъ Волоцкой стороны
Бѣжитъ два братца родимыихъ:
Михалка бѣжитъ нарывается,
Иванка бѣжитъ похваляется.
Пришелъ борецъ на широкъ дворъ.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Хлѣбъ тебѣ на́ столи,
— И Богъ стоитъ на́ стѣны,
— И борецъ стоитъ на́ двори. —

Побѣжалъ молодо́й борецъ черкаленецъ на ши́рокъ дворъ,
Задѣлъ ногой за́ скамью,
Убилъ соро́къ боя́ровей,
Убилъ сорокъ тата́реней,
Достальни́ лежатъ окарачками.
Дай Богъ на дворъ живу сойти,
Со двора живу не́ притти.
Пришелъ молодо́й борецъ черкаленецъ на ши́рокъ дворъ,
Ѳедька поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты ку́дерки не шарашатся.
Онъ и дру́гой разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не шарашатся.
Онъ и третій разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не сворохнутся.
Говоритъ Ѳедька дьякъ таково слово:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Смѣть ли борца побороть,
«Смѣть ли молодо́го ломать,
«Смѣть ли рука нога́ ломить,
«Смѣть ли глазъ повы́воротить?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Кабы тебѣ Господи по́собилъ. —
Здынулъ Ѳедька дьякъ повыше церкви соборныи,
Пониже креста Леванидова.
Спустилъ о кирпичный подъ,
Рубашка та лопнула
Отъ бѣлой шеи до́ груди.
А тутъ Кострюку славы́ поютъ,
Славы́ поютъ старину скажутъ.
Тутъ царица попурхивала,
На что борца поборолъ,
На что молодого ломалъ,
На что руку ногу ломилъ,
На что глазъ вонъ воротилъ.

Царица не попурхивай,
Крымска не помахивай,
Не выѣхать съ нашего граду.
И царицы славы поютъ,
Славы поютъ старину поютъ.
И только была въ граду царица крымская,
Царица крымская съ честною славою
Не выѣхала зъ граду, въ полонъ взяли.

Записано тамъ же, 15 іюля.

XXXV.

ЕЛИСѢЕВЪ.

Иванъ Елисѣевъ, старикъ раскольникъ, подъ 80 лѣтъ, съ Выгозера, земледѣлецъ, занимался и рыболовствомъ. Сохранилъ въ памяти только одну былину, здѣсь помѣщаемую.

194.

ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ.

Молодой Добрыня Микитинецъ
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же вы братцы крестовые:
«Ты молодой Олеша Поповинецъ,
«Во другихъ Исáкушко Петровинецъ!
«А сходите на конюшню великую,
«Берите коня что ни лучшаго,
«Сѣдлайте во сѣделышка черкацкіи,
«Выводите коня на улушку широкую,
«Чтобы съѣздить Добрынюшкѣ ко городу ко Кіеву,

«И ко ла́скову князю Владиміру на широкій дворъ,
«Посвататься бы на душечкѣ Настасьѣ Митріёвичной,
«Да Митріёвичной Настасьюшкѣ Петровичной.
И всимъ была Настасья добрымъ добра,
И тѣломъ Настасья быдто снѣгъ бѣла,
Походочка у ёй была павлиная,
Поговорка у Настасьи лебединая.
Сходили братцы крестовы на конюшню великую,
Брали коня что ни лучшаго,
Приводили коня ко крылечушку точеному,
Ко тому столбу золоченому.
Выходитъ Добрыня на новы́ сѣни́,
Изъ новыхъ сѣней на круто крыльцо,
На круто крылечко на перѝнчато,
И самъ говоритъ таково слово:
«Ай же вы народъ, людюшки добрые!
«Пороздвиньтесь, поростропьтесь, на три на четыре стороны,
«Дайте Добрынѣ порозъѣхаться».
Только видѣли Добрынюшку сѣдучись,
Не видѣли Добрыню поѣдучись.
Курева стоитъ, столбомъ паръ валитъ.
Куда падали копыта лошадиныи,
Ставятся колодцы ключевой воды,
Рѣки озера Добрыня межъ ногамъ спущалъ.
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру на широкій дворъ,
Привязыватъ коня ко столбику точеному,
Ко тому столбу золоченому,
Самъ заходитъ Добрыня во горницу великую.
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на четыре стороны поклоняется,
Ласковому князю въ особину.
Выходитъ князь со горницы великоей,

И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же вы гостюшки заѣзжіе,
— Заѣзжіе гости захожіе!
— Вы чего пришли, чего заѣхали? —
«Мы пришли, зашли посвататься,
«На душечкѣ Настасьѣ Митріевичной,
«Митріёвичной Настасьюшкѣ Петровичной».
Честны́мъ пиркомъ да и свадебку.
Бралъ Добрыня за бѣлы руки,
Бралъ за злачены перстни,
Отвозилъ Добрыня во чисто поле.
И много-ль мало времечки ѣхали,
Какъ встрѣтились два слѣдочика.
И первой слѣдъ бѣла́ звѣря,
Другой слѣдъ кунушки прорыскиватъ.
Пошли братци крестовые за полѣсьицемъ [1]).
Молодой Добрыня Микитинецъ
Раскинулъ бѣлъ шатеръ, зашелъ съ Настасьей забавлятися.

И много-ль мало времечки миновалоси,
Наѣзжалъ Гришка-Растрижка нечи́стой духъ,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья Митріевична!
— За емъ будешь Настасья Митріевична,
— Будутъ бабой звать портомойницей,
— Кабы за мной была Настасьюшка,
— Былъ бы старый малый кланялся. —
Хватила она за желты кудри,
Посадила Добрыню ко сыру дубу,
Приковала Добрыню ко сыру дубу,
Сама зачала съ нечестливымъ забавлятися.
И много-ль мало времечки миновалося,

1) Т. е. за этою дичью.

Налетало три голуба,
Три малыхъ сизыхъ голубушка.
Какъ кричатъ зычатъ звонкимъ голосомъ:
«Зачто е та головушка посажена,
«Посажена головушка прикована?
«Ради дѣвки ль дуры, бляди сводницы,
«Ради сводницы ль душегубницы?
«У бабы у дуры волосъ дологъ, умъ коротокъ,
«Куды вѣтеръ повѣетъ, туды й умъ понесетъ».
И видитъ Настасья Митріевична,
Что бѣда пришла неминучая.
Отъ бережка Настасья откачнулася,
Ко дрýгому Настасья не прикачнулася.
Хватаетъ она палицу булатнюю во сорокъ пудъ,
Сама говоритъ таково слово:
— Ай же ты Добрыня Микитинецъ!
— Не станешь ли Добрыня бить мучити.
— Буде Добрыня станешь бить мучити,
— Ударю палицей булатнеёй во сорокъ пудъ. —
И его же богатырско сердце розгорѣлося.
Сходился Добрынюшка у сыра дýба,
Вѣдь сырой дубъ ко матушкѣ сырой землѣ приклоняется,
И матушка сыра земля подрогнула,
Вси Божьи церкви пошаталися,
Князи бояра испужалися.
И самъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты Настасья Митріевична!
«Не стану я тебя Настасьюшка бить мучити,
«Только дамъ я тебѣ три наукушки великіихъ.
«Отсѣку ей губы съ носомъ прочь:
«Этихъ мнѣ мѣстищевъ не надобно,
«Этима мѣстищамы съ нечестливымъ цѣловаласи.
«Отсѣку ей руки по локоткамъ прочь:
«Этихъ мнѣ рукъ не надобно,

«Этима рукамы съ нечестливымъ обнималаси.
«Отсѣку ей ноги по колѣнамъ прочь:
«Этихъ мнѣ ногъ не надобно,
«Этима ногамы съ нечестливымъ оплеталаси».
И столько Добрынюшка женатъ бывалъ,
Только Добрыня съ женой сыпалъ.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

ПЕРЕПЛЕТЧИКЪ
Н. ТРУХАЧЕВЪ
Кирочная 37.
преобр. п. подъ
13 рот.